СОЮЗ КРИМИНАЛИСТОВ И КРИМИНОЛОГОВ

№ 3 • 2025

ISSN: 2310-8681
Издается с 2013 г.

Учредители:
издательство «Проспект», Антонян Е. А., Бодров Н. Ф., Зайцев О. А., Редникова Т. В.

Издатель:
Издательство «Проспект»

Главный редактор:
Жилкин Максим Геннадьевич, доктор юридических наук, доцент, член Бюро Союза криминалистов и криминологов (Россия, г. Москва)

Заместители главного редактора:
Овчинский Владимир Семенович, доктор юридических наук, вице-президент Союза криминалистов и криминологов (Россия, г. Москва)
Зайцев Олег Александрович, доктор юридических наук, профессор, вице-президент Союза криминалистов и криминологов, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (Россия, г. Москва)
Звягинцев Александр Григорьевич, вице-президент Союза криминалистов и криминологов (Россия, г. Москва)

Редакционный совет:
Астанин Виктор Викторович, доктор юридических наук, профессор, вице-президент Российской криминологической ассоциации (Россия, г. Москва)
Блажеев Виктор Владимирович, кандидат юридических наук, профессор, ректор ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)», заслуженный юрист Российской Федерации, почетный профессор Союза криминалистов и криминологов (Россия, г. Москва)
Буянов Владимир Петрович, доктор экономических наук, профессор, почетный профессор Союза криминалистов и криминологов (Россия, г. Москва)
Клемешев Андрей Павлович, доктор политических наук, президент ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта», заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, почетный профессор Союза криминалистов и криминологов (Россия, г. Калининград)
Сарсенбаев Талгат Есеналиевич, доктор юридических наук, профессор, почетный профессор Союза криминалистов и криминологов (Республика Казахстан, г. Астана)

Редакционная коллегия:
Аветисян Сержик Сергеевич, доктор юридических наук, профессор, профессор Российско-Армянского (Славянского) университета, председатель Палаты по уголовным и военным делам Кассационного суда Республики Армения, председатель представительства Союза криминалистов и криминологов в Республике Армения (Республика Армения, г. Ереван)
Антонян Елена Александровна, доктор юридических наук, заведующая кафедрой криминологии и уголовно-исполнительного права ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)» (Россия, г. Москва)
Баранов Владимир Михайлович, доктор юридических наук, профессор ФГКОУ ВО «Нижегородская академия МВД России», заслуженный деятель науки Российской Федерации (Россия, г. Нижний Новгород)
Барков Алексей Владимирович, доктор юридических наук, профессор, профессор департамента правового регулирования экономической деятельности ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» (Россия, г. Москва)
Бодров Николай Филиппович, кандидат юридических наук, доцент кафедры судебной экспертизы ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)» (Россия, г. Москва)
Велиев Исахан Вейсал-оглы, доктор юридических наук, профессор, председатель представительства Союза криминалистов и криминологов в Азербайджане (Азербайджанская Республика, г. Баку)
Горбань Владимир Сергеевич, доктор юридических наук, заведующий сектором философии права, истории и теории государства и права, руководитель междисциплинарного центра философско-правовых исследований ФГБУН «Институт государства и права Российской академии наук» (ИГП РАН) (Россия, г. Москва)
Гришко Александр Яковлевич, доктор юридических наук, профессор, председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Центральному федеральному округу (Россия, г. Рязань)
Жалаири Омрали Шакарапулы, доктор юридических наук, профессор, ректор Евразийской юридической академии имени Д. А. Кунаева, академик высшей школы Казахстана, заслуженный деятель Казахстана, председатель представительства Союза криминалистов и криминологов в Республике Казахстан (Республика Казахстан, г. Алматы)
Ильяшенко Алексей Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Южному федеральному округу (Россия, г. Краснодар)
Кадников Николай Григорьевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права ФГКОУ ВО «Московский университет МВД имени В. Я. Кикотя» (Россия, г. Москва)
Казак Бронислав Брониславович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой организации правоохранительной и правозащитной деятельности ФГБОУ ВО «Псковский государственный университет», председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Северо-Западному федеральному округу (Россия, г. Псков)
Лукьянов Владимир Викторович, кандидат юридических наук, доцент, советник ректора ФГБОУ ВПО «Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена», председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Санкт-Петербургу (Россия, г. Санкт-Петербург)
Лукьянов Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя (Россия, г. Москва)
Маркарьян Рубен Валерьевич, кандидат юридических наук, профессор НОУ ВПО «Российская академия адвокатуры и нотариата», председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Москве (Россия, г. Москва)
Мельников Николай Николаевич, доктор юридических наук, заведующий кафедрой гражданского права и процесса Юридического института ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева» (Россия, г. Орел)
Милич Иван Душанович, доктор юридических наук, ассистент кафедры уголовного права Юридического факультета государственного Университета в городе Нови-Сад (Республика Сербия)
Михайлова Екатерина Владимировна, доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник Института государства и права РАН (Россия, г. Москва)
Номоконов Виталий Анатольевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии ФГАОУ ВПО «Дальневосточный федеральный университет» (Россия, г. Владивосток)
Петрянин Алексей Владимирович, доктор юридических наук, доцент, руководитель Филиала Союза криминалистов и криминологов в Нижнем Новгороде (Россия, г. Нижний Новгород)
Приходько Наталья Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права ФГКОУ ВО «Московский университет МВД имени В. Я. Кикотя» (Россия, г. Москва)
Рарог Алексей Иванович, доктор юридических наук, профессор, научный руководитель кафедры уголовного права ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)», заслуженный деятель науки Российской Федерации (Россия, г. Москва)
Россинская Елена Рафаиловна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой судебной экспертизы ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)» (Россия, г. Москва)
Саламова Себила Якубовна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)» (Россия, г. Москва)
Селиверстов Вячеслав Иванович, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова», заслуженный деятель науки Российской Федерации (Россия, г. Москва)
Скуратов Юрий Ильич, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой РГУ нефти и газа (НИУ) имени И. М. Губкина, президент Фонда «Правовые технологии XXI века» (Россия, г. Москва)
Тупанчевски Никола, доктор юридических наук, профессор, руководитель магистерской программы кафедры уголовного права юридического факультета «Iustinianus Primus» Университета Святых Кирилла и Мефодия (Республика Македония, г. Скопье)
Устюкова Валентина Владимировна, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора экологического, земельного и аграрного права ФГБУН «Институт государства и права Российской академии наук» (ИГП РАН) (Россия, г. Москва)
Хелльманн Уве, dr. jur. habil., профессор Потсдамского университета, председатель Представительства Союза криминалистов и криминологов в Германии (Германия, г. Потсдам)
Хунянь Лю, доктор юридических наук, профессор, заведующий сектором экологического права Института права Китайской академии общественных наук (Китай, г. Пекин)
Шамурзаев Таалайбек Турсунович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Кыргызско-Российского Славянского университета, председатель Представительства Союза криминалистов и криминологов в Кыргызской Республике (Кыргызская Республика, г. Бишкек)
Шевелева Светлана Викторовна, доктор юридических наук, декан юридического факультета ФГБОУ ВО «Юго-западный государственный университет», руководитель Филиала Союза криминалистов и криминологов в Курске (Россия, г. Курск)
Шидловский Андрей Викторович, кандидат юридических наук, доцент, заместитель декана юридического факультета Белорусского государственного университета, председатель Представительства Союза криминалистов и криминологов в Республике Беларусь (Республика Беларусь, г. Минск)
Ширяев Юрий Егорович, доктор юридических наук, профессор, профессор РГУ нефти и газа (НИУ) имени И. М. Губкина (Россия, г. Москва)
Шишко Ирина Викторовна, доктор юридических наук, профессор, директор Юридического института ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Сибирскому федеральному округу, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (Россия, г. Красноярск)

Научный редактор:
Мыскина Ксения Михайловна — кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) (Россия, г. Москва)

Почта журнала
skk_vkk@mail.ru

Адрес: 105005, г. Москва, Лефортовский пер., д. 12/50, корп. 1.
Тел.: 8 (495) 651-62-62; e-mail: skk_vkk@mail.ru
http://crimescience.ru

Союз криминалистов и криминологов: периодическое печатное издание, журнал. — 2025. — № 3. —
М.: ООО «Издательство Проспект», 2025. — 288 с.
Публикуются работы в сфере наук криминального цикла и уголовной политики. Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации средства массовой информации ЕЛИ № ФИ77-72228 от 1 февраля 2018 г.
Подписано в печать 15.09.2025. Формат 60×90 $^{1}/_{8}$. Бумага офсетная. 36 п. л. Тираж 500 экз. Цена свободная.
Journal DOI 10.31085/2310-8681-2025-3-288
Журнал «Союз криминалистов и криминологов» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

VERBAND DER KRIMINALISTEN UND KRIMINOLOGEN

№ 3 • 2025

ISSN: 2310-8681
Wird seit 2013 veröffentlicht

Gründer:
OOO «Prospekt», Antonian E. A., Bodrov N. F., Zaitsev O. E., Rednikova T. V.

Verleger:
Prospekt

Der Chefredakteur:
Zhilkin Maxim Gennadievich, Doktor der Rechtswissenschaften, Assistenzprofessor, Büromitglied des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen, Verdienter Wissenschaftler der Russischen Foderation (Moskau, Russland)

Stellvertreter des Chefredakteurs:
Ovchinsky Vladimir Semenovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Vizepräsident des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen (Moskau, Russland)
Zaytsev Oleg Aleksandrovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Vizepräsident des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen, Verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation, Verdienter Arbeiter der Hochschulausbildung der Russischen Föderation (Moskau, Russland)
Zvyagintsev Aleksand Grigorievich, Vizepräsident des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen (Moskau, Russland)

Redaktionsbeirat:
Astanin Viktor Viktorovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Vizepräsident der Russischen Vereinigung für Kriminologie (Moskau, Russland)
Blazheev Viktor Vladimirovich, Kandidat der Rechtswissenschaften, Professor, Rektor der Moskauer Staatlichen Juristischen O. E. Kutafin Universität (Moskauer Staatliche Juristische Akademie), Verdienter Jurist der Russischen Föderation, Honorarprofessor des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen (Moskau, Russland)
Buyanov Vladimir Petrovich, Doktor der Wirtschaftswissenschaften, Professor, Honorarprofessor des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen (Moskau, Russland)
Klemeshev Andrey Pavlovich, Doktor der Politikwissenschaften, Präsident der Baltischen Föderalen Immanuel-Kant-Universität, Verdienter Arbeiter der Hochschulausbildung der Russischen Föderation, Honorarprofessor des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen (Kaliningrad, Russland)
Sarsenbaev Talgat Esinalievich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Honorarprofessor des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen (Almaty, Republik Kasachstan)

Redaktionskollegium:
Avetisian Sergik Sergeevich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor an der Russisch-Armenischen (Slawischen) Staatlichen Universität, Vorsitzender der Kammer für Kriminelle und Militärische Fälle von Armenien Kassationsgericht, Leiter der Repräsentanz des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in Armenien (Jerewan, Republik Armenien)
Antonyan Elena AIeksandrovna, Doktorin der Rechtswissenschaften, Lehrstuhlinhaber für Kriminologie und Strafvollzugsrecht an der Moskauer Staatlichen Juristischen O. E. Kutafin Universität (Moskauer Staatliche Juristische Akademie) (Moskau, Russland)
Baranov Vladimir Mikhailovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor an der Nyzhniy Novgorod Akademie des Innenministeriums der Russischen Föderation, Verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation (Nyzhniy Novgorod, Russland)
Barkov Aleksey Vladimirovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor an der Abteilung für Gesetzliche Regulierung der Wirtschaftstätigkeit der Finanzuniversität der Regierung der Russischen Föderation (Moskau, Russland)
Bodrov Nikolai Fillipovich, Kandidat der Rechtswissenschaften, Dozent am Lehrstuhl für Forensische Untersuchung der Moskauer Staatlichen Juristischen O. E. Kutafin Universität (Moskauer Staatliche Juristische Akademie) (Moskau, Russland)
Veliev Isakhan Veysale-ogly, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor an der Akademie für Öffentliche Verwaltung unter dem Präsidenten der Republik Aserbaidschan, Leiter der Repräsentanz des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in der Republik Aserbaidschan (Baku, Republik Aserbaidschan)
Gorban Vladimir Sergeevich, Doktor der Rechtswissenschaften, Leiter des Sektors für Rechtsphilosophie, Geschichte und Theorie von Staat und Recht, Leiter des interdisziplinären Zentrums für philosophisch-rechtliche Studien am Institut für Staat und Recht der Russischen Akademie der Wissenschaften (Moskau, Russland)
Grishko Aleksandr Jakovlevich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Leiter des Regionalbüros des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen im Zentral Föderalen Bezirk Russlands (Rjasan, Russland)
Jalairi Omrali Shakarapuly, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Rektor der Eurasischen Kunaev Akademie für Jurisprudenz, Akademiemitglied der Kasachischen Oberschule, Leiter der Repräsentanz des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in Kasachstan, Verdienter Arbeiter Kasachstans (Almaty, Republik Kasachstan)
Hellmann Uwe, Dr. jur. habil., Professor, Professor an der Universität Potsdam, Leiter der Repräsentanz des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in Bundesrepublik Deutschland (Potsdam, Bundesrepublik Deutschland)
Hongyan Liu, **Doktor** der Rechtswissenschaften, Professor, Leiter des Bereichs Umweltrecht des Instituts für Recht der Chinesischen Akademie der Sozialwissenschaften (Peking, Volksrepublik China)
Ilyashenko Aleksey Nikolaevich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor am Lehrstuhl für Strafrecht und Kriminologie der Staatlichen Kuban-Universität, Leiter des Regionalbüros des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen im Südlichen Föderalen Bezirk Russlands (Krasnodar, Russland)
Kadnikov Nikolai Grigorievich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor am Lehrstuhl für Strafrecht und Kriminologie der Kikot Universität Moskau des Innenministeriums der Russischen Föderation (Moskau, Russland)
Kazak Bronislav Bronislavovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Leiter der Organisation der Strafverfolgung und der Menschenrechtsaktivitäten, Vorsitzender der Pskower Staatlichen Universität, Leiter des Regionalbüros des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in der Nordwestlichen Föderalen Bezirk Russlands (Pskow, Russland)
Lukyanov Vladimir Viktorovich, Kandidat der Rechtswissenschaften, Dozent, Berater des Rektors der Staatlichen Pädagogischen A. I. Herzen Universität St. Petersburg, Leiter des Regionalbüros des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in Sankt Petersburg (Sankt Petersburg, Russland)
Lukyanov Sergey Alexandrovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor am Lehrstuhl für Staats- und Zivilrecht der Moskauer Regionalabteilung der Kikot Universität Moskau des Innenministeriums der Russischen Föderation (Moskau, Russland)
Markarjan Ruben Valerievich, Kandidat der Rechtswissenschaften, Professor an der Russischen Akademie für Anwaltschaft und Notariat, Leiter des Regionalbüros des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in Moskau (Moskau, Russland)
Melnikov Nikolay Nikolaevich, Doktor der Rechtswissenschaften, Lehrstuhlleiter für Zivilrecht und Zivilprozess am Institut für Recht der Orel Staatlichen I. S. Turgenev Universität (Orel, Russland)
Mikhailowa Ekaterina Wladimirowna, Doktor der Rechtswissenschaften, außerordentliche Professorin, Institut für Staat und Recht der Russischen Akademie der Wissenschaften, leitende Wissenschaftliche Mitarbeiterin (Moskau, Russland)
Milic Ivan Dushanovic, Doktor der Rechtswissenschaften, Assistent am Lehrstuhl für Strafrecht an der Juristischen Fakultät der Staatlichen Universität in Novi Sad (Republik Serbien)
Nomokonov Vitaly Anatolievich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor am Lehrstuhl für Strafrecht und Kriminologie der Fernöstlichen Föderalen Universität (Wladiwostok, Russland)
Petryanin Alexey Vladimirovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Dozent, Direktor der Abteilung Nischni Nowgorod der St. Petersburger Akademie des Untersuchungsausschusses der Russischen Föderation, Leiter der Filiale des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in Nyzhniy Novgorod (Nyzhniy Novgorod, Russland)
Prikhodko Natalya Yurievna, Kandidatin der Rechtswissenschaften, Dozent am Lehrstuhl für Strafrecht und Kriminologie der Kikot Universität Moskau des Innenministeriums der Russischen Föderation (Moskau, Russland)
Rarog Alexey Ivanovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Wissenschaftlicher Berater am Lehrstuhl für Strafrecht der Moskauer Staatlichen Juristischen O. E. Kutafin Universität (Moskauer Staatliche Juristische Akademie), Verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation (Moskau, Russland)
Rossinskaya Elena Rafailovna, Doktorin der Rechtswissenschaften, Professorin, Lehrstuhlleiterin für Gerichtsgutachten der Moskauer Staatlichen Juristischen O. E. Kutafin Universität (Moskauer Staatliche Juristische Akademie) (Moskau, Russland)
Salamova Sebila Jakubovna, Kandidatin der Rechtswissenschaften, Dozentin am Lehrstuhl für Kriminologie und Strafvollzugsrecht der Moskauer Staatlichen Juristischen O. E. Kutafin Universität (Moskauer Staatliche Juristische Akademie) (Moskau, Russland)
Seliverstov Vyacheslav Ivanovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor am Lehrstuhl für Strafrecht und Kriminologie der Moskauer Staatlichen Lomonossow Universität, Verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation (Moskau, Russland)
Skuratov Yury Ilyich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Lehrstuhlleiter an der Gubkin-Universitat fur Erdol und Gas, Prasident der Stiftung "Forderung der Rechtstechnologien XXI. Jahrhunderts" (Moskau, Russland)
Tupancevski Nikola, **Doktor** der Rechtswissenschaften, Professor, Leiter des Masterstudiengangs des Lehrstuhls für Strafrecht der Juristischen Fakultät "Iustinianus Primus" der Universität St. Cyril und Methodius (Skopje, Republik Mazedonien)
Ustyukova Valentina Vladimirovna, Doktorin der Rechtswissenschaften, Professorin, Wissenschaftliche Hauptmitarbeiterin im Bereich der Umwelt-, Land- und Agrarrecht am Institut für Staat und Recht der Russischen Akademie der Wissenschaften (Moskau, Russland)
Shamurzaev Taalaibek Tursunovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Lehrstuhlleiter für Strafverfahren und Kriminologie an der Kirgisisch-Russischen (Slawischen) Universität, Leiter der Repräsentanz des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in der Kirgisischen Republik (Bischkek, Kirgisische Republik)
Sheveleva Svetlana Viktorovna, Doktorin der Rechtswissenschaften, Dekanin der Juristischen Fakultät der Süd-West-Universität Kursk, Leiterin der Filiale des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in Kursk (Kursk, Russland)
Shidlovsky Andrei Viktorovich, Kandidat der Rechtswissenschaften, Dozent, Prodekan der Rechts Fakultät der Belorussischen Staats Universität, Leiter der Repräsentanz des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in der Republik Belarus (Minsk, Republik Belarus)
Shiryaev Yury Yegorovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor an der Gubkin-Universität fur Erdol und Gas (Moskau, Russland)
Shishko Irina Victorovna, Doktorin der Rechtswissenschaften, Professorin, Direktorin des Instituts für Rechtswissenschaften der Sibirischen Föderalen Universität, Leiterin des Regionalbüros des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen im Sibirischen Föderalen Bezirk Russlands, Verdienter Arbeiterin der Hochschulausbildung der Russischen Föderation (Krasnojarsk, Russland)

Wissenschaftlicher Redakteur:
Myskina Ksenia Mikhailovna — Kandidatin der Rechtswissenschaften, leitende Dozentin der Abteilung für forensische Untersuchung der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin Universität (Moskauer Staatliche Juristische Akademie) (Moskau, Russland)

E-mail
skk_vkk@mail.ru

Adresse: 105005, Russland, Moskau, Lefortowskij Pereulok, 12/50, Gebäude 1.
Telefon: 8 (495) 651-62-62; e-mail: skk_vkk@mail.ru
http://crimescience.ru
Verband der Kriminalisten und Kriminologen: periodischen Druckschrift, Zeitschrift. — 2025. — Nr. 3. —
Moskau: Gmbh „Verlag Prospekt", 2025. — 288 s.
Es werden Arbeite auf dem Gebiet der kriminellen Funktion sowie Kriminalpolitik veröffentlicht.
Die Zeitschrift ist im Föderalen Dienst für Aufsicht im Bereich der Kommunikation,
Informationstechnologie und Massenkommunikation (Roskomnadsor) registriert.
Eintragungsbescheinigung der Massenmedien PI Nr. FS77-72228 vom 1. Februar 2018.
Am 15.09.2025 in Druck gegeben. Format 60×90 $^{1}/_{8}$. Offsetdruck Papier. Druckliste 36. Auflage 500 Exemplare. Der Preis ist frei.
Journal DOI 10.31085/2310-8681-2025-3-288
Die Zeitschrift „Union der Forensiker und Kriminologen" ist in die Liste der begutachteten wissenschaftlichen Publikationen aufgenommen, in denen die wichtigsten wissenschaftlichen Ergebnisse der Dissertationen für den Doktortitel, den Doktortitel und den Doktortitel veröffentlicht werden müssen.

THE UNION OF CRIMINALISTS AND CRIMINOLOGISTS
№ 3 • 2025

ISSN: 2310-8681
Published since 2013

Founders:
OOO «Prospekt», Antonian E. A., Bodrov N. F., Zaitsev O. E., Rednikova T. V.

Publisher:
Prospekt

The Editor-in-Chief:
Zhilkin Maxim Gennadievich, Doctor of Legal Sciences, Assistant Professor, Buro member of the Union of Criminalists and Criminologists (Moscow, Russia)

Executive Editors-in-Chief:
Ovchinsky Vladimir Semenovich, Doctor of Legal Sciences, Vice-President of the Union of Criminalists and Criminologists (Moscow, Russia)
Zaytsev Oleg Aleksandrovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Vice-President of the Union of Criminalists and Criminologists, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Moscow, Russia)
Zvyagintsev Aleksand Grigorievich, Vice-President of the Union of Criminalists and Criminologists (Moscow, Russia)

Editorial Collegium:
Astanin Viktor Viktorovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Vice-President of the Russian Association for Criminology (Moscow, Russia)
Blazheev Viktor Vladimirovich, Candidate of Legal Sciences, Professor, Rector of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Professor of the Union of Criminalists and Criminologists (Moscow, Russia)
Buyanov Vladimir Petrovich, Doctor of Economic Sciences, Professor, Honored Professor of the Union of Criminalists and Criminologists (Moscow, Russia)
Klemeshev Andrey Pavlovich, Doctor of Political Sciences, President of Immanuel Kant Baltic Federal University, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Honored Professor of the Union of Criminalists and Criminologists (Kaliningrad, Russia)
Sarsenbaev Talgat Esinalievich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Professor of the Union of Criminalists and Criminologists (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Editorial Board:
Avetisian Sergik Sergeevich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of Russian-Armenian (Slavonic) University, Chairman of the Chamber for Criminal and Military Cases of Armenia Cassation Court, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Representative Office in Armenia (Erevan, Republic of Armenia)
Antonyan Elena AIeksandrovna, Doctor of Legal Sciences, Head of the Chair of Criminology and Criminal Executive Law at Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Moscow, Russia)
Baranov Vladimir Mikhailovich, Doctor of Legal Sciences, Professor of Nyzhniy Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Honored Scientist of the Russian Federation (Nyzhniy Novgorod, Russia)
Barkov Aleksey Vladimirovich, **Doctor** of Legal Sciences, Professor, Professor of the Chair of Legal Regulation of Economic Activity at the Financial University under the Russian Federation Government (Moscow, Russia)
Bodrov Nikolai Fillipovich, Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor of the Chair of Forensic Expertise at Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Moscow, Russia)
Veliev Isakhan Veysale-ogly, Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Azerbaijan, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Representative Office in the Republic of Azerbaijan (Baku, Republic of Azerbaijan)
Gorban Vladimir Sergeevich, Doctor of Legal Sciences, Head of the Sector of Philosophy of Law, History and Theory of State and Law, Head of the Interdisciplinary Center for Philosophical and Legal Studies at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)
Grishko Aleksandr Jakovlevich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Representative Office in the Central Federal District of Russia (Ryazan, Russia)
Jalairi Omrali Shakarapuly, Doctor of Legal Sciences, Professor, Rector of Kunaev Eurasian Law Academy, Academician of the Higher School of Kazakhstan, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Representative Office in Kazahstan, Honored Worker of Kazakhstan (Almaty, Republic of Kazakhstan)
Hellmann Uwe, Dr. jur. habil., Professor of the University of Potsdam, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Representative Office in Federal Republic of Germany (Potsdam, Federal Republic of Germany)
Hongyan Liu, **Doctor** of Legal Sciences, Professor, Head of the Sector of Environmental Law of the Institute of Law of the Chinese Academy of Social Sciences (Beijing, People's Republic of China)
Ilyashenko Aleksey Nikolaevich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Chair of Criminal Law and Criminology at Kuban State University, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Regional Office in the Southern Federal District of Russia (Krasnodar, Russia)
Kadnikov Nikolai Grigorievich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Chair of Criminal Law and Criminology at Kikot Moscow University of the Interior Ministry of the Russian Federation (Moscow, Russia)
Kazak Bronislav Bronislavovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Chair of Organization of Law Enforcement and Human Rights Activities at Pskov State University, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Regional Office in the North-Western Federal District of Russia (Pskov, Russia)
Lukyanov Vladimir Viktorovich, Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor, Advisor to the Rector of Herzen State Pedagogical University of Russia, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Regional Office in Sankt Petersburg (Sankt Petersburg, Russia)
Lukyanov Sergey Alexandrovich, Doctor of Legal Sciences, Professor of the Department of State and Civil Law Disciplines of the Moscow Regional Branch at Kikot Moscow University of the Interior Ministry of the Russian Federation (Moscow, Russia)
Markarjan Ruben Valerievich, Candidate of Legal Sciences, Professor of the Russian Academy of Advocacy and Notaries, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Regional Office in Moscow (Moscow, Russia)
Melnikov Nikolay Nikolaevich, Doctor of Legal Sciences, Head of the Chair of Civil Law and Procedure of the Institute of Law at Orel State I. S. Turgenev University (Orel, Russia)
Mikhailova Ekaterina Vladimirovna, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Leading Researcher of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)
Milic Ivan Dushanovic, Doctor of Legal Sciences, Assistant of the Department of Criminal Law of the Faculty of Law of the State University in Novi Sad (Republic of Serbia)
Nomokonov Vitaly Anatolievich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Chair of Criminal Law and Criminology at Far-Eastern Federal University (Vladivostok, Russia)
Petryanin Alexey Vladimirovich, Doctor of Legal Sciences, Assistant Professor, Director of the Nizhny Novgorod Branch of the St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Branch Office in Nyzhniy Novgorod (Nyzhniy Novgorod, Russia)
Prikhodko Natalya Yurievna, Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor of the Chair of Criminal Law and Criminology at Kikot Moscow University of the Interior Ministry of the Russian Federation (Moscow, Russia)
Rarog Alexey Ivanovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Research Supervisor of the Chair of Criminal Law at Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Honored Scientist of the Russian Federation (Moscow, Russia)
Rossinskaya Elena Rafailovna, Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Chair of Forensic Expertise at Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Moscow, Russia)
Salamova Sebila Jakubovna, Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor of the Chair of Criminology and Criminal Executive Law at Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Moscow, Russia)
Seliverstov Vyacheslav Ivanovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Chair of Criminal Law and Criminology at Lomonosov Moscow State University, Honored Scientist of the Russian Federation (Moscow, Russia)
Skuratov Yury Ilyich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Chair of Oil and Gas "Gubkin University", President of the "Legal Technologies of the XXI Century" Fund (Moscow,Russia)
Tupancevski Nikola, **Doctor** of Legal Sciences, Professor, Head of the Master's Program of the Chair of Criminal Law at the Faculty of Law "Iustinianus Primus" of the University of Saints Cyril and Methodius (Skopje, Republic of Macedonia)
Ustyukova Valentina Vladimirovna, Doctor of Legal Sciences, Professor, Chief Researcher of the Sector of Environmental, Land and Agricultural Law at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)
Shamurzaev Taalaibek Tursunovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Chair of Criminal Procedure and Criminology at Kyrgyz-Russian Slavic University, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Representative Office in the Kyrgyz Republic (Bishkek, Kyrgyz Republic)
Sheveleva Svetlana Viktorovna, Doctor of Legal Sciences, Dean of the Faculty of Law of the Southwest State University, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Branch Office in Kursk (Kursk, Russia)
Shidlovsky Andrei Viktorovich, Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor, Vice-Dean of the Faculty of Law of the Belarusian State University, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Representative Office in the Republic of Belarus (Minsk, Republic of Belorussia)
Shiryaev Yury Yegorovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of Oil and Gas "Gubkin University" (Moscow, Russia)
Shishko Irina Victorovna, Doctor of Legal Sciences, Professor, Director of Siberian Federal University Law Institute, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Representative Office in the Siberian Federal District of Russia, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Krasnoyarsk, Russia)

Scientific Editor:
Myskina Ksenia Mikhailovna — Candidate of Legal Sciences, Senior Lecturer of Forensic Expertise's Department at Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Moscow, Russia)

E-mail
skk_vkk@mail.ru

Address: 105005, Russia, Moscow, Lefortovsky Pereulok, 12/50, Building 1.
Telephone: 8 (495) 651-62-62; e-mail: skk_vkk@mail.ru
http://crimescience.ru

The Union of Criminalists and Criminologists: periodical printed edition, bulletin. — 2025. — No. 3. —
Moscow: LLC "Publisher Prospekt", 2025. — 288 p.
The bulletin is registered at the Federal Service on Communication, Informational Technologies and Mass Media (Roscomnadzor).
Registration Certificate of Mass Media PE No. FC77-72228 issued on February 1, 2018.
Works in Sphere of criminal sciences and criminal politics art; published.
Signed for publishing 15.09.2025. Format 60×90 $^{1}/_{8}$. Offset paper. Pr. Sheets 36. Circulation 500 copies. Openprice.
Journal DOI 10.31085/2310-8681-2025-3-288
The journal "Union of Criminologists and Criminologists" is included in the List of peer-reviewed scientific publications in which the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Sciences, for the degree of Doctor of Sciences should be published.

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Жилкин Максим Геннадьевич
Рациональное и иррациональное в уголовном праве 7

КРИМИНОЛОГИЯ НА ПЕРЕЛОМЕ: ОТВЕТЫ НА ВЫЗОВЫ НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Гилинский Яков Ильич
Еще раз о криминологии. Заметки на полях 10

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

Шувалов Александр Анатольевич
Прибалтийские националистические формирования и их героизация как фальсификация истории Великой Отечественной войны 15

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Клоченко Лариса Николаевна
Влияние примирения на уголовное преследование: статистика, практика и перспективы 24

Ковальчук Алексей Васильевич
Философская и уголовно-правовая мысль об идее соразмерности в период Нового времени 29

Кучина Ярослава Олеговна
Состав преступлений в цифровой среде по уголовному праву Китайской Народной Республики 36

Урда Маргарита Николаевна
Уголовно-правовые инструменты миграционного контроля: теория и практика межотраслевых связей 43

Чистяков Константин Владимирович
Дискриминация как уголовно-правовое явление: понятие и истоки 51

Шутова Юлия Александровна
Преступное насилие в семье в Российской Федерации: современное состояние и меры предупреждения 56

КРИМИНОЛОГИЯ

Демидова-Петрова Елизавета Викторовна
Онлайн-социальная среда: современные угрозы криминологической безопасности несовершеннолетних 67

Игнатов Александр Николаевич
Общесоциальный уровень противодействия преступности 74

Тангиев Бахаудин Батырович
Эковиктимология (oikosviktimologos): составной модуль экокриминологической трансдисциплинарно-мультимодальной концепции (частный экокриминовиктимологический пилотный проект). Часть 4 85

Харабет Константин Васильевич
Александр Пушкин. Петербургский период (1817–1820) 93

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Казак Бронислав Брониславович
Правовое регулирование правоохранительной деятельности по противодействию злостному уклонению от отбывания альтернативных наказаний, не связанных с лишением свободы 102

КРИМИНАЛИСТИКА

Лавриненко Александра Александровна, Кот Екатерина Александровна
Влияние специфики медицинской сферы на формирование типовых исходных следственных ситуаций по делам оятрогенных преступлениях 107

Мишин Андрей Викторович
Применение криминалистической модели при обеспечении безопасности участников уголовного судопроизводства 111

Руденко Александр Викторович, Глоба Валерия Витальевна
Ситуационно-психологическое моделирование в тактике допроса обвиняемого (подозреваемого) 117

СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Россинская Елена Рафаиловна
Развитие судебной экспертологии в условиях информационно-технологической и цифровой трансформации социума 122

Бодров Николай Филиппович, Лебедева Антонина Константиновна
Трансформация уголовного судопроизводства под влиянием рисков и вызовов генеративного искусственного интеллекта 138

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО

Зайцев Олег Александрович, Севостьянова Анастасия Витальевна
Актуальные проблемы развития института гражданского иска в уголовном судопроизводстве 146

Костенко Роман Валерьевич, Ильяшенко Алексей Николаевич
Искусственный интеллект в оценке доказательств по уголовным делам: от внутреннего убеждения к объективизированной алгоритмической оценке 152

ГРАЖДАНСКОЕ И ГРАЖДАНСКОЕ ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО

Пушкина Анна Викторовна
Гражданско-правовые средства борьбы с нарушениями жилищных прав граждан 158

ТРИБУНА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Акимов Петр Андреевич
Теоретические и законодательные аспекты уголовно-правовой оценки ущерба в экономических преступлениях 166

Бессонова Антонина Олеговна
Обеспечение права лица, имеющего законный интерес в исходе уголовного дела, на собирание «электронных доказательств» 173

Бирюков Иван Игоревич
Исправление наркопреступников: пробелы уголовно-правового регулирования 180

Васильев Александр Геннадьевич
Самостоятельное формирование защитником личных доказательств в ходе досудебного уголовного процесса 188

Трушина Ирина Олеговна
Социально-деструктивная информация, распространяемая посредством информационно-телекоммуникационных технологий и сети «Интернет»: криминологический анализ 196

Шевырталов Егор Павлович
Типология криминалистической информации и особенности ее трансформации 204

КОНФЕРЕНЦИИ

Кибальник Алексей Григорьевич
Несколько слов о Пятых Долговских чтениях 217

РЕЦЕНЗИИ

Закомолдин Руслан Валериевич
Трансформация военно-уголовного законодательства требует трансформации подготовки юристов по уголовно-правовым наукам 222

ПИСАТЕЛЬ-ПУБЛИЦИСТ КРИМИНАЛИСТ-КРИМИНОЛОГ

Звягинцев Александр Григорьевич
Законность от «волюнтариста» и «звезды черного рынка» 227

ЮБИЛЕИ

Зайцев Олег Александрович, Максимов Олег Александрович, Сарсенбаев Талгат Есеналиевич
К юбилею ученого, учителя, друга и человека Виктора Николаевича Григорьева 235

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ 249

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ ДЛЯ АВТОРОВ ЖУРНАЛА «СОЮЗ КРИМИНАЛИСТОВ И КРИМИНОЛОГОВ» 287

INHALT

KOLUMNE DES CHEFREDAKTEURS

Zhilkin M. G.
Rationales und Irrationales im Strafrecht 7

KRIMINOLOGIE AM WENDEPUNKT: ANTWORTEN AUF DIE HERAUSFORDERUNGEN DER NEUEN REALITÄT

Gilinsky Ya. I.
Noch einmal zur Kriminologie. Randnotizen 10

DIE THEORIE UND DIE GESCHICHTE DES RECHTES UND DES STAATES

Shuvalov A. A.
Baltische nationalistische Formationen und ihre Verherrlichung als Verfälschung der Geschichte des Großen Vaterländischen Krieges 15

STRAFRECHT

Klochenko L. N.
Der Einfluss der Versöhnung auf die Strafverfolgung: Statistiken, Praxis und Perspektiven 24

Kovalchuk A. V.
Philosophische und strafrechtliche Überlegungen über die Idee der Verhältnismäßigkeit der Neuzeit 29

Kuchina Ya. O.
Die Zusammensetzung von Straftaten im digitalen Umfeld nach dem Strafrecht der Volksrepublik China 36

Urda M. N.
Strafrechtliche Instrumente der Migrationskontrolle: Theorie und Praxis interdisziplinärer Verknüpfungen 43

Chistyakov K. V.
Diskriminierung als strafrechtliches Phänomen: Begriff und Ursprünge 51

Shutova Yu. A.
Häusliche Gewalt in der Russischen Föderation: Aktueller Stand und Präventionsmaßnahmen 56

KRIMINOLOGIE

Demidova-Petrova E. V.
Soziales Online-Umfeld: Moderne Bedrohungen für die kriminologische Sicherheit Minderjähriger 67

Ignatow A. N.
Gesamtsoziales Niveau der Kriminalitätsbekämpfung 74

Tangiev B.B.
Ökokriminologie (oikosviktimalogos): ein konstituierendes Modul des ökokriminologischen transdisziplinär-multimodalen Konzepts (privates ökokriminologisches Pilotprojekt). Teil 4 85

Kharabet K. V.
Alexander Puschkin. Die Petersburger Zeit (1817–1820) 93

STRAFGESETZ

Kazak B. B.
Gesetzliche Regelung der Strafverfolgung zur Bekämpfung der böswilligen Vermeidung der Verbüßung alternativer Strafen, die nicht mit der Freiheitsentziehung zusammenhängen 102

KRIMINALISTIK

Lavrinenko A. A., Kot E. A.
Der Einfluss der Besonderheiten des medizinischen Fachgebiets auf die Entstehung typischer Ermittlungsausgangssituationen in Fällen iatrogener Straftaten 107

Mishin A. V.
Anwendung des kriminalistischen Modells zur Gewährleistung der Sicherheit der Teilnehmer an Strafverfahren 111

Rudenko A. V., Globa V. V.
Situationspsychologische Modellierung in der Vernehmungstaktik des Beschuldigten (Verdächtigen) 117

GERICHTLICH-FORENSISCHE TÄTIGKEIT

Rossinskaya E. R.
Die Entwicklung der forensischen Expertise unter den Bedingungen der informationstechnischen und digitalen Transformation der Gesellschaft 122

Bodrov N. F., Lebedeva A. K.
Die Transformation von Strafverfahren unter dem Einfluss von Risiken und Herausforderungen generativer künstlicher Intelligenz 138

STRAFPROZESSRECHT

Zaitsev O. A., Sevostyanova A. V.
Aktuelle Probleme der Entwicklung des zivilrechtlichen Klageinstituts im Strafverfahren 146

Kostenko R. V., Ilyashenko A. N.
Künstliche Intelligenz in der Beweisbewertung in Strafsachen: von der inneren Überzeugung zur objektivierten algorithmischen Bewertung 152

ZIVILRECHT UND ZIVILPROZESSRECHT

Pushkina A. V.
Zivilrechtliche Mittel zur Bekämpfung von Verletzungen des Wohnrechts der Bürger 158

DIE TRIBÜNE DER JUNGEN WISSENSCHAFTLER

Akimov P. A.
Theoretische und gesetzgebende Aspekte der strafrechtlichen Beurteilung von Schäden bei Wirtschaftskriminalität 166

Bessonova A.O.
Gewährleistung des Rechts einer Person mit berechtigtem Interesse am Ausgang eines Strafverfahrens auf Erhebung „ elektronischer Beweismittel“ 173

Biryukov I. I.
Korrektur von Drogenkriminellen: Lücken der strafrechtlichen Regulierung 180

Vasiliev A. G.
Selbständige Beweisaufnahme durch einen Verteidiger im vorgerichtlichen Strafverfahren 188

Trushina I. O.
Sozial destruktive Informationen, die durch Informations- und Telekommunikationstechnologien und das Internet verbreitet werden: Kriminologische Analyse 196

Shevyrtalov E. P.
Typologie der kriminalistischen Informationen und Besonderheiten ihrer Transformation 204

KONFERENZEN

Kibalnik A. G.
Ein paar Worte zu den fünften Dolgov-Lesungen 217

PEER REVIEWS

Zakomoldin R. V.
Die Umgestaltung des Militärstrafrechts erfordert eine Umgestaltung der Ausbildung von Juristen im Bereich der Strafrechtswissenschaften 222

AUTOR KRIMINALISTISCHER UND KRIMINOLOGISCHER LITERATUR

Zvyagintsev A. G.
Rechtmäßigkeit aus Sicht der „Freiwilligen“ und des „Schwarzmarkts“ 227

JAHRESTAGE

Zaitsev O. A., Maximov O. A., Sarsenbayev T. E.
Zum Jahrestag des Wissenschaftlers, Lehrers, Freundes und Menschen Viktor Nikolaevich Grigoriev 235

INFORMATIONEN ÜBER DIE AUTOREN 251

ZUSAMMENFASSUNG UND STICHWÖRTER 256

EINLEITUNG FÜR DIE GESTALTUNG VON WISSENSCHAFTLICHEN ARTIKELN UND MATERIALIEN FÜR DIE ZEITSCHRIFT VERBAND DER KRIMINALISTEN UND KRIMINOLOGEN 287

CONTENTS

EDITOR-IN-CHIEF'S COLUMN

Zhilkin M. G.
Rational and irrational in criminal law 7

CRIMINOLOGY AT THE CROSSROADS: ANSWERING THE CHALLENGES OF A NEW REALITY

Gilinsky Ya. I.
Once again on criminology. Notes in the margins 10

THE THEORY AND HISTORY OF LAW AND THE STATE

Shuvalov A. A.
Baltic nationalist formations and their glorification as a falsification of the history of the Great Patriotic War 15

CRIMINAL LAW

Klochenko L. N.
The impact of reconciliation on criminal prosecution: statistics, practice and prospects 24

Kovalchuk A. V.
Philosophical and criminal-legal thought about the idea of proportionality in the Modern period 29

Kuchina Ya. O.
Offenses in the digital environment under the criminal law of The People's Republic of China 36

Urda M. N.
Criminal law instruments of migration control: theory and practice of interdisciplinary connections 43

Chistyakov K. V.
Discrimination as a criminal-legal phenomenon: concept and origins 51

Shutova Yu. A.
Criminal domestic violence in the Russian Federation: current status and preventive measures 56

CRIMINOLOGY

Demidova-Petrova E. V.
Online social environment: modern threats to the criminological safety of minors 67

Ignatov A. N.
The general social level of crime prevention 74

Tangiev B.B.
Ecovictimology (oikosviktimalogos): is an integral module of the ecocriminological transdisciplinary-multimodal concept (private eco-criminological pilot project). Part 4 85

Kharabet K. V.
Alexander Pushkin. The Petersburg period (1817–1820) 93

PENAL LAW

Kazak B. B.
Legal regulation of law enforcement activities aimed at countering malicious evasion from serving alternative non-custodial sentences 102

CRIMINALISTICS

Lavrinenko A. A., Kot E. A.
The influence of the specifics of the medical field on the formation of typical initial investigative situations in cases of iatrogenic crimes 107

Mishin A. V.
Application of the forensic model in ensuring the safety of participants in criminal proceedings 111

Rudenko A. V., Globa V. V.
Situational and psychological modeling in the tactics of interrogation of the accused (suspect) 117

JUDICIAL-FORENSIC ACTIVITY

Rossinskaya E. R.
Development of forensic expertology in the context of information technology and digital transformation of society 122

Bodrov N. F., Lebedeva A. K.
Transformation of criminal proceedings under the influence of risks and challenges of generative artificial intelligence 138

CRIMINAL PROCEDURAL LAW

Zaitsev O. A., Sevostyanova A. V.
Current issues in the development of the civil claim institute in criminal proceedings 146

Kostenko R. V., Ilyashenko A. N.
Artificial intelligence in assessing evidence in criminal cases: from inner conviction to objectified algorithmic assessment 152

CIVIL LAW AND CIVIL PROCEDURE

Pushkina A. V.
Civil law means of combating violations of citizens' housing rights 158

TRIBUNE FOR YOUNG SCIENTISTS

Akimov P. A.
Theoretical and legislative aspects of criminal law damage assessment in economic crimes 166

Bessonova A.O.
Ensuring the right of a person with a legitimate interest in the outcome of a criminal case to collect "electronic evidence" 173

Biryukov I. I.
Correction of drug offenders: gaps in criminal law regulation 180

Vasiliev A. G.
Independent formation of personal evidence by the defense attorney during pre-trial criminal proceedings 188

Trushina I. O.
Socially destructive information disseminated through information and telecommunication technologies and the Internet: criminological analysis 196

Shevyrtalov E. P.
Typology of forensic information and features of its transformation 204

CONFERENCES

Kibalnik A. G.
A few words about the Fifth Dolgov Readings 217

RECENTS

Zakomoldin R. V.
The transformation of military criminal law requires a transformation in the training of lawyers in criminal law sciences 222

AUTHOR OF CRIMINALISTIC AND CRIMINOLOGICAL LITERATURE

Zvyagintsev A.G.
Legality from a "voluntarist" and a "black market star" 227

ANNIVERSARIES

Zaitsev O. A., Maximov O. A., Sarsenbayev T. E.
On the anniversary of the scientist, teacher, friend and person Viktor Nikolaevich Grigoriev 235

ABOUT THE AUTHORS 254

ANNOTATIONS AND KEYWORDS 272

GUIDELINES FOR PRESENTING THE SCIENTIFIC ARTICLES AND MATERIALS FOR PUBLISHING IN THE MAGAZINE "THE UNION OF CRIMINALISTS AND CRIMINOLOGISTS" 287

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

РАЦИОНАЛЬНОЕ И ИРРАЦИОНАЛЬНОЕ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Жилкин Максим Геннадьевич

Цель: *выявление и анализ взаимодействия рациональных и иррациональных начал в уголовном праве, их проявления в квалификации преступлений, назначении наказаний и в социально-философской интерпретации правовых практик.*

Методология: *применен междисциплинарный подход, объединяющий методы уголовно-правового анализа, сравнительно-правовой метод, элементы социологии и философии права.*

Выводы. *Уголовное право сочетает рациональное – нормы, квалификационные конструкции, процессуальные алгоритмы – и иррациональное – символику наказания, морально-ценностное содержание приговора, сакрализацию акта правосудия. В предельных случаях (серийные убийства, террористические акты, преступления против человечности) именно иррациональное измерение выходит на первый план, превращая право из регулятивного механизма в культурный феномен.*

Научная и практическая значимость. *Работа вносит вклад в развитие теории уголовного права, демонстрируя его связь с социологией и философией права. Практическая значимость заключается в уточнении понимания функций наказания в современной уголовной политике: от инструментальной к символической, что важно для правоприменителя при интерпретации предельных форм преступного поведения и формировании уголовно-правовой политики.*

Ключевые слова: *уголовное право, наказание, рациональность, иррациональность, пожизненное лишение свободы, символическая функция права, социология права, философия права.*

Поводом для очередной профессиональной дискуссии в научном сообществе стала новость о привлечении к уголовной ответственности Михаила Попкова – уже осужденного серийного убийцы, которому вменяются новые эпизоды преступной деятельности. Сообщение Следственного комитета о найденных доказательствах убийств двух женщин, совершенных в 2008 г., вызвало значительный отклик среди исследователей уголовного права, криминологии и социологии. Дискуссия развернулась в специализированном телеграмм-канале «Обсуждение, новости от Лопашенко» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://t.me/LopashenkoN (дата обращения: 28.08.2025).

Наиболее остро был поставлен вопрос о квалификации вновь выявленных эпизодов убийств. В теории и практике уголовного права продолжается спор о границах применения квалифицирующего признака «убийство двух и более лиц» (п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ) и о допустимости квалификации серийных убийств как совокупности преступлений. Как справедливо указал в ходе обсуждения Ю. А. Пудовочкин, нередко «легким движением руки» единое продолжаемое убийство нескольких лиц трансформируется в совокупность эпизодов, что свидетельствует о системной проблеме в понимании категории продолжаемого преступления.

С практической точки зрения здесь обнаруживается противоречие между процессуальной необходимостью выделения каждого вновь открывшегося эпизода в отдельное уголовное дело и логикой материального права, которое оперирует понятием единого умысла, характерного для единого продолжаемого преступления. Данное противоречие имеет не только юридико-техническое, но и мировоззренческое значение: речь идет о самой модели учета преступного поведения в уголовном праве.

DOI 10.31085/2310-8681-2025-3-288-7-9

Полагаем, что если приговор по продолжаемому преступлению уже вступил в силу, то вновь выявленные эпизоды не могут быть включены в первоначальный состав преступления. Они рассматриваются как отдельное преступление и вменяются по совокупности с уже назначенным наказанием, поскольку отсутствуют процессуальные механизмы для пересмотра и изменения итогового судебного решения в части квалификации.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о том, зачем обществу и суду нужен новый приговор лицу, уже отбывающему пожизненное лишение свободы. С формально-процессуальной точки зрения ответ очевиден: необходимо юридически зафиксировать вину по каждому выявленному преступлению. Однако в более широком измерении речь идет о символической роли наказания.

Как отмечал Н. С. Таганцев, «поскольку наказание относится к прошлому, оно представляется отплатою, мщением, актом более рефлективным, чем целесообразным; к нему побуждается государство самыми свойствами человеческой личности или непреложными законами общежития, оно составляет более или менее неуклонную обязанность государства; поскольку наказание относится к будущему – оно является средством для достижения известных целей, оно рассматривается как осуществление права государства, которым последнее должно пользоваться по разумным основаниям» [1, с. 881]. В случаях, подобных делу Попкова, исправительная функция наказания теряет значение, а на первый план выходит его морально-осуждающий и социально-коммуникативный аспект. Здесь наказание становится «языком права», при помощи которого общество выражает свое отношение к предельным формам зла.

Справедливое возражение вносит Я. И. Гилинский, указывающий на то, что пожизненное лишение свободы и смертная казнь противоречат гуманистическим основаниям уголовной политики, лишая осужденного надежды на освобождение, о чем ученый неоднократно писал в своих работах [2, с. 224–225]. В то же время сторонники иной позиции утверждают, что в ряде случаев право должно транслировать обществу недвусмысленный сигнал: содеянное выходит за пределы человеческого, и никакая иная мера наказания не способна адекватно отразить степень разрыва преступника с социальным порядком. Так, С. Ф. Милюков придерживается точки зрения, что институт смертной казни сохраняет свою актуальность. Он утверждает, что легитимное устранение наиболее опасных элементов общества по решению суда является более цивилизованной и правовой альтернативой внесудебным расправам, которые неизбежно возникают в условиях отсутствия данного вида наказания [3].

Дискуссия закономерно вышла за рамки уголовно-правовой догматики, затронув фундаментальные вопросы социологии и философии права. Применительно к случаям серийных убийств становится очевидным, что наказание перестает быть результатом юридической арифметики и приобретает характер иррационального конструкта. Макс Вебер писал о «иррациональности права» как об одной из форм его бытия [4, с. 47–50]. В этом смысле назначение новых пожизненных сроков лишения свободы, как бы абсурдно это ни выглядело с точки зрения логики, выполняет роль сакрального ритуала, закрепляющего моральное осуждение.

Здесь мы приближаемся к концепциям конструктивизма (П. Бергер, Т. Лукман): право, как и другие социальные институты, создает символические конструкции, которые обладают не меньшей реальностью, чем фактические события [5, с. 101, 125–126, 148]. Наказание в подобных случаях не только фиксирует юридический факт, но и конструирует коллективное восприятие справедливости.

Не менее важен и социологический аспект: уголовное право в его современном виде продолжает существовать как инструмент государственной власти и социальной инженерии. Как справедливо подмечает Ж. Карбонье, оценка права с точки зрения справедливости выходит за пределы собственно юриспруденции и принадлежит скорее юридической социологии [6, с. 38–39]. Вопрос о том, воспринимает ли общество наказание как справедливое и легитимное, оказывается не менее значимым, чем формальная корректность квалификации.

В результате обсуждение в профессиональной среде еще раз показало, что уголовное право нельзя рассматривать исключительно как технику квалификации и назначения наказания. Оно неизбежно выступает в трех измерениях:

1) нормативном – как система предписаний и санкций;

2) социологическом – как способ регулирования и легитимации общественных отношений;

3) философском – как язык осмысления предельных форм человеческого поведения и коллективного воздаяния.

Представляется, что уголовное право в своей основе сочетает два начала. С одной стороны, оно стремится к рациональности: формулирует четкие составы преступлений, конструирует алгоритмы квалификации, закрепляет процессуальные механизмы. Именно это обеспечивает системность

и предсказуемость правоприменения. С другой стороны, в предельных ситуациях – серийные убийства, террористические акты, преступления против человечности – рациональные конструкции оказываются недостаточными. Тогда в действие вступает иррациональное измерение права: символика приговора, сакрализация наказания, обращение к коллективным представлениям о добре и зле.

Таким образом, уголовное право – это не только инструмент регулирования, но и культурный феномен, удерживающий общество на границе рационального и иррационального. Его устойчивость определяется не столько логикой норм, сколько способностью соединять формальное и символическое, юридическую технику и философию справедливости.

Литература

1. *Таганцев Н. С.* Русское уголовное право. Часть общая: лекции: в 2 т. СПб.: Гос. тип., 1902. Т. 2. С. 816–1460.

2. *Гилинский Я. И.* Неокриминология. Криминология постмодерна. СПб.: Алетейя, 2025. 234 с.

3. *Милюков С. Ф.* Смертная казнь как актуальное наказание // Профессиональное юридическое образование и наука. 2021. № 1(1). С. 11–22.

4. *Вебер М.* Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. / пер. с нем.; сост., общ. ред. и предисл. Л. Г. Ионина; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. Т. IV: Господство. 542, [2] с.

5. *Бергер П., Лукма Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / пер. Е. Д. Руткевич. М.: Медиум, 1995. 323 с.

6. *Карбонье Ж.* Юридическая социология / пер. и вступ. ст. В. А. Туманова. М.: Прогресс, 1980. 352 с.

References

1. *Tagantsev N. S.* Russkoe ugolovnoe pravo. Chast’ obshchaya: lektsii [Russian Criminal Law. General Part: Lectures]. In 2 vol. Vol. 2. St. Petersburg: Gos. tip., 1902. Pp. 816–1460. (In Russian)

2. *Gilinskii Ya. I.* Neokriminologiya. Kriminologiya postmoderna [Neocriminology. Criminology of Postmodern]. St. Petersburg: Aleteiya, 2025. 234 p. (In Russian)

3. *Milyukov S. F.* Smertnaya kazn’ kak aktual’noe nakazanie [Death Penalty as an Actual Punishment]. *Professional’noe yuridicheskoe obrazovanie i nauka [Professional Legal Education and Science]*. 2021. No. 1(1). Pp. 11–22. (In Russian)

4. *Weber M.* Khozyaistvo i obshchestvo: ocherki ponimayushchei sotsiologii [Economy and Society: Outlines of Interpretive Sociology]. In 4 vol. Vol. IV: Gospodstvo [Domination]. Moscow: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2019. 542, [2] p. (In Russian)

5. *Berger P., Lukman T.* Sotsial’noe konstruirovanie real’nosti. Traktat po sotsiologii znaniya [The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge]. Transl. by E. D. Rutkevich. Moscow: Medium, 1995. 323 p. (In Russian)

6. *Karbon’e Zh.* Yuridicheskaya sotsiologiya [Legal Sociology]. Transl. from French; intro. art. by V. A. Tumanov. Moscow: Progress, 1980. 352 p. (In Russian)

КРИМИНОЛОГИЯ НА ПЕРЕЛОМЕ: ОТВЕТЫ НА ВЫЗОВЫ НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

ЕЩЕ РАЗ О КРИМИНОЛОГИИ. ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ

Гилинский Яков Ильич

Цель: *отразить основные положения криминологической дискуссии между «классиками» и «постмодернистами». Поделиться личным наблюдениями.*

Методология: *логический метод, формально-юридический метод, сравнительно-правовой метод.*

Выводы. *Несомненны особенности (характеристики, свойства) постмодерна, оказывающие безусловное влияние на преступность, ее понимание, масштабы, динамику, меры противодействия. Криминология постмодерна утверждает необычные для классической криминологии положения, например: нет деяний, преступных по самому их содержанию. Ни одна криминологическая концепция не является «окончательной истиной». Тем важнее все новые и новые разработки, как в области теории, так и в части практических рекомендаций органам власти и правоохранительным органам.*

Научная и практическая значимость. *В небольшом по объему материале изложены значимые положения криминологии постмодернизма, по сути, сформулированы основные направления актуальных исследований.*

Ключевые слова: *криминология постмодерна, «война с преступностью», наказание, криминализация; научная дискуссия.*

Нельзя не приветствовать высказанные профессором И. М. Мацкевичем [1, с. 7–9] и профессором М. Г. Жилкиным [2, с. 26–29] пожелания дальнейшего развития современной криминологии в условиях быстро меняющегося мира и наличия различных направлений в криминологии, как «классического», так и «постмодернистского».

Дискуссия между «классиками» и «постмодернистами» в криминологии активно началась во «Всероссийском криминологическом журнале» в 2024 г. (статьи Антонченко В. В. [3, с. 121–127], Босхолова С. С. и Номоконова В. А. [4, с. 128–136], Гилинского Я. И. [5, с. 227–231], Щукиной Н. П., Шиенока В. П. [6, с. 549–555]). В том же 2024 г. в Юридическом институте Иркутского государственного университета состоялась Всероссийская научно-практическая конференция «Правовой классицизм и постмодерн в праве: традиции и новации» с секцией «Постмодернизм в уголовном праве и криминологии второй половины XX – первой четверти XXI в.». Однако продолжение этой дискуссии в 2025 г. мне неизвестно. И публикации И. М. Мацкевича и М. Г. Жилкина более чем актуальны.

Будучи сторонником криминологии постмодерна, не стану повторять многократно мною изложенное (книги «Криминология постмодерна (неокриминология)», 2021 [7]; «Криминология и девиантология постмодерна», 2024 [8]; «Неокриминология. Криминология постмодерна», 2025 [9]; и др.). Ограничусь краткими замечаниями в связи с начатой дискуссией и призывами ее продолжить.

1. О названии «постмодерн». Конечно, современное общество называют и иначе: постсовременное, постклассическое, постиндустриальное. Название не имеет принципиального значения. Название «криминология постмодерна» рас-

DOI 10.31085/2310-8681-2025-3-288-10-14

пространено [10, с. 113], но не принципиально. Профессор А. Э. Жалинский – один из безусловных сторонников криминологии постмодерна, внесший бесценный вклад в ее развитие, не употреблял это название (насколько мне известно).

2. Несомненны особенности (характеристики, свойства) постмодерна, оказывающие безусловное влияние на преступность, ее понимание, масштабы, динамику, меры противодействия. Назовем лишь некоторые из них.

Глобализация экономики, финансов, технологий и – глобализация преступности (организованной преступности, торговли наркотическими средствами и психотропными веществами, торговли людьми, оружием и др.).

Массовая миграция, приводящая к «конфликту культур» (Т. Селлин), включая преступные деяния, вплоть до убийств и террористических актов.

Виртуализация жизнедеятельности и переход многих преступлений из реального мира в виртуальный (мошенничество, торговля наркотическими средствами и психотропными веществами, распространение занятия проституцией и др.).

Новая стратификация населения. История знает рабов и рабовладельцев, феодалов и крестьян, рабочих и капиталистов. В нынешней, постмодернистской формации население каждой страны делится на меньшинство *включенных* (included) в активную экономическую, политическую, культурную жизнь и большинство *исключенных* (excluded) из нее. Статистические данные и результаты эмпирических исследований (приводимые в трудах А. Э. Жалинского, Д. В. Жмурова [10, с. 15], Р. Н. Исмайылова [11, с. 25], А. З. Рыбака, Я. И. Гилинского, зарубежных авторов) показывают, что основной субъект большинства преступлений, в первую очередь уличных, – исключенные.

Растущее *социально-экономическое неравенство* служит основным криминогенным (и вообще девиантогенным) фактором.

Общество постмодерна есть «общество потребления». *Консьюмеризация* сознания и деятельности порождает «погоню за деньгами», в т.ч. криминальными способами. Масштабы и уровень коррупции, мошенничества достигли невиданных размеров.

Релятивизм, *относительность любых знаний* (Н. Бор [12, с. 11], В. Гейзенберг [13, с. 28], Ж.-Ф. Лиотар [14, с. 14], П. Фейерабенд [15, с. 22]) распространяется, разумеется, и на криминологию. Об этом говорили и отечественные ученые криминологи и правоведы (Л. И. Спиридонов, И. Л. Честнов и др.). Ни одна криминологическая концепция не является «окончательной истиной». Тем важнее все новые и новые разработки, как в области теории, так и в части практических рекомендаций органам власти и правоохранительным органам.

Потенциально *Общество Постмодерна – это Общество Свободных Людей*. Свобода не вседозволенность. Она «ограничена носом соседа» (из решений Парижского суда XII в.). Свобода индивида ограничена свободой других людей. Тем не менее не следует индивидуальную свободу человека постмодерна чрезмерно ограничивать уголовно-правовыми (да и административно-правовыми) мерами.

3. Криминология постмодерна утверждает необычные для классической криминологии положения.

Нет деяний, преступных по самому их содержанию. «Нет ни одного акта, который бы по самому своему содержанию был уголовным правонарушением... Поэтому причислять те или иные акты по самому их содержанию к уголовным правонарушениям... задача безнадежная...» (П. А. Сорокин) [16, с. 112].

Нет объективных оснований криминализации тех или иных деяний. Единственное основание криминализации – воля власти, режима. «Власть, национализировав, присвоив уголовную юстицию в качестве социального капитала, пожелала, чтобы к преступлению относилось все, что она называет преступлением» (Л. В. Кондратюк, В. С. Овчинский) [17, с. 57]. Ссылка сторонников классической криминологии на «общественную опасность» неосновательна. Нет определения общественной опасности, а есть «общественная опасность» деяния или нет – возможны диаметрально противоположные позиции. Встает далеко не праздный вопрос: чем и как будем измерять степень «общественной опасности»?

Нет «личности преступника» (Ю. Д. Блувштейн, Я. И. Гилинский, И. И. Карпец, А. З. Рыбак, А. М. Яковлев и др.). Каждый человек может при определенных обстоятельствах совершить то, что указано в уголовном законе страны в качестве «преступления». Более того, перенасыщенность уголовно-правовых запретов (РФ, США и др.) приводит к тому, что каждый взрослый гражданин совершает в течение жизни деяния, признаваемые уголовным законом преступными. «В криминологии... нужно окончательно, категорически отказаться от учения о личности преступника» (А. З. Рыбак) [18, с. 239].

Наказание не достигает поставленных целей. Восстановление социальной справедливости. Но что такое «социальная справедливость»? С чьей

точки зрения? Как мы будем определять – достигнута социальная справедливость или нет? Наказанием нельзя никого «исправить». Никакие наказания, самые суровые никогда не «ликвидировали» преступность. «Со времени Каина мир никогда не удавалось ни исправить, ни устрашить наказанием. Как раз наоборот!» (К. Маркс). Как раз наоборот! «Реализация уголовного закона может стать совершенно непереносимой для общества, заблокировав иные социальные процессы... Наказание – это очевидный расход и неявная выгода... Следует учитывать хорошо известные свойства уголовного права, состоящие в том, что оно является чрезвычайно затратным и весьма опасным средством воздействия на социальные отношения» (А. Э. Жалинский) [19, с. 153].

4. Возможны два варианта «противодействия преступности».

1. Отказ от уголовного закона. Так, еще в 1988 г. профессор Х.-Х. Йешек (Германия) предложил отменить уголовное законодательство, не совместимое с правами человека и гражданина [20, с. 930].

2. Поскольку ни одно современное государство не откажется от такого предложения, то допускаются две реальные стратегии изменения уголовного законодательства и правоприменительной деятельности (любой страны). Первая – это *минимизация криминализации*. Преступными должны признаваться только деяния, действительно причиняющие (могущие причинять) тяжкий вред, прежде всего жизни и здоровью людей. Вторая стратегия – *минимизация наказания, то есть безусловная* отмена смертной казни; отмена пожизненного лишения свободы; применение лишения свободы только за тяжкие преступления (в Японии к лишению свободы приговариваются 4–6% всех осужденных, 85% – штрафные санкции); условия отбывания наказания в виде лишения свободы должны носить восстановительный, а не репрессивный характер (страны Северной Европы).

В целом речь идет о переходе от стратегии «войны с преступностью» (*War on crime*) к стратегии «сокращения вреда» (*Harm reduction*).

Подробный анализ и обоснование рассмотренных положений криминологии постмодерна приводятся в обширной литературе, частично названной выше.

Разумеется, любое из вышеназванных положений может быть оспорено в результате плодотворных дискуссий.

Темпы изменений условий современной жизни, развития новейших технологий, включая искусственный интеллект, требуют серьезных криминологических исследований и дискуссий.

Литература

1. *Мацкевич И. М.* Рассуждения о статье Д. А. Шестакова как повод поговорить о современном состоянии и перспективах развития современной науки криминологии // Союз криминалистов и криминологов: периодическое печатное издание, журнал. 2025. № 2. М.: ООО «Издательство Проспект», 2025. С. 280.

2. *Жилкин М. Г.* Криминология на переломе: ответы на вызовы новой реальности // Союз криминалистов и криминологов: периодическое печатное издание, журнал. 2025. № 2. М.: ООО «Издательство Проспект», 2025. С. 280.

3. *Антонченко В. В.* Доктрина преступления и наказания профессора Якова Ильича Гилинского: к 90-летнему юбилею Ученого / Всероссийский криминологический журнал. 2024. Т. 18, № 2.

4. *Босхолов С. С.* Онтологические и метафизические основы общественной опасности преступлений: о тупике неокриминологии / С. С. Босхолов, В. А. Номоконов // Всероссийский криминологический журнал. 2024. Т. 18, № 2.

5. *Гилинский Я. И.* В тупике ли криминология постмодерна? // Всероссийский криминологический журнал. 2024. Т. 18, № 3.

6. *Шиенок В. П.* Криминология vs неокриминология: о сути вопроса с позиций гуманистической методологии юриспруденции // Всероссийский криминологический журнал. 2024. Т. 18, № 6.

7. *Гилинский Я. И.* Криминология постмодерна (неокриминология). СПб.: Алетейя, 2021. 137 с. (Либерализация права: от репрессий к милосердию).

8. *Гилинский Я. И.* Криминология и девиантология постмодерна. СПб.: Алетейя, 2024. 242 с.

9. *Гилинский Я. И.* Неокриминология. Криминология постмодерна. СПб.: Алетейя, 2025 (2-е изд., доп.). 234 с.

10. *Жмуров Д. В.* Криминология в эпоху постмодерна: в поисках новых ответов. Монография. Иркутск: Репро-центр, 2012. 154 с.

11. *Исмайылов Р. Н.* Криминология в обществе постмодерна. Монография. СПб.: Алеф-Пресс, 2018. 96 с.

12. *Бор Н.* Избранные научные труды: в 2 т. М.: Наука, 1970. Т. 1. 560 с.

13. *Гейзенберг В.* Физика и философия. Часть и целое. М.: Наука, 1989. 368 с.

14. *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна.СПб.: Алетейя, 1998. 160 с.

15. *Фейерабенд П.* Против метода. М.: АСТ, 2007. 413 с.

16. *Сорокин П. А.* Преступление и кара, подвиг и награда: социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали.СПб.: Издательство РХГИ, 1999. 416 с.

17. *Кондратюк Л. В.* Криминология: вызовы XXI века / Л. В. Кондратюк, В. С. Овчинский. М.: Юрлитинформ, 2013. 432 с.

18. *Рыбак А. З.* Криминология в человеческом измерении. М.: Юрлитинформ, 2020. С. 294.

19. *Жалинский, А. Э.* Избранные труды: в 4 т. / сост. К. А. Барышева, О. Л. Дубовик, И. И. Нагорная, А. А. Попов; отв. ред. О. Л. Дубовик; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014, 2015.

20. *Jescheck H.-H.* Lehrbuch des Strafrechts: Allgemeiner Teil. 4-е изд., перераб. и доп. Берлин: Duncker & Humblot, 1988. 931 с.

References

1. *Matskevich I. M.* Rassuzhdeniya o stat'e D. A. Shestakova kak povod pogovorit' o sovremennom sostoyanii i perspektivakh razvitiya sovremennoi nauki kriminologii [Shestakov's article as an opportunity to discuss the current state and prospects for the development of modern criminology] // In *Soyuz kriminalistov i kriminologov [Union of Criminalists and Criminologists]*: periodicheskoe pechatnoe izdanie, zhurnal. 2025. № 2. M.: OOO «Izdatel'stvo Prospekt», 2025. P. 280. (In Russian)

2. *Zhilkin M. G.* Kriminologiya na perelome: otvety na vyzovy novoi real'nosti [Criminology at a turning point: responses to the challenges of a new reality] // In *Soyuz kriminalistov i kriminologov [Union of Criminalists and Criminologists]*: periodicheskoe pechatnoe izdanie, zhurnal. 2025. № 2. M.: OOO «Izdatel'stvo Prospekt», 2025. P. 280. (In Russian)

3. *Antonchenko V. V.* Doktrina prestupleniya i nakazaniya professora Yakova Il'icha Gilinskogo: k 90-letnemu yubileyu Uchenogo [Professor Yakov Ilyich Gilinsky's Doctrine of Crime and Punishment: On the 90th Anniversary of the Scholar] // In *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal. [All-Russian Criminological Journal].* 2024. T. 18, № 2. (In Russian)

4. *Boskholov P. P.* Ontologicheskie i metafizicheskie osnovy obshchestvennoi opasnosti prestuplenii: o tupike neokriminologii [Ontological and metaphysical foundations of the social danger of crimes: on the impasse of neocriminology] / P. P. Boskholov, V. A. Nomokonov // In *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal. [All-Russian Criminological Journal].* 2024. T. 18, № 2. (In Russian)

5. *Gilinskii Ya. I.* V tupike li kriminologiya postmoderna? [Is postmodern criminology at an impasse?] // In *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal. [All-Russian Criminological Journal.* 2024. T. 18, № 3. (In Russian)

6. *Shienok V. P.* Kriminologiya vs neokriminologiya: o suti voprosa s pozitsii gumanisticheskoi metodologii yurisprudentsii [Criminology vP. neocriminology: the essence of the issue from the perspective of humanistic methodology in jurisprudence] // *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal. [All-Russian Criminological Journal].* 2024. T. 18, № 6. (In Russian)

7. *Gilinskii Ya. I.* Kriminologiya postmoderna (neokriminologiya) [Postmodern Criminology (Neocriminology)]. Sankt-Peterburg: Aleteiya, 2021. 137 P. (Liberalizatsiya prava: ot repressii k miloserdiyu). (In Russian)

8. *Gilinskii Ya. I.* Kriminologiya i deviantologiya postmoderna [Postmodern Criminology and Deviantology]. Sankt-Peterburg: Aleteiya, 2024. 242 P. (In Russian)

9. *Gilinskii Ya. I.* Neokriminologiya. Kriminologiya postmoderna [Neocriminology. Postmodern Criminology]. Sankt-Peterburg: Aleteiya, 2025 (2-e izd., dop.). 234 P. (In Russian)

10. *Zhmurov D. V.* Kriminologiya v epokhu postmoderna: v poiskakh novykh otvetov. Monografiya. [Criminology in the Postmodern Era: In Search of New Answer. Monograph]. Irkutsk: Repro-tsentr, 2012. 154 P. (In Russian)

11. *Ismaiylov R. N.* Kriminologiya v obshchestve postmoderna. Monografiya. [Criminology in Postmodern Society. Monograph]. Sankt-Peterburg: Alef-Press, 2018. 96 P. (In Russian)

12. *Bor N.* Izbrannye nauchnye trudy: v 2 t. [Selected Scientific Works: in 2 vols.]. Moskva: Nauka, 1970. T. 1. 560 P. (In Russian)

13. *Geizenberg V.* Fizika i filosofiya. Chast' i tseloe [Physics and Philosophy. The Part and the Whole]/ Moskva: Nauka, 1989. 368 P. (In Russian)

14. *Liotar Zh.-F.* Sostoyanie postmoderna [The Postmodern Condition]. Sankt-Peterburg: Aleteiya, 1998. 160 P. (In Russian)

15. *Feierabend P.* Protiv metoda [Against Method]. Moskva: AST, 2007. 413 P. (In Russian)

16. *Sorokin P.A.* Prestuplenie i kara, podvig i nagrada: sotsiologicheskii etyud ob osnovnykh formakh obshchestvennogo povedeniya i morali [Crime and Punishment, Heroism and Reward: A Sociological Study of the Basic Forms of Social Behavior and Morality]. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo RKhGI, 1999. 416 P. (In Russian)

17. *Kondratyuk L.V.* Kriminologiya: vyzovy XXI veka [Criminology: Challenges of the 21st Century] / L.V. Kondratyuk, V.P. Ovchinskii. Moskva: Yurlitinform, 2013. 432 P. (In Russian)

18. *Rybak A.Z.* Kriminologiya v chelovecheskom izmerenii. [Criminology in the Human Dimension]. M.: Yurlitinform, 2020. P. 294. (In Russian)

19. *Zhalinskii A.E.* Izbrannye trudy: v 4 t. [Selected Works: in 4 volumes] / sost. K.A. Barysheva, O.L. Dubovik, I.I. Nagornaya, A.A. Popov; otv. red. O.L. Dubovik; Nat. issled. un-t «Vysshaya shkola ekonomiki». M.: Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2014, 2015. (In Russian)

20. *Jescheck H.-H.* Lehrbuch des Strafrechts: Allgemeiner Teil. 4-e izd., pererab. i dop. Berlin: Duncker & Humblot, 1988. 931 p.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

ПРИБАЛТИЙСКИЕ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИЕ ФОРМИРОВАНИЯ И ИХ ГЕРОИЗАЦИЯ КАК ФАЛЬСИФИКАЦИЯ ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Шувалов Александр Анатольевич

Цель: *проанализировать процесс формирования прибалтийских националистических организаций, войсковых подразделений и последующей героизации нацистских пособников в странах Прибалтики. Данная тема имеет особую актуальность в связи с проведением специальной военной операции по демилитаризации и денацификации Украины, в которой проходили аналогичные процессы.*

Методология: *общенаучные методы, сравнительно-исторический и историко-правовой методы исследования историко-политических процессов в Прибалтийских странах.*

Выводы. *Героизация нацистских пособников легла в основу русофобской политики и фальсификации истории Великой Отечественной войны.*

Научная и практическая значимость. *Исследование истории создания прибалтийских националистических формирований и их героизации позволяет определить характер прямых и косвенных угроз национальным интересам Российской Федерации.*

Ключевые слова: *Великая Отечественная война, русофобия, фальсификация, СССР, Российская Федерация, Литва, Эстония, Латвия.*

После распада Советского Союза рост русофобии наблюдался во всех бывших странах социалистического блока. Первоначально происходило формирование антисоветских, а затем и антироссийских настроений. Но наиболее активно эта «работа» осуществлялась в бывших союзных республиках СССР – в странах Прибалтики и на Украине. Для этих государств комплекс русофобии стал основополагающим элементом новой государственности и подобием национальной идеи.

Фундаментом этого является возрождение нацизма и его реабилитация. Несмотря на то, что приговором Нюрнбергского трибунала, отразившимся в законодательстве многих стран, распространение нацистской символики и идеологии признано противозаконным, в этих странах она медленно, но верно начала возрождаться и распространяться. С 1990-х гг. с поддержкой со стороны официальных властей стартовал процесс оправдания и героизации пособников нацистского режима и возведения их в ранг национальных героев как борцов с коммунизмом [1, с. 15, 16].

В этой связи уместно дать ретроспективный анализ формирования и действий прибалтийских националистических организаций и их войсковых подразделений. Так, в 1941–1945 гг. на стороне Германии сражались с оружием в руках или служили в различных вспомогательных частях примерно **150 тыс. латышей, 90 тыс. эстонцев и 50 тыс. литовцев** [2, с. 2].

Летом 1940 г. в Эстонии, Латвии и Литве было провозглашено создание советских социалистиче-

DOI 10.31085/2310-8681-2025-3-288-15-23

ских республик и приняты Декларации о вхождении в СССР. Не было ни военного сопротивления, ни «партизанской войны» против частей Красной Армии [3, с. 40–42]. Но тем не менее «после вхождения Прибалтики в состав СССР в 1940 г. националистические организации явились той “пятой колонной”, которая значительно облегчила гитлеровской Германии захват региона летом 1941 г.» [4, с. 116].

В Литве, Латвии «сформированные вооруженные подразделения имели цель – прочесывание лесных массивов, где укрывались работники советских и партийных органов, а также красноармейцы, пытавшиеся выйти из окружения» [5, с. 396].

Большая часть литовских батальонов уходила из Литвы с отступающими частями немецкой армии.

№	Название организаций / воинских подразделений	Хронологические рамки действия	Руководители организаций / командиры подразделений	Численный состав
Литовские националистические формирования				
1.	«Фронт Литовских активистов» (ФЛА) Военизированные подразделения ФЛА «Гвардии Обороны Литвы» (4 партизанские группы)	С 1940 г. Июнь 1941 г.	Полковник К. Шкирпа	
2.	24 батальона «самообороны»	Лето – осень 1941 г.		Около 14 тыс. чел.
3.	Вспомогательная полиция 22 «шума» – батальона	Ноябрь 1941 г. – лето 1944 г.	Подполковник Спокевичус	Около 8 тыс. чел.
4.	Жемайтийская армия обороны» (2 полка)	Весна – осень 1944 г.	Полковник Медер (немец)	
Латышские националистические формирования				
1.	45 полицейских «шума» батальонов	Сентябрь 1941 г. – лето 1943 г.		Около 15 тыс. чел.
2.	1-й Латвийский полицейский полк «Рига», сформированный из 4 полицейских батальонов	Лето 1943 г. – по декабрь 1944 г., влит в 15 латышскую дивизию СС		
3.	2-й Латвийский полицейский полк «Лиепая», сформированный из 4 полицейских батальонов	Лето 1943 г., затем остатки влиты в полк «Рига»		
4.	3-й Латвийский полицейский полк сформирован из 3 полицейских батальонов	Лето 1943 г., затем остатки влиты в полк «Рига»		
5.	2-й Латвийский полицейский полк «Курземе»	Осень 1944 г., затем влит в 15 латышскую дивизию СС		
6.	6 пограничных полков	Февраль – октябрь 1944 г., влиты в 15 латышскую дивизию СС		16 тыс. чел.
7.	полицейские, вспомогательные, пограничные части	Лето 1944 г.		54 тыс. чел.
8.	Латвийский легион СС: – 15 дивизия СС – 19 дивизия СС	 Февраль 1943 г. На июнь 1944 г.	Генерал (группенфюрер СС) Р. Бангерскис	 18 тыс. чел. 10 тыс. чел.
Эстонские националистические формирования				
1.	Организация «Омакайтсе» («Самозащита»)	Лето 1941 г.		60 тыс. чел.
2.	6 эстонских охранных отрядов	Сентябрь 1941 г. – конец 1942 г.		
3.	Восточные (658, 659, 660) батальоны, 657 рота сформированы из охранных отрядов	Конец 1942 г.		

Продолжение табл.

№	Название организаций / воинских подразделений	Хронологические рамки действия	Руководители организаций / командиры подразделений	Численный состав
4.	26 эстонских полицейских «шума» батальонов	Сентябрь – весна 1944 г.		
5.	1-й эстонский полицейский полк, сформированный из полицейских батальонов	Весна – сентябрь 1944 г.		
6.	2-й эстонский полицейский полк, сформированный из полицейских батальонов	Весна – август 1944 г.		
7.	6 строительно-саперных батальонов	Апрель – декабрь 1944 г.		
8.	Эстонский легион СС: 3-я эстонская добровольческая бригада СС, переформирована в 20-ю эстонскую добровольческую дивизию СС	28 августа 1942 г. Май 1943 г. Январь 1944 г.	Бригаденфюрер Ф. Аусбергер	15 тыс. чел.

Латышские полицаи участвовали в карательных операциях против мирного населения не только на территории Латвии, но и в Белоруссии, Литве, Новгородской и Псковской областях, а также в Польше.

16 марта 1944 г. обе латышские дивизии СС впервые участвовали в крупном бою с Красной Армией, оказав, как свидетельствуют сводки, ожесточенное сопротивление [6, с. 435]. В конце 1944 г. реорганизованные части латвийского легиона СС отходили вместе с немецкими частями.

«В сентябре 1941 г. немцы сформировали 6 эстонских охранных отрядов, в задачу которых входила охранная служба и борьба с партизанами в тыловых районах. С мая 1942 г. часть из них участвовала в боях против Красной Армии» [5, с. 437].

Эстонские полицаи участвовали в карательных операциях против партизан на территории Ленинградской и Псковской областей, в Литве, Белоруссии, на Украине, охраняли гетто в Польше, Югославии и Италии.

В начале осени 1942 г. началось формирование эстонского легиона СС. С весны 1943 г. принимали участие в боях против Красной Армии. Осенью 1944 г. в результате наступления Советских войск и освобождения Эстонии дивизия была разбита, а ее остатки в октябре были отведены на переформирование в Силезию.

Солдаты и офицеры разбитых латышских, эстонских частей СС и вспомогательных литовских частей вермахта стали костяком послевоенного повстанческого националистического подполья в Прибалтике, которое окончательно сложило оружие только к 1956 г. [7, с. 186–187].

Сейчас «в странах Балтии героизируются образы именно этих “борцов за независимость”, многие из которых в годы Великой Отечественной войны воевали против СССР в войсках нацистской Германии» [6, с. 435]. Сегодня официальная прибалтийская историография события июля – августа 1940 г., когда Латвия, Литва и Эстония вошли на правах союзных республик в состав СССР, называет – **оккупацией**.

Таким образом, Советскому Союзу ставится в вину организация крупномасштабных политических репрессий на территориях Прибалтийских советских республик. В данный период в Эстонии было репрессировано 9156 человек. В Литве – 15 851 человек [8, с. 27]. В Латвии – 15 171 человек [4, с. 119]. Затем во время борьбы с националистическим подпольем после войны из Эстонии было депортировано около 30 тысяч человек. В Литве и Латвии также было репрессировано около 30 тысяч человек.

Немцы оккупировали Прибалтику с 1941 по 1944 г., и за это время в Эстонии погибло около 80 тысяч жителей, на работы в Германию было угнано 74 тысячи человек. В годы нацистской оккупации в Литве погибло примерно 270 тысяч человек, угнано в Германию 67 тысяч человек. При нацистах в Латвии погибло около 150 тысяч и 160 тысяч человек угнано на работы в Германию [6, с. 437]. А об этом периоде как о «страшных годах» в прибалтийской историографии из толерантных соображениях вспоминать не принято.

Во всех указанных странах процесс героизации нацистских пособников происходил по одному шаблону. Первоначально в 1990–2000-е гг. создавались общественные организации, подни-

мающие вопрос об увековечивание памяти всех погибших в боях Второй мировой войны. Так как памятники воинам-победителям уже поставлены, начинают устанавливаться мемориальные плиты воинам (националистам), воевавшим на стороне стран «Оси». Данная практика находит поддержку органов местного самоуправления. Тем более это не противоречит европейским либеральным стандартам свободы слова и мнений. С течением времени этот процесс начинает пользоваться общегосударственной поддержкой и финансироваться из государственного бюджета. Формируется общественное мнение о противодействии местных националистов, коллаборационистов, пособников фашистов и нацистов коммунистическому режиму. Начинается их обеление, оправдание и героизация через открытие им памятников и снос памятников советским воинам-освободителям, переименование улиц, изменение учебных программ школьного и вузовского образования, издание учебной, научной и художественной литературы, производство телепередач, документальных и художественных фильмов. Данный процесс неуклонно вел к формированию антисоветской и антироссийской позиции.

За годы «независимости» и «суверенного» существования стран Прибалтики были «приняты законы, уравнявшие нацизм и коммунизм, немецкую оккупацию с пребыванием Латвии, Литвы и Эстонии в составе СССР. Это сделало "законным" политическое по своей сути преследование ветеранов Великой Отечественной войны, партизан и участников антифашистского сопротивления». Одновременно с этим под видом «национально-освободительных движений», которые якобы боролись в годы войны с «советской оккупацией», началась реабилитация местных пособников германского нацизма.

В 1992 г. в здании бывшего КГБ Литовской ССР был основан «Музей оккупаций и борьбы за свободу», основной задачей которого является «сбор, хранение, исследование и пропаганда историко-документального материала, отображающего формы и методы физического и духовного геноцида, совершаемого над жителями Литвы режимом советской оккупации, способы и масштаб сопротивления оккупационному режиму, увековечение памяти жертв советского геноцида и борцов за свободу» *(Центр Исследования Геноцида и Резистенции жителей Литвы // [Электронный ресурс]: URL: http://www.genocid.lt/muziejus/ru/692/c/ (дата обращения: 26.04.2025))*.

В Литве были приняты законы от 30 июня 1997 г. «О правовом статусе лиц, пострадавших в результате оккупаций 1939–1990 гг.», от 3 июля 1997 г. «О признании правового статуса участников сопротивления оккупациям 1940–1990 гг. и приравнивании воинских званий и наград воинов-добровольцев», от 25 ноября 1997 г. «О государственной помощи участникам вооруженного сопротивления», от 12 марта 1998 г. «О восстановлении прав лиц, репрессированных за сопротивление оккупационным режимам», от 6 мая 1998 г. «Об оказываемой государством поддержке семьям погибших участников сопротивления оккупациям 1940–1990 гг.». На 2007 г. в Литве официальный статус лиц, «пострадавших в результате оккупаций 1939–1990 гг.» предоставили 78 497 человек, «воинов-добровольцев» – 11 688 человек и «борцов за свободу» – 4189 человек.

12 января 1999 г. Литовский Сейм принял Декларацию Движения борьбы за свободу Литвы 1949 г. как основополагающий государственный документ, а командующему литовской партизанской армией Жямайтису-Витаутасу, сражавшейся с Красной Армией, присвоено воинское звание генерала (воинов свободы).

Героизация пособников нацистов как борцов против коммунизма в общественном сознании намеренно сводится к борьбе коммунизма и демократии.

В 2010 г. Парламентом Литвы была внесена поправка в Уголовный кодекс, согласно которой за одобрение и отрицание преступлений нацистской Германии и СССР предусмотрено наказание в виде штрафа или двух лет лишения свободы.

В ноябре 2017 г. литовский Сейм одобрил законопроект об объявлении 2018 г. Годом А. Раманаускаса-Ванагаса, одного из главарей «лесных братьев». А в октябре 2018 г. принял декларацию о признании его «фактическим главой государства» послевоенной Литвы и наградил (посмертно) самыми высокими государственными наградами *(Сохранение исторической памяти о победе советского народа в Великой Отечественной войне. Информационный вестник. (Материалы в помощь заместителю руководителя по идеологической работе предприятия (учреждения)). Выпуск 195. апрель 2021. Гродно // [Электронный ресурс]: URL https://azot.by/press-centr/novosti/novosti.php?ID=2356&sphrase_id=71763 (дата обращения: 30.04.2025))*.

«В апреле 2022 г. Сейм Литвы утвердил поправки в Кодекс об административных правонарушениях, запрещающие публичную демонстрацию георгиевской ленты, которую расценили как "пропагандирующий военную агрессию" символ "тоталитарного режима"» *(О ситуации с героиза-*

цией нацизма, распространении неонацизма и других видов практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости (Доклад Министерства иностранных дел Российской Федерации – 2022 г.) // [Электронный ресурс]: URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/humanitarian_cooperation/1827824/#_Toc112861598 (дата обращения: 30.04.2025)).

17 июня 1998 г. Парламент Латвии объявил 16 марта (день, когда латышские дивизии СС впервые участвовали в крупном бою с частями Красной Армии) национальным праздником – «Днем памяти латышских воинов». Ежегодно в этот день в Латвии в Риге проходит марш легионеров СС и латышских националистов.

К 2008 г. латышским режиссером Э. Шнуоре была закончена работа над документальным фильмом «Советская история», в котором повествуется о сталинских репрессиях, сотрудничестве СССР с нацистской Германией и пропагандируется русофобия. Министр юстиции Латвии Г. Берзиньш предложил показывать этот фильм во всех латвийских школах [9, с. 79].

В 2014 г. в Уголовный кодекс Латвии была внесена поправка, предусматривающая уголовную ответственность до пяти лет, штраф или принудительные работы за отрицание оккупационного режима СССР.

В феврале 2018 г. после реконструкции была открыта новая экспозиция Саласпилсского мемориала на месте одноименного концлагеря. Музей носит откровенно политический характер с тенденцией к обелению нацизма и нацистских преступников и анонсируется как «памятник жертвам двух оккупаций» и «мемориал жертвам тоталитарных режимов».

По примеру музея оккупации Латвии 23 сентября 2018 г. в г. Зедельгем (Бельгия) был открыт памятник латышским легионерам ваффен-СС, которые в конце войны оказались в местном лагере для военнопленных. Но по решению муниципальных властей памятник был демонтирован в мае 2022 г., что вызвало обостренную реакцию властей Латвии.

«11 ноября 2021 г. Сейм Латвии внес поправку к законам “О безопасности на публичных развлекательных и праздничных мероприятиях” и “О праздничных и памятных днях”, запрещающую использование георгиевской ленты. А 31 марта 2022 г. была принята поправка, запрещающая проведение мероприятий в радиусе 200 метров от любого памятника, “прославляющего победу и память Советской армии или ее военнослужащих в Латвии”» *(О ситуации с героизацией нацизма, распространении неонацизма и других видов практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости (Доклад Министерства иностранных дел Российской Федерации – 2022 г.) // [Электронный ресурс]: URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/humanitarian_cooperation/1827824/#_Toc112861598 (дата обращения: 30.04.2025))*.

В Эстонии с 1990-х гг. в последнюю субботу июля в Синимяэ проходит слет ветеранов эстонского легиона 20-й дивизии «Ваффен-СС», которых в стране официально именуют «борцами за свободу Эстонии».

Активными усилиями по реабилитации гитлеровских пособников отметился эстонский журнал «Культура и жизнь» (KultuurjaElu), практически каждый номер которого уделяет существенное внимание «героям борьбы за свободу», служившим в рядах ваффен-СС, а также позитивной подаче истории периода немецкой оккупации в 1941–1944 гг.

«В Эстонии 4 мая 2006 г. на заседании Таллинского горсобрания фракция националистического Союза Отечества потребовала убрать из центра города мемориал “Воину-освободителю от немецко-фашистских захватчиков” (Бронзовый солдат) и захоронение, мотивируя свое требование тем, что памятник “героизирует оккупацию страны Советским Союзом в 1944 г. и не вяжется с существованием независимой Эстонской Республики”. В апреле 2007 г. памятник был перенесен из центра Таллина на военное кладбище на окраину города, что вызвало массу протестов со стороны общественности» [10, с. 298].

С 2007 г. в Эстонии официально запрещена всякая советская символика, которая приравнена к нацистской. Нарушителям грозит штраф или три года лишения свободы.

Нужно сказать, что искусство, а в частности кинематограф, также играет роль в формировании образа «борца за свободу» в Прибалтике. 21 мая 2015 г. состоялась премьера художественного фильма эстонского режиссера Элмо Нюганена «1944». В нем рассматриваются военные события, происходившие с лета по осень 1944 г. в Эстонии. Война показана глазами участников событий с обеих враждующих сторон – эстонцев, которые воевали и на стороне немецкой армии в 20-й эстонской дивизии ваффен-СС, и в составе 8-го Эстонского стрелкового корпуса Советской армии. Но при всей интересной задумке и качестве снятия фильма бросается в глаза некий дисбаланс негативного изображения СССР. Фильм переполнен штампами про «злодеев советских офицеров и злодеев комис-

саров». В 2017 г. Североатлантическим альянсом был выпущен пропагандистский ролик, в котором в качестве отважных героев предстают «лесные братья» – пособники нацизма.

«С августа 2018 г. в Таллине работает "Мемориал жертв коммунизма", концепция которого построена на поминании жертв "преступлений советских коммунистов" в 1940–1991 гг. В 2019 г. в эстонской столице в здании бывшей Батарейной тюрьмы открылась выставка "Коммунизм – это тюрьма"», которую планируется к 2026 г. преобразовать в международный музей памяти жертв коммунизма» *(О ситуации с героизацией нацизма, распространении неонацизма и других видов практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости (Доклад Министерства иностранных дел Российской Федерации – 2022 г.) // [Электронный ресурс]: URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/humanitarian_cooperation/1827824/#_Toc112861598 (дата обращения: 30.04.2025))*.

Как уже отмечалось, в Прибалтике приняты законы, уравнивавшие нацизм и коммунизм, немецкую оккупацию с советской и запрещение советской и нацистской символики. Это сделало «законным» политическое по своей сути преследование ветеранов Великой Отечественной войны, партизан, участников антифашистского сопротивления, бывших сотрудников госучреждений. В Латвии Василий Кононов, ветеран Великой Отечественной войны, партизан, по решению Верховного Суда в 1998 г. был признан военным преступником и приговорен к шести годам лишения свободы. Характерно, что этот приговор был подтвержден и Большой палатой Европейского суда по правам человека в Страсбурге, но с выплатой компенсации. В общей сложности ветеран отбыл в заключении один год и восемь месяцев. Отказавшись от эстонского гражданства, получил российское, остался жить в Риге и умер в 2011 г. В Эстонии умерли, находясь под следствием или уже будучи осужденными, «Михаил Неверовский (бывший оперативный уполномоченный Пярнумааского отдела МГБ ЭССР), Владимир Логинов (бывший оперативный уполномоченный Ярвамааского отдела МГБ ЭССР) и др. В мае 2008 г. начался суд над единственным в государстве Героем Советского Союза 88-летним Арнольдом Мери. Он мог получить пожизненное заключение, но из-за проблем со здоровьем у ветерана судебный процесс был приостановлен. Арнольд Мери умер 27 марта 2009 г., до последнего дня настаивая на своей невиновности» *(Кому нужны слеты бывших эсэсовцев в эстонском Синимяэ? // [Электронный ресурс]: URL: https://eadaily.com/ru/news/2015/07/26/komu-nuzhny-slyoty-byvshih-esesovcev-v-estonskom-sinimyae (дата обращения: 30.04.2025))*.

29 марта 2004 г. состоялась церемония официального вступления в НАТО Литвы, Латвии, Эстонии, а 1 мая 2004 г. в Европейский Союз. Данное событие повлияло и на принятие конкретных политических шагов правительствами этих стран. Почувствовав поддержку «цивилизованного Запада», усилили антироссийскую риторику, которая отразилась на русскоязычном сегменте в странах Прибалтики. В Эстонии и Латвии еще с начала 1990-х гг. русское население (около 500 тыс. чел.) не признавалось гражданами той страны, в которой проживало. Эстония после переговоров с Россией предоставляет всем желающим вид на жительство. Латвия не уступала, продолжая закрывать русские школы. Уступки были достигнуты только после введения Россией экономических санкций в виде отказа от латвийских товаров в 1998 г. Но в 2004 г. в Латвии было запрещено преподавать на русском языке и возобновляется закрытие русских школ [11, с. 99]. До сих пор в Латвии и Эстонии существует категория неграждан.

Во внешнеполитическом спектре на всем протяжение двух Чеченских военных компаний указанные страны занимали антироссийскую позицию и проводили официальный курс, направленный на поддержку «правительства Ичкерии» и сепаратистов, являясь «голосом» международной позиции западных европейских стран. Более того, в 2017 г. блоком НАТО в странах Прибалтики было развернуто передовое присутствие в виде четырех многонациональных боевых групп. А с 2024 г. Латвия стала первой страной, которая нарастила передовое присутствие и создала Многонациональную бригаду НАТО.

С середины 2000-х гг. начинает выстраиваться консолидированная позиция стран – членов ЕС и так называемого коллективного Запада о «равной ответственности тоталитарных режимов Гитлера и Сталина» за начало Второй мировой войны. 25 января 2006 г. Парламентской Ассамблеей Совета Европы была принята резолюция № 1481, призывающая к осуждению преступлений тоталитарных коммунистических режимов. 3 июня 2008 г. европейскими политиками была подписана Пражская декларация о европейской совести и коммунизме, в которой содержится призыв к осуждению преступлений коммунистических режимов. А 3 июля 2009 г. Парламентской ассамблеей ОБСЕ попытались принять резолюцию «Объединение разделенной Европы: защита прав человека и гражданских

свобод в XXI веке в регионе ОБСЕ». В трех перечисленных документах, принятых в Европе, была предпринята попытка уравнять нацизм с коммунизмом и призвать к международному осуждению тоталитарных режимов, а также возложить наравне с Германией ответственность за начало Второй мировой войны на СССР [12, с. 195].

В январе 2020 г. представители Литвы, Латвии, Грузии, Эстонии и Польши воздержались от подписания в Парламентской ассамблее Совета Европы (ПАСЕ) российской декларации о недопущении пересмотра истории и итогов Второй мировой войны.

Еще одна претензия Прибалтийских стран к Москве – ведение «агрессивной» кампании в средствах массовой информации в связи с празднованием Победы в Великой Отечественной войне. 7 мая 2020 г. президентами Литвы, Латвии и Эстонии было принято совместное заявление по случаю 75-й годовщины окончания Второй мировой войны в Европе, в котором они назвали «оккупацией» освобождение Прибалтики от нацистов Красной Армией, «поскольку один тоталитарный режим сменился другим». В июне 2021 г. в видеообращении главы трех прибалтийских государств в связи с 80-летием депортаций из этих стран заявили о равной ответственности нацистской Германии и Советского Союза за развязывание Второй мировой войны.

С целью закрепления новых «историко-национальных» подходов в Прибалтике соответствующим образом переписываются учебники для школ и вузов и организовывается учебный процесс. Создаются туристические маршруты по местам «боевой славы» «лесных братьев». В мае 2021 г. в Латвии и Эстонии была создана карта и брошюра со 150 военно-историческими туристскими объектами с экспозициями. Кроме этого, в общественно-информационном пространстве Литвы, Латвии и Эстонии под запретом находится тема военных преступлений «лесных братьев» и прибалтийских эсэсовцев, которые именуются теперь «борцами с советской властью».

Таким образом, прибалтийские республики продолжают вести последовательную и систематическую политику на исторический ревизионизм, очернение советской истории, ее декоммунизацию, оправдание и героизацию пособников нацистского режима. Такая искаженная, замешанная на националистической идеологии и русофобии интерпретация совместной истории привела к взращиванию нескольких поколений, воспитанных на отрицательном отношение к русскому народу, и к формированию образа врага в лице Российской Федерации.

Процесс пересмотра истории Великой Отечественной войны и героизации нацистских пособников подготовил социальную базу и общественное мнение в указанных странах для поддержки проведения реальной антироссийской политики. Которая характеризуется помощью любым оппозиционным силам РФ, начиная от «правительства Ичкерии» и заканчивая российскими иноагентами, наличием категории неграждан из русскоязычного населения, закрытием русских школ, запретом русского языка (28 сентября 2023 г. Сейм Латвии одобрил запрет русского языка), наращиванием военного присутствия блока НАТО, что несет угрозы национальным интересам России. Из последних торжественных распиаренных акций было событие 8 февраля 2025 г. – отключение Литвы, Латвии, Эстонии от российской энергосистемы со словами Президента Литвы Г. Науседа «Goodbye, Russia! Goodbye, Lenin! We made it!» («Прощай, Россия! Прощай, Ленин! Мы сделали это!»). 9 февраля 2025 г. они синхронизировались с европейской сетью.

Корректные оценки прошлого, как и нормализация отношений с перечисленными странами, – это дело будущего, на которое во многом повлияет Победа в специальной военной операции на Украине.

Литература

1. *Жабский В.А., Шувалов А.А.* Героизация украинских националистов как угроза национальным интересам Российской Федерации // Вестник экономической безопасности. 2019. № 4. С. 15–20.

2. *Дробязко С., Каращук А.* Вторая Мировая война 1939–1945. Восточные добровольцы в Вермахте, полиции и СС. М.: АСТ, 2000. 46 с.

3. *Лукьянов С.А., Размахов К.Е., Шувалов А.А.* Великая Отечественная война советского народа: исторические реалии против фальсификации. Часть 1: учебное пособие. М.: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2018. 128 с.

4. *Крысин М.Ю.* Латышские «лесные братья» и немецкие спецслужбы. 1941–1956. М.: Вече, 2016. 496 с.

5. *Пыхалов И.В.* За что Сталин выселял народы? М.: Яуза-Пресс, 2011. 477 с.

6. *Широкорад А.Б.* Утерянные земли России. XIX–XX вв. М.: Вече, 2012. 480 с.

7. *Шувалов А. А.* Органы и войска НКВД СССР в ликвидации банд подполья на Украине и Прибалтике // Сборник статей научно-представительских мероприятий. Актуальные вопросы правоохранительной деятельности: проблемы теории, философии, нормотворчества и правоприменения. Рязань: ИП Коняхин А. В. (Book Jet), 2020. С. 182–187.

8. *Жилкин М. Г., Качалов В. В., Кузьмин С. И. и др.* Реабилитация нацизма националистическими формированиями в бывших республиках СССР и их единомышленниками в странах Европы: учебное пособие / рук.: М. Г. Жилкин. М.: Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2022. 89 с.

9. Формирование образа России в массовом сознании как предмет идеологической борьбы: монография / под ред. А. Л. Анисина. Тюмень, 2015. 89 с.

10. *Шувалов А. А.* Роль науки в пресечении попыток фальсификации событий Великой Отечественной войны // Ступени. Альманах научных работ студентов. Вып. № 6. Брянск, 2012. С. 295–298.

11. *Шувалов А. А., Размахов К. Е., Куликова С. Г.* Формирование новой российской государственности (конец XX в. – начало XXI в.): проблемы международного сотрудничества в период кризиса и распада Советского государства. Учебное пособие. М.: Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2020. 115 с.

12. *Яковлева М. А., Марченко Е. М.* Фальсификация событий Великой Отечественной войны как подмена исторических ценностей // Актуальные вопросы противодействия фальсификациям истории Великой Отечественной войны (к 75-летию Победы). Материалы межведомственного круглого стола 16 апреля 2020 г. Саратов, 2020. С. 193–197.

References

1. *Zhabskii V. A., Shuvalov A. A.* Geroizatsiya ukrainskikh natsionalistov kak ugroza natsional'nym interesam Rossiiskoi Federatsii [Glorification of Ukrainian nationalists as a threat to the national interests of the Russian Federation]. *Vestnik ekonomicheskoi bezopasnosti [Bulletin of Economic Security],* 2019, no. 4, pp. 15–20. (In Russian, abstract in English)

2. *Drobyazko S., Karashchuk A.* Vtoraya Mirovaya voina 1939–1945. Vostochnye dobrovol'tsy v Vermakhte, politsii i SS [The Second World War 1939–1945. Eastern volunteers in the Wehrmacht, police and SS]. Moscow, AST Publ., 2000. 46 p. (In Russian)

3. *Luk'yanov S. A., Razmakhov K. E., Shuvalov A. A.* Velikaya Otechestvennaya voina sovetskogo naroda: istoricheskie realii protiv falsifikatsii. Chast' 1: uchebnoe posobie [The Great Patriotic War of the Soviet people: historical realities against falsification. Part 1: study guide]. Moscow, Moskovskii universitet MVD Rossii imeni V. Ya. Kikotya Publ., 2018. 128 p. (In Russian)

4. *Krysin M. Yu.* Latyshskie «lesnye brat'ya» i nemetskie spetssluzhby. 1941–1956 ["Forest Brothers" and German Special Services. 1941–1956]. Moscow, Veche Publ., 2016. 496 p. (In Russian)

5. *Pykhalov I. V.* Za chto Stalin vyselyal narody? [Why Did Stalin Evict Peoples?]. Moscow, Yauza-Press Publ., 2011. 477 p. (In Russian)

6. *Shirokorad A. B.* Uteryannye zemli Rossii. XIX–XX vv. [Lost Lands of Russia. XIX–XX centuries]. Moscow, Veche Publ., 2012. 480 p. (In Russian)

7. *Shuvalov A. A.* Organy i voiska NKVD SSSR v likvidatsii band podpol'ya na Ukraine i Pribaltike [NKVD Agencies and Troops of the USSR in the Liquidation of Underground Gangs in Ukraine and the Baltics]. In *Sbornik statei nauchno-predstavitel'skikh meropriyatii. Aktual'nye voprosy pravookhranitel'noi deyatelnosti: problemy teorii, filosofii, normotvorchestva i pravoprimeneniya [Collection of articles from scientific and representative events. Current issues of law enforcement: problems of theory, philosophy, rule-making and law enforcement].* Ryazan': IP *Konyakhin A. V.* (Book Jet) Publ., 2020, pp. 182–187. (In Russian)

8. *Zhilkin M. G., Kachalov V. V., Kuz'min S. I. et al.* Reabilitatsiya natsizma natsionalisticheskimi formirovaniyami v byvshikh respublikakh SSSR i ikh edinomyshlennikami v stranakh Evropy: uchebnoe posobie [Rehabilitation of Nazism by Nationalist Formations in the Former Soviet Republics and Their Like-minded People in European Countries: A Textbook]. Sc. ed. M. G. Zhilkin. Moscow, Moskovskii universitet MVD Rossii imeni V. Ya. Kikotya Publ., 2022. 89 p. (In Russian)

9. Formirovanie obraza Rossii v massovom soznanii kak predmet ideologicheskoi bor'by: monografiya [Formation of the Image of Russia in the Mass Consciousness as a Subject of Ideological Struggle: A Monograph]. Ed. A. L. Anisina. Tyumen', 2015. 89 p. (In Russian)

10. *Shuvalov A. A.* Rol' nauki v presechenii popytok fal'sifikatsii sobytii Velikoi Otechestvennoi voiny [The Role of Science in Stopping Attempts to Falsify the Events of the Great Patriotic War]. In *Stupeni. Al'manakh nauchnykh rabot studentov. Vypusk № 6 [Steps. Almanac of Students' Scientific Works. Issue No. 6].* Bryansk, 2012, pp. 295–298. (In Russian)

11. *Shuvalov A. A., Razmakhov K. E., Kulikova S. G.* Formirovanie novoi rossiiskoi gosudarstvennosti (konets XX v. – nachalo XXI v.): problemy mezhdunarodnogo sotrudnichestva v period krizisa i raspada Sovetskogo gosudarstva. Uchebnoe posobie [Formation of a new Russian statehood (late 20th century – early 21st century): problems of international cooperation during the crisis and collapse of the Soviet state. Study guide]. Moscow, Moskovskii universitet MVD Rossii imeni V. Ya. Kikotya Publ., 2020. 115 p. (In Russian)

12. *Yakovleva M. A., Marchenko E. M.* Fal'sifikatsiya sobytii Velikoi Otechestvennoi voiny kak podmena istoricheskikh tsennostei [Falsification of events of the Great Patriotic War as a substitution of historical values]. In *Aktual'nye voprosy protivodeistviya fal'sifikatsiyam istorii Velikoi Otechestvennoi voiny (k 75-letiyu Pobedy). Materialy mezhvedomstvennogo kruglogo stola 16 aprelya 2020 g. [Current issues of counteracting falsifications of the history of the Great Patriotic War (on the 75th anniversary of the Victory). Materials of the interdepartmental round table of April 16, 2020].* Saratov, 2020, pp. 193–197. (In Russian)

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

ВЛИЯНИЕ ПРИМИРЕНИЯ НА УГОЛОВНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ: СТАТИСТИКА, ПРАКТИКА И ПЕРСПЕКТИВЫ

Клоченко Лариса Николаевна

Цель: *на основе анализа статистических данных Судебного департамента при Верховном Суде проанализировать причину неэффективности такого значимого уголовно-правового института, как освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим (ст. 76 УК РФ). Автор ставит задачу найти возможности расширения потенциала примирения с потерпевшим. Также в рамках этого института необходимо рассмотреть проблемные вопросы условно-досрочного освобождения.*

Методология: *включает анализ, синтез, дедукция, формально-юридический метод, системный метод.*

Выводы. *Необходимо рассмотреть вопрос об установлении в законе механизма, мотивирующего осужденных впервые за преступления небольшой или средней тяжести возмещать вред потерпевшим и примиряться с ними. Данный механизм может быть реализован путем установления специального (льготного) основания условно-досрочного освобождения и замены неотбытой части наказания в случае примирения с потерпевшим (наряду с наличием обязательных общих условий условно-досрочного освобождения), например в части исключения требования об отбытии определенного срока наказания в отношении лиц, осужденных впервые за преступления небольшой или средней тяжести, примирившихся с потерпевшими.*

Научная и практическая значимость. *Научная значимость состоит в том, что автор рассмотрел вопросы расширения применения института примирения с потерпевшим, правовые последствия примирения после вынесения приговора, а также предложения законодательных инициатив, способствующих его более эффективному использованию. Работа носит теоретический характер.*

Ключевые слова: *уголовная ответственность, преступление, освобождение от уголовной ответственности, условно-досрочное освобождение, примирение с потерпевшим, возмещение вреда, возмещение ущерба, прекращение уголовных дел, пенитенциарная медиация.*

В рамках действующего уголовного и уголовно-процессуального законодательства примирение с потерпевшим рассматривается исключительно в качестве основания освобождения от уголовной ответственности (ст. 76 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)) и соответствующего основания прекращения уголовного дела (ст. 25 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ)), которое применимо до момента вынесения судом обвинительного приговора.

В соответствии со ст. 76 УК РФ «Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим» лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобождено от уголовной ответственности, если оно примирилось с потерпевшим и загладило причиненный потерпевшему вред.

В ст. 25 УПК РФ предусматривается одно основание для прекращения уголовного дела за примирением сторон, которое УК РФ не содержит: наличие заявления об этом потерпевшего (либо его законного представителя). В этой же норме применительно к субъектам, которые могут прекратить уголовное дело по рассматриваемому основанию, относятся суд, следователь и дознаватель. При этом следователь должен

DOI 10.31085/2310-8681-2025-3-288-24-28

получить согласие на прекращение уголовного дела от руководителя своего следственного органа, а дознаватель – от прокурора соответственно [1, с. 27–33].

Таким образом, условия примирения ст. 76 УК РФ можно разделить на две группы (основным критерием является зависимость или независимость условий от желания (нежелания) обвиняемого и потерпевшего): объективные (лицо совершило преступление впервые; преступление относится к категории небольшой и средней тяжести) и субъективные (реальное примирение обвиняемого с потерпевшим, заглаживание в любой форме вреда, причиненного преступлением, согласие обвиняемого и правоохранительных органов на признание и на прекращение уголовного дела) [2, с. 27–33].

В п. 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 разъяснено, что «под заглаживанием вреда для целей статьи 76 УК РФ следует понимать возмещение ущерба, а также иные меры, направленные на восстановление нарушенных в результате преступления прав и законных интересов потерпевшего», перечисленные в п. 2.1 указанного постановления *(постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» // СПС «Консультант-Плюс» [Электронный ресурс: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_148355/])*.

Под заглаживанием вреда понимается имущественная, в том числе денежная, компенсация морального вреда, оказание какой-либо помощи потерпевшему, принесение ему извинений, а также принятие иных мер, направленных на восстановление нарушенных в результате преступления прав потерпевшего, законных интересов личности, общества и государства.

Способы заглаживания вреда, а также размер его возмещения определяются потерпевшим.

Форма возмещения ущерба или заглаживания вреда, причиненного преступлением, может быть абсолютна любая и зависеть от особенностей деяния, вида состава преступления (материальный, формальный, усеченный). При этом факт возмещения ущерба или заглаживания вреда, причиненного преступлением, не означает восстановления прежнего состояния нарушенного объекта преступного посягательства. Объект может быть и не восстановлен по причине причинения такого вреда, который восстановлению, например в натуре, не подлежит. Но это не означает, что лицо, совершившее преступление, не может предпринять иные действия, направленные на заглаживание вреда [3].

Вместе с тем в литературе отмечается, что суды достаточно формально подходят к вопросу о примирении, в большинстве случаев не устанавливая, возмещен ли вред потерпевшему. Так, по данным Я. М. Матвеевой, в более чем 50% случаев в постановлениях о прекращении уголовных дел отсутствуют сведения о виде и размере причиненного потерпевшему вреда, так же, как и сведения о том, возмещен ли вред в полном объеме [4; 156].

Помимо требования о возмещении лицом до вынесения судом обвинительного приговора вреда, причиненного преступлением, возможность применения ст. 76 УК РФ зависит и от наличия факта примирения обвиняемого с потерпевшим.

Само понятие «примирение» означает отказ от имеющихся изначально претензий со стороны потерпевшего к лицу, совершившему в отношении него преступление, либо просьбу прекратить возбужденное по его заявлению уголовное дело. В связи с этим возникает необходимость официального заявления потерпевшего органам юстиции об отсутствии претензий с его стороны к лицу, совершившему преступление [5].

Данный факт, как это реализуется сейчас применительно к ст. 76 УК РФ и ст. 25 УПК РФ, может быть зафиксирован в рамках заявления потерпевшего (его законного представителя), в том числе полученного и поданного осужденным самостоятельно вместе с ходатайством, и (или) подтвержден в ходе судебного заседания.

На практике такое примирение достигается в результате общения (переписок посредством почтовых отправлений), в том числе с участием представителей (защитников, адвокатов и др.), либо заключения примирительных соглашений и т.д.

Вместе с тем потерпевший может отказываться от примирения до вынесения обвинительного приговора, однако изменить свою позицию в этом вопросе после осуждения лица.

В то же время факт примирения с потерпевшим осужденного за впервые совершенное преступление небольшой или средней тяжести после вынесения приговора сам по себе не создает каких-либо правовых преференций для осужденного в процессе дальнейшего отбывания наказания.

По данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за со-

вершенные впервые преступления небольшой редней тяжести в 2021 г. осуждено 220 607 лиц (из них – 41 440 лиц условно), в 2022 г.– 232 341 лицо (из них 42 851 лицо – условно), в 2023 г.– 212 724 лица (из них – 34 622 лица условно).

При этом за совершение впервые преступлений указанных категорий наказанию в виде лишения свободы в 2021 г. осуждены 41 338 лиц (в том числе условно – 33 885 лиц), в 2022 г.– 43 260 лицо (в том числе условно – 34 933 лица), в 2023 г.– 36 554 лица (в том числе условно – 28 806 лиц).

Стоит отметить, что в период с 2011 по 2023 г. количество лиц, освобожденных от ответственности в связи с примирением с потерпевшим, сокращалось.

Так, если в 2011 г. таких лиц было 207 842 лица (1 к 3,8 в соотношении с осужденными за год), то в 2022 г.– 120 401 лицо (1 к 4,8), а в 2023 г. – лишь 90 929 лиц (1 к 6,1) *(см. информацию на официальном сайте Судебного департамента при Верховном Суде РФ в сети «Интернет» // URL: http://www.cdep.ru/index (дата обращения: 09.03.2025))*.

Столь малое количество прекращенных уголовных дел позволяет сделать вывод о неэффективности применения ст. 76 УК РФ и задуматься о проблемах ее реализации, в том числе о возможности расширения потенциала примирения с потерпевшим как поощрительной нормы для лица, совершившего преступление.

Согласно ч. 1 ст. 79 УК РФ лицо, отбывающее содержание в дисциплинарной воинской части, принудительные работы или лишение свободы, подлежит условно-досрочному освобождению, если судом будет признано, что для своего исправления оно не нуждается в полном отбывании назначенного судом наказания, а также возместило вред (полностью или частично), причиненный преступлением, в размере, определенном решением суда. При этом лицо может быть полностью или частично освобождено от отбывания дополнительного вида наказания.

Наряду с этим в ч. 3 ст. 79 УК РФ установлены сроки, отбытие которых необходимо для условно-досрочного освобождения. При этом ч. 4 ст. 79 УК РФ закреплено, что фактически отбытый осужденным срок лишения свободы не может быть менее шести месяцев.

При решении вопроса о возможности применения условно-досрочного освобождения от отбывания наказания или замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания согласно положениям ст. 79, 80 и 93 УК РФ судам надлежит обеспечить индивидуальный подход к каждому осужденному.

Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания может быть применено только к тем осужденным, которые по признанию суда для своего исправления не нуждаются в полном отбывании назначенного судом наказания и отбыли предусмотренную законом его часть с учетом времени содержания под стражей до вынесения приговора и вступления его в законную силу *(постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 апреля 2009 г. № 8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания» // СПС «Консультант-Плюс» [Электронный ресурс: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_87192/ (дата обращения 04.07.2025))*.

Производство по материалам, связанное с рассмотрением упомянутых вопросов, предполагает судебную процедуру проверки наличия (отсутствия) фактов, имеющих юридическое значение для разрешения дела по существу.

По смыслу взаимосвязанных положений ст. 79 УК РФ и ст. 175 УИК РФ критериями применения условно-досрочного освобождения для осужденных являются: правомерное поведение, отношение к содеянному, отсутствие злостных нарушений, добросовестное отношение к обязанностям в период отбывания назначенного наказания, а также уважительное отношение к другим осужденным и сотрудникам исправительной системы.

Рассматривая ходатайство осужденного, суд устанавливает обстоятельства, которые бы свидетельствовали о его стабильно положительном поведении, о возможности достижения целей наказания без дальнейшего его отбывания и том, что осужденный твердо встал на путь исправления, утратил общественную опасность и для своего исправления не нуждается в полном отбытии назначенного судом наказания.

Конституционный Суд РФ в определении от 20 февраля 2007 г. № 110-О-П признал, что уголовный закон не дает оснований рассматривать в качестве подлежащих учету при смягчении наказания обстоятельств, характеризующих личность осужденного и его поведение после постановления приговора, предопределяющих возможность или невозможность применения условно-досрочного освобождения, непризнание лицом своей вины в совершении преступления или его раскаяние в содеянном *(определение Конституционного Суда РФ от 20 февраля 2007 г. № 110-О-П» // СПС «Консультант-Плюс» // https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=d*

oc&base=ARB&n=39854#FA3bEpUMJqAwmtWY1 (дата обращения: 04.07.2025)).

При этом все указанные обстоятельства, подлежащие учету при применении условно-досрочного освобождения от наказания, за исключением установленного законом размера неотбытой части наказания, носят оценочный характер и могут рассматриваться как основание для применения указанного института или, наоборот, для отказа в его применении только с учетом всей совокупности обстоятельств дела [6; с. 237–249].

В связи с этим представляется целесообразным рассмотреть вопрос об установлении в законе механизма, мотивирующего осужденных впервые за преступления небольшой или средней тяжести возмещать вред потерпевшим и примиряться с ними, что позволит расширить практику применения ст. 79 и ст. 80 УК РФ, а также создаст предпосылки для развития института пенитенциарной медиации.

Данный механизм может быть реализован путем установления специального (льготного) основания условно-досрочного освобождения и замены неотбытой части наказания в случае примирения с потерпевшим (наряду с наличием обязательных общих условий условно-досрочного освобождения), например в части исключения требования об отбытии определенного срока наказания в отношении лиц, осужденных впервые за преступления небольшой или средней тяжести, примирившихся с потерпевшими.

Литература

1. *Пашкова Е. В.* Актуальные проблемы прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон // Мировой судья. 2024. № 7. С. 27–33.

2. *Мартыненко Н. Э.* Проблемы применения нормы о примирении с потерпевшим (ст. 76 УК РФ) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2012. № 4 (1). С. 335–340.

3. *Гарбатович Д. А.* Возмещение ущерба и иное заглаживание вреда как условия освобождения от уголовной ответственности (ст. 76, 76^2 УК РФ) в зависимости от особенностей объекта преступления // Уголовное право. 2024. № 12. С. 12–27 // СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 09.03.2025).

4. *Матвеева Я. М.* Институт освобождения от уголовной ответственности в российском уголовном праве: модернизация и поиск альтернативных способов урегулирования уголовно-правового конфликта: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2016. С. 156.

5. *Эсенбулатова Э. Х., Гаджибекова Ф. Б.* Институт освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим: проблемы теории и законодательства // Проблемы науки. 2019. № 10 (46). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/institut-osvobozhdeniya-ot-ugolovnoy-otvetstvennosti-v-svyazi-s-primireniem-s-poterpevshim-problemy-teorii-i-zakonodatelstva (дата обращения: 09.03.2025).

6. *Макарова О. В.* Об участии потерпевшего при рассмотрении судом вопросов об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания // Комментарий судебной практики / отв. ред. К. Б. Ярошенко. М.: ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2019. С. 237–249.

References

1. *Pashkova E. V.* Aktual'nye problemy prekrashcheniya ugolovnogo dela v svyazi s primireniem storon [Actual problems of termination of a criminal case in connection with reconciliation of the parties] // In *Mirovoi sud'ya. [Justice of the Peace].* 2024. № 7. S. 27–33.

2. *Martynenko N. E.* Problemy primeneniya normy o primirenii s poterpevshim (st. 76 UK RF) [Problems of application of the norm on reconciliation with the victim (Art. 76 UK RF)] // In *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo [Bulletin of Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky].* 2012. № 4 (1). S. 335–340.

3. *Garbatovich D. A.* Vozmeshchenie ushcherba i inoe zaglazhivanie vreda kak usloviya osvobozhdeniya ot ugolovnoi otvetstvennosti (st. 76, 76^2 UK RF) v zavisimosti ot osobennostei ob''ekta prestupleniya [Compensation of damage and other amelioration of harm as conditions for exemption from criminal liability (Art. 76, 76^2 of the Criminal Code of the Russian Federation) depending on the features of the object of crime] // In *Ugolovnoe pravo. [Criminal Law].* 2024. № 12. S. 12–27 // SPS «Konsul'tant-Plyus» (data obrashcheniya: 09.03.2025).

4. *Matveeva Ya. M.* Institut osvobozhdeniya ot ugolovnoi otvetstvennosti v rossiiskom ugolovnom prave: modernizatsiya i poisk al'ternativnykh sposobov uregulirovaniya ugolovno-pravovogo konflikta: dis. ... kand. yurid. nauk [Institute of exemption from criminal liability in Russian criminal law: modernization and search for alternative ways of settling the criminal-legal conflict: dis. ... cand. jurid. nauk]. SPb., 2016. S. 156.

5. *Esenbulatova E. Kh., Gadzhibekova F. B.* Institut osvobozhdeniya ot ugolovnoi otvetstvennosti v svyazi s primireniem s poterpevshim: problemy teorii i zakonodatel'stva [Institute of exemption from criminal liability in connection with reconciliation with the victim: problems of theory and legislation] // In *Problemy nauki. [Problems of Science].* 2019. № 10 (46). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/institut-osvobozhdeniya-ot-ugolovnoy-otvetstvennosti-v-svyazi-s-primireniem-s-poterpevshim-problemy-teorii-i-zakonodatelstva (data obrashcheniya: 09.03.2025).

6. *Makarova O. V.* Ob uchastii poterpevshego pri rassmotrenii sudom voprosov ob uslovno-dosrochnom osvobozhdenii ot otbyvaniya nakazaniya [On the participation of the victim when the court considers the issues of parole from serving the sentence] // In *Kommentarii sudebnoi praktiki [Commentary of judicial practice]* / otv. red. K. B. Yaroshenko. M.: IZiSP, KONTRAKT, 2019. S. 237–249.

ФИЛОСОФСКАЯ И УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ МЫСЛЬ ОБ ИДЕЕ СОРАЗМЕРНОСТИ В ПЕРИОД НОВОГО ВРЕМЕНИ

Ковальчук Алексей Васильевич

Цель: *на основании исследования эволюции идеи соразмерности как философского и уголовно-правового феномена в период Нового времени и эпохи Просвещения (XVI–XIX вв.) выявить закономерности ее трансформации, а также дать оценку ее влияния на формирование гуманизации уголовного права, дифференциации уголовной ответственности, справедливости и защиты граждан от произвола.*

Методология: *диалектический метод, историко-правовой и философский анализ, сравнительно-правовой анализ, метод систематизации.*

Выводы. *Развитие научной мысли о соразмерности как философском и уголовно-правовом феномене в период Нового времени характеризовалось рядом закономерностей: постепенным изменением восприятия мыслителями данной идеи от практического инструмента законотворчества и правоприменения до философско-этико-правового идеала; синтезом распределительной справедливости и учетом индивидуальных обстоятельств дела; оценкой соразмерности как идеи ограничения государственной власти; диалектическим процессом «снятия» преступления через наказание. Выделенные закономерности существенно повлияли на дальнейшее совершенствование гуманизации уголовного права.*

Научная и практическая значимость. *Сформулированные выводы вносят вклад в развитие уголовно-правовой теории, систематизируя воззрения об идее соразмерности в контексте ее исторической эволюции. Практическая значимость заключается в возможности применения полученных выводов для совершенствования современного уголовного законодательства: обоснования дифференциации уголовной ответственности, гуманизации уголовного закона, обеспечения баланса между его строгостью и защитой прав личности. Идеи мыслителей Нового времени актуальны для дальнейших исследований затронутой проблематики.*

Ключевые слова: *баланс, Новое время, принцип талиона, пропорциональность, Просвещение, рационализм, справедливость, уголовное наказание, уголовный закон, уголовно-правовая соразмерность, эмпиризм.*

Развитие научной мысли о соразмерности как философском и уголовно-правовом феномене в историческом контексте наиболее ярко проявилось и было зафиксировано в философских и правовых текстах периода Нового времени и эпохи Просвещения (XVI–XIX вв.), характеризующихся постепенным переходом от религиозного миропонимания к рационализму – разуму как к единственному критерию познания человека и общества, а также эмпиризму – опоре на чувства и опыт. Мыслители указанного периода связывали соразмерность с рациональным устройством закона и справедливым его применением.

Английский философ и государственный деятель, основоположник эмпиризма и английского материализма Фрэнсис Бэкон (1561–1626) раскрывал понимание соразмерности через сопоставление ясности законодательства и его адаптации к меняющимся условиям, объективности правосудия и гибкости в применении правовых норм, строгости закона и проявления милосердия к виновному. Критикуя законы, философ указывал на необходимость устранения их нормативной запутанности и архаичности. Закон, по его мнению, должен быть точным, практичным, справедливым и адаптированным к реальным условиям. «Нет худших сетей, – пишет Бэкон, – чем сети законов, особенно уголовных, если они бесчисленны, с течением времени стали бесполезны, не освещают путь, а запутывают ноги путника»

DOI 10.31085/2310-8681-2025-3-288-29-35

[1, с. 520]. «Закон можно считать хорошим в том случае, если смысл его точен, если требования его справедливы, если он легко исполним, если он согласуется с формой государства, если он рождает добродетель в гражданах» [1, с. 508].

Бэкон сравнивал судью с божественной силой, устраняющей крайности и компенсирующей неравенство сторон. При этом он предостерегал судей от избыточной строгости судебного усмотрения, призывал сочетать справедливость и сострадание к виновным, а также отказаться от применения законов, утративших свою социальную обусловленность. «Судья должен готовить справедливый приговор как бог прокладывает свой путь, наполняя всякий дол и понижая всякий холм. Если с какой-либо стороны окажется произвол..., вот тогда-то и должен праведный судья уравнять неравенство и как бы уравновесить весы правосудия» [2, с. 138]. «Где дело идет о жизни и смерти, судьям надлежит (поскольку дозволяет закон), верша правосудие, помнить о милосердии и взирать суровым оком на дурной пример, но милосердным – на самого виновника» [2, с. 139]. «Пусть судьи остерегаются толкований в дурную сторону и натянутых выводов; ибо нет пытки хуже, нежели пытка законом. Особенно в части уголовных законов должны они стараться, чтобы предостережение не превратилось в жестокость; и чтобы не обрушить на народ бедствия; ибо суровые уголовные законы для народа не что иное, как тенета и ловушки. А потому пусть те уголовные законы, кои пребывали в долгой спячке или стали непригодны для новых времен, мудрыми судьями применяются ограниченно» [2, с. 139].

Понимание соразмерности в учении голландского юриста и государственного деятеля Гуго Гроция (1583–1645) основывалось на Аристотелевской концепции справедливости. Гроций различал исполнительную и распределительную справедливости. Исполнительная справедливость, по его мнению, соответствует простой (арифметической) пропорции, а распределительная – относительной (геометрической) пропорции, то есть по достоинству [3, с. 69–70]. «Смысл истинной распределительной справедливости, – указывает автор, – состоит собственно не в подобном равенстве, как и не в переходе от целого к части, а в соблюдении меры того достоинства, которое еще не содержит в себе права в строго формальном смысле, но дает повод к его возникновению» [3, с. 452–453], *то есть причитается* (*Прим. авт.*). Рассуждая о том, относится ли наказание к распределительной или к исполнительной справедливости, Гроций отдавал предпочтение первой. При этом он отмечал: «То обстоятельство, что более тяжкие преступники наказываются тяжелее, а менее тяжкие преступники – легче, происходит только лишь как следствие, а не потому, что это имеется в виду сначала и само по себе. Ибо изначала и само по себе преследуется равенство между виной и наказанием» [3, с. 452].

Относительно соразмерности наказания он придерживался принципа определения меры виновному по заслуге: «Никто не должен быть наказан свыше своей виновности. В соответствии с виновностью преступление влечет большее или меньшее наказание по соображениям пользы» [3, с. 473]. Отрицая простую пропорцию в назначении наказания, Гроций был убежден, что «мера наказания определяется не только сама по себе, но в отношении к лицу, несущему наказание. Ибо одна и та же пеня неимущего обременит, богатого же не обременит; и для ничтожного по происхождению позор есть незначительное зло, для именитого же – тяжкое» [3, с. 477]. Таким образом, соразмерность у Гуго Гроция выступала не просто математической пропорцией, а этически обоснованным идеалом, предполагающим баланс между виной, индивидуальными обстоятельствами дела и наказанием, основанным на распределительной справедливости по достоинству.

Достаточно прогрессивную концепцию соразмерности предложил английский философ Томас Гоббс (1588–1679), один из основателей современной политической философии, теории общественного договора и государственного суверенитета, в своем знаменитом труде «Левиафан». Рассуждая о законах, он полагал, что «никто, кроме государства, не может издавать законы..., приказания государства должны быть выражены достаточно ясными знаками, ибо иначе человек не может знать, чему он должен повиноваться» [4, с. 182]. Вместе с тем философ был убежден, что законом является не конструкция закона, не его буква, а лишь то, что соответствует намерению законодателя – разум и приказ государства, адресованный его представителем – сувереном [4, с. 185]. При этом соразмерность закона достигается посредством разумного уяснения его смысла – достоверного толкования. «Толкователя закона, – писал автор, – назначает суверен, иначе ловкий толкователь может придать закону противоположный смысл и таким образом оказаться на месте законодателя... Писанные законы, сформулированы ли они в немногих или многих словах, не могут быть поняты без совершенного знания конечных причин, ради которых законы составлены, каковое значение имеет законодатель» [4, с. 189].

Относительно уяснения сущности преступления автор отмечал, что оно есть грех, которым является не только нарушение закона, но и выражение презрения к законодателю, ибо такое презрение есть нарушение всех законов сразу. Поэтому грех может состоять не только в совершении поступка или в неисполнении того, что повелевает закон, но также в намерении нарушить закон [4, с. 199]. Философ выделял различные степени преступления, измеряемые зловредностью источника или причины, заразительностью примера, вредностью последствий и обстоятельствами времени, места и лиц [4, с. 208]. Таким образом, у Гоббса дифференциация различных преступлений по характеру и степени общественной опасности выступала критерием соразмерности их ответственности в зависимости от совершенного деяния, степени реализации преступного намерения, свойств лица, его совершившего, соучастия в преступлении и иных обстоятельств дела.

О конструировании санкции в законе и ее применении автор отмечал: «Если наказание недостаточно сильно, чтобы удержать людей от совершения действия, то такое наказание является подстрекательством, так как взвешивая выгоды, проистекающие от нарушения, и зло, связанное с наказанием, люди по естественной необходимости выбирают то, что им представляется наиболее выгодным» [4, с. 202]. Если причиненное преступнику зло перевешивается благом или удовольствием, естественно связанным с совершением преступления, то это зло не подпадает под определение наказания, а является скорее ценой, заплаченной за преступление, или выкупом за него. Ибо в природу наказания входит цель расположить людей к повиновению законам... Если наказание за известное преступление определено и предписано самим законом, а на человека, повинного в этом преступлении, наложено большее наказание, то излишек есть не наказание, а враждебное действие... Целью наказания является не месть, а устрашение» [4, с. 215]. Изложенное позволяет утверждать, что Гоббс видел соразмерность санкции в балансе между достаточной строгостью установленного в ней наказания (чтобы выгода от преступления не перевешивала наказание) и недопустимостью его чрезмерности для исключения неоправданной жестокости, поскольку закон обязан формировать у граждан четкое понимание того, что преступление не окупится, а власть не злоупотребляет силой.

Одним из влиятельных мыслителей эпохи Просвещения является английский педагог и философ, представитель эмпиризма и либерализма Джон Локк (1632–1704), идеи которого оказали огромное влияние на развитие эпистемологии и политической философии. Наиболее известным трудом ученого является «Опыт о человеческом разумении», в котором, рассуждая о соразмерных отношениях, Локк отмечал: «Простая идея, которая, будучи способна иметь части или степени, дает возможность сравнивать друг с другом предметы, в которых она находится, в их отношении к этой простой идее. Эти отношения, зависящие от равенства или неравенства одной и той же простой идеи в разных предметах, можно назвать соразмерными. Они касаются только тех простых идей, которые получены от ощущения или рефлексии» [5, с. 402]. Таким образом, нравственные сущности и понятия основываются на простых идеях, которые мы получаем от ощущения или рефлексии, и ограничиваются ими [5, с. 410]. И их правильность или неправильность состоит в соответствии или несоответствии с теми образцами, которые предписываются каким-нибудь законом [5, с. 411].

Ведя речь об иерархии законов, к которым обращаются люди, чтобы судить о соразмерности своих поступков, философ дифференцирует их на три рода: 1) законы божественные, указывающие являются ли деяния грехом или исполнением долга; 2) законы гражданские, определяющие преступны ли деяния или безвредны; 3) законы общественного мнения, или доброго имени, свидетельствующие о том, являются ли деяния добродетелями или пороками [5, с. 406]. Рассуждая о формальной соразмерности, Локк указывает, что даже если норма, с которой сравнивается какое-либо действие, ложна, понятие о соразмерном отношении может сохраняться: «В отношениях, которые я называю нравственными, при сравнении действия с нормой, – пишет Джон Локк, – я получаю верное понятие об отношении, все равно, истинна ли норма или ложна... Хотя бы мерило было ошибочно, и я заблуждался относительно него, однако соответствие или несоответствие, наблюдаемое в том, что я сравниваю с ним, дает мне заметить отношение. Хотя измерение ложной нормой приведет меня к ошибочному суждению о нравственной справедливости действия, потому что я проверял его тем, что не есть истинная норма, однако я не ошибаюсь в отношении этого действия к той норме, с которой я его сравниваю, – в отношении, состоящем в соответствии или несоответствии» [5, с. 415].

Таким образом, Джон Локк связывает соразмерность с эмпирическим опытом, а не с абстрактными сущностями и понятиями. При этом

соразмерность опосредуется соответствием деяний людей определенным нормам – божественным, гражданским или общественному мнению, однако эта опосредованность не абсолютна, так как зависит от контекста и применяемой нормы. Поэтому философ выделяет два вида соразмерности – формальную и моральную, отмечая, что из-за ошибочности нормы (несправедливого закона) действия людей могут быть формально соразмерными, однако такая соразмерность будет лишь внешней, но не моральной, поскольку нарушает нравственную справедливость.

Не менее интересным видятся воззрения Локка, обращающего внимание в своем труде «Два трактата о правлении» на соблюдение соразмерности при причинении вреда при наличии обстоятельств, исключающих преступность деяния. Он пишет: «В естественном состоянии один человек приобретает какую-то власть над другим однако все же не полную или не деспотическую власть распоряжаться преступником, когда тот оказывается в его руках, распоряжаться под влиянием вспышки страстей или безграничной фантазии своей собственной воли, но только для возмездия ему в такой степени, в какой это предписывают спокойный рассудок и совесть, чтобы это соответствовало его нарушению, а именно настолько, чтобы это служило воздаянием и острасткой; ибо только эти два повода служат основанием для того, чтобы один человек законно причинил другому зло... В силу этого каждый человек благодаря тому нраву, которым он обладает для сохранения человечества вообще, может сдерживать или в необходимых случаях уничтожать вредные для людей вещи и, таким образом, может причинять зло всякому, кто преступил этот закон, в такой мере, чтобы заставить его раскаяться в содеянном и тем самым удержать его, а на его примере и других от подобных злодеяний. И в этом случае и по этой причине каждый человек имеет право наказать преступника и быть исполнителем закона природы» [6, с. 265–266].

Исследуя философскую мысль о соразмерности эпохи Просвещения, необходимо обратится к идеям французского философа и правоведа, одного из основоположников идеологии либерализма, развившего доктрину о разделении властей, Шарля Луи Монтескье (1689–1755). В своем наиболее известном трактате «О духе законов» Монтескье писал: «Для развития любви к равенству и умеренности нужно, чтобы они были установлены законами [7, с. 60–61], дух умеренности должен быть духом законодателя [7, с. 678]. Законы, издаваемые законодателем для всего общества, должны соответствовать форме правления государства» [7, с. 58]. Ведя речь о необходимости установления точного соответствия между наказанием и преступлением, он отмечал: «Необходимо, чтобы между наказаниями существовала взаимная гармония [7, с. 115]. Если нет различия в наказаниях, то надо внести различие в надежду на облегчение участи [7, с. 116]. Свобода торжествует, когда уголовные законы налагают кары в соответствии со специфической природой преступлений. Здесь нет места произволу; наказание зависит уже не от каприза законодателя, но от существа дела, и оно перестает быть насилием человека над человеком» [7, с. 226]. И далее: «В странах, где наказания не жестоки, они производят на ум гражданина не менее сильное впечатление, чем самые жестокие наказания – в других странах» [7, с. 108]. Таким образом, основная идея Монтескье о соразмерности заключается в том, что законы и наказания должны отражать дух умеренности, поддерживая общественный баланс служить социальному благу. Наказания надлежит дифференцировать в зависимости от тяжести преступления, но если этого невозможно добиться, то необходимо различие в условиях их исполнения. Эффективность же наказаний достигается не их жестокостью, а их соответствием природе совершенного преступления и общественному восприятию.

Жан-Жак Руссо (1712–1778) – франко-швейцарский правовед и мыслитель эпохи Просвещения, развивавший доктрину свободы, равенства и правовой демократии, в своем трактате «Об общественном договоре» раскрывал идею соразмерности через призму соотношения иерархии законов, общей воли и естественной справедливости. Придерживаясь классификации законов, разработанной Дж. Локком, он подразделял последние на политические или основные – регулирующие отношение суверена и государства, гражданские – регулирующие отношение членов государства между собой или членов государства и политического организма, уголовные – являющиеся санкцией всех остальных законов и регулирующие отношения между человеком и законом, неповиновением и наказанием, а также законы общественного мнения, которые восполняют и возвращают к жизни другие законы, стареющие или угасающие, сохраняют в народе дух государственных учреждений и незаметно силой привычки заменяют силу власти [8, с. 46–47]. Ж.-Ж. Руссо писал: «Тот, кто сочиняет законы, не имеет или не должен иметь никакой законодательной власти, и народ сам не может лишить себя неотчуждаемого права издавать законы, потому что,

согласно основному договору, только общая воля может обязывать отдельных лиц» [8, с. 35]. «Справедливость исходит от бога, он один источник ее; но если бы мы умели получать ее свыше, то мы не нуждались бы ни в правительстве, ни в законах. Без сомнения, есть одна абсолютная всеобщая справедливость, проистекающая исключительно из разума... При отсутствии естественной санкции законы справедливости неприменимы среди людей; они служат лишь ко благу злого и ко злу справедливого, коль скоро последний соблюдает их в отношении всех, тогда как никто не соблюдает этих законов в отношении к нему» [8, с. 31].

Таким образом, нормативную соразмерность Руссо видел в законодательном отражении в законах (в том числе и уголовных) общей воли народа, придавая общественному мнению, представляющему коллективные интересы, роль легального балансира в их действии и применении. Указывая на божественное происхождение абсолютной справедливости, он подчеркивал невозможность ее воплощения без соотношения разума и подкрепленной санкционным обеспечением установленной в государстве правовой основы.

Одним из представителей западной философии Нового времени являлся немецкий философ Иммануил Кант (1724–1804), работы которого внесли существенный вклад в развитие эпистемологии, метафизики и этики. В его выдающемся труде «Метафизика нравов» содержится ряд положений, на основании которых можно судить о морально-правовых воззрениях автора на рассматриваемую нами идею [9, с. 107–438]. Согласно Канту, общеправовая идея соразмерности проявляется в сформулированной им формуле всеобщего правового закона, закрепляющей следующий, основанный на разуме, категорический императив: «Поступай внешне так, чтобы свободное проявление твоего произвола было совместимо со свободой каждого, сообразной со всеобщим законом» [9, с. 140]. Относительно соразмерности в наказании Кант придерживался принципа талиона. Он отмечал: «Лишь право возмездия может точно определить качество и меру наказания; все прочие права неопределенны и не могут из-за вмешательства других соображений заключать в себе соответствие с приговором чистой и строгой справедливости» [9, с. 257]. Рассуждая о том, каков способ и какова степень наказания, которые общественная справедливость делает для себя принципом и мерилом, он указывал: «Единственный принцип – это принцип равенства (в положении стрелки на весах справедливости), согласно которому суд склоняется в пользу одной стороны не более, чем в пользу другой» [9, с. 257]. Ведя речь о смертной казни, философ замечал: «Жизнь, как бы тягостна она ни была, неоднородна со смертью; стало быть, нет и иного равенства между преступлением и возмездием, как равенство, достигаемое смертной казнью преступника, приводимой в исполнение по приговору суда, но свободной от всяких жестокостей, которые человечество в лице пострадавшего могло бы превратить в устрашение. Указанное равенство наказания, возможное лишь через смертный приговор, выносимый судьей по строгому праву возмездия, проявляется в том, что лишь посредством него смертный приговор выносится всем соразмерно с внутренней злостностью преступника (даже когда это касается не убийства, а какого-нибудь другого государственного преступления, наказуемого лишь смертью)» [9, с. 258–259].

Сказанное позволят утверждать, что по Канту соразмерность имеет двойственную природу. Во-первых, в общеправовом смысле она представляется им как гармония индивидуальной воли с коллективным правовым порядком, основанным на разуме (в соответствии с формулой всеобщего правового закона, вытекающей из категорического императива), а во-вторых, в уголовно-правовом аспекте – как право возмездия за совершенное преступление, основанное на равенстве – соответствии приговора внутреннему пороку преступника.

В завершение рассмотрения философско-правовой мысли о соразмерности периода Нового времени обратимся к воззрениям немецкого философа Георга Вильгельма Фридриха Гегеля (1770–1831), чье научное наследие оказало существенное влияние на философию права современности.

Гегель трактовал уголовно-правовую соразмерность через диалектическое единство преступления и наказания, где наказание, выступающее «снятием» преступления посредством возмездия, заключающегося в нарушении нарушения, соответствует внутренней ценности объекта и характеру посягательства на него. Он отмечал: «Снятие преступления есть возмездие постольку, поскольку это возмездие есть по своему понятию нарушение нарушения и поскольку преступление по своему наличному бытию имеет определенный качественный и количественный объем и тем самым его отрицание как наличное бытие имеет такой же объем. Это зиждущееся на понятии тождество есть, однако, равенство не по специфическому, а по в себе сущему характеру нарушения, по его ценности» [10, с. 148–149]. Отмечая, что преступление содержит в себе свое уничтожение посред-

ством наказания, Гегель тем самым указывал на их внутреннее, а не внешнее соответствие: «Преступление как в себе ничтожная воля тем самым содержит в себе свое уничтожение, являющее себя как наказание. Именно это внутреннее тождество отражается для рассудка во внешнем существовании как равенство» [10, с. 149]. Гегель также обращал внимание на трудность понимания равенства в возмездии. Он утверждал, что, хотя конкретные преступления и наказания могут казаться неравными, они все же сравнимы по своим «ценностям», а рассудок должен искать приближение к равенству этих «ценностей». Если не удастся понять эту внутреннюю связь, то наказание за совершенное преступление окажется произвольным. «Главную трудность в представление о возмездии, – писал автор, – внесло определение равенства... воровство, грабеж, а также наказания в виде денежных штрафов и тюремного заключения и т.п. совершенно неравны, но по своей ценности, по тому их всеобщему свойству, что они нарушения, они сравнимы. Искать приближения к равенству этой их ценности – дело рассудка. Если в себе сущая связь между преступлением и его уничтожением, а также мысль о ценности и сравнимости того и другого не постигнута, то можно дойти до того, чтобы видеть в подлинном наказании лишь произвольную связь зла с недозволенным деянием» [10, с. 149–150].

Таким образом, гегелевская соразмерность заключается в философском обосновании гармонии между преступлением и наказанием, где последнее посредством рассудка раскрывает внутреннюю логику преступления как воплощения свободной воли.

Изложенное позволяет констатировать следующее.

1. Развитие уголовно-правовой мысли о соразмерности в период Нового времени и эпохи Просвещения характеризовалось рядом закономерностей: постепенным изменением восприятия мыслителями данной идеи от практического инструмента законотворчества и правоприменения до философско-этико-правового идеала; синтезом распределительной справедливости и учетом индивидуальных обстоятельств дела; оценкой соразмерности как идеи ограничения государственной власти; диалектическим процессом «снятия» преступления через наказание. Выделенные нами закономерности позволяют дать оценку соразмерности как идее, интегрирующей в уголовное право этику, политику, рациональность и эмпиризм. Они оказали существенное влияние на дальнейшее совершенствование гуманизации уголовного права.

2. Эволюция восприятия идеи соразмерности от практического инструмента законотворчества и правоприменения до философско-этико-правового идеала, обеспечивающего баланс между свободой воли и коллективным разумом, основывалась на воззрениях Фрэнсиса Бэкона и Гуго Гроция, которые акцентировали внимание на ее отражении посредством ясности законов и связи справедливости с аристотелевскими принципами распределения. Однако уже у Томаса Гоббса и Джона Локка соразмерность начинает обретать рациональную основу, связываясь с общественным договором и эмпирическим опытом. Кант и Гегель завершили этот процесс, трансформировав идею соразмерности в метафизическую категорию через категорический императив и талион (Кант), а также диалектику преступления и наказания (Гегель).

3. Идея соразмерности обрела новое измерение благодаря синтезу распределительной справедливости (Гроций) и учету индивидуальных обстоятельств (Локк, Гоббс, Монтескье). Если Гроций настаивал на пропорциональности наказания «по достоинству» и заслуге, то Локк и Монтескье дополнили указанный подход идеей контекстуальности, подчеркивая зависимость эффективности наказания от качественного формулирования норм и общественного мнения. Гоббс, в свою очередь, ввел критерий рациональной достаточности санкций, исключающий как ее чрезмерную строгость, так и мягкость. Эти идеи легли в основу формирования принципов дифференциации ответственности и индивидуализации наказания, где ответственность определялась не только тяжестью совершенного деяния, но и личностью виновного, социальным контекстом.

4. Рассмотрение соразмерности как механизма ограничения государственной власти позволило увидеть в ней не только правовой, но и политический баланс свободы и безопасности общества. Наиболее ярко этот подход отразился в трудах Локка, Монтескье, Руссо и Канта, которые трансформировали соразмерность в инструмент защиты индивида от произвола. Монтескье, связывая законы с «духом умеренности», а Руссо – с общей волей, обосновали необходимость соответствия наказания не только преступлению, но и ценностям общества. Локк, разделяя законы на божественные, гражданские и нормы общественного мнения, показал, что соразмерность служит критерием легитимности власти, а несправедливые законы теряют моральную силу, если противоречат справедливости. Кант, вводя категорический императив, поставил соразмерность в зависимость от универсальных принципов разума, что стало основой для ограничения государственного насилия через право.

5. Гегелевская концепция завершила эволюцию рассматриваемой нами идеи в период

Нового времени, представив соразмерность как диалектический процесс «снятия» преступления через наказание. Его подход объединил рационализм Просвещения (Гоббс, Локк) и этический ригоризм Канта, подтвердив, что наказание не является местью, а восстановлением нарушенной справедливости через «нарушение нарушения». Гегель показал, что уголовно-правовая соразмерность не сводится к математическому равенству и для установления правового порядка требует оценки внутренней «ценности» преступления и наказания, их сущностных черт. Указанная закономерность явилась основой для современных теорий, рассматривающих наказание как акт восстановления баланса, а не устрашения, отстаивающих необходимость гуманизации уголовного права и отказа от чрезмерной строгости уголовного закона.

Литература

1. *Бэкон Ф.* Сочинения: в 2 т. / ред. Л.Л. Субботин. М.: Мысль, 1971–1978. Т. 1. 1971. 590 с.

2. *Бэкон Ф.* Новая Атлантида. Опыты и наставления нравственные и политические / ред. Ф.А. Коган-Бернштейн. 2-е изд. М.: АН СССР, 1962. 238 с.

3. *Гроций Г.* О праве войны и мира. Три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права / ред. проф. С.Б. Крылов. М.: Ладомир, 1994. 868 с.

4. *Гоббс Т.* Левиафан. М.: Мысль, 2001. 478 с.

5. *Локк Дж.* Сочинения в 3 т. / ред. И.С. Нарский, А.Л. Субботин. М.: Мысль, 1985–1988. Т. 1. 1985. 621 с.

6. *Локк Дж.* Сочинения в 3 т. / ред. И.С. Нарский, А.Л. Субботин. М.: Мысль, 1985–1988. Т. 3. 1988. 668 с.

7. *Монтескье Ш.Л.* О духе законов. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. 32 с.

8. *Руссо Ж.-Ж.* Об общественном договоре. Принципы политического права. М.: Гос. соц.-эконом. изд-во, 1938. 123 с.

9. *Кант И.* Сочинения в 6 т. / ред. В.Ф. Асмус, А.В. Гулыга, Т.И. Ойзерман. М.: Мысль, 1963–1966. Т. 4. Ч. 2. 1965. 478 с.

10. *Гегель Г.В.Ф.* Философия права / ред. Д.А. Керимов, В.С. Нерсесянц. М.: Мысль, 1990. 524 с.

References

1. *Bekon F.* Sochineniya v 2 t. [Works: in 2 volumes]. Ed. L.L. Subbotin. Moscow, Mysl' Publ., 1971–1978, vol. 1, 1971. 590 p. (In Russian)

2. *Bekon F.* Novaya Atlantida. Opyty i nastavleniya nravstvennye i politicheskie [New Atlantis. Experiments and moral and political instructions]. Ed. F.A. Kogan-Bernshtein. 2nd edition. Moscow, AN SSSR Publ., 1962. 238 p. (In Russian)

3. *Grotsii G.* O prave voiny i mira. Tri knigi, v kotorykh ob''yasnyayutsya estestvennoe pravo i pravo narodov, a takzhe printsipy publichnogo prava [On the Law of War and Peace. Three books explaining natural law and the law of nations, as well as the principles of public law]. Ed. prof. S.B. Krylov. Moscow, Ladomir Publ., 1994. 868 p. (In Russian)

4. *Gobbs T.* Leviafan [Leviathan]. Moscow, Mysl' Publ., 2001. 478 p. (In Russian)

5. *Lokk Dzh.* Sochineniya v 3 t. [Works in 3 volumes]. Eds. I.S. Narskii, A.L. Subbotin. Moscow, Mysl' Publ., 1985–1988, vol. 1, 1985. 621 p. (In Russian)

6. *Lokk Dzh.* Sochineniya v 3 t. [Works in 3 volumes]. Eds. I.S. Narskii, A.L. Subbotin. Moscow, Mysl' Publ., 1985–1988, vol. 3, 1988. 668 p. (In Russian)

7. *Montesk'e Sh.L.* O dukhe zakonov [On the Spirit of Laws]. St. Petersburg, Azbuka Publ., Azbuka-Attikus Publ., 2023. 32 p. (In Russian)

8. *Russo Zh.- Zh.* Ob obshchestvennom dogovore. Printsipy politicheskogo prava [On the Social Contract. Principles of Political Law]. Moscow, Gos. sots.-ekonom. izd-vo Publ., 1938. 123 p. (In Russian)

9. *Kant I.* Sochineniya v 6 t. [Works in 6 volumes]. Eds. V.F. Asmus, A.V. Gulyga, T.I. Oizerman. Moscow, Mysl' Publ., 1963–1966, vol. 4. Part 2, 1965. 478 p. (In Russian)

10. *Gegel' G.V.F.* Filosofiya prava [Philosophy of Law]. Eds. D.A. Kerimov, V.S. Nersesyants. Moscow, Mysl' Publ., 1990. 524 p. (In Russian)

СОСТАВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ ПО УГОЛОВНОМУ ПРАВУ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Кучина Ярослава Олеговна

Цель: *право КНР вызывает растущий интерес исследователей на фоне усиления многостороннего сотрудничества Китая и России. Не является исключением и уголовно-правовое обеспечение цифровых отношений, особенно в свете того, что КНР – лидер по темпам роста цифровизации и пределам цифровой трансформации. Потому целью предлагаемой статьи является исследование составов преступлений в цифровой среде по уголовному праву КНР.*

Методология: *общенаучные методы: диалектический метод, анализ и синтез, сравнение, абстрагирование и конкретизация, обобщение, формализация, аналогия и др.; специальные методы: формально-юридический, метод толкования правовых норм, сравнительно-правовой, историко-правовой, логико-юридический и др.*

Выводы. *Во-первых, в УК КНР включены восемь составов, которые можно отнести к числу преступлений в цифровой среде. Основную часть составляют преступления, предусмотренные статьями § 1 Главы 6 УК КНР, где три из них были введены в действие в 1997 г. Во-вторых, законодатель КНР ввел дополнительные составы при внесении изменений в уголовное законодательство – в 2009 и в 2015 гг. В-третьих, значительная часть преступлений, которые могут быть отнесены к числу преступлений в цифровой среде составляют деяния, не имеющие специально оговорки в составе диспозиции. Указание о том, что именно они применяются при квалификации, правоприменитель должен основывать на руководящих решения Верховного Народного Суда КНР.*

Научная и практическая значимость. *Статья представляет собой сравнительно-правовое исследование, сконцентрированное на анализе уголовного законодательства Китая, а именно Уголовного кодекса КНР, руководящих разъяснений Верховного Народного Суда КНР и мнений исследователей об этом виде преступлений.*

Статья представляет собой системное исследование структуры норм и статей о преступлениях в цифровой среде, которое позволяет выстроить иерархию данных деяний, их соотношение друг с другом. Также в статье дается анализ того, какое место в уголовно-правовом обеспечении цифровых правоотношений занимает судебная практика, как она формирует единое правоприменение на территории страны. Это определяет значимость исследования, в том числе возможность его использования как основы для дальнейшего изучения уголовного закона Китая или отдельных видов преступлений в УК КНР.

Ключевые слова: *уголовное право Китая, компьютерные преступления, преступления в цифровой среде, цифровые технологии, киберпреступления, Китай.*

Право Китайской Народной Республики (КНР) привлекает все большее внимание исследователей по причине последовательного усиления международно-правового взаимодействия между Китаем и Россией. И уголовное законодательство страны, а также опыт уголовно-правового обеспечения различных правоотношений в праве КНР не исключение.

Китай является лидером по уровню цифровизации во всех областях общественных отношений,

DOI 10.31085/2310-8681-2025-3-288-36-42

что, в свою очередь, отражается на количестве совершаемых преступлений с использованием цифровых технологий. Логично предположить, что уголовное право Китая должно включать в себя ряд составов преступлений, предусматривающих уголовную ответственность за совершение преступлений в цифровой среде.

Уголовный кодекс КНР, принятый в 1979 г., изначально не имел в своем составе норм, предусматривающих уголовную ответственность в цифровой среде. После существенных изменений от 1997 г., когда фактически Уголовный кодекс был принят заново, в него было внесено три статьи: 285, 286 и 287, которые составили основу составов преступлений интересующего нас вида.

Эти составы включены в § 1 главы 6 УК КНР. Особый интерес для отечественного правоведа представляет тот факт, что глава 6 включает в себя составы преступлений против порядка управления и общественного порядка, а § 1, соответственно, – преступления против общественного порядка. Напомним, что в Уголовном кодексе РФ глава 28 «Преступления в сфере компьютерной информации» входит в раздел IX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка». Иными словами, родовой объект преступлений в обоих случаях идентичен.

Это позволяет нам выдвинуть гипотезу о возможном родстве взглядов законодателя на природу исследуемых преступлений и рассмотреть, находит ли данная гипотеза подтверждение при анализе конкретных составов. Для этого сначала кратко рассмотрим формирование современной системы преступлений в цифровой среде в уголовном законодательстве КНР.

Как уже было сказано, при проведении реформы 1997 г. в УК КНР было введено три соответствующих состава преступления. Поскольку в китайском уголовном законе статьи не имеют названий, обратимся к их содержанию. Статья 285 УК КНР предусматривает уголовную ответственность за незаконное вторжение в компьютерную информационную систему. Статья 286 – ответственность за разрушение/уничтожение компьютерной информационной системы. Статья 287 – использование компьютера для совершения преступлений в сфере использования компьютерных информационных систем.

Система уголовного права КНР предусматривает внесение изменений в состав Уголовного кодекса при возникновении необходимости в криминализации (декриминализации), пенализации (депенализации). Преступления в цифровой среде не являются исключением. Развитие цифровых технологий, а также сопутствующие им изменения в механизмах совершения преступлений с использованием таких технологий, неизбежно привели к расширению имеющихся составов преступлений в УК КНР и введению новых.

Внесение изменений в уголовном законодательстве Китая осуществляется посредством принятия нормативных правовых актов, в ряде источников, именуемых поправками [2, с. 61]. Мы также предлагаем именовать их данным образом. Тем не менее в китайской уголовно-правовой доктрине существует мнение, что данные акты следует считать отдельными законами, которые не могут быть включены в Уголовный кодекс [4, с. 46].

Поправки в уголовный закон принимаются на собраниях Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей (ПК ВСНП). Всего на данный момент в УК КНР внесены следующие поправки:

1) от 25 декабря 1999 г.,
2) от 31 августа 2001 г.,
3) от 29 декабря 2001 г.,
4) от 28 декабря 2002 г.,
5) от 28 февраля 2005 г.,
6) от 29 июня 2006 г.,
7) от 28 февраля 2009 г.,
8) от 25 февраля 2011 г. (вступили в силу 1 мая 2011 г.),
9) от 29 августа 2015 г., (вступили в силу с 1 ноября 2015 г.),
10) от 04 ноября 2017 г.,
11) от 26 декабря 2020 г. (вступили в силу 1 марта 2021 г.),
12) от 29 декабря 2023 г. (вступили в силу 1 марта 2023 г.).

Отдельно следует упомянуть Закон КНР «Об обеспечении национальной безопасности в Специальном административном районе Гонконг» (принят 30 июня 2020 г. на Двадцатом заседании Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей), который также относится к числу поправок и касается особенностей уголовной ответственности в САР Гонконг.

Как указывает Пан Дунмэй, причиной внесения изменений в УК КНР всегда становятся новые требования борьбы с преступностью, а также необходимость приводить закон в соответствии с изменениями в общественных отношениях [2, с. 61]. Здесь мы можем провести параллель с отечественным уголовным правом, в котором рост числа составов преступлений, а также реформа уголовного права были напрямую связаны с постсоветскими изменениями в общественных отношениях. Стремительные рост количества новых правоотноше-

ний в Китае также приходится на 1980–1990-е гг., что позволяет нам сделать вывод о наличии непосредственной корреляции. Каждая из принятых поправок приводила уголовный закон КНР в соответствие с современной необходимостью и проблемами, стоящими перед уголовной политикой государства.

На данный момент в § 1 главы 6 УК КНР внесены следующие поправки, касающиеся преступлений в сфере цифровых технологий:

1) Постановлением Седьмой сессии ПК ВСНП одиннадцатого созыва от 28 февраля 2009 г. в ст. 285 внесена часть о расширении понятия компьютерной информационной системы части первой;

2) Постановлением Седьмой сессии ПК ВСНП одиннадцатого созыва от 28 февраля 2009 г. в ст. 285 внесена часть об уголовной ответственности за предоставление специальных для вторжения в компьютерные информационные системы;

3) Постановлением Шестнадцатой сессии ПК ВСНП двенадцатого созыва от 29 августа 2015 г. в ст. 285 добавлен квалифицированный состав об уголовной ответственности за предоставление специальных для вторжения в компьютерные информационные системы, совершенный организацией;

4) Этим же постановлением в ст. 286 добавлен квалифицирующий признак «совершение тех же деяний организацией»;

5) Этим же постановлением в состав УК КНР добавлена ст. 286-1, устанавливающая уголовную ответственность за неисполнение управленческих обязанностей, предусмотренных законами или административными актами в области безопасности интернета, а равно непринятие мер для устранения нарушений, допущенных лицами, оказывающими услуги в информационно-телекоммуникационных сетях;

6) Этим же постановлением введена в действие ст. 287-1, которая предусматривает уголовную ответственность за распространение информации, способствующей совершению преступлений определенного вида в информационно-телекоммуникационных сетях;

7) Этим же постановлением введена в действие ст. 287-2Б предусматривающая уголовную ответственность за пособничество лицу, заведомо совершающему преступление с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, если такое преступление совершено при отягчающих обстоятельствах.

То есть постановление Седьмой сессии ПК ВСНП одиннадцатого созыва от 28 февраля 2009 г. ввело в действие Седьмую поправку в Уголовный кодекс УК КНР, которая состояла из двух частей, добавленных в ст. 285. Постановление Шестнадцатой сессии ПК ВСНП двенадцатого созыва от 29 августа 2015 г. ввело в действие Девятую поправку в Уголовный кодекс УК КНР, которым в его состав внесены дополнительные части в ст. 285 и ст. 286, а также три новые статьи – 286-1, 287-1 и 287-2.

Однако следует отметить, что Уголовный кодекс КНР содержит и иные составы, которые могут быть отнесены к преступлениям в цифровой среде. Оно было добавлено той же Девятой поправкой, принятой постановлением Шестнадцатой сессии ПК ВСНП двенадцатого созыва от 29 августа 2015 г. Это ст. 246 УК КНР о клевете (диффамации), которая с 2015 г. в качестве квалифицирующего включает в себя признак распространения клеветнических сведений при помощи цифровых технологий или в информационно-телекоммуникационной сети.

24 декабря 2020 г. Одиннадцатой поправкой в УК КНР, принятой постановлением Двадцать четвертой сессии ПК ВСПН тринадцатого созыва, были внесены поправки в ст. 217, касающуюся нарушений интеллектуальных прав. Поправка внесла существенные изменения, в том числе распространила совершение преступления на информационно-телекоммуникационную сеть.

На сегодняшний день в УК КНР существует восемь составов, которые могут быть отнесены к преступлениям в цифровой среде. Шесть из них (ст. 285–287-2) родственны по структуре и диспозиции отечественным составам главы 28 УК РФ. Проанализируем некоторые из них подробнее, для чего распределим по следующим группам.

Статьи 285 и 286 УК КНР представляют собой описание деяний, которые можно классифицировать как виды «хакерства», что отражает особенности преступлений в цифровой среде на момент введения данных составов в действие (в 1997 г.). Статья 285 УК КНР в ее изначальном виде предусматривала ответственность за вторжение в компьютерные информационные системы, совершенное в нарушение «государственных установлений». При этом защите подлежали только следующие сферы применения цифровых технологий: компьютерные информационные системы государственного значения, оборонные компьютерные информационные системы, компьютерные информационные системы, связанные с новейшими научно-техническими разработками и сферами. То есть, если использовать аналогию, речь шла о стратегически важных компьютерных

информационных системах, соответственно, защите подлежали только перечисленные системы и сферы применения цифровых технологий.

В 2009 г. данный состав, как мы уже писали, расширен законодателем: в него добавлена уголовная ответственность за те же действия, если они были совершены против иных компьютерных информационных систем, а равно иными техническими средствами с целью получения сведений, хранящихся в этих системах, либо для получения контроля над ними. В качестве квалифицирующих признаков добавлены отягчающие и особо отягчающие обстоятельства.

Также было криминализировано пособничество в виде предоставления специальных программ, предназначенных для вторжения в компьютерные информационные системы или для установления над ними незаконного контроля, а равно средств для осуществления вторжения или установления контроля, в том числе при наличии отягчающих обстоятельств.

В 2015 г. Девятой поправкой был добавлен квалифицированный признак «совершение тех же деяний организацией». Данный состав является частью политики по введению в УК КНР института корпоративной уголовной ответственности, известного как институт уголовной ответственности юридических лиц [9, с. 23]. Это подтверждается следующим положением в диспозиции поправки: руководители организации и другие лица, несущие непосредственную ответственность, наказываются согласно положениям предыдущих частей ст. 285 УК КНР. Квалификация деяния и назначение наказания осуществляются согласно положениям § 4 главы 2 УК КНР «О преступлении». Эти положения не применяются при совершении преступления группой лиц, организованной группой или организованным преступным сообществом либо иной относительно стабильной формой организованного преступного сообщества.

Статья 286 УК КНР предусматривает уголовную ответственность за совершение таких действий с компьютерными информационными системами, как уничтожение системных функций, их модификация, дополнение, создание помех, повлекшее невозможность нормального функционирования компьютерной информационной системы, если это причинило существенный вред. Мы полагаем, что диспозиция этой статьи частично соответствует ч. 1 ст. 272 УК РФ, которая предусматривает уголовную ответственность за «неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации, если это деяние повлекло уничтожение, блокирование, модификацию либо копирование компьютерной информации». Как и в случае со ст. 285 и 286 УК КНР, ст. 272 УК РФ в совокупности со ст. 273 УК РФ описывают действия, которые в научной литературе, особенно зарубежной, обычно именуют «хакерством».

Этот вывод подтверждаются диспозициями остальных частей рассматриваемой статьи. Далее китайский законодатель включил в нее уголовную ответственность за неправомерное удаление, исправление, дополнение, совершенное с передаточными, оперативными и хранящимися в базе данными компьютерных информационных систем, если такие действия повлекли существенный вред, а также уголовную ответственность за умышленное создание и распространение компьютерных вирусов и иных вредоносных программ, воздействующих на нормальное функционирование компьютерных систем, повлекшее существенный вред.

Заключительная часть статьи, так же как и в предыдущем примере, содержит положение об уголовной ответственности юридических лиц.

На данных примерах мы видим, что составы указанных преступлений можно считать локализованными: они затрагивают лишь определенные правоотношения и в итоге общее число составов преступлений в сфере цифровых технологий в Особенной части УК КНР значительно ниже, чем в УК РФ. В УК КНР отсутствует такой квалифицированный признак, как совершение преступлений «с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет», который мы можем увидеть во многих статьях УК РФ, например в ст. 110 «Доведение до самоубийства» или ст. 128[1] «Клевета».

Однако анализ судебной практики показывает значительное количество приговоров за совершение преступлений в цифровой среде – и состав этих преступлений разнообразнее. Причина заключается в наличии в системе права КНР специального института формирования единой судебной правоприменительной практики, известной как «руководящие решения».

В некоторых источниках о праве КНР данные акты обобщения судебной практики приравниваются к судебным прецедентам системы общего права, например, мы можем увидеть подобные заключения в работе Марка Цзя [6, с. 2224]. По нашему мнению, данная точка зрения является ошибочной: право «материкового» Китая *(устойчивый термин, применяемый в том числе в научных публикациях на китайском языке. Означает территорию КНР без специальных административных районов Гонконг (Сянган) и Макао (Аомынь). – Прим. авт.)*

не знает такого источника права. Судебный прецедент в его истинном смысле применяется только в САР Гонконг [7].

Мы также не можем согласиться с тем, что руководящие решения Верховного народного суда КНР (ВНС КНР) могут быть отнесены к источнику судебного права, хотя такое мнение также присутствует в исследованиях зарубежных правоведов-китаистов [5, с. 270–272]. Мы полагаем, что руководящие решения по своей природе, роли в правоприменении и содержанию совмещают функции постановлений Пленума Верховного Суда РФ и обзоров судебной практики Верховного Суда РФ. Если проанализировать текст Положения Верховного народного суда о порядке ведения дел (Положения о порядке ведения дел 2010 г.) [3], то можно выделить много схожего в целях и задачах анализа руководящих дел и в итоге прийти к подобному выводу.

В частности, Положение о порядке ведения дел 2010 г. устанавливает правила отбора руководящих решений для выработки единообразной позиции, и то, что целью данной деятельности является обобщение опыта судебных разбирательств, унификация применения права, повышения качества судебных разбирательств и обеспечения достижения целей правосудия и справедливости в соответствии с законом. При этом такие обзоры и обобщения являются традиционными для китайского права и применялись для установления единообразия судебной практики тысячи лет назад [1].

На сегодняшний день в Китае действует шестнадцать основных разъяснений Верховного народного суда КНР (изданных совместно с Генеральной народной прокуратурой КНР *(на данный момент более 65% разъяснений подготовлены совместными усилиями ВНС КНР и Генеральной прокуратуры КНР)*), которые в той или иной мере касаются особенностей квалификации деяний, совершенных в цифровой среде, с применением цифровых технологий или же против цифровых правоотношений. Многие из них, как отмечают ученые, фактически создают состав преступления, то есть разъясняют, какая норма должна применяться в случае совершения преступления в цифровой среде или со специальным средством совершения, в отношении специального предмета и пр. Иными словами, целый ряд особенностей совершения преступлений, элементов механизма руководящими решениями ВНС КНР признаются квалифицирующими признаками и элементами состава.

При этом, если внимательно изучить эти разъяснения, можно заключить, что большинство из них содержат правила квалификации, особенности применения норм при совокупности преступлений и пр. Так, например, в Разъяснениях о делах, касающихся проституции, в ст. 8 указано, что деяния, связанные с размещением и распространением соответствующей информации (о вовлечении в проституцию, оказании соответствующих услуг и пр.) в любой информационно-телекоммуникационной сети, должны быть также квалифицированы по ст. 287-1 УК КНР, если обстоятельства совершения преступления являются отягчающими. Аналогичным образом были даны разъяснения в период пандемии Covid-19 относительно распространения недостоверной эпидемиологической информации в сети Интернет [8].

При этом следует отметить, что такие понятия, как «отягчающие обстоятельства» (*которые, по смыслу УК КНР, следует отличать от обстоятельств, отягчающих наказание),* «существенный вред», «значительный вред», «серьезные последствия» и пр., как правило, разъясняются именно в подобных рекомендациях: УК КНР не содержит универсальных правил их оценки. Как указывают исследователи, китайский правоприменитель использует сочетание «качественного и количественного» методов оценки причиненного вреда. В него включается оценка частоты причинения вреда, материальный ущерб, восприятия последствий преступления потерпевшими и пр.

В частности, подобные примеры мы можем найти в разъяснениях, касающихся распространения порнографических цифровых материалов в сети Интернет или совершенных посредством применения текстовых и звуковых средств цифровой коммуникации. Такое деяние квалифицируется исключительно по ст. 363 УК РФ, предусматривающей уголовную ответственность за распространение порнографии с целью получения прибыли (§ 9 «Преступления, связанные с изготовлением, продажей, распространением порнографической продукции» главы 6 УК КНР), без совокупности по статьям § 1 той же главы. Влекущий уголовную ответственность значительный вред наступает в том случае, если данные материалы были открыты минимум десять тысяч раз (речь идет об оценке «кликабельности», а не исключительности перехода по ссылке).

На основе всего сказанного мы можем сделать следующий вывод: уголовные составы УК КНР о преступлениях, совершенных в цифровой среде, можно поделить на следующие группы.

Во-первых, это специальные составы § 1 главы 6 УК КНР, включающие шесть статей, которые предусматривают ответственность за преступления в информационно-коммуникационных сетях и против них. Они включают в себя три (ст. 285,

286 и 287) состава, введенных в действие в 1997 г., и еще три состава, которые были введены в действие поправками от 2015 г.

Эти составы по их смыслу и содержанию можно поделить на компьютерные преступления («хакерство») или, как их называют в зарубежных исследованиях, в том числе китайских, – киберпреступления. По нашему мнению, к их числу следует отнести ст. 285 и 286 УК КНР.

Во-вторых, это преступления против порядка использования цифровых средств, цифровых технологий, информационно-телекоммуникационных сетей и средств доступа к ним. Сюда мы предлагаем включить ст. 286-1 и 287-2.

В-третьих, рассматриваемая группа включает в себя так называемые «гибридные» преступления, то есть преступления, механизмы которых непосредственно не связаны с цифровой средой, но общественная опасность которых увеличивается при их совершении в данной среде или с использованием цифровых технологий. Это деяния, запрещенные ст. 287 и 287-1, а также ст. 246 и 217 УК КНР.

Следующие две группы выделены на основании анализа руководящих решений Верховного Народного Суда КНР. Это преступления, которые должны квалифицироваться по совокупности при совершении их с применением цифровых технологий или в цифровой среде, а также преступления, которые должны быть квалифицированы по статье, не включающей в диспозицию данные признаки, но при квалификации которых использование цифровых средств и способов совершения может рассматриваться как отягчающее обстоятельство или обстоятельство, влияющее на оценку значительности причиненного вреда.

Это, конечно, позволяет нам заключить, что проблемы криминализации деяний, связанных с цифровыми технологиями, не обязательно разрешать посредством внесения изменений в текст уголовного закона. Как мы видим, законодатель КНР не признает этого подхода. Возможно, причина подобного решения кроется в чрезмерной изменчивости средств и способов совершения преступлений, а равно их общественной опасности, что может повлечь за собой стремительное устаревание нормы.

Также чрезмерное использование актов единства судебной практики не может признаваться универсальным средством разрешения затруднений правоприменителя. Его зависимость от устройства судебной системы и системы прокурорского надзора явно не позволяет слепо переносить данный опыт на правовую почву других государств.

Литература

1. *Лю Чжэн*. Правовой статус руководящих судебных примеров (指导性案例的适用效) // Жэньминь фаюань бао (人民法院报) [Официальная газета народных судов КНР], 19 июля 2017 г. <https://www.chinacourt.cn/article/ subjectdetail/type/more/id/MzAwNEiqNACSYAAA.shtml>

2. *Пан Дунмэй*. Новые тенденции развития уголовного законодательства в Китае (интерпретация «Поправок к Уголовному кодексу Китайской Народной Республики») (№ 8) // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2011. № 2. С. 61.

3. Положение Верховного Народного Суда КНР о работе с руководящими судебными примерами (2010 г.) (最高人民法院关于案例指导工作的规定 2010) <https://jj.nacta.edu.cn/docs/2017-11/20171124203500630340.pdf>

4. *Чжан Минкай*. Уголовное право (张明楷.刑法学) / под ред. 6-е изд. Пекин: Закон, 2021.

5. *Chen B. M., Li Z., Cai D.* Detecting the influence of the Chinese guiding cases: a text reuse approach // Artificial Intelligence Law. 2024. № 32. С. 463–486.

6. *Jia M.* Chinese common law? Guiding cases and judicial reform // Harvard Law Review. 2016. Т. 129. № 8. С. 2213–2234.

7. *Lo S. H. C., Cheng K. K., Chui W. H.* The Hong Kong Legal System. Cambridge University Press, 2019. 423 с.

8. *Pang Dongmei, Ma Jiahui.* Criminal law regulation of criminal acts involving COVID-19 epidemic // Вестник СПбГУ. Серия 14. Право. 2022. № 1. С. 181–205.

9. *Wang S.* Criminal law in China. New York: Kluwer Law International, 2017. С. 23.

References

1. *Lyu Chzhen.* Pravovoi status rukovodyashchikh sudebnykh primerov [The Legal Status of Guiding Cases] (指导性案例的适用效) // In *Zhen'min' fayuan' bao* (人民法院报) *[Ofitsial'naya gazeta narodnykh sudov KNR],*

19 iyulya 2017 g. <https://www.chinacourt.cn/article/ subjectdetail/type/more/id/MzAwNEiqNACSYAAA.shtml>

2. *Pan Dunmei.* Novye tendentsii razvitiya ugolovnogo zakonodatel'stva v Kitae (interpretatsiya «Popravok k Ugolovnomu kodeksu Kitaiskoi Narodnoi Respubliki») (№ 8) [New Trends in the Development of Criminal Legislation in China (Interpretation of "Amendments to the Criminal Code of the People's Republic of China" (No. 8)] // In *Kriminologicheskii zhurnal Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava [Criminology Journal of Baikal State University of Economics and Law].* 2011. № 2. S. 61.

3. Polozhenie Verkhovnogo Narodnogo Suda KNR o rabote s rukovodyashchimi sudebnymi primerami [Provisions of the Supreme People's Court of the People's Republic of China on Case Guidance Work] (2010 g.) (最高人民法院关于案例指导工作的规定 2010) <https://jj.nacta.edu.cn/docs/2017–11/20171124203500630340.pdf>

4. *Chzhan Minkai.* Ugolovnoe parvo [Criminal Law] (张明楷. 刑法学) / pod red. 6-e izd. Pekin: Zakon, 2021.

5. *Chen B. M., Li Z., Cai D.* Detecting the influence of the Chinese guiding cases: a text reuse approach [Detecting the influence of the Chinese guiding cases: a text reuse approach] // In *Artificial Intelligence Law [Artificial Intelligence Law].* 2024, N 32, C. 463–486.

6. *Jia M.* Chinese common law? Guiding cases and judicial reform // In Harvard Law Review. 2016. T. 129. № 8. S. 2213–2234.

7. *Lo S. H. C., Cheng K. K., Chui W. H.* The Hong Kong Legal System. Cambridge University Press, 2019. 423 c.

8. *Pang Dongmei, Ma Jiahui.* Criminal law regulation of criminal acts involving COVID-19 epidemic // In *Vestnik SPbGU [Bulletin der Staatlichen Universität St. Petersburg].* Seriya 14. Pravo. 2022. № 1. S. 181–205.

9. *Wang S.* Criminal law in China // In *New York: Kluwer Law International*, 2017. C. 23.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ МИГРАЦИОННОГО КОНТРОЛЯ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА МЕЖОТРАСЛЕВЫХ СВЯЗЕЙ

Урда Маргарита Николаевна

Цель: *обосновать системообразующую роль понятия «миграционный контроль» как концептуальной основы для определения правовой природы уголовно-правовых инструментов миграционного контроля (ст. 322–322³ УК РФ) через анализ их функционального взаимодействия с административными механизмами и элементами, задействованными в упорядочении миграционных отношений; на материале последних законодательных изменений в УК РФ (ноябрь 2024 г.), связанных с ужесточением ответственности за нарушения миграционного режима, выявить системные межотраслевые проблемы, препятствующие эффективному противодействию незаконной миграции.*

Методология: *диалектический метод, анализ, синтез, дедукция, формально-юридический метод, системный метод, метод межотраслевых юридических исследований.*

Выводы. *Уголовно-правовые инструменты миграционного контроля (ст. 322, 322¹, 322² и 322³ УК РФ) являются элементами обеспечения миграционной безопасности, дополняя административно-правовые механизмы и инструменты. Однако отсутствие единого доктринального понимания миграционного контроля и противоречивость его нормативного регулирования порождают правовую неопределенность, затрудняющую согласованное применение мер различной отраслевой принадлежности. Эффективность уголовно-правовых инструментов миграционного контроля останется низкой без решения системных проблем законодательного и правоприменительного характера: терминологической рассогласованности нормативных актов, дисбаланса санкций и установления четких критериев разграничения уголовной и административной ответственности.*

Научная и практическая значимость. *В теоретико-правовом аспекте работа развивает доктрину миграционного контроля как комплексного межотраслевого института, объединяющего уголовное, административное и миграционное право, вырабатывает концепцию миграционной безопасности через призму уголовно-правовых и административных механизмов, что способствует формированию единого научного подхода к противодействию незаконной миграции, а также уточняет правовую природу миграционных преступлений (ст. 322–322³ УК РФ). Практическое значение работы заключается в предложении мер по совершенствованию миграционного контроля: формирование единой концепции, устранение межотраслевых коллизий, введение специальных уголовно-правовых мер (выдворение иностранных граждан за пределы Российской Федерации на уровне иных мер уголовно-правового характера) и др.*

Ключевые слова: *миграционный контроль, миграционный режим, незаконная миграция, миграционная безопасность, миграционные нарушения, межотраслевые связи, выдворение, иностранные граждане, ужесточение ответственности, уголовно-правовое противодействие.*

Трагедия в «Крокус Сити Холле» 22 марта 2024 г. стала катализатором пересмотра подходов к противодействию незаконной миграции в Российской Федерации. В ноябре 2024 г. был принят пакет из трех законопроектов, направленных на ужесточение уголовно-правовой политики в миграционной сфере. Внесенные изменения затронули несколько ключевых аспектов: уси-

DOI 10.31085/2310-8681-2025-3-288-43-50

ление санкций за миграционные преступления (в ч. 1 ст. 322^1 УК РФ повышена нижняя граница наказания в виде лишения свободы, в ст. 322^2 и 322^3 УК РФ увеличены верхние пределы указанного вида наказаний); пересмотр дифференцирующих признаков организации незаконной миграции (совершение преступления организованной группой либо в целях подготовки тяжких и особо тяжких преступлений) выделено в особо квалифицированный состав (ч. 3 ст. 322^1 УК РФ) и отнесено к категории особо тяжких преступлений; распространение норм о конфискации имущества на организацию незаконной миграции (п. «а» ч. 1 ст. 104^1 УК РФ дополнен положением о конфискации имущества в случае организации незаконной миграции из корыстных побуждений); введено новое отягчающее обстоятельство (ч. 1 ст. 63 УК РФ дополнена п. «у» – «совершение преступления лицом, незаконно находящимся на территории Российской Федерации» *(См.: Федеральный закон от 9 ноября 2024 г. № 383-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», Федеральный закон от 9 ноября 2024 г. № 387-ФЗ «О внесении изменения в статью 104^1 Уголовного кодекса Российской Федерации», Федеральный закон от 9 ноября 2024 г. № 384-ФЗ «О внесении изменения в статью 63 Уголовного кодекса Российской Федерации».)*

Законодательная активность в сфере противодействия незаконной миграции сама по себе не обеспечивает эффективности правового регулирования. Результативность нормотворческой деятельности напрямую зависит от глубины научного осмысления природы регулируемых общественных отношений, их структурных особенностей и функциональных закономерностей. По этой причине ужесточение уголовно-правовых мер способно привести и к негативным последствиям при отсутствии согласования с инструментами административного и миграционного законодательства.

Указанные обстоятельства актуализируют необходимость научного осмысления межотраслевой природы уголовно-правовых средств, задействованных в упорядочении миграционных отношений. Будучи элементами системы миграционного контроля, они демонстрируют тесную функциональную взаимосвязь с механизмами правового регулирования миграционных процессов. Подобный методологический ракурс исследования обусловлен многогранностью явления незаконной миграции, предполагающего комплексное применение различных юридических инструментов.

Миграционный контроль представляет собой феномен, сочетающий управленческие и социальные аспекты [1, с. 88]. Его специфика проявляется в обратной связи между объектом и субъектом контроля, когда после управленческого воздействия требуется оценка достижения запланированных результатов. Именно эта обратная связь, сигнализирующая о ходе и состоянии реализации решений [2, с. 118], позволяет своевременно выявлять и корректировать возникающие проблемы.

Экспертные оценки сигнализируют о неудовлетворительном состоянии миграционного контроля. При предполагаемой численности нелегальных мигрантов в России в 3–4 млн человек на начало 2024 г. *([Электронный ресурс]: URL: https://www.rbc.ru/economics/10/02/2024/65bbab919a79478bcd1aed9f (дата обращения: 05.06.2025))* к ответственности привлекаются лишь несколько десятков тысяч человек, причем официальная статистика в основном фиксирует нарушения в виде фиктивной постановки иностранных граждан на миграционный учет. За двенадцать месяцев 2024 г. количество зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 322^3 УК РФ, составило 36 110. Особую обеспокоенность вызывает организация незаконной миграции (ст. 322^1 УК РФ) – наиболее опасное преступление в миграционной сфере. Несмотря на отмечаемый двукратный рост числа зарегистрированных преступлений (с 1259 случаев в 2023 г. до 2490 в 2024 г.), уровень их раскрываемости остается неудовлетворительным *(Аналитическая справка о результатах деятельности подразделений по вопросам миграции территориальных органов МВД России за январь – декабрь 2024 года. [Электронный ресурс]: URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/63022223/ (дата обращения: 05.06.2025))*.

Подобная диспропорция свидетельствует о системных просчетах миграционного контроля. Для их устранения необходимо разрешить следующие методологические вопросы. На каком этапе контрольного процесса возникает дисфункция? Какие требуются законодательные корректировки: в регулятивном (административно-правовом) блоке; в охранительном (уголовно-правовом) сегменте, либо проблема лежит в плоскости правоприменительной практики? Какие структурные элементы системы миграционного контроля обладают наибольшей уязвимостью и каков характер их системного взаимодействия?

Решение указанных вопросов требует комплексного понимания механизма миграционного контроля, включая анализ его инструментария

(в том числе уголовно-правовых средств), системообразующих связей, организационной структуры и принципов функционирования. Лишь такой многоаспектный подход позволяет выявить проблемные зоны, разработать эффективные меры противодействия незаконной миграции и минимизировать риски роста миграционной преступности.

В отечественной правовой доктрине феномен миграционного контроля остается недостаточно исследованным, что проявляется в отсутствии системного подхода к его концептуализации. Действующее законодательство, избегая легального его определения, оперирует разрозненными понятиями («государственный контроль в сфере миграции», «пограничный контроль», «миграционный учет»), что порождает существенные проблемы в правоприменении.

Этот концептуальный вакуум находит отражение в научных исследованиях в виде терминологической разобщенности при определении сущности миграционного контроля. Ученые анализируют данный институт через различные, зачастую не связанные между собой категории: как элемент социальной системы [3]; в контексте обеспечения миграционного правопорядка [4, с. 62]; через призму учетно-регистрационных процедур [5].

При таком многообразии подходов целостное понимание миграционного контроля как комплексного правового явления не сложилось. Большинство существующих исследований фокусируются на отдельных аспектах миграционной политики [6], упуская из виду необходимость теоретического осмысления миграционного контроля как самостоятельного правового феномена с присущими ему системными характеристиками и механизмами функционирования.

По нашему мнению, *миграционный контроль* следует трактовать как функцию государства, осуществляемую уполномоченными органами власти для обеспечения миграционного режима и предупреждения (пресечения) его нарушений. *Миграционный режим* – это система государственных мер административно-правового характера, предназначенная для регулирования миграционных отношений (въезда иностранных граждан (лиц без гражданства), пребывания (проживания), транзитного проезда, постановки на миграционный учет, трудоустройства этой категории лиц, административного выдворения, депортации, реадмиссии, иных сопутствующих административных процедур) [7, с. 12].

Соотношение миграционного режима и контроля позволяет выявить их системную взаимозависимость. Режим как формальная структура определяет нормативные требования. Контроль как содержательный элемент обеспечивает практическую реализацию установленных норм.

Незаконная (нелегальная) миграция в данном контексте представляет собой не просто нарушение установленных правил, а фактический выход за пределы государственного регулирования и системы контроля, что делает ее по своей природе неконтролируемым явлением.

Миграционный контроль осуществляется через комплексную правовую систему, объединяющую административно-правовые и уголовно-правовые механизмы, находящиеся в тесной взаимосвязи.

Административно-правовой механизм миграционного контроля включает два компонента:

1) установление миграционного режима (правовая регламентация правил въезда, пребывания, проживания и транзитного проезда иностранных граждан через территорию РФ и др.);

2) контроль за соблюдением установленных правил посредством применения мер административной ответственности.

Реализация указанных функций обеспечивается комплексом взаимодополняющих средств:

1) организационные (визовый режим, миграционные карты, патенты и др.);

2) технические (автоматизированные системы пограничного контроля, технические средства верификации документов, ГИС миграционного учета и др.);

3) правовые (нормы об административной ответственности за нарушения миграционного законодательства, сосредоточенные преимущественно в главах 18 и 19 КоАП РФ) (см. рисунок).

Основу уголовно-правового механизма миграционного контроля образуют нормы ст. 322, 322^1, 322^2, 322^3 УК РФ, направленные на противодействие наиболее опасным нарушениям миграционного режима. Особенность данных норм заключается в их производном характере: являясь бланкетными диспозициями, они вторичны по отношению к миграционному законодательству, регулирующему правила въезда, пребывания, транзитного проезда и постановки на миграционный учет, а также к административно-деликтному законодательству, устанавливающему ответственность за менее опасные нарушения. Именно поэтому фиксируемые ими правонарушения относятся к категории преступлений со смешанной противоправностью [8; 9], что неизбежно порождает проблему разграничения уголовно наказуемых деяний и схожих административных проступков.

Наиболее рельефно указанная взаимосвязь проявляется в уголовно-правовом запрете организации незаконной миграции (ст. 322^1 УК РФ), представляющем собой сложное единичное деяние, объединяющее различные формы содействия нарушениям миграционных правил, как поименованных законодателем, так и не получивших специального нормативного закрепления. К установленным законом правилам можно отнести, например, незаконное трудоустройство иностранных граждан (ст. 18.15, 18.16 КоАП РФ), предоставление жилого помещения или транспортного средства, оказание иных услуг иностранному гражданину, находящемуся в Российской Федерации с нарушением установленного порядка или правил транзитного проезда (ч. 3 ст. 18.9 КоАП РФ), фиктивная постановка на миграционный учет (ст. 322^2, 322^3 УК РФ). Эти противоправные деяния могут выступать либо как самостоятельные правонарушения, либо как структурные элементы состава организации незаконной миграции.

Обозначенные проблемы подчеркивают ключевое значение *принципа межотраслевой согласованности*, практическая реализация которого требует нормативной гармонизации уголовного, миграционного и административно-деликтного законодательства, выработки единых подходов правоприменения через четкие квалификационные правила, последовательного соблюдения принципа субсидиарности при выборе мер воздействия.

Выявленные системные взаимосвязи правовых инструментов миграционного контроля приобретают особую актуальность при оценке законодательных новелл. В частности, вызывает сомнение целесообразность дополнения ч. 1 ст. 63 УК РФ новым отягчающим обстоятельством, а именно: «совершение преступления лицом, незаконно находящимся на территории Российской Федерации». Во-первых, данная формулировка противоречит терминологии действующего миграционного законодательства, где используются

различные юридические конструкции: «находящиеся в Российской Федерации и не имеющие законных оснований для пребывания (проживания) в Российской Федерации» (п. 1 ст. 11 Федерального закона от 8 августа 2024 г. № 260 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»); «законно находящийся в Российской Федерации иностранный гражданин» (ст. 2 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»); «иностранный гражданин, незаконно находящийся в Российской Федерации» (ст. 33 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»). Такая терминологическая несогласованность нарушает принцип юридической определенности и создает риски произвольного правоприменения.

Во-вторых, нововведение не способно обеспечить реальный превентивный эффект, поскольку назначенное уголовное наказание не изменяет миграционного статуса нарушителя – даже после отбытия (исполнения) уголовного наказания нелегальный мигрант по общему правилу подлежит удалению за пределы территории Российской Федерации. Это создает коллизию с административными мерами принуждения: депортацией, реадмиссией, административным выдворением. Особые сложности вызывает назначение обязательных работ, исправительных работ, условного осуждения, которые теряют практический смысл в отсутствие у такого специфического осужденного легального места жительства, с которым уголовный закон связывает отбывание (исполнение) этих мер. Остается также неясным механизм сочетания уголовных наказаний с ранее принятыми решениями о депортации, реадмиссии или административном выдворении.

Выявленные системные противоречия требуют принципиально иных подходов к реформированию средств уголовно-правового реагирования на незаконную миграцию. Особую актуальность приобретает включение в уголовный закон специальной меры выдворения за пределы Российской Федерации иностранных граждан, которую целесообразно отнести к иным мерам уголовно-правового характера (мерам безопасности) (см. об этом подробнее [10, с. 218–225]). Это позволит преодолеть существующую правовую коллизию между уголовным, миграционным и административным законодательством, обеспечив адекватный учет специфики правового статуса нелегальных мигрантов. Введение данной меры, соответствующей общепризнанным международным стандартам, создаст действенный механизм противодействия незаконной миграции и миграционной преступности, оптимизирует работу правоохранительных органов и судебной системы, а также позволит избежать неоправданных затрат государственных ресурсов.

Вызывает серьезные сомнения обоснованность установления одинаковых верхних пределов наказуемости за фиктивную постановку на миграционный учет (ст. 322^2, 322^3 УК РФ) и организацию незаконной миграции (ч. 1 ст. 322^1 УК РФ), поскольку эти деяния обладают различной степенью опасности. Как отмечалось ранее, фиктивная постановка на миграционный учет зачастую выступает одним из элементов в системе действий по организации незаконной миграции, которая по своей природе представляет значительно более серьезную угрозу общественным отношениям. Подобное уравнивание санкций противоречит базовым принципам уголовного права, в частности требованию соразмерности наказания тяжести совершенного преступления.

Сами по себе нормы о фиктивной простановке на миграционный учет (ст. 322^2 и 322^3 УК РФ) представляют собой яркий пример бессистемного нормотворчества, игнорирующего положения миграционного и административно-деликтного законодательства. Они нарушают фундаментальные принципы уголовного права: экономии репрессии и формальной определенности, вступают в коллизии с должностными преступлениями и аналогичными административными правонарушениями. Структурные недостатки данных норм проявляются в следующем: во-первых, в искусственном разделении юридически однородных деяний между ст. 322^2 и 322^3 УК РФ и, напротив, нелогичном объединении в одной ст. 322^2 двух принципиально разных составов – фиктивной регистрации иностранных граждан, обладающей большей опасностью и менее опасной фиктивной регистрации российских граждан; во-вторых, в уравнивании правонарушающего поведения рядовых граждан, предоставляющих заведомо ложные сведения при осуществлении миграционного учета, и действий должностных лиц, искажающих его данные; в-третьих, в использовании нечетких критериев, затрудняющих разграничение уголовно наказуемого деяния от административных проступков, зафиксированных в ст. 19.27 КоАП РФ [7, с. 15–16; 11, с. 85–91]. Все это указывает на необходимость концептуального пересмотра указанных норм.

В заключение отметим следующее.

Уголовно-правовые инструменты миграционного контроля, закрепленные в ст. 322, 322^1, 322^2

и 322[3] УК РФ, составляют важный элемент системы обеспечения миграционной безопасности, дополняя административно-правовые регуляторы. Однако отсутствие единого доктринального понимания миграционного контроля и противоречивость его нормативного регулирования порождают правовую неопределенность, затрудняющую согласованное применение мер различной отраслевой принадлежности.

Эффективность уголовно-правовых инструментов останется низкой без решения системных проблем законодательного и правоприменительного характера: терминологической рассогласованности нормативных актов, дисбаланса санкций и установления четких критериев разграничения уголовной и административной ответственности. Особую остроту приобретает вопрос межотраслевой согласованности, поскольку игнорирование специфики противодействия незаконной миграции не только снижает результативность контроля, но и создает коррупциогенные риски, провоцируя произвольное правоприменение.

Для совершенствования механизма миграционного контроля необходим комплекс мер, включающий:

– разработку целостной концепции миграционного контроля как многоуровневой государственной функции;

– устранение межотраслевых коллизий и дифференциацию санкций с учетом степени опасности соответствующих деяний;

– введение специальных мер уголовно-правового характера (в частности, выдворение за пределы РФ иностранных граждан как иной меры уголовно-правового характера);

– создание единых методик квалификации и механизмов межведомственного взаимодействия.

Перспективным направлением развития является формирование комплексной системы миграционного контроля, основанной на принципах межотраслевой согласованности, правовой определенности, пропорциональности и превентивной направленности. Реализация указанных мер позволит создать сбалансированный механизм противодействия незаконной миграции, сочетающий эффективную защиту правопорядка с соблюдением принципов законности в условиях динамичных миграционных процессов. Дальнейшие исследования следует ориентировать на разработку моделей межведомственного взаимодействия и оценку эффективности различных инструментов миграционного контроля.

Разработанный методологический подход к анализу уголовно-правовых инструментов миграционного контроля обладает значительным потенциалом для применения в других сферах уголовно-правового реагирования, поскольку позволяет выявлять системные проблемы межотраслевого взаимодействия, терминологические противоречия и дисбаланс санкций, характерные для многих комплексных институтов уголовного права. Полученные результаты демонстрируют универсальность предложенной модели, которая может быть адаптирована для оценки эффективности уголовно-правового контроля в экологической, экономической, информационной, транспортной и иных сферах, где требуется согласование норм различных отраслей права. Ключевое значение имеет выявление общих закономерностей формирования уголовно-правовых запретов в условиях межотраслевого регулирования, разработка критериев разграничения ответственности и создание механизмов преодоления правовой неопределенности. Особую научную ценность представляет возможность использования разработанного подхода для создания теории уголовно-правового контроля как универсального инструмента защиты правопорядка в условиях усложнения межотраслевых связей и динамичного развития общественных отношений.

Литература

1. *Кириллова О. Ю.* Эволюция функции контроля в теории и практике управления // Вестник Университета. 2013. № 10. С. 83–88.

2. *Атаманчук Г. В.* Государственное управление (организационно-функциональные вопросы). М., 2000. 301 с.

3. *Исаева С. Б.* Система миграционного контроля как новый социальный институт // Система ценностей современного общества. 2010. № 10–2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-migratsionnogo-kontrolya-kak-novyy-sotsialnyy-institut (дата обращения: 08.06.2025).

4. *Казарян К. В., Тутинас Е. В.* Миграционный правопорядок в контексте современной миграционной парадигмы // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2015. № 6. URL: https://cyberleninka.

ru/article/n/migratsionnyy-pravoporyadok-v-kontekste-sovremennoy-migratsionnoy-paradigmy (дата обращения: 08.06.2025).

5. *Евсикова Е. В.* Миграционный учет (контроль): современные реалии и перспективы развития // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2023. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/migratsionnyy-uchet-kontrol-sovremennye-realii-i-perspektivy-razvitiya (дата обращения: 08.06.2025).

6. *Хазов Е. Н., Богданов А. В., Венидиктов М. И.* Основные направления государственной миграционной политики России и роль органов внутренних дел в ее реализации // Криминологический журнал. 2023. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-napravleniya-gosudarstvennoy-migratsionnoy-politiki-rossii-i-rol-organov-vnutrennih-del-v-ee-realizatsii (дата обращения: 09.06.2025).

7. *Урда М. Н.* Уголовно-правовое противодействие незаконной миграции: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2023. 50 с.

8. *Пикуров Н. И.* Квалификация следователем преступлений со смешанной противоправностью. Волгоград, 1988. 54 с.

9. *Бавсун М. В., Бавсун И. Г.* Проблемы квалификации преступлений в сфере экономической деятельности со смешанной противоправностью // Научный вестник Омской академии МВД России. 2008. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-kvalifikatsii-prestupleniy-v-sfere-ekonomicheskoy-deyatelnosti-so-smeshannoy-protivopravnostyu (дата обращения: 09.06.2025).

10. *Урда М. Н.* Уголовно-правовое противодействие незаконной миграции как инструмент миграционного контроля. Монография. М.: Юрлитинформ, 2024. 288 с.

11. *Урда М. Н.* Фиктивная постановка на миграционный и регистрационный учеты в контексте межотраслевого взаимодействия // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2019. № 2 (48). С. 85–91.

References

1. *Kirillova O. Yu.* Evolyutsiya funktsii kontrolya v teorii i praktike upravleniya [Evolution of the control function in management theory and practice]. Vestnik Universiteta, 2013, no. 10, pp. 83–88. (In Russian)

2. *Atamanchuk G. V.* Gosudarstvennoe upravlenie (organizatsionno-funktsional'nye voprosy) [Public administration (organizational and functional issues)]. Moscow, 2000. 301 p. (In Russian)

3. *Isaeva S. B.* Sistema migratsionnogo kontrolya kak novyy sotsial'nyy institut [The migration control system as a new social institution] // In *Sistema tsennostey sovremennogo obshchestva [The System of Values of Modern Society],* 2010, no. 10–2. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-migratsionnogo-kontrolya-kak-novyy-sotsialnyy-institut (accessed: 08.06.2025). (In Russian)

4. *Kazaryan K. V., Tutinas E. V.* Migratsionnyy pravoporyadok v kontekste sovremennoy migratsionnoy paradigmy [Migration law and order in the context of modern migration paradigm] // In *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki [Uchen. Zap. Kazan. University. Series: Humanitarian Sciences. 2015. No. 6],* 2015, no. 6. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/migratsionnyy-pravoporyadok-v-kontekste-sovremennoy-migratsionnoy-paradigmy (accessed: 08.06.2025). (In Russian)

5. *Evsikova E. V.* Migratsionnyy uchet (kontrol'): sovremennye realii i perspektivy razvitiya [Migration registration (control): current realities and development prospects] // In *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki [Scientific Notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Legal Sciences],* 2023, no. 1. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/migratsionnyy-uchet-kontrol-sovremennye-realii-i-perspektivy-razvitiya (accessed: 08.06.2025). (In Russian)

6. *Khazov E. N., Bogdanov A. V., Venidiktov M. I.* Osnovnye napravleniya gosudarstvennoy migratsionnoy politiki Rossii i rol' organov vnutrennikh del v ee realizatsii [Main directions of Russia's state migration policy and the role of internal affairs bodies in its implementation] // In *Kriminologicheskiy zhurnal [Criminological Journal],* 2023, no. 1. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-napravleniya-gosudarstvennoy-migratsionnoy-politiki-rossii-i-rol-organov-vnutrennih-del-v-ee-realizatsii (accessed: 09.06.2025). (In Russian)

7. *Urda M. N.* Ugolovno-pravovoe protivodeystvie nezakonnoy migratsii: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk [Criminal-legal counteraction to illegal migration: Abstract of doctoral dissertation]. Moscow, 2023. 50 p. (In Russian)

8. *Pikurov N. I.* Kvalifikatsiya sledovatelem prestupleniy so smeshannoy protivopravnost'yu [Investigator's qualification of crimes with mixed wrongfulness]. Volgograd, 1988. 54 p. (In Russian)

9. *Bavsun M. V., Bavsun I. G.* Problemy kvalifikatsii prestupleniy v sfere ekonomicheskoy deyatel'nosti so smeshannoy protivopravnost'yu [Problems of qualifying crimes in economic activities with mixed wrongfulness] // In *Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii [Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia],* 2008, no. 1. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-kvalifikatsii-prestupleniy-v-sfere-ekonomicheskoy-deyatelnosti-so-smeshannoy-protivopravnostyu (accessed: 09.06.2025). (In Russian)

10. *Urda M. N.* Ugolovno-pravovoe protivodeystvie nezakonnoy migratsii kak instrument migratsionnogo kontrolya [Criminal-legal counteraction to illegal migration as a tool of migration control]. Monograph. Moscow: Yurlitinform, 2024. 288 p. (In Russian)

11. *Urda M. N.* Fiktivnaya postanovka na migratsionnyy i registratsionnyy uchety v kontekste mezhotraslevogo vzaimodeystviya [Fictitious migration and registration records in the context of interdisciplinary interaction] // In *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika [Legal Science and Law Enforcement Practice],* 2019, no. 2 (48), pp. 85–91. (In Russian).

ДИСКРИМИНАЦИЯ КАК УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ЯВЛЕНИЕ: ПОНЯТИЕ И ИСТОКИ

Чистяков Константин Владимирович

Цель: *комплексный анализ дискриминации как уголовно-правового явления, рассмотрение ее концептуальных основ и исторических истоков в контексте развития уголовной ответственности. Исследование направлено на выявление ключевых аспектов понимания дискриминации в уголовном праве и эволюции подходов к ответственности за дискриминационные действия.*

Методология: *историко-правовой метод, сравнительно-правовой метод, формально-юридический метод, системный метод.*

Выводы. *Рассмотреть понятие дискриминации, как уголовно-правового явления и его эволюцию от простых форм неравенства в древних обществах до сложной правовой категории в современном уголовном законодательстве.*

Научная и практическая значимость *исследования заключается в развитие теоретических знаний об эволюции понятия дискриминации в уголовно-правовом аспекте и их систематизации на основе анализа исторического опыта.*

Ключевые слова: *дискриминация, уголовная ответственность, защита, ребенок, закон, общество, изоляция, личность, противодействие, равноправие, наказание.*

Дискриминация может принимать различные формы, такие как расовая, гендерная, религиозная или возрастная дискриминация. Она не только подрывает основные права людей, но и разрушает структуру общества, способствуя разделению и неравенству. Поощряя дискриминацию, общества рискуют оттолкнуть определенные группы, увековечить стереотипы и помешать социальной сплоченности и прогрессу.

Дискриминация как социальное явление существует на протяжении веков и проявляется в самых разных формах. Она затрагивает различные сферы общественной жизни, нарушая принципы равенства и справедливости, закрепленные в национальных законодательствах и международных актах. Дискриминация может принимать множество обликов, начиная от скрытого пренебрежения и заканчивая откровенными актами насилия.

Дискриминация подразумевает под собой нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина [1, с. 131].

Концептуально дискриминация основывается на идее предвзятого отношения или несправедливого обращения с людьми на основании их принадлежности к определенной группе, будь то раса, пол, национальность, религия, сексуальная ориентация или иные признаки. Такое отношение противоречит основным принципам гуманизма и демократии, закрепленным в международных декларациях и конституциях большинства государств. Принципы равенства и социальной справедливости лежат в основе борьбы с дискриминацией, поскольку они обеспечивают каждому человеку равные возможности и доступ к ресурсам вне зависимости от его индивидуальных характеристик.

Концепция дискриминации начала формироваться одновременно с появлением государственных образований и была связана с разделением общества на различные группы.

Исторически дискриминация была обусловлена такими факторами, как колониальные завоевания, рабство, расизм и другие формы угнетения.

DOI 10.31085/2310-8681-2025-3-288-51-55

Современная дискриминация, хотя и приняла более завуалированные формы, продолжает существовать благодаря сохранению стереотипов, предрассудков и институциональных барьеров, которые ограничивают доступ к правам и возможностям для определенных групп людей.

Сегодня, помимо классических форм дискриминации, возникает новый вид – цифровая дискриминация. С развитием интернета и цифровых платформ появились новые способы дискриминационного поведения, такие как онлайн-харрасмент, кибербуллинг и ограничение доступа к информационным ресурсам на основе различных признаков.

Как отмечает С. С. Мисник, проявление социального неравенства исторически явилось первым видом дискриминации [2, с. 18].

Понятие «дискриминация» произошло от латинского слова «discriminatio», что означает «ущемление». Этот термин впервые появился в английском языке в XVII в. и прочно вошел в обиход жителей Северной Америки после образования Соединенных Штатов Америки в XVIII в.

В процессе развития уголовного права мы наблюдаем, как понятие дискриминации трансформировалось от простого различия к сложному правовому явлению.

Представление о том, что у каждого человека есть неотъемлемые права, заложено в культуре многих народов и старинных обычаях. На протяжении истории человечества можно встретить множество примеров правителей и правовых актов, которые подтверждают, что идеи, лежащие в основе прав человека, существуют не только в современности, но и имеют глубокие корни в далеком прошлом.

Каждая социальная группа выработала свои собственные идеалы и способы гарантирования справедливости, передавая их из поколения в поколение, как в устной, так и в письменной форме. Хотя многие из этих традиций не сохранились до наших дней, их влияние ощущается в культурном наследии различных народов.

Принципы уважения прав и достоинства человека укоренены глубоко в самых разнообразных культурных и цивилизационных контекстах. Несмотря на различия в конкретных выражениях и исторических обстоятельствах, идея защиты человеческой чести и справедливости пронизывает множество традиций, объединяя их общим стремлением к гуманизму.

Одним из первых письменных сборников законов в истории человечества стал кодекс, созданный царем Хаммурапи – правителем Вавилона.

Кодекс Хаммурапи, составленный примерно в 1750-х гг. до нашей эры, отражает сложную социальную структуру вавилонского общества [3, с. 153–159].

Он включает в себя законы, регулирующие различные аспекты жизни, такие как собственность, преступления и наказания, семейные отношения и многое другое. Этот кодекс демонстрирует, как древнее общество стремилось установить порядок и справедливость, хотя и в рамках своей специфической культурной и исторической среды.

Интересно отметить, что в Китае, еще задолго до появления международных деклараций о правах человека, философские учения, такие как конфуцианство, уже содержали принципы, близкие к современным идеям о защите прав человека. Концепция «рен», которую доктор Пенг Чан связывает с учением Конфуция, подчеркивает важность сострадания и любви к другим людям. Фраза «Не желай другим того, чего не желаешь себе» напоминает принцип «золотого правила нравственности», который позже станет одним из основополагающих этических принципов многих культур и религий [4].

Говоря о дискриминации и ее последствии для несовершеннолетних, следует подчеркнуть, что несовершеннолетние, обучающиеся в образовательном учреждении, становящиеся по тем или иным основания объектами дискриминационных нападок и не находящие в силу возраста, семейной поддержки или иной возможности их преодоления, сначала будут ухудшать свою успеваемость из-за равнодушия к учебе, поскольку дискомфорт пребывания будет сильнее желания получить высокую оценку, в дальнейшем для самоутверждения они могут связаться с маргинальной средой, которая будет их поддерживать, а впоследствии может склонить к совершению преступлений.

Важно понимать, что последствия дискриминации для несовершеннолетних ведут к серьезным социальным и правовым проблемам, поэтому при рассмотрении правовой природы дискриминации необходимо исходить из ее основного определения в уголовном праве.

В уголовно-правовом контексте дискриминация определяется как нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от определенных признаков.

Следует отметить, что дискриминация может проявляться как в форме целенаправленных действий, так и в виде преднамеренного бездействия, при этом особое значение имеет использование служебного положения. Так, И. Ю. Богдановская отмечает, что современная наука и правоприменительная практика указывают на возможность проявления дискриминации, как прямой, так и кос-

венной. «Прямая» дискриминация – это любое социальное ограничение, в основе которого лежит проведение различий по тому или иному признаку. Лицо, обвиняемое в совершении прямых дискриминационных действий, должно иметь прямой умысел в совершении таких действий [5, с. 123].

Также появляется концепция косвенной дискриминации, которая представляет собой важную концепцию в праве и социологии, затрагивающую ситуации, когда определенные действия или правила неосознанно негативно сказываются на каких-либо группах людей, даже если в них нет открытой предвзятости. В отличие от явной дискриминации, которая чаще всего вызывает общественные протесты, данная форма дискриминации может оставаться незамеченной, поскольку воспринимается как обычная практика.

Данная проблема затрагивает множество аспектов жизни, включая трудовую деятельность, образование, здравоохранение и законодательство. Это происходит из-за того, что у людей зачастую нет равного доступа к образовательным или профессиональным возможностям по причине исторических и социально-экономических препятствий, что приводит к структурному неравенству, кроме того, косвенная дискриминация может возникать из-за различий в культурном и социальном контексте.

Л. И. Залиханова подчеркивает, что концепция «косвенной дискриминации» расширила возможности человека защищаться от дискриминационных действий. Тем не менее западное общество ощущало необходимость поиска новых подходов к решению задачи социальной справедливости, исключающей дискриминацию по расовому признаку. Поскольку в развитых странах в неблагоприятном социальном положении оказывались представители некоторых этнических групп, новый подход был призван реально изменить их положение, создать более льготные условия. Такой подход получил название «позитивной дискриминации» [6, с. 41].

Современный взгляд на проблему предлагает расширить понятие дискриминации за пределы традиционных рамок.

В последние годы концепция позитивной дискриминации продолжает развиваться. Все большее значение приобретает вопрос инклюзивности, который выходит за рамки исключительно этнического разнообразия и затрагивает такие аспекты, как половая принадлежность, возраст, инвалидность и другие факторы.

Кроме того, современные технологии играют важную роль в продвижении принципов равноправия. Развитие искусственного интеллекта и больших данных позволяет выявлять скрытые формы дискриминации и разрабатывать меры по их предотвращению.

Таким образом, концепция позитивной дискриминации становится неотъемлемой частью современного подхода к обеспечению справедливости и равных возможностей для всех граждан.

Именно поэтому дискриминация может негативно влиять на разные аспекты жизни общества, ограничивать людей в жилищных, трудовых, имущественных, личных и публичных правах. Важно понимать, что при дискриминации решения часто принимают, ориентируясь на принадлежность человека к какой-либо группе, а не на его индивидуальные качества.

В ходе исследования ЮНИСЕФ была обнаружена следующая специфика дискриминации в отношении детей, заключающаяся в том, что дискриминация и социальная изоляция способствуют:

- Усугублению обездоленности
- Наследованию бедности
- Ухудшению состояния здоровья
- Снижению качества питания
- Снижению успеваемости детей
- Повышению вероятности тюремного заключения [9].

Исследование ЮНИСЕФ показало, что дискриминация и социальная изоляция оказывают глубокое воздействие на детей, усугубляя их обездоленность и создавая порочный круг наследуемой бедности. Это исследование подчеркивает важность борьбы с дискриминацией на ранних этапах жизни, так как последствия могут быть долгосрочными и трудно обратимыми.

Дети, сталкивающиеся с дискриминацией, оказываются в условиях социальной изоляции, что приводит к ограниченному доступу к образовательным и медицинским услугам. Это, в свою очередь, усугубляет уже существующее неравенство и затрудняет выход из бедности.

Дискриминация негативно влияет на состояние здоровья детей, ухудшая качество их питания и увеличивая вероятность хронических заболеваний. Недостаточное питание и отсутствие медицинской помощи создают дополнительные препятствия для полноценного развития ребенка.

Низкая успеваемость детей, подвергшихся дискриминации, свидетельствует о том, что они сталкиваются с трудностями в получении качественного образования. Это снижает их шансы на успешную карьеру и дальнейшее улучшение жизненных условий.

Повышенная вероятность тюремного заключения среди детей, испытывающих дискримина-

цию, указывает на то, что социальная изоляция и обездоленность могут толкать молодых людей к противоправному поведению. Это создает дополнительный цикл проблем, связанных с преступностью и правосудием.

Особую озабоченность вызывает тот факт, что воздействие дискриминации усугубляется возрастом и невозможностью борьбы, поскольку у несовершеннолетних, в отличие от взрослых, нет доступа к судам и другим механизмам рассмотрения жалоб. В этом контексте особенно уязвимыми оказываются несовершеннолетние с ограниченными возможностями, которые становятся мишенями для различных форм насилия и дискриминации, испытывая на себе все последствия неблагоприятной социальной среды.

Эти отрицательные эффекты не только подрывают восприятие детей, но и создают порочный круг, из которого трудно выбраться.

В истории международного права можно выделить несколько важных этапов в развитии законодательства, направленного против дискриминации:

Всеобщая декларация прав человека (1948 г.), Конвенция о защите прав человека и основных свобод (1950 г.), Конвенция о борьбе с дискриминацией в области образования (1960 г.), Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации (1965 г.).

В истории России впервые ответственность за нарушения прав и свобод человека была зафиксирована в Уголовном уложении, принятом в 1903 г. Однако в том документе не было отдельной главы, посвященной вопросам дискриминации.

Уголовный кодекс РСФСР, принятый в 1926 г., уже имел более четкую направленность, связанную с защитой основ советского строя и поддержанием общественного порядка. В нем содержались статьи, касающиеся ответственности за разжигание межнациональной ненависти и за участие в выборах без соответствующего права.

В 1936 г. была принята Конституция СССР, где отдельная глава X посвящалась основным правам и обязанностям граждан. Избирательные права были выделены в отдельную главу XI «Избирательная система» [7, с. 130].

Российское уголовное законодательство рассматривает дискриминацию как многоаспектное преступление. Правовая квалификация дискриминационных действий учитывает как объективные признаки преступления, так и субъективную сторону, включая специальный мотив и цель. Законодатель уделяет особое внимание случаям дискриминации с использованием служебного положения, признавая повышенную общественную опасность таких деяний.

Эффективное противодействие дискриминации требует постоянного совершенствования правовых механизмов защиты и правоприменительной практики.

В Уголовном кодексе Российской Федерации можно выделить несколько статей, прямо касающихся дискриминации, в частности ст. 136 УК РФ («Нарушение равенства прав и свобод человека и гражданина»), и отдельные статьи, направленные на борьбу с экстремизмом и разжиганием национальной розни, что также связано с вопросами дискриминации. Как пример ст. 282 УК РФ («Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства»).

Однако помимо уголовной ответственности в российской правовой системе существует целый ряд других механизмов, направленных на борьбу с дискриминацией. Как пример, Закон о противодействии экстремистской деятельности, затрагивающий вопросы равенства и недопустимости разжигания ненависти на почве национальной, расовой или религиозной принадлежности.

К сожалению, несмотря на успехи в разработке и применении антидискриминационного законодательства, остаются нерешенными проблемы, связанные с реализацией его на практике, поскольку взаимодействие с несовершеннолетними происходит не только в образовательном учреждении, где в теории можно проконтролировать поведение педагогов, но также и в семье, где может присутствовать абсолютное равнодушие к несовершеннолетнему, которое и будет проявляться в самоутверждении за счет иного несовершеннолетнего.

Проблема также заключается во взаимосвязи руководитель (директор) образовательного учреждения – педагог, а именно в допущении (одобрении) руководством образовательных учреждений дискриминации и непринятии мер к их устранению. Бывают случаи, когда в результате неправильных действий самих учителей дискриминация не только не пресекается, но и, наоборот, поддерживается и усиливается. Это, в частности, может происходить из-за того, что директор либо по тем или иным причинам заинтересован в данном педагоге, либо просто старается не решить данную проблему, а скрыть.

Кибербуллинг распространяется в беспрецедентных масштабах, и борьба с ним должна включать в себя не просто ограждающий несовершеннолетних от интернета характер, а большее взаимодействие родителей и несовершеннолетних,

заключающееся в том, чтобы родители интересовались, что делает в интернете несовершеннолетний.

Говоря об иных путях решения, следует отметить, что необходимо усилить профилактику дискриминации через повышение осведомленности населения о своих правах и возможностях их защиты, а также улучшить взаимодействие между государственными органами и правозащитными организациями.

В образовательных учреждениях также сделать больше возможностей взаимодействия именно несовершеннолетних с внешними контролирующими организациями.

Литература:

1. *Крепышев А. М.* История развития законодательства о нарушении равенства прав и свобод человека и гражданина // Право и государство: теория и практика. 2021. № 4 (196). С. 131.

2. *Мисник С. С.* История развития законодательства о нарушении равенства прав и свобод человека и гражданина // Перо науки. 2020. № 26. С. 18.

3. Хрестоматия по истории Древнего Востока: учебное пособие, в 2-х частях. Ч. 1 / под ред. М. А. Коростовцева, И. С. Кацнельсона, В. И. Кузищина. М.: Высшая школа, 1980. С. 153–159.

4. *Акопова Т. С.* Права человека в контексте демократизации современных обществ: учебно-методическое пособие / Яросл. гос. ун-т им. П. Г. Демидова. Ярославль: ЯрГУ, 2018. 36 с.

5. *Богдановская И. Ю.* Право и защита личности от дискриминации по национальной принадлежности // Права человека и межнациональные отношения / под ред. Е. А. Лукашева. М., 1994. С. 123.

6. *Залиханова Л. И.* Дискриминация в статусе уголовно-правового запрета // Философия права. 2008. № 4 (29). С. 41.

7. *Крепышев А. М.* История развития законодательства о нарушении равенства прав и свобод человека и гражданина // Право и государство: теория и практика. 2021. № 4 (196). С. 130.

8. *Залиханова Л. И.* Дискриминация в статусе уголовно-правового запрета // Философия права. 2008. № 4 (29). С. 43.

9. Детский фонд ООН, Отрицаемые права: влияние дискриминации на детей, ЮНИСЕФ, Нью-Йорк, ноябрь 2022 г.

References

1. *Krepyshev A. M.* Istoriya razvitiya zakonodatel'stva o narushenii ravenstva prav i svobod cheloveka i grazhdanina [History of the development of legislation on violation of equality of human and civil rights and freedoms] / In *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika [Law and state: theory and practice]*. 2021. № 4 (196). S. 131.

2. *Misnik S. S.* Istoriya razvitiya zakonodatel'stva o narushenii ravenstva prav i svobod cheloveka i grazhdanina [History of the development of legislation on violation of equality of human and civil rights and freedoms] // In *Pero nauki [Pen of Science*. 2020. № 26. S. 18.

3. Khrestomatiya po istorii Drevnego Vostoka: Uchebnoe posobie v 2-kh chastyakh. Ch. 1 [Reader on the history of the Ancient East: Textbook, in 2 parts, Part 1] / pod red. M. A. Korostovtseva, I. S. Katsnel'sona, V. I. Kuzishchina. M.: Vysshaja shkola, 1980. S. 153–159.

4. *Akopova T. S.* Prava cheloveka v kontekste demokratizatsii sovremennykh obshchestv: uchebno-metodicheskoe posobie [Human rights in the context of democratization of modern societies: teaching aid] / Yarosl. gos. un-t im. P. G. Demidova. Yaroslavl': YarGU, 2018. 36 s.

5. *Bogdanovskaya I. Yu.* Pravo i zashchita lichnosti ot diskriminatsii po natsional'noi prinadlezhnosti [Law and protection of an individual from discrimination based on nationality] // In *Prava cheloveka i mezhnatsional'nye otnosheniya [Human rights and interethnic relations]* / pod red. E. A. Lukasheva. M., 1994. S. 123.

6. *Zalikhanova L. I.* Diskriminatsiya v statuse ugolovno-pravovogo zapreta [Discrimination in the status of a criminal-law prohibition] // In *Filosofiya prava [Philosophy of Law]*, 2008, № 4 (29). S. 41.

7. *Krepyshev A. M.* Istoriya razvitiya zakonodatel'stva o narushenii ravenstva prav i svobod cheloveka i grazhdanina [History of the development of legislation on violation of equality of human and civil rights and freedoms] // In *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika [Law and state: theory and practice]*. 2021. № 4 (196). S. 130.

8. *Zalikhanova L. I.* Diskriminatsiya v statuse ugolovno-pravovogo zapreta [Discrimination in the Status of a Criminal Law Prohibition] // In *Filosofiya prava [Philosophy of Law]*. 2008, № 4 (29). S. 43.

9. Detskii fond OON, Otritsaemye prava: vliyanie diskriminatsii na detei [United Nations Children's Fund, Rights denied: The impact of discrimination on children], YuNISEF, N'yu-Iork, noyabr' 2022 g.

ПРЕСТУПНОЕ НАСИЛИЕ В СЕМЬЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И МЕРЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ

Шутова Юлия Александровна

Цель: *выявить структуру и современное состояние преступного насилия в семье и предложить его комплексную систему предупреждения. Автором обозначено негативное влияние домашнего насилия на институт семьи и на государственную политику в сфере сохранения традиционных семейных ценностей.*

Методология: *метод анализа (при исследовании современного состояния преступного насилия в семье), описательно-аналитический (при получении достоверной информации о современном состоянии преступного насилия в семье), системный метод (при формулировании структуры преступного насилия в семье и мерах его предупреждения), метод опроса (при интервьюировании сотрудников Государственного кризисного центра помощи женщинам г. Санкт-Петербурга и Региональной Общественной Организации «Полина. Кризисный центр для женщин»).*

Выводы. *Семья – важнейший социальный институт в Российской Федерации. В этой связи политика государства направлена на защиту семьи, как базовой ячейки общества, а также на сохранение традиционных семейных ценностей. Насилие в семье – деструктивное явление присущее социальной и правовой действительности Российской Федерации, подрывающее авторитет института семьи. Около 40% тяжких и особо тяжких преступлений приходится именно на семейно-бытовую сферу. Предупреждение домашнего насилия в России начинает приобретать комплексный характер. Помимо уголовно-правовых мер воздействия на лиц, совершивших внутрисемейные насильственные преступления, начали активно применяться меры психологической коррекции к акторам, жертвам и свидетелям насилия.*

Научная и практическая значимость. *Автором представлена структура домашнего насилия, в связи с чем представлены уголовно-правовые меры противодействия рассматриваемому явлению. Кроме того, сделан вывод о необходимости комплексного предупреждения насилия в семье. Реализация данного направления возможно при синтезе уголовно-правовых и психологических мер воздействия на субъекты насилия – акторов, жертв и свидетелей. В рамках статьи представлены современные российские программы коррекции поведения, применяемые к инициаторам насилия. Также автором приведены меры реабилитации жертв и свидетелей насилия в семье, реализуемые на государственном, региональном уровнях и в рамках работы некоммерческих организаций.*

Ключевые слова: *насилие в семье, психическое насилие, внутрисемейная преступность, институт семьи, структура домашнего насилия, актор насилия, жертва насилия, свидетель насилия, кризисные центры, программы коррекции поведения, реабилитация жертв насилия, помощь несовершеннолетним.*

Введение. Поддержка и развитие института семьи является приоритетным направление государственной политики Российской Федерации. В целях разработки мер по защите семьи и сохранению традиционных семейных ценностей, указом Президента Российской Федерации от 22 ноября 2023 г. № 875, 2024 год был объявлен «Годом семьи». В рамках реализации обозначенного указа, федеральными органами исполнительной власти, а также органами исполнительной власти в субъектах Российской Федерации, разработаны планы проведения мероприятий, к числу которых

DOI 10.31085/2310-8681-2025-3-288-56-66

относятся: «Чествование матерей, награжденных званием “Мать-героиня”, семей, награжденных медалью и орденом “Родительская слава”», «Форум многодетных семей», «Чествование многопоколенных семей ко Дню пожилого человека», «Общероссийский открытый урок “Роль семьи в жизни человека”» и другие. Несмотря на колоссальные усилия государства, направленные на популяризацию и укрепление института семьи, серьезной проблемой является проявление в нем домашнего насилия.

Как справедливо отмечают Н. А. Вакуленко и М. Г. Ачкасова, «проблема насилия в семье является одной из самых сложных в силу российского менталитета» [1, с. 90]. Закономерно встает вопрос: «Почему данный феномен присущ внутрисемейным отношениям?». Ответ лежит на поверхности. Семья – один из социальных институтов, главными участниками которого являются индивиды. При столкновении личных интересов индивидов рождается конфликт, а одним из самых древних и примитивных способов разрешения конфликта является насилие. Однако не все насилие, которое происходит во внутрисемейных отношениях, является преступным. Но именно крайние преступные формы проявления домашнего насилия являются наиболее опасными. Поэтому на рубеже 1980-х гг. одним из первых кто в России занялся изучением проблемы насилия в семье, причин и условий его совершения, а также разработкой мер по предупреждения данного негативного явления стал Д. А. Шестаков. Именно он стал родоначальником российской семейной криминологии (криминофамилистики) – криминологической отрасли, исследующей взаимосвязь семьи и преступности, а также проблемы внутрисемейных преступлений [2]. Однако несмотря на теоретические и правоприменительные разработки, проблема насилия в семье остается частью социальной и преступной действительности современной России.

Основная часть. В 2019–2021 гг. специалистами Санкт-Петербургского государственного университета в рамках проекта «Мониторинг правоприменения» и деятельности Центра по изучению проблем домашнего насилия Санкт-Петербургского государственного университета исследовалось состояние преступности, складывающейся из совокупности преступлений, совершаемых во внутрисемейных отношениях в обозначенный период времени на всей территории Российской Федерации. Согласно проведенного исследования, около 3 млн человек в России ежегодно страдают от семейного насилия, кроме того 65,9% случаев домашнего насилия приходится на супружеское насилие [3, с. 96]. Также, согласно данным официальной статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 67,3% преступлений, совершаемых на бытовой почве, приходится именно на семейно-бытовые отношения *(Официальные статистические данные о преступности // Портал правовой статистики: [Электронный ресурс]: URL: http://crimestat.ru/offenses_map (дата обращения: 12.02.2025))*.

В сложившейся ситуации особые опасения вызывает тот факт, что согласно статистическим данным МВД России, около 40% тяжких и особо тяжких насильственных преступлений совершается именно в семье *(Бытовые преступления: причины и профилактика // 68 мвд.рф: [Электронный ресурс]: URL: https://68.мвд.рф/ news/item/7627932 (дата обращения: 12.09.2024))*. Несмотря на достаточную распространенность и общественную опасность насилия в семье, отраженную в официальных статистических данных, сформированных на основе выявленных и раскрытых преступлений, реальная картина домашнего насилия остается не в полной мере освещенной, ввиду высокой степени латентности. В. Ф. Щепельков справедливо утверждает, что «как правило, насилие в семье скрыто от посторонних глаз, поскольку потерпевшие зачастую не предают данные факты огласке» [3, с. 98]. Кроме того, имеют место быть ситуации, когда бездействие со стороны правоохранительных органов приводит к перерастанию не криминализованных проявлений насилия в семье к совершению тяжких и особо тяжких преступлений. Так, например, согласно определению судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 3 сентября 2024 г. № 41-УД24-27-К4, халатность со стороны участкового уполномоченного полиции, выражавшаяся в несвоевременном прибытии по заявлению несовершеннолетней об избиении ее матери отцом, привела к убийству последней, путем нанесения 12 колото-резаных ранений в область груди *(определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 3 сентября 2024 г. № 41-УДП24-27-К4 // Доступ из СПС «КонсультатнПлюс» [Электронный ресурс]: URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=824758#5HWqWOU3ZILAgMc9 (дата обращения: 12.09.2024))*. В этой связи, одной из основных проблем насилия в семье на современном этапе является несоответствие официальной статистики реальной ситуации, ввиду высокой латентности данного явления, а также несвоевременного реагирования на факты до-

машнего насилия со стороны правоохранительных органов.

Проблема домашнего насилия активно обсуждается в российских средствах массовой информации, в том числе в сети «Интернет». Особенно остро преступные проявления насилия в семье стали предаваться гласности, а также вновь поднялся вопрос о принятии Федерального закона «О профилактике семейно-бытового насилия в России» (ранее он вставал в 2016 и 2019 гг.) *(проект Федерального закона «О профилактике семейно-бытового насилия в России» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]: URL: https://static.consultant.ru/obj/file/doc/pr_fz291119_2.rtf.pdf (дата обращения: 12.09.2024))* после всемирно известного «дела Салтанат Нукеновой» *(дело Салтанат Нукеновой // Официальный сайт «РИА новости». URL: https://ria.ru/category_delo-saltanat-nukenovoy/ (дата обращения: 12.09.2024))*. Так, например, сотрудниками Следственного управления по Свердловской области 28 июня 2024 г. возбуждено уголовное дело по п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ «Убийство с особой жестокостью», по факту умышленного причинения смерти женщине супругом на почве личных неприязненных отношений, возникших на бытовой почве. Подозреваемый ранее применял насилие в отношении супруги, а также привлекался к уголовной ответственности за угрозы убийством (ст. 119 УК РФ) *(Официальный телеграмм-канал СУ СК по Свердловской области. URL: https://web.telegram.org/k/#@sledcom_sverdlovsk (дата обращения: 12.09.2024))*. Имеются случаи, когда в ответ на бездействия правоохранительных структур, женщины, подвергающиеся насилию со стороны партнеров, совершают особо тяжкие преступления в отношении последних. Одним из крайних примеров данной ситуации служит «дело Оксаны Гончаровой», согласно которому экс-журналистка РосБизнесКонсалтинг в ходе семейно-бытовой ссоры смертельно ранила бывшего гражданского мужа, который избивал ее на протяжении 15 лет *(Официальный телеграмм-канал «РБК». URL: https://www.rbc.ru/society/19/08/2024/66c375569a79472e03aa26cc (дата обращения: 12.09.2024))*. Однако насилие в семье не ограничивается лишь насилием мужчины в отношении женщины или женщины в отношении мужчины.

В. Е. Батюкова утверждает, что «домашнее насилие может быть как насилием мужчин над женщинами, так и женщин над мужчинами, а также насилием родителей над детьми» [4, с. 33]. А. В. Выгодская и М. В. Миронова также полагают, что «насилие в семье имеет достаточно широкий контекст: в отношении пожилых, людей с инвалидностью, женщин, детей, мужчин и др.» [5, с. 65]. Н. В. Гончарова выделяет следующие виды домашнего насилия «жестокое обращение с детьми, насилие в отношении жены или партнера, насилие в отношении пожилых людей, насилие в отношении членов семьи» [6, с. 1768]. Исходя из вышеуказанных позиций российских ученых можно сделать вывод о том, что в настоящее время насилие в семье характеризуется многовариативностью, в связи с чем способы и меры предупреждения данных проявлений должны соответствовать фактурной действительности.

Как утверждают В. Ю. Голубовский и Е. В. Кунц, «насилие в семье является разновидностью социального насилия» [7, с. 98]. В. Е. Батюкова придерживается позиции, согласно которой «семейное насилие, по сути, является систематическим повторением актов физического, экономического, психологического и сексуального насилия над близкими людьми, что делается для получения власти и контроля над ними» [8, с. 111]. Соглашаясь с данными тезисами, следует отметить, что, как и любому социальному явлению, домашнему насилию присуща своя структура. Структура насилия в семье в России состоит из следующих элементов:

– субъект насилия (актор);

– субъект насилия (жертва);

–- субъект насилия (свидетель);

– содержание насилия (физическое, психическое, сексуальное, экономическое насилие).

В тех случаях, когда насилие в семье приобретает общественно опасные формы, то противодействовать ему возможно уголовно-правовыми инструментами.

В. С. Харламов широко исследовал уголовно-правовую характеристику и интерпретацию насилия в семейной сфере. Так, автор приводит классификацию внутрисемейных преступлений в зависимости от объекта преступного посягательства:

– насильственные внутрисемейные преступления против жизни членов семьи (ст. 105, 106, 107, ч. 1 ст. 108, ст. 109, 110 УК РФ);

– насильственные внутрисемейные преступления против здоровья членов семьи (ст. 111, 112, 113, ч. 1 ст. 114, ст. 115, 116, 116^1, 117 УК РФ);

– насильственные внутрисемейные преступления, ставящие в опасность жизнь и здоровье членов семьи (ст. 119, 125 УК РФ);

– насильственные внутрисемейные преступления против свободы членов семьи (ст. 126, 127, 127^1, 128^1 УК РФ);

– насильственные половые преступления в семейной сфере (ст. 131–133 УК РФ);

– насильственные внутрисемейные преступления против семьи и несовершеннолетних домочадцев (ст. 150, 151, 151[1], 156 УК РФ) [9].

Анализируя статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, можно прийти к выводу, что наиболее часто насилие в семье выражается в совершении следующих преступлений: убийство; умышленное причинение тяжкого вреда здоровью; умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью; умышленное причинение легкого вреда здоровью; нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию; угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью. Обозначенные преступления являются разновидностями физического (ст. 105, 111, 112, 115, 116[1] УК РФ) и психического (ст. 119 УК РФ) насилия над членами семьи. Кроме того, процентное соотношение внутрисемейной насильственной преступности, по отношению к общей насильственной преступности составляет около 49%.

В Уголовный кодекс Российской Федерации 8 августа 2024 г. в составы насильственной преступности, в частности в ст. 105, 111, 112, 115, 116, 117, 119, 126, 127 УК РФ, был введен новый квалифицирующий признак «то же деяние, совершенное с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть “Интернет”)» *(Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 218-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Российская газета. 2024. № 181. 15 авг.)*. Данное нововведение направлено на противодействие распространению в информационном пространстве деструктивного контента в виде треш-стримов.

В настоящее время в России среди определенной категории лиц стали популярны так называемые треш-стримы. Треш-стримеры, используя сеть «Интернет», играют на садистских инстинктах определенного сегмента интернет-пользователей: организуют общедоступные трансляции в прямом эфире, в ходе которых совершаются деяния с особой жестокостью, садизмом, издевательством, а также мучениями для потерпевшего. Данное явление проявляется и в ситуациях совершения домашнего насилия. Так, треш-стример Станислав Решетняк неоднократно наносил побои своей сожительнице Валентине, что транслировал на своей стриминговой площадке. Во время очередного треш-стрима Станислав брызнул Валентине в лицо перцовым баллончиком, после чего поместил ее на открытый балкон улицы без верхней одежды в ночь с 1 на 2 декабря, температура воздуха на котором достигала –25 градусов Цельсия. Смерть девушки от переохлаждения на балконе транслировалась Станиславом публично в сети Интернет. Ввиду того, что обозначенное общественно опасное поведение выходит за границы внутрисемейных отношений, а дополнительно посягает на общественные отношения, обеспечивающие общественную безопасность и общественный порядок, законодателями Российской Федерации было принято решение внести изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации, тем самым обеспечить соразмерное противодействие развивающемуся антисоциальному явлению.

Несмотря на усиление мер уголовно-правового противодействия внутрисемейному насилию, эффективная борьба с ним, а также повышение качества внутрисемейных взаимоотношений возможны путем применения комплексных мер, включающих психологические методы. Аналогичной позиции придерживается Н. Ю. Волосова, утверждая, что «проблему домашнего насилия стоит относить к проблемам трансдисциплинарного характера и для борьбы с ней помимо уголовно-правовых механизмов следует использовать психологические механизмы» [10, с. 310]. С. В. Шуняев предлагает «применять для предупреждения новых насильственных преступлений психолого-ресоциализирующие меры» [11]. В. А. Шакшина, считает, что «обеспечить безопасность в семье смогут только комплексные меры, т.е. не только карательные, но и профилактические» [12]. Стоит также согласиться с мнением Е. И. Елфимовой о том, что «преодолеть насилие в семье можно только благодаря объединению всех структур общества [13, с. 154]. В этой связи полагаем целесообразным рассмотреть российский опыт воздействия на субъекты насилия (акторов, жертв и свидетелей), направленный на выведение их из системы домашнего насилия и адаптирование к нормальным взаимоотношениям.

Согласно исследованию М. В. Баранчиковой и И. Н. Мороз личность преступника, совершившего посягательство против жизни и здоровья, может быть представлена посредством половозрастных и иных социально-демографических признаков изучаемого контингента следующим образом: в 2/3 случаев им является трудоспособный мужчина, без определенных занятий, в возрасте 18–49 лет со средним общим образованием, каждый третий ранее имел судимость [14, с. 395]. К аналогичным выводам мы пришли, проводя собственные исследования криминологической характеристики личности преступника, совер-

шающего угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, которое основано на результатах исследования статистических данных Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, ГИАЦ МВД России за период с 2003 по 2024 г., также результатах изучения 170 материалов уголовных дел и 200 обвинительных приговоров об угрозе убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, которые находились в производстве следователей органов внутренних дел, дознавателей органов внутренних дел и рассматривались в мировых и районных судах общей юрисдикции субъектов Российской Федерации в период с 2016 по 2024 г. Большинство материалов уголовных дел получено из следующих субъектов Российской Федерации: Республики Башкортостан, Республики Коми, г. Санкт-Петербурга, Мурманской, Вологодской, Псковской, Ярославской, Костромской, Курганской областей, Ханты-Мансийского автономного округа. Изучение базовых криминологических параметров личности преступника позволило сделать вывод о том, что в основном угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью совершают лица мужского пола (92%), граждане РФ (92%), в возрасте от 41 до 49 лет (58%), со средним специальным (профессиональным) образованием (48%), не состоящие в официальном браке (63%), официально не трудоустроенные (72%), не имеющие на иждивении несовершеннолетних детей (59%), имеющие неснятые судимости (27%) или ранее привлекавшиеся к уголовной ответственности, а также имеющие прекращенные уголовные дела по ст. 119 УК РФ по нереабилитирующим основаниям (42%).

Долгое время в социальной и правовой политике Российской Федерации первостепенное место занимали вопросы наказания преступника, совершившего акты домашнего насилия, квалифицируемые по нормам особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, а также реабилитации исключительно жертв насилия в семье. В настоящее время в фокусе социальной политики государства стали подниматься и разрабатываться вопросы касаемо ранней реабилитации агрессоров, в связи с чем последние стали объектами исследовательского сообщества. А. В. Выгодская и М. В. Миронова видят в этом ряд закономерных причин. Так, по мнению авторов, «во-первых, это связано с острой необходимостью снижения государственных и общественных затрат на работу с последствиями насилия; во-вторых, с гуманизацией в отношении различных социальных групп, в том числе субъектов насилия; в-третьих, мировой опыт демонстрирует необходимость применения системного подхода в решении проблемы семейного насилия» [5, с. 70].

В зарубежных исследованиях активно поднимался вопрос целесообразности и эффективности проведения коррекционной работы с акторами насилия [15, 16, 17, 18, 19, 20, 21]. Россия в этом плане начинает развивать идею программного воздействия на инициаторов насилия в семье. Изучение отечественного опыта в данном вопросе показало, что в настоящее время можно выделить два уровня воздействия, используемого в работе с агрессорами: первый уровень – принудительный, а второй – добровольный.

Первый уровень реализуется в работе с мужчинами, осужденными за насильственные преступления в семье, которым назначено наказание, не связанное с лишением свободы. Так, например, с 2018 г. в Екатеринбурге данная программа реализуется путем взаимодействия специалистов АНО «Центр поддержки инициатив в области семьи, материнства, отцовства и детства Урал», кризисного центра «Екатерина» и психологической службой ГУ ФСИН по Свердловской области. Суд, рассматривая уголовные дела о насильственных преступлениях в семейно-бытовой сфере, в индивидуальном порядке обязывает акторов насилия пройти программу коррекции поведения. Программа работы построена на базе Дулутской модели с адаптацией под особенности российского менталитета. В частности, измененная программа направлена не только на изменение глубинных ценностей человека, но и на освоение новых форм поведения и взаимодействия в семье. По завершении программы был проведен контрольный опрос участников программы, который показал, что уровень компетентности мужчин в сфере регулирования конфликтных ситуаций существенно вырос, а том числе при продумывании ненасильственных способов урегулирования конфликтов с женщиной и детьми. Приобретенные в рамках программа навыки могут способствовать снижению повторных рисков насилия в семье и выстраивании экологичного формата взаимодействия членов семьи. Реализованная программа стала победителем конкурса Фонда президентских грантов в 2021 г. в номинации «Поддержка семьи, материнства, отцовства и детства» *(Официальный сайт Фонд президентских грантов // URL: https://президентскиегранты.рф/public/application/item?id=3ecda879–469d-4598-a450-c3e4c4234310 (дата обращения: 12.09.2024))*. Полагаем, что данные программы следует реализовывать в местах отбывания наказания в виде лишения свободы, в целях ресоциализации осужденных за

насильственные преступления в семье, а также выработке у них навыков создания здоровых взаимоотношений.

Второй уровень основан на добровольном обращении агрессоров в государственные и некоммерческие организации за помощью по корректировке их поведения. Так, тренинговые группы созданы в кризисном центре для мужчин в г. Барнауле, практики индивидуального консультирования в г. Арзамасе, тренинговые группы в г. Санкт-Петербурге. Обозначенный уровень также направлен на обучение навыкам ненасильственных способов разрешения конфликтных ситуаций, что предполагает предотвращение рецидивов насилия в семье и повышение значимости семейных ценностей.

В настоящее время в Российской Федерации большое внимание уделяется помощи женщинам (субъектам насилия – жертвам), оказавшимся в трудной жизненной ситуации. Для выведения жертв из системы домашнего насилия создаются государственные кризисные центры и некоммерческие организации, оказывающие комплексную помощь. Министр труда и социальной защиты РФ Антон Котяков в рамках правительственного часа в Государственной Думе РФ выступил с докладом, в котором осветил вопросы работы кризисных центров для помощи женщинам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации. Министр отметил, что «в 16 субъектах РФ созданы государственные кризисные центры для помощи женщинам, а в 45 субъектах РФ данные социальные услуги оказывают некоммерческие государственные организации» (*В 16 регионах России есть кризисные центры для женщин в трудной жизненной ситуации // URL: https://finance.rambler.ru/money/50917005-v-16-regionah-rossii-est-krizisnye tsentry-dlya-zhenschin-v-trudnoy-zhiznennoy-situatsii (дата обращения: 12.09.2024))*.

Заслуживает внимания опыт г. Санкт-Петербурга по созданию государственных и некоммерческих учреждений, оказывающих бесплатную помощь пострадавшим от насилия. Так, в каждом административном районе г. Санкт-Петербурга созданы «Центры социальной помощи семье и детям». Обозначенные Центры оказывают комплексную психологическую, юридическую, социальную и другие виды помощи женщинам, находящимся в кризисном состоянии, опасном для физического и психического здоровья, подвергшимся насилию. Помимо данных Центров, на территории г. Санкт-Петербурга функционируют: Приют «Трилистник», Благотворительный фонд «Теплый дом», Проект «Ребра Евы», Информационно-консультативный центр по проблемам насилия и зависимого поведения, Кризисный центр помощи женщинам, отделение социальной реабилитации «Маленькая мама», Кризисный центр помощи женщинам, отделение «Женщина в опасности», Центр поддержки детства и материнства в кризисных ситуациях «Свет Надежды», Центр «Радомира». Нами было проведено интервьюирование сотрудников Государственного кризисного центра помощи женщинам *(Официальный сайт Государственного кризисного центра помощи женщинам // URL: http://pomogaemmamam.ru/ (дата обращения: 12.09.2024))*, которое показало, что к ним за помощью обращаются женщины от 18 до 45 лет, пребывающие в ситуации насилия в семье до 1 года. Сотрудники центра отмечают, что за последнее время в содержании насилия в семье преобладают психический и сексуальный вид насилия, экономическое и физическое отходят на второй план. Если насилие в семье переходит в разряд административных правонарушений или преступлений, то наиболее часто это образует деяния, предусмотренные ст. 6.1.1 КоАП РФ (побои) или ст. 119 УК РФ (угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью). Чаще всего о функционировании данного центра женщины узнают от близкого окружения или от правоохранительных органов. Обозначенный кризисный центр оказывает комплексную помощь женщинам, оказавшимся в ситуации насилия в семье, которая выражается в следующих направлениях: социально-бытовое, психологическое, медицинское, трудовое, коммуникативное, юридическое. Кроме того, квалифицированные сотрудники кризисного центра помогают женщинам в подготовке документов для обращения в полицию, суд, прокуратуру, Следственный комитет. Как правило, сопровождение женщин продолжается в период от одного месяца до года, однако бывают ситуации, когда помощь и поддержка женщине оказывается сроком свыше 1 года. Сотрудники центра полагают, что в Российской Федерации следует наладить действенное взаимодействие правоохранительных органов, государственных и некоммерческих структур по вопросам профилактики, предупреждения и нивелирования последствий насилия в семье.

Среди некоммерческих организаций, оказывающих социальную помощь жертвам насилия, функционирующим на территории г. Санкт-Петербурга, особого внимания заслуживает Региональная Общественная Организация «Полина. Кризисный центр для женщин», которая оказывает помощь на протяжении тридцати двух лет. Нами

было проведено интервьюирование сотрудников Региональной Общественной Организации «Полина. Кризисный центр для женщин», согласно которому средний возраст женщин, обращающихся за помощью в центр, составляет 28–40 лет. Кризисный центр работает в формате кризисного консультирования, как правило, по актуальной (длящейся на момент обращения) или недавней ситуации насилия в семье. Сотрудниками разрабатывается конкретный план безопасности по персонифицированному сценарию насилия. За последнее время содержание насилия в семье носит комплексный характер, что означает сочетание нескольких видов насилия. Наиболее часто женщины обращаются с запросами о физическом насилии, изнасиловании, угрозе убийством, преследовании. Для оказания помощи женщинам, оказавшимся в ситуации домашнего насилия, предлагается комплексная помощь, которая представляет собой:

– психологическую помощь (онлайн-приемная, очные консультации, телефон доверия);

– юридическая помощь (онлайн-приемная, сопровождение в судах, очные консультации, юридические субботы);

– дополнительные сервисы (предоставление убежищ, медицинский осмотр, передержка питомцев).

Центр позиционируется на помощи женщинам, испытавшим ситуации насилия в семье до 1,5 месяцев. Именно такие ситуации считаются кризисными, и именно в них максимально эффективна парадигма краткосрочного кризисного консультирования, в которой работает центр – анализ ресурсов, составление экстренного плана безопасности (как правило это телефонная/онлайн консультация в моменте, а также предоставление доступа и разбор алгоритмов действий согласно характеру ситуации, иногда это прохождение тестов «оценки рисков»). Также сотрудники центра оказывают помощь в составлении заявлений в правоохранительные органы, представительстве в суде и правоохранительных органах. Центр работает не только на аудиторию Санкт-Петербурга: за счет хорошей развитости онлайн-платформ и сервисов, консультацию по целевым запросам могут получить женщины из разных городов России.

Значимым достижением данной организации служит разработка автоматизированного круглосуточного онлайн сервиса юридической помощи П.О.Л.И.Н.А. Данный сервис помогает жертвам насилия в упрощенном порядке подать заявления в правоохранительные органы и мировые суды. За девять месяцев 2023 г. было осуществлено 124 594 обращения к системе П.О.Л.И.Н.А., около 73% из которых о фактах физического или психического насилия. Отдельный раздел сервиса П.О.Л.И.Н.А. занимает автоматизированная подача заявления об угрозе убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, а также пошаговая инструкция действий потерпевшего в случае совершения в отношении него преступления, предусмотренного ст. 119 УК РФ *(Региональная Общественная Организация «ИНГО. Кризисный центр для женщин». URL: https://crisiscenter.ru/about (дата обращения: 12.09.2024))*.

Немаловажным является взаимодействие центра с организациями, оказывающими психологическую помощь акторам насилия, в частности с центром «Альтернатива», в рамках которого реализуются программы по коррекции поведения агрессоров. Также центр в онлайн-формате оказывает консультативную помощь свидетелям насилия. В целях оптимизации работы по данному направлению, сотрудниками был разработан бот с рекомендациями (tg: @crisis2024testbot). Помимо данных направлений, центр осуществляет методический обмен с коллегами из Центров поддержки семьи и детства на тему организации работы онлайн-сервисов. Кроме того, центр сотрудничает с Санкт-Петербургским государственным университетом, Санкт-Петербургским университетом МВД России, Санкт-Петербургским государственным педагогическим университетом имени Герцена по предоставлению студенческой практики в профильных направлениях.

В целях обеспечения нормального функционирования кризисных центров на территории Российской Федерации, а также их эффективного взаимодействия с правоохранительными структурами и некоммерческими организациями, в рамках круглого стола, проводимого Государственной Думой Российской Федерации по вопросам домашнего насилия 21 июня 2024 г., первый заместитель председателя Комитета по защите семьи, вопросам отцовства, материнства и детства Т. В. Буцкая вынесла на обсуждение необходимость разработки и принятия Федерального закона «О кризисных центрах». Кроме того, Т. В. Буцкая анонсировала старт акции против насилия в семье «Бьет – значит НЕ любит! Не молчи!», в рамках которой планируется размещение информации о кризисных центрах в туалетных комнатах торговых центров, посредством нанесения на зеркало специального QR-кода. Также в Российской Федерации активно функционирует интернет-портал государственных услуг «Госуслуги». Именно в функционал данного портала Т. В. Буцкая предлагает внести «тре-

вожную кнопку», показывающую по геолокации жертвы ближайший кризисный центр, в который она может обратиться за помощью.

Насилие в семье негативно воздействует не только на жертв, но и на свидетелей актов насилия. Зачастую ими становятся несовершеннолетние дети субъектов насилия. О. И. Ильянова акцентировала внимание на проблеме негативного влияния насилия в семье как фактора, способствующего развитию асоциального поведения несовершеннолетних. Автор отмечает, что «из числа несовершеннолетних, совершивших угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, 63,7% воспитывались в семьях, находящихся в социально опасном положении» [22, с. 97]. Такое положение позволяет сделать вывод о том, что в настоящее время кризис института семьи, проявляющийся в воспроизведении актов насилия из поколения в поколение, негативно сказывается на становлении и социализации личности несовершеннолетних, что вызывает необходимость предложений по предупреждению сложившейся ситуации. Аналогичной позиции придерживаются Е. А. Антонян и А. Б. Баумштейн, которые утверждают, что «психическое насилие в семье является побуждающим фактором противоправного поведения несовершеннолетних» [23, с. 87]. В результате того, что несовершеннолетние становятся свидетелями насилия в семье, у них формируются психологические травмы. Последствия психологических травм могут выражаться в двух аспектах. Во-первых, от 30% до 60% семей, где женщина подвергается психическому и физическому насилию со стороны мужа, дети также становятся объектами насилия [24, с. 176]. В связи с этим несовершеннолетние свидетели домашнего насилия склонны стать жертвами или инициаторами травли в образовательной или иной подростковой среде.

В целях предупреждения данного негативного явления в подростковой среде, а также оказания своевременной помощи несовершеннолетним, ставшим свидетелями насилия в семье, в Российской Федерации реализуются региональные системы обеспечения безопасного детства в рамках функционирования Фонда поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации. Так, например, Кризисный центр для мужчин Алтайского края осуществляет программу по обучению позитивным навыкам личной безопасности и ассертивного поведения «Школа безопасности». В 2023 г. было проведено 106 групп по данной программе, в которых приняли участие 1451 человек. Из них 922 ребенка и 529 родителей. В реализации данной программы приняло участие 56 муниципальных образований Алтайского края. Бюджетное учреждение здравоохранения «Дом ребенка, специализированный № 1» Вологодской области, проводит психологическую реабилитацию детей раннего возраста, пережившим насилие или жестокое обращение в семье посредством программы «Право на детство». За время реализации программы реабилитации 39 детей, пострадавших от жестокого обращения в семье, получили психолого-педагогическую помощь и сопровождение, а также 35 родителей было вовлечено в работу по гармонизации детско-родительских отношений. Центр социальной помощи семье и детям г. Усть-Илимска Иркутской области реализует практику работы с семьями, в которых дети пострадали от жестокого обращения «Под зонтом». За год применения практики (с 2023 по 2024 г.) сотрудникам удалось в 8 семьях урегулировать детско-родительские отношения, а в 1 случае, где ребенок явился свидетелем домашнего насилия, удалось полностью купировать психологический дистресс.

Выводы и результаты

1. Семья – важнейший социальный институт в Российской Федерации. В этой связи политика государства направлена на защиту семьи, как базовой ячейки общества, а также на сохранение традиционных семейных ценностей;

2. Насилие в семье – деструктивное явление присущее социальной и правовой действительности Российской Федерации, подрывающее авторитет института семьи. Около 40% тяжких и особо тяжких преступлений приходиться именно на семейно-бытовую сферу.

3. Проблема домашнего насилия широко освещается как в научной литературе, так и в средствах массовой информации. Демонстрация особо резонансных случаев насилия в семье активизировалась после всемирно известного дела «Салтанат Нукеновой».

4. Как и любому социальному явлению, домашнему насилию присуща своя структура, которая состоит из субъектов насилия (акторов, жертв и свидетелей) и содержания насилия.

5. Предупреждение домашнего насилия в России начинает приобретать комплексный характер. Помимо уголовно-правовых мер воздействия на лиц, совершивших внутрисемейные насильственные преступления, начали активно применяться меры психологической коррекции.

6. Программы коррекции поведения инициаторов насилия – агрессоров реализуются по двум направлениям: принудительное (в отношении лиц, совершивших внутрисемейные на-

сильственные преступления, которым назначено наказание, не связанное с лишением свободы) и добровольное (акторы насилия обращаются в государственные и некоммерческие организации для прохождения программ коррекции поведения и обучения ненасильственным способам разрешения конфликтов).

7. Выведение жертв насилия из системы домашнего насилия и их изоляция от агрессоров происходят путем обращения последних в государственные и некоммерческие кризисные центры. В настоящее время на государственном уровне обсуждается вопрос о принятии нормативно-правовой основы, регулирующей деятельность кризисных центров.

8. Домашнее насилие оказывает негативное воздействие на свидетелей данных актов. Зачастую ими становятся несовершеннолетние дети субъектов насилия. В целях недопущения формирования у последних психологических травм в Российской Федерации на региональном уровне реализуются программы психологической помощи несовершеннолетним, оказавшимся в трудной жизненной ситуации.

Литература

1. *Вакуленко Н. А.* Актуальные статистико-криминологические параметры семейно-бытовой преступности современности / Н. А. Вакуленко, М. Г. Ачкасова // Юристъ-Правоведъ. 2022. № 2 (101). С. 90–95.

2. Семейная криминология = Family criminology: Family criminology: Криминофамилистика / Д. А. Шестаков; Ассоц. юрид. центр. 2-е изд. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. 384 с.

3. *Щепельков В. Ф.* Противодействие домашнему насилию в Российской Федерации: состояние и перспективы // Криминалистъ. 2022. № 2 (39). С. 95–103.

4. *Батюкова В. Е.* Противодействие домашнему насилию уголовно-правовыми средствами // Вестник Российской правовой академии. 2021. № 3. С. 32–38.

5. *Выгодская А. В.* Насилие в семье: репрезентация современных практик работы с акторами насилия / А. В. Выгодская, М. В. Миронова // Siberian Socium. 2022. Т. 6, № 4 (22). С. 64–76.

6. *Гончарова Н. В.* Насилие в семье как социальная проблема // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 46. С. 1765–1773.

7. *Голубовский В. Ю.* Насилие в семье как разновидность социального насилия / В. Ю. Голубовский, Е. В. Кунц // Проблемы права. 2018. № 4 (68). С. 98–100.

8. *Батюкова В. Е.* Противодействие домашнему насилию уголовно-правовыми средствами // Современное право. 2024. № 4. С. 111–115.

9. *Харламов В. С.* Теория и практика противодействия преступному насилию в семье: системное криминологическое и уголовно-правовое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Харламов Валентин Станиславович; [Место защиты: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации]. СПб., 2018. 719 с.

10. *Волосова Н. Ю.* Семейное (домашнее) насилие как проблема междисциплинарного характера // Вопросы российского и международного права. 2017. Т. 7. № 3А. С. 310–319.

11. *Шуняев С. В.* Уголовно-правовые аспекты противодействия насилию в семье // Международная ассоциация содействия правосудию. 2010: [Электронный ресурс]: URL: https://www.iuaj.net/node/480 (дата обращения: 12.09.2024).

12. *Шакина В. А.* Женщина как жертва семейного насилия в супружеских отношениях: проблемы, причины, предупреждение: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Иркутск, 2002. 204 с.

13. *Елфимова Е. И.* Правовые проблемы борьбы с домашним насилием // Вестник ВолГУ». Серия 5: Юриспруденция. 2013. № 2(19). С. 154–159.

14. *Баранчикова М. В.* Личность преступника как элемент криминалистической характеристики преступлений против жизни и здоровья / М. В. Баранчикова, И. Н. Мороз // Пробелы в российском законодательстве. 2023. Т. 16, № 5. С. 392–396.

15. *Belur J.* MASIP evaluation interim report / J. Belur, L. Tompson, K. Jerath. London: University College London, 2019. 60 p.

16. *Babcock J.* Domestic Violence Perpetrator Programs: A Proposal for Evidence-Based Standards in the United States Partner Abuse / J. Babcock, N. Armenti, C. Cannon [et al.] // Partner Abuse. 2016. No. 7 (4). Pp. 355–460. DOI: 10.1891/1946–6560.7.4.355

17. *Eckhardt C. I.* The Effectiveness of Intervention Programs for Perpetrators and Victims of Intimate Partner Violence / C. I. Eckhardt, C. M. Murphy, D. J. Whitaker, J. Sprunger, R. Dykstra, K. Woodard // Partner Abuse. 2013. No. 4 (2). Pp. 196–231. DOI: 10.1891/1946–6560.4.2.196

18. *Hughes W. J.* Lessons from the Integrated Domestic Abuse Programme, for the implementation of Building Better Relationships // The Journal of Community and Criminal Justice. Probation Journal. 2017. No. 64 (2). Pp. 1–17. DOI: 10.1177/0264550517701199.

19. *Hughes W. J.* Probation Domestic Abuse Programmes: A study of probation domestic abuse perpetrator programmes: interactive dynamics and personal perspectives. Dr. Sci. (Philosophy) dis. London, 2019. 268 p.

20. *Pence E.* Education groups for men who batter: The Duluth model / E. Pence, M. Paymar. New York: Springer Publishing Company, 1993. 212 p.

21. *Rothman E. F.* Intervening with perpetrators of intimate partner violence: a global perspective / E. F. Rothman, A. Butchart, M. Cerdá. Geneva: Violence and Injury Prevention Department World Health Organization, 2003. 46 p.

22. *Ильянова О. И.* Угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью и их предупреждение: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2015. 185 с.

23. *Антонян Е. А.* Психологическое насилие в семье как угроза безопасности детей / Е. А. Антонян, А. Б. Баумштейн // Проблемы экономики и юридической практики. 2019. Т. 15, № 4. С. 86–89.

24. *Суворова Д. Н.* Криминологическая характеристика современной бытовой преступности // Состояние, динамика и тенденции преступности в семейно-бытовой сфере: мат-лы всерос. науч. – практ. конф. с междунар. участием (Горно-Алтайск, 8–9 ноября 2016 г.). Горно-Алтайск: Горно-Алтайский государственный университет, 2016. С. 175–178.

References

1. *Vakulenko N. A.* Aktual'nye statistiko-kriminologicheskie parametry semeino-bytovoi prestupnosti sovremennosti [Actual statistical and criminological parameters of family and domestic crime today] / N. A. Vakulenko, M. G. Achkasova // In *Yurist-Pravoved [Jurist-Pravoved]*. 2022. № 2 (101). S. 90–95. (In Russian)

2. Semeinaya kriminologiya = Family criminology [Familymcriminology = Family criminology]: Family criminology: Kriminofamilistika / D. A. Shestakov; Assots. yurid. tsentr. 2-e izd. SPb.: Yurid. tsentr Press, 2003. 384 s. (In Russian)

3. *Shchepel'kov V. F.* Protivodeistvie domashnemu nasiliyu v Rossiiskoi Federatsii: sostoyanie i perspektivy [Counteraction to domestic violence in the Russian Federation: state and prospects] // In *Kriminalist [Criminalist]*. 2022. № 2(39). S. 95–103. (In Russian)

4. *Batyukova V. E.* Protivodeistvie domashnemu nasiliyu ugolovno-pravovymi sredstvami [Counteraction to domestic violence by criminal-legal means] // In *Vestnik Rossiiskoi pravovoi akademii [Bulletin of the Russian Law Academy]*. 2021. № 3. S. 32–38. (In Russian)

5. *Vygodskaya A. V.* Nasilie v sem'e: reprezentatsiya sovremennykh praktik raboty s aktorami nasiliya [Violence in the family: representation of modern practices of working with actors of violence] / A. V. Vygodskaya, M. V. Mironova // In *Siberian Socium [Siberian Socium]*. 2022. T. 6, № 4 (22). S. 64–76. (In Russian)

6. *Goncharova N. V.* Nasilie v sem'e kak sotsial'naya problema [Violence in the family as a social problem] // In *Innovatsii. Nauka. Obrazovanie [Innovations. Science. Education]*. 2021. № 46. S. 1765–1773. (In Russian)

7. *Golubovskii V. Yu*. Nasilie v sem'e kak raznovidnost' sotsial'nogo nasiliya [Violence in the family as a type of social violence] / V. Yu. Golubovskii, E. V. Kunts // In *Problemy prava [Problems of Law]*. 2018. № 4 (68). S. 98–100.

8. *Batyukova V. E.* Protivodeistvie domashnemu nasiliyu ugolovno-pravovymi sredstvami [Counteraction to domestic violence by criminal legal means] // In *Sovremennoe pravo [Modern Law]*. 2024. № 4. S. 111–115. (In Russian)

9. *Kharlamov V. S.* Teoriya i praktika protivodeistviya prestupnomu nasiliyu v sem'e: sistemnoe kriminologicheskoe i ugolovno-pravovoe issledovanie: dis. ... d-ra yurid. nauk [Theory and practice of counteraction to criminal violence in the family: systemic criminological and criminal-legal research: dis. ... Doctor of Law]: 12.00.08 / Kharlamov Valentin Stanislavovich; [Mesto zashchity: Sankt-Peterburgskii universitet Ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii]. Sankt-Peterburg, 2018. 719 s. (In Russian)

10. *Volosova N. Yu.* Semeinoe (domashnee) nasilie kak problema mezhdistsiplinarnogo kharaktera [Family (domestic) violence as a problem of interdisciplinary nature] // In *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava [Issues of Russian and international law].* 2017. T. 7. № 3A. S. 310–319. (In Russian)

11. *Shunyaev S. V.* Ugolovno-pravovye aspekty protivodeistviya nasiliyu v sem'e [Family (domestic) violence as a problem of interdisciplinary nature] // In *Mezhdunarodnaya assotsiatsiya sodeistviya pravosudiyu [International Association for the Promotion of Justice].* 2010: [Elektronnyi resurs]: URL: https://www.iuaj.net/node/480 (data obrashcheniya: 12.09.2024). (In Russian)

12. *Shakina V. A.* Zhenshchina kak zhertva semeinogo nasiliya v supruzheskikh otnosheniyakh: problemy, prichiny, preduprezhdenie: dis. ... kand. yurid. nauk: [Woman as a victim of family violence in marital relations: problems, reasons, prevention: dis. ... cand. jurid. sciences] 12.00.08. Irkutsk, 2002. 204 s. (In Russian)

13. *Elfimova E. I.* Pravovye problemy bor'by s domashnim nasiliem [Legal problems of combating domestic violence] // In *Vestnik VolGU [Bulletin of Vol State University].* Seriya 5: Yurisprudentsiya. 2013. № 2 (19). S. 154–159. (In Russian)

14. *Baranchikova M. V.* Lichnost' prestupnika kak element kriminalisticheskoi kharakteristiki prestuplenii protiv zhizni i zdorov'ya [Personality of the criminal as an element of criminalistic characterization of crimes against life and health] / M. V. Baranchikova, I. N. Moroz // In *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve [Gaps in Russian legislation].* 2023. T. 16, № 5. S. 392–396.

15. *Belur J.* MASIP evaluation interim report / J. Belur, L. Tompson, K. Jerath. London: University College London, 2019. 60 p. (In English)

16. *Babcock J.* Domestic Violence Perpetrator Programs: A Proposal for Evidence-Based Standards in the United States Partner Abuse / J. Babcock, N. Armenti, C. Cannon [et al.] // Partner Abuse. 2016. No. 7 (4). Pp. 355–460. DOI: 10.1891/1946–6560.7.4.355. (In English)

17. *Eckhardt C. I.* The Effectiveness of Intervention Programs for Perpetrators and Victims of Intimate Partner Violence / C. I. Eckhardt, C. M. Murphy, D. J. Whitaker, J. Sprunger, R. Dykstra, K. Woodard // Partner Abuse. 2013. No. 4 (2). Pp. 196–231. DOI: 10.1891/1946–6560.4.2.196. (In English)

18. *Hughes W. J.* Lessons from the Integrated Domestic Abuse Programme, for the implementation of Building Better Relationships // The Journal of Community and Criminal Justice. Probation Journal. 2017. No. 64 (2). Pp. 1–17. DOI: 10.1177/0264550517701199. (In English)

19. *Hughes W. J.* Probation Domestic Abuse Programmes: A study of probation domestic abuse perpetrator programmes: interactive dynamics and personal perspectives. Dr. Sci. (Philosophy) dis. London, 2019. 268 p. (In English)

20. *Pence E.* Education groups for men who batter: The Duluth model / E. Pence, M. Paymar. New York: Springer Publishing Company, 1993. 212 p. (In English)

21. *Rothman E. F.* Intervening with perpetrators of intimate partner violence: a global perspective / E. F. Rothman, A. Butchart, M. Cerdá. Geneva: Violence and Injury Prevention Department World Health Organization, 2003. 46 p. (In English)

22. *Il'yanova O. I.* Ugrozy ubiistvom ili prichineniem tyazhkogo vreda zdorov'yu i ikh preduprezhdenie: dis. ... kand. yurid. nauk [Threats of murder or infliction of grave harm to health and their prevention: dis. ... cand. jurid. nauk]. Saratov, 2015. 185 s. (In Russian)

23. *Antonyan E. A.* Psikhologicheskoe nasilie v sem'e kak ugroza bezopasnosti detei [Psychological violence in the family as a threat to the safety of children] / E. A. Antonyan, A. B. Baumshtein // In *Problemy ekonomiki i yuridicheskoi praktiki [Problems of economics and legal practice].* 2019. T. 15, № 4. S. 86–89. (In Russian)

24. *Suvorova D. N.* Kriminologicheskaya kharakteristika sovremennoi bytovoi prestupnosti [Criminological characteristics of modern domestic crime]// In *Sostoyanie, dinamika i tendentsii prestupnosti v semeino-bytovoi sfere: mat-ly vseros. nauch. – prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem (Gorno-Altaisk, 8–9 noyabrya 2016 g.) [State, dynamics and trends of crime in the family and domestic sphere: mat-l. of the All-Russian scientific-practical conf. with international participation].* Gorno-Altaisk: Gorno-Altaiskii gosudarstvennyi universitet, 2016. S. 175–178. (In Russian)

КРИМИНОЛОГИЯ

ОНЛАЙН-СОЦИАЛЬНАЯ СРЕДА: СОВРЕМЕННЫЕ УГРОЗЫ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Демидова-Петрова Елизавета Викторовна

Цель: *сформулировать основные современные угрозы криминологической безопасности несовершеннолетних, возникающие в связи с их вовлечением в онлайн-социальное пространство, для проведения специализированного мониторинга и последующей разработки стратегии противодействия деструктивному информационно-психологическому воздействию.*

Методология: *диалектический метод, анализ, синтез, дедукция, системный метод, метод межотраслевых юридических исследований.*

Выводы. *Онлайн-социальная среда, в которой находятся современные несовершеннолетние, детерминирует возникновение ряда угроз, связанных, в том числе, со спецификой передачи и восприятия криминогенно значимой информации. К наиболее актуальным угрозам следует отнести вовлечение несовершеннолетних в совершение противоправных деяний, а также преступное воздействие на сознание несовершеннолетних с целью нивелирования традиционных духовно-нравственных ценностей, фальсификации исторических фактов и дискредитации отечественной истории, искажения аксиологической системы подрастающего поколения.*

Научная и практическая значимость. *Выявление и определение основных угроз криминологической безопасности несовершеннолетних в онлайн-социальной среде призвано способствовать дальнейшему развитию системы предупреждения преступности несовершеннолетних. Современный технологический инструментарий позволяет проводить криминологический мониторинг социальных сетей и информации, представляющей опасность для здоровья и развития несовершеннолетних, на качественно ином уровне.*

Ключевые слова: *несовершеннолетние, социальная среда, онлайн-фактор, криминологическая безопасность, предупреждение преступности несовершеннолетних.*

В настоящее время в связи с развитием информационно-телекоммуникационных технологий, динамично осуществляющихся процессов информационной глобализации и цифровизации все большую актуальность приобретает криминологическое исследование онлайн-социальной среды, в которую вовлечены современные несовершеннолетние.

Создание эффективно действующей системы предупреждения преступности несовершеннолетних предполагает обращение к современной социальной реальности, служащей квинтэссенцией криминальных проявлений в обществе. Указанное приобретает особое звучание в условиях динамично изменяющейся социальной среды, где выстраиваются общественные отношения, формируемые процессами информационной глобализации.

Понятие социальной среды неоднократно подвергалось исследованию в философских, педагогических, социологических, психологических научных работах. В философии под социальной средой понимают окружающие человека общественные, материальные и духовные условия его существования, формирования и деятельности. В педагогике социальная среда понимается как окружающий человека социальный мир, включающий в себя условия становления, существования, развития и деятельности людей, неразрывно связанные с субъект-субъектными и с объект-субъектными отношениями, в которые эти люди вовлечены.

DOI 10.31085/2310-8681-2025-3-288-67-73

По мнению профессора Л. С. Выготского, социальная среда содержит бесчисленное множество различных сторон и элементов. Элементы всегда находятся в противоречии и противостоянии друг с другом, и вся среда должна пониматься не как статическая, первоначальная и устойчивая система элементов, а как диалектически развивающийся динамический процесс [1].

Заслуживающей внимания является позиция С. М. Вишнякова, который под социальной средой понимает окружающие человека общественные, материальные и духовные условия его существования и деятельности *(см. подробнее: Вишняков С. М. Профессиональное образование. Словарь. Ключевые понятия, термины, актуальная лексика. М.: НМЦ СПО, 1999. 538 с.)*.

По нашему мнению, «под социальной средой несовершеннолетнего следует понимать экономическую, политическую, духовную, социокультурную, морально-нравственную обстановку, а также исторически обусловленные традиции на определенной территории, в определенный промежуток времени, а именно, где и когда родился, рос, развивался, социализировался несовершеннолетний» [2, с. 37–38].

В современных реалиях значима роль информационной среды, оказывающей влияние на формирование социальной среды несовершеннолетних. Взамен традиционным социальным средам происходит конструирование виртуальных (онлайн-) социальных сред; иными словами, реализуется увеличение (разрастание) виртуальных коммуникаций в результате моделирования социальных связей, существовавших когда-либо, но утраченных. Электронная дистанционная коммуникация между пользователями сети Интернет нивелирует пространственные и временные ограничения офлайн-социальных связей.

Таким образом, несовершеннолетние под воздействием глобального информационного фактора, или онлайн-фактора, оказываются вовлеченными в онлайн-социальную среду. Современный несовершеннолетний интегрируется в онлайн-социум, принимая при этом участие в традиционных социальных микромирах.

Указанные процессы наложения и пересечения офлайн- и онлайн- социальных микросоциумов актуализируют необходимость криминологического мониторинга онлайн-социальной среды несовершеннолетних, особенно на предмет обеспечения их информационной и криминологической безопасности в сети Интернет. Согласно Доктрине информационной безопасности Российской Федерации информационная безопасность – это состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних информационных угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод человека и гражданина, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальная целостность и устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации, оборона и безопасность государства *(Доктрина информационной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 50. Ст. 7074)*.

Информационная безопасность несовершеннолетних – это состояние их защищенности, при котором отсутствует риск, связанный с причинением информацией вреда их здоровью и (или) физическому, психическому, духовному, нравственному развитию *(Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ // Российская газета. 2006. 29 июля; Российская газета 2024. 27 ноября)*. С понятием информационной безопасности тесно связано понятие криминологической безопасности. Выражая солидарность с научной позицией профессора С. С. Босхолова, считаем, что криминологическая безопасность – это составная часть национальной безопасности. Как составная часть национальной безопасности, криминологическая безопасность структурно входит в государственную и общественную безопасность. В связи с этим стратегические цели государственной и общественной безопасности являются таковыми и для криминологической безопасности [3]. В контексте нашего исследования интерес представляет и понятие, предложенное В. Д. Никишиным: «Информационно-психологическая (информационно-мировоззренческая) безопасность личности – состояние защищенности человека, при котором отсутствуют контентные и коммуникационные риски, связанные с причинением информацией вреда его здоровью и (или) физическому, психическому, духовному, нравственному развитию» [4, с. 147]. По мнению ученого, информационно-психологическая безопасность предполагает защиту от манипулирования сознанием личности, насаждения симулякров и формирования псевдореальности, картины мира с искаженными или подмененными ценностями, установками [4, с. 147].

Изучение научной криминологической, психологической, педагогической литературы, интернет-источников позволяет сделать вывод, что возможно выделить несколько типов угроз, пред-

ставляющих реальную опасность для криминологической безопасности несовершеннолетних в сети Интернет:

1) вовлечение в мошенничество, незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ, склонение к осуществлению террористической и экстремистской деятельности, склонение к совершению самоубийства, детская порнография и т.п.;

2) кибербуллинг, диффамация, уничижение и оскорбление личности в онлайн-среде. С данными явлениями несовершеннолетние соприкасаются при коммуникации в социальных сетях, общении в чатах, участии в онлайн-играх. Современные психологи и социологи указывают, что несовершеннолетние наиболее уязвимы к такого рода рискам в силу недостатка опыта и навыков, связанных с распознаванием достоверной и недостоверной информации, некритическим отношением к возникающим ситуациям и коммуникациям, недостаточными рефлексией и пониманием чужих мотивов [5, с. 3];

3) искажение и фальсификация исторической информации, нивелирование традиционных духовно-нравственных ценностей *(указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 46. Ст. 7977)*;

4) распространение деструктивной идеологии, пропагандирующей отказ от деторождения или совершение массовых убийств в образовательных организациях, и ряд иных угроз. Это достаточно обширный пласт, связанный с негативным воздействием на сознание (и последующее криминальное поведение) лиц несовершеннолетнего возраста. В Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей указано, что идеологическое и психологическое воздействие на граждан ведет к насаждению чуждой российскому народу и разрушительной для российского общества системы идей и ценностей, включая культивирование эгоизма, вседозволенности, безнравственности, отрицание идеалов патриотизма, служения Отечеству, естественного продолжения жизни, ценности крепкой семьи, брака, многодетности, созидательного труда, позитивного вклада России в мировую историю и культуру, разрушение традиционной семьи с помощью пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений (*п. 14 указа Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 46. Ст. 7977).*

Мы согласны с позицией профессора Т. В. Пинкевич, указывающей, что «особое внимание необходимо уделять ранней профилактике с целью выявления и нейтрализации, предупреждения онлайн-рисков, связанных непосредственно с вовлечением несовершеннолетних в противоправную деятельность и совершением в отношении них преступлений» [6, с. 143].

Вызывает тревогу использование виртуальных социальных сетей в целях разжигания межнациональной розни, пропаганды или оправдания террористической и экстремистской деятельности. В социальных сетях политтехнологи, используя инструменты и технологии конструирования и изменения виртуальной реальности, занимаются вербовкой, подготовкой и формированием протестного электората, особенно уделяя внимание несовершеннолетним.

Исследуя детерминацию преступности несовершеннолетних, важно принимать во внимание целевое (таргетированное) распространение информации в виртуальном пространстве. Кроме того, необходимо учитывать, что взаимодействие несовершеннолетнего с онлайн-социальной средой носит двусторонний характер. С одной стороны, онлайн-социальная среда является источником криминогенной информации, носящей детерминирующий характер; с другой – несовершеннолетний либо воспринимает эту криминогенную информацию и реализует заложенный в ней деструктивный посыл, либо (на основании сформированных внутренних защитных механизмов) способен оказать ей эффективное интеллектуальное противодействие.

Надо сказать, что именно виртуальные социальные сети играют значимую роль в распространении деструктивного контента. Современный технологический инструментарий позволяет обеспечить анонимность, высокую скорость передачи информации, трансграничность и отсутствие механизмов четкого контроля за ее содержанием. В социальных сетях несовершеннолетний не только получает информацию, но и удовлетворяет свои потребности в общении, социализации, поддержке. Социальные сети формируют структуру онлайн-сообщества, а также принимают участие в формировании эмоционального благополучия и самоидентификации лиц несовершеннолетнего возраста.

Указанное обуславливает высокую популярность социальных сетей среди современной молодежи. Согласно опросу, посвященному вовлеченности населения России в социальные сети и мессенджеры и проведенному ВЦИОМ в 2023 г., 86% россиян, пользующихся хотя бы одной социальной сетью или мессенджером, проводят в них время практически ежедневно; среди молодежи 18–34 лет доля ежедневных пользователей близка к абсолютной (18–24 лет – 92%, 25–34 лет – 94%) *(Социальные сети и мессенджеры: вовлеченность и предпочтения // ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnye-seti-i-messendzhery-vovlechennost-i-predpochtenija (дата обращения: 26.02.2025))*. Ученые Института статистических исследований и экономики знаний Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в рамках проведенного в 2022 г. социологического опроса, посвященного цифровизации несовершеннолетних, констатируют, что юные граждане Российской Федерации активно осваивают онлайн-среду: среди респондентов в возрасте 14–17 лет хотя бы время от времени в Интернет выходят 99%; в социальных сетях хотя бы один аккаунт имеют 97% (максимальная доля среди всех возрастных групп) *(Дети в Интернете. URL: https://issek.hse.ru/news/837320649.html (дата обращения: 26.02.2025))*. Как следует из данных ранее проведенного опроса (2019 г.), подавляющее большинство несовершеннолетних (98%) отметили, что пользуются Интернетом ежедневно, кроме того, 89% заходят в социальные сети практически каждый день *(Подросток в социальной сети: норма жизни – или сигнал опасности? // ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/podrostok-v-soczialnoj-seti-norma-zhizni-ili-signal-opasnosti (дата обращения: 26.02.2025))*.

Просматривается и негативная сторона вопроса: несовершеннолетние подвергаются воздействию коллективных стереотипов, формируемых в онлайн-группах, что может привести к чувству тревоги и напряжения; виртуальный мир, насыщенный идеальными образами, создает ощущение постоянного давления соответствовать утопическим стандартам красоты. Стремление к идеалам, утвержденным в сети, может стать фактором формирования негативной самооценки; у несовершеннолетних развивается цифровая зависимость. Социальные сети – это криминогенный источник повышенной общественной опасности.

В связи с этим возрастает актуальность криминологического мониторинга социальных сетей на предмет выявления противоправного контента и пресечения деятельности онлайн-групп, пропагандирующих его распространение. Все виртуальные действия, в том числе общение в социальных сетях, оставляют соответствующие цифровые следы. Эти следы – эмпирика для исследователей – психологов, педагогов, криминологов. Сегодня есть соответствующий технологический инструментарий, позволяющий обрабатывать те массивы данных, которые есть в Интернете, в том числе и «большие данные». «Большие данные» возможно применять в части учета, анализа сайтов, пользующихся особой популярностью среди лиц, не достигших совершеннолетнего возраста [7, с. 432]. В Институте информационной и медиабезопасности Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА) разработаны два чат-бота (на основе технологий искусственного интеллекта) в целях автоматизации работы по анализу потенциально противоправного контента: один чат-бот для блокировки деструктивного материала, который позволяет получить онлайн-консультацию по отправке на «блокировку» подобных текстов, а также ознакомиться с проектами обращений в госорганы по более чем 25 различным категориям противоправной информации; другой чат-бот – генератор заключений о правовой экспертизе деструктивного контента [8, с. 19–20].

Еще один возможный вариант мониторинга социальных сетей и интернет-пространства – выявление в сети специальных маркеров информации, способной причинить вред здоровью и развитию несовершеннолетних:

1) наличие терминологии, используемой в среде потребителей наркотических средств и психотропных веществ, деструктивных сообществах;

2) наличие в профиле несовершеннолетнего информации, свидетельствующей о возникновении у него негативных эмоций (гнева, печали, страха, отвращения, презрения, горя, стыда, вины);

3) наличие деструктивных групп, склоняющих к противоправным действиям. Комментарии, оставляемые в профиле несовершеннолетнего пользователя, являются отражением круга общения, увлечений, интересов, вкусовых предпочтений.

Подобный мониторинг проводится с использованием маркеров риска, то есть признаков, связанных с повышенной вероятностью нахождения несовершеннолетнего в социально-опасном положении, актуализируемых с учетом структурных и функциональных изменений в исследуемых социальных сетях.

Подводя итоги изложенному, отметим, что современное подрастающее поколение несовершен-

нолетних вовлечено в онлайн-социальную среду под воздействием глобального информационного фактора, или онлайн-фактора. Онлайн-пространство способствует интенсификации асоциальных проявлений, которые тесно связаны между собой и детерминируют совершение противоправных деяний. Речь идет о формировании асоциального компонента общения, сознания и мировоззрения; создании образа привлекательности экстремизма; культивировании криминальных стереотипов, субкультуры [2, с. 319]. Несмотря на иллюзию быстрого и, казалось бы, простого погружения несовершеннолетних в криминогенную реальность онлайн-пространства, данный процесс является моделируемым и контролируемым извне. Весьма эффективно используется фактор искажения информации в угоду тем или иным идеологическим задачам, ее фейковизация, являющаяся особым средством информационно-психологического воздействия на сознание и последующее поведение несовершеннолетних. При этом важно указать, что рискам вовлечения в преступную деятельность посредством онлайн-социальной среды подвержены практически все группы несовершеннолетних: входящие в группы риска и социально благополучные.

В связи с этим актуальным является проведение превентивных мероприятий криминолого-виктимологического плана, направленных на устранение и минимизацию современных угроз криминологической безопасности несовершеннолетних. Мы уже отмечали, что «необходима разработка комплекса мер, направленных либо на противодействие воздействию информации, полученной из глобальной сети, либо направление деятельности несовершеннолетнего в рамках существующего законодательства» [2, с. 321]. Особая роль при этом принадлежит мерам, реализуемым на основе государственно-частного или муниципально-частного партнерства. Большое значение в нейтрализации и минимизации основных угроз криминологической безопасности несовершеннолетних в онлайн-социальной среде должно уделяться принимаемым на региональном уровне специальным программам, а также нормативному регулированию общественных отношений, обеспечивающих защиту несовершеннолетних от деструктивного контента, в части, касающейся принятия специальных законов субъектов Российской Федерации [9, с. 76].

Существенное значение имеет обеспечение надлежащего уровня медиаграмотности несовершеннолетних и повышение их культуры информационной безопасности. Медиаграмотность как совокупность знаний, умений и навыков критического анализа медийных материалов, прежде всего, требует формирования у несовершеннолетних критического мышления. Способность анализировать и критически оценивать подаваемую информацию – надежный залог обеспечения криминологической безопасности несовершеннолетних в онлайн-социальной среде.

Концепция формирования и развития культуры информационной безопасности граждан Российской Федерации гласит, что при формировании культуры информационной безопасности особо внимание должно быть уделено гражданам Российской Федерации в возрасте до 18 лет. Именно они уязвимы к различным угрозам информационной безопасности, в особенности к травле в цифровом пространстве, в силу своего возраста, отсутствия необходимых знаний в области информационной безопасности, а также регулярного и свободного использования информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», приводящего к ложному ощущению безопасности *(распоряжение Правительства Российской Федерации от 22 декабря 2022 г. № 4088-р «Об утверждении Концепции формирования и развития культуры информационной безопасности граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 52. Ст. 9726)*. В связи с этим важное значение имеет формирование у несовершеннолетних компетенций, связанных со способностью своевременного распознавания вредоносного контента. Подобный подход, реализуемый наряду с подходами, обозначенными в Концепции информационной безопасности детей, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 2 декабря 2015 г. № 2471-р, окажет положительное влияние на общий уровень грамотности граждан Российской Федерации по вопросам информационной безопасности. Проведение обучающих семинаров, лекториев, мастер-классов по вопросам информационной и личной безопасности в сети Интернет в учебных заведениях и образовательных организациях имеет значимый превентивный потенциал и призвано минимизировать криминологические риски виртуальной коммуникации.

Противодействие современным криминальным угрозам, реализуемым в онлайн-пространстве в отношении несовершеннолетних, предполагает тщательное исследование и выявление криминологических рисков, связанных с вовлечением в противоправную деятельность, распространением деструктивной идеологии и иных угроз. Немаловажная роль в этом вопросе принадлежит

современным технологиям поиска и обработки криминогенно значимой информации на основе технологий искусственного интеллекта, которые могут быть использованы при криминологическом мониторинге виртуальных социальных сетей, а также интерпретации структурированных и неструктурированных массивов данных большого объема, организованных по типу Big Data. Аналитическая обработка «больших данных» с использованием таких методов исследования, как описательная, диагностическая, предиктивная аналитика, позволяет аккумулировать знания, выявлять закономерности и вырабатывать оптимальные модели минимизации и нейтрализации современных угроз криминологической безопасности несовершеннолетних в онлайн-социальной среде.

Литература

1. *Выготский Л. С.* Педагогическая психология. М.: Педагогика, 1991. 480 с.

2. *Демидова-Петрова Е. В.* Преступность несовершеннолетних в современной России: вопросы изучения и предупреждения: монография. Казань: Казанский юридический институт МВД России, 2021. 464 с.

3. *Босхолов С. С.* Криминологическая безопасность как идейная основа теории и практики противодействия преступности. DOI 10.17150/2411-6262.2021.12(3).30 // Baikal Research Journal. 2021. Т. 12, № 3.

4. *Никишин В. Д.* Правовое обеспечение медиабезопасности и когнитивного суверенитета: вызовы социальной инженерии, гибридных войн и механизмов Web 3.0 (часть 1). DOI: 10.17803/1729-5920.2024.216.11.145–158 // Lex russica. 2024. Т. 77. № 11. С. 145–158.

5. *Бочавер А. А., Докука С. В., Сивак Е. В., Смирнов И. Б.* Использование социальных сетей в интернете и депрессивная симптоматика у подростков // Клиническая и специальная психология. 2019. Т. 8. № 3. С. 1–18.

6. *Пинкевич Т. В.* Криминальные угрозы и криминогенные риски преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних с использованием цифровых технологий. DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-56-18 // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. Т. 15. № 2 (56). С. 137–145.

7. *Рогова Е. В., Демидова-Петрова Е. В.* Предупреждение преступности несовершеннолетних: возможности «больших данных» (big data). DOI 10.17150/2411–6262.2024.15(2).429–436. EDN QGPJCM // Baikal Research Journal. 2024. Т. 15, № 2. С. 429–436.

8. *Никишин В. Д., Осипов С. А.* Меры противодействия деструктивному контенту: опыт и перспективы // Обзор. НЦПТИ. 2024. № 4 (39). С. 14–25.

9. *Титор С. Е.* Организация защиты несовершеннолетних от деструктивной информационной среды: опыт российских городов федерального значения // Цифровая социология. 2023. Т. 6, № 1. С. 72–78.

References

1. *Vygotskij L. S.* Pedagogicheskaja psihologija [Pedagogical Psychology]. M.: Pedagogika, 1991. 480 p. (in Russian).

2. *Demidova-Petrova E. V.* Prestupnost' nesovershennoletnih v sovremennoj Rossii: voprosy izuchenija i preduprezhdenija: monografija [Juvenile Delinquency in Modern Russia: Issues of Study and Prevention]. Kazan': Kazanskij juridicheskij institut MVD Rossii, 2021. 464 p. (in Russian)

3. *Bosholov S. S.* Kriminologicheskaja bezopasnost' kak idejnaja osnova teorii i praktiki protivodejstvija prestupnosti [Criminological Security as an Ideological Basis for the Theory and Practice of Combating Crime]. DOI 10.17150/2411–6262.2021.12(3).30, *Baikal Research Journal*, 2021, T. 12, no 3. (in Russian, abstract in English)

4. *Nikishin V. D.* Pravovoe obespechenie mediabezopasnosti i kognitivnogo suvereniteta: vyzovy social'noj inzhenerii, gibridnyh vojn i mekhanizmov Web 3.0 (chast 1). DOI: 10.17803/1729–5920.2024.216.11.145–158 [Legal Support of Media Security and Cognitive Sovereignty: Challenges of Social Engineering, Hybrid Wars and Web 3.0 Mechanisms (Part 1)]. *Lex russica*, 2024, T. 77, no 11, pp. 145–158.

5. *Bochaver A. A., Dokuka S. V., Sivak E. V., Smirnov I. B.* Ispol'zovanie social'nyh setej v internete i depressivnaja simptomatika u podrostkov [Use of social networks on the Internet and depressive symptoms in

adolescents]. *Klinicheskaja i special'naja psihologija [Clinical and Special Psychology]*, 2019, T. 8, no 3, pp. 1–18. (in Russian)

6. *Pinkevich T. V.* Kriminal'nye ugrozy i kriminogennye riski prestuplenij, sovershaemyh v otnoshenii nesovershennoletnih s ispol'zovaniem cifrovyh tehnologij. DOI: 10.37973/ VESTNIKKUI-2024-56-18 [Criminal threats and criminogenic risks of crimes committed against minors using digital technologies]. *Vestnik Kazanskogo juridicheskogo instituta MVD Rossii [Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*], 2024, tom. 15, no 2 (56), pp. 137–145. (in Russian, abstract in English)

7. *Rogova E. V., Demidova-Petrova E. V.* Preduprezhdenie prestupnosti nesovershennoletnih: vozmozhnosti «bol'shih dannyh» (big data) [Prevention of juvenile delinquency: the possibilities of "big data"]. DOI 10.17150/2411–6262.2024.15(2).429–436. EDN QGPJCM. *Baikal Research Journal*, 2024, t. 15, no 2, pp. 429–436. (in Russian, abstract in English)

8. *Nikishin V. D., Osipov S. A.* Mery protivodejstvija destruktivnomu kontentu: opyt i perspektivy [Measures to counteract destructive content: experience and prospects]. *Obzor. NCPTI [Review. NCPTI]*, 2024, no 4 (39), pp. 14–25. (in Russian)

9. *Titor S. E.* Organizacija zashhity nesovershennoletnih ot destruktivnoj informacionnoj sredy: opyt rossijskih gorodov federal'nogo znachenija [Organization of protection of minors from destructive information environment: experience of Russian cities of federal significance]. *Cifrovaja sociologija [Digital sociology]*, 2023, t. 6, no 1, pp. 72–78. (in Russian, abstract in English)

ОБЩЕСОЦИАЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

Игнатов Александр Николаевич

Цель: *на основе критического анализа существующих в криминологической доктрине подходов к целесообразности выделения общесоциального уровня противодействия преступности определить содержание данной деятельности.*

Методология: *диалектический метод, системный подход, деятельностный подход, анализ, синтез, индукция, дедукция, метод абстрагирования, формально-юридический метод.*

Выводы. *Распространенные в теории криминологии подходы к пониманию общесоциального противодействия преступности как совокупности мер по достижению всеобщего благоденствия вызывают закономерный вопрос о целесообразности выделения общесоциального уровня противодействия преступности и содержании соответствующей деятельности. Обосновано, что основная задача противодействия преступности на общесоциальном уровне – не только устранять и минимизировать криминогенное воздействие имеющихся факторов детерминации преступности, но и не допускать их, а также предотвращать формирование и возникновение новых. Противодействие преступности на общесоциальном уровне представляет собой деятельность, суть которой заключается в криминологическом обеспечении развития общества, реализуемом, прежде всего, на уровне стратегического планирования. На основе предоставляемой криминологами информации субъекты государственного управления в своих конкретных решениях реализуют меры общесоциального противодействия преступности. Криминологическое обеспечение деятельности субъектов государственного управления также должно охватывать научное обеспечение правотворческой деятельности, что определяет необходимость внедрения института криминологической экспертизы нормативно-правовых актов и их проектов, а также криминологического мониторинга эффективности правового регулирования.*

Научная и практическая значимость. *Определение сущности и содержания деятельности по противодействию преступности на общесоциальном уровне позволяет разрабатывать и реализовывать меры, направленные на минимизацию проявлений преступности до оптимально возможного, социально приемлемого уровня в масштабах всей страны и касаемо всего общества. Реализуемое на системной основе криминологическое обеспечение государственного управления на уровне стратегического планирования и правотворческой деятельности позволит решить практические задачи противодействия преступности на общесоциальном уровне.*

Ключевые слова: *преступное поведение, преступность, противодействие преступности, общесоциальный уровень, криминологическая политика, криминологическое обеспечение, стратегическое планирование, криминологическая экспертиза, правотворчество, правовая аналитика.*

Преступное поведение свойственно человеку, соответственно, преступность является свойством общества, что определяет необходимость консолидации усилий общества и государства по противодействию ей. Как отмечает И. М. Мацкевич, «составной частью государственного устройства и наполнения содержания бюрократического аппарата конкретными функциями стала борьба общества и государства с преступностью» [1, с. 11]. Это определило необходимость противодействия преступности на всех уровнях организации общества и функционирования государственного аппа-

DOI 10.31085/2310-8681-2025-3-288-74-84

рата, включая общесоциальный уровень. Однако единый доктринальный подход и практическое понимание содержания деятельности по противодействию преступности на общесоциальном уровне сегодня, к сожалению, отсутствуют, что существенно снижает потенциал воздействия общества и государства на факторы детерминации преступности и уровень ее проявления. Как следствие, «теория и практика профилактики (предупреждения) преступности в настоящее время опасно расходятся ... Складывается вполне объяснимая, но от этого не менее парадоксальная ситуация: профилактика преступности вроде как есть, но ее нет» [2, с. 489]. Указанное в полной мере касается общесоциального уровня противодействия преступности.

Противодействие преступности – поливариативное, многоуровневое, разнонаправленное системное социальное образование, являющееся реакцией самоорганизации общества на преступность. Основная цель противодействия преступности заключается в создании в обществе условий минимизации ее проявлений до оптимально возможного (соответствующего состоянию политического, социально-экономического и культурного развития общества в текущий момент) уровня [3]. В онтологическом измерении система противодействия преступности, как и сама преступность, является динамическим, перманентным процессом, который воплощается в деятельности соответствующего характера, имеет подвижную социальную основу и многочисленные институциональные связи. С практической стороны противодействие преступности представляет собой систему различных видов деятельности и комплексных мероприятий (осуществляемых обществом и государством), направленных на предупреждение возникновения, устранение, нейтрализацию и ограничение (ослабление) факторов, детерминирующих преступность и минимизацию проявлений криминального поведения членов общества. Понимание соответствующей антикриминальной деятельности на изложенных методологических позициях актуализирует потребность в разработке и реализации адекватных (т.е. соответствующих действительности и действенных) состоянию преступности мер противодействия [4].

Преступное (уголовно-запрещенное) поведение человека, конституируемое спецификой его природы как биосоциального существа, проявляясь на массовом уровне, и образует феномен преступности, представляющей собой динамическую, открытую, нелинейную, стохастическую, поликомпонентную, гетерогенную, самоорганизующуюся, адаптивную, биосоциальную, очень сложную систему [5]. Указанное определяет необходимость разработки и реализации мер противодействия преступности исключительно на основе системного подхода. В соответствии с системным подходом противодействие преступности должно соответствовать уровням проявления преступности: преступление (преступное поведение) – виды преступности (преступного поведения) – преступность. Исходя из данного методологического подхода в криминологии выделяются соответствующие уровни противодействия преступности: общесоциальный – специальный (специально-криминологический) – индивидуальный. При этом относительно общесоциального уровня противодействия преступности имеет место противоречивость позиций криминологов касательно содержания соответствующей криминологической (включая конкретную антикриминальную) деятельности, а также относительно целесообразности выделения данного направления деятельности как такового.

Обобщая разнообразные взгляды ученых на содержание деятельности по противодействию преступности на общесоциальном уровне, можем выделить следующие ключевые положения, отражающие исторически сложившийся в криминологической науке подход к пониманию сущности и содержания данной деятельности. Сформулируем их, иллюстрируя соответствующими содержательными формулировками.

Первое. Общесоциальное противодействие непосредственно не направлено на противодействие преступности: «попутно устраняет негативные процессы и явления, выполняя при этом опосредованно функцию предупреждения преступлений»; «не имеет конечной целью предупреждение преступности, но подразумевает это»; «направленное на решение общесоциальных задач, одновременно устраняет негативные явления, процессы, способствующие возникновению преступности»; «представляет собой основу для реализации различных усилий по предупреждению преступлений, хотя непосредственной целью имеет решение более глобальных задач, стоящих перед обществом и обусловленных потребностями его развития»; «не имеет непосредственно антикриминальной направленности, не имеет цели противодействия преступности как таковой, однако его результаты оказывают косвенное влияние на процессы, которые проистекают в криминальной среде»; «осуществляется не с целью непосредственного прямого воздействия на преступность, а имеют своей задачей противодействие во всех сферах со-

циальной жизни общества негативным явлениям и процессам, способствующим воспроизводству преступных проявлений»; «опосредованно влияет на сокращение поведенческих преступных девиаций»; «создает социально-экономические и культурные основы для эффективного осуществления специально-криминологического и индивидуального предупреждения»; «обеспечивает реализацию задач общесоциального характера и повседневную деятельность социальных институтов»; «направлено на дальнейшее развитие и совершенствование общественных отношений и устранение вместе с тем причин и условий негативных явлений вообще и преступности в том числе»; «создает политическую, социально-экономическую и культурную основу для осуществления специально-криминологического и индивидуального предупреждения преступности»; «выходит за рамки криминологии и служит составной частью общественной практики вообще и предметом всех наук об обществе и человеке» и т.п.

Второе. Общесоциальное противодействие преступности направлено на социальные преобразования и совершенствование различных сфер жизнедеятельности общества: «связано с позитивными изменениями в обществе»; «связано с многообразными социальными процессами, направленными на повышение качества и уровня жизни населения»; «направлено на создание благоприятных условий для развития общества»; «направлено на “оздоровление” всех сфер общественных отношений с целью обеспечения нормального развития общества»; «является необходимым элементом социально-экономической деятельности, устранения недостатков в политической, социальной, нравственно-психологической и духовной сферах общества»; «направлено на разрешение противоречий в экономической, социальной, морально-духовной и других сферах»; «нацелено на обеспечение гармоничного развития общества, повышение благосостояния и преодоление кризисных процессов в обществе»; «нацелено на развитие экономики, обеспечение прав, свобод и законных интересов граждан, укрепление законности и социальной защищенности населения, формирование нравственно-психологических и культурных ценностей» и т.д.

Третье. Общесоциальное противодействие преступности реализуется посредством: «совокупности крупномасштабных мероприятий, обеспечивающих прогрессивное развитие общества»; «мероприятий, которые обеспечивают позитивное воздействие на социальные процессы»; «мер экономического, политического, правового, социокультурного характера, направленные на совершенствование уклада жизни общества»; «решения задач в экономической, социальной, духовно-нравственной сферах, что в свою очередь предполагает устранение негативных явлений и влияет на уровень преступности»; «реализации крупномасштабных мероприятий, направленных на решение более широкого круга задач, чем борьба с преступностью»; «всей совокупности крупно масштабных мероприятий, обеспечивающих прогрессивное развитие общества, отношений людей в экономической, политической, духовной и других сферах»; «мер, направленных на снятие социальной напряженности в обществе, повышение благосостояния и духовной реализации граждан»; «экономических, социально-политических, социально-психологических, государственно правовых, культурно-воспитательных мероприятий»; «комплекса взаимосвязанных социально значимых решений и действий в области экономики, здравоохранения, образования и других сферах»; «системы мер социального, экономического, правого, политического, идеологического характера»; «реализации укрепляющих антикриминогенный потенциал и общественную безопасность общегосударственных социально ориентированных программ»; «социально-экономических и политических преобразований, связанных с утверждением общечеловеческих ценностей, гуманизацией морального климата, реализацией принципов социальной справедливости» и пр.

В связи с изложенным возникает закономерный вопрос о целесообразности выделения общесоциального уровня противодействия преступности и содержании соответствующей деятельности.

Отдельные ученые утверждают, что выделение «надуманного» общесоциального предупреждения преступности, являющегося «пропагандистской ширмой», и «выдвижение его на авансцену» связано с его идеологической сущностью и политической подоплекой, тотальной идеологизацией сознания советских криминологов. Так, по мнению Е. С. Жигарева, «сущность общесоциального предупреждения преступности криминологи советского периода увязывали с осуществлением задач коммунистического строительства (Г. А. Аванесов), со сферой социального регулирования поведения людей (А. С. Шляпочников), или с управлением социальными процессами (А. Б. Сахаров), либо вообще со всем социальным процессом, снижающим, ограничивающим, ликвидирующим явления, которые по рождают преступность, процессом, обеспеченным всей совокупностью мероприятий, направленных на развитие и совершенствование социализма (А. Э. Жалинский). Естественно, такая

профилактика не может напрямую быть связана с правонарушениями и преступниками, с которыми имеют дело органы внутренних дел, так как она "служит целям формирования социалистического образа жизни, воспитания нового человека, отвечающего требованиям коммунистической морали" (В. Ф. Зудин). ... Сейчас, когда соревнование двух противоположных систем *(социалистической и капиталистической. – А.И.)* давным-давно закончилось, нужно ли и дальше рассуждать об абстрактном уровне общесоциального предупреждения преступности, который в теории вроде бы и был, но для ОВД никакой практической роли не играл, ибо сотрудники занимаются профилактикой преступлений на специально-криминологическом уровне. Вообще-то сложно представить конкретно это неконкретное направление предупреждения преступности государственными органами и субъектами, к числу которых криминологи относят даже Президента РФ. ... Ведь функционирование и деятельность любого государства (а не только бывшего социалистического) само по себе направлено на повышение благосостояния своих граждан и на защиту их прав и свобод от любых посягательств, в том числе и преступных, что входит в содержание некоего общесоциального предупреждения преступности» [6, с. 29–30, 31]. Автор подчеркивает, что «внедрение же в криминологию – юридическую дисциплину в качестве предмета познания отвлеченного от реальной деятельности ОВД общесоциального предупреждения преступности приведет не только к расширению ее границ, но и размыванию рамок между деятельностью государства и органов внутренних дел» [6, с. 34].

По нашему мнению, исключать значимость и превентивный потенциал противодействия преступности на общесоциальном уровне исходя из привязки к деятельности такого субъекта специально-криминологического противодействия, как органы внутренних дел – нелогично. Выделение специально-криминологического уровня предполагает наличие и других уровней противодействия и их смешение нарушает правила логики. Сведение всей деятельности по противодействию преступности к одному лишь специализированному субъекту также нелогично и необоснованно, равно как и противопоставление деятельности государства и деятельности органов внутренних дел, являющихся одним из органов государственной власти и одним из субъектов системы противодействия преступности.

Что же касается «неконкретности» противодействия преступности на общесоциальном уровне, то здесь следует согласиться с тем фактом, что заидеологизированные формулировки советского периода, нашедшие свое отражение во многих современных трудах криминологов (это «кочующие» из учебника в учебник, из работы в работу утверждения о том, что общесоциальное противодействие непосредственно не направлено на противодействие преступности, направлено на социальные преобразования и совершенствование различных сфер жизнедеятельности общества и т.п.), действительно способствуют такому выводу. Однако, если абстрагироваться от идеологической установки советского периода относительно победы над преступностью, ее искоренения со сменой социально-политической формации, противодействие преступности на общесоциальном уровне, не теряет свою значимость и превентивный потенциал. Вопрос заключается в понимании содержания соответствующей криминологической деятельности.

Противодействие преступности направлено на минимизацию ее проявлений до социально приемлемого уровня, и достигается эта цель посредством воздействия на факторы детерминации преступности, в том числе субъективного порядка, соответственно, на личность преступника. Указанная направленность деятельности определяет сущность и содержание противодействия преступности на всех уровнях, включая общесоциальный. Поэтому считаем несостоятельным указание на то, что общесоциальное противодействие непосредственно не направлено на противодействие преступности и реализуется посредством мер, направленных на улучшение жизни общества, совершенствование различных сфер его жизнедеятельности и т.п. Равно как и противодействие преступности способствует, например, развитию и повышению эффективности экономики, однако считать данную деятельность одним из видов экономической деятельности нелогично.

По мнению В. Д. Ларичева, «в результате осуществления общесоциальных мер происходит определенное предупреждение преступлений. Но это является побочным результатом такой деятельности, поскольку субъекты осуществления общесоциальных мер не имеют круг задач по предупреждению преступлений, не обладают определенной компетенцией в области предупреждения преступлений, при проведении общесоциальных мер не ставятся цель и задачи предупреждения преступлений, меры, осуществляемые по повышению материального благосостояния, воспитанию детей и т.п., не относятся к криминологическим. Все это дает основание о том, что не следует вести речь об общесоциальном предупреждении

как виде деятельности и виде криминологического предупреждения преступности» [7, с. 133]. На наш взгляд, если речь идет о конкретных видах мер, направленных или не направленных на противодействие преступности, не признавать их реализацию деятельностью нелогично и необоснованно с точки зрения деятельностного подхода [8; 9]. Необоснованно также исключать как таковую возможность противодействия преступности на общесоциальном уровне исходя из трактовки (в соответствии с приведенными ранее распространенными определениями) целей данной деятельности.

Какая-либо деятельность, которая попутно, опосредованно, косвенно и иным подобным образом позитивно влияет на состояние преступности, по своему содержанию не является деятельностью по противодействию преступности, поскольку не имеет соответствующей целевой направленности. Отсюда противодействие преступности, осуществляемое на общесоциальном уровне, т.е. в масштабах всей страны и касаемо всего общества, представляет собой не абстрактные меры по достижению всеобщего благоденствия, а конкретную целенаправленную (минимизация проявлений преступности до оптимально возможного уровня) деятельность, суть которой заключается в криминологическом обеспечении развития общества, реализуемом, прежде всего, на уровне стратегического планирования.

Главный смысл противодействия преступности на общесоциальном уровне – не только устранять и минимизировать криминогенное воздействие имеющихся факторов детерминации преступности, но и не допускать, предотвращать формирование и возникновение новых. Именно общесоциальный уровень противодействия позволяет воздействовать на самый широкий спектр факторов детерминации преступности во всех сферах жизнедеятельности общества.

Понимание данного факта и приводит ученых к противоречивым выводам относительно общесоциального противодействия преступности, что, с одной стороны, «к криминологии это направление никакого отношения не имеет», а с другой стороны, «на самом деле, криминологов должна меньше всего волновать сфера деятельности самого государства до тех пор, пока оно не решит привлечь их к конкретному обсуждению проблемы, связанной с формированием общесоциального предупреждения преступности» [6, с. 34]. С практической точки зрения вопрос о сущности общесоциального противодействия преступности заключается в том, кем и каким образом данная деятельность должна быть реализована.

К сожалению, вместо реальности деятельность по противодействию преступности нередко наполнена симулякрами и симуляцией. Наше нежелание или неспособность познать криминальную реальность с вынужденной необходимостью порождает симулякры – криминальную и антикриминальную вместо-реальность, которые детерминируют как реальную деятельность, так и симуляции субъектов противодействия преступности [10]. Данный феномен образуют в том числе и «меры-лозунги» о достижении всеобщего благоденствия, предлагаемые в рамках подхода к противодействию преступности на общесоциальном уровне, как к деятельности, направленной на социальные преобразования и совершенствование различных сфер жизнедеятельности общества и опосредованно влияющей на преступность, и т.п.

Необходимо учитывать, что разные мировоззренческие основы научного поиска, которые превалировали в те или иные периоды развития криминологии, имеют различную гносеологическую ценность. Следует с определенной осмотрительностью оперировать отдельными положениями теории противодействия преступности, которые разрабатывались в рамках советской идеологизированной доктрины, учитывая изменение вектора общественного развития в сторону построения государства на началах социальности, демократичности, верховенства права. Как справедливо отмечал В. Н. Фадеев, «с точки зрения классической науки и практики борьбы с преступностью, вроде бы делается все правильно, но это – путь в никуда, т.к. мы занимаем оборонительную позицию, а надо работать на опережение, на будущее, а значит, в науке и практике необходимо занять наступательную позицию, не “топтаться” на постсоветской площадке, жизнь кардинально изменилась, изменилось и правовое поле, которое требует своего расширения» [11, с. 71].

Противодействие преступности должно мыслиться, организовываться и реализовываться в контексте прогрессивного развития общества и иметь форму научно взвешенной стратегии, реализуемой в рамках криминологической политики государства. Сама идеология государственного строительства и управления во всех сферах жизнедеятельности общества должна учитывать «запросы» антикриминальной деятельности. Как справедливо указывают М. М. Бабаев и Ю. Е. Пудовочкин, «именно криминологическая информация, криминологическое научное знание лежит (должно лежать) в основе разработки путей и средств противодействия преступности на политико-правовом уровне. Криминология предоставляет субъектам

управленческих решений широкий спектр идей, надлежащее оформление которых и составляет важнейшее направление уголовной политики. Иными словами, криминология дает политикам необходимый список того, как надо решать проблемы преступности и оптимально достичь поставленных целей» [12, с. 59, 61, 63–63]. Поэтому наивно и покорно ждать, когда государство решит привлечь криминологов к конкретному обсуждению проблем, связанных с противодействием преступности, мы не можем себе позволить.

Нивелирование значения противодействия преступности на общесоциальном уровне на основании того, что субъекты государственного управления не обладают криминологическими знаниями и компетенциями, а криминологи непосредственно не участвуют в государственном управлении – недопустимо. Систему субъектов противодействия преступности составляет широкий круг как специализированных (деятельность которых, соответственно, функции, компетенции и полномочия непосредственно направлены на противодействие преступности), так и неспециализированных субъектов. То, что субъект непосредственно не участвует в обеспечении или охране общественного порядка, предотвращении, пресечении, раскрытии или расследовании преступлений, отнюдь не исключает его из числа субъектов противодействия преступности.

Предоставляя субъектам управленческих решений необходимую криминологическую информацию (обоснование, рекомендации и пр.), криминологи непосредственно участвуют тем самым в осуществлении противодействия преступности на общесоциальном уровне. Как отмечает Ю. М. Антонян, «криминологи не составляют закрытого и недоступного сообщества, они открыты для всех» [13, с. 68]. В свою очередь, используя данную информацию, субъекты государственного управления в своих конкретных решениях реализуют, в том числе как неспециализированные субъекты противодействия преступности, меры общесоциального противодействия преступности.

Следует отметить, что в данном случае субъектов государственного управления следует рассматривать в самом широком смысле, включая все ветви власти, а также гаранта Конституции Российской Федерации. Абсолютно не можем согласиться с утверждением, что «выдвижение криминологами Президента РФ и Правительства РФ, органов законодательной власти и политических партий в ранг субъектов общесоциального предупреждения преступности, если сказать честно, может непроизвольно вызывать улыбку» [6, с. 34]. Так, в п. «е» ст. 114 Конституции Российской Федерации прямо закреплено, что Правительство Российской Федерации «осуществляет меры по обеспечению законности, прав и свобод граждан, охране собственности и общественного порядка, борьбе с преступностью» *(URL: http://pravo.gov.ru/constitution/)*. Учитывая решения Президента Российской Федерации по формированию и реализации политики государства в сфере противодействия преступности, количество указов и распоряжений в данной сфере, его роль как субъекта противодействия преступности, на наш взгляд, также не вызывает сомнений. Специалисты к наиболее значимым для достижения целей противодействия преступности выделяют такие функции президента, как «руководство, организация и контроль деятельности правоохранительных органов, осуществление функции помилования, назначение на должность руководителей высших органов государственной власти, в том числе, высших должностных лиц правоохранительных ведомств и суда, определение объемов и форм финансирования предупредительной деятельности путем непосредственного участия в формировании государственного бюджета» [14]. Отдельного внимания в данном контексте заслуживает функция организации и контроля в сфере стратегического планирования.

Следует согласиться с В. Д. Ларичевым и О. Ю. Исаевым относительно того, что прикладной характер криминологии определяется, в частности, тем, что ее задача – «не формулировка направлений совершенствования системы социально-экономических отношений, а выработка конкретных мер, направленных на предупреждение преступности в современных условиях» [15]. Отдельно подчеркнем, что основная задача при этом состоит в выработке, как и делают акцент авторы, мер предупреждения преступности, а не в непосредственном участии криминологов в их реализации. Выработка, внедрение и последующая реализация данных мер должны осуществляться, начиная с уровня стратегического планирования.

В Стратегическое планирование, определяемое в Федеральном законе от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ как деятельность «по целеполаганию, прогнозированию, планированию и программированию социально-экономического развития Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, отраслей экономики и сфер государственного и муниципального управления, обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, направленная на решение задач устойчивого социально-экономического развития Российской Федерации, субъектов Россий-

ской Федерации и муниципальных образований и обеспечение национальной безопасности Российской Федерации» (*СЗ РФ. 2014. № 26 (ч. I). Ст. 3378)* нуждается в криминологическом обеспечении.

Участие криминологов, их взаимодействие с участниками стратегического планирования необходимо как при осуществлении разработки документов стратегического планирования, так и при осуществлении мониторинга и контроля реализации таких документов. Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ предусматривает, что стратегическое планирование осуществляется «с использованием нормативно-правового, информационного, научно-методического, финансового и иного ресурсного обеспечения» (*СЗ РФ. 2014. № 26 (ч. I). Ст. 3378)*, что дает возможность включения в научно-методическое и информационное обеспечение данной деятельности криминологического компонента.

Система стратегического планирования должна быть построена так, что документы стратегического планирования, определяя направления государственного строительства и управления (цели, прогнозы, планы и программы), в контексте конкретных условий жизнедеятельности общества (социального хронотопа) учитывали (были направлены на выявление и предупреждение возникновения, предотвращение и нейтрализацию) реальные и потенциальные криминальные угрозы.

Так, например, современные исследования указывают на то, что «система предупреждения террористической деятельности должна включать в себя стратегическую основу, охватывающую все уровни стратегического планирования и состоящую из: 1) Стратегии противодействия экстремизму и терроризму; 2) Концепции противодействия терроризму; 3) Плана противодействия терроризму, что позволит обеспечить функциональную связь между различными элементами и механизмами превентивной деятельности и выработать целостную основу государственного управления в сфере противодействия терроризму ... Стратегическое планирование как основа организации превентивной деятельности позволяет обеспечить согласованность взаимодействия (на основе принципов гуманизма, надлежащего правового обеспечения, адаптивности и пр.) участников стратегического планирования как при разработке, так и при реализации документов стратегического планирования в сфере противодействия терроризму, а также мониторинга и контроля соответствующей деятельности с учетом эволюционной динамичности детерминант, форм и способов террористической деятельности» [16]. Действующие документы стратегического планирования «не учитывают в полной мере деструктивный потенциал криминальной субкультуры и стратегическую значимость противодействия ей, как угрозе национальной безопасности в сфере культуры, сбережения народа России и развития человеческого потенциала, информационной сфере, а также в сфере общественной безопасности ... в целях более эффективного решения задач по противодействию криминальной субкультуре, определения ориентиров для выбора целей превентивной деятельности и наиболее эффективных механизмов обеспечения национальных интересов в сфере обеспечения криминологической безопасности несовершеннолетних и молодежи, необходима корректировка не только документов стратегического планирования, но и федерального законодательства, а также иных нормативно-правовых актов в данной сфере» [17]. Общесоциальный уровень предупреждения преступлений против личности, совершаемых несовершеннолетними с использованием информационно-коммуникационных технологий, должен охватывать реализацию комплекса мер, направленных на криминологическое обеспечение развития информационного общества, а также обеспечение информационной безопасности несовершеннолетних, в том числе обеспечение благоприятных условий воспитания и развития детей, укрепление семейных и духовно-нравственных ценностей, позволяющих им наиболее эффективно адаптироваться и реализоваться в условиях тотальной информатизации. Указанное должно находить свое отражение в документах стратегического планирования, определяющих систему целей, задач и инструментов реализации приоритетов в сфере развития информационного общества, развития системы воспитания, информационной безопасности детей, сохранения и укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей с учетом проблемы преемственности поколений в условиях тотальной информатизации [18].

Эффективное государственное управление требует не только надлежащего стратегического планирования, но и нормативно-правового обеспечения. Соответственно, криминологическое сопровождение деятельности субъектов государственного управления должно охватывать научное обеспечение правотворческой деятельности. Речь идет, прежде всего, о решении давно назревшей проблемы по внедрению в отечественную практику противодействия преступности института криминологической экспертизы нормативных правовых актов и их проектов, а также криминологического мониторинга эффективности правового

регулирования [19; 20; 21; 22; 23; 24; 25; 26; 27]. Данные меры, реализуемые на общесоциальном уровне, позволят не допускать, предотвращать формирование, возникновение правовых и иных непосредственно связанных с ними факторов детерминации преступности. Кроме того, криминологическое обеспечение правотворческой деятельности позволит наиболее эффективно реализовать в конкретных управленческих решениях меры противодействия преступности, предусмотренные на уровне стратегического планирования.

Рассматривая проблему криминологического обеспечения правотворческой деятельности, следует отметить значительную роль деятельности уполномоченных субъектов по осуществлению правовой аналитики [28]. Реализуемое на системной основе криминологическое обеспечение государственного управления на уровне стратегического планирования и правотворческой деятельности позволяет реализовать столь необходимый «антикриминогенный потенциал общества» [29, с. 26] и всех его институтов.

Таким образом, на основании изложенного можем сделать следующие выводы.

Противодействие преступности должно мыслиться, организовываться и реализовываться в контексте прогрессивного развития общества и иметь форму научно взвешенной стратегии, реализуемой в рамках криминологической политики государства. Противодействие преступности направлено на минимизацию ее проявлений до социально приемлемого уровня, что определяет сущность и содержание противодействия преступности на всех уровнях, включая общесоциальный. Основная задача противодействия преступности на общесоциальном уровне – не только устранять и минимизировать криминогенное воздействие имеющихся факторов детерминации преступности, но и не допускать, предотвращать формирование и возникновение новых.

Противодействие преступности на общесоциальном уровне представляет собой деятельность, суть которой заключается в криминологическом обеспечении развития общества, реализуемом, прежде всего, на уровне стратегического планирования. Система стратегического планирования должна быть построена так, что документы стратегического планирования, определяя направления государственного строительства и управления, в контексте конкретных условий жизнедеятельности общества учитывали реальные и потенциальные криминальные угрозы. Это требует включения в научно-методическое и информационное обеспечение стратегического планирования криминологического компонента. Участие криминологов, их взаимодействие с участниками стратегического планирования необходимо как при осуществлении разработки документов стратегического планирования, так и при осуществлении мониторинга и контроля за их реализацией. На основе предоставляемой криминологами информации субъекты государственного управления в своих конкретных решениях реализуют, в том числе как неспециализированные субъекты противодействия преступности, меры общесоциального противодействия преступности.

Криминологическое обеспечение деятельности субъектов государственного управления также должно охватывать научное обеспечение правотворческой деятельности, что определяет необходимость внедрения института криминологической экспертизы нормативных правовых актов и их проектов, а также криминологического мониторинга эффективности правового регулирования. Реализуемое на системной основе криминологическое обеспечение государственного управления на уровне стратегического планирования и правотворческой деятельности позволит решить задачи противодействия преступности на общесоциальном уровне.

Литература

1. *Мацкевич И. М.* Философия борьбы с преступностью // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2017. № 7 (35). С. 10–18.

2. *Мацкевич И. М.* Дивергенция теории и практика профилактики правонарушений // Пенитенциарная наука. 2021. Т. 15. № 3 (55). С. 481–490.

3. *Игнатов А. Н.* Стратегия противодействия криминальному насилию в современном обществе // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2015. № 6 (23). С. 157–168.

4. *Игнатов А. Н., Вишневецкий К. В., Кашкаров А. А.* Концептуальные основы, направления и меры противодействия криминальному насилию // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 2 (42). С. 133–141.

5. *Игнатов А. Н.* Преступность как система // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. № 9. С. 97–104.

6. *Жигарев Е. С.* Сущность общесоциального предупреждения преступности: критический акцент // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. 2019. № 2. С. 27–35.

7. *Ларичев В. Д.* Общесоциальное предупреждение преступности. что это, вид криминологического предупреждения преступности или просто поступательное развитие общества? (постановка вопроса) // Общество и право. 2011. № 1 (33). С. 130–133.

8. *Каган М. С.* Человеческая деятельность (Опыт системного анализа). М.: Политиздат, 1974. 328 с.

9. *Кемеров В. Е.* Предметная деятельность – принцип развития общественных отношений // Сб. научных матер.: Философия. Люди. Жизнь. Екатеринбург, 1997. С. 54–65.

10. *Игнатов А. Н.* Противодействие преступности: симулякры и симуляции // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2020. Т. 6 (72). № 1. С. 195–203.

11. *Фадеев В. Н.* Взгляд в будущее криминологии // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2016. № 2 (35). С. 70–76.

12. *Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е.* Криминологическое мышление в контексте интеллектуального обеспечения уголовной политики // Журнал российского права. 2013. № 8 (200). С. 55–65.

13. *Антонян Ю. М.* Криминология будущего: междисциплинарные научные связи // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 4 (30). С. 67–75.

14. *Тарусова Е. Н.* Деятельность Президента Российской Федерации по предупреждению преступности: криминологический аспект: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.08. М., 2007. 22 с.

15. *Ларичев В. Д., Исаев О. Ю.* Относятся ли общесоциальные меры к предупреждению преступности? (постановка вопроса) // Научный портал МВД России. 2011. № 3 (15). С. 64–68.

16. *Абисова К. С.* Детерминация и предупреждение террористической деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 5.1.4. Краснодар, 2023. 30 с.

17. *Бабанина Д. В.* Противодействие криминальной субкультуре в среде несовершеннолетних: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 5.1.4. Краснодар, 2023. 23 с.

18. *Каранова Д. В.* Предупреждение криминальной виктимизации несовершеннолетних в информационном пространстве // Криминологический журнал. 2025. № 1.

19. *Долгова А.* Преступность и борьба с ней: законотворчество и теоретические устои // Уголовное право. 2001. № 4. С. 88–93.

20. *Бородин С. В., Лунеев В. В.* О криминологической экспертизе законов и иных нормативных актов // Государство и право. 2002. № 6. С. 40–45.

21. *Калинин С. А.* Криминологическая экспертиза в контексте правового обеспечения управленческого решения // Вестник Конституционного Суда Республики Беларусь. 2007. № 4. С. 152–154.

22. *Осипова Е. С.* Понятие и сущность криминологической экспертизы нормативно-правовых актов // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 312. С. 113–117.

23. *Пинчук Л. В.* Криминологическая экспертиза законопроектов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.08. М., 2011. 22 с.

24. *Барановский Н. А., Шевчук Н. Н.* Криминологическая экспертиза в системе предупреждения преступности // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. 2012. № 13. С. 189–194.

25. *Кысыкова Г. Б.* Научная криминологическая экспертиза законопроектов в Республике Казахстан // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Право. 2013. Т. 9. № 1. С. 85–89.

26. *Рочева Е. А.* Криминологическая экспертиза проектов правовых актов как мера общей профилактики правонарушений и предупреждения коррупционных преступлений // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. 2015. № 1 (37). С. 35–39.

27. *Закомолдин Р. В.* Обзор итогов IV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Долговские чтения)«Методология и методики проведения криминологических исследований и экспертиз» // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2024. № 3 (101). С. 163–169.

28. *Мацкевич И. М.* Роль правовой аналитики в совершенствовании деятельности прокуратуры современной России // Юридическая техника. 2024. № 18. С. 106–112.

29. *Алексеев А. И.* Криминологическая профилактика: теория, опыт, проблемы / А. И. Алексеев, С. И. Герасимов, А. Я. Сухарев. М.: НОРМА, 2001. 496 с.

References

1. *Matskevich I. M.* Filosofiya bor'by s prestupnost'yu [Philosophy of combating crime]. *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYUA) [Bulletin of the O. E. Kutafin University (MGUA)],* 2017. no 7 (35), pp. 10–18. (In Russian)

2. *Matskevich I. M.* Divergenciya teorii i praktika profilaktiki pravonarushenij [Divergence of theory and practice of crime prevention]. *Penitenciarnaya nauka [Penitentiary science]*, 2021. Vol. 15. no. 3 (55), pp. 481–490. (In Russian)

3. *Ignatov A. N.* Strategiya protivodejstviya kriminal'nomu nasiliyu v sovremennom obshchestve [Strategy of countering criminal violence in modern society]. *Biblioteka kriminalista. Nauchnyj zhurnal [Library of criminalist. Scientific journal]*, 2015, no. 6 (23), pp. 157–168. (In Russian)

4. *Ignatov A. N., Vishnevetsky K. V., Kashkarov A. A.* Konceptual'nye osnovy, napravleniya i mery protivodejstviya kriminal'nomu nasiliyu [Conceptual foundations, directions and measures to counter criminal violence]. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii [Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia],* 2018, no. 2 (42), pp. 133–141. (In Russian)

5. *Ignatov A. N.* Prestupnost' kak sistema [Crime as a system]. *Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki [Humanities, socio-economic and social sciences],* 2024, no. 9, pp. 97–104. (In Russian)

6. *Zhigarev E. S.* Sushchnost' obshchesocial'nogo preduprezhdeniya prestupnosti: kriticheskij akcen [The essence of general social crime prevention: a critical focus]. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo: problemy teorii i praktiki [Criminal justice: problems of theory and practice],* 2019, no. 2, pp. 27–35. (In Russian)

7. *Larichev V. D.* Obshchesocial'noe preduprezhdenie prestupnosti. chto eto, vid kriminologicheskogo preduprezhdeniya prestupnosti ili prosto postupatel'noe razvitie obshchestva? (postanovka voprosa) [General social crime prevention. Is this a form of criminological crime prevention or just the progressive development of society? (question statement)]. *Obshchestvo i parvo [Society and Law]*, 2011, no. 1 (33), pp. 130–133. (In Russian)

8. *Kagan M. S.* Chelovecheskaya deyatel'nost' (Opyt sistemnogo analiza) [Human activity (Experience of system analysis)]. Moscow: Politizdat, 1974. 328 p. (In Russian)

9. *Kemerov V. E.* Predmetnaya deyatel'nost' – princip razvitiya obshchestvennyh otnoshenij [Subject activity – the principle of the development of social relations]. *Filosofiya. Lyudi. Zhizn' [Collection of scientific materials: Philosophy. People. Life].* Yekaterinburg, 1997, pp. 54–65. (In Russian)

10. *Ignatov A. N.* Protivodejstvie prestupnosti: simulyakry i simulyacii [Countering crime: simulacra and simulation]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki [Scientific Notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal sciences],* 2020, vol. 6 (72), no. 1, pp. 195–203. (In Russian)

11. *Fadeev V. N.* Vzglyad v budushchee kriminologii [A look into the future of criminology]. *Vestnik Dal'nevostochnogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii [Bulletin of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia]*, 2016, no. 2 (35), pp. 70–76. (In Russian)

12. *Babaev M. M., Pudovochkin Yu. E.* Kriminologicheskoe myshlenie v kontekste intellektual'nogo obespecheniya ugolovnoj politiki [Criminological thinking in the context of intellectual support of criminal policy]. *Zhurnal rossijskogo prava [Journal of Russian Law]*, 2013, no. 8 (200), pp. 55–65. (In Russian)

13. *Antonyan Yu. M.* Kriminologiya budushchego: mezhdisciplinarnye nauchnye svyazi [Criminology of the future: interdisciplinary scientific relations]. *Yuridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika [Legal science and law enforcement practice],* 2014, no. 4 (30), pp. 67–75. (In Russian)

14. *Tarusova E. N.* Deyatel'nost' Prezidenta Rossijskoj Federacii po preduprezhdeniyu prestupnosti: kriminologicheskij aspekt [The activities of the President of the Russian Federation on crime prevention: criminological aspect]. Avtoref. diss. ... kand. yurid. nauk. 12.00.08. Moscow, 2007. 22 p. (In Russian)

15. *Larichev V. D., Isaev O. Yu.* Otnosyatsya li obshchesocial'nye mery k preduprezhdeniyu prestupnosti? (postanovka voprosa) [Do general social measures relate to crime prevention? (question statement). *Nauchnyj portal MVD Rossii. [Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia],* 2011, no. 3 (15), pp. 64–68. (In Russian)

16. *Abisova K. S.* Determinaciya i preduprezhdenie terroristicheskoj deyatel'nosti [Determination and prevention of terrorist activity]. Avtoref. diss. ... kand. yurid. nauk. 5.1.4. Krasnodar, 2023. 30 p. (In Russian)

17. *Babanina D. V.* Protivodejstvie kriminal'noj subkul'ture v srede nesovershennoletnih [Countering the criminal subculture among minors]. Avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. 5.1.4. Krasnodar, 2023. 23 p. (In Russian)

18. *Karanova D. V.* Preduprezhdenie kriminal'noj viktimizacii nesovershennoletnih v informacionnom prostranstve [Prevention of criminal victimization of minors in the information space]. *Kriminologicheskij zhurnal [Criminological journal],* 2025, no. 1.

19. *Dolgova A.* Prestupnost' i bor'ba s nej: zakonotvorchestvo i teoreticheskie ustoi [Crime and the fight against it: lawmaking and theoretical foundations]. *Ugolovnoe pravo. [Criminal law]*, 2001, no. 4, pp. 88–93. (In Russian)

20. *Borodin S. V., Luneev V. V.* O kriminologicheskoj ekspertize zakonov i inyh normativnyh aktov [On criminological expertise of laws and other normative acts]. *Gosudarstvo i pravo [State and law],* 2002, no. 6, pp. 40–45. (In Russian)

21. *Kalinin S. A.* Kriminologicheskaya ekspertiza v kontekste pravovogo obespecheniya upravlencheskogo resheniya [Criminological expertise in the context of legal support for management decisions]. *Vestnik Konstitucionnogo Suda Respubliki Belarus' [Bulletin of the Constitutional Court of the Republic of Belarus*], 2007, no. 4, pp. 152–154. (In Russian)

22. *Osipova E. S.* Ponyatie i sushchnost' kriminologicheskoj ekspertizy normativno-pravovyh aktov [The concept and essence of criminological examination of normative legal acts]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Tomsk State University],* 2008, no. 312, pp. 113–117. (In Russian)

23. *Pinchuk L. V.* Kriminologicheskaya ekspertiza zakonoproektov [Criminological examination of draft laws]. Avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk.12.00.08. Moscow, 2011. 22 p. (In Russian)

24. *Baranovskiy N. A., Shevchuk N. N.* Kriminologicheskaya ekspertiza v sisteme preduprezhdeniya prestupnosti [Criminological expertise in the crime prevention system]. *Vestnik Polockogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya D. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki [Bulletin of Polotsk State University. Series D. Economic and legal sciences],* 2012, no. 13, pp. 189–194. (In Russian)

25. *Kysykova G. B.* Nauchnaya kriminologicheskaya ekspertiza zakonoproektov v Respublike Kazahstan [Scientific criminological examination of draft laws in the Republic of Kazakhstan]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: Law],* 2013, vol. 9, no. 1, pp. 85–89. (In Russian)

26. *Rocheva E. A.* Kriminologicheskaya ekspertiza proektov pravovyh aktov kak mera obshchej profilaktiki pravonarushenij i preduprezhdeniya korrupcionnyh prestuplenij [Criminological examination of draft legal acts as a measure of general crime prevention and prevention of corruption crimes]. *Voprosy kriminologii, kriminalistiki i sudebnoj ekspertizy [Issues of criminology, criminology and forensic examination],* 2015, no. 1 (37), pp. 35–39. (In Russian)

27. *Zakomoldin R. V.* Obzor itogov IV Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem (Dolgovskie chteniya)«Metodologiya i metodiki provedeniya kriminologicheskih issledovanij i ekspertiz» [Review of the results of the IV All-Russian scientific and practical conference with international participation (Dolgov readings)"Methodology and methods of conducting criminological research and expertise"]. *Vestnik Universiteta prokuratury Rossijskoj Federacii [Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation],* 2024, no. 3 (101), pp. 163–169. (In Russian)

28. *Matskevich I. M.* Rol' pravovoj analitiki v sovershenstvovanii deyatel'nosti prokuratury sovremennoj Rossii [The role of legal analytics in improving the activities of the prosecutor's office in modern Russia]. *Yuridicheskaya tekhnika [Legal technology],* 2024, no. 18, pp. 106–112. (In Russian)

29. *Alekseev A. I.* Kriminologicheskaya profilaktika: teoriya, opyt, problemy [Criminological prevention: theory, experience, problems] / A. I. Alekseev, S. I. Gerasimov, A. Ya. Sukharev. Moscow: NORMA, 2001. 496 p. (In Russian)

ЭКОВИКТИМОЛОГИЯ (OIKOSVIKTIMOLOGOS): СОСТАВНОЙ МОДУЛЬ ЭКОКРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНО-МУЛЬТИМОДАЛЬНОЙ КОНЦЕПЦИИ (ЧАСТНЫЙ ЭКОКРИМИНОВИКТИМОЛОГИЧЕСКИЙ ПИЛОТНЫЙ ПРОЕКТ). ЧАСТЬ 4[1]

Тангиев Бахаудин Батырович

Цель: *1) обосновать концептуальные основы экоцентрической (биогеноцентрической) парадигмы переходного периода, обуславливающие необходимость создания новых научных направлений: «эковиктимология»; «экокриминовиктимология» и «эковиктималистика», научно-понятийный аппарат, и роль в трансдисциплинарно-мультимодальной экокриминолого-криминалистической архитектуры Системы экобезопасности и значение в едином, многофункциональном государственном экомониторинге для получения верифицируемых, репрезентативных данных (показателей, параметров, индикаторов) экокриминогенной, экокриминальной виктимизации социума, эковиктимологических необратимых процессов и факторов способствующих исключительной эковиктимизации общества в условиях взаимодействия с окружающей средой изобилующей неуправляемым ростом антропогенно-техногенной опасности;*

2) раскрыть взаимосвязь и отличия по предмету и объекту рассматриваемых дисциплин в контексте экокриминовиктимологического анализа. Выделяя при этом типологию, присущую только эковиктиму и отличия экокриминогенного необратимого влияния эковиктимологических латентных факторов от экокриминального продуцируемого экопреступностью воздействия на экосистемы (биоту), а также экокриминологического соотношения в происхождении экожертв и экопотерпевших;

3) вовлечь ученых молодежного отделения Союза криминалистов и криминологов, других объединений в орбиту перспективных, по своему объекту познания уникальных трансдисциплинарно-мультимодальных исследований в той области от которой, по сути, и зависит дальнейшее устойчивое существование «Homo sapiens», как существа разумного, способного самому не стать экожертвой и не только реально обеспечить право каждого на благоприятную окружающую среду, но и найти научно-обоснованный (допустимый) баланс между действенностью Системы экобезопасности и непомерно-потребительской экспансии экосистемы – возрастающей эксплуатацией окружающей природной среды (невосполнимых ресурсов) обществом всеобщего потребления, которое само продуцирует развитие транснациональной экопреступности и детерминирует глобальную экокриминогенную и экокриминальную виктимизацию, этого все более ускоряющегося эковиктимизационного необратимого процесса.

Методология: *диалектический метод, анализ, синтез, дедукция, формально-юридический метод, системный метод, и авторский впервые апробированный в России трансдисциплинарно-мультимодальный интегрированный метод Экокриминологии.*

Выводы. *На основе достигнутых ранее исследовательских результатов, полученных автором в период разработки инновационных технологий и систем противодействия транснациональной экопреступности:*

[1] Часть 3 опубликована в № 2 2025 г. – *Прим. ред.*

DOI 10.31085/2310-8681-2025-3-288-85-92

при создании автоматизированных систем экокриминологического мониторинга (АСЭКМ); автоматизированных систем эколого-правового мониторинга (АСЭПМ); информационных криминолого-криминалистических технологий выявления, управления, оценки и прогнозирования экокриминогенной ситуации и геоинформационных криминологических (экокриминологических) систем и ГИС-технологий (ГИКС; ГИЭКС; ГИЭКТ, в процессе последовательно проведенных на протяжении четверть вековых экокриминологических исследований автору удается на основе своих разработок сконструировать искомую мультимодальную экокриминолого-криминалистическую матричную модель интегрированных цифровых технологий и модульных систем (подсистем) в обеспечении действенности Системы экобезопасности, включающую эковиктимологический мониторинг с выделением эковиктимологического модуля (экокриминогенной виктимизации социума).

В итоге разработана и предложена авторская мультимодальная концепция в формате пилотного проекта (для дальнейшей пробации), обосновывающая создание новых взаимосвязанных, взаимообусловленных модульных дисциплин с последовательным преобразованием в научные направления: «Экокриминовиктимология»; «Эковиктимология»; «Эковиктималистика». Анализируется постановка проблемы соотношений экокриминального и экокриминогенного составляющих в эковиктимизации социума, затрагивающих все слои населения, социальные институты и экосистемы без исключения. Обосновывается систематизация профильноготезауруса, научно-понятийный аппарат, типологизация и классификация с учетом главных отличий порождения эковиктима от всех известных видов преступлений и виктимологических учений об этих жертвах.

Научная и практическая значимость. *Полученные результаты позволяют: 1. Готовить кадры на уровне экспертов, отвечающие современным экориск-ориентированным запросам правоприменительной практики; 2. Проводить трансдисциплинарно-мультимодальные исследования, определяемые степенью неразрешенных системных проблем в данной области научных изысканий; 3. Эковиктимология заставляет нас (общество) познать взаимозависимые закономерности эковиктимологической и экосоциальной философии глубинных процессов причин, условий, детерминируемого феномена происхождения экожертв (экопотерпевших) и раскрыть дифференцированную обусловленность экокриминальных и экокриминогенных составляющих, порождаемых эковиктимологических факторов, устойчивых процессов всеобщей социальной эковиктимизации; 4. Обеспечить релевантность проведения объективной эковиктимологической аналитики (верификацию), управлять риск-ориентированными эковиктимологическими процессами и прогнозировать соответствие параметров (синхронизированных модульных индикаторов и др. показателей) Системы экобезопасности в локализации (минимизации) эковиктимизирующих признаков и разработки приемлемых правореализационных защитных механизмов эковиктимологической превенции и профилактики с использованием информационных криминолого-криминалистических технологий и модулирующих (мультимодальных) систем экокриминологической безопасности встраиваемой и рассматриваемой в качестве подсистемы в общей мультимодальной интегрированной многопроцессорной Системы экобезопасности. Тем самым обуславливается необходимость получения репрезентативных эковиктимологических и экокриминовиктимологических аналитических данных наряду с другими экокриминолого-криминалистическими показателями в структуре единого экомониторинга на всей территории России.*

Ключевые слова: *эковиктимология, экокриминовиктимология, эковиктималистика, эковиктимологический мониторинг, экокриминальная и экокрименогенная виктимизация социума, эковиктима, экожертва, экопотерпевший, экодевиантология, экокриминология, криминалистика охраны окружающей среды, многофункциональная мультимодальная система в обеспечении экобезопасности.*

VIII. Основное отличие экожертвы (эковиктима) от других жертв (виктимов)

Так, если никакой сложности, как для определения самой жертвы, так и для предварительного расследования не представляет установление причинно-следственной связи наступивших последствий – определение степени вреда здоровью, ущерба и пр., в результате конкретного (в классическом уголовно-правовом понимании) преступления, например разбойного нападения (др. насильственных преступлений и их мотивации), если здесь жертва знает, сколько человек, как действовали, чем завладели, особые приметы нападавших, в принципе, как и по другим преступлениям и даже если со смертельным исходом, жертва не сможет дать показания в качестве потерпевшего (признанного таковым, процессуальным лицом в рамках уголовного дела согласно ст. 42 УПК РФ) и даже если лица, причастные к преступлению, не будут своевременно установлены, задержаны и допрошены, уголовное дело по конкретной статье с указанием соответствующей части

квалифицированного состава будет возбуждено и расследовано. Чего нельзя сказать в отношении безымянных (бесчисленных) экожертв (экопотерпевших) и установления причинно-следственной связи экологически неблагоприятных факторов, повлекших опасные заболевания с перерастанием в хроническое тяжелое расстройство здоровья и преждевременных летальных исходов, как результат, находящихся в прямо пропорциональной зависимости от пагубных последствий тяжких, особо тяжких экопреступлений (своевременно не выявленных и не предотвращенных), а длительность хронического заболевания не позволяет определить первоисточник (очаг) и установить причинно-следственную связь. Все это говорит об отсутствии эковиктимологической превенции (целенаправленной действенной профилактики в области охраны окружающей среды), объективной статистической отчетности, контроля и специализированного мониторинга в Системе экобезопасности. Очевидно, как в медицине, не установив точную причину болезни и не устранив (локализовав) очаг происхождения (источник распространения), можно бесконечно долго бороться только со следствием, проходя различные дорогостоящие курсы лечения, употребляя все новые препараты, возможно и оказывающие обезболивающее воздействие, но лишь на незначительный срок, а причина будет оставаться и прогрессировать, вызывая все новые осложнения и симптомы новых взаимосвязанных болезней организма.

Проблема усугубляется и тем, что если в результате обычного (насильственного вида, достаточно изученного) преступления причиненный вред (ущерб) установлен и не может увеличиться, то в случае экопреступления (тяжких форм и видов) он с течением времени только усиливается в результате необратимых химических процессов. Определить количество жертв становится также затруднительным, поскольку экожертва не обращается с заявлением в правоохранительные органы, она просто в течении продолжительного периода времени или даже пожизненно может не осознавать, что она стала экожертвой или является лицом, которое должно быть признано в качестве экопотерпевшего с соответствующим правом защиты своих прав и законных интересов, включая право исковых требований о возмещении вреда как самому, так и в лице обвинительной стороны (природоохранной прокуратуры) в рамках уголовного дела. Будучи адвокатом, по данной категории дел приходилось сталкиваться с неурегулированными вопросами в правоприменительной практике, когда отказывают в возмещении даже доказанного вреда здоровью (в результате несанкционированных выбросов загрязняющих веществ в атмосферу из расположенного вблизи хим. предприятия), на основании невозможности установления причинно-следственной связи или невозможности установить лиц, причастных к фактам, изложенным заявителем. О современных проблемах проведения судебных экспертиз (экологических, химических и пр.) с назначением, своевременной фиксацией и сбором доказательной базы, аргументированно, со знанием основной проблематики излагает Е. А. Буглаева и др. [1].

По сути, в соответствии со ст. 42 Конституции РФ, право на возмещение такого ущерба или вреда здоровью гарантировано государством, и коль скоро им же и должно быть обеспечено, то исковые требования должны подаваться в отношении государства, которое должно выступать ответчиком (в лице уполномоченных исполнительных органов) и возмещать в полном объеме (компенсировать) доказанный вред, что в дальнейшем не мешает государству в лице его компетентных органов установить конкретно виновное лицо и взыскать с него не только понесенные расходы, но и в соответствии с установленным составом преступления гл. 26 и др. статей УК РФ обеспечить неотвратимость наказания со всеми предусмотренными штрафами и компенсацией вреда иным установленным лицам, которые также по данному эпизоду оказались в числе экожертв.

Вопрос риторический: почему ст. 42 Конституции РФ продолжает оставаться декларативной, соответственно, в таком же состоянии подзаконные нормативные правовые акты, что мешает Конституционному Суду или Пленуму ВС РФ дать разъяснения, четкий алгоритм для судебно-следственной практики, как по тексту самой ст. **«Каждый имеет право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением»**, так и по законодательно закрепленному алгоритму по сбору и предоставлению по запросу граждан доказательной базы, кто именно и по каким параметрам (критериям) отвечает за обеспечение благоприятной окружающей среды, что должно входить в перечень достоверной информации, кто определяет ее достоверность и как часто и по каким источникам обязан доводить ее до граждан, каким образом и кем будет возмещаться ущерб, причиненный здоровью или имуществу, при неустановленном экоправонарушителе. Эти вопросы мы ставили неоднократно в конце 90-х гг. прошлого столетия, как перед законодателем –де-

путатами профильных комитетов Госдумы, так и на тематических НПК, но внятного ответа не получили (хотя в беседах отдельные депутаты полностью с нами соглашались, уповая при этом на несовершенство законодательства и отсутствие политического волеизъявления).

К такому выводу мы пришли в 1996–1998 гг., определив, что главным детерминирующим свойством такого отличительного по тяжким составам феномена экопреступности, продуцирующего эковиктимизацию, является химический канцерогенез (включая токсичное воздействие на организм), имеющий различные свойства повышенных реакций распада, происходящих в атмосфере, аквасфере (водной и морской экосистемы), состава почв и пр., где одни и те же химические соединения в указанных экосистемах при взаимодействующих реакциях и степени распада разительно отличаются, и с течением времени большинство таких реакций не только не утрачивают свои губительные свойства, влияющие на весь биоценоз, но и кратно возрастают в течение десятков лет, вызывая необратимые процессы. Потребность в данных изысканиях и лейтмотивом послужил новый УК РФ (1996), а вернее, впервые вводимая гл. 26 «Экологические преступления», если откровенно, то мы недоумевали, каким образом регулятор поспешно (поддавшись влиянию модных мировых экотрендов) определяя и разграничивая тяжкие, особо тяжкие и специальные виды экопреступлений, их **подследственность в уголовном судопроизводстве,** в зависимости от кадрового обеспечения экспертным составом, наличия современных технологичных и технических возможностей (точные измерительные приборы – анализаторы, датчики: ДЭС – датчики экосигнализации пр.), по каким критериям будут признаваться экопотерпевшие, кто и по каким признакам будет вести анализ экожертв и выплату компенсаций за причиненный эковред (или необеспечение своевременной профилактики и эвакуации граждан из прогнозируемых зон экобедствия). Самыми сложными для предварительного расследования будут неразрешимые проблемы в части правильной квалификации по экопреступлениям, имеющим усеченный состав, разграничения с формальными, и как быть с квалифицированными составами, когда определен квалифицирующий отягчающий признак конкретного экопреступления, но неизвестны эковиктимизирующие признаки (факторы) временных последствий нарастающего вреда (ущерба) и численного охвата эковиктимов. Что делать следователю, когда поджимают процессуальные сроки, а ждать и рассчитывать эковиктимологические последствия необратимого нарастающего вреда здоровью эковиктимов, их выявление и процессуальное закрепление не представляется возможным при существующей системе фиксации (мониторинговых замеров) и определения прогнозируемой величины расчетной составляющей. Здесь требуется совсем иной высокопрофессиональный подход, другие процессуальные сроки предварительного расследования и проведения соответствующих экокримино-криминалистическо-виктимологических экспертиз, умения их назначать и правильно контролировать ход следствия.

Уже тогда было понятно, что без специализированного органа, отвечающего современным представлениям и требованиям материально-технического обеспечения и высококвалифицированной подготовки, правоохранительные органы с этой задачей не справятся и в лучшем случае в качестве реакции – показателя противодействия экопреступности будет вестись борьба с браконьерами и т.п.: незаконная охота, незаконная добыча диких животных, водных биоресурсов, занесенных в Красную книгу, незаконная рубка или повреждение лесных насаждений, кустарников, сбор растений и ягод, относимым к редким видам и т.п., несомненно, и такая борьба необходима, но в совокупности вряд ли представляет интерес для исследователя в области эковиктимологии, пытающегося выявить число экожертв и экопотерпевших по результатам недосягаемых (трудно раскрываемых) преступных деяний настоящей профессиональной, транснациональной экопреступности. Как итог, по многим тяжким и особо тяжким экопреступлениям так и не наработана судебно-следственная практика, не говоря уже об экоциде и других известных «мертворожденных статьях» УК РФ. Подробному анализу этих и других проблем посвящены отдельные монографии и публикации [См. указанную литературу].

Следует отметить, что существующие мониторинговые измерения экологического государственного мониторинга не в состоянии охватить даже сотую часть этих химических показателей (пагубных процессов и аномалий, имеющих существенное значение в сборе доказательств), вызванных конкретными криминализированными и квалифицированными составами экопреступлений, что в конечном счете приводит не только к самой большой эковиктимологической массовости жертв, в отличии даже от последствий войн и кризисов, но и к тому, что число таких экожертв не имеет ограничительную степень распространения, а с **нарастающим эффек-**

том необратимых реакций продуцирует новые коллективные экожертвы, поглощая все новые мегаполисы, в первую очередь промышленные регионы и крупные мегаполисы [2]. В настоящее время решение экориск-ориентированных задач в эковиктимологическом аспекте обостряется новыми вызовами и угрозами экотеррористических актов, экодиверсионных посягательств на критически важные объекты жизнедеятельности, что мы задолго прогнозировали и вносили конкретные предложения [3]. Исходя из этого мы также вносили предложения и доказывали, что такие виды экопреступлений не должны иметь сроков давности и к уголовной ответственности (как исключение, в данной области, на примере стран, в т.ч., входящих в романо-германскую правовую семью) должны привлекаться не только физические, но и юридические лица [4. С. 252–257].

Таким образом, экожертва (де-факто эковиктим в наличии, а де-юре-?) по своему массиву не просто коллективная, а обладает самым высоким уровнем охвата социума, всего биоценоза, при этом длительное время (на неопределяемый срок, на неограниченном пространстве) остается анонимной и лишь при экосоциальной напряженности или при обнаружении явных последствий, совершенных экопреступностью, таких как ЧЭС антропогенного, техногенного характера, незаконного захоронения радиоактивных и др. необеззараженных химических (токсичных) отходов I–IV класса опасности и т.п., экожертва перестает быть анонимной, т.е. признается де-юре, а территория ее нахождения (пребывания, проживания) объявляется экологически неблагоприятной или зоной экобедствия (например, только официально признанным экожертвам – получившим процессуальный статус экожертв – «экопотерпевших» в результате аварии на Чернобыльской АЭС, была установлена инвалидность, ежемесячные выплаты, компенсации и льготы, установленные законодательством и по другим аналогичным ЧС и ЧЭС, которые попадают в правовое поле повышенной социальной напряженности и контроля, т.е. экожертвы (эковиктимы) становятся настолько явными, а последствия настолько очевидными (де-факто), что уклониться от официального признания их в качестве экожертв, с соответствующим процессуальным статусом «экопотерпевших» не представляется возможным). Все же чаще экожертва не только коллективная и анонимная на неопределенной территории, т.к. все происходит в зависимости от эпицентра, масштабов, содержания и динамичности распространения выбросов загрязняющих веществ, подлежащих незамедлительной фиксации, отождествлению, принятию неотложных мер по противодействию дальнейшего распространения (локализации), принятию решения об эвакуации населения, выявления очага (источника) и расследования в составе следственной группы с привлечением экспертов, и далеко не факт, что эти, казалось бы, признаваемые «вчера» экологически благоприятными территориями, будут впоследствии официально выведены из реестра – состава таковых (после выявленных негативных факторов, повлиявших на массовую преждевременную смертность и повсеместную заболеваемость онкологическими и др. побочными патологическими болезнями жителей) и получат статус эконеблагоприятных или объявлены зонами экобедствия с выделением компенсаций, другого жилья и пр., т.е., они могут находиться в состоянии анонимности в течение неопределенного (никем не ограничиваемого периода). Хотя любой гражданин может получить соответствующую (общую) информацию в свободном доступе о наиболее распространенных антропогенных загрязняющих веществах, но получить такую же адресную информацию с привязкой к его территории проживания достаточно затруднительно, и далеко не каждый потенциальный, осознающий себя экожертвой (эковиктимом) гражданин может противостоять тому, что в нарушение всех санитарно-защитных зон (СЗЗ) вблизи жилищного комплекса спального района построен и запущен нефтеперерабатывающий завод или полигон ТБО и т.п.

IX. Эковиктимологический мониторинг

Перспектива внедрения эковиктимологического мониторинга на основе авторских экокриминолого-криминалистических технологий и систем детально описана в монографическом исследовании: Криминология: Контроль и противодействие экопреступности [5].

В данном научно-практическом издании представлены авторские разработки информационных цифровых технологий, обеспечивающих полноценную структуру существующего экомониторинга (мониторинга охраны окружающей среды) с включением модальных систем правового сопровождения, как в самом едином мониторинге, так и в Системе экобезопасности, в данной конструкции выступающих в качестве подсистем (блоков мониторинговой поддержки) и состоящих из: экокриминолого-криминалистический мониторинг; эковиктимологический мониторинг и др. модульных блоков, дополняемых в зависимости от решаемых задач и территориальной геоинформационной

привязки (например, в регионе, где нет ни одного предприятия, представляющего потенциальную экоугрозу, то нет необходимости в установлении широкомасштабной разветвленной сети ДРЭС-датчикво ранней экосигнализации, включаемых в экомониторинг, и пр. Все эти и др. технологии были определены автором как информационно-криминологические технологии (ИКТ) и системы (ИКС) в единой технологичной архитектуре при оценке экокриминолого-криминалистического, экодевиантного воздействия на окружающую среду и эковиктимологического состояния (экокриминогенных виктимологических факторов и процессов). Полученные мониторинговые данные преобразуются в блоке аналитики прогнозируемых последствий и передаются в Систему управления и профилактики экорисками (СУПЭР) и др. заинтересованным ведомствам и службам. В целях охвата широкой аудитории, интересующейся мониторинговыми проблемами, но не обладающими техническими компетенциями, для понимания сути и потенциала информационно-криминологических технологий, в упрощенном виде они были описаны в источнике [6, с. 86].

Очевидно, что в современных условиях неопределенности и повышенной степени экокриминогенных рисков весьма перспективным для получения наиболее полной и объективной картины экопреступности и прогнозирования эковиктимогенных последствий представляется широкое использование таких прикладных методов исследования, отражающих современный отраслевой уровень научно-технического прогресса, на основе разработанных автором геоинформационных экокриминологических систем и методов при проведении ЭКОВОС – экокриминологической оценки воздействий на окружающую среду, АСЭКМ – автоматизированные системы экокриминологического мониторинга и другие геоинформационные экокриминолого-криминалистические и эковиктимологические системы и технологии (ГИЭКС, ГИЭВТ, и пр. авторских разработок). Их применение актуально и позволяет расширить спектр решаемых криминологической, криминалистической и виктимологической науками проблем по выявлению, оценке и прогнозированию экокриминогенной ситуации, детерминирующего комплекса экологической преступности и факторов эковиктимизационных процессов социума, а также по проведению полной, всесторонней и объективной экокриминолого-криминалистической и эковиктимологической экспертиз, что будет способствовать улучшению судебно-следственной практики и повысит эффективность профилактической деятельности правоохранительных и природоохранных органов. Что в совокупности позволяет достичь более высоких результатов в обеспечении неотвратимости, ответственности и профилактики предотвращения экокриминогенных рисков и связанных с ними эковиктимологических последствий.

На современном этапе экокриминологическая мультимодальная инновационная технология обуславливает переход к новой парадигме трансформации экокриминолого-криминалистической модели безопасности и эковиктимологической защиты в единой архитектуре Системы экобезопасности. В этом когнитивном контексте дальнейшее развитие прогностических функций экокриминологии по сбору достоверных экокриминогенных верифицируемых данных и проведению объективных экокриминолого-криминалистических, эковиктимологических экспертиз просматривается сквозь призму разработки искусственного экокриминолого-криминалистического интеллекта с соответствующими блокчейнами по каждому модулю экокримино-криминалистическо-виктимологической безопасности (ЭККВБ).

Таким образом, высокая социальная значимость и правоприменительная приоритетность очерченной проблемы, малая эффективность существующего в России, пока не опирающегося на прочную межотраслевую трансдисциплинарно-мультимодальную научную базу государственно-правового механизма, воздействия на причинно-следственный комплекс транснациональной экопреступности, профилактики беспрецедентно возрастающих угроз экобезопасности, эковиктимизационных процессов, охватывающих все слои населения, ведущих к деградации и вырождению нации, становятся приоритетом в обеспечении национальной безопасности и придают значительную актуальность тематике настоящих исследований. Подробный экокриминологический анализ прогнозируемых последствий, на основе критериев и коэффициента жизнеспособности (жизнестойкости) народов России, представлен нами в тематических источниках, см. также указанную литературу [7. С. 77–80].

Также для юристов в данной области может представлять профессиональный интерес анализ причин устойчивой деградации экологического права в последнее десятилетие, выхолащивания прогрессивных положений из экологического законодательства, обезнаучивания экологического права, обо всем этом, в хронологическом порядке, научно обоснованно (называя суть и источник проблем своими именами) излагает в своей статье

всемирно известный ученый – эксперт в области экологического права М. М. Бринчук [8]. Может, и в этом кроется одна из причин того, что до сих пор никто из ученых не желает вплотную заняться формированием дисциплины «Эковиктимология» и самым высоким показателем латентной эковиктимизации общества за всю историю существования человечества, уверовав в безысходность до той поры, пока экономические интересы будут преобладать над экологическими, а значит, над здравым умом, в переносном смысле это то же самое, что бороться с «ветряными мельницами», в настоящее время принципиальный эковиктимолог и экокриминолог может оказаться в роли героя романа Сервантеса – странствующего рыцаря Дон Кихота, одержимого стремлением искоренить зло, в нашем случае понятно. о каком зле – разрушающем наш общий Дом – Oikos (Эко) идет речь. Как бы то ни было, а продвигать отечественную науку и образование в этом направлении мы просто обязаны!

Поскольку в рассматриваемой нами области, как ни в какой другой, все научные знания тесно переплетаются, обогащая и развивая профильные направления, представляющие неразрывные звенья единой целостной экокриминологической картины и эковиктимологической истины, как системы познания, то отсутствие или выпадение из этой системы хотя бы одного звена способно разрушить адекватность восприятия объективной действительности и ее научного обоснования. В данном контексте, перефразировав название известной статьи[1] мэтра – основателя отечественной (советского периода) криминальной виктимологии Льва Вульфовича Франка, хочется сформулировать закономерный вопрос: «О необходимости изучения экожертв и экопотерпевших (нужна ли российская эковиктимология и почему она до сих пор не сформирована?)».

При этом следует учесть, что даже любые войны рано или поздно заканчиваются, а химические необратимые процессы, обуславливаемые транснациональной, трансграничной экопреступностью и возрастающими, безграничными корпоративными интересами монополий, никогда. Но заставить их соблюдать Законы и наилучшие экологичные технологии, отвечающие современным требованиям и представлениям, это задача посильная, а в отношении тех, кто не желает своевременно «экологизироваться», эти предприятия и ресурсы должны быть национализированы, т.е. возвращены народу. К такому непреложному выводу нас приводит зарождающаяся эковиктимология.

P.S.

В соответствии с регламентом и заявленной аннотацией (содержанием), последующие части (разделы) будут опубликованы по решению редсовета и редколлегии по согласованию с автором, в последующих номерах издания. Прилагаемый список литературы включает весь перечень источников, охватывающий все разделы данной тематики, планируемые к публикации.

Литература

1. *Буглаева Е. А.* К вопросу о расследовании загрязнения атмосферы // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2020. Т. 20, № 1. С. 7–12.

2. *Тангиев Б. Б.* «Нарастающий ущерб» и учет «свойств» как необходимый признак правильной квалификации составов экологических преступлений // Вестник СПб университета МВД России. 2007. № 3 (35).

3. *Тангиев Б. Б., Воронцов А. М., Никанорова М. Н., Агаева Р. А.* Частная криминалистическая методика расследования экологических преступлений, посягающих на экобезопасность вод и морской акватории // Вестник СПбУ ГПС МЧС России. 2012. № 1.

4. *Тангиев Б. Б.* Экокриминология (oikoscriminologos) Парадигма и теория. Методология и практика правоприменения. Монография (в приложении программа спецкурса). СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005. С. 148, 269.

5. *Тангиев Б. Б.* Криминология: Контроль и противодействие экологической преступности. Монография. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. 342 с.

6. *Тангиев Б. Б.* Экокриминология (oikoscriminologos): трансдисциплинарно-мультимодальное научное направление и его значение в интеграции и синхронизации модульных дисциплин (систем и интегрированных технологий) // Союз криминалистов и криминологов. 2023. № 3.

[1] Статья Л. В. Франка «Об изучении личности и поведения потерпевшего (нужна ли советская виктимология?)» была опубликована в 1966 г. в журнале «Вопросы уголовного права, уголовного процесса и криминологии» (Душанбе).

7. *Тангиев Б. Б.* Экокриминология (oikoscriminologos). Парадигма и теория. Методология и практика правоприменения. Монография / под общ. редакцией В. П. Сальникова, предисловие Д. А. Шестакова. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005. 432 с.

8. *Бринчук М. М.* Трудные времена экологического права. [Электронный ресурс]: http://igpran.ru/articles/2971/ (дата обращения: 27.09.2024).

References

1. *Buglaeva E. A.* K voprosu o rassledovaniizagryazneniyaatmosfery [To the question of investigation of atmospheric pollution] In *Vestnik YuUrGU. Seriya «Pravo» [Bulletin of SUSU. Series "Law"].* 2020. T. 20, № 1. S. 7–12. (In Russian)

2. *Tangiev B. B.* «Narastayushchii ushcherb» i uchet «svoistv» kak neobkhodimyi priznak pravil'noi kvalifikatsii sostavov ekologicheskikh prestuplenii ["Accumulating damage" and consideration of "properties" as a necessary feature of correct qualification of environmental crimes]. In *Vestnik SPb universiteta MVD Rossii [Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia].* 2007. № 3 (35). (In Russian)

3. *Tangiev B. B., Vorontsov A. M., Nikanorova M. N., Agaeva R. A* Chastnaya kriminalisticheskaya metodika rassledovaniya ekologicheskikh prestuplenii posyagayushchikh na ekobezopasnost' vod i morskoi akvatorii [Private forensic methodology of investigation of environmental crimes encroaching on the ecological safety of waters and sea area]. In *Vestnik SPbU GPS MChS Rossii [Bulletin of the SPbU GPS MES of Russia].* 2012. № 1. (In Russian)

4. *Tangiev B. B.* Ekokriminologiya (oikoscriminologos). Paradigma i teoriya. Metodologiya I praktika pravoprimeneniya [Ecocriminology (oikoscriminologos). Paradigm and theory. Methodology and practice of law enforcement]. Monografiya (v prilozhenii programma spetskursa). SPb.: Izd-vo R. Aslanova «Yuridicheskii tsentr Press», 2005. S. 148, 269. (In Russian)

5. *Tangiev B. B.* Kriminologiya: Kontrol' I protivodeistvie ekologicheskoi prestupnosti. Monografiya [Criminology: Control and counteraction to environmental crime. Monograph] SPb.: Izd-vo R. Aslanova «Yuridicheskii tsentr Press», 2006. 342 s. (In Russian)

6. *Tangiev B. B.* Ekokriminologiya (oikoscriminologos): transdistsiplinarno-mul'timodal'noe nauchnoe napravlenie i ego znachenie v integratsii I sinkhronizatsii modul'nykh distsiplin (sistemi integrirovannykh tekhnologii) [Ecocriminology (oikoscriminologos): transdisciplinary-multimodal scientific direction and its importance in the integration and synchronization of modular disciplines (systems and integrated technologies)]. In *Soyuz kriminalistov I kriminologov [Union of criminologists and criminologists].* 2023. № 3. 2023. (In Russian)

7. *Tangiev B. B.* Ekokriminologiya (oikoscriminologos). Paradigma i teoriya. Metodologiya I praktika pravoprimeneniya. Monografiya [Ecocriminology (oikoscriminologos). Paradigm and theory. Methodology and practice of law enforcement. Monograph] / pod obshch. redaktsiei V. P. Sal'nikova, predislovie D. A. Shestakova. SPb.: Izd-vo R. Aslanova «Yuridicheskii tsentr Press», 2005. 432 s. (In Russian)

8. *Brinchuk M. M.* Trudnye vremena ekologicheskogo prava [Difficult times of ecological law]. [Elektronnyi resurs]: http://igpran.ru/articles/2971/ (data obrashcheniya: 27.09.2024). (In Russian)

АЛЕКСАНДР ПУШКИН. ПЕТЕРБУРГСКИЙ ПЕРИОД (1817–1820)

Харабет Константин Васильевич

Цель: *актуализировать знания в междисциплинарной области – «литературной юриспруденции» – в части углубления (уточнения) знаний о событиях правового характера в биографии А. С. Пушкина, исследовать круг его общения и интересов в послелицейский период жизни (1817–1820), проследить формирование его политико-правового мировоззрения. Особое внимание уделено значению оды «Вольность» как программного произведения этого периода.*

Методология: *совокупность методов научного познания, среди которых историко-правовой, описательный, биографический, культурно-исторический. В статье также использованы общенаучные и частно-научные методы.*

Выводы. *Для Пушкина «торжество закона» – это когда борьба с беззаконием ведется исключительно законными средствами. Свобода понимается не как частное дело лица, а как дело общественное, в котором все одинаково заинтересованы и которое зависит от государственного устройства и законов.*

Научная и практическая значимость. *Выступая за дальнейшее развитие межотраслевого направления – юридического литературоведения, автор полагает, что исследование творчества через биографию и значимых «правовых» событий в жизни и творчестве Поэта, помимо соприкосновения с великой русской культурой, позволяет расширить знания в области истории отечественной криминологии и девиантологии, русского права в целом, а также истории русской литературы.*

Ключевые слова: *юридическое литературоведение, А. С. Пушкин, ода «Вольность», «Деревня», свобода, закон и право.*

1. Санкт-Петербург. Взрослая жизнь. «Служба» на дипломатическом поприще. 11 июня 1817 г. Александр Пушкин приезжает из Царского Села в Петербург и поселяется вместе с родителями, сестрой, братом и бабушкой в доме графа Апраксина на Екатерининском канале, в Коломне. «Натянутые» отношения с родителями со временем перейдут в резко враждебные: частые ссоры возникают из-за скупости Сергея Львовича.

Пушкин и другие воспитанники Лицея, принятые в Коллегию иностранных дел, 13 июня 1817 г. были представлены министру иностранных дел (1816–1856) и «бессменному недругу» графу К. В. Нессельроде (1780–1862) в его рабочих апартаментах в доме на Дворцовой площади и в тот же день все были определены на службу [1].

Как и все впервые поступившие на государственную службу, Пушкин поставил свою подпись под служебными документами, которыми подтверждалась его лояльность правительству: 15 июня подписался под текстом служебной присяги, а также расписался о чтении Указа Екатерины Второй о «Неразглашении служебных тайн» от 4 августа 1791 г., идентичного ему Указа императрицы от 17 марта 1781 г. о «запрете иметь знакомство с иностранными представителями в России...», Указа Петра I от 13 февраля 1720 г. («читал 10 класса Александр Сергеев сын Пушкин» [2].

В Министерстве иностранных дел Пушкин служил в 1817–1824, а также в 1831–1837 гг. В первый период службы поэт, по-видимому, был «по штату» переводчиком – именно так он поименован в записке статс-секретаря Коллегии графа И. А. Каподистрии (1776–1831) директору Хозяйственного департамента. В должностные

DOI 10.31085/2310-8681-2025-3-288-93-101

обязанности Пушкина в 1817–1820-е гг. входило являться на дежурства для приема срочной корреспонденции и дипломатической почты. Дежурили четверо чиновников, и для молодых людей это было практически единственной обязанностью. Впрочем, начинающего чиновника Коллегии А. С. Пушкина мало интересовали служебные дела. Будучи настоящим гедонистом, он становится, «завзятым» столичным театралом, заводит многочисленные знакомства в театральной, литературной и окололитературной среде, являлся завсегдатаем «пирушек», «вылазок» и других увеселительно-легкомысленных мероприятий «блестящей» столичной молодежи в компании П. П. Каверина [2].

В июне – июле того же года Пушкин становится непременным участником заседаний литературного общества «Арзамас», которые проходили у генерал-майора М. Ф. Орлова (1788–1842), в будущем – командира 16-й пехотной дивизией и главы Кишиневского отделения Союза благоденствия. Там Пушкин, знакомится со многими начинающими и уже известными литераторами, например с коллегами по ведомству: чиновником Московского архива Коллегии иностранных дел Ф. Ф. Вигелем (1786–1856) по прозвищу «Ивеко», с чиновником коллегии Д. П. Севериным (1792–1865) по прозвищу «Резвый Кот», возобновляет общение с графом Д. Н. Блудовым (1785–1864) по прозвищу «Кассандра» и пр. Дата принятия Пушкина в «Арзамас» доподлинно неизвестна, однако традиционно считается, что это произошло между 17 сентября и 2 октября 1817 г. Вместо вступительной речи Пушкин обратился к «арзамасцам» с посланием в стихах, которое сохранилось лишь фрагментарно: «Венец с желанием! И так я вижу вас // о други смелых муз // о дивный Арзамас». Тогда же состоялось знакомство, вылившееся в многолетнее товарищеское общение, с поэтом и переводчиком «Гомера» Н. И. Гнедичем (1784–1833) [2].

В июне 1817 г. началась многолетнее знакомство Пушкина с братьями Перовскими: Василием Андреевичем (1795–1857), членом одного из ранних декабристских обществ, впоследствии – оренбургским и самарским генерал-губернатором, а также Львом Алексеевичем (1792–1856) и Алексеем Алексеевичем (1787–1836), тоже сделавшими неплохие карьеры на государственном поприще.

Примерно в то же время состоялась весьма примечательная встреча с однокашником-лицеистом Ф. Ф. Матюшкиным (1799–1872), который отправлялся в кругосветное плавание на военном шлюпе «Камчатка». Доподлинно известно от самого мореплавателя, что Пушкин давал ему ценные наставления о проведении «этнографических исследований»: как вести журнал путешествия, объяснял «манеру» записок, предостерег от излишнего разбора собственных впечатлений, при этом порекомендовав «только не забывать всех подробностей жизни, всех обстоятельств встречи с разными племенами и характерных особенностей природы» [3].

Примерно в этот период Пушкин написал одну из самых известных своих эпиграмм, посвященных всесильному «временщику» графу А. А. Аракчееву (1769–1834) (в пушкинистике неоднократно высказывалось предположение, что именно она в итоге послужит одной из главных причин высылки Пушкина из Петербурга весной 1820 г.). А. А. Аракчеев был любимцем и бесспорным фаворитом императора Александра I, совместно с министром народного просвещения и духовных дел А. Н. Голицыным фактически управлял страной в условиях частых дальних путешествий императора. Примерно в это же время Пушкин познакомился с П. А. Катениным (1792–1853), поэтом и полковником гвардии (с 1820 г.), членом Военного общества и Союза спасения, с которым многие годы состоял в творческой «перекличке».

В июле-августе 1817 г. вместе с семьей Пушкин живет в Михайловском, где близко знакомится с соседями Осиповыми-Вульф – хозяевами соседнего имения в селе Тригорское. Знакомится он и с двоюродным дедом по материнской линии П. А. Ганнибалом (1742–1826). В конце августа Пушкин из Михайловского возвращается в Петербург, продолжает участвовать в собраниях общества «Арзамас». Среди его новых знакомых – баснописец И. А. Крылов (1768–1844), медальер и живописец граф Ф. П. Толстой (1783–1873) и другие творческие люди. На осень приходится знакомство и начало общения с семейством генерала от кавалерии Н. Н. Раевского (1771–1829), героя Отечественной войны 1812 г. [3].

Зиму 1818 г. Пушкин проводит в Москве, где «с жадностью и со вниманием» читает вышедшие первые восемь томов «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина (1766–1826). Научные повествования Карамзина о «далекой старине», его оценки крупных исторических деятелей прошлого станут в дальнейшем питательной средой для многих произведений Пушкина. Отдельно следует указать на первую законченную поэму-сказку Пушкина «Руслан и Людмила» (1817–1820), основной предмет поэтического творчества Пушкина в более поздний петербургский период.

Свою поэму Пушкин создал в результате обширных чтений исторических, сказочных и волшебно-рыцарских произведений. В предисловии ко 2-му изданию (1828) Пушкин так характеризует время и условия создания своего первого крупного произведения: «...начал свою поэму будучи еще воспитанником Царскосельского лицея и продолжал ее среди самой рассеянной жизни». Не случайно, по-видимому, именно гедонистические строки поэмы («оформленные» в сказочно-волшебном ключе) – наиболее выразительные места произведения (так шутливо поэт называет следующие четыре области бытия, выступающие у мужчин настоящим источником наслажденья: страсть по отношению к любимой женщине, «война, и музы, и вино») [4].

Весной 1818 г. Пушкин часто бывает у П. Я. Чаадаева, поселившегося, после возвращения в столицу из Москвы, в гостинице «Дутта». Пушкин присутствует на заседаниях «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств», созданного выпускниками гимназии при Академии наук, существовавшее в 1801–1826 гг. Общество ставило перед собой целью расширение литературных знаний, но со временем чисто литературные цели сменились социально-политическими.

Ноябрь 1818 г. – время начала активного общения с будущим декабристом М. С. Луниным (1787–1845) и исследователем древностей Востока П. Л. Шеллингом (1787–1837), с которыми он познакомился на проводах в Италию поэта К. Н. Батюшкова. Ноябрь-декабрь 1818 г.– «стычка» Пушкина со своим лицейским приятелем В. К. Кюхельбекером, в результате чего появляется эпиграмма «За ужином объелся я», послужившая поводом для дуэли между друзьями-лицеистами и закончившаяся благополучно. Вскоре последовал «вызов» Пушкиным и другого товарища по Лицею – М. А. Корфа, тоже по незначительной причине. Дуэль не состоялась.

5 декабря 1818 г. Н. М. Карамзин произносит на торжественном собрании Российской Академии наук вступительную речь в связи с избранием его почетным членом. Там присутствовал и Александр Пушкин. На декабрь приходится знакомство Пушкина и начало дружеского общения с поэтом, легендарным партизаном, генерал-лейтенантом Д. В. Давыдовым. Между тем Пушкин – регулярный участник дуэлей, часто по малозначительным поводам. Так, 23 декабря петербургский полицеймейстер в 1811–1821 гг. И. С. Горголи (1767–1862) сообщает управляющему иностранной коллеги П. Я. Убри (1774–1847) о «столкновении» Пушкина в Каменном театре с коллежским советником Д. М. Перевощиковым, в результате чего Пушкин получает строгое замечание от своего начальника. На февраль-март 1819 г. приходится знакомство Пушкина со старшим сыном генерала Н. Н. Раевского – полковником А. Н. Раевским (1795–1868), приехавшим в столицу определить свое служебное положение после возвращения из Франции. В пушкинистике высказано мнение об А. Н. Раевском как о «черном демоне», имевшем определенное, не всегда положительное, а иногда и роковое, влияние на молодого Пушкина [5].

Октябрь-ноябрь приходится на начало знакомства с Ф. И. Толстым-«Американцем» (1782–1846), авантюристом, дуэлянтом и бретером. В ноябре Пушкин с друзьями посещают гадалку, которая обещает Пушкину «долгую жизнь в будущем, два изгнания и возможную гибель в 37 лет от руки белокурого человека». В декабре 1819 г. у Пушкина вызывает на дуэль майора Денисевича, которая была предотвращена благодаря вмешательству И. И. Лажечникова, уговорившего майора извиниться перед Пушкиным. На весну 1819 – лето 1820 г. приходится тесное общение с П. В. Нащокиным (1891–1854), подпоручиком гвардии Измайловского полка, жившим в Петербурге [5].

По мере роста популярности стихотворений Пушкина, известность о нем дошла и до царской фамилии. В октябре-декабре 1819 г. князь И. В. Васильчиков, командующий Отдельным гвардейским корпусом, в ответ на высказанное Александром I пожелание прочесть какие-нибудь неизданные стихи Пушкина, представляет стихотворение «Деревня». Император просит поблагодарить Пушкина за благородные чувства, которые вызывают его стихи.

Наступает 1820 г. В январе Пушкин узнает, что по Петербургу распространился слух, будто его «привезли в полицию и там высекли». Эта чудовищная инсинуация повергла его в отчаяние и растерянность, и о чем он напишет позднее в неотправленном письме Александру I. Мысли о самоубийстве очевидны. Как считается, источником слухов о том, что Пушкина высекли в секретной канцелярии, был именно Ф. И. Толстой «Американец». Когда Пушкин узнал об этом, то решил вызвать Ф. И. Толстого на дуэль, но не успел это сделать до своего отъезда на юг. Пушкин дерется по этому поводу с кем-то неизвестным на дуэли, у него появляются мысли о самоубийстве, но П. Я. Чаадаев доказывает ему всю несообразность этого намерения. В дальнейшем все шесть лет ссылки Пушкин готовился к дуэли с Ф. Н. Толстым «Американцем» и даже отправил ему вызов

в первый же день своего возвращения в Москву 8 сентября 1826 г...

2. **Важнейшие политические события и их восприятие Пушкиным и его ближайшим окружением.** В марте 1817 г. в Петербурге распространили текст речи Александра I на закрытии польского Сейма первого созыва. В ней Александр I отметил значение законных свободных учреждений, то есть парламента, спасительное влияние которых пообещал в дальнейшем распространить на остальную Россию. По мнению императора, конституционный опыт Польского Царства (в составе Империи) должен был стать необходимым этапом для введения представительного правления во всех губерниях России. Речь монарха была воспринята в либеральных кругах России со смешанным чувством: ожидание «перемен» и недоверие к словам царя. Возможно, под влиянием императора Н. И. Тургенев издает свою книгу «Об опыте теории налогов», посвященную важнейшей социальной проблеме Российского государства, а именно крепостному состоянию крестьян. Этот труд – исследование экономической жизни страны, содержащий социально-правовое обоснование необходимости принятия скорейшего решения об освобождении крестьян. Пушкин, несомненно, был хорошо знаком с содержанием этой знаковой для России того времени книги, возможно, даже получил ее в дар от автора [6].

Пушкин в петербургский период, по мнению друзей, крайне мало уделяет внимание творчеству. Все это происходит на фоне появления острых эпиграмм его авторства или приписываемых ему. Н. И. Тургенев довольно часто журил Пушкина за такое поведение: он, по сути, отчитывает Пушкина за его эпиграммы против правительства, не раз напоминает, что нельзя «брать ни за что жалование и ругать того, кто дает его». Пушкин однажды вызывает даже самого Н. И. Тургенева на дуэль, но затем берет вызов обратно и извиняется в своей горячности.

26 октября 1818 г. в газете «Северная Пчела» было напечатано изложение беседы Александра I с генералом Мезоном в Аахене от 24 сентября. В этой беседе император убеждал собеседника в том, что все народы должны освободиться от самовластия, а введение конституции (по примеру Польши) он планирует и в других своих российских владениях. Император дает честное слово, что «таковые его прямые чувства», что генерал может этому верить, так как он, Александр I, честный человек. Чуть раньше Пушкин мог слышать разговор об этой беседе у братьев Тургеневых, которые читали о ней в гамбургских газетах. В декабре того же года Пушкин пишет стихотворение «Ура! В Россию скачет...», где сатирически обыгрывается возвращение Александра I в Россию из Аахенского конгресса «Священного Союза», где он и выступал с обещаниями «ввести конституцию вслед за Польшей во всех губерниях России и которые отражают недоверие, вызванное либеральными посулами императора [7].

В целом же, в годы петербургской жизни Поэта в обществе активно муссировалось тема разработки «конституции». Так, в 1819 г. в «Духе журналов» *(«Дух Журналов, или Собрание всего, что есть лучшего и любопытнейшего во всех других журналах, по части истории политики, государственного хозяйства, литературы, разных искусств, сельского домоводства и проч.» – периодическое издание, выходившее в Санкт-Петербурге в 1815–1820 гг.)* появилась статья «Чего требует дух времени, чего желают народы», в которой автор утверждал, что народы желают владычества законов коренных и неизменных, определяющих права и обязанности каждого, равные обязательно и для властей и для подвластных... В рескрипте графу П. В. Завадовскому 5 июля 1801 г. император Александр I сообщает о том, что все другие меры могут сделать в государстве счастливые времена, но один закон может утверждать их навеки, с самых первых дней царствования моего...

В 1802 г. граф Н. С. Мордвинов подготовил «Записку, трижды представлявшуюся государю», в которой он проводил мысль, что «доколь Сенат не будет избранный, то настоящем положением он не имеет достаточной власти и силы». Проекты конституции подготовлены декабристами (С. Г. Волконским и др.). Принципы конституции разрабатывал в своих проектах граф А. Г. Строганов; в этом же русле рассуждал известный реформатор М. М. Сперанский [8].

В январе 1819 г. Н. И. Тургенев закончил работу над проектом создания «Общества 19 г. XIX века», целью которого было издание литературно-политического журнала. В проекте среди издателей и членов журнального общества были поименованы Ф. П. Шаховской, Ф. Н. Глинка, А. П. Куницын и А. С. Пушкин. В январе-феврале 1819 г. Пушкин почти ежедневно общается с П. А. Вяземским, приехавшим из Варшавы в Петербург, где он служил под началом графа Н. Н. Новосильцева (1761–1838), одного из ближайших соратников императора Александра I в первые годы его правления, и трудился над написанием Конституции для российских губерний. По всей видимости, Пушкин участвовал в неформальном обсуждении этого важнейшего проекта [8].

В январе-феврале 1819 г. в столице начинает распространяться в «списках» пушкинская ода «Вольность». В марте в доме братьев Всеволожских проходят первые заседания членов общества «Зеленая лампа», Членами общества были декабристы С. П. Трубецкой, Ф. Н. Глинка, Я. Н. Толстой, А. А. Токарев, П. П. Каверин, А. А. Дельвиг и другие.

Примерно в апреле-июне Пушкин пишет эпиграммы «На Струдзу» и «“На Струдзу” (“Холоп венчанного солдата”)». Они появились на почве знакомства с сыном бывшего правителя Молдавии, чиновником Министерства иностранных дел А. С. Струдзой (1791–1854). Эпиграмма была написана после убийства газетного агента на русской службе в Остзейском крае Августа Коцебу (1761–1819) студентом Карлом Зандом. Записка А. Струдза «О нынешнем положении Германии» вызвала меры по обузданию недовольства и к ограничению свободы периодических изданий в Австрии, Пруссии, а также негодование во многих странах Европы [8].

В мае 1819 г. Пушкин посещает собрание участников журнального общества «Россиянин девятнадцатого века» у Н. И. Тургенева. Среди присутствующих были А. П. Куницын, лицеисты И. И. Пущин и Д. Н. Маслов, который сделал доклад о статистике. Весной или осенью появляется «Заметка при чтении тома Седьмого главы четвертой Истории государства Российского». Заметка, датированная 1819 г., примечательна тем, что Пушкин рассуждает об обязанностях и законах. Летом этого года Пушкин живет планами поступления на военную службу, о чем засвидетельствовали его брат Лев и друг С. А. Соболевский. Осенью 1819 г. Пушкин знакомится с поэтом К. Ф. Рылеевым, одним из руководителей Северного общества (1795–1826) [9].

В сентябре-октябре появляется новая эпиграмма на Аракчеева: «В столице он капрал, в Чугуеве – Нерон». Приписываемая Пушкину, эпиграмма является откликом на чугуевские события 1819 г., когда с введением военных поселений Чугуевский казачий полк, переведенный на положение военных поселенцев, отказался повиноваться приказаниям начальства и был жестоко наказан. Расправой лично руководил Аракчеев.

В. Н. Каразин (1773–1842), ученый-просветитель и инициатор создания Министерства народного просвещения, читает на заседании Вольного общества любителей русской словесности речь «Об ученых обществах и периодических сочинениях в России», где высказывается за возвышенную цель в поэзии, за изображение предметов более детальных, осуждая искусство, которые служит «забаву домашних бесед», явно имея в виду стихи А. С. Пушкина, Е. А. Баратынского, А. А. Дельвига, В. К. Кюхельбекера и других современников. В. Н. Каразин, записывая в дневник размышления по поводу убийства Павла I, говорит об обманутом Александре I армией вольнодумцев, собираемой и комплектуемой под «шумок библейских обществ и масонских лож, вот между прочим эпиграмма Пушкина ...». Каразин направляет брошюру со своей речью управляющему министерством внутренних дел графу В. П. Кочубею (1768–1834). В марте 1820 г. неугомонный В. Н. Каразин написал письмо В. П. Кочубею с предложениями срочного принятия мер по «искоренению вольнодумства и обеспечении безопасности в России». В нем в качестве доказательства разложения общественной мысли он приводил стихи А. С. Пушкина, Е. А. Баратынского, Н. А. Бестужева, а также К. Ф. Рылеева, сопроводив их своими комментариями, носившими характер политического доноса. В. Н. Каразин обличал не только вольнолюбивые стихи Пушкина, но и Царскосельский лицей, alma mater поэта ... «Но из воспитанников более-менее есть почти всякий Пушкин и все они связаны каким-то подозрительным союзом, похожим на масонство, некоторые же и в действительные ложи поступили». Письмо Каразина примечательно и тем, что, как считают исследователи, из него правительству впервые стало известно об эпиграммах и «вольнолюбивых» стихах Пушкина. Причем известны властям стали не сами тексты стихов, а сведения о том, что они существуют [10].

В апреле 1820 г. Пушкин, еще не зная, какая «гроза собирается над ним», спокойно посещает театральные представления, показывая литографированный портрет французского рабочего Луве, убийцы герцога Беррийского, со своей подписью «Урок царям». В это же время петербургский военный генерал-губернатор М. А. Милорадович (1771–1825) получил распоряжение императора достать тексты пушкинских стихотворений, а именно: копию оды «Вольность» и политические эпиграммы под именем Пушкина. Полиции это удается не без труда и издержек. Генерал М. А. Милорадович получил приказание императора провести у Пушкина обыск и арестовать его. Сыщик Фогель, придя к Пушкину в его отсутствие, просит «дядьку» Козлова дать почитать стихотворение Пушкина, обещая за это 50 рублей. Никита отказывает в этой просьбе. Предупрежденный таким образом об опасности, Пушкин сжига-

ет часть своих рукописей. На следующий день, вызыванный М. А. Милорадовичем, Пушкин заявляет, что бумаги его сожжены, но он готов написать все, им сочиненное, и чужое, распространяющееся под его именем, заполнив стихами целую тетрадь, пропустив лишь эпиграмму на А. А. Аракчеева. М. А. Милорадович оценил благородный жест Поэта и от имени императора великодушно объявил ему прощение.

Одновременно спасать и защищать Пушкина бросаются его друзья: П. Я. Чаадаев едет к Н. М. Карамзину и просит его заступничества перед императрицей Марии Федоровной и графом Каподистрия. Карамзин исполняет просьбу Чаадаева. Одновременно Чаадаев просит командующего Отдельным гвардейским корпусом И. В. Васильчикова заступиться за Пушкиным перед императором. В Царском Селе после объяснения с М. А. Милорадовичем между Александром I и директором Лицея Е. А. Энгельгардом состоялся разговор о Пушкине. Император был раздражен: «Пушкина надо в Сибирь, он наводнил Россию возмутительным стихами, вся молодежь наизусть их читает. Мне нравится откровенный его поступок с Милорадовичем, но это не исправляет дело». Е. А. Энгельгард заступается за Пушкина. 28 апреля состоялось решение судьбы Пушкина: его посылают курьером к генерал-лейтенанту И. Н. Инзову (1768–1845), председателю Комитета о иностранных колонистах Южного края, с сообщением о его новом назначении по службе (наместником Бессарабии). 4 мая 1820 г. граф И. А. Каподистрия знакомит императора со своим письмом генералу И. Н. Инзову о Пушкине. В нем, в частности, было сказано: «Увеличение либеральными идеями отразилось на его сознаниях и несколько поэтических пьес, в особенности одна ода на вольность, обратили на Пушкина внимание правительства. Его покровители полагают, что его вера и раскаяние искренние и что, удалив его на некоторое время из Петербурга, доставив ему занятие и окружив его добрыми примерами, можно сделать из него прекрасного слугу государству или по крайней мере писателя первой величины». Срок командировки Пушкина устанавливался в один год.

9 мая 1820 г. Пушкин выехал из Петербург на юг России, по пути заехав в деревню Батово, имение матери К. Ф. Рылеева, для дуэли с приятелем-поэтом, которая закончилась примирением противников. Причиной дуэли, возможно, стала излишне бурная реакция К. Ф. Рылеева на старые слухи о том, что «Александра высекли в полицейской канцелярии».

3. Ода «Вольность». Петербургский период жизни Пушкина отмечен относительно небольшим по объему творческим наследием: поэма «Руслан и Людмила», нашумевшие «Деревня», «Вольность», эпиграммы и немногочисленные стихотворения.

Ведущим произведением этого периода можно назвать оду «Вольность», написанную в конце 1817 г. На протяжении длительного времени она рассматривалась как доказательство политической антимонархической направленности ранней лирики Поэта, созвучной идеям движения декабристов. Нам представляется, что поэтический замысел и содержание произведения значительно глубже, чем просто «вызов самодержавию». Только недавно (в 2017 г.) в научный оборот были введены работы В. Е. Вальденберга (1871–1940) – видного специалиста по русской и византийской политической мысли, представителя «русского зарубежья». Им преимущественно в 20–30-е гг. XX в. в эмиграции были опубликованы фундаментальные исследования, посвященные пушкинской оде «Вольность», влиянию А. П. Куницына на формирование пушкинского мировоззрения и некоторые другие. Как представляется, с учетом фактора отсутствия идеологического пресса со стороны официальной пушкинистики на исследования ученого, работы В. Е. Вальденберга представляют несомненный интерес, поэтому остановимся подробнее на исследованиях и выводах этого ученого [11].

Ода «Вольность» написана в творческом диалоге с одноименной одой А. Н. Радищева (1783) и, по-видимому, Пушкин хотел тем самым определить свое отношение к прославленному «глашатаю» свободы и дать личное понимание этой темы. Разница между взглядами поэтов огромная: если для А. Н. Радищева *свобода* – дар природы и предмет неотчуждаемого права, принадлежащего каждому человеку, то для Пушкина свобода – произведение закона и, будучи результатом культуры, от него неотделима. У Пушкина, где нет закона, там нет и свободы, как, например, в революции, поскольку она разрушает законный порядок. И демократия сама по себе еще не гарантирует свободы.

Возможно, обращение к этой теме было вызвано и тем обстоятельством, что понятие «вольность» по-разному понималось. При этом в истории русской культуры и отечественной политической мысли, исследуя проблемные вопросы свободы в связи с конституционными проектами эпохи императора Александра I, чаще всего ссылаются на следующие источники: «За-

писки А. С. Шишова», письмо императора Александра I графу Ф. В. Растопчину (1807 г.), разговор Н. М. Карамзина с императором Александром I (от 29 декабря 1819 г.).

Пушкин – певец свободы, певец всех граней этого сложного философского явления. В оде «Вольность» читатель видит самое сложное, бытийное понимание свободы. Но у Пушкина встречаются и другие, можно сказать, обыденные толкования свободы. В произведениях юношеского периода «свобода» понимается как «свобода от обязанностей, от какого бы то ни было обязательного дела». В этом понимании, свобода то же самое, что – праздность или досуг. Еще одно понимание – свобода от «увлечений и страстей». Пушкину кажется достойным зависти всякий, «чей век, свободою прекрасный, страстью не был омрачен» («Элегия», 1816). Прощаясь со своими лицейскими товарищами, Пушкин убеждает их не разлучаться с «свободой и Фебом» («Разлука», 1817), он уверен, что нам, то есть «питомцам Феба и забавы», больше всего нужно ценить уединение и свободу. Пушкин воспевает в эту пору «рыцарей любви, свободы и вина» («Юрьеву» *(Современная пушкинистика относит это стихотворение к «незавершенным, отрывкам, наброскам»)*, 1819 г.). Свобода, которая является его кумиром – чисто эгоистическая, свобода для себя, проявление чистого эпикурейства («Веселый пир», 1819).

Но в то же время в произведениях раннего периода можно найти и другое понимание свободы – свободу общественную. Существенные различия между ними в том, что первая зависит от фактически сложившихся обстоятельств, вторая же свобода определяется государственным и правовым строем. Каким бы ни был этот строй, как бы он ни принимал в расчет интересы личности – обстоятельства всегда могут для человека сложиться так, что он будет лишен досуга и возможностей развивать свои силы и удовлетворять те потребности, которые он считает наиболее важными. Общественная свобода личности находится в тесной зависимости от установленного правового порядка. Здесь область права, а не факта, и здесь человек находится в тесной связи с обществом. *Именно об этой свободе Пушкин говорит и в оде «Вольность»*, и в других произведениях. В послании «К Чаадаеву» (1818 г.) поэт отказался от «юных забав» эгоистических чувств. Он слышит «отчизны призыванья» и ждет с «томлением упования минуты вольности святой»; он горит свободой и хочет «отчизне посвятить души прекрасные порывы», то есть сделать все возможное для установления этой свободы. Здесь свобода понимается не как частное дело лица, а как дело общественное, в котором все одинаково заинтересованы и которое зависит от государственного устройства и законов.

Аналогичное понимание свободы заложено и в «Деревне» (1819 г.). Здесь свобода не отделима от закона. Наблюдая картины рабства, при котором «и труд, и собственность, и время земледельца» ему не принадлежат, он поражен тем, что все это себе присвоило «барство дикое» без закона. Пушкин прямо говорит о рабстве не как о результате злоупотребления, а как об учреждении, и ждет для отечества зари «просвещенной свободы». Теперь он ценит свободу как не как возможность «ничего не делать», а напротив, как самосовершенствования.

А. Н. Радищев в своей оде проводил мысль, что человек получает свободу вместе с жизнью от природы, а не от закона, как считал Пушкин. Пушкин ставит свободу в связи с законом, а А. Н. Радищев рассматривает ее как прирожденный дар.

Можно сказать, что Пушкин не соглашается со своим лицейским педагогом А. П. Куницыным, в двухтомном курсе которого о законе и законности говорится очень мало (курс «Права естественные» (1818–1820)). По мнению Куницына, к закону свобода не имеет никакого отношения, потому что целиком опирается на естественные права, то есть на природу. Подобно Жан-Жаку Руссо, Пушкин оставался поэтом индивидуальной свободы и тогда, когда отрекался от свободы политической на западноевропейский лад. Едва ли он понимал здесь «равенство» в духе Французской революции 1789 г. как отмену «сословий». Вероятнее всего, в тексте оды подразумеется «равенство» всех граждан перед уголовным законом.

В оде Пушкин выступил против абсолютизма «верховной власти» –независимо, будет ли она в руках царя или в руках народа. Поэт отвергает «неограниченность власти» и требует ее ограничения законом. Неограниченная демократия ему не близка так же, как и неограниченная свобода. Уже потому, что Пушкин обращается с наставлением почти исключительно к царям, можно заключить, что он думал об установлении *вольности именно в монархии*. Очевидно, Пушкин не разделял в этом вопросе известные настроения декабристов радикального крыла –сторонников «цареубийства» и республиканской формы правления.

Значительное место в оде уделено убийству Павла I заговорщиками из ближайшего окруже-

ния его старшего сына Александра I. Поэт осуждает обе стороны. Император Павел I для него «увенчанный злодей», а его палачи – «убийцы и звери». Пушкин осуждает императора Павла, потому что он – тиран и нарушитель закона, но не сочувствует его казни, так как видит в происшедшем преступление, при котором молчит закон, а для Пушкина «торжество закона» – это когда борьба с беззаконием исключительно законными средствами.

Литература

1. Летопись жизни и творчества Александра Пушкина в четырех томах. Том первый: 1799–1824 годы. Составитель М.А. Цявловский. М., 1999. 592 с.; *Тыркова-Вильямс А.В.* Жизнь Пушкина: в двух томах. Том первый. 1799–1824 гг. ЖЗЛ. М., 2010. 471 с.; *Томашевский Б.В.* Пушкин. Том 1. Лицей. СПб.; М., 1990. 367 с.; *Визель М.Я., Степанян Г.Л.* Пушкин. Наше время. Встречи на корабле современности. М., 2023. 286 с.

2. Летопись жизни и творчества Александра Пушкина в четырех томах. Том первый: 1799–1824 годы. Составитель М.А. Цявловский. М., 1999. 592 с.

3. Летопись жизни и творчества Александра Пушкина в четырех томах. Том первый: 1799–1824 годы. Составитель М.А. Цявловский. М., 1999. 592 с.

4. Пушкинская энциклопедия. Произведения. Вып. 4. П–Р, СПб., 2020, 621 с.

5. Летопись жизни и творчества Александра Пушкина в четырех томах. Том первый: 1799–1824 годы. Составитель М.А. Цявловский. М., 1999. 592 с.

6. *Лотман Ю.М.* Александр Сергеевич Пушкин: биография писателя. Л., 1981. 255 с.; *Пушкин А.С.* Документы к биографии 1799–1829 гг. / под ред. В.П. Старка. СПб., 2007. 943 с.

7. *Черский Л.А.* Пушкин и его окружение. Ленинград, 1975. 519 с.

8. *Архангельский А.Н.* Александр I. М.: Молодая гвардия, 2005. 444 с. (серия ЖЗЛ).

9. Летопись жизни и творчества Александра Пушкина в четырех томах. Том первый: 1799–1824 годы. Составитель М.А. Цявловский. М., 1999. 592 с.

10. *Томашевский Б.В.* Пушкин. Т. 1. Лицей; Петербург. 2-е изд. М., 1990. 367 с.

11. *Вальденберг В.Е.* Сень надежная закона. Политическое мировоззрение Пушкина / сост. В.И. Земскова, Н.А. Николаева. СПб., 2017, 320 с.

References

1. Letopis' zhizni i tvorchestva Aleksandra Pushkina v chetyrekh tomakh. Tom pervyi: 1799–1824 gody [Chronicle of the Life and Work of Alexander Pushkin in Four Volumes. Volume One: 1799–1824]. Sostavitel' M.A. Tsyavlovskii. M, 1999 g. 592 p.; *Tyrkova-Vil'yams A.V.* Zhizn' Pushkina: v dvukh tomakh. Tom pervyi. 1799–1824 g. [The Life of Pushkin: In Two Volumes. Volume One, 1799–1824]. ZhZL. M., 2010 g. 471 p.; *Tomashevskii B.V.* Pushkin. Tom 1. Litsei [Pushkin. Volume 1. Lyceum]. SPb.; M., 1990 g. 367 p.; *Vizel' M. Ya.*, *Stepanyan G.L.* Pushkin. Nashe vremya. Vstrechi na korable sovremennosti [Pushkin. Our Time. Encounters on the Ship of Modernity]. M., 2023. 286 p. (In Russian)

2. Letopis' zhizni i tvorchestva Aleksandra Pushkina v chetyrekh tomakh. Tom pervyi: 1799–1824 gody [Chronicle of the Life and Work of Alexander Pushkin in Four Volumes. Volume One: 1799–1824]. Sostavitel' M.A. Tsyavlovskii. M., 1999 g. 592 p. (In Russian)

3. Letopis' zhizni i tvorchestva Aleksandra Pushkina v chetyrekh tomakh. Tom pervyi: 1799–1824 gody [Chronicle of the Life and Work of Alexander Pushkin in Four Volumes. Volume One: 1799–1824]. Sostavitel' M.A. Tsyavlovskii. M., 1999 g. 592 p. (In Russian)

4. Pushkinskaya entsiklopediya. Proizvedeniya [Pushkin Encyclopedia. Works]. Vyp 4. P–R, SPb., 2020, 621 p. (In Russian)

5. Letopis' zhizni i tvorchestva Aleksandra Pushkina v chetyrekh tomakh. Tom pervyi: 1799–1824 gody [Chronicle of the Life and Work of Alexander Pushkin in Four Volumes. Volume One: 1799–1824]. Sostavitel' M.A. Tsyavlovskii. M., 1999 g. 592 p. (In Russian)

6. *Lotman Yu. M.* Aleksandr Sergeevich Pushkin: biografiya pisatelya [Alexander Sergeevich Pushkin: Biography of the Writer] L., 1981 g. 255 p.; *Pushkin A.S.* Dokumenty k biografii 1799–1829 gg. [Documents for the Biography 1799–1829]. Pod red. V.P. Starka. SPb., 2007 g. 943 p.

7. *Cherskii L. A.* Pushkin i ego okruzhenie [Pushkin and His Entourage]. Leningrad, 1975 g. 519 p. (In Russian)

8. *Arkhangel'skii A. N.* Aleksandr I [Alexander I]. M.: Molodaya gvardiya, 2005. 444 p. (seriya ZhZL). (In Russian)

9. Letopis' zhizni i tvorchestva Aleksandra Pushkina v chetyrekh tomakh. Tom pervyi: 1799–1824 gody [Chronicle of the Life and Work of Alexander Pushkin in Four Volumes. Volume One: 1799–1824]. Sostavitel' M. A. Tsyavlovskii. M., 1999 g. 592 p. (In Russian)

10. *Tomashevskii B. V.* Pushkin. – T. 1. Litsei [Pushkin. Vol. 1. Lyceum]; Peterburg. 2-e izd. M., 1990. 367 p. (In Russian)

11. *Val'denberg V. E.* Sen' nadezhnaya zakona. Politicheskoe mirovozzrenie Pushkina [The Reliable Shelter of the Law. Pushkin's Political Worldview]. Sost. *V I.* Zemskova, N. A. Nikolaeva. SPb., 2017, 320 p. (In Russian)

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ЗЛОСТНОМУ УКЛОНЕНИЮ ОТ ОТБЫВАНИЯ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ НАКАЗАНИЙ, НЕ СВЯЗАННЫХ С ЛИШЕНИЕМ СВОБОДЫ

Казак Бронислав Брониславович

Цель: *определение условий и направлений правоохранительной деятельности в сфере противодействия уклонению от отбывания альтернативных наказаний.*

Методология: *диалектика, структурно-функциональный анализ, контент-анализ, сравнительно-правовой метод.*

Выводы. *Результаты исследования с показывают, что применение меры воздействия на осужденных, злостно уклоняющихся от отбывания альтернативных наказаний, замена наказания более строгим наказанием, а именно лишением свободы, становится проблематичным и нецелесообразным. В целях реализации принципов уголовного и уголовно-исполнительного права, социальной справедливости и выполнения основной задачи уголовно-исполнительного законодательства – предупреждения повторных преступлений – считаем целесообразным внести изменения в законодательство. Реализация предложенных автором организационно-правовых мер воздействия на злостных нарушителей режима отбывания альтернативных наказаний будет способствовать предупреждению повторных преступлений.*

Научная и практическая значимость. *Исследование теоретических вопросов организационно-правового обеспечения противодействия уклонению от отбывания альтернативных наказаний соответствует Программе фундаментальных научных исследований в Российской Федерации на долгосрочный период (2021–2030 гг.), утвержденной распоряжением Правительства от 31 декабря 2020 г. № 3684-р «Об утверждении Программы фундаментальных научных исследований в РФ на долгосрочный период (2021–2030 гг.)», п. 5.3.3 «Разработка альтернативных систем социального реагирования, направленных на профилактику и пресечение преступного поведения в обществе», раздел 5.3 «Криминология и пенитенциарная система», и является посильным вкладом в ее реализацию. Подготовленные автором методические рекомендации способствуют повышению эффективности деятельности учреждений, исполняющих альтернативные наказания.*

Ключевые слова: *правоохранительная деятельность, альтернативные наказания, профилактика преступности.*

В юридической литературе в качестве причин и условий повторной преступности осужденных к альтернативным наказаниям называются: злоупотребление спиртными напитками, состояние опьянения (63,4%) употребление наркотических средств и наркомания (27%); низкий уровень дохода, наличие затруднений материального характера (23,8%); необоснованную замену судами лишения свободы на принудительные работы в порядке ст. 80 УК РФ; семейные и родственные конфликты, утрату и ослабление социальных связей осужденных; влияние других осужденных; более мягкий, чем при лишении свободы, режим отбывания наказания, предполагающий работу на предприятиях совместно с лицами, не являющимися осужденными; возможность пребывания осужденного за пределами исправительного центра. [1, с. 39–47; 2, с. 372–379; 3, с. 216–225; 4, с. 7–29]. На наш взгляд, есть еще одна причина роста повторной преступности среди осужденных

DOI 10.31085/2310-8681-2025-3-288-102-106

к альтернативным наказаниям. Это недостаточность правового регулирования средств и методов противодействия злостным нарушениям порядка и условий отбывания альтернативных наказаний. По данным ФСИН России за 2023 г., осужденными, отбывающими альтернативное наказание в виде принудительных работ, было совершено 381 преступление на 60 104 подучетных в ИЦ. Уровень повторной преступности составил 0,63%, в 2022 г.– 0,74% (202 на 27 023 соответственно), в 2021 г.– 0,37% (59 на 15 791). Выявлено 5573 злостных нарушения порядка и условий отбывания наказания альтернативного наказания в виде принудительных работ, что требует эффективного противодействия противоправному поведению сужденных данной категории [2, с. 372–379].

Правоприменительная практика испытывает затруднения при применении правовых мер воздействия на осужденных, злостно нарушающих порядок и условия отбывания альтернативных наказаний, прежде всего с точки зрения определения понятия «злостное уклонение». Например, ст. 49 УК РФ устанавливает, что если осужденный неоднократно, то есть систематически и злостно не выполняет требования администрации уголовно-исполнительных инспекций по соблюдению порядка и условий отбывания наказания в виде обязательных работ, то такой осужденный может быть признан злостным нарушителем порядка и условий отбывания данного вида наказания и за злостное уклонение от отбывания обязательных работ может быть привлечен к ответственности в виде замены обязательных работ более строгим видом наказания, принудительными работами, либо лишением свободы. Понятие злостно уклоняющегося осужденного от исправительных работ содержится только в ст. 46 УИК РФ, предусматривающей ответственность за злостное уклонение от исправительных работ [3, с. 216–225]. В соответствии с ч. 3 ст. 46 УИК РФ злостно уклоняющимся от отбывания исправительных работ признается осужденный: а) допустивший повторное нарушение порядка и условий отбывания наказания после объявления ему предупреждения в письменной форме за неявку осужденного в уголовно-исполнительную инспекцию или на работу; б) скрывшийся с места жительства осужденный, местонахождение которого неизвестно. Категория «злостность» нарушения порядка и условий отбывания наказания в виде исправительных работ в соответствии с уголовно-исполнительным законодательством характеризуется двумя признаками – это повторность (два и более раз) и второй признак, если осужденный скрылся с места жительства и его местонахождение неизвестно правоохранительным органам, то есть он реально уклоняется от наказания. Несколько иначе «злостность» обозначена при исполнении наказания в виде принудительных работ. Во-первых, в ст. 60^{15} УИК РФ понятие «злостность» употребляется в двух случаях, то есть при определении «злостного нарушителя порядка и условий отбывания наказания» и понятия «злостные нарушения порядка и условий отбывания принудительных работ».

Во-вторых, осужденный признается злостным нарушителем порядка и условий отбывания принудительных работ при совершении (один раз) следующего злостного нарушения: а) употребление спиртных напитков, наркотических средств или психотропных веществ; б) мелкое хулиганство; в) неповиновение представителям администрации исправительного центра или их оскорбление при отсутствии признаков преступления; г) изготовление, хранение или передача запрещенных предметов и веществ; д) организация забастовок или иных групповых неповиновений, а равно участие в них; е) отказ от работы; ж) самовольное без уважительных причин оставление территории исправительного центра; з) несвоевременное (свыше 24 часов) возвращение к месту отбывания наказания. Здесь следует обратить внимание на наличие такого вида злостного нарушения, как «отказ от работы» применительно к осужденным к наказанию в виде обязательных работ, там он заменен определением «уклонение от работы», относительно которого существует довольно широкое толкование. Наиболее понятным и распространенным в уголовно-исполнительной системе и законодательстве будет термин «отказ от работы», что позволит правоприменителям более эффективно исполнять данный вид наказания [4, с. 7–29].

В-третьих, осужденный может быть признан злостным нарушителем порядка и условий отбывания наказания, если он совершил в течение года не менее трех нарушений, не являющихся злостными (последние переписаны в ч. 1 ст. 60^{15} УИК РФ): а) нарушение общественного порядка, за которое осужденный был привлечен к административной ответственности; б) нарушение трудовой дисциплины; в) нарушение установленных для осужденного правил проживания в исправительном центре; г) неявка без уважительных причин на регистрацию в исправительный центр осужденного, которому разрешено проживание за его пределами [5, с. 202–205]. Из приведенного перечня нарушений порядка и условий отбывания наказания в виде принудительных работ можно позаимствовать некоторые определения нарушений относительно наказания в виде обязательных ра-

бот, например нарушение трудовой дисциплины, нарушение общественного порядка, неявка без уважительной причины на регистрацию в уголовно-исполнительную инспекцию. Таким образом, в сфере правового регулирования ответственности осужденных за злостное нарушение порядка и условий отбывания альтернативных наказаний имеют место спорные вопросы определения ключевого понятия «злостный». В уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве в различные периоды его функционирования, в юридической литературе развернулась широкая дискуссия относительно этого понятия [6, с. 39–46]. Например, «осужденные, злостно нарушающие требования режима» (ст. 53 ИТК РСФСР), «злостное неповиновение требованиям администрации исправительно-трудового учреждения» (ст. 188^3 УК РСФСР), «в случае злостного уклонения осужденного от отбывания обязательных работ» (ст. 49 УК РФ), «осужденных, злостно уклоняющихся от отбывания обязательных работ» (ст. 29 УИК РФ). Из приведенных примеров усматривается, что злостное нарушение порядка и условий отбывания наказания всегда являлось основанием привлечения к осужденным к дисциплинарной или уголовной ответственности либо в виде замены наказания более строгим видом наказания (обязательные работы заменяются лишением свободы или принудительными работами), либо перевода осужденного на более строгий режим отбывания наказания (перевод из колонии-поселения в исправительную колонию строгого режима, перевод из исправительной колонии в тюрьму) с вытекающими отсюда правовыми последствиями для осужденного, выраженные в определенных ограничениях, запретах и введении дополнительных обязанностей [7, с. 133–134]. УК РСФСР предусматривал уголовную ответственность за сам факт злостного неповиновения администрации ИТК (ст. 188^3 УК РСФСР).

С точки зрения судебной деятельности следует отметить, что Пленум Верховного Суда неоднократно обращался к этой проблеме, так как специализированные государственные органы, исполняющие альтернативные наказания, не связанные с лишением свободы, взаимодействуя с судами, с трудом решают вопросы применения указанных норм к осужденным, злостно нарушающим порядок и условия отбывания данного вида наказания. Так, в соответствии с п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 2011 г. № 21 (ред. от 25 июня 2024 г.) «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора», суды при принятии решения о замене обязательных работ более строгим наказанием в случае злостного уклонения от его отбывания, должны потребовать от уголовно-исполнительных инспекций документы, обосновывающие и подтверждающие характер и степень общественной опасности преступления, за которое осуждено к обязательным работам лицо, состоящее на учете уголовно-исполнительных инспекций, а также характеристику личности осужденного. Суд в установленном порядке требует от администрации специализированных государственных органов и учреждений, исполняющих наказание, документы, обосновывающие и отражающие причины и условия, по которым осужденный уклонялся от отбывания назначенного ему наказания в виде обязательных работ. Отметим, что суды, следуя принципам справедливости и гуманизма, при принятии решения о замене наказания в виде обязательных работ более строгим наказанием в виде лишения свободы или принудительных работ очень осторожно и внимательно изучают обстоятельства злостного уклонения от отбывания обязательных работ. Поэтому в рамках взаимодействия с уголовно-исполнительными инспекциями суд требует от их сотрудников объективной, полной, обоснованной следующей информации:

– о степени и характере общественной опасности преступления, за которое отбывает наказание осужденный к обязательным работам, то есть о качественной и количественной характеристике совершенного преступления, включающей обязательные признаки состава преступления, смягчающие и отягчающие наказание обстоятельства, распространенность таких преступлений, особенно вызвавших общественный резонанс;

– о характеристике осужденного, которая включает в себя социально-демографическую, уголовно-правовую и криминологическую уголовно-исполнительную характеристики. Таким образом, от сотрудников уголовно-исполнительных инспекций требуется соответствующая подготовленность к составлению подобного рода организационно-процессуальных качественных и обоснованных документов для оформления в суды представления о замене наказания более строгим наказанием.

Подавляющее большинство экспертов отмечают, что сотрудники уголовно-исполнительных инспекций испытывают трудности при подготовке качественных материалов в суд. Сложности вызывают обоснования степени общественной опасности характера преступления, совершенного осужденным до отбывания наказания, за которое он осужден был к обязательным работам, как того требует упомянутый Пленум Верховного Суда РФ, особенно при обосновании необходимости замены обязательных работ более строгим наказанием с учетом характе-

ристики личности осужденного по всем параметрам, названным выше, характера и степени общественной преступления и причин и условий злостного уклонения от обязательных работ [8, с. 81–87].

Следует отметить, что в соответствии с п. 5.8 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» суды, рассматривающие дела о замене обязательных работ более строгим видом наказания, обязаны потребовать от администрации уголовно-исполнительных инспекций при решении вопроса о том, является ли злостным уклонение от отбывания обязательных работ, необходимую информацию и документы о факте применения мер уголовно-исполнительного воздействия и предупреждения в письменной форме к осужденным к обязательным работам, которые указаны в ч. 1 ст. 29, ч. 2 ст. 46 и ч. 2 ст. 58 УИК РФ:

– предупреждение осужденного к обязательным работам об ответственности за нарушение порядка и условий отбывания этого вида наказания в соответствии с уголовным и уголовно-исполнительным законодательством. Кроме того, сотрудники уголовно-исполнительных инспекций должны знать и правильно выполнять требования судей о взаимодействии с ними на уровне назначения обязательных работ, например в соответствующих документах указать, что во время назначения и отбывания наказания осужденный являлся и является трудоспособным лицом, о наличии или отсутствии у осужденного места постоянного жительства, а также другие данные, свидетельствующие о возможности исполнения обязательных работ. То есть судам необходима достоверная, убедительно обоснованная информация о том, что у осужденного нет никаких препятствий для отбывания этого вида наказания. Указанные обстоятельства требуют от сотрудников уголовно-исполнительных инспекций определенных знаний и умений, которые они могут получить в рамках повышения квалификации или профессиональной переподготовки, осуществляемой образовательными организациями ФСИН России по специальным образовательным программам;

– предупреждение в письменном виде осужденного к обязательным работам об ответственности за нарушение порядка и условий отбывания этого вида наказания в соответствии с уголовным и уголовно-исполнительным законодательством. В соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 59 «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам» суд требует от работников уголовно-исполнительных инспекций обоснованные и достоверные документы, свидетельствующие о причинах и условиях повторных нарушений после объявления в письменном виде осужденному предупреждения. Сотрудник уголовно-исполнительной инспекции при подготовке в суд представления о замене осужденному обязательных работ более строгим наказанием обязан исследовать причины допущенных осужденным прогулов, появлений на работе в нетрезвом состоянии, уклонения от представленных работ с целью уклонения от отбывания в виде обязательных работ и т.д. личности. Суд в установленном порядке требует от администрации специализированных государственных органов и учреждений, исполняющих наказание, документы, обосновывающие и отражающие причины и условия, по которым осужденный уклонялся от отбывания назначенного ему альтернативного наказания.

Ежегодно федеральными судами общей юрисдикции первой инстанции и мировыми судьями удовлетворяется около 1500 ходатайства о замене обязательных работ лишением свободы, что составляет соответственно 10,7% от общей численности осужденных к обязательным работам. Поэтому требуется системная целенаправленная разъяснительная работа среди правоприменителей, что судами принимается решение о замене альтернативного наказания более строгим с учетом характера и степени общественной опасности преступления, за которое лицо осуждено, личности осужденного, нарушающего порядок и условия отбывания наказания, а также причин, по которым осужденный уклонялся от отбывания наказания, не связанного с лишением свободы.

Литература

1. *Устинов А. А.* Предупреждение повторной преступности среди осужденных, отбывающих наказание в виде принудительных работ // Пенитенциарная наука. 2025. Т. 19, № 1 (69). С. 47–39. doi 10.46741/2686–9764.2025.69.1.005.

2. *Дворянсков И. В., Сика А. М.* Влияние криминальной субкультуры на преступное поведение осужденных к принудительным работам // Пенитенциарная наука. 2022. № 4 (60). С. 372–379.

3. *Некрасов А. П., Устинов А. А.* Некоторые вопросы правовой регламентации содержания осужденных к принуди тельным работам // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. 2021. № 2. С. 216–225.

4. *Wooldredge J.* Prison culture, management and in-prison violence // Annual Review of Criminology. 2020. № 3 (1). Pp. 165–188.

5. *Adorno S., Salla F.* Criminalidade organizadan as prises e osataques do PCC // Estudos Avanados. 2007. № 21 (61). Pp. 7–29.

6. *Смирнова И. Н.* Роль соблюдения законности в обеспечении эффективности исполнения уголовных наказаний / И. Н. Смирнова, М. Н. Заводчиков // Закон и право. 2022. № 11. С. 202–205.

7. *Уткин В. А.* Об условиях эффективности использования зарубежного пенитенциарного опыта в уголовно-исполнительной системе России // Союз криминалистов и криминологов. 2025. № 1. С. 39–46.

8. *Смирнова И. Н.* Прокурорский надзор в сфере исполнения наказаний и иных мер уголовно-правового характера без изоляции от общества / И. Н. Смирнова, А. С. Смирнова // Закон и право. 2015. № 12. С. 133–134.

9. *Ольховик Н. В.* Криминологическая характеристика осужденных, которым неотбытая часть лишения свободы заменена принудительными работами // Вестник Кузбасского института. 2022. № 3 (52). С. 81–87.

10. *Schenk A., Fremouw W.* Individual characteristics related to prison violence: A critical review of the literature // Aggres sion and Violent Behavior. 2012. Vol. 17, Is. 5. Pp. 430–442.

References

1. *Ustinov A. A.* Preduprezhdenie povtornoi prestupnosti sredi osuzhdennykh, otbyvayushchikh nakazanie v vide prinuditel'nykh rabot [Prevention of Recidivism Among Convicted Persons Serving Sentences of Compulsory Labor] // In *Penitentsiarnaia nauka [Penitentiary Science]*, 2025, Vol. 19, No. 1 (69), s. 39–47.

2. *Dvoryanskov I. V., Sika A. M.* Vliianie kriminal'noi subkul'tury na prestupnoe povedenie osuzhdennykh k prinuditel'nym rabotam [Influence of Criminal Subculture on Offenders' Behavior While Serving Compulsory Labor Sentences] // In *Penitentsiarnaia nauka [Penitentiary Science]*, 2022, No. 4 (60), s. 372–379.

3. *Nekrasov A. P., Ustinov A. A.* Nekotorye voprosy pravovoi reglamentatsii soderzhaniia osuzhdennykh k prinuditel'nym rabotam [Certain Issues of Legal Regulation of Detention Conditions for Convicts Sentenced to Compulsory Labour] // In *Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V. N. Tatishcheva [Bulletin of V. N. Tatischev Volga State University]*, 2021, No. 2, s. 216–225.

4. *Wooldredge J.* Prison Culture, Management and In-Prison Violence [Prison Culture, Management and In-Prison Violence] // In Annual Review of Criminology, 2020, No. 3 (1), s. 165–188. (English Source)

5. *Adorno S., Salla F.* Criminalidade organizadan as prises e osataques do PCC [Criminalidade organizadan as prises e osataques do PCC] // Estudos Avanados, 2007, No. 21 (61), pp. 7–29. (English Source)

6. *Smirnova I. N.* Rol' sobliudeniiia zakonnosti v obespechenii effektivnosti ispolneniia ugolovnykh nakazanii [Role of Observance of Legality in Ensuring Effectiveness of Execution of Criminal Penalties] // In *Zakon i pravo [Law and Rights]*, 2022, No. 11, s. 202–205.

7. *Utkin V. A.* Ob usloviiakh effektivnosti ispol'zovaniia zarubezhnogo peniteniarno-go opyta v ugolovno-ispolnitel'noi sisteme Rossii [On Conditions for Effective Use of Foreign Penitentiary Experience in Russia's Penal System] // In *Soiuz kriminologistov i kriminologov [Union of Criminologists and Criminologists]*, 2025, No. 1, s. 39–46.

8. *Smirnova I. N.* Prokurorskii nadzor v sfere ispolneniia nakazanii i inykh mer ugolovno-pravovogo kharaktera bez izoliatsii ot obshchestva [Prosecutorial Supervision in the Sphere of Enforcement of Punishments and Other Measures of Criminal-Law Character Without Social Isolation] // In *Zakon i pravo [Law and Rights]*, 2015, No. 12, s. 133–134.

9. *Olkhovik N. V.* Kriminologicheskaia kharakteristika osuzhdennykh, kotorym neotbytaia chast' lisheniia svobody zamenchena prinuditel'nymi rabotami [Criminological Characteristics of Prisoners Whose Remaining Term of Imprisonment Has Been Replaced by Compulsory Labor] // In *Vestnik Kuzbasskogo instituta [Bulletin of Kuzbass Institute]*, 2022, No. 3 (52), s. 81–87.

10. *Schenk A., Fremouw W.* Individual Characteristics Related to Prison Violence: A Critical Review of the Literature [Individual Characteristics Related to Prison Violence: A Critical Review of the Literature] // In Aggression and Violent Behavior, 2012, Vol. 17, Iss. 5, s. 430–442. (English Source)

КРИМИНАЛИСТИКА

ВЛИЯНИЕ СПЕЦИФИКИ МЕДИЦИНСКОЙ СФЕРЫ НА ФОРМИРОВАНИЕ ТИПОВЫХ ИСХОДНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ СИТУАЦИЙ ПО ДЕЛАМ О ЯТРОГЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ

Лавриненко Александра Александровна,
Кот Екатерина Александровна

Цель: *на протяжении последних лет количество ятрогенных преступлений не снижается, при этом медицинские работники довольно редко привлекаются к ответственности за причинение вреда здоровью пациента. Основной массив дел не преодолевает стадии предварительного следствия, в результате чего лишь в 6–12% случаев поступления сообщений о признаках возможного совершения ятрогенного преступления дела доводятся до рассмотрения в суде. Это во многом обусловлено затруднениями, возникающими у представителей следственных органов в восприятии обстоятельств ятрогенных преступлений, что связано прежде всего с отсутствием у них профессиональных знаний в сфере медицины. Следует подчеркнуть, что одним из наиболее эффективных инструментов, применяемых в расследовании ятрогенных преступлений, является ситуационный подход. Он позволяет на всех этапах расследования при анализе сложившихся следственных ситуаций использовать информацию об аналогичных типовых следственных ситуациях и успешно преодолевать сложности, связанные с информационной неопределенностью и оказанием противодействия следствию. В связи с этим, на наш взгляд, важно сформировать представление о влиянии специфики медицинской сферы на структуру типовых следственных ситуаций. Это обстоятельство и предопределило цель проведенного нами исследования. В статье рассматриваются типовые исходные следственные ситуации по делам о ятрогенных преступлениях, структурирование которых происходит под воздействием двух информационных компонентов, а именно информации, содержащейся в медицинской документации, и информации, предоставляемой жертвой преступления.*

Методология: *проведение исследования опиралось на совокупность общенаучных теоретических и эмпирических методов познания, среди которых важнейшая роль отводилась анализу, а также диалектическому и индуктивному методам познания. Вместе с тем для достижения цели исследования в качестве частных криминалистических методов применялись моделирование и ситуационный подход.*

Выводы. *Особенности типовых исходных следственных ситуаций по делам о ятрогенных преступлениях обусловлены влиянием той специфической сферы, в которой совершаются данные преступления. В связи с этим особое значение при анализе исходной следственной ситуации имеют такие факторы, как физическое состояние жертвы криминальной ятрогении, наличие информации о месте оказания и видах медицинской помощи.*

Научная и практическая значимость. *Эффективность расследования ятрогенных преступлений во многом зависит от качества и оперативности действий следователя при выдвижении следственных версий, выстраивании тактики расследования, планировании и проведении процессуальных действий. Ситуационный подход к данной деятельности благодаря его универсальности применим на всех этапах расследования ятрогенных преступлений. В статье сформулированы выводы, имеющие большое практическое значение для деятельности следственных органов по определению основных источников криминалистически важной информации, которая необходима на первоначальном этапе расследования ятрогенных преступлений. Это обусловлено тем, что именно данная информация позволяет в дальнейшем осущест-*

DOI 10.31085/2310-8681-2025-3-288-107-110

влять анализ исходных следственных ситуаций в корреляции с научно обоснованными типовыми исходными следственными ситуациями по делам о ятрогенных преступлениях.

Ключевые слова: *ятрогенное преступление, типовая исходная следственная ситуация, криминалистически значимая информация, следы преступления, причинение вреда здоровью.*

Ятрогенными принято в настоящее время называть преступления, негативными последствиями которых является криминальная ятрогения. Термином «ятрогения» (от др. – греч. ἰατρός – врач и γενεά – рождение) обозначают вызванные действиями медицинского работника негативные для здоровья пациента последствия оказания ему медицинской помощи вплоть до летального исхода. В результате наших предыдущих исследований мы пришли к выводу, что ятрогенное преступление – это профессиональное преступление медицинского работника, совершенное путем неумышленного нарушения правил (стандартов, клинических рекомендаций) оказания медицинской помощи, результатом которого стали нежелательные негативные последствия для здоровья пациента либо наступила его смерть [1, с. 20]. Данное определение было сформулировано по итогам изучения следственной практики и значительного объема научной литературы. С учетом такого представления о сути ятрогенных преступлений можно, в частности, говорить о том, что особенности объекта криминального посягательства и специфика следообразования в случаях совершения преступлений этого вида требуют высокой степени оперативности в принятии решения о возбуждении уголовного дела. Для обеспечения успешного решения данной задачи необходимо проведение уже на первоначальном этапе расследования большого количества процессуальных действий, результаты которых позволят осуществить детальный анализ сложившейся следственной ситуации. Как справедливо отметила доктор наук, профессор Т. С. Волчецкая, «ситуационный подход – можно определить как метод, применение которого дает возможность в конкретной ситуации увидеть черты аналогичной типовой ситуации, для которой криминалистической наукой уже предложен механизм ее разрешения» [2, с. 60].

Одной из важнейших особенностей следственной ситуации, формирующейся на первоначальном этапе расследования ятрогенного преступления, является необходимость использования специальных знаний в области медицины. Представители следственных органов не обладают такими знаниями, поэтому они не в состоянии уяснить механизм ятрогенного преступления без привлечения специалистов-медиков. Как верно отметил Н. А. Подольный, «сложность таких ситуаций заключается в том, что понять их возможно только при наличии определенного объема знаний в сфере врачебной деятельности» [3, с. 22].

Следственная ситуация представляет собой комплекс связанных между собой информационных компонентов, формирующих в своем единстве картину имеющих отношение к преступлению действий и событий, составление и анализ которой позволяет получать данные, требующиеся для организации следственной деятельности. Как справедливо отметил В. К. Гавло, в основе криминалистической ситуации лежат такие главные показатели, как «наличие или отсутствие значимой информации, сведений, фактических и иных данных по делу, сориентированных на криминалистическую характеристику отдельного вида преступления» [4, с. 224]. Необходимость использования специальных знаний оказывает непосредственное влияние на структуру информационных компонентов следственной ситуации, а впоследствии – и на формируемые следственные версии [5, с. 116–118]. Этим обусловливается то обстоятельство, что исходные типовые следственные ситуации по делам о ятрогенных преступлениях не содержат информации о механизме совершения преступления.

Прежде всего обратим внимание на два информационных компонента, которые, на наш взгляд, имеют ключевое значение для структурирования типовых исходных следственных ситуаций в рамках расследования ятрогенных преступлений: это сведения, основным источником которых является медицинская документация, а также сведения, предоставленные непосредственно жертвой преступления, касающиеся процесса оказания медицинской помощи.

Медицинская документация – это, безусловно, самый информативный источник сведений о ятрогенном преступлении. Если выемка медицинской документации осуществлена своевременно, из ее содержания можно получить значительный объем криминалистически значимой информации. Это в первую очередь сведения о медицинской организации, в которой была допущена криминальная ятрогения, о видах оказанной потерпевшему медицинской помощи, о медицинских работниках, задействованных в ее оказании. Таким образом, формируется первичный объем информации о месте совершения и предполагаемых субъектах преступления. Вместе с тем в силу специфики оформления медицинской документации (а именно ее жестко

регламентированной упорядоченности и хронологичности ведения) в ней, как правило, содержатся сведения о времени совершения преступления.

Важным с точки зрения формирования информационной структуры следственной ситуации обстоятельством является состояние жертвы ятрогенного преступления в момент оказания медицинской помощи и на первоначальном этапе расследования. Ключевое значение имеют два аспекта: был ли пациент, пострадавший в результате ятрогенного преступления, в сознании при оказании ему медицинской помощи, и насколько тяжелыми были последствия деяния, приведшего к возникновению криминальной ятрогении.

Очевидно, что в случае летального исхода оказания медицинской помощи следствие лишается одного из наиболее значимых источников информации – самого пациента. Ведь пациент (жертва преступления) способен предоставить информацию о процессе и последовательности оказания ему медицинской помощи, о медицинском персонале, задействованном при оказании медицинских услуг, о некоторых других обстоятельствах произошедшего криминального события, в рамках которого ему был причинен вред. Степень участия жертвы ятрогенного преступления в формировании информационного содержания следственной ситуации зависит от тяжести его физического состояния в момент оказания ему медицинской помощи и степени тяжести вреда, причиненного ему ятрогенным преступлением. Так, причинение легкого вреда здоровью пациента или вреда средней тяжести дает основание полагать, что потерпевший предоставит криминалистически значимые сведения о преступлении, а значит, следствие будет располагать максимальным объемом информации, необходимой для назначения судебно-медицинской экспертизы и получения данных о механизме совершения преступления.

С учетом влияния внешних факторов на содержание информационных компонентов следственной ситуации представляется возможным сформулировать типовые исходные следственные ситуации по делам о ятрогенных преступлениях.

Самой комфортной следственной ситуацией первоначального этапа расследования ятрогенного преступления с точки зрения организационно-тактического планирования расследования и формирования следственных версий является ситуация, когда имеется информация о месте и времени совершения преступления, а также о субъекте, его совершившем. Такая ситуация возможна при условии, что пациент в процессе оказания ему медицинской помощи находился в сознании и его состояние после возникновения криминальной ятрогении позволяет ему незамедлительно сообщить о совершенном в отношении него ятрогенном преступлении. Перечисленные обстоятельства способствуют своевременному проведению выемки медицинской документации, относящейся к делу, и оперативному производству ряда других неотложных следственных действий.

Наименее перспективной с точки зрения организации расследования ятрогенного преступления является следственная ситуация, в рамках которой имеется лишь информация о наступлении негативных последствий для здоровья пациента в результате оказания ему медицинской помощи и месте совершения преступления. Возникновение подобной ситуации связано прежде всего с наступлением летального для пациента (жертвы преступления) исхода оказания медицинской помощи. При этом большое значение имеет длительность временного периода между совершением ятрогенного преступления и поступлением заявления о его совершении. Чем больше это время, тем вероятнее утрата криминалистически значимой информации, содержащейся, в частности, в медицинской документации, либо ее искажение. Следует отметить, что указанная следственная ситуация отличается особой сложностью для представителей следственных органов при выдвижении следственных версий и принятии организационно-тактических решений, поскольку она является проблемной и организационно неупорядоченной.

Специфика оказания медицинской помощи подразумевает, что в ряде случаев оно осуществляется последовательно в нескольких медицинских организациях, зачастую это длительный процесс перемещения пациента из одной медицинской организации в другую. В связи с этим возможно формирование следственной ситуации, когда у следствия отсутствует информация о месте и времени совершения преступления, а также о предполагаемых субъектах его совершения. Такая следственная ситуация складывается, например, в случае нахождения пациента в тяжелом физическом состоянии в момент оказания ему медицинской помощи, либо если такое состояние наступило в результате причинения тяжкого вреда здоровью, либо при причинении пациенту смерти. Подобная ситуация требует проведения наибольшего объема процессуальных действий на первоначальном этапе расследования преступления и оборачивается для следствия наибольшими временными затратами.

Необходимо отметить также следственную ситуацию, формирующуюся, когда пациент в момент оказания медицинской помощи находился в бессознательном состоянии (например, осу-

ществлялось хирургическое вмешательство под наркозом), однако позднее, когда его физическое состояние стало позволять передавать информацию о происходящих с ним событиях, он обратился с заявлением о ятрогенном преступлении. Потерпевший в данном случае может предоставить информацию о месте и времени совершения преступления, о видах медицинской деятельности, осуществляемой в отношении его. При этом в структуре следственной ситуации отсутствует информация о субъекте преступления. Своевременность обращения в правоохранительные органы в данной ситуации позволяет минимизировать возможность утраты следов преступления, содержащихся в медицинской документации.

В заключение подчеркнем, что детальный анализ исходных следственных ситуаций, возникающих на первоначальном этапе расследования ятрогенных преступлений, «позволяет следователю увидеть событие преступления в динамике его развития и, соответственно, верно определить перечень и порядок проведения первоначальных (неотложных) следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий, что в значительной мере способствует повышению эффективности расследования в целом» [6, с. 18].

Литература

1. *Лавриненко А. А., Волчецкая Т. С.* Ятрогенные преступления, совершенные в отношении несовершеннолетних: особенности расследования и профилактики. Монография. М.: Юрлитинформ, 2023. 176 с.

2. *Волчецкая Т. С.* Учения о криминалистических ситуациях: генезис, современное состояние и перспективы развития // Союз криминалистов и криминологов. 2019. № 2. С. 59–64.

3. *Подольный Н. А.* Отдельные проблемы расследования ятрогенных преступлений // Вестник Российской правовой академии. 2019. № 2. С. 20–25.

4. *Гавло В. К.* Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. Томск, 1985. 333 с.

5. *Кот Е. А., Волчецкая Т. С.* Преступления, связанные с деятельностью «групп смерти»: проблемы выявления, расследования и профилактики. Монография. М.: Юрлитинформ, 2023. 240 с.

6. *Волчецкая Т. С., Лавриненко А. А.* Применение ситуационного подхода для повышения эффективности расследования ятрогенных преступлений // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 1 (59). С. 16–20.

References

1. *Lavrinenko A. A., Volchetskaya T. S.* Yatrogennye prestupleniya, sovershennye v otnoshenii nesovershennoletnikh: osobennosti rassledovaniya i profilaktiki. Monografiya [Iatrogenic crimes committed against minors: features of investigation and prevention]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2023. 176 p. (In Russian)

2. *Volchetskaya T. S.* Ucheniya o kriminalisticheskikh situatsiyakh: genezis, sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya [Teachings on forensic situations: genesis, current state and development prospects]. *Soyuz kriminalistov i kriminologov [Union of criminalists and criminologists],* 2019, no. 2, pp. 59–64. (In Russian, abstract in English and German)

3. *Podol'nyi N. A.* Otdel'nye problemy rassledovaniya yatrogennykh prestuplenii [Certain problems of investigation of iatrogenic crimes]. *Vestnik Rossiiskoi pravovoi akademii [Bulletin of the Russian Law Academy],* 2019, no. 2, pp. 20–25. (In Russian, abstract in English)

4. *Gavlo V. K.* Teoreticheskie problemy i praktika primeneniya metodiki rassledovaniya otdel'nykh vidov prestuplenii [Theoretical problems and practical application of the investigation methodology for certain types of crimes]. Tomsk, 1985. 333 p. (In Russian)

5. *Kot E. A., Volchetskaya T. S.* Prestupleniya, svyazannye s deyatel'nost'yu «grupp smerti»: problemy vyyavleniya, rassledovaniya i profilaktiki. Monografiya [Crimes related to the activities of "death groups": problems of detection, investigation and prevention]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2023. 240 p. (In Russian)

6. *Volchetskaya T. S., Lavrinenko A. A.* Primenenie situatsionnogo podkhoda dlya povysheniya effektivnosti rassledovaniya yatrogennykh prestuplenii [Application of a situational approach to improve the efficiency of investigation of iatrogenic crimes]. *Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii [Bulletin of the Kaliningrad branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia],* 2020, no. 1 (59), pp. 16–20. (In Russian, abstract in English)

ПРИМЕНЕНИЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ПРИ ОБЕСПЕЧЕНИИ БЕЗОПАСНОСТИ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Мишин Андрей Викторович

Цель: *на основе научных подходов к применению криминалистической модели в следственной практике раскрыть сущность и значение такой модели в расследовании преступлений, при которых осуществляется посткриминальное противоправное воздействие в отношении участников досудебного производства; сформулировать практические рекомендации по ее использованию следователем.*

Методология: *диалектический метод, формально-юридические методы, в том числе анализ, синтез, системный подход.*

Выводы. *При расследовании преступлений, связанных с посткриминальным противоправным посягательством на участников уголовного процесса, применение криминалистической модели преодоления такого посягательства дает возможность оптимально решать тактические задачи, связанные в том числе с выбором и технологией применения мер безопасности в отношении защищаемых участников процесса.*

Научная и практическая значимость. *Процесс посткриминального противоправного посягательства, а также деятельность по его нейтрализации выступают основой описания системообразующих элементов содержания криминалистической модели преодоления посткриминального противоправного посягательства, отражающих существенные свойства указанного преодоления. Совокупность таких элементов следует использовать для совершенствования научно обоснованных криминалистических рекомендаций, направленных на повышение эффективности решения тактических задач по обеспечению безопасности участников производства по уголовному делу.*

Ключевые слова: *криминалистика, технология, модель, моделирование, обеспечение безопасности, уголовное судопроизводство, следователь, защищаемое лицо, противоправное воздействие, тактические задачи.*

В философском значении модель понимается как мысленно или материально представленная система, способная заменить исследуемый объект так, чтобы ее познание позволило получить новые сведения о данном объекте [22, с. 19].

В специальной литературе понятие «правовая теоретическая модель» трактуется с разных позиций. Например, по мнению В. С. Плетникова, модель в юриспруденции следует представить в качестве описания, выполненного на основе факторов, повлиявших на формирование существенных свойств моделируемого объекта, процесса или явления [19, с. 121]. Несколько иную позицию в этом вопросе занимает А. С. Безруков, который определяет правовую модель как соответствующую исследуемому объекту форму отражения правовой действительности или явления, созданную в результате абстракции или идеализации [2, с. 8].

Как обоснованно отмечает С. Ю. Журавлев, субъект моделирования в процессе осмысления формулирует суждения о фактах, которые должны существовать в действительности [6, с. 82]. Модель, по справедливому утверждению А. В. Шмонина, дает «представление о целенаправленной и упорядоченной совокупности

DOI 10.31085/2310-8681-2025-3-288-111-116

действий (деятельности) субъекта» [21, с. 362]. Таким образом, думается, что на востребованность теоретической модели указывает ее значение при разработке практико-ориентированных рекомендаций.

Использование криминалистических моделей, равно как и метода моделирования, трактуется многими учеными как важный компонент следственной деятельности. Отметим, что некоторые ученые аргументированно указывают на взаимосвязь правовых и криминалистических моделей [18, с. 8].

В результате обобщения суждений относительно применения криминалистической модели можно констатировать следующие основные направления:

1) в качестве метода познания взаимосвязей между типичными криминалистическими признаками при исследовании механизма преступной деятельности [8; 7; 1; 6];

2) для выявления обстоятельств совершенного преступления [10, с. 73, 88];

3) для оценки поведения преступника [14];

4) при разработке криминалистических рекомендаций по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений [5; 15; 18, с. 324–325; 13; 16; 12, с. 60].

5) для использования таких моделей в досудебном производстве по уголовному делу [11, с. 487–499; 4];

6) при поддержании государственного обвинения в судебном производстве [10].

Предлагаем поддержать позицию Т. С. Волчецкой и О. А. Берзинь, которые предлагают криминалистическую модель рассматривать как материальную или идеальную системы, воспроизводящие исследуемое событие или его отдельные обстоятельства [4, с. 12; 3, с. 134].

На наш взгляд, в качестве одной из разновидностей криминалистической модели следует рассматривать теоретическую модель преодоления посткриминального противоправного посягательства (воздействия). Данная модель представляет собой теоретические положения в их взаимосвязи, которые наиболее полно отражают закономерности криминалистической деятельности по выявлению, преодолению посягательств рассматриваемого вида [17, с. 21].

Отметим, что посткриминальная противоправная деятельность субъекта воздействия направлена на оказание психического или физического воздействия на объект посягательства, который обладает определенной криминалистической информацией, имеющей значение для раскрытия и расследования преступления. Важно учитывать, что указанное воздействие обладает следующими признаками: объективность (наличие источника опасности), корреляция с преступным событием, реальность воздействия (может быть подтверждена объективными данными).

Следует отметить, что посткриминальное противоправное воздействие в отношении субъектов процессуальной деятельности относится к одному из наиболее опасных приемов (средств) противодействия предварительному расследованию. Непринятие своевременных мер по обеспечению безопасности участников производства по уголовному делу дестабилизирует авторитет следственных органов, способствует повышению уровня преступности и увеличению количества нераскрытых преступлений, поскольку в результате посткриминального воздействия существенно затрудняется либо прекращается процесс получения от участников процесса, на которых это воздействие оказывается, необходимой доказательственной информации.

При формулировании определения понятия «посткриминальное противоправное воздействие (посягательство)» как разновидности преступной деятельности следует исходить из криминалистических позиций. Использование криминалистических подходов в ситуации указанного воздействия позволяет обосновать и сформировать типовую модель преодоления посткриминального противоправного посягательства, которая позволит разработать эффективные рекомендации по решению задач нейтрализации рассматриваемого посягательства применительно к конкретной ситуации расследования. В этой связи применение предлагаемой нами криминалистической модели будет способствовать анализу типичной криминалистической характеристики посткриминального противоправного посягательства, а также станет методологическим ориентиром по его выявлению и преодолению, в том числе при решении поисковых и управленческих задач, что усиливает практическое предназначение рассматриваемой модели.

При решении тактических задач обеспечения безопасности защищаемых участников процесса следует учитывать, что каждое посткриминальное противоправное воздействие имеет свои особенности, детерминированные условиями ситуации, при которой осуществляется такое воздействие. Как показывает практика расследования преступлений, связанных с угрозой безопасности свидетелей, потерпевших и иных участников процесса, наиболее часто возникают следующие ситуации посткриминального противоправного воздействия:

1) участник процесса выполняет установку (требования) воздействующего лица;

2) участник процесса оказывает содействие в расследовании преступления.

Применительно к указанным ситуациям программа действий следователя должна включать в себя проведение тех или иных тактических операций и тактических комбинаций, выбор которых предопределяется особенностями сложившейся ситуации. Например, в ситуации, когда участник процесса выполняет установку воздействующего лица, деятельность следователя по обеспечению безопасности объекта воздействия и получению необходимой доказательственной информации должна проводиться параллельно стратегической линии предварительного расследования. В этом случае основной тактической задачей следует считать установление признаков оказания посткриминального воздействия, а также выявление обстоятельств, способствовавших его осуществлению. Решение поставленной тактической задачи в этом случае будет способствовать сбору и сохранению доказательственной информации по расследуемому делу в целом. Следует поддержать мнение А. Н. Халикова, который справедливо связывает решение указанной задачи с моделированием сложившейся ситуации воздействия, что может позволить предугадать потенциальные действия преступника [20, с. 354–355].

Представляется, что ситуацию посткриминального воздействия следует рассматривать в качестве разновидности следственной ситуации, то есть как сложившуюся в рамках обстоятельств расследуемого дела в конкретный момент времени. Это позволяет сделать вывод о том, что ситуация посткриминального противоправного воздействия находится в определенной взаимосвязи с ситуацией расследования. Очевидно, что на формирование и развитие следственной ситуации непосредственное влияние оказывает характер ситуации посткриминального противоправного воздействия. Так, особенности осуществления и наступившие последствия посткриминального посягательства напрямую характеризуют развитие следственной ситуации в целом, определяют дальнейшее направление расследования и решение соответствующих тактических задач. Таким образом, уяснение и анализ сложившейся ситуации расследования способствует выдвижению и проверке версий об оказанном воздействии, выбору тактико-криминалистических средств решения задач обеспечения безопасности участников процесса, а также эффективному взаимодействию следователя и оперативно-разыскных органов.

Важно также отметить, что теоретическая модель преодоления посткриминального противоправного посягательства может рассматриваться в качестве элемента структуры формируемой частной криминалистической теории обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства [17, с. 126].

Рассматриваемая модель в своем применении охватывает следующие аспекты криминалистического обеспечения безопасности участников уголовного процесса:

– свойства (особенности, признаки, черты) посткриминального противоправного посягательства;

– ситуационные особенности посткриминального воздействия и криминалистический механизм его преодоления;

– вариативность решения соответствующих тактических задач;

– организационно-тактические аспекты следственных действий, связанных с применением процессуальных мер безопасности;

– криминалистическая технология применения мер безопасности.

Криминалистическая модель преодоления посткриминального противоправного посягательства по своему содержанию может структурироваться по отдельным специфическим элементам – доминантам процесса выявления и преодоления указанного посягательства. Предлагаем такими элементами считать следующие:

1) криминалистический анализ, проводимый в рамках типичной криминалистической характеристики посткриминального противоправного воздействия;

2) типичные ситуации осуществления посягательств рассматриваемого вида;

3) программа действий следователя по нейтрализации посягательства в отношении защищаемого лица.

В заключение следует отметить, что для практики предварительного расследования преступлений, связанных с осуществлением посткриминального противоправного посягательства, имеются достаточные основания признать целесообразность применения теоретической модели преодоления указанного воздействия. Такая модель может служить ориентиром для следователя при определении потенциальных вариантов противоправных действий субъекта посткриминального посягательства, для оптимизации принятия тактических решений в целях его нейтрализации, а также при выборе и тактике применения мер безопасности к защищаемым лицам.

Литература

1. *Антонов О. Ю.* К вопросу о понятиях механизма и криминалистической характеристики (модели) преступлений и преступной деятельности // Экономика и право. Вестник Удмуртского университета. 2011. Вып. 2. С. 111–118.

2. *Безруков А. С.* Правовая модель как инструмент юридической науки и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.01. Владимир, 2008. 27 с.

3. *Берзинь О. А.* Криминалистические подходы к моделированию преступной деятельности // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2011. № 4. С. 133–143.

4. *Волчецкая Т. С.* Современные проблемы моделирования в криминалистике и следственной практике. Калининград: Изд-во КГУ, 1997. 95 с.

5. *Густов Г. А.* Моделирование в работе следователя. Л.: Прокуратура СССР, 1980. 188 с.

6. *Журавлев С. Ю.* Методологические проблемы использования криминалистических моделей механизма преступлений экономической направленности в научно-методической работе // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 2. С. 81–85.

7. *Каминский А. М., Баласанян Г. М.* Криминалистическая модель преступной деятельности в сфере незаконного оборота наркотиков и ее использование в практике раскрытия преступлений: учебное пособие. Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2005. 68 с.

8. *Каминский М. К.* Методологическая парадигма современной криминалистики // Вестник Удмуртского университета. 1997. № 1. С. 67–77.

9. *Кисленко С. Л.* Моделирование криминалистической деятельности по поддержанию государственного обвинения в уголовном судопроизводстве. М.: Юрлитинформ, 2023. 416 с.

10. *Крестовников О. А.* Системно-деятельностный анализ методологии криминалистики: монография. М.: Юрлитинформ, 2013. 272 с.

11. Криминалистика: информационные технологии доказывания. Учебник для вузов / под ред. В. Я. Колдина. М.: Зерцало, 2007. 752 с.

12. Криминалистика XXI века: стратегия и тактика развития. Коллективная монография / отв. ред. Е. П. Ищенко. М.: Проспект, 2016. 208 с.

13. *Курганова И. В.* Криминалистическое моделирование при расследовании преступлений в сфере экономики: дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.09. Нижний Новгород, 2008. 249 с.

14. *Лаврухин С. В.* Криминалистическое моделирование поведения преступника. Монография. М.: Юрлитинформ, 2020. 448 с.

15. *Лузгин И. М.* Моделирование при расследовании преступлений. М.: Юридическая литература, 1981. 152 с.

16. *Матушкина Н. В.* Криминалистическая модель преступной деятельности по совершению экономических преступлений // Вестник Удмуртского университета. Экономика и право. 2010. № 1. С. 55–60.

17. *Мишин А. В.* Частная криминалистическая теория обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2024. 464 с.

18. *Образцов В. А.* Криминалистика: модели средств и технологий раскрытия преступлений: курс лекций. М.: Импэ-Паблиш, 2004. 400 с.

19. *Плетников В. С.* Понятие и виды моделей в современной отечественной юриспруденции: теоретико-правовое исследование // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения РАН. 2016. Т. 16. Вып. 2. С. 121–135.

20. *Халиков А. Н.* Теория и практика выявления и расследования должностных преступлении (криминалистический аспект): дис. ... д-ра юрид. наук. 12.00.09. Уфа, 2011. 537 с.

21. *Шмонин А. В.* Методология и криминалистические методики. Монография. М.: Юрлитинформ, 2010. 416 с.

22. *Штофф В. А.* Моделирование и философия. М., Л.: Наука, 1966. 302 с.

References

1. *Antonov O. Yu.* K voprosu o ponyatiyakh mekhanizma i kriminalisticheskoi kharakteristiki (modeli) prestuplenii i prestupnoi deyatel'nosti [On the Concepts of the Mechanism and Forensic Characteristics (Model) of Crimes and Criminal Activity]. *Ekonomika i pravo. Vestnik Udmurtskogo universiteta [Economy and Law. Bulletin of Udmurt University],* 2011, issue 2, pp. 111–118. (In Russian)

2. *Bezrukov A. S.* Pravovaya model' kak instrument yuridicheskoi nauki i praktiki [Legal Model as a Tool of Legal Science and Practice]. Avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. 12.00.01. Vladimir, 2008. 27 p. (In Russian)

3. *Berzin' O. A.* Kriminalisticheskie podkhody k modelirovaniyu prestupnoi deyatel'nosti [Forensic Approaches to Modeling Criminal Activity]. *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki [Law. Journal of the Higher School of Economics],* 2011, no. 4, pp. 133–143. (In Russian)

4. *Volchetskaya T. S.* Sovremennye problemy modelirovaniya v kriminalistike i sledstvennoi praktike [Modern Problems of Modeling in Forensic Science and Investigative Practice]. Kaliningrad: KSU Publishing House, 1997. 95 p. (In Russian)

5. *Gustov G. A.* Modelirovanie v rabote sledovatelya [Modeling in the work of the investigator]. Leningrad, Prokuratura SSSR Publ., 1980. 188 p. (In Russian)

6. *Zhuravlev S. Yu.* Metodologicheskie problemy ispol'zovaniya kriminalisticheskikh modelei mekhanizma prestuplenii ekonomicheskoi napravlennosti v nauchno-metodicheskoi rabote [Methodological problems of using forensic models of the mechanism of economic crimes in scientific and methodological work]. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii [Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia],* 2014, no. 2, pp. 81–85. (In Russian)

7. *Kaminskii A. M., Balasanyan G. M.* Kriminalisticheskaya model' prestupnoi deyatel'nosti v sfere nezakonnogo oborota narkotikov i ee ispol'zovanie v praktike raskrytiya prestuplenii: uchebnoe posobie [Forensic model of criminal activity in the field of illegal drug trafficking and its use in the practice of solving crimes: a tutorial]. Izhevsk, Udmurtskii gosudarstvennyi universitet Publ., 2005. 68 p. (In Russian)

8. *Kaminskii M. K.* Metodologicheskaya paradigma sovremennoi kriminalistiki [Methodological paradigm of modern forensic science]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta [Bulletin of the Udmurt University],* 1997, no. 1, pp. 67–77. (In Russian)

9. *Kislenko S. L.* Modelirovanie kriminalisticheskoi deyatel'nosti po podderzhaniyu gosudarstvennogo obvineniya v ugolovnom sudoproizvodstve [Modeling of forensic activities to support the state prosecution in criminal proceedings]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2023. 416 p. (In Russian)

10. *Krestovnikov O. A.* Sistemno-deyatel'nostnyi analiz metodologii kriminalistiki: monografiya [System-activity analysis of the methodology of forensic science: monograph]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2013. 272 p. (In Russian)

11. Kriminalistika: informatsionnye tekhnologii dokazyvaniya. Uchebnik dlya vuzov [Forensic science: information technologies of proof. Textbook for universities]. Ed. V. Ya. Koldin. Moscow, Zertsalo Publ., 2007. 752 p. (In Russian)

12. Kriminalistika XXI veka: strategiya i taktika razvitiya. Kollektivnaya monografiya [Forensic science of the 21st century: strategy and tactics of development. Collective monograph]. Ed. E. P. Ishchenko. Moscow, Prospekt Publ., 2016. 208 p. (In Russian)

13. *Kurganova I. V.* Kriminalisticheskoe modelirovanie pri rassledovanii prestuplenii v sfere ekonomiki [Forensic modeling in the investigation of crimes in the economic sphere]. Dis. ... kand. yurid. nauk. 12.00.09. Nizhnii Novgorod, 2008. 249 p. (In Russian)

14. *Lavrukhin S. V.* Kriminalisticheskoe modelirovanie povedeniya prestupnika. Monografiya [Forensic modeling of criminal behavior. Monograph]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2020. 448 p. (In Russian)

15. *Luzgin I. M.* Modelirovanie pri rassledovanii prestuplenii [Modeling in the investigation of crimes]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1981. 152 p. (In Russian)

16. *Matushkina N. V.* Kriminalisticheskaya model' prestupnoi deyatel'nosti po sovershenyu ekonomicheskikh prestuplenii [Forensic model of criminal activity to commit economic crimes]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ekonomika i pravo [Bulletin of the Udmurt University. Economics and Law],* 2010, no. 1, pp. 55–60. (In Russian)

17. *Mishin A. V.* Chastnaya kriminalisticheskaya teoriya obespecheniya bezopasnosti uchastnikov ugolovnogo sudoproizvodstva [Private forensic theory of ensuring the safety of participants in criminal proceedings]. Dis. ... d-ra yurid. nauk. Kazan', 2024. 464 p. (In Russian)

18. *Obraztsov V. A.* Kriminalistika: modeli sredstv i tekhnologii raskrytiya prestuplenii: kurs lektsii [Forensic science: models of means and technologies for solving crimes: a course of lectures]. Moscow, Impe-Pablish Publ., 2004. 400 p. (In Russian)

19. *Pletnikov V. S.* Ponyatie i vidy modelei v sovremennoi otechestvennoi yurisprudentsii: teoretiko-pravovoe issledovanie [The concept and types of models in modern domestic jurisprudence: a theoretical and legal study].

Nauchnyi ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya RAN [Scientific yearbook of the Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences], 2016, vol. 16, issue 2, pp. 121–135. (In Russian)

20. *Khalikov A. N.* Teoriya i praktika vyyavleniya i rassledovaniya dolzhnostnykh prestuplenii (kriminalisticheskii aspekt) [heory and practice of identifying and investigating official crimes (forensic aspect)]. Dis. ... d-ra yurid. nauk. 12.00.09. Ufa, 2011. 537 p. (In Russian)

21. *Shmonin A. V.* Metodologiya i kriminalisticheskie metodiki. Monografiya [Methodology and forensic techniques. Monograph]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2010. 416 p. (In Russian)

22. *Shtoff V. A.* Modelirovanie i filosofiya [Modeling and philosophy]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1966. 302 p. (In Russian)

СИТУАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ В ТАКТИКЕ ДОПРОСА ОБВИНЯЕМОГО (ПОДОЗРЕВАЕМОГО)

Руденко Александр Викторович,
Глоба Валерия Витальевна

Цель: *тактика допроса обвиняемого (подозреваемого) представляет из себя многоаспектный процесс для достижения целей указанного следственного действия. Усложненность обусловлена такими факторами, как оборонительная доминанта в поведении допрашиваемого и конфигурация ситуации допроса, развитие IT-технологий. В статье обоснована связь частной следственной ситуации и взаимодействия следователя (дознавателя) с обвиняемым (подозреваемым) при производстве допроса с учетом психологического моделирования.*

Методология: *диалектический метод, анализ, синтез, системный метод.*

Выводы. *Ситуационно-психологическое моделирование при производстве допроса позволяет следователю находится в позиции надситуативной активности, где осуществляется индивидуализация тактического воздействия и достигается эффективность – получение правдивых показаний. Данное моделирование позволяет следователю понимать вариативность поведения обвиняемого (подозреваемого), который заинтересован зачастую скрыть правдивую информацию относительно совершенного преступного деяния. Более того, указанное моделирование в будущем возможно использовать с помощью технических средств.*

Научная и практическая значимость. *Психологическое моделирование в ситуации допроса имеет значение для теоретических положений криминалистической тактики, поскольку позволяет в практической деятельности следователя (дознавателя) эффективно достичь цели допроса обвиняемого (подозреваемого) – получения полных и правдивых показаний по расследуемому делу. С развитием цифровых технологий метод моделирования может быть применен как допрашивающим непосредственно (результат мыслительной деятельности), так и с использованием вспомогательных технических средств в будущем. На сегодняшний день высокую эффективность показывают программы, созданные на основе нейросетей (программы искусственного интеллекта), использование подобных программ в ходе проведения допроса обвиняемого (подозреваемого) не представляется возможным ввиду их малоизученности и законодательных ограничений. Мы полагаем, что использование последнего этапа моделирования требует создания и обучения узконаправленных специализированных моделей искусственного интеллекта.*

Ключевые слова: *тактика допроса, следственная ситуация, психология допроса, обвиняемый (подозреваемый), тактическое воздействие, моделирование, допрос, правовой критерий, ситуационно-психологический критерий, искусственный интеллект.*

В настоящее время особое внимание уделяется эффективности при производстве расследования. Препятствием для достижения эффективности являются: конфигурация следственных ситуаций, маскировка личных качеств обвиняемыми и подозреваемыми, развитие информационных технологий для совершения преступления, адаптация обвиняемых (подозреваемых) под следственные ситуации, отсутствие современных и устойчивых ситуационных закономерностей в эпоху массовой цифровизации.

Обвиняемый и подозреваемый находятся в специфическом положении, в отличие от других участников. Специфичность обусловлена процес-

DOI 10.31085/2310-8681-2025-3-288-117-121

суальным и поведенческим аспектами. Процессуальный аспект заключается в том, что в отношении подозреваемого лица возбуждено уголовное дело, либо лицо задержано в соответствии со ст. 91 и 92 УПК РФ или же к нему применена мера пресечения до предъявления обвинения в соответствии со ст. 100 УПК РФ *(Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 25 октября 2024 г.))*. Обвиняемому лицу, в свою очередь, вынесено постановление о привлечении его в качестве обвиняемого, вынесен обвинительный акт, составлено обвинительное постановление. Несмотря на более широкий спектр прав у обвиняемого, при производстве допроса к нему применяются общие положения тактики допроса [1, с. 113].

Поведенческий аспект допроса выражается в непосредственном обмене аудиальной информацией между следователем (дознавателем) и обвиняемым (подозреваемым) с процессуальной и волевой доминантой у первого в моменте производства допроса. Допрос представляет собой сложное и многоаспектное следственное действие, которое включается в себя информационный, психологический и другие компоненты. Детально о компонентах следственных ситуаций писали Р. С. Белкин [2], А. И. Баянов [3], С. В. Швец [4] и другие.

Отметим, что более сорока лет производятся исследования проблематики криминалистической ситуалогии. Данный вопрос был освещен такими учеными, как Л. Г. Видонов, Г. А. Зорин, Н. П. Яблоков, А. Ф. Облаков, Т. А. Седова, Е. Р. Россинская и многие другие. В настоящее время стремительно развивают ситуалогию Т. С. Волчецкая, З. А. Шагимуратова, Е. В. Осипова, И. Ю. Панькина и другие криминалисты. Криминалистическая ситуалогия, по мнению Г. А. Зорина, представляет собой частную криминалистическую теорию практической криминалистики, которая обеспечивает, суммирует гармоничный синтез методов для решения задач, порождаемых криминалистическими ситуациями [5, с. 118]. Т. С. Волчецкая трактует криминалистическую ситуалогию (общую криминалистическую теорию ситуаций) как конструктивную логически развертывающуюся концептуальную модель учения о ситуациях, возникающих и исследуемых в сфере уголовного судопроизводства [6, с. 24]. Указанные определения являются наиболее верными ввиду широты охвата толкования ситуалогии. Ведь сама возникшая следственная ситуация является детерминантом для принятия дальнейших мыслительных и материальных (в физическом мире) процессуальных операций.

Множество определений и классификаций следственных ситуаций представлено учеными-криминалистами. Следователь (дознаватель) ввиду своей системной практической деятельности владеет методами для решения задач в различных ситуациях, которые возникают в процессе производства расследования. Особенность ситуации – ее индивидуальность, однако рано или поздно складывается системность ситуаций, порождающая типичность. В данном аспекте имеют значение два фактора: временной отрезок и частота конкретного вида преступления (направлений). В диалектическом единстве и одновременно противоположности находятся индивидуальность и закономерности частных следственных ситуаций. Ядро оборонительной поведенческой доминанты у обвиняемого (подозреваемого) требует учитывать важность ситуационно-психологического моделирования при производстве допроса. Психологическое моделирование происходит внутри следственной ситуации и может рассматриваться в результатах как частное проявление следственной ситуации.

Моделирование в психологии (англ. modelling in psychology) – применение метода моделирования в психологических исследованиях. Развивается в 2 направлениях: 1) знаковая, или техническая, имитация механизмов, процессов и результатов психической деятельности – моделирование психики; 2) организация, воспроизведение того или иного вида человеческой деятельности путем искусственного конструирования среды этой деятельности (например, в лабораторных условиях), что принято называть психологическим моделированием [7, с. 64]. Так как первое направление в ситуации допроса обвиняемого (подозреваемого) невозможно за счет некомпетентности в области психиатрии у следователя (дознавателя), то криминалистически нам ближе второе направление. Исключение представляют такие обстоятельства, как наличие высшего медицинского образования по специальности «психиатрия» у допрашивающего, либо моделирование произведено специальным субъектом расследования – психиатром. По поводу конструирования среды: важно отметить ее вполне процессуальную и тактическую натуральность со всеми вытекающими правовыми последствиями. Психологическое моделирование как метод И. Н. Носс и М. Е. Ковалева представляют состоящим из четырех этапов [7, с. 67]:

– Первый этап. Концептуально-теоретическое моделирование – это описание явления, основанное на представлениях исследователя (образе

исследуемой реальности) при опоре на его определенные теоретические воззрения.

Мы полагаем, что с точки зрения криминалистической тактики первый этап идеально с ней соотносится. В данном случае «описанием явления, основанным на представлениях исследователя» будут являться: состав преступления, криминалистические и процессуальные основы расследования, этические аспекты, представление о которых имеет следователь (дознаватель), производящий допрос обвиняемого (подозреваемого). Теоретическое воззрение в рамках первого этапа имеет место в тактике допроса, поскольку допрашивающий, априори получая высшее юридическое образование по дисциплинам «криминалистика», «уголовный процесс» и другим, имеет теоретическое представление о тактике допроса обвиняемого (подозреваемого). Концептуально-теоретическое моделирование имеет место при подготовке к допросу.

– Второй этап. Предметно-содержательное моделирование заключается в разработке объекта в виде системы признаков (требований) деятельности, показателей, индикаторов и критериев, которые подлежат выявлению, измерению и оценке – распознаванию.

Относительно второго этапа важно отметить соотношение с выведением логических связей, выдвижением следственных версий, планированием, определением возможных действий, представлением о ходе расследования по каждому конкретному делу. Ведь прежде всего расследование – это система следственных действий в необходимой в следственной ситуации последовательности с четкой процессуальной регламентацией. Кроме того, указанный этап моделирования с известной необходимостью существует в рамках предмета доказывания по конкретному уголовному делу как совокупности фактических обстоятельств, которые необходимо установить для разрешения дела по существу. Также моделирование ограничивается пределами доказывания по конкретному делу.

– Третий этап. Инструментально-методическая модель представляет собой разработку способов, технологий, методов изучения психологического объекта для получения инструмента, адекватно соотносимого с показателями объекта, способного достоверно выявить, оценить, измерить исследуемое явление.

Этап ситуационно-психологического моделирования отражает соблюдение правого, гносеологического критериев допустимости использования применяемых тактических приемов в отношении обвиняемого (подозреваемого) [8, с. 181]. Указанный этап прямо характеризует непосредственное тактическое обеспечение следователя (дознавателя). Способ, технология, метод – тактический инструментарий, где конечной точкой будет получение правдивых показаний. Учет допрашиваемым радикала личности обвиняемого (подозреваемого) и частной следственной ситуации формирует ситуационно-психологический критерий допустимости использования тактических приемов допроса [9, с. 8]. В этом случае третий этап полно охватывает содержательный пласт, где частная ситуация допроса и радикал обвиняемого (подозреваемого), процесс доказывания находятся в синергетической связи.

– Четвертый этап. Формально-математическое моделирование – это разработка формальной модели, адекватно отражающей характеристику признаков объекта, достаточно полное и реализуемое в математике описание взаимосвязей показателей объекта и показателей реального проявления объекта.

Этот этап представляет сложность для науки криминалистики и практической деятельности следователя (дознавателя) в момент производства допроса ввиду отличия гуманитарного направления в целом и ситуационно-психологического подхода в тактике допроса в частном проявлении. Математический подход требует собирания значительного объема статистической информации, что на сегодняшний момент не исполнено, следовательно, применение математических методов затруднено или невозможно. Данное ограничение может также влиять на возможности применения нейросетей. Необходимо направить усилия на создание эффективных математических формул для внедрения в модели искусственного интеллекта.

В немалой степени моделирование в психологии обусловлено концептуальными основами конкретного исследования, мировоззренческими установками [10, с. 300], в случае же криминалистической тактики моделирование и непосредственная реализация тактических приемов обусловлены частной следственной ситуацией и психологическими особенностями обвиняемого (подозреваемого), что позволяет допрашиваемому выбрать наиболее эффективные тактические приемы.

Таким образом, ситуационно-психологическое моделирование при производстве допроса позволяет следователю находиться в позиции надситуативной активности, где осуществляется индивидуализация тактического воздействия.

Данное моделирование позволяет следователю понимать вариативность поведения обвиняемого (подозреваемого), который заинтересован зачастую скрыть правдивую информацию относительно совершенного преступного деяния. В настоящее время в практической деятельности следователя полноценно применяются три этапа ситуационно-психологического моделирования. Четвертый этап в предложенной интерпретации формируется в случае письменного планирования следователем предстоящего допроса. Далеко не всегда и не по всем категориям дел следователь письменно планирует производство отдельных следственных действий. Более того, указанное моделирование возможно в будущем использовать с помощью технических средств. На сегодняшний день высокую эффективность показывают программы, созданные на основе нейросетей (программы искусственного интеллекта), использование подобных программ в ходе проведения допроса обвиняемого (подозреваемого) не представляется возможным ввиду их малоизученности и законодательных ограничений. Однако такие программы могут применяться при моделировании в ходе подготовки при проведении допроса и постмоделирования для анализа хода и результатов проведения следственного действия, оценки эффективности его проведения, использованных тактических приемов, при использовании полученных данных для эффективного планирования, повторных и последующих допросов, очных ставок. Мы полагаем, что использование последнего (четвертого) этапа моделирования требует создания и обучения узконаправленных специализированных моделей искусственного интеллекта.

Литература

1. *Драпкин Л. Я., Карагодин В. Н.* Криминалистика. М., 2011. 768 с.

2. *Белкин Р. С.* Курс криминалистики. Т. 2. М., 1997.

3. *Баянов А. И.* Методический подход к классификации следственных ситуаций // Современная криминалистика. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения заслуженного деятеля науки РФ, заслуженного юриста РСФСР, доктора юридических наук, профессора Н. П. Яблокова. Москва, 22 декабря 2015 г. / ред.-сост. М. А. Лушечкина. М., 2015. С. 31–35.

4. *Швец С. В.* Организационно-тактические особенности следственных действий с участием переводчика. М.: Триумф, 2013. 144 с.

5. *Зорин Г. А.* Теоретические основы криминалистики. Минск: Амалфея, 2000. 416 с.

6. *Волчецкая Т. С.* Криминалистическая ситуалогия / под ред. проф. Н. П. Яблокова. М.: Калининград: Калининградский университет, 1997. 248 с.

7. *Носс И. Н., Ковалева М. Е.* Моделирование в психологическом исследовании // Теоретическая и экспериментальная психология. 2019. Т. 12. № 2. С. 63–69.

8. *Глоба В. В.* Правовой критерий допустимости использования тактических приемов допроса обвиняемого (подозреваемого) // Теория и практика общественного развития. 2023. № 5 (181). С. 119–122.

9. *Глоба В. В.* Допустимость использования тактических приемов допроса обвиняемого (подозреваемого): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2024. 8 с.

10. *Сорокин П.* Социальная и культурная мобильность. М.: Человек. Цивилизация. Общество, 1992. 548 с.

References

1. *Drapkin L. Ya., Karagodin V. N.* Kriminalistika [Forensic Science]. Moscow, 2011. 768 p. (In Russian)

2. *Belkin R. S.* Kurs kriminalistiki [Forensic Science Course]. Vol. 2. Moscow, 1997. (In Russian)

3. *Bayanov A. I.* Metodicheskii podkhod k klassifikatsii sledstvennykh situatsii [Methodological Approach to Classifying Investigative Situations]. In *Sovremennaya kriminalistika. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 90-letiyu so dnya rozhdeniya zasluzhennogo deyatelya nauki RF, zasluzhennogo yurista RSFSR, doktora yuridicheskikh nauk, professora N. P. Yablokova. Moskva, 22 dekabrya 2015 g. [Modern Forensic Science. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 90th Anniversary of the Birth of Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the RSFSR, Doctor of Law, Professor N. P. Yablokov. Moscow, December 22, 2015].* Ed. M. A. Lushechkina. Moscow, 2015, pp. 31–35. (In Russian)

4. *Shvets S. V.* Organizatsionno-takticheskie osobennosti sledstvennykh deistvii s uchastiem perevodchika [Organizational and tactical features of investigative actions with the participation of an interpreter]. Moscow, Triumf Publ., 2013. 144 p. (In Russian)

5. *Zorin G. A.* Teoreticheskie osnovy kriminalistiki [Theoretical foundations of forensic science]. Minsk, Amalfeya Publ., 2000. 416 p. (In Russian)

6. *Volchetskaya T. S.* Kriminalisticheskaya situalogiya [Forensic situationology]. Ed. prof. N. P. Yablokov. Moscow, Kaliningrad, Kaliningradskii universitet Publ., 1997. 248 p. (In Russian)

7. *Noss I. N., Kovaleva M. E.* Modelirovanie v psikhologicheskom issledovanii [Modeling in psychological research]. *Teoreticheskaya i eksperimental'naya psikhologiya [Theoretical and experimental psychology],* 2019, vol. 12, no. 2, pp. 63–69. (In Russian, abstract in English)

8. *Globa V. V.* Pravovoi kriterii dopustimosti ispol'zovaniya takticheskikh priemov doprosa obvinyaemogo (podozrevaemogo) [Legal criterion for the admissibility of using tactical techniques for interrogating the accused (suspect)]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya [Theory and practice of social development],* 2023, no. 5 (181), pp. 119–122. (In Russian, abstract in English)

9. *Globa V. V.* Dopustimost' ispol'zovaniya takticheskikh priemov doprosa obvinyaemogo (podozrevaemogo) [Admissibility of using tactical techniques for interrogating the accused (suspect)]. Avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Krasnodar, 2024. 8 p. (In Russian)

10. *Sorokin P.* Sotsial'naya i kul'turnaya mobil'nost' [Social and cultural mobility]. Moscow, Chelovek. Tsivilizatsiya. Obshchestvo Publ., 1992. 548 p. (In Russian)

СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

РАЗВИТИЕ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТОЛОГИИ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ И ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИУМА

Россинская Елена Рафаиловна

Цель: *исследование направлено на выявление основных тенденций развития судебной экспертологии в контексте вызовов, связанных с цифровизацией и новыми технологиями, на примере последних тенденций и изменений, произошедших в данной области в 20-е гг. XXI в. Целью является изучение закономерностей развития судебно-экспертной деятельности в условиях цифровой трансформация современной преступности и интеграции в сферу исследований нейросетевых технологий и других алгоритмов искусственного интеллекта. Анализ основан на изучении научных публикаций, посвященных развитию судебной экспертологии, а также на оценке влияния цифровых технологий на методики экспертных исследований и компетенции судебных экспертов.*

Методология: *общенаучные методы: диалектический метод, анализ и синтез, сравнение, абстрагирование и конкретизация, обобщение, формализация, аналогия и др.; специальные методы: формально-юридический, метод толкования правовых норм, сравнительно-правовой, историко-правовой, логико-юридический и др.*

Выводы. *Автор подчеркивает, что с увеличением объема цифровой информации и ростом компьютерной преступности появились новые объекты исследования – цифровые следы, что обусловило формирование новой частной теория цифровизации судебно-экспертной деятельности, в систему которой входят предмет, объекты, задачи, место в общей теории судебной экспертологии, судебно-экспертное исследования цифровых следов и информационно-компьютерное обеспечения судебно-экспертной деятельности.*

Научная и практическая значимость *статьи заключается в том, что она предлагает новый взгляд на развитие судебной экспертологии в условиях цифровой трансформации социума.*

Ключевые слова: *судебная экспертология, судебно-экспертная деятельность, цифровизация, цифровые следы, нейросеть, алгоритм машинного обучения, модельный риск, датасет, экспертные компетенции, антикоррупционная экспертиза.*

Введение

Возрастание роли специальных знаний в расследовании и судебном рассмотрении уголовных, гражданских и административных дел, а также развитие теории и практики судебной экспертизы привели к тому, что в начале XXI в. стало необходимо расширять междисциплинарную общую теорию судебной экспертизы, [1, 2, 3, 4], созданную в 80–90 гг. прошлого века, до уровня признанной науки – судебной экспертологии (термин, предложенный еще профессором А. И. Винбергом [5].

Предмет общей теории судебных экспертиз определялся как «система мировоззренческих и праксеологических принципов, как самой теории, так и ее объекта – экспертной деятельности, частных теоретических построений в этой области научного знания, методов развития теории и осуществления экспертных исследований, т.е. комплексное научное отражение судебно-экспертной деятельности» [6, с. 43]. При этом авторы исходили из праксеологического подхода, подчеркивая, что это теория не науки, а сугубо практической деятельности [2, с. 83], и полагали, что рассмотрению

DOI 10.31085/2310-8681-2025-3-288-122-137

правовых и организационных основ экспертной деятельности нет места в рамках общей теории судебной экспертизы. Но в начале XXI в. необходимость законодательного регулирования государственной, а затем и негосударственной судебно-экспертной деятельности обусловила необходимость научного изучения закономерностей единого правового и организационного обеспечения этой деятельности [7, с. 26–37; 8, с. 42; 9, с. 32–33].

В своих работах начала 2000-х гг. мы указывали на единство интегрированной природы всех родов судебных экспертиз независимо от видов процесса и обосновывали необходимость унификации процессуальных форм использования специальных знаний, подчеркивая, что именно в рамках судебной экспертологии возможна разработка единых подходов к подобным способам получения доказательственной информации.

Данная статья является логическим продолжением наших работ, в которых с современных позиций определены предмет и объекты судебной экспертологии, обозначена ее система. Как известно, предмет любой науки можно выразить через систему ключевых закономерностей, исследуемых данной наукой. Поэтому в определение предмета судебной экспертологии входят наиболее существенные закономерности, отражающие квинтэссенцию науки. Отсюда предметом судебной экспертологии являются теоретические, правовые и организационные закономерности осуществления судебно-экспертной деятельности в целом; закономерности возникновения, формирования и развития классов, родов и видов судебных экспертиз и их частных теорий на основе единой методологии, унифицированного понятийного аппарата с учетом постоянного обновления и видоизменения судебно-экспертных знаний; разрабатываемое на основе познания этих закономерностей единое правовое и организационное обеспечение судебно-экспертной деятельности, а также единые для всех видов судопроизводства унифицированные экспертные технологии и стандарты экспертных компетенций и сертифицированных экспертных лабораторий [10, с. 421–428].

Система судебной экспертологии включает: общую теорию судебной экспертологии; правовое обеспечение судебно-экспертной деятельности; организационное обеспечение судебно-экспертной деятельности; судебно-экспертные технологии [11].

Основная часть

В 2010-е гг. резко возросло число научных работ по судебной экспертологии (докторских и кандидатских диссертаций, монографий, статей). Судебная экспертология как наука была включена в паспорт ВАК 12.00.12, а затем при укрупнении научных специальностей и в паспорт новой объединенной специальности ВАК 5.1.4. «Уголовно-правовые науки» (Судебная экспертология, ее предмет, структура, задачи и функции. Методология судебно-экспертной деятельности и тенденции ее развития). Научная концепция судебной экспертологии была поддержана в целом ряде европейских стран. С 2010 г. в столицах европейских государств начали проводиться международные конгрессы «Криминалистика и судебная экспертология: наука, обучение, практика» (International Congress Criminalistics and Forensic Expertology: Science, Studies, Practice), на которых ученые российской школы судебной экспертологии как ведущие разработчики этой науки делали основные пленарные доклады вплоть до 2022 г. [12, с. 32–47; 13, с. 224–237].

Рассмотрим ключевые направления развития судебной экспертологии во второй четверти XXI в.

1. Негативным последствием глобальной цифровизации в социуме явилось широкое распространение компьютерной преступности. Аналоговые способы фиксации следов преступлений уступили место электронным, необходимость изучения новых закономерностей судебной экспертологии и дальнейшее развитие общей теории науки привели к появлению новых объектов исследования в разных родах судебных экспертиз – цифровых следов. Как следствие возникла необходимость изучения новых закономерностей судебной экспертологии и дальнейшее развитие общей теории науки.

В общую теорию судебной экспертологии, а ранее в общую теорию судебной экспертизы, по мнению большинства ученых, входили четыре частные теории, положения которых в равной степени относятся в целом к процессу экспертного исследования и к экспертным исследованиям отдельных родов (видов) судебных экспертиз [4]. Это теория экспертной идентификации; теория экспертной диагностики; теория экспертной профилактики и теория экспертного прогнозирования [6].

Для теоретико-методического обеспечения судебно-экспертной деятельности нами разработана концепция новой частной теории – теории цифровизации судебно-экспертной деятельности. С учетом существующего уровня информационно-компьютерного обеспечения судебно-экспертной деятельности предмет теории составляют закономерности судебно-экспертного исследования цифровых следов, в процессе возникновения, движения и преобразования компьютерной информа-

ции, закономерности формирования технологий алгоритмизации и цифровизации методов и методик судебно-экспертного исследования. Объекты теории – цифровые следы и компьютерные средства и системы как носители разыскной и доказательственной криминалистически значимой информации; технологии алгоритмизации и цифровизации методов и методик судебно-экспертного исследования [14, с. 173–176]. К задачам теории цифровизации судебно-экспертной деятельности относятся:

1. развитие методологии экспертных исследований в русле цифровизации судопроизводства;
2. изучение закономерностей собирания и экспертного исследования цифровых следов и их носителей;
3. определение направлений создания новых и развития существующих экспертных технологий и методик экспертного исследования, их алгоритмизации и цифровизации;
4. исследование перспектив внедрения алгоритмов машинного обучения (нейросетей) в судебно-экспертную деятельность;
5. анализ и решение связанных с глобальной цифровизацией дидактических проблем новых компетенций в судебной экспертологии.

Система теории (рис. 1) включает общие положения теории (предмет, объекты, задачи, место в общей теории судебной экспертологии) и два раздела: судебно-экспертное исследования цифровых следов и информационно-компьютерное обеспечение судебно-экспертной деятельности. К первому отнесены природа, механизм следообразования, свойства и признаки цифровых следов как объектов судебных экспертиз; формы представления и классификации цифровых следов и их носителей; общие задачи экспертного исследования цифровых следов. Второй раздел связан с технологиями алгоритмизации и цифровизации методов и методик судебно-экспертного исследования [15, 20–32].

***Рис.** 1. Система цифровизации судебно-экспертной деятельности*

В настоящее время теория цифровизации судебно-экспертной деятельности в силу все более глобального характера процессов цифровизации, которые существенным образом затрагивают уже практически все роды (виды) судебных экспертиз, также может быть отнесена к ряду вышеназванных частных теорий, имеющих универсальный характер [16].

Цифровизация оказала существенное влияние на учение судебной экспертологии об объектах судебной экспертизы. Как известно, объект судебной экспертизы – это материальный объект, содержащий информацию, необходимую для решения экспертной задачи. К объектам судебной экспертизы законодатель относит вещественные доказательства, документы, предметы, животных, трупы и их части, образцы для сравнительного исследования, а также материалы дела, по которому производится судебная экспертиза. Исследования проводятся также в отношении живых лиц *(ст. 10 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (ред. от 22 июля 2024 г.) // СПС «КонсультантПлюс»)*. К объектам судебной экспертизы относятся и отображения людей и животных, предметов, механизмов и агрегатов, вещества, материалы и изделия, полиграфическая продукция, выделения человека, части его тела, разнообразные объекты растительного и животного происхождения и многое другое.

Процессы возникновения, обработки и передачи компьютерной информации в соответствии с всеобщим законом отражения привели к формированию нового механизма следообразования, когда в цифровой среде появляется отраженная криминалистически значимая компьютерная информация о событиях или противоправных действиях. То есть любые действия с использованием компьютерных систем и их сетей оставляют *цифровые следы* в виде структур компьютерной информации –– в оперативной памяти компьютера, на носителях информации различных типов, на линиях связи и в коммутаторах [17, с. 44].

Таким образом, *цифровой след* представляет собой криминалистически значимую компьютерную информацию о событиях или действиях, отраженную в материальной среде, в процессе ее возникновения, обработки, хранения и передачи. Цифровые следы являются следами *материальными*, так как, будучи оставленными в результате определенных событий, отражаются на материальных объектах – вентилях компьютерной системы, хотя в некоторых случаях период их существования весьма невелик. По происхождению цифровые следы *технологические*, поскольку формирование данных следов обусловлено спецификой реализации информационных технологий, и для их преобразования в доступную для восприятия форму также используются информационные технологии. По механизму следообразования они могут быть отнесены к *электронным* либо *электромагнитным* в зависимости от носителя, на котором они отображены, – твердотельном либо на магнитных дисках. Но возможны и механические следы в структуре материала оптического диска [18, 17, 19]. Цифровые следы могут включать следующие виды данных: дампы оперативной памяти и сетевых пакетов; файлы и их части; программные продукты; документы в текстовом и графическом формате; мультимедийный контент; базы данных; отчеты и логи приложений, а также прочие аналогичные сведения.

Цифровые следы могут предоставляться на экспертизу в разных формах:

6. на физических носителях информации, таких как жесткие диски (HDD), флешки и другие устройства хранения данных;

7. в составе компьютерных систем и сетей, а также на мобильных устройствах, планшетах, серверах и в облачных сервисах;

8. в форме электронных документов;

9. визуализированные через различные программы, включая изображения на экранах мониторов (например, подписи, дактилоскопические отпечатки, скриншоты переписок в соцсетях и мессенджерах);

10. на бумаге – в виде распечатанных копий цифровых следов, таких как скриншоты, электронные документы и прочее.

В XXI в. традиционные экспертные системы, основанные на заранее заданных правилах, уступили место алгоритмам искусственного интеллекта. Эти технологии способны самостоятельно решать разнообразные задачи, анализировать данные, обучаться без участия человека, принимать обоснованные решения и предсказывать события или тенденции. Благодаря развитию аппаратно-программных комплексов, включая использование графических процессоров и распределенных архитектур вычислительных систем, стало возможным концентрировать большие объемы данных (Big Data), собранные автоматически, что позволяет обнаруживать новые закономерности и знания, которые невозможно было получить из отдельных фрагментов данных. Наиболее распространенными алгоритмами искусственного интеллекта являются нейронные сети, которые активно используются для решения различных задач: распознавания образов, анализа больших объемов данных, прогнозирования тенденций, обучения и оптимизации процессов.

Применение нейронных сетей привело к значительному росту цифровых следов, являющихся результатом их работы как объектов судебных экспертиз, поскольку технологии нейронных сетей используются в преступных целях для создания

ботов, для фишинговых атак и манипуляций с помощью фейкового контента. Контент, созданный нейросетями, становится все труднее отличить от настоящего, так как с использованием астротурфинга создаются фальшивые отзывы о товарах на маркетплейсах, фотографии несуществующих людей, дипфейки, точно имитирующие реальных людей, а для вымогательства – «call-центры» на основе ботов с озвученными видеоизображениями конкретных людей.

Новый вид следов – цифровые следы – образы объектов, формализованные модели процесса отражения, не являются исключениями в системе учения об объектах судебной экспертизы, поскольку, помимо традиционных следов-отображений, существует великое множество следов, также представляющих собой формализованные модели, причем моделирование может быть не обязательно физическим. Так, в молекулярно-генетических, в пожарно-технических или взрывотехнических исследованиях, исследованиях различных веществ и других один и тот же объект или явление, как и в случае цифровых следов, может быть зафиксирован с использованием различных формализованных моделей. Компьютерное моделирование, например 3D-сканирование, уже активно используется в классической трасологической экспертизе для лучшего воспроизведения признаков следообразующего объекта [20, с. 133–136].

Цифровые следы стали в последние годы объектами исследования во многих родах (видах) судебных экспертиз: например, в фоноскопической, автороведческой, лингвистической, почерковедческой, фототехнической, видеотехнической, портретной, судебно-бухгалтерской, финансово-экономической, судебно-технической экспертизе документов и других, что не могло не породить целый ряд теоретических, правовых и организационных проблем, не оказать существенного влияния на методологию и методики экспертного исследования.

Благодаря доступности алгоритмов машинного обучения и быстрому развитию технологий нейросетевые алгоритмы обучения с учителем уже начали применяться в судебно-экспертной деятельности [21, с. 514–522; 22, с. 184–190; 23; 24] пока для ускорения и оптимизации рутинных операций как вспомогательные инструменты, причем проверка достоверности осуществляется путем ручной маркировки признаков. Еще больше возможностей открывает применение в экспертных исследованиях генеративных нейронных сетей, которые уже широко используются в разных сферах науки и техники, помогая решать сложные задачи и оптимизировать процессы.

Применение нейросетей расширяет горизонты развития технологий в области судебно-экспертной деятельности. Особенно привлекательными выглядят возможности оперативного получения новых доказательств, увеличения спектра решаемых диагностических и идентификационных задач при одновременном снижении затрат и ресурсов [25, с. 29–36]. Глубокие нейронные сети способны самообучаться и требуют гораздо больше разнообразных обучающих данных, но в отличие от описанные выше рекуррентных нейронных сетей, которые последовательно обрабатывают входные данные, трансформеры обрабатывают целые последовательности параллельно, что значительно сокращает время обучения. Архитектура нейронной сети трансформера позволяет использовать очень большие модели, часто с сотнями миллиардов параметров. Но нейросети обучаются на тех данных, которые ими получены и, если эти данные содержат предубеждения, нейросеть их воспроизводит, причем упорно настаивает на своем вопреки очевидному. Генеративная нейросеть не объясняет, почему приходит к определенным выводам, но возможны галлюцинации нейросети, когда она «видит» или «слышит» то, чего на самом деле нет, убедительно выдает за факты придуманную информацию, упрямо настаивая на своем *(Can we stop AI hallucinations? And do we even want to? https://www.freethink.com/robots-ai/ai-hallucinations (дата обращения: 23.02.2025))*.

Полагаем, что на данном этапе внедрения нейросетевых технологий в методики экспертного исследования следует использовать алгоритмы обучения с учителем (контролируемое обучение) – метод машинного обучения, использующий размеченные данные для классификации объектов или предсказания точных результатов. Модель сопоставляет входные параметры с ожидаемыми результатами, анализирует точность совпадений и постепенно совершенствуется. Возможны два типа обучения с учителем: классификация и регрессия. Классификация – это использование алгоритма для точной группировки тестовых данных по определенным классам. Например, метод опорных векторов, деревья решений или случайный лес. Регрессия – это использование алгоритма для предсказания результата из непрерывного числового диапазона. Представьте, что у вас есть данные о количестве проданных единиц огнестрельного оружия в различных регионах страны и статистические данные о числе преступлений, связанных с применением огнестрельного оружия, в этих же регионах. С помощью регрессионной модели можно исследовать зависимость между этими двумя переменными.

Таким образом, используя регрессионный анализ, можно попытаться выявить связь между продажей огнестрельного оружия и уровнем насилия в обществе, а также сделать выводы о возможных мерах регулирования оборота оружия. Например, имея данные о количестве проданных единиц огнестрельного оружия в данном регионе страны и статистические данные о числе уголовных дел, связанных с применением огнестрельного оружия в этом регионе, можно использовать регрессионную модель по определению числа назначаемых баллистических экспертиз.

Необходимо отметить, что поскольку судебно-экспертная деятельность – это сугубо практическая деятельность, и ее целями является получение доказательственной информации по уголовным, гражданским и административным делам, для использования нейронных сетей в судебной экспертологии начаты разработки методологических и технологических основ использования этого нового инструментария в экспертных исследованиях. Методологической основой использования нейросетевых алгоритмов машинного обучения в судебно-экспертные исследования является теория цифровизации судебно-экспертной деятельности в сочетании с учением об экспертном прогнозировании, поскольку для внедрения этих технологий необходимо учитывать возможные риски появления большого числа экспертных ошибок гносеологического и деятельностного характера.

Согласно учению судебной экспертологии об экспертном прогнозировании гносеологической основой прогноза служит философская категория причинности, а логической основой – экстраполяция знаний, то есть перенесение знания с одной предметной области на другую, еще не исследованную, область. Процесс экстраполяции использования нейросетевых алгоритмов в судебно-экспертной деятельности в целях прогнозирования, как нам представляется, включает:

11. исходные данные для прогнозирования, то есть знание о прошлом или настоящем объекта или процесса экспертного исследования, их связях с другими объектами или процессами, проявившихся в прошлом или проявляющихся в настоящем;

12. основание для прогнозирования, то есть знание о необходимых или вероятных направлениях развития объектов или процессов в будущем, выступающее в виде теоретической системы знаний о закономерностях такого развития при использовании нейросетевых экспертных технологий;

13. операции по прогнозированию, под которыми следует понимать процесс переноса знаний, являющихся основой для прогнозирования, об использовании нейросетей из других сфер деятельности, получение прогноза, т.е. вероятного вывода о будущем;

14. оценка прогноза с точки зрения как его достоверности, так и содержания, то есть той ситуации, которая может создаться в судебной экспертизе, если прогноз осуществится;

15. реализация прогноза, то есть формулирование системы рекомендаций, способствующих и обеспечивающих осуществление или неосуществление прогноза, в том числе преодоление негативных последствий применения нейросетевых алгоритмов в экспертной деятельности.

Для анализа модельных рисков – рисков возникновения нежелательных последствий из-за ошибок процессов разработки и применения нейросетевых алгоритмов, используемых в принятии экспертных решений, – полагаем путем экстраполяции использовать подходы, уже применяемые в науке и практике. Возможные источники модельного риска отображены на рис. 2.

Рассмотрим риски применительно к методологии судебной экспертизы и созданию методик экспертного исследования.

Первая группа источников модельного риска связана с экспертными данными, которые содержат информацию о признаках объектов исследования, которые, как известно, систематизируются по происхождению (собственные и приобретенные); по природе (закономерные и случайные); по времени, в течение которого признак присущ объекту (устойчивые, неустойчивые); по качественным или количественным выражениям свойств объекта; по наличию связи с другими признаками (зависимые, независимые); по числу объектов, обладающих данными признаками (родовые/групповые, индивидуализирующие); по значимости (существенные, несущественные); по значению в процессе познания (диагностические, идентификационные – могут отражать форму, размеры, материал объекта; его внешнее и внутреннее строение, состав, структуру, функции; присущие объекту свойства).

Эти данные отображаются в различных формах в зависимости от их природы и целей анализа: визуальная информация (фотографии, схемы, графики, диаграммы); качественные описания (методики, отчеты, статьи, протоколы измерений и т.д.); аудиозаписи и видеозаписи; справочники – базы данных (по свойствам, составу, структуре различных веществ и материалов); информация об отношениях между объектами в виде графов, сетей или других структурированных моделей и пр.

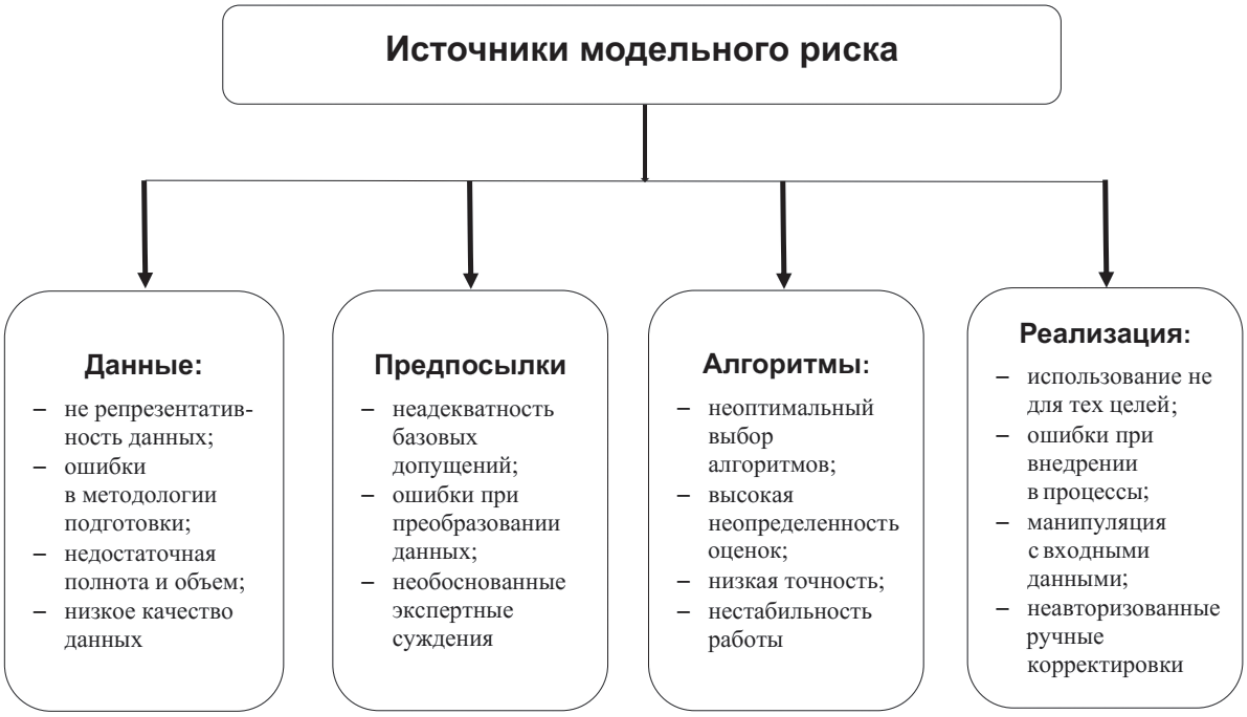


Рис. 2. *Источники модельного риска в судебно-экспертной деятельности*

Машинное обучение с учителем – это подход к обучению алгоритмов на основе размеченных данных. Имеется набор данных (объектов судебной экспертизы), для каждого объекта известно, к какому роду/виду он относится. Алгоритм изучает признаки и строит модель, которая позволяет определять род/вид нового объекта на основе его признаков.

Создание экспертных методик на основе нейросетей требует формирования набора данных – *датасетов* (Dataset), состоящих из собранных, размеченных и подготовленных данных (признаков), относящихся к различным родам/видам судебных экспертиз. Датасет используется для обучения, тренировки и тестирования моделей машинного обучения. Процесс формирования датасета включает сбор данных, за которым следует их разметка с использованием меток для выделения нужных признаков. Затем производится фильтрации данных для удаления аномалий, неполных данных или дубликатов для предотвращения переобучения модели. Завершением является проверка качества датасета, куда входит анализ сбалансированности и корректности разметок, прочих индикаторов.

Такой подход позволит избежать модельных рисков, связанных с нерепрезентативностью данных, их низким качеством, неполнотой и нарушениями методологии подготовки. Датасет с верифицированными данными готов к использованию в разработке экспертной методики и размещается в специальном *репозитории* данных об объектах родов судебных экспертиз.

Но, к сожалению, это пока теория, поскольку источники данных для судебно-экспертных датасетов весьма неоднородны, разобщены и противоречивы. К этим источникам относятся существующие экспертные методики, АИПС экспертно-криминалистических учетов органов внутренних дел, справочно-информационные фонды (СИФ) [26, с. 300–306], которые формируются и ведутся в государственных судебно-экспертных учреждениях Минюста России и, как правило, являются АИПС *(приказ МВД России от 10 февраля 2006 г. № 70 (в действующей ред.) «Об организации использования экспертно-криминалистических учетов органов внутренних дел Российской Федерации» (вместе с «Инструкцией по организации формирования, ведения и использования экспертно-криминалистических учетов органов внутренних дел Российской Федерации», «Правилами ведения экспертно-криминалистических учетов в органах внутренних дел Российской Федерации») // СПС «КонсультантПлюс»).* Источниками может служить и многочисленная научная литература по судебной экспертологии.

Основная проблема использования этих данных заключается в их разобщенности, поскольку они находятся в ведении различных ведомств, занимающихся судебной экспертизой. Данные недостаточно систематизированы и нередко не включают актуальной информации о современных объектах и методах исследования. Ведомственные экспертные методики порой противоречат друг другу. Новые подходы к экспертизе освещаются

преимущественно в специализированных изданиях, что ограничивает возможность ознакомления с ними. Кроме того, учитывая связь этих методик с анализом вещественных доказательств по уголовным делам, доступ к ним также ограничен.

Очевидно, что создание единых датасетов и репозиториев по родам и видам экспертиз пока затруднено, поскольку требует разработки методологии в соответствии с положениями теории цифровизации судебно-экспертной деятельности, а также согласования и унификации методических подходов различных ведомств к исследованию объектов судебных экспертиз.

Полагаем, что работу по созданию датасетов тем не менее необходимо начинать силами как государственных судебно-экспертных учреждений, так и кафедр судебной экспертизы вузов, потому что бесконтрольной процесс внедрения нейросетей в производство экспертиз негосударственными судебно-экспертными организациями и частными судебными экспертами уже начался. При этом возникают серьезные риски, связанные с невозможностью проверки обоснованности выводов, поскольку правоприменители, как показывает практика, нередко доверяют экспертным заключениям, которые основаны на математических расчетах и в которых присутствует «модная» современная околонаучная терминология. Бесконтрольное и несогласованное использование технологий искусственного интеллекта в судебно-экспертной деятельности может породить множество неправосудных приговоров и решений судов.

Модельные риски, связанные с ошибками при преобразовании данных, необоснованными экспертными суждениями, неадекватностью допущений можно предотвратить путем изменения компетенций судебных экспертов и других специалистов, привлекаемых к созданию экспертных методик по новой методологии.

Прежде всего отметим, что нейросетевые алгоритмы, используемые в судебно-экспертной деятельности, должны стать частью экспертных методик, которые проходят стадии апробации, валидации и стандартизации согласно существующим требованиям к любым традиционным методикам судебной экспертизы. Только в этом случае у правоприменителя не будут возникать сомнения в достоверности экспертных выводов, связанных с ошибками алгоритмов искусственного интеллекта или предвзятостью нейросетей.

Рассмотрим подробнее компетенции разработчиков экспертных методик на основе нейросетей обучения с учителем. Особо следует подчеркнуть, что компетенция разработчика методики отличается от компетенции эксперта-практика, использующего утвержденную методику, хотя, безусловно, поскольку объектами исследования являются вещественные доказательства, типовые методики всегда содержат эвристический компонент.

Готовить данные для датасетов должны, как и в других отраслях науки аналитики данных (Data Analyst), – опытные судебные эксперты, имеющие широкий кругозор и высокий уровень компетенции в данном роде (виде) судебной экспертизы (свойства и признаки объектов, методики и методические подходы экспертных исследований и пр.), прошедшие профессиональную переподготовку по математике, теории вероятностей и математической статистике, овладевшие в основном Python и SQL *(Python – высокоуровневый язык программирования, отличающийся эффективностью, простотой и универсальностью использования, широко применяется в машинном обучении и обработке больших данных; SQL Structured Query Language – структурированный язык запросов, созданный для получения из базы данных необходимой информации)*.

Выбор алгоритмов, обеспечение точности, стабильности работы, определенность оценок обеспечиваются специалистом новой компетенции в судебно-экспертной деятельности – инженером экспертных данных (Data Engineer). Его функции заключаются в выборе модели структурировании, анализе и тестировании данных в хранилище, контроле целостности и качества данных. Инженер экспертных данных – специалист в области современных технологий в области обработки данных и машинного обучения, должен разбираться в судебно-экспертных технологиях и знать теоретические и прикладные основы экспертологии.

Преодоление модельных рисков, связанных с процессами непосредственного обучения модели на экспертных данных, оценкой ее эффективности, выявления причин падения качества, переобучения алгоритма обеспечивает инженер машинного обучения (Machine Learning Engineer). Это специалист в области IT-технологий, обладающий знаниями алгоритмов машинного обучения, математической статистики, теории вероятности, с опытом разработки программного обеспечения и обработки данных.

Компетенции судебных экспертов-практиков в условиях цифровизации судебной экспертизы существенно меняются. Это касается как системы высшего образования в рамках специальности 40.05.03 «Судебная экспертиза», так и системы профессиональной переподготовки судебных экспертов. Судебные эксперты, исследующие цифровые следы, независимо от рода (вида) экспертизы

должны владеть современными компьютерными технологиями. Производство целого ряда родов (видов) экспертиз уже требует от эксперта ряда компетенций в области IT-технологий (фоноскопической, видеотехнической, фототехнической, портретной экспертизы и др.) для случаев, когда объекты в цифровом виде поступают на исследование на отдельных носителях информации компьютерной информации. Если цифровые следы находятся непосредственно в компьютерных системах (серверах), для их извлечения необходимы специальные знания в области судебной компьютерно-технической экспертизы, роль которой существенно возрастает.

2. Второе ключевое направление судебной экспертологии, связанное с развитием правового и организационного обеспечения судебно-экспертной деятельности, нацелено в настоящее время на:

16. разработку правовой основы, организационной структуры и функций деятельности негосударственных судебно-экспертных организаций, полномочий и ответственности их руководителей;

17. совершенствование правового и профессионального статусов эксперта и специалиста как субъектов правоприменительной деятельности;

18. совершенствование профессиональной подготовки и переподготовки судебного эксперта с учетом новых компетенций в судебной экспертологии;

19. разработка и внедрение профессионального стандарта судебного эксперта, которая уже начата рабочей группой специалистов.

Первые две позиции особенно актуальны и связаны с принятием нового федерального закона «О судебно-экспертной деятельности» *(проект ФЗ № 306504-6 «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», внесенный Правительством РФ, принятый Государственной Думой в первом чтении 20 ноября 2013 г.)*, который давно должен был прийти на смену действующему ныне Федеральному закону от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ», так как с момента принятия № 73-ФЗ ситуация в стране существенно изменилась. В разных регионах России были созданы десятки организаций с разной организационно-правовой структурой, где в числе прочих видов деятельности значится производство судебных экспертиз. Причинами развития и коммерциализации этой сферы является резкий рост числа судебных экспертиз по гражданским, административным и уголовным делам, назначаемый в связи с развитием судопроизводства. Поэтому государственные судебно-экспертные учреждения (СЭУ) не могут уже обеспечить их выполнение. Тем более, что зачастую эти виды экспертиз вообще не проводятся в государственных СЭУ. Даже если экспертизу можно провести в государственном учреждении, специалисты могут быть там сильно перегружены, тогда как дело требует срочного решения либо участники процесса настаивают на производстве экспертизы в конкретном негосударственном СЭУ, где трудятся признанные профессионалы, или у сторон возникают сомнения в беспристрастности или объективности сотрудников определенного государственного СЭУ или государственных экспертов в целом [27, с. 38–49].

Многочисленные проекты внесения поправок с 2015 по 2024 г., обсуждения на самых различных площадках пока ни к чему не привели. Более того, в результате основанные на судебной экспертологии дефиниции из статей этого закона исчезли. Вся многолетняя работа целого ряда известных ученых, входивших в рабочую группу, практически уничтожена. В последнем тексте поправок к проекту, далеко не однозначном с позиций судебной экспертологии, УК РФ, УПК РФ, ГПК РФ и АПК РФ и КАС РФ, ни одна статья не совпадает с проектом ФЗ № 306504-6.

На основании экспертологического подхода к правовому и организационному обеспечению судебно-экспертной деятельности, а также руководствуясь теориями экспертного прогнозирования и профилактики, полагаем, что проект ФЗ № 306504-6 необходимо отозвать из Государственной Думы Федерального Собрания РФ, поскольку он уже сильно устарел и не отвечает реалиям современного судопроизводства. За прошедшие годы в законодательство Российской Федерации внесены многочисленные изменения, например завершена давняя дискуссия и разрешено назначение и производство судебных экспертиз до возбуждения уголовного дела (ч. 4 ст. 195 УПК РФ); вступил в действие КАС РФ *(Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ (ред. от 28 декабря 2024 г.) // СПС «КонсультантПлюс»)*, принят ряд постановлений Пленумов Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда *(постановление Пленума ВАС РФ от 4 апреля 2014 г. № 23 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами законодательства об экспертизе»; постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2021 г. № 22 «О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам» // СПС «КонсультантПлюс»)*; появились распоряжения Правительства РФ, связанные с запретом про-

изводства ряда родов судебных экспертиз в негосударственных экспертных учреждениях *(распоряжение Правительства РФ от 16 ноября 2021 г. № 3214-р (ред. от 31 октября 2023 г.) «О Перечне видов судебных экспертиз, проводимых исключительно государственными судебно-экспертными организациями» (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 июля 2024 г.) // СПС «КонсультантПлюс»)* и пр. В связи с интеграцией и дифференциацией научного знания, а особенно с глобальной цифровизацией за последние 25 лет произошли существенные изменения в объектах судебных экспертиз (цифровые следы) и механизмах следообразования, возникли новые роды и виды судебных экспертиз, существенно изменились методики экспертного исследования.

По нашему мнению, следует создать из видных ученых в области судебной экспертологии и практиков рабочую группу по разработке нового проекта закона. На время его создания для оптимизации негосударственной экспертной деятельности внести в Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ (ред. от 1 июля 2021 г.) «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ» новые статьи:

«Статья 11^1. Негосударственная судебно-экспертная организациями (учреждение) – некоммерческая организация, созданная в соответствии с законодательством Российской Федерации, к основным видам деятельности которой относится судебно-экспертная деятельность, осуществляемая в соответствии с установленными требованиями к производству судебной экспертизы.

Статья 15^1. Руководитель негосударственной судебно-экспертной организации – лицо, осуществляющее руководство текущей деятельностью негосударственной судебно-экспертной организации в соответствии с учредительными документами такой организации. Руководителем судебно-экспертной организации может быть гражданин Российской Федерации, имеющий высшее образование в области судебной экспертизы либо имеющий иное высшее образование и дополнительное профессиональное образование в области судебной экспертизы. Руководителем судебно-экспертной организации не может быть лицо, признанное в установленном порядке недееспособным или ограниченно дееспособными, а также лицо, имеющее непогашенную или неснятую судимость» *(данная редакция основана на статьях проекта ФЗ № 306504-6)*.

Редакция ч. 2 ст. 41 ФЗ № 73-ФЗ (Распространение действия настоящего Федерального закона на судебно-экспертную деятельность лиц, не являющихся государственными судебными экспертами).

На судебно-экспертную деятельность лиц, указанных в ч. 1 настоящей статьи, распространяется действие ст. 2, 3, 4, 6–8, 11^1 *(негосударственная судебно-экспертная организация),* 14 *(обязанности руководителя СЭУ),* 15 *(права руководителя СЭУ)*, 15^1 *(руководитель негосударственной судебно-экспертной организации)*, 16 и 17, ч. 2 ст. 18, ст. 24 и 25 настоящего Федерального закона.

Компетенции судебных экспертов в условиях цифровизации судебной экспертизы существенно меняются. Это касается как системы высшего образования в рамках специальности 40.05.03 «Судебная экспертиза», так и системы профессиональной переподготовки судебных экспертов. Судебные эксперты, исследующие цифровые следы, независимо от рода (вида) экспертизы должны владеть современными компьютерными технологиями.

3. В настоящее время развитие судебной экспертологии сделало ее обосновывающим знанием для различных экспертиз.

На базе судебной экспертологии разработана и развивается частная теория судебно-нормативных экспертиз, где произошло разграничение между судебно-нормативными и правовыми (юридическими) экспертизами [28, с. 149–152].

Концепция судебно-нормативных экспертиз была разработана на основе общей теории судебной экспертологии и обосновывает использование при производстве судебных экспертиз юридических знаний, относящихся к специальным, исключив вопросы, касающиеся оценки действий отдельных лиц, и вопросы экспертам, которые не требуют специальных знаний для своего решения. В соответствии с этой концепцией внутри многих существующих родов (видов) судебных экспертиз сформированы виды (подвиды), которые именуются судебно-нормативными. Их предметом являются фактические данные (обстоятельства дела), устанавливаемые в уголовном, гражданском, административном судопроизводстве путем исследования с использованием специальных знаний нормативных и нормативно-технических актов. В качестве примеров можно привести нормативные пожарно-технические [29, с. 86–89], нормативные автотехнические, нормативно-налоговые, нормативно-экологические, нормативно-землеустроительные, нормативные строительно-технические экспертизы, нормативные экономические [30, с. 139–142] и др.

Другим направлением является совершенствование на основе судебной экспертологии норма-

тивного регулирования экспертизы и иных правовых институтов, связанных с использованием специальных знаний в различных видах юрисдикционной деятельности, в том числе при осуществлении унификации использования специальных знаний в законодательстве государств – членов ЕАЭС. Как указывает О. Г. Дьяконова: «Судебная экспертология выступает обосновывающим знанием для нормативного регулирования и реализации правовых институтов судебной экспертизы, участия специалиста, а также экспертизы в иных видах юрисдикционной деятельности и других правовых институтов, связанных с использованием специальных знаний в различных видах юрисдикционной деятельности» [31]. Она справедливо отмечает, что положения, выработанные судебной экспертологией, выступают научной основой при осуществлении унификации межотраслевых правовых институтов, входящих в состав макроинститута использования специальных знаний в законодательстве государств – членов ЕАЭС [32]. Это направление в настоящее время активно развивается не только в России, но и в Республике Беларусь, Республике Казахстан и др. [33, 34].

На научной основе судебной экспертологии уже 15 лет происходит развитие и совершенствование методологии и правового регулирования антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов [35, с. 3–14], которая дает единый подход к экспертным исследованиям, позволяет сформулировать предмет и задачи новых классов и родов экспертиз. Предметом антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов являются фактические данные (положения нормативного акта или проекта), указывающие на возможность создания условий для проявления коррупции и выявляемые с использованием специальных знаний.

Необходимо отметить, что специальные знания, применяемые при проведении антикоррупционных экспертиз, включают не только знания из разных отраслей права, но и другие – естественнонаучные, технические и гуманитарные, поскольку коррупциогенные факторы могут присутствовать не только в нормативных правовых актах, но и в нормативно-технических документах, содержащих серьезные естественно-технические элементы, такие как требования пожарной безопасности, дорожного движения, экологии и прочее.

Руководствуясь общей теорией судебной экспертологии, полагаем, что по аналогии с судебными экспертизами, поскольку круг специальных знаний, необходимый для производства антикоррупционных экспертиз нормативных актов и их проектов, весьма широк, развитие антикоррупционных экспертиз должно идти по направлению подразделения их на роды и виды в зависимости от специальных знаний и специфики объектов исследования.

Согласно ст. 3 ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» *(Федеральный закон от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ (ред. от 30 сентября 2024 г.) «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» // СПС «КонсультантПлюс»)* антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов (проектов нормативных правовых актов) проводится: прокуратурой РФ; федеральным органом исполнительной власти в области юстиции; органами, организациями, их должностными лицами, т.е. юристами, не имеющими, как правило, экспертной подготовки.

Из судебной экспертологии следует, что круг специальных знаний определяет и компетенцию эксперта антикоррупционной экспертизы. Практика показывает, что даже когда экспертизы нормативных правовых актов и их проектов на коррупциогенность производятся подобным образом, успех достигается далеко не всегда. Причина часто не в недостаточной компетентности юристов, а в том, что во многих случаях необходимо провести исследование, основанное на специальных знаниях, то есть воспользоваться подходами, разработанными в судебной экспертологии, владеть технологиями экспертного исследования, обладать специфической экспертной подготовкой, экспертным мышлением. Причем для разрешения вопросов экспертизы необходимо применить целый ряд частнонаучных методов, таких как, например, моделирование, логико-семантические и логико-структурные методы анализа, структурно-функциональный анализ, метод сравнительно-правового анализа, конкретно-социологические методы, ситуационный анализ, метод экспертного прогнозирования, метод экспертных оценок и др.

Среди специальных знаний особо следует выделить лингвистические и экономические знания, поскольку важными коррупциогенными факторами являются наличие юридико-лингвистической и юридико-экономической неопределенности: возможности различных толкований, неоднозначности терминологии, оценочных суждений. Для каждого вида антикоррупционных экспертиз необходимо свое методическое обеспечение, а затем и экспертные методики: родовые (общие для данного рода, например методика юридико-лингви-

стической антикоррупционной экспертизы), типовые (методика решения типовых экспертных задач экспертизы данного рода) и конкретные (методика данного экспертного исследования). Методика как система предписаний (категорических или альтернативных), регламентирующих выбор и порядок применения в определенной последовательности и в определенных (существующих или создаваемых) условиях методов выявления коррупциогенных факторов, отсутствует [36, с. 49–55], хотя такая методика должна быть не только апробирована, но и общедоступна и воспроизводима.

Развитию антикоррупционной экспертизы с опорой на судебную экспертологию существенным образом способствует практика производства судебно-нормативных экспертиз, когда в задачу эксперта входит установление фактов нарушений норм и правил (например, правил пожарной безопасности, строительных норм и правил, стандартов бухгалтерского учета и др.). При этом могут быть выявлены и коррупциогенные факторы.

В общую теорию судебной экспертологии входит учение об экспертной профилактике, на основании которого разработаны конкретные профилактические механизмы, если, например, в ходе экспертизы вне связи с расследуемым делом выявлены дефекты оборудования, могущие привести к аварии, или нарушения технологии, влияющие на качество продукции. Если же выявляются коррупциогенные факторы в нормативных правовых актах, механизм экспертной профилактики отсутствует, хотя и должен быть предусмотрен [37].

К сожалению, многочисленные публикации по данной проблеме пока не привели к каким-либо существенным практическим результатам, хотя многими учеными поддерживается идея разработки методологии и правового регулирования антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов на базе судебной экспертологии.

Полагаем, что сдвинуть с мертвой точки решение данной проблемы позволит разработка новой частной теории антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов в рамках судебной экспертологии посредством формулирования предмета, объекта, задач, системы указанной теории, понятийно-терминологического аппарата и пр. Основные аспекты теории могут затем найти свое отражение в проекте нового федерального закона «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов в Российской Федерации», направленного на совершенствование нормативного регулирования деятельности по осуществлению антикоррупционной экспертизы.

На основе данной теории можно будет формировать методическое обеспечения антикоррупционной экспертизы, практическим выражением которого будет выступать методика антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, а также научно-методического (дидактического) подхода к подготовке (обучению, переподготовке, повышению квалификации) экспертов антикоррупционной экспертизы и формированию их компетентности. Таким образом, для развития антикоррупционной экспертизы на основе методологии судебной экспертологии необходимо:

20. разработать современную классификацию родов (видов) антикоррупционных экспертиз нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов на основе учения современной экспертологии о классификации родов судебных экспертиз, типизации их задач;

21. выработать на основе учения о методах судебно-экспертной деятельности единый научно-методический подход к производству антикоррупционных экспертиз нормативных актов и проектов нормативных правовых актов;

22. оптимизировать и формализовать частные методики антикоррупционных экспертиз по отдельным юридическим направлениям с минимизацией субъективной оценки эксперта, что само по себе коррупционно не защищено;

23. на основании учения судебной экспертологии о правовом статусе и компетенции эксперта разработать требования к квалификации и уровню профессиональной подготовки экспертов антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов в соответствии с ее родом и видом.

Литература

1. *Корухов Ю. Г.* Формирование общей теории судебной экспертизы. Материал для Ученого совета. М.: ВНИИСЭ, 1989.

2. *Алиев И. А., Аверьянова Т. В.* Концептуальные основы общей теории судебной экспертизы. Баку, 1991. 186 с.

3. *Бычкова С. Ф.* Становление и развитие науки о судебной экспертизе. Алматы, 1994.

4. Основы судебной экспертизы. *Часть I.* Курс общей теории. / отв. ред. Ю. Г. Корухов. М.: РФЦСЭ при Минюсте России, 1997.

5. *Винберг А. И., Малаховская Н. Т.* Судебная экспертология (общетеоретические и методологические проблемы судебных экспертиз). Волгоград, 1979. 182 с.

6. *Аверьянова Т. В.* Судебная экспертиза. Курс общей теории. М.: Норма, 2006. 480 с.

7. *Россинская Е. Р.* От общей теории судебной экспертизы к судебной экспертологии // Правовые свободы и правовые ограничения. Материалы Всероссийской межвузовской научно-практической конференции. М., РГГУ, 2001. С. 26–37.

8. *Волчецкая Т. С.* Основы судебной экспертологии. Калининград, 2004. 195 с.

9. *Сегай М. Я.* Судебная экспертология: объект, предмет, природа и система науки // Теория и практика судебной экспертизы и криминалистики. Вып. 3. ХНИИСЭ, 2003.

10. *Россинская Е. Р.* Современные представления о предмете и системе судебной экспертологии // Lex Russica. 2013. № 4. С. 421–428.

11. *Россинская Е. Р., Галяшина Е. И., Зинин А. М.* Теория судебной экспертизы (судебная экспертология). Учебник. 2-е изд., перераб и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2016. 368 с.

12. *Elena R. Rossinskaya*. Forensic expertology: genesis, subject, system, functions and trends of development // Research reports of the 12th Conference “Criminalistics and Forensic Expertology”, supported by the Ministry of science and higher education of Poland 28–30 of September 2016. Warsaw, 2016. P. 32–47.

13. *Elena R. Rossinskaya*. The concept of a private theory digitalization of forensic activities: subject, objects, methodology // Research reports of the XVth International Congress Criminalistics and Forensic Expertology: Science, Studies, Practice. September 19–21, Kaunas, Lithuania, 2019. P. 224–237.

14. *Россинская Е. Р.* Концепция частной теории цифровизации судебно-экспертной деятельности // Вестник экономической безопасности. 2022. № 5. С. 173–176.

15. *Россинская Е. Р.* Система теории цифровизации судебно-экспертной деятельности // Теория и практика судебной экспертизы, 2024. Т. 19. № 3. С. 20–32.

16. *Саркисян А. А.* Цифровизация судебно-экспертной деятельности. Учебное пособие для вузов. М.: Юрайт, 2025. 138 с.

17. Теория информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности. Монография / под ред. Е. Р. Россинской. М.: Проспект, 2022. 256 с.

18. *Багмет А. М., Бычков В. В., Скобелин С. Ю., Ильин Н. Н.* Цифровые следы преступлений: монография. М.: Проспект. 2021. 168 с.

19. Цифровая криминалистика: учебник для вузов / под ред. В. Б. Вехова, С. В. Зуева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2024. 490 с.

20. *Майлис Н. П.* О компетенции судебного эксперта в современных условиях научно-технического прогресса // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 7. С. 133–136.

21. *Бахтеев Д. В.* Особенности распознавания подлога подписи человеком как первичные критерии для разработки системы искусственного интеллекта // Сибирское юридическое обозрение. 2020. № 17 (4). С. 514–522.

22. *Федоренко В. А., Сорокина К. О., Гиверц П. В.* Классификация изображений следов бойков по экземплярам оружия с помощью полносвязной нейронной сети // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право, 2022. Т. 22, вып. 2. С. 184–190.

23. *Minseok Yoon, Seung-Hun Nam, In-Jae Yu, Wonhyuk Ahn, Myung-Joon Kwon, Heung-Kyu Lee.* Framerate up-conversion detection based on convolutional neural network for learning spatiotemporal features // Forensic Science International, Volume 340, November 2022, 111442.

24. *Samuel Henrique Silva, Mazal Bethany, Alexis Megan Votto, Ian Henry Scarff, Nicole Beebe, Peyman Najafirad*. Deepfake forensics analysis: An explainable hierarchical ensemble of weakly supervised models // Forensic Science International: Synergy, Volume 4, 2022, 100217.

25. *Кокин А. В.* Судебная экспертиза в эпоху четвертой индустриальной революции (Индустрии 4.0) // Теория и практика судебной экспертизы. 2021. Т. 16. № 2. С. 29–36.

26. *Россинская Е. Р.* Криминалистика. Учебник. М., Норма, 2025. 608 с.

27. *Корухов Ю. Г., Киселев С. Е., Россинская Е. Р., Гречуха Н. М.* Проблемы негосударственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 12. С. 38–49.

28. *Россинская Е. Р.* Концепция судебно-нормативных экспертиз как основа использования специальных юридических знаний в судебно-экспертной деятельности // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2015. № 2. С. 149–152.

29. *Шамаев Г. П.* Перспективы судебно-нормативной пожарно-технической экспертизы в свете технического регламента о требованиях пожарной безопасности // Законы России: опыт, анализ, практика. 2009. № 9. С. 86–89.

30. *Климович Л. П.* Объем специальных знаний судебного эксперта-экономиста и судебно-нормативные экспертизы // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в сибирском регионе. Сборник материалов XII Международной научно-практической конференции. Часть 3. Красноярск. 2009. С. 139–142.

31. *Дьяконова О. Г.* Специальные знания в судебной и иной юрисдикционной деятельности государств – членов ЕАЭС: теория и практика: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.12 / Университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА). М., 2021. 47 с.

32. *Дьяконова О. Г.* Формы использования специальных знаний в законодательстве стран – участниц ЕАЭС. Монография. М.: Проспект, 2019. 558 с.

33. *Швед А. И.* Судебная экспертиза: пособие для студентов учреждений высшего образования по специальности «Правоведение» Минск: Форум, 2022. 294 с.

34. *Шакиров К. Н.* Судебная экспертология: проблемы и решения (от теории – к практике). Алматы, Казак университеті, 2016. 291 с.

35. *Россинская Е. Р.* Правовые и методологические проблемы антикоррупционной экспертизы // Антикоррупционная экспертиза нормативно-правовых актов и их проектов. М., Проспект, 2010. С. 3–14.

36. *Дьяконова О. Г.* Компетентность эксперта антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: экспертологический подход // Криминологический журнал. 2024. № 1. С. 49–55.

37. *Россинская Е. Р., Галяшина Е. И., Подкатилина М. Л.* Антикоррупционная экспертиза нормативных актов и проектов нормативных правовых актов (в аспекте современной экспертологии). Учебное пособие / под ред. Е. Р. Россинской. М.: Проспект, 2014. 224 с.

References

1. *Korukhov Yu. G.* Formirovanie obshchei teorii sudebnoi ekspertizy. Material dlia Uchionogo Sovet [Formation of the General Theory of Forensic Examination. Materials for the Academic Council]. Moscow, VNIISE Publ., 1989. Moscow, VNIISE Publ., 1989. (In Russian)

2. *Aliev I. A., Averyanova T. V.* Kontseptual'nye osnovy obshchei teorii sudebnoi ekspertizy [Conceptual Foundations of the General Theory of Forensic Examination]. Baku, 1991. 186 s. (In Russian)

3. *Bychkova S. F.* Stanovlenie i razvitie nauki o sudebnoi ekspertize [Emergence and Development of the Science of Forensic Examination]. Almaty, 1994. (In Russian)

4. Osnovy sudebnoi ekspertizy. Chast' I. Kurs obshchei teorii. Responsible editor [Foundations of Forensic Examination. *Part I.* Course of General Theory]. Moscow, RFCSIE Publ., 1997. (In Russian)

5. *Vinberg A. I., Malakhovskaia N. T.* Sudebnaia ekspertologiia (obshchetoreticheskie i metodologicheskie problemy sudebnykh ekspertiz). [Judicial Expertology (General-Theoretical and Methodological Problems of Judicial Examinations] Volgograd, 1979. 182 s. (Volgograd, 1979. 182 pages). (In Russian)

6. *Averyanova T. V.* Sudebnaia ekspertiza. Kurs obshchei teorii [Forensic Examination. Course of General Theory]. Moscow, Norma Publ., 2006. 480 s. (In Russian)

7. *Rosinskaia E. R.* Ot obshchei teorii sudebnoi ekspertizy k sudebnoi ekspertologii [From the General Theory of Forensic Examination to Judicial Expertology] // In *Pravovye svobody i pravovye ogranicheniya. Materialy Vserossiiskoi mezhevuzovskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii [Legal Freedoms and Legal Restrictions. Proceedings of the All-Russian Intercollegiate Scientific-Practical Conference].* Moscow, RGGU Publ., 2001. S. 26–37. (In Russian)

8. *Volchetskaia T. S.* Osnovy sudebnoi ekspertologii [Fundamentals of Judicial Expertology]. Kaliningrad, 2004. 195 s. (In Russian).

9. *Segai M. Ya.* Sudebnaia ekspertologiia: predmet, predmet, priroda i sistema nauki [Judicial Expertology: Object, Subject, Nature and Structure of Science] // In *Teoriia i praktika sudebnoi ekspertizy i kriminalistiki* [*Theory and Practice of Forensic Examinations and Criminology*]. Vyp. 3. KhNISE Publ., 2003. (In Russian)

10. *Rosinskaia E. R.* Sovremennye predstavleniia o predmete i sisteme sudebnoi ekspertologii [Modern Views on the Subject and System of Judicial Expertology] // In *Lex Russica [Lex Russica]*, 2013, № 4. S. 421–428. (In Russian)

11. *Rosinskaia E. R., Galishchina E. I., Zinin A. M.* Teoriia sudebnoi ekspertizy (sudebnaia ekspertologiia) [Theory of Forensic Examination (Judicial Expertology)]. Textbook. Second edition, revised and supplemented. Moscow, Norma: INFRA-M Publ., 2016. 368 s. (In Russian)

12. *Elena R. Rossinskaya*. Forensic expertology: genesis, subject, system, functions and trends of development [Forensic expertology: genesis, subject, system, functions and trends of development] // Research reports of the 12th Conference "Criminalistics and Forensic Expertology", supported by the Ministry of Science and Higher Education of Poland, Sept. 28–30, 2016. Warsaw, 2016. S. 32–47. (English source)

13. *Elena R. Rossinskaya*. The concept of a private theory digitalization of forensic activities: subject, objects, methodology [The concept of a private theory digitalization of forensic activities: subject, objects, methodology] // Research reports of the XVth International Congress Criminalistics and Forensic Expertology: Science, Studies, Practice, Sept. 19–21, 2019. Kaunas, Lithuania, 2019. S. 224–237. (English source)

14. *Rosinskaia E. R.* Kontseptsiia chastnoi teorii tsifrovizatsii sudebno-ekspertnoi deiatelnosti [The Concept of Private Theory of Digitalization of Forensic Activity] // In *Vestnik ekonomicheskoi bezopasnosti [Bulletin of Economic Security]*. 2022. No 5. S. 173–176. (In Russian)

15. *Rosinskaia E. R.* Sistema teorii tsifrovizatsii sudebno-ekspertnoi deiatelnosti [System of Theory of Digitalization of Forensic Activity] // In *Teoriia i praktika sudebnoi ekspertizy [Theory and Practice of Forensic Examination]*. 2024. T. 19. No 3. S. 20–32. (In Russian)

16. *Sarkisian A. A.* Tsifrovizatsiia sudebno-ekspertnoi deiatelnosti. Uchebnoe posobie dlia vuzov [Theory of Informational and Computer Support of Criminological Activity]. Moscow, Iurait Publ., 2025. 138 s. (In Russian)

17. Teoriia informatsionno-komp'iuternogo obespecheniia kriminalisticheskoi deiatelnosti [Theory of Informational and Computer Support of Criminological Activity]. Monografiia. Ed. E. R. Rosinskaja. Moscow, Prospekt Publ., 2022. 256 p. (In Russian)

18. *Bagmet A. M., Bychkov V. V., Skobel'in S. Yu., Il'in N. N.* Tsifrovye slepy prestuplenii: monografiia [Digital Traces of Crimes: Monograph]. Moscow, Prospekt Publ., 2021. 168 s. (In Russian)

19. Tsifrovaia kriminalistika: uchebnik dlia vuzov [Digital Criminology: Textbook for Universities]. Ed. V. B. Vehova, S. V. Zuieva. 2nd ed., rev. and add. Moscow, Iurait Publ., 2024. 490 s. (In Russian)

20. *Mailis N. P.* O kompetentsii sudebnogo eksperta v sovremennykh usloviiakh nauchno-tekhnicheskogo progressa [On the Competence of a Forensic Expert in Modern Conditions of Scientific and Technological Progress] // In *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii [Bulletin of Moscow University of the Interior Ministry of Russia]*, 2023, № 7, s. 133–136. (In Russian)

21. *Bakhteev D. V.* Osobennosti raspoznavaniia podloga podpisi chelovekom kak pervichnye kriterii dlia razrabotki sistemy iskusstvennogo intellekta [Features of Human Recognition of Signature Forgery as Initial Criteria for Artificial Intelligence System Development] // In *Sibirskoe iuridicheskoe obozrenie [Siberian Legal Review]*, 2020, № 17 (4), s. 514–522. (In Russian)

22. *Fedorenko V. A., Sorokina K. O., Giverts P. V.* Klassifikatsiia izobrazhenii sledov boikov po ekzempliram oruzhiia s pomoshchiu polnosviaznoi neironnoi seti [Classification of Barrel Marks Based on Weapon Samples Using a Fully Connected Neural Network] // In *Izvestiia Saratovskogo universiteta. Novaia seriia. Seriia: Ekonomika. Upravlenie. Pravo [News of Saratov University. New Series. Series: Economics. Management. Law*], 2022, vol. 22, iss. 2, s. 184–190. (In Russian)

23. *Minseok Yoon, Seung-Hun Nam, In-Jae Yu, Wonhyuk Ahn, Myung-Joon Kwon, Heung-Kyu Lee.* Framerate up-conversion detection based on convolutional neural network for learning spatiotemporal features // Forensic Science International, Volume 340, November 2022, 111442. (English Article)

24. *Samuel Henrique Silva, Mazal Bethany, Alexis Megan Votto, Ian Henry Scarff, Nicole Beebe, Peyman Najafirad.* Deepfake forensics analysis: An explainable hierarchical ensemble of weakly supervised models // Forensic Science International: Synergy, Volume 4, 2022, 100217. (English Article)

25. *Kokin A. V.* Sudebnaia ekspertiza v epokhu chetvertoi industrial'noi revoliutsii (Industrii 4.0) [Forensic Examination in the Era of Fourth Industrial Revolution (Industry 4.0)] // In *Teoriia i praktika sudebnoi ekspertizy [Theory and Practice of Forensic Examination]*, 2021, vol. 16, iss. 2, s. 29–36.

26. *Rosinskaia E. R.* Kriminalistika [Criminology]. Textbook. Moscow, Norma Publ., 2025. 608 s.

27. *Korukhov Yu. G., Kiselev S. E., Rosinskaia E. R., Grechuha N. M.* Problemy negosudarstvennoi sudebno-ekspertnoi deiatelnosti v Rossiiskoi Federatsii [Problems of Non-Governmental Forensic Activity in the Russian Federation] // In *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika [Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice],* 2011, № 12, s. 38–49.

28. *Rosinskaia E. R.* Kontseptsiia sudebno-normativnykh ekspertiz kak osnova ispol'zovaniia spetsial'nykh iuridicheskikh znanii v sudebno-ekspertnoi deiatelnosti [Concept of Judicial-Normative Examinations as Basis for Utilizing Specialized Legal Knowledge in Forensic Work] // In *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo [Bulletin of Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky],* 2015, № 2, s. 149–152.

29. *Shamaev G. P.* Perspektivy sudebno-normativnoi pozharnotekhnicheskoi ekspertizy v svete tekhnicheskogo reglamenta o trebovaniiakh pozharnoi bezopasnosti [Prospects of Judicial-Normative Fire-Safety Examinations Considering Technical Regulations on Fire Safety] // In *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika [Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice]*, 2009, № 9, s. 86–89.

30. *Klimovich L. P.* Ob"em spetsial'nykh znanii sudebnogo eksperta-ekonomista i sudebno-normativnye ekspertizy [Scope of Specialized Knowledge of Forensic Economist and Judicial-Normative Examinations] // In *Aktual'nye problemy bor'by s prestupnost'iui v sibirs-kom regione: sbornik materialov XII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Chast' 3 [Actual Issues of Crime Fighting in the Siberian Region: Proceedings of the XII International Scientific-Practical Conference. Part 3].* Krasnojarsk, 2009, s. 139–142.

31. *Diakonova O. G.* Spetsial'nye znania v sudebnoi i inoi iuridicheskoi yurisdiktsionnoi deiatelnosti gosudarstv-chlenov EAES: teoriia i praktika: avtoref. dis. ... d-ra iurid. nauk: 12.00.12 / Universitet imeni O. E. Kutafina (MGIA) [Specialized Knowledge in Judicial and Other Legal Activities of EAEU Member States: Theory and Practice. Author's Abstract of Doctoral Dissertation in Jurisprudence, MGIA Univ., Moscow, 2021]. Moscow, 2021. 47 s.

32. *Diakonova O. G.* Formy ispol'zovaniia spetsial'nykh znanii v zakonodatel'stve stran-uchastnits EAES [Forms of Application of Specialized Knowledge in Legislation of EAEU Member States]. Monograph. Moscow, Prospekt Publ., 2019. 558 s.

33. *Shved A. I.* Sudenaia ekspertologiia: posobie dlia studentov uchrezhdenii vysshego obrazovaniia po spetsial'nosti «Pravovedenie» [Judicial Expertology: Guide for Students of Higher Educational Institutions Majoring in Law]. Minsk, Forum Publ., 2022. 294 s.

34. *Shakirov K. N.* Sudenaia ekspertologiia: problemy i resheniia (ot teorii – k praktike) [Judicial Expertology: Problems and Solutions (from Theory to Practice)]. Almaty, Kazakh universitet Publ., 2016. 291 s.

35. *Rosinskaia E. R.* Pravovye i metodologicheskie problemy antikorruptsionnoi ekspertizy [Legal and Methodological Problems of Anti-Corruption Examination] // In *Antikorruptsionnaia ekspertiza normativno-pravovykh aktov i ikh proektov [Anti-Corruption Examination of Legislative Acts and Their Projects].* Moscow, Prospekt Publ., 2010, s. 3–14.

36. *Diakonova O. G.* Kompetentnost' eksperta antikorruptsionnoi ekspertizy normativno-pravovykh aktov i proektov normativno-pravovykh aktov: ekspertologicheskii podkhod [Expert Competence in Anti-Corruption Examination of Legislative Acts and Drafts: Expertological Approach] // In *Kriminologicheskii zhurnal [Criminological Journal],* 2024, № 1, s. 49–55.

37. *Rosinskaia E. R., Galishchina E. I., Podkatilina M. L.* Antikorruptsionnaia ekspertiza normativnykh aktov i proektov normativno-pravovykh aktov (v aspekte sovremennoi ekspertologii) [Anti-Corruption Examination of Legislative Acts and Drafts (Through the Prism of Modern Expertology)]. Study Guide. Ed. E. R. Rosinskja. Moscow, Prospekt Publ., 2014. 224 s.

ТРАНСФОРМАЦИЯ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ПОД ВЛИЯНИЕМ РИСКОВ И ВЫЗОВОВ ГЕНЕРАТИВНОГО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Бодров Николай Филиппович,
Лебедева Антонина Константиновна

Цель: *заключается в комплексном исследовании влияния развития генеративного контента, создаваемого при помощи технологий искусственного интеллекта, на проблему фальсификации доказательств в уголовном судопроизводстве России, выявлении процессуальных рисков, связанных с использованием и распространением дипфейков, выработке предложений по совершенствованию уголовно-процессуального регулирования, направленных на обеспечение достоверности и допустимости доказательств, предоставляемых в цифровой форме.*

Методология: *методы анализа и синтеза, системный метод, метод межотраслевых юридических исследований.*

Выводы. *В результате исследования установлено, что недостаточная регламентация вопросов оценки доказательств, предоставляемых в цифровой форме, создает серьезную угрозу объективности установления обстоятельств по уголовным делам. Утончения и модернизации требуют уголовно-процессуальные нормы, регламентирующие допустимость доказательств, так как предоставление их в цифровой форме на современном этапе создает существенный риск фальсификации как событий, так и отдельных обстоятельств.*

Научная и практическая значимость. *Результаты исследования, изложенные в статье, способствуют совершенствованию судебной и правоприменительной практики. Из-за непосредственной связи рассматриваемой проблемы с вопросами исследования вещественных доказательств практические рекомендации, изложенные в настоящей статье, могут быть полезны и при производстве судебных экспертиз.*

Ключевые слова: *дипфейк, синтез, генеративный контент, фальсификация, доказательство, цифровизация, судебная экспертиза, уголовное судопроизводство.*

Указанная публикация подготовлена в рамках выполнения работ по государственному заданию на тему: «Российская правовая система в реалиях цифровой трансформации общества и государства: адаптация и перспективы реагирования на современные вызовы и угрозы (FSMW-2023-0006)». Регистрационный номер ЕГИСУ НИОКТР: 124012000079-6.

Цифровые доказательства не новый объект для российского уголовного процесса. Значительная часть доказательственной информации сегодня существует в цифровой форме: видеофонограммы, фонограммы, изображения. Фиксация событий, в том числе криминальных, передача информации о них осуществляются не только традиционными средствами видеозвукозаписи, но и посредством сетевых сервисов, мессенджеров, размещаются на серверах, в облачных хранилищах.

Вопрос о допустимости самой по себе цифровой фиксации прошел достаточно долгий путь [см.: 1, с. 35; 2; 3] и на сегодняшний день решен однозначно: доказательства повсеместно предоставляются в цифровой форме. Более того, уголовно-процессуальная наука пошла дальше, и ученые уже на протяжении длительного времени предлагают полностью или частично перейти

DOI 10.31085/2310-8681-2025-3-288-138-145

к «электронному» уголовному делу [см.: 4, 5, 6, 7]. Подобный вектор научных идей свидетельствует об очевидном факте – участники уголовного судопроизводства «привыкли» к доказательствам, предоставляемым в цифровой форме, а также считают инструментарий, созданный для проверки таких доказательств, сформированным и эффективным.

Последствием вышеописанного стало то, что эти объекты в цифровой форме часто представляются в процесс без устройства, на котором они были созданы (то есть без, например, звукозаписывающего устройства, мобильного телефона, видеорегистратора и т.п.). Отследить «природу происхождения» файла в ходе процесса по этой причине часто невозможно.

Обратимся первоначально к определению цифровых доказательств. Так, например, научная рабочая группа по цифровым доказательствам (Scientific Working Group on Digital Evidence, SWGDE) дала следующее определение: «Информация, имеющая доказательную силу, которая хранится или передается в двоичной форме» *([Электронный ресурс]: URL: https://www.swgde.org/glossary/ (дата обращения: 01.09.2025))*.

В российских научных работах часто используется определение не цифровых, а «электронных» (термин менее удачный, так как цифровые следы являются более общей классификационной группой [8]) доказательств и приводится их перечень (используется собирательное определение): «В качестве электронных доказательств признаются и используются: электронные сообщения; электронные документы и иные документы в электронной форме; цифровые аудио- и видеозапись, фотоизображение; информация интернет-порталов публичных органов и организаций; информация в СМИ; SMS-сообщения, бизнес-мессенджеры и социальные сети; электронные копии (образ) документа; цифро- вой отпечаток сайта (веб-архивы) и др.» [9, с. 109].

Однако стремительное развитие технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ), темпы которого мы наблюдаем сейчас воочию, обнаруживает явные пробелы в порядке уголовно-процессуальной проверки доказательств, предоставляемых в цифровой форме. Традиционные способы проверки доказательств (главным образом с использованием специальных знаний) основывались по большей части на тезисе о том, что фальсификация производилась человеком, управлявшим монтажной программой. В случае низкой квалификации злоумышленника удавалось выявить признаки монтажа цифровых файлов, а при высоком уровне квалификации злоумышленника исследование нередко заканчивалось выводом о том, что признаки монтажа выявлены не были (что совершенно не означало факт аутентичности сигналограммы или, например, файла с изображением).

В существующих методических рекомендациях по техническому исследованию фонограмм до сих пор допустимой формулировкой ответа на вопрос о наличии неситуационных изменений являются формулировка: «признаков монтажа и/или неситуационных изменений не обнаружено», что не означает, что их там нет [10].

Новая угроза, связанная с распространением технологий генеративного синтеза контента, имеет две ключевые особенности:

– фальсификация производится не человеком, а алгоритмом на основе задачи (промпта или каких-либо подготовительных операций пользователя),

– квалификация злоумышленника по мере развития систем генеративного синтеза контента играет все меньшую и меньшую роль.

В качестве очевидных последствий такой трансформации следует предположить следующие:

– качество фальсификации существенно возросло и будет далее совершенствоваться;

– технологии фальсификации доказательств становятся доступными более широкому кругу лиц.

Имея образцы внешности и/или голоса лица или получив такие образцы из открытых источников (социальных сетей, мессенджеров), злоумышленник может без какой-либо предварительной компьютерной подготовки создать сгенерированный цифровой продукт, способный ввести в заблуждение участников уголовного процесса.

Выявление даже низкокачественной фальсификации в современных условиях (при малой разработанности алгоритмов проверки подлинности, их низкой эффективности, а также учитывая в большинстве своем неосведомленность правоохранительных органов о современном уровне нейросетевого синтеза) займет продолжительное время. А временной фактор играет первостепенную роль в ситуации, например, заведомо ложного доноса (позволяет обременить жертву необходимостью опровержения обстоятельств, изложенных в заявлении о преступлении; приводит к ущемлению подозреваемого в правах; «отвлекает» финансовые и временные ресурсы; вынуждает к поиску и компенсации труда профессионального защитника). Выявление факта фальсификации с применением специальных знаний, как правило, приводит к временным издержкам, а результат исследования мало того, что несвоевременен, так еще и может быть оспорен

в силу специфичности задач по выявлению факта нейросетевой генерации.

С целью проверки доказательств, предоставляемых в цифровой форме, обычно назначаются различные виды судебных экспертиз. В начале 2010-х гг., когда цифровые доказательства стали активно вытеснять аналоговые технологии записи информации и результаты их применения, специалисты в области уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы обоснованно указывали на необходимость реформирования методик судебных экспертиз с учетом новой природы цифровых объектов: «В данной ситуации необходимо проведение комплекса научных исследований в данном направлении и разработка соответствующих экспертных методик, учитывающих особенности цифровых каналов связи и цифровых фонограмм как объектов экспертного исследования» [11, с. 27]. Впоследствии методики, например фоноскопического исследования цифровых фонограмм [см.: 12, 13], трансформировались. Криминалисты выработали ряд рекомендаций по работе с такими фонограммами.

Экспертное сообщество, как нам представляется, до сих пор не уделило должного внимания генеративному контенту, технологии для создания которого существуют уже не один год [см.: 14]. В открытом доступе не так много научных работ, посвященных судебно-экспертному обеспечению исследования генеративного контента [15, 16, 17].

Разнообразие видов и форм цифровых доказательств, в том числе в виде генеративного контента обуславливает необходимость трансформации всех процедур проверки доказательств, предоставляемых в цифровой форме: от их обнаружения и изъятия до исследования их в судебном заседании и оценки по соответствующим критериям.

Современные технологии позволяют сгенерировать контент, сходный с аутентичным до степени смешения, визуальная (аудитивная)«убедительность» подобного контента может легко ввести в заблуждение не только обывателя в стрессовой ситуации (которыми часто пользуются, например, телефонные мошенники), но и породить различные злоупотребления в судопроизводстве, в том числе привести к повсеместной фальсификации доказательств.

Фальсификации с использованием технологий генеративного ИИ могут осуществляться с разных сторон процесса как для заведомо ложного доноса, так и в качестве основной стратегии защиты от обвинения. Оценивая потенциал защиты от обвинения с аргументацией к современным возможностям нейросетевой генерации контента, мы хотели бы привести некую аналогию с общеизвестным этапом развития программ монтажа фотоизображений.

Так, в 90-е гг. с развитием графических редакторов одной из основных тактик стратегий от обвинения (в ситуации, когда сторона обвинения предоставляла фотографические файлы в качестве доказательств) стало выдвижение версии о монтаже компрометирующих фотоматериалов. Иными словами, подозреваемые и обвиняемые выдвигали версию о монтаже изобличающих их цифровых фотоснимков. Возможность реализации подобной стратегии возникла благодаря характерному этапу технологического развития графических редакторов. Подобное обстоятельство можно назвать «фактором фотошопа» (по названию одной из наиболее распространенных тогда программ редактирования графических файлов). Влияние новой итерации данного фактора мы наблюдали и при оспаривании видеофонограмм, предоставляемых в цифровой форме (когда развитие редакторов видеофайлов достигло достаточно высокого уровня).

Сегодня третья итерация «фактора фотошопа» ожидает уголовный процесс, когда защита по уголовному делу будет строиться на тезисе о том, что доказательство, представленное в цифровой форме, могло быть без каких-либо усилий, значимых вычислительных ресурсов или квалификации заявителя сфальсифицировано с использованием нейросетей.

С учетом вышесказанного можно классифицировать риски фальсификации с использованием технологий генеративного ИИ по субъектам фальсификации:

– со стороны защиты: фальсификация материалов для создания ложного «алиби», дискредитация свидетелей;

– со стороны «потерпевшего»: создание «искусственных» доказательств для направления следствия по ложному пути;

– третьими лицами: для достижения личных целей в процессе.

Реальные случае фальсификации доказательств уже имеются. Ранее нами уже был описан случай, когда в рамках бракоразводного процесса супруга в качестве доказательства передала в суд фонограмму, на которой зафиксированы голос и речь мужа, с угрозами жизни и здоровью жены и их ребенка, данные фрагменты фонограммы оказались сгенерированными женой на основе голосовых сообщений мужа в мессенджерах *(P. Ryan. Deepfake Audio Evidence used in U. K. Court to Discredit Dubai Dad. The National UAE. [Электронный ресурс]:*

URL: https://www.thenationalnews.com/uae/courts/deepfake-audio-evidence-usedin-uk-court-to-discredit-dubai-dad-1.975764 (дата обращения: 28.08.2025)) [см.: 18].

На смену специалистам по компьютерным технологиям в фальсификацию вовлекаются, например, подростки. Так, например, дипфейк-материалы в испанском городе Альмендралехо [19, с. 238] создала группа из 15 несовершеннолетних злоумышленников. При таких обстоятельствах риски фальсификации доказательств сторонами мы оцениваем как реальные уже на современном уровне нейросетевой генерации.

Меры уголовно-правового противодействия у нашего законодателя реализовать в настоящее время пока не получается. Законопроект № 718538-8, вносящий изменения в отдельные статьи УК РФ и дополняющий статьи квалифицирующим признаком «с использованием изображения или голоса (в том числе фальсифицированных или искусственно созданных) потерпевшего или иного лица, а равно с использованием биометрических персональных данных потерпевшего или иного лица» пока так и не принят *(законопроект № 718538-8 [Электронный ресурс]: URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/718538-8#bh_histras* (*дата обращения: 28.08.2025))*. В заключении Правового управления *(заключение на проект федерального закона № 718538-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» [Электронный ресурс]: URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/718538-8#bh_histras (дата обращения: 28.08.2025))* отмечается неоднозначность использованных формулировок, а также выражаются сомнения в необходимости в данных изменениях.

В приказе Генпрокуратуры содержится указание на учет дипфейков в качестве средств, используемых при совершении преступлений, включив в статистическую отчетность: код 049 «с использованием технологии дипфейк» *(приказ Генпрокуратуры России от 9 декабря 2022 г. № 746 «О государственном едином статистическом учете данных о состоянии преступности, а также о сообщениях о преступлениях, следственной работе, дознании, прокурорском надзоре»)*. Однако если мы обратимся к отечественной практике, то увидим, что суды крайне некорректно описывают использование цифровых технологий для совершения преступлений. Например, в приговоре Малоярославецкого районного суда Калужской области содержится такое описание использованной преступником технологии: «Из его показаний следует, что в декабре 2019 года в сети Интернет он стал читать о разных способах мошенничества, после чего решил похищать денежные средства граждан путем мошенничества. Для этого он скачал **какое-то приложение для модуляции голоса,** также он скачал программу по замене абонентского номера»; Люберецкий городской суд Московской области: «Он максимально подделал женский голос, **при этом установил на свой телефон программу, которая меняет голос**» (*Уголовное дело № 1-122/2023 // Архив Малоярославецкого районного суда Калужской области)*. Как мы видим из этих фрагментов приговоров, суд не учитывает (не придает значения), чем пользовались подсудимые для совершения преступления, какие программы они использовали, как эти программы работают.

Отсутствие систематизированной судебной практики по данному направлению негативно влияет и на обновление судебно-экспертных методик. Именно с малой осведомленностью судебно-следственных и экспертных кадров о современных возможностях синтеза мы, судебные эксперты, связываем факт отсутствия в большинстве методик экспертного исследования обновлений, позволяющих работать с цифровыми следами нейросетевой генерации.

В результате современное состояние защищенности уголовного процесса от фальсификации доказательств, предоставляемых в цифровой форме, оценивается судебными экспертами как крайне неудовлетворительное. Анализ экспертной практики и интервьюирование судебных экспертов показывают, что на разрешение судебных экспертиз вопросы о факте генерации цифрового продукта с использованием технологий генеративного синтеза пока не выносятся по причине сложности решения экспертами этого вопроса из-за отсутствия в распоряжении экспертно-криминалистических подразделений современных методик.

Открытость наших биометрических данных (голосовые сообщения, видеоконференции, утечки персональных данных) позволяет обучить нейросеть по образцам голоса и речи создавать высококачественное видео или аудио. В условиях цифровой трансформации судопроизводства необходимо переосмыслить вопросы допустимости и проверки достоверности доказательств, предоставляемых в цифровой форме.

Пока не разработаны действенные способы и средства проверки аутентичности цифровых доказательств в процессе, в том числе методами судебных экспертиз, необходимо предпринять иные меры для защиты судопроизводства от возможных фальсификаций.

Классическое уголовно-процессуальное положение о том, что «для того чтобы выполнить

назначение уголовного судопроизводства, необходимо установить, имело ли место событие, по поводу которого было возбуждено уголовное дело...» [21, с. 263] в эпоху развития нейросетевого синтеза становится все более актуальным с каждым днем.

Для введения в заблуждение участников процесса даже не требуются сверхкачественные генерации. Зачастую цифровыми доказательствами в уголовном процессе являются сигналограммы крайне низкого качества. Качество таких материалов, как показывает анализ материалов уголовных дел, находится на границе их пригодности для проведения судебных экспертиз. Предоставляются данные цифровые файлы без устройства, которым они были созданы, а следовательно, и оценить их источник происхождения порой является крайне непростой задачей.

Стоит отметить, что в УПК РФ до сих пор отсутствует легальное определение «цифровых доказательств», несмотря на их существенное значение для оценки подобных доказательств и процесса доказывания в целом. Несмотря на очевидную архаичность, к сожалению, в УПК РФ до сих пор значатся устаревшие носители и технологии записи информации, которые уже не являются актуальными, например: кинопленка, киносъемка (ч. 2 ст. 82 УПК РФ), киноленты (ч. 8 ст. 166 УПК РФ). Полагаем, что упоминание в этой же статье «электронных носителей информации» препятствует объективной оценке обстоятельств, так как в большинстве случаев запись цифровой информации на носитель осуществляется не электронным, а, например, электромагнитным или механическим способом.

Согласно ч. 8 ст. 166 УПК РФ, «к протоколу прилагаются фотографические негативы и снимки, киноленты, диапозитивы, фонограммы допроса, кассеты видеозаписи, чертежи, планы, схемы, слепки и оттиски следов, выполненные при производстве следственного действия, а также **электронные носители информации, полученной или скопированной с других электронных носителей информации в ходе производства следственного действия**».

Анализ этого положения закона свидетельствует о том, что уголовно-процессуальное законодательство допускает как приложение к протоколам следственных действий не только сами электронные носители информации, но и носители скопированной информации. Происходящий при копировании разрыв технологической цепочки, связывающий исходный файл с носителем (как правило, устройством видеозвукозаписи или фотографическим устройством) фактически сводит на нет возможности судебно-экспертного исследования доказательства с целью решения вопроса о выявлении факта нейросетевой фальсификации.

Ситуация ухудшается еще и тем, что уголовно-процессуальное законодательство не содержит критериев технической пригодности цифровых данных, предоставляемых в качестве доказательств. С практической точки зрения разработка и включение в уголовно-процессуальное законодательство изменений, касающихся критериев технической пригодности цифровых данных, предоставляемых в качестве доказательств, отвечало бы требованиям времени гораздо больше, чем те многочисленные изменения, которым постоянно подвергается УПК РФ.

В органы предварительного расследования цифровые устройства записи (звука, видео) поступают, например, с заявлением о преступлении, в котором говорится о проведении инициативной звукозаписи, фиксирующей, предположим, передачу взятки. Устройство, на которое запись была произведена, у заявителя не изымают. (Мотивированное возражение заявителя часто приводит к удовлетворению его требований. Подобная практика получила крайне широкое распространение после *постановления Конституционного Суда РФ от 11 января 2018 г. № 1-П.*) В результате в материалах уголовного дела остается копия файла. То есть происходит описанный ранее «разрыв» связи с исходным устройством записи. Последствиями такого разрыва является исчезновение большинства цифровых следов нейросетевой фальсификации.

Более того, как показывает анализ уголовных дел, устройство, при необходимости его передачи экспертам, уже не предоставляется. Часто, не желая компрометировать себя, заявители ссылаются на то, что телефон «утерян, сломан, был украден или, например, восстановлен до заводских настроек» и эксплуатировался родственником заявителя. В результате в материалах дела есть только копия неизвестного происхождения, а источник происхождения файла зачастую не фиксируется (в протоколах не фиксируются или недостаточно подробно фиксируются его индивидуальные и тактико-технические характеристики. Дубликат цифрового файла [см.: 22] зачастую не создается.

Одним из возможных вариантов временного решения проблемы могут быть разработка и введение в организацию деятельности органов дознания и следствия правил протоколирования в отношении материалов, предоставляемых в цифровой форме («Chain of custody», «цепочка законных владений», «цепочка передачи и сохранности доказательства»). Об этом ведущие ученые писали как раз в период наиболее активного рас-

пространения цифровых способов записи: «Суд (следователь) должен иметь точную информацию о том, кто и из какого источника получил доказательство, как оно хранилось, кто имел к нему доступ» [10, с. 26]. Идея обязательной фиксации цепочки передачи и сохранности доказательств не нова, но, к сожалению, так и не была в полной мере воспринята уголовным судопроизводством.

Надеемся, что с учетом современных темпов развития технологий нейросетевой фальсификации идея о фиксации цепочки передачи и сохранности доказательств, предоставляемых в цифровой форме, получит «второе дыхание» и найдет отражение если не в изменении норм УПК РФ, то хотя бы в инструкциях по организации деятельности правоохранительных органов.

Литература

1. *Диденко Ф. К.* Применение научно-технических средств и методов при осмотре места происшествия. Ярославль, 1989. 173 с.
2. *Исаева Л.* Новые виды фотосъемки при осмотре места происшествия // Законность. 2003. № 8. С. 13–17.
3. *Вандер М., Холопов А.* Цифровая фиксация аудио и видеоинформации // Законность. 2003. № 8. С. 38–40.
4. *Качалова О. В., Цветков Ю. А.* Электронное уголовное дело – инструмент модернизации уголовного судопроизводства // Российское правосудие. 2015. № 2. С. 95–101.
5. *Зуев С. В.* Электронное уголовное дело: за и против // Правопорядок: история, теория, практика. 2018. № 4 (19). С. 6–12.
6. *Шереметьев И. И.* Электронное уголовное дело: что это такое и пути его создания // Lex russica. 2020. № 10 (167). С. 81–90.
7. *Рамалданов Х. Х.* Электронное уголовное дело: миф или реальность? // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. № 2 (33). С. 93–98.
8. *Россинская Е. Р.* Система теории цифровизации судебно-экспертной деятельности // Теория и практика судебной экспертизы. 2024. Т. 19, № 3. С. 20–32.
9. *Нечаев В. В., Прысь Е. В., Теренков И. Е.* Организационно-правовые основы использования цифровых технологий в уголовно-процессуальном доказывании (вопросы теории и правоприменительной практики) // Криминологический журнал. 2023. № 4. С. 108–113.
10. *Галяшина Е. И.* Судебная фоноскопическая экспертиза: проблемы диагностики аутентичности фонограмм // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2014. № 3. С. 15–26.
11. *Галяшина Е. И.* Идентификация дикторов по цифровым фонограммам // Речевые технологии. 2010. № 3. С. 23–28.
12. *Назарова Т. В., Лебедев К. А., Громова А. В., Михеева И. А., Ремизова Н. В., Горячева Е. А., Серебряков И. А., Шипулин Р. Л., Манянин П. А.* Идентификация лиц по фонограммам речи с применением интерактивной системы, включающей новейшие методы и средства: Методические рекомендации. М.: ЭКЦ МВД России, 2020. 184 с., библиогр., прилож.
13. Информационно-методические материалы по теме «Техническое исследование цифровых фонограмм инструментальными методами в рамках производства фоноскопических экспертиз с применением СПО “OTExpert”». М.: СЭЦ СК России. 2024. 45 с.
14. *Бодров Н. Ф., Лебедева А. К.* Перспективы судебно-экспертного исследования синтезированной звучащей речи // Законы России: опыт, анализ, практика. № 3. С. 9–13.
15. *Громова А. В., Ошкуков С. С.* Перспективы криминалистического исследования объектов, созданных с применением технологий искусственного интеллекта для синтеза устной речи и генерации печатных текстов // Стратегическое развитие системы МВД России: состояние, тенденции, перспективы: Сборник статей Международной научно-практической конференции, Москва, 23 октября 2020 года / под общ. ред. И. Г. Чистобородова, А. Л. Ситковского, В. О. Лапина. М.: Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2020. С. 236–242.
16. *Галяшина Е. И.* Нейросети – смерть или новая жизнь судебной экспертизы? // Национальные и международные тенденции и перспективы развития судебной экспертизы: Сборник докладов Научно-практической конференции с международным участием, Нижний Новгород, 22–23 мая 2024 года. Нижний Новгород: Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, 2024. С. 83–89.

17. *Зубов Г. Н., Зубова П. И.* Фальсификация звуковой информации с использованием технологий искусственного интеллекта. Особенности технического исследования // Вестник криминалистики. 2023. № 3. С. 5–26.

18. *Бодров Н. Ф., Лебедева А. К.* Анализ судебной практики установления обстоятельств в случаях противоправного распространения генеративного контента, созданного с помощью технологий искусственного интеллекта // Юридические исследования. 2024. № 11. С. 1–25.

19. *Badiola Coca S.* Pornographic Deepfakes and Minors: Policy Brief – The Almendralejo Case // Didactic and applied victimology: case analysis / G. Varona (ed.). Murcia: Laborum, 2025. P. 229–242.

20. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. П. А. Лупинская, Л. А. Воскобитова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, Инфра-М, 2017.

21. *Галяшина Е. И.* Проблемы использования в доказывании по уголовным делам фонограмм, получаемых по результатам оперативно-розыскных мероприятий // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 2. С. 38–47.

22. Теория судебной экспертизы (судебная экспертология): учебник / Е. Р. Россинская, Е. И. Галяшина, А. М. Зинин; под ред. Е. Р. Россинской. 2-е изд. перераб. и доп. М.: Норма, Инфра-М, 2016. 368 с.

References

1. *Didenko F. K.* Primenenie nauchno-tekhnicheskih sredstv i metodov pri osmotre mesta proisshestviya [The use of scientific and technical means and methods during the inspection of the accident site]. Yaroslavl', 1989. 173 p. (In Russian).

2. *Isaeva L.* Novye vidy fotos''emki pri osmotre mesta proisshestviya [New types of photography during the inspection of the scene] // In *Zakonnost' [Legality].* 2003. № 8. pp. 13–17. (In Russian)

3. *Vander M., Holopov A.* Cifrovaya fiksaciya audioi videoinformacii [Digital fixation of audio and video information] // In *Zakonnost' [Legality].* 2003. № 8. pp. 38–40. (In Russian)

4. *Kachalova O. V., Cvetkov Yu. A.* Elektronnoe ugolovnoe delo-instrument modernizacii ugolovnogo sudoproizvodstva [Electronic criminal case – a tool for the modernization of criminal proceedings] // In *Rossijskoe pravosudie [Russian justice].* 2015. № 2. pp. 95–101. (In Russian)

5. *Zuev S. V.* Elektronnoe ugolovnoe delo: za i protiv [Electronic criminal case: pros and cons] // In *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika [Law and order: history, theory, practice].* 2018. № 4 (19). pp. 6–12. (In Russian)

6. *Sheremet'ev I. I.* Elektronnoe ugolovnoe delo: chto eto takoe i puti ego sozdaniya [Electronic criminal case: what is it and the ways of its creation] // In *Lex russica*. 2020. № 10 (167). pp. 81–90. (In Russian)

7. *Ramaldanov H. H.* Elektronnoe ugolovnoe delo: mif ili real'nost'? [Electronic criminal case: myth or reality?] //In *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika [Law and order: history, theory, practice].* 2022. № 2 (33). pp. 93–98. (In Russian)

8. *Rossinskaya E. R.* Sistema teorii cifrovizacii sudebno-ekspertnoj deyatel'nosti [he system of theory of digitalization of forensic expertise] // In *Teoriya i praktika sudebnoj ekspertizy [Theory and practice of forensic examination].* 2024. T. 19, № 3. pp. 20–32. (In Russian)

9. *Nechaev V. V., Prys' E. V., Terenkov I. E.* Organizacionno-pravovye osnovy ispol'zovaniya cifrovyh tekhnologij v ugolovno-processual'nom dokazyvanii (voprosy teorii i pravoprimenitel'noj praktiki) [Organizational and legal foundations of the use of digital technologies in criminal procedural evidence (issues of theory and law enforcement practice)] // In *Kriminologicheskij zhurnal [Criminological Journal].* 2023. № 4. pp. 108–113. (In Russian)

10. *Galyashina E. I.* Sudebnaya fonoskopicheskaya ekspertiza: problemy diagnostiki autentichnosti fonogramm [Forensic phonoscopic examination: problems of diagnosing the authenticity of phonogram] // In *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina [Bulletin of Kutafin University].* 2014. № 3. pp. 15–26. (In Russian)

11. *Galyashina E. I.* Identifikaciya diktorov po cifrovym fonogrammam [Identification of announcers using digital phonograms] // In *Rechevye tekhnologii [Speech Technologies].* 2010. № 3. pp. 23–28. (In Russian)

12. *Nazarova T. V., Lebedev K. A., Gromova A. V., Miheeva I. A., Remizova N. V., Goryacheva E. A., Serebryakov I. A., Shipulin R. L., Manyanin P. A.* Identifikaciya lic po fonogrammam rechi s primeneniem interaktivnoj sistemy, vklyuchayushchej novejshie metody i sredstva: Metodicheskie rekomendacii [Identification

of individuals using speech recordings with an interactive system incorporating the latest methods and tools: Methodological recommendations]. M.: EKC MVD Rossii, 2020. 184 p., bibliogr., prilozh. (In Russian)

13. Informacionno-metodicheskie materialy po teme «Tekhnicheskoe issledovanie cifrovyh fonogramm instrumental'nymi metodami v ramkah proizvodstva fonoskopicheskih ekspertiz s primeneniem SPO "OTExpert"» [Information and methodological materials on the topic 'Technical examination of digital phonograms using instrumental methods in the context of phonoscopic expertise using the OTExpert software package']. M.: SEC SK Rossii. 2024. 45 p. (In Russian)

14. *Bodrov N. F., Lebedeva A. K.* Perspektivy sudebno-ekspertnogo issledovaniya sintezirovannoj zvuchashchej rechi [Prospects of forensic examination of synthesized sounding speech] // In *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika [Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice]*. № 3. S. 9–13.

15. *Gromova A. V., Oshkukov S. S.* Perspektivy kriminalisticheskogo issledovanija ob'ektov, sozdannyh s primeneniem tehnologij iskusstvennogo intellekta dlja sinteza ustnoj rechi i generacii pechatnyh tekstov [Perspectives of forensic investigation of objects created with the use of artificial intelligence technologies for synthesis of oral speech and generation of printed texts] // Strategicheskoe razvitie sistemy MVD Rossii: sostojanie, tendencii, perspektivy: Sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Moskva, 23 oktjabrja 2020 goda / Pod obshhej redakciej I. G. Chistoborodova, A. L. Sitkovskogo, V. O. Lapina. M.: Akademija upravlenija Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii, 2020. pp. 236–242. (In Russian)

16. *Galjashina E. I.* Nejroseti – smert' ili novaja zhizn' sudebnoj jekspertizy? [Neural networks – death or new life of forensic expertise?] // Nacional'nye i mezhdunarodnye tendencii i perspektivy razvitija sudebnoj jekspertizy: Sbornik dokladov Nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, Nizhnij Novgorod, 22–23 maja 2024 goda. Nizhnij Novgorod: Nacional'nyj issledovatel'skij Nizhegorodskij gosudarstvennyj universitet im. N. I. Lobachevskogo, 2024. pp. 83–89. (In Russian)

17. *Zubov G. N., Zubova P. I.* Fal'sifikacija zvukovoj informacii s ispol'zovaniem tehnologij iskusstvennogo intellekta. Osobennosti tehnicheskogo issledovanija [Falsification of sound information using artificial intelligence technologies. Features of technical research] // In *Vestnik kriminalistiki [Bulletin of the criminalistics]*. 2023. № 3. pp. 5–26. (In Russian)

18. *Bodrov N. F., Lebedeva A. K.* Analiz sudebnoj praktiki ustanovleniya obstoyatel'stv v sluchayah protivopravnogo rasprostraneniya generativnogo kontenta, sozdannogo s pomoshch'yu tekhnologij iskusstvennogo intellekta [Analysis of judicial practice in establishing circumstances in cases of unlawful distribution of generative content created using artificial intelligence technologies] // In *Yuridicheskie issledovaniya [Legal Research]*. 2024. № 11. pp. 1–25. (In Russian)

19. *Badiola Coca S.* Pornographic Deepfakes and Minors: Policy Brief – The Almendralejo Case // Didactic and applied victimology: case analysis / G. Varona (ed.). Murcia: Laborum, 2025. P. 229–242.

20. Ugolovno processual'noe pravo Rossijskoj Federacii [Criminal Procedure Law of Russian Federation]: uchebnik / otv. red. P. A. Lupinskaya, L. A. Voskobitova. 4-e izd., pererab. i dop. M.: Norma, Infra-M, 2017. (In Russian)

21. *Galyashina E. I.* Problemy ispol'zovaniya v dokazyvanii po ugolovnym delam fonogramm, poluchaemyh po rezul'tatam operativno-rozysknyhmeropriyatij [Problems of using phonograms obtained as a result of operational-search measures in criminal cases] // In *Sudebnaya vlast' i ugolovnyj process [Judicial Power and Criminal Procedure]*. 2018. № 2. pp. 38–47. (In Russian)

22. Teoriya sudebnoj ekspertizy (sudebnaya ekspertologiya) [Theory of Forensic Examination (Forensic Expertise)]: uchebnik / E. R. Rossinskaya, E. I. Galyashina, A. M. Zinin; pod red. E. R. Rossinskoj. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Norma, Infra-M, 2016. 368 p. (In Russian)

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ГРАЖДАНСКОГО ИСКА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Зайцев Олег Александрович,
Севостьянова Анастасия Витальевна

Цель: *анализ действующего уголовно-процессуального законодательства и выявление значения гражданского иска о возмещении вреда, причиненного преступным посягательством, определение проблемных вопросов в правоприменительной практике и обоснование предложений по совершенствованию процессуального порядка рассмотрения и разрешения гражданского иска в российском уголовном судопроизводстве.*

Методология: *общенаучные методы: диалектический метод, анализ и синтез, сравнение, абстрагирование и конкретизация, обобщение, формализация, аналогия и др.; специальные методы: формально-юридический, метод толкования правовых норм, сравнительно-правовой, историко-правовой, логико-юридический и др.*

Выводы. *Гражданский иск в уголовном процессе представляет собой действенный механизм, направленный на защиту прав и законных интересов пострадавших от преступления лиц. Действующее правовое регулирование указанного института характеризуется разрозненностью и недостаточностью. Централизация всех норм, направленных на регламентацию процесса заявления, рассмотрения и разрешения гражданского иска в уголовном деле, в отдельной главе УПК РФ, а также допущение возможности применения аналогии закона могло бы способствовать упорядочиванию и упрощению правоприменительной деятельности. Для рассмотрения исковых требований в рамках уголовного дела необходимо соблюдение принципа непосредственности причинения вреда. Вместе с тем из названного принципа следует предусмотреть исключения с целью усиления правовой защищенности граждан, находящихся на иждивении лица, которому в результате совершения преступления причинена смерть. Для обеспечения единообразия судебной практики необходима разработка методики определения размера компенсации морального вреда, причиненного преступлением. Следует допустить возможность участников гражданского иска заключать мировое соглашение, что не противоречит принципам уголовного процесса и соотносится с общими тенденциями его развития. Полномочия судебных органов в части наложения ареста на имущество в целях обеспечения гражданского иска требуют расширения, а именно допущение для суда возможности по собственной инициативе применять указанную меру процессуального принуждения.*

Научная и практическая значимость. *Настоящая статья может быть полезна для дальнейшего исследования вопросов, связанных с заявлением, рассмотрением и разрешением гражданского иска в уголовном деле. Практическая значимость представленных в статье предложений и выводов определяется перспективами их применения при совершенствовании уголовно-процессуального законодательства, а также при выработке рекомендаций для правоприменителя.*

Ключевые слова: *преступление, потерпевший, деликт, иск, гражданский иск в уголовном деле, вред, моральный вред, возмещение вреда, мировое соглашение, обеспечительные меры, арест.*

Российская Федерация на современном этапе развития представляет собой социальное государство, в котором права и свободы человека признаются высшей ценностью (ст. 2 Конституции РФ). Кроме того, важное значение для функционирования экономики российского государства представляет институт собственности. В связи с этим перед законодателем стоит цель создания

DOI 10.31085/2310-8681-2025-3-288-146-151

эффективных правовых механизмов, позволяющих защитить названные блага. Важнейшей задачей в настоящий момент представляется совершенствование законодательства с учетом духовно-нравственных ориентиров современного общества, а также соблюдение частных и публичных интересов [1, с. 14–16].

Преступление, представляя собой деяние, нарушающее общественное устройство и порядок, зачастую затрагивает частные интересы физических и юридических лиц, что влечет за собой возникновение деликтных правоотношений. Указанная взаимосвязь обуславливает возможность рассмотрения и разрешения в рамках уголовного процесса исковых требований пострадавших о возмещении вреда, причиненного преступным посягательством.

При этом потерпевшее от преступления лицо, непосредственно испытывая на себе его негативные последствия, занимает уязвимое положение и является слабой стороной, следовательно, восстановление его прав представляется не менее важной задачей, чем изобличение виновного в преступлении. По этой причине положительно следует оценить, что в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ) защита прав и законных интересов лиц и организаций, пострадавших от преступления, названа в качестве назначения уголовного судопроизводства (п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ).

Правовое значение гражданского иска в уголовном деле трудно переоценить, поскольку он представляет собой важнейший и наиболее эффективный способ восстановления нарушенных преступлением свобод, позволяющий пострадавшему получить скорейший доступ к правосудию. Рассмотрение гражданского иска в рамках процедуры разбирательства уголовного дела обосновывается единым юридическим фактом совершения преступления, послужившим основанием привлечения виновного не только к гражданско-правовой, но и уголовной ответственности [2, с. 33–36].

Следует отметить, что указанный правовой институт, будучи введенным в отечественное законодательство в результате судебной реформы Александра II, оставался практически неизменным на протяжении веков, несмотря на неоднократную смену государственного устройства и политической системы страны. Представляется, что данный факт свидетельствует о значимости гражданского иска в уголовном судопроизводстве, а также является подтверждением его целесообразности.

Вместе с тем провозглашение таких свобод, как доступ потерпевших к правосудию и компенсация причиненного им ущерба (ст. 52 Конституции РФ) недостаточно для обеспечения защищенности указанных лиц, поскольку, как справедливо отмечает Конституционный Суд РФ, лицу должна быть гарантирована реальная возможность восстановления нарушенных интересов *(постановление Конституционного Суда РФ от 20 февраля 2006 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности положения статьи 336 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан К.А. Инешина, Н.С. Никонова и открытого акционерного общества “Нижнекамскнефтехим”»)*.

При этом гражданский иск, несомненно, является одним из наиболее спорных и менее регламентированных институтов отечественного уголовного процесса, о чем заявляли ученые-правоведы различных исторических периодов [3, с. 207].

Особая сложность как для законодательных органов, так и для правоприменителей при рассмотрении и разрешении гражданского иска в уголовном судопроизводстве обусловлена многоаспектностью указанного института, а также его двойственной правовой природой. Гражданский иск представляет собой конвергенцию частного и публичного права, а следовательно, соединение различных методов правового регулирования. При этом указанное обстоятельство можно оценить положительно, поскольку применение императивного и диспозитивного методов одновременно ведет к обеспечению наиболее эффективного правового воздействия [4, с. 46].

Практическую сложность при заявлении, рассмотрении и разрешении исковых требований в уголовном деле обуславливает недостаточная законодательная регламентация соответствующих процессуальных действий. В УПК РФ вопросы, связанные с гражданским иском, отражены фрагментарно и разрозненно, что вынуждает правоприменителя обращаться к нормам гражданского процессуального права. В правовой доктрине обоснованно поднимался вопрос о необходимости включения в УПК РФ отдельной главы, посвященной гражданскому иску [5, с. 152]. Мы разделяем указанную точку зрения и полагаем, что включение всех норм, регламентирующих процессуальные действия, связанные с рассмотрением и разрешением исковых требований в рамках уголовного дела, являлось бы повышением уровня юридической техники, и как следствие, упростило бы правоприменение. Следует также отметить, что указанный путь был выбран Межпарламентской Ассамблеей государств – участников СНГ, при-

нявшей Модельный уголовно-процессуальный кодекс. Несмотря на тот факт, что названный правовой акт носит исключительно рекомендательный характер, невозможно не учесть, что его разработка направлена на установление общих ориентиров для национальных уголовно-процессуальных законов государств, составляющих постсоветское пространство.

Тем не менее представляется, что введение отдельной главы в УПК РФ, посвященной вопросам гражданского иска, полностью не решит проблему недостаточности правовой регламентации указанного института. В этом случае необходимо включение в уголовно-процессуальное законодательство нормы, согласно которой при заявлении, рассмотрении и разрешении гражданского иска в уголовном деле возможно применение по аналогии закона норм иных отраслей права при условии, что они не противоречат принципам уголовного процесса.

В то же время недостаточность правового регулирования и, как следствие, отсутствие единообразия в судебной практике привело к необходимости разъяснения ряда вопросов, связанных с рассмотрением и разрешением гражданского иска в уголовном деле, что и было сделано в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 13 октября 2020 г. № 23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу» (далее – постановление Пленума № 23). Следует положительно оценить тот факт, что в указанном постановлении Верховный Суд РФ затронул такие важные проблемы, как определение предмета и пределов гражданско-правовых требований, заявление которых возможно в рамках уголовного дела, статус участников гражданского иска, а также регламентация процессуальных действий, связанных с рассмотрением и разрешением гражданского иска в уголовном деле. Вместе с тем как в научной сфере, так и в практической деятельности судебно-следственных органов осталось немало вопросов, требующих в настоящий момент разрешения.

Важнейшей проблемой, которую разрешил Верховный Суд РФ в постановлении Пленума № 23, является установление общих критериев для определения гражданско-правовых требований, рассмотрение которых возможно совместно с уголовным делом, поскольку данный вопрос является принципиальным и относительно него в судебной практике на протяжении длительного периода времени отсутствовало единообразие. В постановлении Пленума № 23 Верховный Суд отметил важный принцип – непосредственность вреда, причиненного преступлением.

В целом поддерживая указанный критерий, мы считаем необходимым установление исключений из принципа непосредственности причинения вреда преступлением в случае, когда такое деяние повлекло потерю кормильца. Изучение судебной практики показывает, что после принятия постановления Пленума № 23 суды оставляют без рассмотрения иски о возмещении вреда по потере кормильца, заявленные в рамках уголовного дела, поскольку в данном случае причиненный преступным посягательством вред характеризуется опосредованностью.

По нашему мнению, с целью усиления правовой защищенности иждивенцев, которые могут столкнуться с полным отсутствием средств к существованию, следует максимально ускорить присуждение таким лицам компенсации за потерю кормильца вследствие совершенного преступления. Заявление исковых требований исключительно в рамках гражданского судопроизводства существенным образом затянет период времени, когда иждивенец получит такое возмещение.

При этом обеспечение возможности рассмотрения и разрешения в рамках уголовного дела исков о компенсации вреда по потере кормильца будет способствовать гуманизации уголовного законодательства и в полной мере соответствовать международно-правовым стандартам, поскольку в постановлении № 51–28 Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ «О модельном законе “О возмещении причиненного вреда гражданам, потерпевшим от преступлений”», принятом в г. Санкт-Петербурге 27 ноября 2020 г., гарантировано, что иждивенцы потерпевшего вследствие потери кормильца в случае его смерти могут быть признаны гражданскими истцами (п. 4 ст. 8).

Возмещение морального вреда всегда представляет сложность, однако именно в уголовном процессе оно обретает дополнительный смысл, потому что лицо претерпевает душевные и физические страдания не просто от неправомерного поведения третьего лица, а от общественно опасного деяния, что увеличивает значение компенсации за указанные негативные последствия.

Продолжительный период времени в отечественном уголовном процессе отсутствовала возможность предъявления требований о возмещении морального вреда, причиненного преступлением, поскольку советская идеология отрицала возможность измерения нравственных страданий в денежном эквиваленте [6, с. 185]. Вместе с тем в настоящее время законодательство гарантирует физическому лицу право заявлять исковые требования о компенсации морального вреда.

Положительно следует отметить выводы Конституционного Суда РФ, согласно которым совершение преступления против собственности может влечь за собой причинение потерпевшему морального вреда, который формально не включается в состав указанного преступления. Следовательно, в данном случае должна быть гарантирована возможность для пострадавшего получить соответствующее возмещение *(постановление Конституционного Суда РФ от 24 мая 2021 г. № 21-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 293 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Р. В. Величенко»; постановление Конституционного Суда РФ от 26 октября 2021 г. № 45-П «По делу о проверке конституционности статьи 151 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С. Ф. Шиловского»)*.

Важно отметить, что субъективный характер морального вреда создает сложности при определении точного размера компенсации за его причинение. Оценочный характер морального вреда также создает проблемы при решении вопроса о наложении ареста на имущество [7]. В литературе отмечается, что в России судебные органы взыскивают в пользу потерпевших значительные суммы за преступления небольшой и средней тяжести, а также различные суммы за однотипные преступления. Кроме того, отмечается несправедливо низкий размер присуждаемой российскими судами компенсации морального вреда при совершении преступлений против жизни и здоровья, а также личной неприкосновенности [8, с. 14–16].

Стоит согласится с В. В. Дорошковым, утверждающим, что при определении размера компенсации морального вреда судам следует руководствоваться принципами соразмерности, а также учитывать характер страданий потерпевшего, степень вины и материальное положение обвиняемого [9, с. 111].

Вместе с тем в целях соблюдения справедливости и равенства, а также для обеспечения единообразия судебной практики представляется необходимым разработка общих методик определения размера компенсации потерпевшим от преступления за понесенные нравственные и физические страдания.

Поскольку, как нами было отмечено ранее, гражданский иск в уголовном деле характеризуется двойственностью: гражданско-правовым содержанием и уголовно-процессуальной формой разрешения, неизбежно возникновение вопросов о возможности использования при разрешении исковых требований в рамках уголовного дела институтов, характерных для гражданского процесса. Одним из таких институтов является мировое соглашение.

Для начала следует согласится с мнением, что правоотношения между гражданским истцом и ответчиком носят частноправовой характер [10]. Безусловно, расширение прав гражданского истца и ответчика путем предоставления возможности заключения мирового соглашения соответствовало бы принципу диспозитивности, характерному для частноправовых отношений.

Как неоднократно отмечал Конституционный Суд РФ, схожие по своей юридической природе отношения должны регулироваться одинаковым образом *(постановление Конституционного Суда РФ от 25 марта 2008 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности части 3 статьи 21 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами закрытого акционерного общества “Товарищество застройщиков”, открытого акционерного общества “Нижнекамскнефтехим” и открытого акционерного общества “ТНК-ВР Холдинг”», постановление Конституционного Суда РФ от 26 февраля 2010 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А. А. Дорошка, А. Е. Кота и Е. Ю. Федотовой»)*. Рассмотрение и разрешение гражданского иска в уголовном процессе отличает ряд особенностей, но при этом он является иском о присуждении с точки зрения правовой природы. Таким образом, оснований лишать стороны гражданского истца в уголовном деле возможности заключить мировое соглашение нет.

Кроме того, при решении указанного вопроса следует помнить об общих тенденциях развития российского уголовного процесса на современном этапе. В настоящее время особо отмечается развитие упрощенных форм уголовного судопроизводства, в рамках которых обвиняемый согласен с обвинением, а также признает размер и характер причиненного преступлением вреда. В данной ситуации в большинстве случаев также отсутствует и гражданско-правовой спор между гражданским истцом и ответчиком, следовательно, возможность заключения мирового соглашения способствовала процессуальной экономии.

Применение такой меры процессуального принуждения, как наложение ареста на имущество, вызывает дискуссии, поскольку, являясь гарантией компенсации причиненного преступлением вреда, существенным образом ограничивает право собственности. При разрешении гражданского

иска по уголовному делу следует учитывать, что деятельность судебных органов в первую очередь направлена на защиту прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступления. В связи с этим представляются необоснованно ограниченными полномочия суда по наложению ареста на имущество на стадии подготовки к судебному разбирательству. В случае, если суд установит непринятие мер по обеспечению гражданского иска, соответствующее постановление суд вправе вынести исключительно на основании ходатайства потерпевшего, его представителя или прокурора (п. 5 ч. 1 ст. 228 УПК РФ). Как справедливо отмечает А. Г. Дык, данная норма закона способствует снижению судебного контроля над этим вопросом [11, с. 173–174].

При этом центральную часть судебной деятельности составляет осуществление правозащитной функции, которую следует понимать как любую деятельность, направленную на защиту прав и законных интересов пострадавших от преступного посягательства лиц [12, с. 8–9].

Стоит отметить, что, по нашему мнению, наложение судом по собственной инициативе ареста с целью обеспечения гражданского иска окажет положительное воздействие на повышение защищенности прав и законных интересов лиц, пострадавших от преступления, и указанное правомочие не будет нарушать принцип состязательности и презумпцию невиновности.

Кроме того, полагаем, что орган предварительного расследования, предвидя возможность заявления пострадавшим гражданского иска в будущем, обязан предпринять действия сохранения имущественной массы путем наложения ареста в целях его обеспечения [13, с. 17–20; 14, с. 268–271].

В заключение стоит отметить, что уголовно-процессуальное законодательство должно в полной мере отвечать современным тенденциям развития российского государства и общества, обеспечивая эффективную правовую защиту физических и юридических лиц, которым в результате совершения преступления причинен вред.

Литература

1. *Дорошков В. В.* Современный уголовный процесс через призму духовно-нравственных основ российского общества // Журнал российского права. 2021. № 12. С. 14–25.

2. *Зайцев О. А., Потапов В. Д.* Гражданский иск как правовое средство защиты прав и законных интересов личности на современном этапе развития уголовно-процессуальных отношений // Мониторинг правоприменения. 2020. № 4. С. 33–36.

3. *Кони А. Ф.* Избранные труды и речи. Тула: Автограф, 2000. 638 с.

4. *Тихомиров Ю. А.* Публичное право. Учебник. М.: БЕК, 1995. 496 с.

5. *Иванов Д. А.* Теоретические и правовые основы досудебного порядка возмещения вреда, причиненного преступлением: монография. М.: Юрлитинформ, 2019. 328 с.

6. *Альперт С. А.* Потерпевший в советском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Харьков, 1951. 290 с.

7. *Булатов Б. Б., Дежнев А. С., Ларин Е. Г.* Возмещение морального вреда, причиненного преступлением // Сибирское юридическое обозрение. 2023. № 4. С. 11–15.

8. Методические рекомендации по определению размера компенсации морального вреда при посягательствах на жизнь, здоровье и физическую неприкосновенность человека [Электронное издание]. М.: М-Логос, 2023. 82 с.

9. Научно-практическое пособие по применению УПК РФ / В. П. Верин, В. В. Дорошков, В. М. Лебедев и др.; под ред. В. М. Лебедева. М.: Норма, 2004. 448 с.

10. *Михайлова Е. В.* Гражданский иск в уголовном процессе: вопросы теории и практики // Российский судья. 2021. № 12. С. 7–11.

11. *Дык А. Г.* Актуальные вопросы гражданского иска в уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Смоленск. 2006. 250 с.

12. *Качалова О. В.* Функции суда в современном российском уголовном судопроизводстве // Российский судья. 2014. № 1. С. 8–10.

13. *Севостьянова А. В.* Сущность и правовое значение гражданского иска в уголовном деле // Мировой судья. 2023. № 1. С. 17–20.

14. *Севостьянова А. В.* Гражданский иск в уголовном деле как воплощение нравственных основ уголовного процесса // Уголовно-правовые и уголовно-процессуальные средства обеспечения эконо-

мической безопасности: коллективная монография / отв. ред. О. А. Зайцев, С. Л. Нудель. М.: ИЗиСП; ИД «Юриспруденция», 2022. С. 268–271.

References

1. *Zaitsev O. A., Potapov V. D.* Grazhdanskij isk kak pravovoe sredstvo zashchity prav i zakonnyh interesov lichnosti na sovremennom etape razvitija ugolovno-protsessual'nyh otnoshenij ["Civil Claim as a Legal Tool for Protection of Individual Rights and Legitimate Interests at the Present Stage of Development of Criminal Procedural Relations"] // In *Monitoring pravoprimenenija [Application of Law Monitoring],* 2020, No. 4, s. 33–36.

2. *Al'pert S. A.* Poterpavshij v sovetskom ugolovnom processe ["Victim in Soviet Criminal Process"]. Dis. ... cand. jurid. sci. Kharkov, 1951. 290 pages. (In Russian)

3. *Bulatov B. B., Dezhnev A. S., Larin E. G.* Vozmeschenie moral'nogo vreda, prichinjonnogo prestupleniem ["Compensation for Moral Harm Caused by a Crime"] // In *Sibirskoe juridicheskoe obozrenie [Siberian Legal Review]*, 2023, No. 4, s. 11–15.

4. *Mikhailov A. V.* Grazhdanskij isk v ugolovnom processe: voprosy teorii i praktiki ["Civil Suit in Criminal Proceedings: Questions of Theory and Practice"] // In *Rossijskij sud'ja [Russian Judge]*, 2021, No. 12, s. 7–11.

5. *Dyk A. G.* Aktual'nye voprosy grazhdanskogo iska v ugolovnom processe ["Relevant Issues of Civil Claims in Criminal Proceedings"]. Dis. ... cand. jurid. sci. Smolensk, 2006. 250 pages. (In Russian)

6. *Kachalova O. V.* Funkcii suda v sovremennom rossijskom ugolovnom sudoproizvodstve ["Functions of Court in Modern Russian Criminal Justice"] // In *Rossijskij sud'ja [Russian Judge]*, 2014, No. 1, s. 8–10.

7. *Sevost'janova A. V.* Suschnost' i pravovoe znachenie grazhdanskogo iska v ugolovnom dele ["Essence and Legal Significance of Civil Claim in Criminal Cases"] // In *Mirovoj sud'ja [World Judge]*, 2023, No. 1, s. 17–20.

8. *Sevost'janova A. V.* Grazhdanskij isk v ugolovnom dele kak voploshhenie nravstvennyh osnov ugolovnogo processa ["Civil Claim in Criminal Case as Embodiment of Ethical Principles of Criminal Procedure"] // In Ugolovno-pravovye i ugolovno-protsessual'nye sredstva obespechenija jekonomicheskoj bezopasnosti [Criminal and Criminal-Procedural Tools for Providing Economic Safety]: Collective Monograph / eds. O. A. Zaitsev, S. L. Nudel'. Moscow: IZiSP; ID "Yurisprudentsiya", 2022, s. 268–271.

9. *Zaitsev O. A., Ivanova D. A.* Teoreticheskie i pravovye osnovy dosudebnogo porjadka vozmeschenija vreda, prichinjonnogo prestupleniem ["Theoretical and Legal Foundations of Extra-Judicial Order for Compensation of Damage Caused by Crime"]. Monograph. Moscow: Jurlitinform, 2019. 328 pages. (In Russian)

10. *Doroshkov V. V.* Sovremennyj ugolovnyj process cherez prizmu duchovnonravstvennyh osnov rossijskogo obshchestva ["Modern Criminal Trial Through the Lens of Spiritual-Moral Values of Russian Society"] // In *Zhurnal rossijskogo prava [Journal of Russian Law]*, 2021, No. 12, s. 14–25.

11. *Tikhomirov Yu. A.* Publichnoe pravo ["Public Law"]. Textbook. Moscow: BEK, 1995. 496 pages. (In Russian)

12. *Kon A. F.* Izbrannye trudy i rechi ["Selected Works and Speeches"]. Tula: Avtograf, 2000. 638 pages. (In Russian)

13. *Michajlova E. V.* Grazhdanskij isk v ugolovnom processe: voprosy teorii i praktiki ["Civil Claim in Criminal Proceedings: Questions of Theory and Practice"] // In *Rossijskij sud'ja [Russian Judge]*, 2021, No. 12, s. 7–11.

14. Nauchno-prakticheskoe posobie po primeneniju UPK RF ["Methodological Guide to Application of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation"] / V. P. Verin, V. V. Doroshkov, V. M. Lebedev et al.; ed. V. M. Lebedev. Moscow: Norma, 2004. 448 pages. (In Russian)

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ОЦЕНКЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ: ОТ ВНУТРЕННЕГО УБЕЖДЕНИЯ К ОБЪЕКТИВИЗИРОВАННОЙ АЛГОРИТМИЧЕСКОЙ ОЦЕНКЕ

Костенко Роман Валерьевич,
Ильяшенко Алексей Николаевич

Цель: *в статье исследуется проблема трансформации института оценки доказательств в уголовном судопроизводстве в контексте внедрения технологий искусственного интеллекта. Авторы анализируют ограничения традиционной модели оценки доказательств, основанной на внутреннем убеждении. На основе современных исследований в области когнитивной психологии и нейронаук раскрывается многокомпонентная природа процесса формирования внутреннего убеждения. Детально рассматривается методологическая база алгоритмической оценки доказательств, основанная на глубоких нейронных сетях с многослойной архитектурой. Анализируются преимущества алгоритмической модели, включая способность к обработке больших объемов информации, последовательность применяемых критериев, прозрачность и верифицируемость результатов. Исследуется международный опыт применения систем искусственного интеллекта в оценке доказательств.*

Методология: *основу методологии исследования составляют диалектический метод, применяемые общенаучные (системно-структурный и формально-логический, индуктивный и дедуктивный, анализ и синтез) и специальные (формально-юридический, сравнительно-правовой) методы.*

Выводы. *Обоснована необходимость перехода от оценки доказательств на основе внутреннего убеждения к объективизированной алгоритмической оценке доказательств, что представляет собой фундаментальную трансформацию самой парадигмы уголовно-процессуального доказывания. Такая трансформация будет характеризоваться смещением от субъективно-интуитивного к объективно-аналитическому подходу в оценке доказательств по уголовным делам, что позволит преодолеть естественные когнитивные ограничения человеческого познания при сохранении способности к комплексному анализу многоаспектной доказательственной информации. Указанный переход возможен только при условии системного подхода, включающего технологическую, правовую и этическую составляющие.*

Научная и практическая значимость. *Рассматриваемые в настоящей статье положения могут послужить теоретическими предпосылками для дальнейшей научной разработки вопросов использования искусственного интеллекта в оценке доказательств по уголовным делам. Изложенные результаты могут быть использованы в нормотворческой деятельности в ходе реализации мероприятий по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект, оценка доказательств, уголовный процесс, внутреннее убеждение, алгоритмическая оценка, нейронные сети, байесовские сети, трансформерные модели, объективизация доказывания, цифровизация правосудия.*

Внутреннее убеждение как основа оценки доказательств в уголовном судопроизводстве представляет собой сложный когнитивный процесс, сочетающий в себе рациональные и интуитивные элементы принятия решений. В современных исследованиях отечественных авторов внутреннее убеждение рассматривается как многоаспектный феномен, интегрирующий философско-право-

DOI 10.31085/2310-8681-2025-3-288-152-157

вые, этические и методологические компоненты оценки доказательств, что подчеркивает необходимость системного подхода к его пониманию [1, с. 71–78; 2, с. 101–108; 3, с. 10–12; 4, с. 53–58; 5, с. 363–368]. При этом некоторые ученые, придерживаясь традиционного подхода к пониманию внутреннего убеждения, категорически отрицают возможность алгоритмизации оценки доказательств [6, с. 5–8].

Современные зарубежные исследования в области когнитивной психологии и нейронаук также показывают, что процесс формирования внутреннего убеждения включает несколько взаимосвязанных компонентов: аналитическую обработку информации, эмоциональную оценку, учет предыдущего опыта и прогнозирование возможных последствий [7, с. 814–837; 8; 9]. Авторы эмпирически доказывают, что люди, принимающие правовые решения, используют механизм «удовлетворения ограничений»: они стремятся найти такую интерпретацию доказательств, которая создает наиболее согласованную общую картину произошедшего преступления.

В итоге такая многокомпонентность внутреннего убеждения, с одной стороны, обеспечивает гибкость в оценке доказательств по уголовным делам, а с другой – создает риски когнитивных искажений.

Достоинства существующей в уголовно-процессуальной деятельности модели оценки доказательств на основе внутреннего убеждения проявляются прежде всего в способности учитывать неформализуемые аспекты доказательственной информации, а именно: контекст получения доказательств, невербальные признаки достоверности показаний, социально-психологические характеристики участников уголовно-процессуальных правоотношений. Человеческое сознание способно интегрировать эти многочисленные факторы в целостную картину произошедшего криминального события. Однако именно в этих достоинствах скрываются и существенные недостатки. Субъект, оценивающий доказательства, неизбежно находится под влиянием собственных предубеждений, профессиональной деформации, эмоционального состояния. Более того, сам механизм принятия уголовно-процессуальных решений на основе внутреннего убеждения зачастую не поддается рациональной реконструкции – субъект уголовной юрисдикции может затрудниться в объяснении, почему он счел одни доказательства более весомыми, чем другие.

Отдельную проблему представляет отсутствие четких критериев формирования внутреннего убеждения. Законодательная формула «оценка доказательств по внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью» (ст. 17 УПК РФ) оставляет широкий простор для интерпретации. Это создает ситуацию, когда одни и те же доказательства могут получить диаметрально противоположную оценку разными субъектами доказывания.

Поэтому в современных условиях возрастающей сложности доказательственной информации, увеличения объема данных, требующих анализа, традиционный подход к оценке доказательств на основе внутреннего убеждения обнаруживает свои ограничения. Человеческое сознание имеет естественные пределы обработки информации, что может приводить к упрощению сложных взаимосвязей между уголовно-процессуальными доказательствами или игнорированию значимых, но неочевидных закономерностей. Эта ситуация усугубляется тем, что процесс формирования внутреннего убеждения практически не поддается внешнему контролю и верификации. Мотивировка принятого решения на основе оценки доказательств по внутреннему убеждению может быть логически безупречной, но при этом не отражать реальных причин, по которым субъект пришел к определенным выводам.

Таким образом, институт оценки доказательств на основе внутреннего убеждения, исторически сложившийся как альтернатива формальной системе доказательств, в современных условиях сам нуждается в существенной модернизации.

Современные технологии искусственного интеллекта предоставляют уникальную возможность для качественного преобразования процесса оценки доказательств по внутреннему убеждению. В отличие от человеческого познания, ограниченного объемом обрабатываемой информации и подверженного когнитивным искажениям, искусственный интеллект способен анализировать масштабные массивы данных, выявлять неочевидные взаимосвязи и закономерности, обеспечивая более полную и объективную картину исследуемых обстоятельств совершенного преступления.

В методологическом аспекте оценка доказательств искусственным интеллектом базируется на глубоких нейронных сетях с многослойной архитектурой. Данный подход позволяет выполнять анализ сложно структурированной информации на различных уровнях абстракции через многоуровневый анализ, включающий несколько ключевых этапов.

На этапе предварительной обработки доказательственной информации нейронная сеть осу-

ществляет классификацию доказательств по их видам (показания, вещественные доказательства, заключения экспертов и т. д.) и выделяет их значимые признаки. Интеллектуальный анализатор способен идентифицировать как явные характеристики доказательств, так и латентные взаимосвязи между ними.

Далее вычислительный механизм применяет методы вероятностного вывода, основанные на байесовских сетях *(байесовские сети представляют собой вероятностную графическую модель, которая позволяет описывать зависимости между множеством переменных и производить вероятностный вывод с учетом этих зависимостей. В контексте оценки доказательств данный метод представляет особую ценность, поскольку позволяет учитывать условные вероятности достоверности одних доказательств в зависимости от достоверности других, формируя сложную сеть взаимосвязей между различными элементами доказательственной базы. Например, достоверность показаний свидетеля может быть оценена не изолированно, а в связи с имеющимися вещественными доказательствами, результатами экспертиз и другими доказательствами по уголовному делу, что максимально приближает оценку доказательств к естественной логике человеческого мышления, но с существенно большей точностью вычислений и возможностью учета множества параметров одновременно)*. Все это обеспечивает оценку каждого доказательства с учетом его взаимосвязей с другими элементами доказательственной базы. Этот процесс аналогичен логическим операциям человеческого сознания при формировании внутреннего убеждения, но выполняется с существенно большей точностью и возможностью одновременного учета множества факторов.

Следующий этап включает использование алгоритмической модели обработки естественного языка для анализа текстовых документов, показаний и иных вербальных доказательств. Современные трансформерные модели позволяют выявлять не только фактическую информацию, но и оценивать согласованность различных текстовых источников, обнаруживать противоречия и логические несоответствия. Трансформерные модели (transformer models) представляют собой архитектуру глубокого обучения, специализированную на обработке последовательных данных, в частности текста. Наиболее известными примерами являются GPT (Generative Pre-trained Transformer) от OpenAI, BERT (Bidirectional Encoder Representations from Transformers) от Google, LLaMA от Meta, а также Claude (включая версии Claude 3 Opus, Claude 3.5 Sonnet и Claude 3 Haiku) от Anthropic. Эти и другие трансформерные модели используют механизм самовнимания (self-attention), позволяющий учитывать контекстуальные связи между элементами анализируемого текста на разных уровнях, что особенно важно при оценке текстовых доказательств в уголовном процессе, где необходимо выявлять как явные, так и неявные смысловые связи, противоречия и логические несоответствия, например, в протоколах и иных процессуальных документах.

На заключительном этапе программный комплекс осуществляет интеграцию всех проанализированных данных с использованием методов многокритериальной оптимизации. Это позволяет сформировать целостную оценку всей совокупности доказательств по уголовному делу. При этом важно подчеркнуть, что интеллектуальный анализатор не просто суммирует отдельные оценки, а производит комплексный анализ их взаимного влияния и согласованности.

Именно такая методологическая база создает основу для перехода к совершенно новой, прогрессивной модели оценки доказательств в уголовном судопроизводстве, альтернативной внутреннему убеждению – алгоритмической оценке доказательств, которая характеризуется рядом существенных преимуществ.

Преимущества алгоритмической оценки доказательств проявляются в нескольких ключевых аспектах.

Во-первых, системы искусственного интеллекта способны обрабатывать и анализировать значительно больший объем информации, чем человеческое сознание, что особенно важно в условиях современного уголовного судопроизводства, где объем доказательственной информации постоянно возрастает. Искусственный интеллект может одновременно учитывать множество факторов, выявлять сложные взаимосвязи между доказательствами и обнаруживать неочевидные закономерности.

Во-вторых, алгоритмическая оценка характеризуется последовательностью и непротиворечивостью применяемых критериев. В отличие от человеческого сознания, которое подвергается влиянию эмоций, усталости, профессиональной деформации, алгоритмы обеспечивают стабильность подхода к оценке схожих доказательственных ситуаций. Это способствует повышению единообразия правоприменительной практики и укреплению правовой определенности.

В-третьих, алгоритмическая оценка обладает важным преимуществом прозрачности и вери-

фицируемости. Каждый шаг в такой оценке доказательств может быть прослежен и проверен, что создает дополнительные гарантии справедливости уголовного правосудия. Как показывают исследования в области когнитивной психологии, процесс формирования внутреннего убеждения не поддается рациональной реконструкции, тогда как алгоритмический анализ всегда может быть воспроизведен и проверен.

На наш взгляд, переход к алгоритмической модели оценки доказательств представляется не только возможным, но и необходимым этапом развития уголовного судопроизводства в условиях цифровой трансформации общества. Перспективность перехода к алгоритмической модели оценки доказательств в уголовном процессе подтверждается успешным опытом применения систем искусственного интеллекта в некоторых зарубежных юрисдикциях.

Так, в США система COMPAS (Correctional Offender Management Profiling for Alternative Sanctions) используется в уголовном судопроизводстве для оценки доказательственной информации.

В Великобритании полиция применяет систему HART (Harm Assessment Risk Tool) для оценки доказательств при принятии некоторых решений [10, с. 223–250].

В Китае в настоящее время успешно функционирует система «206 System», используемая в судах для стандартизации оценки доказательств. В частности, опыт ее применения отмечается в некоторых отечественных научных работах [11, с. 75–82].

Значимым эмпирическим подтверждением перспективности перехода к алгоритмической оценке доказательств являются результаты исследования Yamamoto H. и Suzuki T., опубликованного в Scientific Reports [12, с. 1–6]. В рамках двух экспериментальных исследований авторы изучали принятие людьми решений искусственного интеллекта в ситуациях сложной этической оценки действий. Полученные результаты продемонстрировали, что в определенных условиях люди проявляют более высокий уровень доверия к решениям искусственного интеллекта, чем к решениям человека. В частности, это наблюдается в ситуациях, когда алгоритмическая система предлагает положительную оценку действий, а человек – отрицательную. Исследователи объясняют данный феномен тем, что в сложных этических ситуациях люди воспринимают алгоритмическую оценку как более рациональную и объективную в сравнении с потенциально эмоционально окрашенными человеческими суждениями. Данные результаты свидетельствуют о готовности общества к постепенному переходу от субъективной оценки доказательств, основанной на внутреннем убеждении, к объективизированной алгоритмической оценке, особенно в тех ситуациях, где требуется комплексный анализ сложных взаимосвязей между доказательствами.

По нашему мнению, практическая интеграция алгоритмической оценки доказательств в существующую систему уголовного судопроизводства предполагает поэтапный переход. На первом этапе алгоритмическая оценка должна использоваться как вспомогательный инструмент, дополняющий традиционную оценку доказательств по внутреннему убеждению. Это позволит накопить необходимый опыт применения новой технологии и выявить возможные проблемные аспекты. На втором этапе должно произойти расширение сферы применения алгоритмической оценки доказательств с постепенным увеличением ее значимости в уголовном судопроизводстве. Заключительный этап будет означать полноценное внедрение алгоритмической модели оценки доказательств в уголовный процесс, при условии сохранения за человеком (субъектом уголовной юрисдикции) функции финального контроля принимаемых решений искусственным интеллектом.

В итоге можно сформулировать следующий концептуальный вывод: переход от оценки доказательств на основе внутреннего убеждения к объективизированной алгоритмической оценке представляет собой не просто технологическую модернизацию уголовного судопроизводства, а фундаментальную трансформацию самой парадигмы уголовно-процессуального доказывания. Такая трансформация будет характеризоваться смещением от субъективно-интуитивного к объективно-аналитическому подходу в оценке доказательств по уголовным делам, что позволит преодолеть естественные когнитивные ограничения человеческого познания при сохранении способности к комплексному анализу многоаспектной доказательственной информации. При этом алгоритмическая модель не просто заместит внутреннее убеждение, а создаст качественно новый уровень объективизации процесса доказывания по уголовным делам, характеризующийся верифицируемостью результатов, прозрачностью критериев оценки и возможностью непрерывного совершенствования на основе накапливаемого опыта.

Важно подчеркнуть, что успешная реализация указанного перехода возможна только при условии системного подхода, включающего не только технологическую имплементацию алго-

ритмических решений, но и соответствующую адаптацию отечественной нормативно-правовой базы, разработку этических стандартов применения искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве и создание эффективных механизмов контроля за функционированием абсолютно новой модели оценки доказательств. Опыт зарубежных юрисдикций подтверждает не только техническую осуществимость, но и социальную приемлемость такого перехода, что создает необходимые предпосылки для его практической реализации в российском уголовном процессе.

Литература

1. *Пантыкина М. И.* Экспликация внутреннего убеждения судьи в контексте трансцендентальной философии (А. Райнах, К.-О. Апель, Дж. Серл) // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 495. С. 71–78.

2. *Харланова М. Д.* К вопросу об определении понятия внутреннего убеждения субъекта оценки доказательств // Теория и практика общественного развития. 2023. № 1 (179). С. 101–108.

3. *Баринова А. Ю., Севастьянова В. В., Крысин В. А.* Внутреннее убеждение как принцип и метод оценки доказательств // Актуальные проблемы уголовного права и процесса, уголовно-исполнительного права и криминалистики: Сборник трудов XII Всероссийской научно-практической конференции (Саранск, 31 мая 2023 года). Саранск: ИП Афанасьев В. С., 2024. С. 10–12.

4. *Самаркин Н. А.* Юридические и этические аспекты внутреннего убеждения судьи: анализ правовых норм и этических стандартов, регулирующих процесс формирования внутреннего убеждения // Трибуна ученого. 2024. № 9. С. 53–58.

5. *Саушкина А. С.* Этический критерий внутреннего судейского убеждения при оценке доказательств Ius est ars boni et aequi (право – это искусство добра и справедливости) // Судебная власть в условиях новых вызовов: сборник статей Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 25-летию кафедры организации судебной и правоохранительной деятельности РГУП. В 2-х частях, Москва, 14–15 декабря 2023 года. М.: Российский государственный университет правосудия, 2024. С. 363–368.

6. *Горбачева А. С., Горбунова К. А.* Внутреннее убеждение судьи при оценке доказательств в уголовном процессе // Вестник Института деловой карьеры. 2023. № 4 (44). С. 5–8.

7. *Simon D., Snow C. J., Read S. J.* The Redux of Cognitive Consistency Theories: Evidence Judgments by Constraint Satisfaction // Journal of Personality and Social Psychology. 2004. Vol. 86. № 6. P. 814–837. https://doi.org/10.1037/0022-3514.86.6.814.

8. *Maegherman E., Ask K., Horselenberg R., van Koppen P. J.* Test of the analysis of competing hypotheses in legal decision-making // Applied Cognitive Psychology. 2020. Vol. 35. № 1. https://doi.org/10.1002/acp.3738.

9. *Rassin E.* Context effect and confirmation bias in criminal fact finding // Legal and Criminological Psychology. 2020. Vol. 25. № 2. https://doi.org/10.1111/lcrp.12172.

10. *Oswald M., Grace J., Urwin S., Barnes G.* Algorithmic Risk Assessment Policing Models: Lessons from the Durham HART Model and "Experimental" Proportionality // Information & Communications Technology Law. 2018. Vol. 27. № 2. P. 223–250. https://doi.org/10.1080/13600834.2018.1458455.

11. *Трощинский П. В.* Судебная система КНР в эпоху цифровизации: основные направления развития // Российское правосудие. 2021. № 6. С. 75–82.

12. *Yamamoto H., Suzuki T.* Exploring condition in which people accept AI over human judgements on justified defection // Scientific Reports. 2025. Vol. 15. № 3339. P. 1–6. https://doi.org/10.1038/s41598-025-87170-w.

References

1. *Pantykina M. I.* Eksplikatsiya vnutrennego ubezhdeniya sudi v kontekste transtsendentalnoy filosofii (A. Rainakh, K.-O. Apel, Dzh. Serl) [Explication of judge's inner conviction in the context of transcendental philosophy (A. Reinach, K.-O. Apel, J. Searle)] // In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Tomsk State University],* 2023, no. 495, pp. 71–78. (In Russian, abstract in English)

2. *Kharlanova M.D.* K voprosu ob opredelenii ponyatiya vnutrennego ubezhdeniya subekta otsenki dokazatelstv [On the question of defining the concept of inner conviction of the subject of evidence evaluation] //

In *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya [Theory and Practice of Social Development],* 2023, no. 1(179), pp. 101–108. (In Russian, abstract in English)

3. *Barinova A. Yu., Sevastyanova V. V., Krysin V. A.* Vnutrennee ubezhdenie kak printsip i metod otsenki dokazatelstv [Inner conviction as a principle and method of evidence evaluation] // In *Aktualnye problemy ugolovnogo prava i protsessa, ugolovno-ispolnitelnogo prava i kriminalistiki [Actual problems of criminal law and procedure, penal law and criminalistics],* 2024, pp. 10–12. (In Russian, abstract in English)

4. *Samarkin N. A.* Yuridicheskie i eticheskie aspekty vnutrennego ubezhdeniya sudi: analiz pravovykh norm i eticheskikh standartov [Legal and ethical aspects of judge's inner conviction: analysis of legal norms and ethical standards] // In *Tribuna uchenogo [Scholar's Tribune],* 2024, no. 9, pp. 53–58. (In Russian, abstract in English)

5. *Saushkina A. S.* Eticheskiy kriteriy vnutrennego sudeyskogo ubezhdeniya pri otsenke dokazatelstv Ius est ars boni et aequi [Ethical criterion of judicial inner conviction in evidence evaluation Ius est ars boni et aequi] // In *Sudebnaya vlast v usloviyakh novykh vyzovov [Judicial power in the face of new challenges],* 2024, pp. 363–368. (In Russian, abstract in English)

6. *Gorbacheva A. S., Gorbunova K. A.* Vnutrennee ubezhdenie sudi pri otsenke dokazatelstv v ugolovnom protsesse [Judge's inner conviction in the evaluation of evidence in criminal proceedings] // In *Vestnik Instituta delovoy karyery [Bulletin of the Institute of Business Career],* 2023, no. 4(44), pp. 5–8. (In Russian, abstract in English)

7. *Simon D., Snow C. J., Read S. J.* The Redux of Cognitive Consistency Theories: Evidence Judgments by Constraint Satisfaction. Journal of Personality and Social Psychology, 2004, vol. 86, no. 6, pp. 814–837. https://doi.org/10.1037/0022-3514.86.6.814

8. *Maegherman E., Ask K., Horselenberg R., van Koppen P. J.* Test of the analysis of competing hypotheses in legal decision-making. Applied Cognitive Psychology, 2020, vol. 35, no. 1. https://doi.org/10.1002/acp.3738

9. *Rassin E.* Context effect and confirmation bias in criminal fact finding. Legal and Criminological Psychology, 2020, vol. 25, no. 2. https://doi.org/10.1111/lcrp.12172

10. *Oswald M., Grace J., Urwin S., Barnes G.* Algorithmic Risk Assessment Policing Models: Lessons from the Durham HART Model and "Experimental" Proportionality. Information & Communications Technology Law, 2018, vol. 27, no. 2, pp. 223–250. https://doi.org/10.1080/13600834.2018.1458455

11. *Troshchinsky P. V.* Sudebnaya sistema KNR v epokhu tsifrovizatsii: osnovnye napravleniya razvitiya [The judicial system of PRC in the era of digitalization: main directions of development] // In *Rossiyskoe pravosudie [Russian Justice],* 2021, no. 6, pp. 75–82. (In Russian, abstract in English)

12. *Yamamoto H., Suzuki T.* Exploring condition in which people accept AI over human judgements on justified defection. Scientific Reports, 2025, vol. 15, no. 3339, pp. 1–6. https://doi.org/10.1038/s41598-025-87170-w

ГРАЖДАНСКОЕ И ГРАЖДАНСКОЕ ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА БОРЬБЫ С НАРУШЕНИЯМИ ЖИЛИЩНЫХ ПРАВ ГРАЖДАН

Пушкина Анна Викторовна

Цель: *выявить наиболее распространенные способы нарушения жилищных прав граждан и предложить пути борьбы с ними. Жилищные права граждан могут быть нарушены как по объективным причинам (например, несовершенство законодательного регулирования), так и вследствие противоправных действий третьих лиц. В настоящей статье рассматривается только второй случай, поскольку борьба с такого рода нарушениями затрагивает не только частный, но и публичный интерес.*

Методология: *метод обобщения и сравнения, анализ, синтез, дедукция, индукция, диалектический, историко-правовой, формально-логический и сравнительно-правовой методы.*

Выводы. *Совершение большинства противоправных действий, нарушающих жилищные права граждан, влечет как уголовную ответственность, так и гражданско-правовые последствия. Они подробно исследованы в статье. Но в некоторых случаях закон предусматривает только уголовную ответственность за преступления, связанные с нарушением жилищных прав граждан (например, убийство получателя ренты). Если бы закон предусматривал в таких ситуациях и гражданско-правовую санкцию в виде передачи имущества, находившегося под обременением рентой, наследникам получателя ренты, это послужило бы как защите прав потерпевших, так и предотвращению новых преступлений такого рода.*

Научная и практическая значимость. *После того, как в России для граждан появилась возможность иметь квартиры в частной собственности, участились случаи мошенничества с жильем. Но в этой сфере мошенничество представляет особую опасность, так как жилье, помимо экономической ценности, является социально важным объектом. Без жилья человек не в состоянии достойно существовать в обществе. Поэтому для государства особо остро стоит вопрос противодействия такого рода мошенничеству и защиты прав граждан, которые стали его жертвами. В данной статье выявлены наиболее часто встречающиеся случаи нарушения жилищных прав граждан, проанализированы их причины и предложены пути совершенствования законодательства в целях борьбы с нарушениями жилищных прав граждан.*

Ключевые слова: *жилое помещение, право на жилище, право собственности, отчуждение недвижимости, противоправное действие, захват жилья, «профессиональные соседи», договор ренты, недействительная сделка, функции прокурора.*

Жилище – одно из наиболее социально значимых материальных благ для человека. Без него физическое лицо не может нормально существовать в обществе и становится маргинальным элементом. В то же время жилище – зачастую самое дорогое имущество, которым владеет человек. Поэтому нередко в отношении граждан совершаются неправомерные действия с целью захвата их квартир.

Статья 40 Конституции РФ закрепляет право на жилище в качестве одного из основных прав человека. Социальная значимость права на жилище для гражданина очень велика, оно является одной из составных частей права на достойный жизненный уровень, закрепленного в ст. 25 Всеобщей декларации прав человека 1948 года. Государство создает систему гарантий обеспечения

DOI 10.31085/2310-8681-2025-3-288-158-165

права гражданина на жилище, среди которых важное место занимают отраслевые гарантии. Одним из направлений таких гарантий является противодействие противоправному лишению граждан жилища, а также восстановление права человека на жилище, если меры по противодействию оказались безуспешными.

К задачам государственной политики России, исходя из стратегических приоритетов национальной безопасности РФ, относятся создание комфортной и безопасной среды для проживания, улучшение жилищных условий граждан, повышение доступности и качества жилья *(Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351)*. Представляется, что для решения этих задач немаловажно проанализировать наиболее типичные случаи нарушения жилищных прав граждан, а также наметить пути исправления сложившейся ситуации.

В. Алистархов и Е. Свирид [1] отмечают, что к потенциальным жертвам противоправных действий, направленных на захват жилья, относятся социально уязвимые группы населения: пенсионеры, лица, страдающие алкогольной или наркотической зависимостью, и др. Противоправные действия, связанные с завладением жилищем, очень многообразны [2].

Так, распространена практика выживания людей из квартир с помощью «профессиональных соседей». Преступники выявляют квартиры, находящиеся в долевой собственности, и выкупают небольшую долю такой квартиры. Затем вселяются в нее и создают невыносимые условия для проживания оставшимся сособственникам, которым приходится продать свою долю «соседям» по заниженной цене. Получив таким образом квартиру, преступники реализуют ее по рыночной стоимости. Указанная проблема стала менее острой после того, как было введено обязательное нотариальное удостоверение сделок, связанных с отчуждением долей в праве общей собственности на недвижимость. На противодействие такого рода мошенничеству направлен и запрет на выделение долей в жилом помещении менее 6 кв. м, введенный в 2022 г. (п. 1^1 ст. 30 ЖК РФ). Однако необходимо дальнейшее совершенствование законодательства по данному вопросу, поскольку до конца решить проблему пока не удалось.

Нарушения жилищных прав граждан могут быть связаны и с навязыванием дополнительных услуг при приобретении жилья. Так, при получении ипотеки заемщику могут навязать страхование переданной под залог недвижимости. Застройщик нередко навязывает дольщикам при сдаче квартиры «свою» управляющую компанию. Здесь к потребителю применяется комплекс психологических приемов, с помощью которых человек со слабой волей принимает нужное контрагенту решение [3].

Иногда жилищные права граждан нарушаются путем обмана. Например, при предоставлении займа займодавец просит в качестве способа обеспечения исполнения обязательства предоставить ему право собственности на квартиру и обещает передать его обратно при своевременном возврате суммы займа. Однако если даже обязательства заемщика исполнены, займодавец не возвращает право собственности на квартиру, а предпринимает действия по выселению из нее своего контрагента. Поскольку в России обеспечительная передача права собственности законом не урегулирована, такая сделка обычно признается притворной как прикрывающая залог. Права заемщика удается защитить, если только будет доказан обеспечительный характер сделки по отчуждению квартиры.

Бывают ситуации, когда собственник квартиры даже не знает, что произошло ее отчуждение. Здесь используются разные способы мошенничества с помощью поддельных документов, электронных цифровых подписей, подкупа чиновников и т.п. После этого человека пытаются выселить из квартиры, которая по документам уже ему не принадлежит. В данном случае действенным является такой способ защиты права, как иск о признании права собственности.

Случается, что право на жилище нарушают коллекторы, которым было уступлено право требования к гражданину. Здесь возможно противоправное проникновение в жилище и иные неправомерные действия. Причем иногда происходят ошибки и требования начинают предъявлять не к должнику, а к его тезке.

Если гражданин передал свое жилое помещение под выплату ренты, то в целях снятия обременения с жилища преступники нередко идут на убийство. После смерти получателя ренты стоимость квартиры резко возрастает, особенно в крупных городах. Исследователи отмечают, что в этом случае закон не предоставляет наследникам получателя ренты права требовать вхождения имущества, переданного под выплату ренты, в состав наследственной массы, и прекращения на него права собственности убийцы-плательщика ренты [4, с. 30]. Так, апелляционным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 12 октября 2017 г. № 5-АПУ17-78 оставлен без изменения приговор по уголовному

делу об убийстве по заказу плательщика ренты получателя ренты. При этом наследник получателя ренты в гражданском иске не ставил вопрос о прекращении права собственности плательщика ренты на квартиру, переданную под выплату ренты, а только потребовал компенсации морального вреда, причиненного смертью матери.

Представляется, что при насильственной смерти плательщика ренты по вине получателя ренты последствие в виде снятия обременения с имущества выглядит очень нелогично. Более справедливой для таких случаев выглядела бы норма о прекращении права собственности плательщика ренты на основании закона. Для ситуаций, когда имущество передано под выплату ренты бесплатно, и сейчас могла бы применяться норма ст. 578 ГК РФ об отмене дарения на основании п. 2 ст. 585 ГК РФ. Но на практике такого не происходит. И представляется, что здесь не должно быть различий в правовом регулировании случаев, когда имущество передано под выплату ренты за плату и бесплатно. Такая мера могла бы минимизировать риски, которые появляются у получателя ренты при отчуждении своего имущества под выплату ренты.

Наконец, возможны противоправные действия в отношении наследодателя жилого помещения. Со смертью наследодателя право собственности на жилье переходит к наследникам. Поэтому среди наследников как по закону, так и по завещанию встречаются лица, заказывающие убийство наследодателя. Если факт убийства доказан, то такой наследник считается недостойным и лишается наследства на основании ст. 1117 ГК РФ. Представляется, что ситуация с рентой очень похожа, только аналогичное законодательное решение пока отсутствует.

Так, человек может совершить сделку по отчуждению жилого помещения под влиянием угрозы или насилия. Статья 179 ГК РФ закрепляет для потерпевшего возможность обращения в суд с иском о признании такой сделки недействительной. Но суды часто отказывают в данных исках из-за недоказанности порока воли.

Федеральным законом от 7 мая 2013 г. № 100-ФЗ *(СЗ РФ. 2013. № 19. Ст. 2327)* были внесены существенные изменения в положения ГК РФ о сделках. Реформа коснулась и ст. 179 ГК РФ о недействительности сделок, совершенных под влиянием угрозы или насилия. В первоначальной редакции статья предусматривала в качестве последствия признания такой сделки недействительной одностороннюю реституцию для потерпевшей стороны и обращение в доход государства того, что причиталось по сделке с виновной стороны. В действующей редакции данное правило изменили на двустороннюю реституцию. Указанная новелла получила неоднозначную оценку в доктрине.

Так, Е. Е. Богданова считает ее непоследовательной. «К чему столь частое повторение необходимости добросовестного поведения участника сделки, если поведение недобросовестное, незаконное, противоправное остается безнаказанным? Как тогда законодатель предлагает стимулировать добросовестное поведение стороны, которая вынуждена возвращать полученное по сделке лицу, применявшему к ней психическое или физическое насилие?» [5].

О. В. Буглимова, напротив, считает данную новеллу полезной. Она объясняет причины, по которым произошли эти изменения. Дело в том, что правило, заложенное в первоначальной редакции ст. 179 ГК РФ, послужило «...причиной предъявления повышенных требований к доказыванию причинно-следственной связи между сделкой и физическим насилием, что в свою очередь стало фактором, останавливавшим суды от признания таких сделок недействительными при наличии даже незначительных сомнений в отсутствии вины ответчика» [6].

Таким образом, теоретически более справедливая норма на практике приводила к сложностям в защите прав потерпевшей стороны. Представляется, что уменьшение количества конфискационных санкций в гражданских правоотношениях нацелено на повышение сознательности и добросовестности участников оборота. В рамках частного права задача государства – максимально восстановить имущественное положение потерпевшего. А если необходимо наказать виновного, то возможно привлечение его к ответственности по ст. 179 УК РФ за принуждение к совершению сделки или к отказу от ее совершения.

Если факт насилия при совершении сделки подтверждается привлечением виновного к ответственности по ст. 179 УК РФ, у суда не возникает сомнений при признании такой сделки недействительной. Допускаются и иные способы подтверждения данного факта, но истцам редко удается доказать, что имело место насилие.

Большинство российских исследователей, характеризуя насилие, акцентируют внимание не на причинении страданий, а на подавлении воли. Представляется, что подавление воли возможно не только путем причинения страданий, но и иными средствами.

Пленум Верховного Суда РФ разъяснил некоторые спорные вопросы, возникающие при толковании п. 1 ст. 179 ГК РФ. Так, в п. 98 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня

2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» *(Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8)* подчеркивается, что насилие или угроза могут исходить не только от стороны сделки, но и от третьих лиц. Если другая сторона об этом знала, то здесь тоже будут основания для признания сделки недействительной на основании п. 1 ст. 179 ГК РФ.

В апелляционном определении Судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда по делу № 33-31831/2020 описана ситуация, когда лица, которые оказывали насилие в отношении продавца квартиры, не были установлены, а покупателем выступил человек, которому за подписание договора эти лица заплатили 1000 руб. Суд первой инстанции отказал в иске о признании такой сделки недействительной, так как посчитал факт насилия недоказанным.

Суд второй инстанции, напротив, сделал вывод, что имел место порок воли продавца при заключении договора купли-продажи. В данном случае использовалось не только насилие, но и обман, так как неустановленные лица якобы хотели обеспечить возврат долга знакомого продавца путем обеспечительной передачи права собственности на квартиру. Деньги по договору купли-продажи переданы не были, семья продавца продолжала проживать в квартире и оплачивать жилищно-коммунальные услуги. По факту мошенничества в связи с заявлением продавца квартиры было возбуждено уголовное дело. Суд апелляционной инстанции принял решение о признании оспариваемой сделки недействительной как заключенной под влиянием насилия и о возврате права собственности на квартиру продавцу.

Иногда даже в случае обращения потерпевшего в правоохранительные органы в связи с принуждением к совершению сделки суды отказывают в признании ее недействительной. Так, в апелляционном определении Судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда по делу № 33-26289/2021 содержится информация о споре об обращении взыскания на заложенную 1/2 долю квартиры. Залогодатель утверждал, что заключил договор ипотеки под влиянием насилия. Суд первой инстанции признал данную сделку недействительной на основании п. 1 ст. 177 ГК РФ, посчитав, что на момент совершения сделки залогодатель не способен был понимать значение своих действий в силу психического заболевания.

Суд второй инстанции отменил решение нижестоящего суда, отказал в требовании о признании залога недействительной сделкой и разрешил обращение взыскания на 1/2 доли квартиры, являвшуюся предметом ипотеки. В определении отмечалось, что факт заключения договора под влиянием насилия или угрозы залогодатель не доказал, а его обращение по данному факту в правоохранительные органы закончилось отказом в возбуждении уголовного дела.

Гражданам не всегда удается доказать, что сделка совершалась под влиянием физического насилия. Еще сложнее установить факт психического насилия (например, гипноза). Так, в апелляционном определении Судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда по делу № 33-30454/2019 описывается спор о признании недействительным договора дарения квартиры. Даритель полагал, что при заключении сделки он «находился в неадекватном состоянии, возможно под гипнозом». Суды обеих инстанций пришли к выводу, что истцом не представлено доказательств в обоснование заявленных им требований о признании недействительным договора дарения.

При совершении сделки под влиянием гипноза возникает дилемма, какую статью применять для признания ее недействительной – ст. 177 ГК РФ о недействительности сделки, совершенной гражданином, не способным понимать значение своих действий, или п. 1 ст. 179 ГК РФ. Р. Ю. Березнев полагает: «В связи с тем, что состояние гипнотического сна характеризуется подавленной волей, а лицо приводится в такое состояние в результате внешнего воздействия, то можно предположить о совершении в данном случае сделки под влиянием насилия. Кроме этого, в юридической литературе гипноз рассматривается как разновидность психического насилия» [7]. Представляется, что если факт гипноза доказан, то в некоторых случаях для признания такой сделки недействительной можно применять п. 1 ст. 179 ГК РФ.

О. Г. Барткова проанализировала статистику споров о признании сделок недействительными на основании п. 1 ст. 179 ГК РФ и сделала следующие выводы: «Правовой результат рассмотрения исследуемой категории споров чаще всего выражается в отказе в удовлетворении заявленных потерпевшей стороной требований. Из 15 судебных споров только в четырех из них суд признал сделки недействительными в силу п. 1 ст. 179 ГК РФ, применив последствия их недействительности» [8].

Таким образом, нередко нарушение жилищных прав граждан связано с совершением под влиянием насилия купли-продажи, дарения, залога или иной сделки в отношении своей иногда единственной квартиры. Если удается признать через суд такую сделку недействительной, то жилье гражданам возвращается. Но в случае, если жертва

настолько запугана, что не обратилась в суд, или ей не удалось доказать факт насилия, такие граждане зачастую лишаются единственного жилья. Тогда пополняются ряды лиц без определенного места жительства, и уже государству приходится решать проблему обеспечения им достойного жизненного уровня.

Представляется, что для общества было бы выгоднее, если бы суды не предъявляли таких жестких требований к доказательству факта насилия в делах по п. 1 ст. 179 ГК РФ, особенно когда это касается единственного для гражданина жилого помещения. Если человек явно совершил сделку в ущерб себе, необходимо более тщательно анализировать совокупность представленных доказательств и не допускать лишения жилища инвалидов, одиноких и иных социально незащищенных лиц, которые легко становятся жертвами мошенников.

Насилие в отношении участников общей долевой собственности на жилое помещение в основном происходит путем принуждения их к совершению сделки, но с большой спецификой. Как отмечалось выше, ч. 1^1 ст. 30 ЖК РФ устанавливает, что сделка, влекущая образование доли, составляющей менее 6 квадратных метров общей площади жилого помещения, является ничтожной. Но как быть, если такая доля была образована до вступления в силу данной нормы (то есть до 1 сентября 2022 г.)? Закон не запрещает продажу таких долей.

Микродоля (например, 1/100) могла быть ранее быть приобретена с целью регистрации в квартире по месту жительства. Практика идет по пути отказа в регистрации по месту жительства собственникам незначительной доли квартиры, которая не позволяет проживать в данном помещении *(например, апелляционное определение Московского городского суда от 16 января 2017 г. по делу № 33-720/2017)*.

Иногда целью отчуждения микродоли выступает обход права преимущественной покупки остальных сособственников. Так, обладатель четверти жилого помещения мог подарить 1/16 часть квартиры третьему лицу, а затем на законных основаниях продать ему оставшиеся 3/16 жилого помещения как сособственнику, обладающему преимущественным правом покупки. После этого новый обладатель четверти квартиры нередко использует насилие для того, чтобы заставить продать остальных сособственников их части жилого помещения по заниженной цене.

Как отмечалось выше, для борьбы с подобными явлениями была введена обязательная нотариальная форма для сделок по отчуждению доли в праве собственности на недвижимость *(Федеральным законом от 29 декабря 2015 г. № 391-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» были внесены соответствующие изменения в Федеральный закон от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», который вскоре утратил силу; затем Федеральным законом от 2 июня 2016 г. № 172-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» данное правило было включено в ст. 42 Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости», который заменил закон № 122-ФЗ)*. Однако среди нотариусов нет единства мнений о том, в каких случаях следует отказывать в удостоверении таких сделок. Микродоли и сейчас могут появиться по установленным законом основаниям – при наследовании, приватизации, при покупке квартиры с использованием материнского капитала и в некоторых других случаях. Возможно, нужен не только запрет на создание микродолей по воле собственника, но и на продажу существующих микродолей третьим лица, которые не относятся к числу сособственников.

Долгое время наиболее простым способом защиты прав участников долевой собственности, у которых пытались произвести рейдерский захват квартиры, был принудительный выкуп небольшой части квартиры, принадлежащей «профессиональным соседям», на основании п. 4 ст. 252 ГК РФ.

Так, в решении Бутырского районного суда г. Москвы от 7 декабря 2017 г. по делу № 2-3385/17 было установлено, что «К. после перехода права собственности на спорную 1/4 долю в указанной квартире в 2014 году вместе со своими сообщниками привели квартиру в непригодное для проживания состояние, испортили большую часть имущества, вырывали кабели электропередачи, ломали двери и всеми своими действиями, и поступающими угрозами желали добиться от иных собственников этой квартиры продажи своих долей, тем самым совершив ее рейдерский захват». Остальные сособственники (Ц., Ф. и Т.) были признаны потерпевшими по уголовному делу, возбужденному по признакам преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 179 УК РФ принуждение к совершению сделки или к отказу от ее совершения под угрозой применения насилия. Суд принял решение об удовлетворении исковых требований Ц. к К. о признании доли в квартире незначительной и выплате компенсации за нее, признании прекратившей право пользования жилым помещением и снятии с регистрационного учета, признании права собственности на жилое помещение. Суд апелляционной инстанции оставил

решение Бутырского районного суда г. Москвы без изменения.

В других спорах суд ограничивался возмещением убытков потерпевшим, которых «профессиональные соседи» пытались путем применения насилия заставить продать свою долю. Так, в апелляционном определении Верховного суда Чувашской Республики от 7 августа 2017 г. по делу № 33-3841/2017 описана ситуация, когда ответчики были признаны виновными в принуждении истца к совершению сделки с применением насилия. Суд первой инстанции принял решение о возмещении истцу морального вреда и материального ущерба, причиненного ответчиками, которое было оставлено без изменения кассационной инстанцией.

Представляется, что, если недобросовестные лица приобрели с целью захвата квартиры небольшую ее часть и заявляют иск о вселении и нечинении препятствий в пользовании квартирой, им следует отказать в иске. С. П. Малышкин, анализируя такого рода действия, полагает, что «...квалификация данного деяния будет зависеть от фактической возможности проживать на той площади жилого помещения, на которую лицо имеет право: если возможности проживать нет, то это будет являться правонарушением, если возможность существует, то только в этом случае мы имеем дело с злоупотреблением» [9].

Таким образом, с насилием со стороны «профессиональных соседей» можно бороться правовыми средствами. Если их доля незначительна и не позволяет выделить реальное помещение, которым можно было бы пользоваться, то не следует допускать их вселения в квартиру. В любом случае можно требовать принудительного выкупа доли такого сособственника. А если соседи уже вселились и создают невыносимые условия для проживания в целях захвата всей квартиры, необходимо обращаться в правоохранительные органы для возбуждения уголовного дела по ст. 179 УК РФ.

Если заключается сделка в отношении жилых помещений под влиянием насилия, то ее можно оспорить при наличии доказательств насилия. В данном случае не будет считаться нарушением права на неприкосновенность частной жизни аудио- или видеозапись, подтверждающая факт насилия, даже если она совершалась тайно. Суд должен принять такого рода доказательства. Основным способом защиты права потерпевшего в данной ситуации будет признание сделки недействительной и применение последствий ее недействительности в виде возврата права собственности на жилое помещение.

Но не всегда потерпевший в состоянии самостоятельно обратиться в суд за защитой своих жилищных прав. Поскольку жилище является социально значимым объектом, публичные интересы требуют повышенных гарантий защиты права граждан на жилище, в том числе процессуальных. Так, Е. В. Михайлова предлагает «расширить функции прокурора, наделив его обязанностью обращаться в суд с заявлением в защиту жилищных прав граждан (в случае поступления соответствующего заявления в органы прокуратуры). В настоящее время в соответствии со статьей 45 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации прокурор вправе обратиться с заявлением в целях обеспечения права на жилище только в государственном и муниципальном жилищных фондах» [10, с. 106]. Представляется, что принятие данного предложения будет способствовать защите граждан, столкнувшихся с неправомерными действиями в отношении их жилого помещения.

В данной статье исследовались только такие виды нарушений жилищных прав граждан, которые явились следствием противоправных действий, чаще всего – преступлений. Между тем нарушения жилищных прав граждан могут быть следствием и иных обстоятельств – несовершенства законодательства, вины самого потерпевшего и т.п. Но объем журнальной статьи не позволяет рассмотреть их все. И даже круг нарушений жилищных прав вследствие противоправных действий очень широк, их все тоже не представляется возможным охватить. Здесь были рассмотрены лишь наиболее типичные ситуации. Для большинства случаев нарушений жилищных прав вследствие противоправных действий успешно применяются, наряду с уголовным наказанием, гражданско-правовые средства защиты потерпевшего. Однако некоторые нормы нуждаются в уточнении и корректировке для повышения уровня защиты жилищных прав граждан.

Литература

1. *Алистархов В., Свирид Е.* Черные риелторы. Анализ судов и советы по защите // Жилищное право. 2021. № 7. С. 27–48 // СПС «КонсультантПлюс».

2. *Зеленин Д. Н.* Некоторые аспекты борьбы с мошенничеством в сфере отчуждения жилья на современном этапе // Экономическая безопасность России: политические ориентиры, законодательные

приоритеты, практика обеспечения // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2008. № 1. С. 187–191 // СПС «КонсультантПлюс».

3. *Куличев Р. Б.* Некоторые вопросы защиты прав граждан при заключении сделок под влиянием психологического принуждения // Право и политика. 2021. № 12. С. 61–68 // СПС «КонсультантПлюс».

4. *Белова Т. В.* «Неблагодарность», «недостойность», «уклонение» лица как презумпция невозможности возникновения либо основание прекращения права частной собственности физических лиц // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2017. № 2 (42). С. 26–39.

5. *Богданова Е. Е.* Новеллы гражданского законодательства о недействительности сделок с позиции добросовестности // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 8. С. 80–86 // СПС «КонсультантПлюс».

6. *Буглимова О. В.* Оспаривание сделок, совершенных под влиянием насилия, угрозы // Актуальные проблемы современного законодательства Российской Федерации. М., 2020. С. 19–25 // СПС «КонсультантПлюс».

7. *Березнев Р. Ю.* Гипноз как способ неправомерного принуждения в гражданском праве // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 4. Правоведение. 2017. Т. 7. № 1. С. 32–38 // СПС «КонсультантПлюс».

8. *Барткова О. Г.* О применении судами положений гражданского кодекса Российской Федерации в спорах о признании недействительными сделок, совершенных под влиянием насилия или угрозы // Теоретико-прикладные проблемы реализации и защиты субъективных прав в контексте инновационного социально-экономического развития общества: тезисы докладов международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора Н. Г. Юркевича. Минск, 20–21 апреля 2018 года. Минск, 2018. С. 90–93 // СПС «КонсультантПлюс».

9. *Малышкин С. П.* Злоупотребление правом выбора места жительства при приобретении доли в праве собственности на жилое помещение // Вопросы российской юстиции. 2019. № 4. С. 203–209 // СПС «КонсультантПлюс».

10. *Михайлова Е. В.* Защита прав субъектов спорных гражданских правоотношений в сфере оборота недвижимого имущества // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2024. № 12 (279). С. 103–108.

References

1. *Alistarhov V., Svirid E.* Chernye rieltory. Analiz sudov i sovety po zashchite [Black realtors. Analysis of courts and advice on protection]. *Zhilishchnoe pravo [Housing law]*. 2021. № 7. S. 27–48 // SPS «Konsul'tantPlyus».

2. *Zelenin D. N.* Nekotorye aspekty bor'by s moshennichestvom v sfere otchuzhdeniya zhil'ya na sovremennom etape [Some aspects of the fight against fraud in the field of alienation of housing at the present stage]. *Ekonomicheskaya bezopasnost' Rossii: politicheskie orientiry, zakonodatel'nye prioritety, praktika obespecheniya. Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii [Economic security of Russia: political guidelines, legislative priorities, practice of provision. Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia]*. 2008. № 1. S. 187–191 // SPS «Konsul'tantPlyus».

3. *Kulichev R. B.* Nekotorye voprosy zashchity prav grazhdan pri zaklyuchenii sdelok pod vliyaniem psihologicheskogo prinuzhdeniya [Some issues of protecting the rights of citizens when concluding transactions under the influence of psychological coercion]. *Pravo i politika. [Law and Politics]*. 2021. № 12. S. 61–68 // SPS «Konsul'tantPlyus».

4. *Belova T. V.* «Neblagodarnost'», «nedostojnost'», «uklonenie» lica kak prezumpciya nevozmozhnosti vozniknoveniya libo osnovanie prekrashcheniya prava chastnoj sobstvennosti fizicheskih lic ["Ingratitude", "unworthiness", "evasion" of a person as a presumption of impossibility of emergence or basis for termination of private property rights of individuals]. *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Obshchestvennye nauki [News of higher educational institutions. Volga region. Social sciences]*. 2017. № 2 (42). S. 26–39.

5. *Bogdanova E.bE.* Novelly grazhdanskogo zakonodatel'stva o nedejstvitel'nosti sdelok s pozicii dobrosovestnosti [Novels of civil legislation on invalidity of transactions from the standpoint of good faith].

Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika [Laws of Russia: experience, analysis, practice]. 2016. № 8. S. 80–86 // SPS «Konsul'tantPlyus».

6. *Buglimova O. V.* Osparivanie sdelok, sovershennyh pod vliyaniem nasiliya, ugrozy [Challenging transactions made under the influence of violence, threats]. Aktual'nye problemy sovremennogo zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii [Actual problems of modern legislation of the Russian Federation]. M., 2020. S. 19–25 // SPS «Konsul'tantPlyus».

7. *Bereznev R. Yu.* Gipnoz kak sposob nepravomernogo prinuzhdeniya v grazhdanskom prave [Hypnosis as a method of unlawful coercion in civil law] // *Vestnik Grodnenskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Yanki Kupaly. Seriya 4. Pravovedenie [Bulletin of the Yanka Kupala State University of Grodno. Series 4. Jurisprudence].* 2017. T. 7. № 1. S. 32–38 // SPS «Konsul'tantPlyus».

8. *Bartkova O. G.* O primenenii sudami polozhenij grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii v sporah o priznanii nedejstvitel'nymi sdelok, sovershennyh pod vliyaniem nasiliya ili ugrozy [On the application by courts of the provisions of the Civil Code of the Russian Federation in disputes on the invalidation of transactions concluded under the influence of violence or threat]. *Teoretiko-prikladnye problemy realizacii i zashchity sub''ektivnyh prav v kontekste innovacionnogo social'no-ekonomicheskogo razvitiya obshchestva: tezisy dokladov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, posvyashchennoj pamyati professora N. G. Yurkevicha. Minsk, 20–21 aprelya 2018 goda [Theoretical and applied problems of the implementation and protection of subjective rights in the context of innovative socio-economic development of society: abstracts of reports of the international scientific and practical conference dedicated to the memory of Professor N. G. Yurkevich. Minsk, April 20–21, 2018].* Minsk, 2018. S. 90–93 // SPS «Konsul'tantPlyus».

9. *Malyshkin S. P.* Zloupotreblenie pravom vybora mesta zhitel'stva pri priobretenii doli v prave sobstvennosti na zhiloe pomeshchenie [Abuse of the right to choose a place of residence when acquiring a share in the ownership of residential premises]. *Voprosy rossijskoj yusticii [Issues of Russian Justice].* 2019. № 4. S. 203–209 // SPS «Konsul'tantPlyus».

10. *Mihajlova E. V.* Zashchita prav sub''ektov spornyh grazhdanskih pravootnoshenij v sfere oborota nedvizhimogo imushchestva [Protection of the rights of subjects of disputed civil legal relations in the sphere of real estate turnover] // *Imushchestvennye otnosheniya v Rossijskoj Federacii [Property relations in the Russian Federation].* 2024. № 12 (279). S. 103–108.

ТРИБУНА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОЦЕНКИ УЩЕРБА В ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ

Акимов Петр Андреевич

Цель: *провести анализ теоретических и законодательных аспектов уголовно-правовой оценки ущерба как признака составов экономических преступлений. На основе проведенного анализа сформировать возможные пути решения обозначенных проблемных вопросов.*

Методология: *диалектический метод, формально-юридический метод, сравнительно-правовой метод.*

Выводы. *Проведенное исследование позволяет заключить, что уголовно-правовая оценка ущерба как одного из последствий экономических преступлений является актуальной проблемой и для науки уголовного права, и для правоприменительной практики. Установлено отсутствие в науке уголовного права единого подхода к оценке качественных и количественных критериев ущерба. Требуют дополнительного научного осмысления и последующей корректировки положения уголовного закона в части закрепления критериев ущерба, его соотношения с другими видами уголовно-правовых последствий экономических преступлений и с гражданско-правовыми категориями. Установлено, что ущерб является наименее разработанной правовой категорией, которой и в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации уделяется недостаточное внимание, несмотря на ее юридическую и экономическую значимость в составах экономических преступлений.*

Научная и практическая значимость *состоит в том, что разрешение обозначенных в исследовании дискуссионных и малоизученных аспектов уголовно-правовой оценки ущерба имеет важное значение для науки уголовного права и надлежащего функционирования механизма правовой охраны экономической деятельности. Разработка единых научно обоснованных качественных и количественных критериев оценки ущерба будет способствовать улучшению правоприменительной практики по делам об экономических преступлениях.*

Ключевые слова: *преступления в сфере экономической деятельности, уголовно-правовые последствия, ущерб, упущенная выгода, законодательные пробелы.*

В гл. 22 «Преступления в сфере экономической деятельности» Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) признак причинения ущерба используется законодателем при конструировании диспозиций 28 составов преступлений в сфере экономической деятельности *(в 17 составах в качестве криминообразующего, и в 11 – в качестве квалифицирующего признаков)*, содержащихся в 19 статьях, что составляет практически треть от числа всех преступлений, расположенных в рассматриваемой главе УК РФ. Широкое использование указанного признака в составах преступлений в сфере экономики свидетельствует о его высокой значимости как преступного последствия и обуславливает необходимость его надлежащей уголовно-правовой оценки.

Преступления в сфере экономической деятельности, содержащие признаки ущерба, в силу их новизны и недостаточной определенности предписаний нуждаются в оценке их общественной опасности. Актуальность темы исследования состоит в том, что все указанные нормы действуют в обновленных редакциях. Отдельные нормы, содержащие признаки ущерба, были введены от-

DOI 10.31085/2310-8681-2025-3-288-166-172

носительно недавно *(например, ст. 170[2] «Внесение заведомо ложных сведений в межевой план, технический план, акт обследования, проект межевания земельного участка или земельных участков либо карту-план территории» УК РФ введена Федеральным законом от 13 июля 2015 г. № 228-ФЗ; ст. 200[4] «Злоупотребления в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд» УК РФ введена Федеральным законом от 23 апреля 2018 г. № 99-ФЗ; ст. 200[6] «Заведомо ложное экспертное заключение в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» УК РФ введена Федеральным законом от 27 декабря 2018 г. № 520-ФЗ и др.)*.

В 2024 г. в России были увеличены пороговые значения для квалификации крупного и особо крупного ущерба в составах экономических преступлений *(Федеральный закон от 6 апреля 2024 г. № 79-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 15. Ст. 1972)*. Это изменение направлено на декриминализацию ряда деяний путем «перевода» их в административные правонарушения, что соответствует тенденции гуманизации уголовного права. Тем не менее не все так однозначно, как кажется на первый взгляд. Заслуживает внимание точка зрения профессора Н. А. Лопашенко, которая справедливо отмечает противоречивый характер принятого законодателем решения, указывает на риск осуществления выборочного правосудия и формулирует термин «скрытая декриминализация» [1].

Роль ущерба как криминообразующего признака составов преступлений в сфере экономической деятельности значительна еще и потому, что большинство деяний, предусмотренных гл. 22 УК РФ, по своей природе ближе к гражданско-правовым деликтам, а также часто включают в себя административную преюдицию или сконструированы по принципу материальных составов, тогда как то же формальное деяние является административным правонарушением. Таким образом, лишь установление признака причинения крупного ущерба и особо крупного ущерба во многих случаях позволяет квалифицировать деяние как преступное. Ущерб выступает признаком, по которому происходит разграничение составов административных правонарушений и преступлений *(например, ст. 14.12 «Фиктивное или преднамеренное банкротство» Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) и ст. 196 «Преднамеренное банкротство», ст. 197 «Фиктивное банкротство» УК РФ; ст. 14.35 «Нарушение законодательства о государственном кадастровом учете недвижимого имущества и кадастровой деятельности» КоАП РФ и ст. 170[2] «Внесение заведомо ложных сведений в межевой план, технический план, акт обследования, проект межевания земельного участка или земельных участков либо карту-план территории» УК РФ; ст. 15.17 «Недобросовестная эмиссия ценных бумаг» КоАП РФ и ст. 185 «Злоупотребления при эмиссии ценных бумаг» УК РФ; ст. 15.21 «Неправомерное использование инсайдерской информации» КоАП РФ и одноименная ст. 185[6] УК РФ и др.)*.

Используемый законодателем при описании общественно опасных последствий преступлений в сфере экономической деятельности имущественный ущерб имеет экономическое выражение. Мы разделяем точку зрения Н. А. Лопашенко [2, с. 220], которая справедливо отмечает оправданность подхода законодателя в той части, что преступные последствия таких деяний должны быть выражены в экономических показателях, одним из которых и является ущерб.

Последний является одним из ключевых криминообразующих и квалифицирующих признаков составов преступлений гл. 22 УК РФ. Однако мы вынуждены констатировать, что определение количественных и качественных критериев ущерба вызывает существенные затруднения. Вместе с тем ключевую задачу для науки и практики составляет определение качественной характеристики ущерба – того, из чего он состоит и в чем его особенность в контексте преступлений в сфере экономической деятельности. Необходимо отметить, что на сегодняшний день ни в науке уголовного права, ни в правоприменительной практике нет единого мнения о качественном содержании ущерба в составах рассматриваемых преступлений. Е. А. Алешина-Алексеева справедливо пишет об отсутствующем на сегодняшний день едином подходе к определению структуры ущерба, причиненного экономическим преступлением [3, с. 85–86]. По данному вопросу в науке уголовного права существуют различные точки зрения.

Н. Ф. Кузнецова говорит о комплексном характере ущерба. Наряду с материальным вредом (прямой и упущенная выгода), ученая выделяет социальный вред, который может состоять в оставлении без работы служащих обанкроченного предприятия, в дезорганизации хозяйственной деятельности. Применительно к составам незаконной предпринимательской деятельности, Н. Ф. Кузнецова в структуру комплексного крупного ущерба включает налоговые недоимки, убытки других организаций, упущенную выго-

ду, поставку некачественной продукции и т.п. [5, с. 180].

Н. А. Лопашенко отмечает, что содержание крупного ущерба в составах преступлений в сфере экономической деятельности могут составлять материальный и другие виды вреда. В то же время крупный материальный ущерб может быть представлен прямым положительным ущербом, упущенной выгодой и т.п. Профессор допускает включение в структуру крупного ущерба причинение вреда здоровью людей, банкротство предприятий и индивидуального предпринимателя, срыв на продолжительное время работы служб, обеспечивающих жизнедеятельность населения и производственных структур, сокращение большого количества мест в условиях безработицы и др. [4, с. 50]

Вышеуказанные позиции ученых основаны на широком понимании содержания крупного ущерба и поэтому не представляются бесспорными, требуют дополнительного научного осмысления.

Примечательна точка зрения М. Г. Жилкина, который внес существенный вклад в научную разработку уголовно-правовой оценки ущерба в составе преступлений в сфере экономики, посвятив значительное количество работ обозначенной проблеме [6; 7; 8; 9; 10; 11]. М. Г. Жилкин пишет, что качественной характеристикой ущерба в преступлениях в сфере экономической деятельности является только упущенная выгода, то есть неполученный доход, на который увеличилась бы имущественная масса лица, право которого нарушено, если бы нарушения не было. Мы считаем, что с данной позицией следует согласиться. Ученый справедливо отмечает, что «иные, наступившие в результате преступлений, последствия характеризуют либо преступления против собственности (реальный ущерб), либо иные преступления (организационно-управленческий, моральный и репутационный вред)» [12, с. 54].

Разнообразие терминов для описания преступных последствий в гл. 22 УК РФ («ущерб», «убытки» и «доход») приводит к терминологической неопределенности и отсутствию четких критериев для их разграничения при уголовно-правовой оценке. В результате эти понятия нередко используются как взаимозаменяемые, что вызывает сложности в квалификации преступлений и приводит к разночтениям в судебной практике.

В связи с этим существенное значение для правильной уголовно-правовой оценки ущерба, причиненного экономическими преступлениями, имеет решение вопроса о его соотношении с терминами «доход», «убытки». В науке уголовного права верно отмечают принципиальные различия в наполнении смыслового содержания указанных терминов в тех статьях уголовного закона, в которых они указаны [13, с. 224].

По нашему мнению, доход является преступным результатом, к достижению которого стремится субъект противоправного экономического поведения. Важно осознавать, что сумму извлеченного преступного дохода нельзя отождествлять с суммой причиненного ущерба, который, в свою очередь, является преступным последствием, влекущим вредное изменение в объекте посягательства. Ущерб и доход законодателем используются в качестве альтернативных признаков некоторых составов преступлений в сфере экономической деятельности *(например, ст. 172 «Незаконная банковская деятельность», ст. 178 «Ограничение конкуренции», ст. 185[3] «Манипулирование рынком» УК РФ)*, что свидетельствует об их различном содержании.

Представляется не менее интересным соотношение терминов «ущерб» и «убытки». Убытки представляют собой категорию цивилистическую. Согласно сформулированной в ч. 2 ст. 15 Гражданского кодекса Российской Федерации дефиниции, структурными компонентами убытков являются реальный ущерб и упущенная выгода. Мы приходим к выводу о том, что убытки по объему являются понятием более широким относительно понятия «ущерб». В уголовно-правовом значении ущерб в составах преступлений в сфере экономической деятельности не может включать такой компонент, как предполагаемые доходы, а состоит только в неполучении должного. Суммы предполагаемых (вероятных) доходов находятся за составом экономического преступления и имеют гражданско-правовое значение, что исключает их влияние на квалификацию содеянного. Мы поддерживаем точку зрения М. Г. Жилкина, который считает, что из двух форм упущенной выгоды – неполучение должного дохода и неполучение предполагаемого (вероятного) дохода – включению в ущерб подлежит только первая форма [14, с. 144].

Вместе с тем А. В. Жайворонок и А. С. Тимко придерживаются иной позиции о недопустимости ограничительного толкования в уголовном праве упущенной выгоды, поскольку в противном случае возникает противоречие с гражданским законодательством [15, с. 49].

В этой связи актуализируется вопрос о единстве межотраслевой терминологии и соотношении уголовно-правовых и гражданско-правовых категорий. И. А. Тихон считает, что унификация видов последствий, характерных для экономиче-

ских преступлений, должна проводиться с учетом положений гражданского законодательства и, соответственно, не противоречить им [16, с. 18]. Иной точки зрения на решение данного вопроса придерживается А. И. Панов [17, с. 47], который считает, что использование термина «упущенная выгода» в уголовном праве неуместно, поскольку он не в состоянии в полной мере отразить содержание уголовно-правовых последствий. Приведенные позиции ученых наглядно демонстрируют глубокое различие в существующих теоретических подходах, требующих дополнительного научного осмысления.

Анализ существующих норм УК РФ и практика их применения позволяют выявить несколько ключевых проблем, требующих внимания. Разнообразие в определении «крупного» и «особо крупного» ущерба создает правовую неопределенность. Например, в одной статье «крупным» может считаться ущерб в 1,5 млн рублей (ст. 169 УК РФ), в других – в 16 млн рублей (ст. 178 УК РФ), в 2,25 млн рублей (ст. 185 УК РФ), в 5,5 млн рублей (ст. 185[6] УК РФ) и др. Несомненно, такой подход законодателя требует исследования социальной обусловленности подобных законодательных решений и обоснования дифференциации уголовной ответственности преступлений в сфере экономической деятельности, проведенной, в том числе, по количественным признакам ущерба. В ст. 178 УК РФ отражена различная формальная определенность законодателем таких признаков, как «доход в крупном размере» и «крупный ущерб». Например, согласно примечанию к ст. 178 УК РФ, доходом в крупном размере в настоящей статье признается доход, сумма которого превышает 80 млн рублей, а доходом в особо крупном размере – 395 млн рублей. Крупным ущербом в данной статье признается ущерб, сумма которого превышает 16 млн рублей, а особо крупным ущербом – 47 млн 500 тыс. рублей. Такое положение уголовного закона представляется далеко не бесспорным и недостаточно изученным в теории уголовного права, что требует глубокого научного осмысления и корректировки.

Отсутствие четко закрепленных качественных признаков ущерба в УК РФ приводит к неопределенности в правоприменении в делах, связанных с экономической деятельностью. Это создает разночтения в судебной практике и затрудняет установление ущерба как ключевого элемента составов преступлений. Примером является внесение изменений в ст. 171 УК РФ (Незаконное предпринимательство), где согласно Федеральному закону от 6 апреля 2024 г. № 79-ФЗ *(Федеральный закон от 6 апреля 2024 г. № 79-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 15. Ст. 1972)* был исключен признак крупного и особо крупного дохода. На практике это существенно затрудняет квалификацию преступлений в сфере предпринимательства, так как теперь определяющим элементом является крупный ущерб, который ранее рассматривался как альтернативный к доходу. Такое законодательное изменение усиливает необходимость выработки единых подходов и критериев для оценки ущерба, чтобы стабилизировать и повысить эффективность правоприменительной практики в области экономических преступлений.

Отсутствие унифицированного определения и терминологического единства при обозначении ущерба в составах преступлений в сфере экономической деятельности создает значительные сложности для правоприменительной практики. Справедливо говорит и А. М. Алексеев о сложностях, возникающих при уяснении положений гл. 22 УК РФ [18, с. 89], связанных, в частности, с изобилием различных оценочных понятий, обозначающих последствия экономических преступлений и с закреплением различных сумм ущерба.

В нормах УК РФ для формулировки ущерба используются такие дефиниции, как «ущерб гражданам, организациям или государству» или просто «ущерб». Эти терминологические различия вызывают неоднозначные толкования и усложняют процесс квалификации преступлений, что приводит к разногласиям в судебной практике и снижает предсказуемость уголовно-правовых решений. Необходимость разработки единых подходов к определению и оценке ущерба становится критически важной для повышения эффективности и справедливости правоприменения в области экономических преступлений.

Несмотря на ключевую роль категории «ущерб» как криминообразующего признака составов преступлений в сфере экономической деятельности, Верховный Суд Российской Федерации в постановлениях Пленума практически не уделяет внимания содержанию этого понятия. Исключение составляет частичное упоминание в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2016 г. № 48 (ред. от 11 июня 2020 г.) *(постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2016 г. № 48 (ред. от 11 июня 2020 г.)«О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» // Бюллетень*

Верховного Суда РФ. 2017. № 1), где отмечено, что размер ущерба определяется на основании гражданско-правовых договоров, первичных учетных документов, выписок по расчетным счетам и других источников. Однако это разъяснение имеет исключительно процедурный характер и не затрагивает сущностной интерпретации понятия ущерба.

Особая роль Верховного Суда РФ в формировании правовой позиции, на наш взгляд, прямо вытекает из положений ст. 126 Конституции РФ, где отмечено, что Верховный Суд РФ дает разъяснения по вопросам судебной практики. Аргументируя данную позицию, мы опираемся и на положения ч. 4 ст. 19 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» *(Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» // СЗ РФ. 1997. № 1. Ст. 1)*, в котором указано, что Верховный Суд РФ в целях обеспечения единообразного применения законодательства Российской Федерации дает судам разъяснения по вопросам судебной практики.

В решениях Конституционного Суда РФ содержатся положения, имеющие существенное значение для уголовно-правовой оценки ущерба. Например, Конституционный Суд РФ в определении от 10 октября 2019 г. № 2685-О *(определение Конституционного Суда РФ от 10 октября 2019 г. № 2685-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Байло Ю. В. на нарушение его конституционных прав ч. 1 ст. 171 УК РФ» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]: URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=602639#3bHzWXUakjWVnpms (дата обращения: 03.05.2025))* указал, что ущерб и доход имеют различное правовое значение, отражающее степень угрозы охраняемым ценностям.

Конституционный Суд РФ неоднократно обращался к категории ущерба, подчеркивая его самостоятельное значение как криминообразующего признака. Например, в постановлении от 19 апреля 2023 г. № 19-П *(постановление Конституционного Суда РФ от 19 апреля 2023 г. № 19-П «По делу о проверке конституционности части первой и пункта “в” части второй статьи 178 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также пункта 1 примечаний к данной статье в связи с жалобой гражданина С. Ф. Шатило» // СЗ РФ. 2023. № 18. Ст. 3389)* суд указал, что ущерб и доход, будучи альтернативными признаками, имеют разное содержание и значение для криминализации деяний. Размер ущерба установлен существенно меньшим, чем размер дохода, что обосновано различным уровнем общественной опасности, который эти признаки выражают. Ущерб рассматривается как непосредственный вред гражданам, организациям или государству, тогда как доход – как объективный показатель масштаба противоправной деятельности. На наш взгляд, вышеприведенные решения Конституционного Суда РФ основаны на верном понимании сущности признаков составов экономических преступлений и могут быть учтены при осуществлении уголовно-правовой оценки ущерба.

Вышеизложенное позволяет заключить, что вопрос о качественном содержании понятия «ущерб» в преступлениях в сфере экономической деятельности требует фундаментальных научных исследований и выработки единых критериев его оценки. В настоящий момент эти критерии с трудом поддаются выявлению и унификации как в теории уголовного права, так и в правоприменительной практике. Необходима и гармонизация пороговых значений ущерба. Вместе с тем на сегодняшний день законодателем не было предпринято попыток отражения в уголовном законе положения (нормы), раскрывающего качественные критерии оценки ущерба в преступлениях в сфере экономической деятельности, последствия которых, по правильному замечанию М. Г. Жилкина [14, с. 134], относятся к «будущим» материальным потерям.

Литература

1. *Лопашенко Н. А.* Декриминализация по-русски: про изменение размеров в экономических преступлениях // Союз криминалистов и криминологов. 2025. № 1. С. 67–73.

2. *Лопашенко Н. А.* Стоимостное выражение крупного (особо крупного) размера дохода, ущерба, задолженности применительно к преступлениям в сфере экономической деятельности // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15, № 2. С. 220–228.

3. *Алешина-Алексеева Е. Н.* Уголовная ответственность за преступления в сфере кредитования (статьи 176, 177 УК РФ): дис. ... канд. юрид. наук. 5.1.4. СПб., 2024. 244 с.

4. *Лопашенко Н. А.* Преступления в сфере экономической деятельности: понятие, система, проблемы квалификации и наказания: дис. ... д-ра юрид. наук. 12.00.08. Саратов, 1997. 427 с.

5. *Кузнецова Н. Ф.* Проблемы квалификации преступлений лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / Н. Ф. Кузнецова; науч. ред. и предисл. акад. В. Н. Кудрявцева. М.: Городец, 2007. 332 с.

6. *Жилкин М. Г.* Проблемы установления ущерба криминальных банкротств // Обеспечение конституционных прав и свобод участников уголовного судопроизводства: материалы круглого стола (19 декабря 2017 г.). М.: РГУП, 2018. С. 60–67.

7. *Жилкин М. Г.* Проблемы дифференциации ответственности за незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг) // Евразийская адвокатура. 2018. № 4(35). С. 19–23.

8. *Жилкин М. Г.* Квалификация неправомерных действий при банкротстве по признаку причинения крупного ущерба // Евразийская адвокатура. 2018. № 6(37). С. 44–49.

9. *Жилкин М. Г.* К вопросу о содержании ущерба как последствия преступлений, связанных с банкротством // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XVI Международной научно-практической конференции, Москва, 24–25 января 2019 года. М.: РГ-Пресс, 2019. С. 265–270.

10. *Жилкин М. Г.* Правовая оценка ущерба при криминальных злоупотреблениях в сфере банкротства // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2020. № 6(225). С. 56–64.

11. *Жилкин М. Г.* К вопросу об уголовной ответственности за неоконченное незаконное предпринимательство // Союз криминалистов и криминологов. 2021. № 2. С. 110–115.

12. *Жилкин М. Г.* Дифференциация уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской деятельности: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. 12.00.08. М., 2019. 67 с.

13. *Жилкин М. Г.* Дифференциация уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской деятельности: проблемы теории и практики: дис. ... д-ра юрид. наук. 12.00.08. М., 2019. 402 с.

14. *Жилкин М. Г.* Уголовно-правовая оценка последствий преступлений в сфере экономической деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.08. М., 2001. 249 с.

15. *Жайворонок А. В.* Крупный ущерб как элемент объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 180 УК РФ / А. В. Жайворонок, С. А. Тимко // Вестник Омской юридической академии. 2015. № 1. С. 47–51.

16. *Тихон И. А.* Уголовно-правовая оценка последствий преступлений в сфере экономики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.08. Омск, 2006. 19 с.

17. *Панов Н. И.* Уголовная ответственность за причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием. Харьков. Вища школа. Изд-во при Харьк. ун-те, 1977. 127 с.

18. *Алексеев А. М.* Общественно опасные последствия преступлений в сфере экономики: дис. ... канд. юрид. наук. 5.1.4. Казань, 2024. 211 с.

References

1. *Lopashenko N. A.* Dekriminalizatsiya po-russki: pro izmenenie razmerov v ekonomicheskikh prestupleniyakh [Decriminalization in Russian: about changing the size of economic crimes] // Soyuz kriminalistov i kriminologov [Union of criminalists and criminologists]. 2025. no. 1. pp. 67–73. (In Russian)

2. *Lopashenko N. A.* Stoimostnoe vy razhenie krupnogo (osobo krupnogo) razmera dokhoda, ushcherba, zadolzhennosti primenitel'no k prestupleniyam v sfere ekonomicheskoi deyatel'nosti [Value expression of large (especially large) amount of income, damage, debt in relation to offences in the sphere of economic activity] // In *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal [Russian journal of criminology].* 2021. vol. 15, no. 2, pp. 220–228. (In Russian)

3. *Aleshina-Alekseeva E. N.* Ugolovnaya otvetstvennost' za prestupleniya v sfere kreditovaniya (stat'i 176, 177 UK RF) [Criminal liability for offences in the sphere of crediting (Articles 176, 177 of the Criminal Code of the Russian Federation)]. Dis. ... kand. yurid. nauk. 5.1.4. Sankt Petersburg, 2024. 244 p. (In Russian)

4. *Lopashenko N. A.* Prestupleniya v sfere ekonomicheskoi deyatel'nosti: ponyatie, sistema, problemy kvalifikatsii i nakazaniya [Crimes in the sphere of economic activity: concept, system, problems of qualification and punishment]. Dis. ... dokt. yurid. nauk. 12.00.08. Saratov, 1997. 427 p. (In Russian)

5. *Kuznetsova N. F.* Problemy kvalifikatsii prestuplenii lektsii po spetskursu «Osnovy kvalifikatsii prestuplenii» [Problems of qualification of crimes lectures on the special course «Fundamentals of qualification of crimes»]. Scientific ed. and preface by Acad. V. N. Kudryavtsev. Moscow, Gorodets, 2007. 332 p. (In Russian)

6. *Zhilkin M. G.* Problemy ustanovleniya ushcherba kriminal'nykh bankrotstv [The problems of determining the damage of criminal bankruptcies] // In *Obespechenie konstitutsionnykh prav i svobod uchastnikov ugolovnogo sudoproizvodstva: materialy kruglogo stola (19 dekabrya 2017 g.) [Ensuring constitutional rights and freedoms of participants in criminal proceedings: materials of the round table (December 19, 2017)].* Moscow, RGUP, 2018. pp. 60–67. (In Russian)

7. *Zhilkin M. G.* Problemy differentsiatsii otvetstvennosti za nezakonnoe ispol'zovanie sredstv individualizatsii tovarov (rabot, uslug) [Problems of differentiation of responsibility for the illegal use of means of individualization of goods (works, services)] // In *Evraziiskaya advokatura [Eurasian advocacy].* 2018. no. 4(35). pp. 19–23. (In Russian)

8. *Zhilkin M. G.* Kvalifikatsiya nepravomernykh deistvii pri bankrotstve po priznaku prichineniya krupnogo ushcherba [Qualification of illegal actions in bankruptcy on the basis of causing major damage] // In *Evraziiskaya advokatura [Eurasian advocacy].* 2018. no. 6(37). pp. 44–49. (In Russian)

9. *Zhilkin M. G.* K voprosu o soderzhanii ushcherba kak posledstviya prestuplenii, svyazannykh s bankrotstvom [On the issue of the content of damage as a consequence of crimes related to bankruptcy] // In *Ugolovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke: materialy XVI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Moscow, 24–25 yanvarya 2019 goda*. Moscow: RG-Press, 2019. pp. 265–270. (In Russian)

10. *Zhilkin M. G.* Pravovaya otsenka ushcherba pri kriminal'nykh zloupotrebleniyakh v sfere bankrotstva [Legal assessment of damage caused by criminal abuses in the field of bankruptcy] // In *Imushchestvennye otnosheniya v Rossiiskoi Federatsii*. 2020. no. 6(225). pp. 56–64. (In Russian)

11. *Zhilkin M. G.* K voprosu ob ugolovnoi otvetstvennosti za neokonchennoe nezakonnoe predprinimatel'stvo [On the issue of criminal liability for unfinished illegal business] // In *Soyuz kriminalistov i kriminologov [Union of criminalists and criminologists].* 2021. no. 2. pp. 110–115. (In Russian)

12. *Zhilkin M. G.* Differentsiatsiya ugolovnoi otvetstvennosti za prestupleniya v sfere predprinimatel'skoi deyatel'nosti: problemy teorii i praktiki [Differentiation of criminal liability for crimes in the sphere of entrepreneurial activity: problems of theory and practice]. Avtoref. dis. ... dokt. yurid. nauk. 12.00.08. Moscow, 2019. 67 p. (In Russian)

13. *Zhilkin M. G.* Differentsiatsiya ugolovnoi otvetstvennosti za prestupleniya v sfere predprinimatel'skoi deyatel'nosti: problemy teorii i praktiki [Differentiation of criminal liability for offences in the sphere of entrepreneurial activity: problems of theory and practice]. Dis. ... dokt. yurid. nauk. 12.00.08. Moscow, 2019. 402 p. (In Russian)

14. *Zhilkin M. G.* Ugolovno-pravovaya otsenka posledstvii prestuplenii v sfere ekonomicheskoi deyatel'nosti [Criminal-legal assessment of the consequences of crimes in the sphere of economic activity]. Dis. ... kand. yurid. nauk. 12.00.08. Moscow, 2001. 249 p. (In Russian)

15. *Zhaivoronok A. V.* Krupnyi ushcherb kak element ob''ektivnoi storony sostava prestupleniya, predusmotrennogo st. 180 UK RF [Large damage as an element of the objective side of the offence under Art. 180 of the Criminal Code of the Russian Federation]. A. V. Zhaivoronok, S. A. Timko // In *Vestnik Omskoi yuridicheskoi akademii [Vestnik of the Omsk Law Academy],* 2015, no. 1, pp. 47–51. (In Russian)

16. *Tikhon I. A.* Ugolovno-pravovaya otsenka posledstvii prestuplenii v sfere ekonomiki [Criminal-legal assessment of the consequences of crimes in the sphere of economy]. Avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. 12.00.08. Omsk, 2006. 19 p. (In Russian)

17. *Panov N. I.* Ugolovnaya otvetstvennost' za prichinenie imushchestvennogo ushcherba putem obmana ili zloupotrebleniya doveriem [Criminal liability for causing property damage by deception or abuse of trust]. Kharkov. Vishcha shkola. Izd-vo pri Khark. un-te, 1977. 127 p. (In Russian)

18. *Alekseev A. M.* Obshchestvenno opasnye posledstviya prestuplenii v sfere ekonomiki [Socially dangerous consequences of crimes in the sphere of economy]. Dis. ... kand. yurid. nauk. 5.1.4. Kazan, 2024. 211 p. (In Russian)

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВА ЛИЦА, ИМЕЮЩЕГО ЗАКОННЫЙ ИНТЕРЕС В ИСХОДЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА, НА СОБИРАНИЕ «ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ»

Бессонова Антонина Олеговна

Цель: *целью исследования является объяснение несостоятельности «теории электронных доказательств», провозглашающей неизменность следственной парадигмы, следственной формы уголовно-процессуального доказывания, а также развитие альтернативного научного проекта о свободе сторон в доказывании, в том числе с использованием «электронных доказательств».*

Методология: *основными методами исследования стали диалектика и логика. Кроме того, автор воспользовался теоретико-методологическими наработками в области неклассической философии права и процесса, включая когнитивную теорию познания.*

Выводы. *Построение новой теории доказательств, отвечающей современному уровню развития цифровых технологий, невозможно без обсуждения и разрешения вопроса о мере свободы участия в доказывании сторон, о мере свободы человека, ставшего участником процесса, в защите своих интересов доказательствами (электронными). Сохранение следственной парадигмы при увеличении технических возможностей контроля государства за поведением людей ведет к усилению неравенства сторон в уголовном судопроизводстве и в доказывании. Только через замену существующей следственной модели на состязательную можно действительно уравнять сторону обвинения и сторону защиты в собирании электронных и иных доказательств.*

Научная и практическая значимость. *Научная значимость статьи состоит в развитии новой теории об уголовно-процессуальных, судебных доказательствах в состязательном уголовном процессе.*

Практическая значимость проведенного исследования заключается в предложениях по изменению уголовно-процессуального и доказательственного права.

Ключевые слова: *доказательства, данные, информация, смысл, значение, назначение, интерпретация, контекст, доказывание, стороны, собирание доказательств.*

Проблемы обеспечения прав лица, имеющего законный интерес в исходе уголовного дела, на собирание электронных доказательств, носят системный характер и требуют системного же подхода к их разрешению. Поэтому по необходимости в настоящей работе придется углубиться в основы теории уголовно-процессуального доказывания.

Российский уголовный процесс на данном этапе своего исторического развития является смешанным, то есть следственно-состязательным, с преобладанием следственного элемента в правовой организации досудебных стадий. Стоит согласиться с тезисом, согласно которому установление судебного, состязательного порядка выдвижения обвинения и доказывания позволит перейти от следственного к обвинительному типу уголовного судопроизводства [1, с. 199–207]. Фундаментальный сдвиг в правовом регулировании собирания доказательств сторонами возможен, на наш взгляд, только в результате такого перехода. Впрочем, вероятность его гипотетическая. Реальным нам представляется проект частичных изменений института доказывания с учетом темы нашего исследования.

Именно этот институт оказался в центре научной дискуссии, в ходе которой, с нашей точки

DOI 10.31085/2310-8681-2025-3-288-173-179

зрения, раскрылись два разных подхода к пониманию направления дальнейшего развития доказательственного права России. Также установлено доминирование следственной парадигмы в рассуждениях большинства теоретиков и, соответственно, ограниченность их проектов по совершенствованию правовой модели уголовно-процессуального доказывания.

Встает вопрос: улучшает ли цифровизация положение стороны защиты в процессе уголовно-процессуального доказывания, а если брать шире, то может ли указанный феномен оказать влияние на качественное преобразование доказывания по уголовным делам?

С увеличением цифрового фактора многие ожидают положительных перемен как в технологии формирования уголовно-процессуальных доказательств, так и в работе уголовно-процессуального механизма. Среди последователей цифровизации уголовного судопроизводства можно выделить как либералов, так и консерваторов. Первые связывают с цифровизацией если не увеличение свободы, то расширение технической возможности для защитника, для обвиняемого самостоятельно получать доказательства (электронные) по уголовному делу [2, с. 179–187; 3, с. 102–105], проверять доказательства обвинения, собранные органом предварительного расследования против обвиняемого [4, с. 9–18; 5, с. 137–139]. Предполагается, что все это усилит состязательность в доказывании.

Либералов-цифровизаторов их противники именуют «сарацинами цифровизации» [6, с. 16–23], видя в их рассуждениях угрозу существующему порядку, основанному на господстве следственной власти над формированием доказательств (которой не мешает и власть судебная, сильно зависимая в информационном плане от «уголовного дела», сделанного следователем).

Что же касается консерваторов-цифровизаторов, то их ожидания от внедрения цифровых технологий связаны с увеличением потенциала следователя: «кибер-следователя», «IT-следователя» [7, с. 587–595], способного адекватно реагировать на угрозу киберпреступности, то есть успешно выявлять, расследовать и раскрывать преступления, совершенные с применением цифровых технологий.

Полагаем, что теоретические построения, равно как и надежды указанных антагонистов, в равной степени несостоятельны, поскольку базируются на теоретико-методологической основе, созданной советскими криминалистами, вдохновляемых популярной в их времена кибернетикой.

Электронное доказательство [8, с. 46–50; 9] не только сторонниками, но и противниками «следственной модели» трактуется как **информация**, зафиксированная (представленная) электронным способом, в цифровом виде, отвечающая требованиям уголовно-процессуального закона и способная установить истину (объективную) по уголовному делу [10, с. 270–295]. Эта мыслительная схема соотносится с определением доказательства в ч. 1 ст. 74 УПК РФ, а в целом – с той когнитивной моделью, которая заложена в российской теории доказательств, в ее понятийном аппарате.

Такой философский, точнее, теоретико-методологический подход к пониманию доказательства разделяется не всеми. По мнению сторонников когнитивного учения об доказательствах, методологически важно определить разницу между такими понятиями, как «данные», «информация», «смысл», «значение», «знак», для определения доказательства стороны и «довода», «аргумента», «средства убеждения», «доказывающего факта» [11, с. 9–18].

«Наивный реализм» исходит из того, что доказательство – это некое объективное, нейтральное, правильное знание («фактические данные»), взятое вне *контекста*: противостояния сторон в данном уголовном деле, но также и более широкого контекста (гипертекста), образуемого системой ценностей, смыслов, которые заложены в право, правовую культуру, правосознание.

Порочность этой теоретико-методологической установки с позиции сторонников «новой теории доказательств» состоит в отождествлении доказательства с «информацией» как неким «объективным знанием». Исследователи, разделяющие эту позицию, совершают стандартную ошибку обыденного мышления – «объективируют информацию». А между тем информация дана только тому, кто способен ее воспринять, и открывается она в виде смысла, смысл же неразрывно связан с ценностью [12, с. 8–10]. Иными словами, доказательство, судебное доказательство – то средство доказывания своего утверждения, которое использует как обвинитель, так и защитник, включает в себя и объективную, и субъективную составляющую. «Смысл» – это то, что субъект доказывания (человек) привносит в доказательство путем интерпретации и понимания информации (данных) в ходе речевого общения.

Без смысла «информация» не может отождествляться с понятием «доказательство», потому что в речевой коммуникации люди обмениваются не самой информацией, а смыслами. Игнорирование понятия «смысл» структурно-математическими

концепциями и атрибутивным подходом к информации [12, с. 7–21] не позволяет построить такую теорию судебных доказательств, которая отвечала бы человекоразмерному, антропологическому пониманию сущности уголовного судопроизводства и доказывания.

Такова гуманитарная установка «новой» (когнитивной) теории доказательств на понимание доказательства (судебного). Ее значение состоит в том, чтобы «очеловечить», освободить от монополии государства доказывание и тем самым способствовать уравниванию прав защитника, обвиняемого с властным полномочием государства в лице следователя на доказывание: получение и использование доказательств.

Есть и еще одна причина отказа от трактовки «судебного доказательства» как «информации». Ведь в собственном смысле информация означает «данные, обработанные и передаваемые средствами вычислительной техники», то есть данные оцифрованные, представленные в электронном виде. «Информация – дословно in form – специально оформленные, то есть введенные в однозначно прочитываемую и понимаемую систему знаков ... оцифрованные человеческие знания, чувства и смыслы» [12, с. 12].

Информация – это электронный способ оформления, хранения и воспроизводства знания и смыслов; технический способ их «упаковки» и функционирования; информация имеет не содержательно-онтологическое, а функционально-технологическое основание, поскольку не затрагивает трансцендентное знаковому материальному носителю содержание следов отражения, для описания которого используются такие категории, как человеческие знания, смыслы, чувства, интересы, верования и т.д. [12, с. 12]. Если следовать этому рассуждению, то получается, что понятие «электронное доказательство» есть тавтология, ибо информация не может не быть «электронной»; «информация» – это разновидность представления знания – «данных».

В связи с введением в понятие доказательства категории «смысл» и с приданием понятию информации электронного значения, необходимо обратиться к еще одной категории – «данные». Именно оно позволит окончательно прояснить вопрос о понятии «доказательство».

Согласно международным справочнику, «да́нные – это представление фактов, понятий в форме, приемлемой для общения, интерпретации, или обработки человеком или с помощью автоматических средств *(ISO/IEC/IEEE24765-2010. URL: https://www.iso.org/obp/ui/#iso: std: iso-iec-ieee:24765: ed-1: v1: en (дата обращения: 26.08.2025))*. Информация должна обрести некоторую *форму представления* (то есть превратиться в данные), чтобы ей можно было обмениваться, информация есть в первую очередь интерпретация (смысл) такого представления. Поэтому в строгом смысле *информация* отличается от *данных (ISO/IEC/IEEE24765–2010. URL: https://www.iso.org/obp/ui/#iso: std: iso-iec-ieee:24765: ed-1: v1: en (дата обращения: 26.08.2025))*.

Мы берем категорию «данные» как исходную в определении доказательства (судебного, уголовно-процессуального). Соответственно, термин «информация» будет означать одну из разновидностей данных, а именно тех из них, что обработаны с помощью автоматических средств. Данные путем преобразования и обработки преобразуются в информацию. А смысл – это то, что информация и любые другие данные получают при их интерпретации субъектами доказывания (аргументации) в уголовном судопроизводстве.

Особо подчеркнем то, что смысл и интерпретация (данных, информации) входят в сферу свободы участников доказывания. Защитник, обвиняемый вправе интерпретировать и истолковывать смысл данных (информации), имеющихся в деле, и в этом отношении они полностью равны со следователем, прокурором в формировании доказательства.

Доказательство – это средство доказывания некоего утверждения – позиции в деле; это аргумент, довод (основание таковых) стороны в деле, средство убеждения судьи. Доказательство – это не просто знание, «информация», но знание, упакованное в речевую-риторическую оболочку, которая вводит смысл и придает значение данным (информации) сообразно тому назначению, которое ему придается.

Итак, для нас исходным понятием в трактовке доказательства является понятие «данные». Хотя его нельзя путать с понятием «фактические данные» в том смысле, который придавали этому понятию советский уголовно-процессуальный закон и доктрина. Различие между данными, информацией и доказательством как доводом, как доказательственным фактом, состоит в том, что в нем присутствуют или имеются смысл, значимость и назначение. Назначение доказательства состоит в том, чтобы влиять на внутреннее убеждение судьи и его суждение о предмете спора. Только риторический, смысловой аспект делает данные (информацию) средством, позволяющим добиться этой цели.

Судебный контекст позволяет наиболее полно, всесторонне раскрыть смысл и назначение данных

(информации), собранных и представленных сторонами. Конкурирующие интерпретации смысла представленных данных (информации) в контексте состязательного судебного судоговорения позволяют выявить их смысл для судьи и тем самым оказать влияние на его суждение при принятии решения по факту и в целом по делу.

Отказ от информационного подхода к трактовке доказательства приводит к определению доказательства как данных, представленных в любом виде, в том числе в виде «информации», который делает их доступными для восприятия и понимания смысла человеком – субъектами доказывания в контексте расследуемого, рассматриваемого судом уголовного дела. Если стороны равны в той части формирования доказательств, которое состоит в интерпретации смысла данных (информации), то уравнивание должно распространяться и на ту сферу доказывания, что подпадает под понятие «собирание доказательства».

В следственном досудебном производстве полновластным субъектом собирания доказательств в уголовное дело является следователь. В этом монопольном полномочии на формирование доказательств состоит сущность следственной уголовно-процессуальной парадигмы, исключающей свободу, право защитника на формирование досудебного доказательства.

Те ученые, которые превозносят следственную (существующую) форму как единственно реальную и истинную, как правило, допускают возможность увеличения возможностей следователя путем вооружения его высокими технологиями [13, с. 27–38; 14, с. 10–12; 15, с. 208–215]. Современная наука полнится проектами о «кибере следователе», хотя этот термин имеет и другое, более широкое значение, а именно: специалиста в области информационной безопасности, который в частном порядке занимается обнаружением, анализом и предотвращением киберпреступлений, который приобретает сверхспособности (компетенции) в раскрытии, расследовании не только кибер-, но обычных преступлений с использованием цифровых технологий и электронной информации.

В основе большинства научных построений о доказательствах, способах собирания доказательств, доказывании лежит утверждение о том, что следователь способен провести всестороннее, полное, объективное расследование, которое придет к установлению объективной истины.

Мы придерживаемся противоположной позиции, согласно которой увеличение потенциала следственной власти техническими возможностями не изменит ее антигуманной сущности уголовного судопроизводства. Следственная организация отрицает человека и его свободу защищаться всеми незапрещенными законом способами, к которым следует относить и право на получение и использование в своих интересах «данных», в том числе в электронном виде, то есть информации.

Научный проект цифровизации существующей следственной позитивно-правовой теории доказывания включает в себя и допущение того, что защитник может самостоятельно собирать «электронные доказательства» [16; с. 3, с. 102–105].

В связи с этим заслуживает внимания идея, что при собирании именно «электронных доказательств» наличествует в качестве самостоятельного элемента «копирование электронной информации», что вполне доступно любому пользователю компьютера, а потому и защитнику-адвокату, равно как и любому другому неофициальному субъекту доказывания [17, с. 309–310; 18, с. 8].

Однако утверждения, что защитник свободен в собирании электронных доказательств, сталкивается с правовой реальностью, которая заключается в том, что свобода защитника в собирании электронных доказательств определяется следователем, а затем судом, который, как правило, солидаризуется со следователем в том, что только доказательство, в том числе «электронное», является допустимым для использования в судебном процессе.

Конечно, практике известны случаи приобщения к делу следователем, судом «электронных доказательств», полученных адвокатом-защитником. Но чаще всего суд исходит из того, что то, что не собрано следователем и не облечено им в следственную форму (протокола следственного действия), то не доказательство или сомнительное доказательство прежде всего по критерию допустимости. К этому судью подводят общий смысл нашего законодательства, правовая культура, проникнутая следственной идеологией.

Таким образом, сама по себе цифровизация не освобождает защитника от следственного стандарта и не делает его равным следователю субъектом доказывания в собирании доказательств (электронных). Поэтому необходимы концептуальные сдвиги на доктринальном, концептуальном уровне в теории и в законодательстве, нужна смена следственной парадигмы доказывания на состязательную, к чему призывают некоторые авторы [19].

Заметим, что фундаментальная характеристика уголовно-процессуального механизма как «надлежащего», «правильного» связывается не только

и не столько с эффективностью реализации уголовно-правового воздействия, то есть репрессивным эффектом, но и со справедливостью.

Если же говорить о справедливости, то, несмотря на присущий этой категории оценочный момент, она в целом связана с морально-этическим представлением общества о соразмерном, человечном в решении правоприменителя (власти по отношению к человеку), но не *техническим; технический элемент выступает способом достижения справедливого*. Справедливость – это гармоничный синтез публичного и частного, принуждения и убеждения. Добиться справедливости одними техническими средствами невозможно. Гуманистический, а не технократический фактор должен лежать в основании совершенствования порядка доказывания, совершенствования уголовно-процессуального строя.

Главной характеристикой справедливой процессуально-правовой организации доказывания является обеспечение равенства и свободы в доказывании своей позиции, свободы в распоряжении своими правами доказывать. Справедливость не может быть обеспечена следственным порядком доказывания.

Не претендуя на полноту авторского проекта относительно возможных преобразований отечественного доказательственного права в плане расширения свободы защитника на получение и использование в интересах подзащитного электронных доказательств, ограничимся следующими предложениями по изменению действующего законодательства:

– дополнить ст. 86 УПК РФ нормой о том, что следователь, суд обязаны приобщить к уголовному делу предметы, документы, электронные носители информации, полученные и представленные обвиняемым, его защитником для установления фактических обстоятельств. Они подлежат проверке и оценке наряду с доказательствами, собранными органом предварительного расследования.

– дополнить ст. 75 УПК РФ нормой о том, что обвиняемый и его защитник вправе использовать при доказывании своих утверждений любые предметы, документы, содержащиеся в них данных, если они были получены без нарушения прав и свобод иных лиц, запретов, прямо установленных законом.

Литература

1. *Александров А. С.*, *Андреева О. И.*, *Зайцев О. А.* О перспективах развития российского уголовного судопроизводства в условиях цифровизации // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 448. С. 199–207.

2. *Хайдаров А. А.* Использование возможностей социальных сетей и мобильных устройств для защиты адвокатами прав и законных интересов подозреваемых (обвиняемых) и выявления прокурорами нарушений по уголовным делам // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 5. С. 179–187.

3. *Пастухов П. С.* О выравнивании прав сторон в собирании доказательств по уголовному делу // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 3 (33). С. 102–105.

4. *Власова С. В.* К вопросу о приспосабливании уголовно-процессуального механизма к цифровой реальности // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2018. № 1 (36). С. 9–18.

5. *Ступакова Е. Н.* Собирание электронных доказательств в уголовном процессе как результат инновационного развития // Инновационная наука. 2017. № 2–2. С. 137–139.

6. *Цветков Ю. А.* Российский следователь: от инквизитора к сверхчеловеку. Этюды по философии уголовного процесса // Уголовное судопроизводство. 2019. № 1. С. 16–23.

7. *Зуев С. В., Никитин Е. В.* Информационные технологии в решении уголовно-процессуальных проблем // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11. № 3. С. 587–595.

8. *Вехов В. Б.* Электронные доказательства: проблемы теории и практики // Правопорядок: история, теория, практика. 2016. № 4 (11). С. 46–50.

9. Электронные доказательства в уголовном судопроизводстве: учебное пособие для вузов / С. В. Зуев [и др.]; отв. ред. С. В. Зуев. М.: Юрайт, 2020. 196 с.

10. *Дмитриева А. А., Пастухов П. С.* Концепция электронного доказательства в уголовном судопроизводстве // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. № 1 (1). С. 270–295.

11. *Александров А. С., Терехин В. В.* К вопросу о новой теории уголовно-процессуального доказывания // Вестник Самарского юридического института. 2015. № 1 (15). С. 9–18.

12. *Воеводин А. П.* Информация и смысл // Вісник Маріупольського державного університету. Сер.: Філософія, культурологія, соціологія. 2014. № 7. С. 7–21.

13. *Гаврилин Ю. В., Победкин А. В.* Модернизация уголовно-процессуальной формы в условиях информационного общества // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 3 (51). С. 27–38.

14. *Багмет А. М., Цветков Ю. А.* Об уголовном деле как информационном продукте // Библиотека криминалиста: научный журнал. 2014. 1 (12). С. 10–12.

15. *Гришин Д. А.* Цифровизация досудебного уголовного судопроизводства // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 455. С. 208–215.

16. *Зуев С. В., Каменев А. С.* Собирание и проверка электронной доказательственной информации стороной защиты в уголовном судопроизводстве: монография. М.: Юрлитинформ, 2024. 106 с.

17. *Зуев С. В.* Копирование электронной информации как познавательный прием уголовно-процессуального доказывания / Основы теории электронных доказательств: монография / под ред. д-ра юрид. наук С. В. Зуева. М., 2019. С. 300–311.

18. *Овсянников Д. В.* Копирование электронной информации как средство уголовно-процессуального доказывания: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2016. 192 с.

19. Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права РФ и Комментарии к ней. М.: Юрлитинформ, 2015. 304 с.

References

1. *Aleksandrov A. S., Andreeva O. I., Zaitsev O. A.* O perspektivakh razvitiya rossiiskogo ugolovnogo sudoproizvodstva v usloviyakh tsifrovizatsii [On the prospects for the development of Russian criminal proceedings in the context of digitalization]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Tomsk State University]*, 2019, no. 448. pp. 199–207. (In Russian)

2. *Khaidarov A. A.* Ispol'zovanie vozmozhnostei sotsial'nykh setei i mobil'nykh ustroistv dlya zashchity advokatami prav i zakonnykh interesov podozrevaemykh (obvinyaemykh) i vyyavleniya prokurorami narushenii po ugolovnym delam [Using the capabilities of social networks and mobile devices for lawyers to protect the rights and legitimate interests of suspects (accused) and for prosecutors to identify violations in criminal cases]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava [Actual problems of Russian law]*, 2020, no. 5. pp. 179–187. (In Russian)

3. *Pastukhov P. S.* O vyravnivanii prav storon v sobiranii dokazatel'stv po ugolovnomu delu [On the equalization of the rights of the parties in collecting evidence in a criminal case]. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika [Legal Science and Law Enforcement Practice]*, 2015, no. 3 (33), pp. 102–105. (In Russian)

4. *Vlasova S. V.* K voprosu o prisposablivanii ugolovno-protsessual'nogo mekhanizma k tsifrovoi real'nosti [On the issue of adapting the criminal procedure mechanism to digital reality]. *Biblioteka kriminalista. Nauchnyi zhurnal [Library of a criminalist. Scientific journal]*, 2018, no. 1 (36), pp. 9–18. (In Russian)

5. *Stupakova E. N.* Sobiranie elektronnykh dokazatel'stv v ugolovnom protsesse kak rezul'tat innovatsionnogo razvitiya [Collection of electronic evidence in criminal proceedings as a result of innovative development]. *Innovatsionnaya nauka [Innovative Science]*, 2017, no. 2–2. pp. 137–139. (In Russian)

6. *Tsvetkov Yu. A.* Rossiiskii sledovatel': ot inkvizitora k sverkhcheloveku. Etyudy po filosofii ugolovnogo protsessa [Russian investigator: from inquisitor to superman. Studies in the philosophy of criminal procedure]. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo [Criminal proceedings]*, 2019, no. 1, pp. 16–23. (In Russian)

7. *Zuev S. V., Nikitin E. V.* Informatsionnye tekhnologii v reshenii ugolovno-protsessual'nykh problem [Information technologies in solving criminal procedural problems]. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal [All-Russian criminological journal]*, 2017, vol. 11, no. 3, pp. 587–595. (In Russian)

8. *Vekhov V. B.* Elektronnye dokazatel'stva: problemy teorii i praktiki [Electronic evidence: problems of theory and practice]. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika [Law and order: history, theory, practice],* 2016, no. 4 (11), pp. 46–50. (In Russian)

9. *Zuev S. V.* (*ed.*) Elektronnye dokazatel'stva v ugolovnom sudoproizvodstve: uchebnoe posobie dlya vuzov [Electronic evidence in criminal proceedings: a textbook for universities]. Moscow: Yurait, 2020. 196 p. (In Russian)

10. *Dmitrieva A. A., Pastukhov P. S.* Kontseptsiya elektronnogo dokazatel'stva v ugolovnom sudoproizvodstve [The concept of electronic evidence in criminal proceedings]. *Journal of Digital Technologies and Law [Journal of Digital Technologies and Law]*, 2023, no. 1 (1), pp. 270–295. (In Russian)

11. *Aleksandrov A. S., Terekhin V. V.* K voprosu o novoi teorii ugolovno-protsessual'nogo dokazyvaniya [On the issue of a new theory of criminal procedural proof]. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta [Bulletin of the Samara Law Institute]*, 2015, no. 1 (15), pp. 9–18. (In Russian)

12. *Voevodin A. P.* Informatsiya i smysl [Information and Meaning]. *Visnik Mariupol's'kogo derzhavnogo universitetu [Bulletin of Mariupol State University].* Series: Philosophy, Cultural Studies, Sociology, 2014, no. 7, pp. 7–21. (In Russian)

13. *Gavrilin Yu. V., Pobedkin A. V.* Modernizatsiya ugolovno-protsessual'noi formy v usloviyakh informatsionnogo obshchestva [Modernization of the Criminal Procedure Form in the Context of the Information Society]. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii [Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia]*, 2019, no. 3 (51), pp. 27–38. (In Russian)

14. *Bagmet A. M., Tsvetkov Yu. A.* Ob ugolovnom dele kak informatsionnom produkte [On a Criminal Case as an Information Product]. *Biblioteka kriminalista: nauchnyi zhurnal [Library of a Criminalist: Scientific Journal]*, 2014, no. 1 (12), pp. 10–12. (In Russian)

15. *Grishin D. A.* Tsifrovizatsiya dosudebnogo ugolovnogo sudoproizvodstva [Digitalization of pre-trial criminal proceedings]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Tomsk State University]*, 2020, no. 455, pp. 208–215. (In Russian)

16. *Zuev S. V., Kamenev A. S.* Sobiranie i proverka elektronnoi dokazatel'stvennoi informatsii storonoi zashchity v ugolovnom sudoproizvodstve [Collection and verification of electronic evidentiary information by the defense in criminal proceedings]. Moscow: Yurlitinform, 2024. 106 p. (In Russian)

17. *Zuev S. V.* Kopirovanie elektronnoi informatsii kak poznavatel'nyi priem ugolovno-protsessual'nogo dokazyvaniya [Copying electronic information as a cognitive technique of criminal procedural evidence]. In: *Zuev S. V.* (ed.) Osnovy teorii elektronnykh dokazatel'stv [Fundamentals of the theory of electronic evidence]. Moscow, 2019, pp. 300–311. (In Russian)

18. *Ovsyannikov D. V.* Kopirovanie elektronnoi informatsii kak sredstvo ugolovno-protsessual'nogo dokazyvaniya [Copying electronic information as a means of criminal procedural evidence]: dis. ... cand. of Law. Ekaterinburg, 2016. 192 p. (In Russian)

19. Doktrinal'naya model' ugolovno-protsessual'nogo dokazatel'stvennogo prava RF i Kommentarii k nei [Doctrinal model of criminal procedural evidence law of the Russian Federation and Comments to it]. M.: Yurlitinform, 2015. 304 p. (In Russian).

ИСПРАВЛЕНИЕ НАРКОПРЕСТУПНИКОВ: ПРОБЕЛЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Бирюков Иван Игоревич

Цель: *в статье представлены результаты исследования особенностей назначения и исполнения наказаний за преступления в сфере незаконного оборона наркотических средств, психоактивных веществ и их прекурсоров. Основная задача исследования – выработка предложений и рекомендаций, направленных на совершенствование положений уголовного законодательства, связанных с достижением цели уголовного наказания в виде исправления преступников в случаях его назначения за указанные виды общественно опасных деяний. Особое внимание уделено их пенализации, содержанию понятия «исправление» применительно к данным видам преступников, а также недостаткам подхода законодателя к закреплению видов наказания за наркопреступления и регламентации некоторых особенностей их назначения на современном этапе.*

Методология: *диалектический метод познания, а также совокупность общенаучных (анализ, синтез, индукция, дедукция, аналогия), частнонаучных (статистический) и специально-юридических (формально-юридический, метод толкования юридических норм, историко-правовой) методов.*

Выводы. *Закрепленные в уголовном законе подходы к педализации наркопреступлений не в полной мере соотносятся с приоритетными направлениями развития уголовно-исполнительной системы и противодействием наркотизации населения, закрепленными в соответствующих документах стратегического планирования, в числе которых исправление, медицинская реабилитация и ресоциализация осужденных. При этом эффективность исправительного воздействия связана с устранением последствий наркопотребления и осознанием лицом общественной вредности и опасности наркотиков, в силу чего представляется возможным обратить внимание на необходимость распространения в отношении наркопреступников альтернативных лишению свободы видов наказания, а также расширить практику назначения судом мер, направленных как на лечение от наркомании, так и на медицинскую и (или) социальную реабилитацию.*

Научная и практическая значимость. *Проведенное исследование позволило выявить недостатки регламентации уголовно-правовых последствий совершения «наркотических» преступлений в контексте обоснованной приоритетности исправительного воздействия на осужденных. Полученные результаты и выводы способствуют расширению научных представлений о содержании и критериях пенализации данного вида общественно опасных деяний и могут быть использованы при подготовке соответствующих законодательных изменений.*

Ключевые слова: *уголовное право, антинаркотическая политика государства, незаконный оборот наркотиков, наркопреступник, пенализация, наказание, цели наказания, исправление осужденных, принудительные работы, условное осуждение.*

Распространение наркотических средств и психоактивных веществ представляет собой одну из наиболее значимых угроз общественной безопасности.

В соответствии с требованиями Стратегии национальной безопасности *(Указ Президента РФ от 23 ноября 2020 г. № 733 «Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года» // СПС «КонсультантПлюс»: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_368501/ (дата обращения 03.09.2025))* для нейтрализации

DOI 10.31085/2310-8681-2025-3-288-180-187

последствий распространения наркотических и психотропных веществ в России реализуются меры государственной политики, направленной, в частности, на выявление и пресечение преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров *(к ним относятся деяния, запрещенные ст. 228–234[1] УК РФ)* (далее – наркопреступления, «наркотические» преступления).

Кроме того, принятие документа стратегического планирования, направленного на реализацию антинаркотической политики Российской Федерации *(Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года, утверждена Указом Президента Российской Федерации от 23 ноября 2020 г. № 733 // СПС «КонсультантПлюс»: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_368501/88c278a9358f0df60725188db9beded9a90290e1/ (дата обращения: 03.09.2025))*, свидетельствует о повышенном внимании государства к наркотизации населения как к фактору, дестабилизирующему состояние общественного здоровья *(концепция общественного здоровья исходит из того, что здоровье – это не состояние, а способность или ресурс, позволяющий достигать целей, приобретать навыки, получать образование и удовлетворять другие личные потребности)* и общественную безопасность [1]. Установление запретов и ограничений оборота наркотических средств и психоактивных веществ обусловлено тем, что Россия с позиции сильного государства [2] стремится обеспечить охрану устойчивого набора социальных ценностей и нравственных ориентиров, а также консолидацию общества вокруг них.

Между тем по сведениям, представленным Государственным антинаркотическим комитетом (далее – ГАК), в 2023 г. наркологической службой Российской Федерации зарегистрировано более 388 000 пациентов с психическими и поведенческими расстройствами, связанными с употреблением наркотиков *(см.: Доклад о наркоситуации в Российской Федерации в 2023 году», подготовленный Государственным антинаркотическим комитетом по итогам мониторинга наркоситуации в Российской Федерации за 2023 год в соответствии с Положением о Государственном антинаркотическом комитете, утвержденным Указом Президента Российской Федерации от 18 октября 2007 г. № 1374 «О дополнительных мерах по противодействию незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров». URL: https://media.mvd.ru/files/embed/4905796 (дата обращения: 28.08.2024))*. Однако в силу чрезвычайной латентности наркотической зависимости количество наркопотребителей среди граждан представляется выше, чем число обратившихся за медицинской помощью. Согласно результатам аналитического исследования группы специалистов федерального проекта «Трезвая Россия», около 5 миллионов россиян постоянно употребляют наркотики *(«Более миллиона россиян ежегодно умирают из-за употребления алкоголя и наркотиков». URL: https://www.kommersant.ru/doc/4826021 (дата обращения: 27.07.2024))*. Всем известны негативные последствия наркопотребления (вплоть до летального исхода), их влияние на состояние физического и психического здоровья человека, на степень функционирования его основных органов и систем. Следует отметить, что, согласно данным Росстата, в 2021 г. по причинам, непосредственно связанным с употреблением наркотиков, умерло 10 043 человека *(в эту группу входят лишь случаи смерти из-за психических расстройств, произошедшие из-за злоупотребления наркотиками или другими психоактивными веществами, случайное отравление ими либо отравление с неопределенными намерениями. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/demo24–2_2021.xlsx (дата обращения: 27.05.2024))*. В докладе ГАК указано, что в 2023 г. количество смертельных случаев отравлений психотропными веществами и наркотическими средствами составило более 10,4 тыс. человек.

Вместе с тем в условиях негативных демографических тенденций, связанных с сокращением темпов рождаемости, отрицательным естественным приростом населения, проблема противодействия наркотизации российского общества, в том числе уголовно-правовыми средствами, за счет снижения степени распространенности «наркотических» преступлений представляется крайне востребованной для исследования представителями различных направлений правовой мысли.

Современные разработки проблемы направлены преимущественно на анализ состояния наркопреступности в России и уголовно-правовой регламентации противодействия [3; 4], включая выявление особенностей квалификации таких преступлений [5] и вопросов их расследования и проведения оперативно-разыскных мероприятий [6], профилактики соответствующего неправомерного поведения [7; 8], оценки влияния иных факторов, способствующих сокращению наркопреступности [9; 10].

При этом необходимо отметить недостаток внимания к отдельным проблемам назначения и исполнения наказаний за преступления в сфере оборота наркотиков в контексте исправления и социальной

реабилитации осужденных. Между тем постановка данных проблем и разработка научно обоснованных предложений по их разрешению видится в повышении эффективности мер, связанных с ресоциализацией осужденных, а также предупреждения совершения новых противоправных деяний.

I. Согласно статистике Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации (далее – статистика ВС РФ) наркопреступность традиционно является одним из наиболее распространенных видов общественно опасных деяний, уступая лишь преступлениям против собственности. На основании анализа статистических данных о привлечении к ответственности за преступления в сфере оборота наркотиков можно сделать выводы о превалировании лишения свободы над иными видами наказания в структуре привлечения к уголовной ответственности за указанные преступные деяния и о наличии тенденции к увеличению сроков лишения свободы за их совершение *(В 2023 г. за «наркотические» преступления было осуждено 72 897 человек, среди них 30 305 были приговорены к лишению свободы (около 42%), из которых менее чем у половины (46%) срок данного вида наказания не превышает пяти лет (1720 – на срок до одного года; 2164 – от одного года до двух лет; 2308 – от двух до трех лет; 7863 – от трех до пяти лет). В 2022 г. лишение свободы было назначено в отношении 29 723 из 74 567 осужденных. 16 059 из них наказаны менее, чем на пять лет включительно, то есть 54% (2314 – на срок до одного года; 2521 – от одного года до двух лет; 2645 – от двух до трех лет; 8579 – от трех до пяти лет). В 2021 г. показатели значительно выше – 61,9% осужденных к лишению свободы за наркопреступления получили сроки не более пяти лет (17 477 из 28 221 приговоренных к данному виду наказания). В 2020 г. ситуация складывалась похожим образом – 15 591 из 25 362 (61,4%) приговоренных к лишению свободы на срок не более пяти лет за совершение деяний данного вида)*.

Однако применительно к «наркотическим» преступлениям данный подход к наказанию виновных лиц представляется не в полной мере справедливым.

Во-первых, как отмечал профессор И. В. Шмаров, «у освобожденного из мест лишения свободы существенно изменяется объем социальных ролей, ряд из которых были утрачены в период отбывания наказания, а также характер общения с новой социальной средой» [11, с. 50], что, безусловно, негативно сказывается на возможности исправления и ресоциализации осужденных.

Во-вторых, совершение наркопреступлений в большинстве случаев обусловлено пристрастием к наркотическим средствам или психоактивным веществам, в связи с чем первостепенной задачей реализации механизма привлечения к ответственности следует определить изменение сознания человека, направленное на осмысление общественной вредности и опасности наркотиков, которое не позволит ему «нарушать элементарные нравственные заповеди и совершать преступлений в будущем» [12, с. 15].

Следовательно, закрепленная в ст. 43 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) цель наказания в виде исправления осужденных, наиболее эффективно может быть достигнута либо при оптимальной и небольшой длительности срока лишения свободы [13], либо в условиях отбывания наказаний, не связанных с постоянной изоляцией от общества. Представляется возможным обратить внимание на необходимость распространения в отношении наркопреступников альтернативных лишению свободы видов наказания, в частности, непосредственно связанных с привлечением к труду.

Более ста лет назад обоснованность привлечения к труду и его значение для исправления преступников отмечал С. В. Познышев: «Хорошая организация труда в пенитенциарных учреждениях составляет одно из первых условий правильной постановки пенитенциарного дела. ... Сознание человека, что он честно работает, поднимает его в собственных глазах, оказывает на него облагораживающее влияние» [14, с. 198].

Кроме того, социальная значимость труда как вида деятельности определена также в Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации (далее – УИК РФ), ст. 9 которого содержит указание на формирование уважительного отношения к труду как на одну из целей исправления осужденного.

Между тем В. А. Уткин, анализируя социально-демографический состав лиц, приговоренных к лишению свободы, отмечает, что «более 30% осужденных в возрасте до 25 лет, как правило, до осуждения нигде не работали и не учились. У них практически отсутствует привычка к систематическому труду» [15, с. 84].

Согласно статистике ВС РФ в 2021 г. из общего числа осужденных за «наркотические» преступления (75 647 человек) 48 363 относятся к категории «трудоспособные лица без постоянного источника дохода», еще 505 являются официально признанными безработными *(в соответствии с положениями Федерального закона от 12 декабря 2023 г. № 565-ФЗ «О занятости населения в Российской Федерации»)*. То есть 64,6% от общего числа осуж-

денных не имеют постоянной работы и заработка, а следовательно, и привычки к социально-одобряемой и стимулирующей к правомерному поведению такой деятельности, как труд. В 2022 г. общее количество осужденных за указанные деяния составило 74 567 человек. 47 368 из них – «трудоспособные лица без постоянного источника дохода», 386 человек признаны безработными. Постоянная работа и заработок отсутствовали у 64% осужденных. В 2023 г. данный показатель составил 62,8% (всего осуждено 72 897, 45 487 – «трудоспособные лица без постоянного источника дохода», 309 – «безработные»).

Вместе с тем следует согласиться с мнением И. М. Рагимова, согласно которому «нельзя вести борьбу со злом, преступным поведением только посредством проповеди и воспитания, ибо современный человек все еще по природе своей агрессивен и зол» [16, с. 38]. Отказ от карательного элемента наказания не должен быть абсолютным, в таком случае теряется сама его сущность.

Увеличение назначения наказаний, не связанных с полной изоляцией от общества, за преступления в сфере оборота наркотиков возможно только при соблюдении следующих условий:

а) сравнительно невысокой общественной опасности преступившего закон лица [17], что может быть формально выражено в характере и степени общественной опасности совершенного деяния;

б) исключительно при наличии надлежащего и систематического контроля за осужденным.

Подведем промежуточный итог: наиболее эффективным видом наказания в контексте исправления осужденных представляются принудительные работы. Необходимость их введения обусловлена необходимостью назначать наказания, не связанные с полной изоляцией лица от общества. В настоящее время этот вид наказания применяется лишь как альтернатива лишению свободы.

Сущность принудительных работ сводится к привлечению осужденного к трудовой деятельности в местах, определяемых учреждениями и органами уголовно-исполнительной системы, совмещенном с проживанием на территории исправительного центра и с обязанностью следовать правилам внутреннего распорядка, предусматривающим запрет покидать центр в ночное и нерабочее время, выходные и праздничные дни без разрешения администрации. При этом из заработной платы осужденного производятся удержания в доход государства в размере, установленном приговором суда (от 5 до 20%).

Между тем положительные стороны назначения наказания в виде принудительных работ отметил также Министр юстиции Российской Федерации К. А. Чуйченко на встрече с Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 31 марта 2023 г. В частности, он заявил: «... достоинство этой меры состоит в том, что люди работают, получают деньги, они уже готовятся, как говорится, к выходу в свободную жизнь. И ко всему прочему ... они получают не ущемляющую их человеческое достоинство заработную плату, они живут в нормальных условиях, у них есть возможность общаться с родственниками, они могут выходить в город» (*«Путин поддержал идею заменить лишение свободы ряду осужденных на принудительные работы». URL: https://tass.ru/obschestvo/13573001 (дата обращения: 31.03.2024)*). Была отмечена и экономическая выгода от применения данного вида наказания, выраженная в том, что осужденные фактически сами оплачивают расходы, связанные с их содержанием, а также в снижении стоимости трат на строительство исправительных центров в сравнении с созданием дополнительных мест в учреждениях, предусмотренных для отбывания наказания в виде лишения свободы.

Соответственно, применение принудительных работ в отношении наркопреступников связано с предоставлением осужденным возможностей «встать на путь исправления» без потери социальных связей, что согласуется с принципом экономии уголовной репрессии *(Конституционный Суд Российской Федерации в своих решениях неоднократно указывал на соблюдение принципа экономии уголовной репрессии, вытекающего из конституционных начал гуманизма и справедливости, предполагающего применение лишь необходимых и достаточных для достижения ее целей принудительных мер уголовно-правового реагирования (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 17 января 2013 г. № 2-О, от 28 февраля 2019 г. № 546-О, от 27 января 2022 г. № 158-О, от 28 февраля 2023 г. № 463-О)* и особенно важно для лиц, подвергнутым влиянию наркотизации как фонового криминогенного явления.

Вместе с тем УК РФ предусматривает механизм усиления меры воздействия посредством замены неотбытой части наказания на лишение свободы в случаях, если осужденный является злостным нарушителем порядка и условий отбывания принудительных работ, то есть не способен воспользоваться отмеченной «возможностью». Иными словами, отказываясь выполнять условия более мягкой меры уголовной ответственности, осужденный подвергает себя риску оказаться в более строгих условиях, что способствует более четкой

дифференциации «случайных» [18, 19, 20] и «ситуационных» [21] преступников, назначение лишения свободы как одной из наиболее карательных мер ответственности для которых излишне.

Однако, возвращаясь к статистике ВС РФ, несмотря на значительный рост случаев применения данного вида наказания в 2023 г., следует констатировать, что принудительные работы в целом редко назначаются виновным за «наркотические» преступления (24 человека в 2021 г., 38 – в 2022 г.; 93 – в 2023 г.), что может быть объяснимо, прежде всего, отсутствием прямого указания на данную меру уголовной ответственности в санкциях статей, устанавливающих запрет на совершение наркопреступлений.

Так, ст. 53^1 УК РФ предусматривает два основания назначения принудительных работ как наказания, альтернативного лишению свободы: прямое указание в санкции статьи либо в случае, если суд, назначив наказание в виде лишения свободы на срок до пяти лет, может сделать выводы о возможности исправления осужденного без реального отбывания наказания в местах лишения свободы.

При этом принудительные работы как вид уголовного наказания в настоящее время не предусмотрен за совершение наиболее распространенных видов наркопреступлений, запрет на которые установлен ч. 1 и 2 ст. 228 УК РФ *(ст. 228 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность за незаконные приобретение, хранение, перевозку, изготовление, переработку наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные приобретение, хранение, перевозку растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества». За совершение отмеченных деяний в 2021 г. осуждено 34 409 (ч. 1) и 22 158 (ч. 2) человек, в 2022 г.– 32 839 (ч. 1) и 21 019 (ч. 2), в 2023 г.– 30 657 (ч. 1) и 19 435 (ч. 2))*.

Следовательно, отсутствие прямого указания в санкциях статьи на возможность назначить наказание в виде принудительных работ свидетельствует о том, что избрание данной меры по второму основанию будет связано с неким исключением из общего правила, требующим дополнительных пояснений и аргументации своих «выводов о возможности исправления», что, как представляется, негативно сказывается на распространенности применения отмеченного вида наказания.

II. Представляется возможным также обратить внимание на неполноту [22] регламентации порядка назначения условного осуждения за совершение преступлений в сфере оборота наркотиков.

Так, ст. 72^1 «Назначение наказания лицу, признанному больным наркоманией» и 82^1 «Отсрочка отбывания наказания» УК РФ были закреплены как лечение от наркомании, так и медицинская и (или) социальная реабилитация в качестве единой меры воздействия на лицо, испытывающее наркозависимость.

Согласно же ст. 73 «Условное осуждение» УК РФ при назначении наказания в виде исправительных работ или лишения свободы на срок до восьми лет за совершение наркопреступлений суд может постановить считать наказание условным, при этом установив испытательный срок и возложив на осужденного обязанности, в перечне которых прохождение курса лечения от наркомании, без указания на какое-либо реабилитационное воздействие.

Отмечая распространенность применения условного осуждения за совершение «наркотических» преступлений, а также значительное число лиц, направленных судом на лечение *(по статистическим данным ВС РФ в 2023 г. наказание в виде лишения свободы было назначено условно в отношении 20 878 осужденных за «наркотические» преступления, из которых на 1278 была возложена обязанность пройти соответствующее лечение. В 2022 г. за аналогичные деяния условный срок получили 24 077 человек, а прохождение курса лечения от наркомании возложено на 1453 осужденных. В 2021 г. за совершение наркопреступлений к лишению свободы условно были приговорены 25 576 человек, а отмеченная обязанность была возложена на 1625 человек),* делаем вывод, что возложение данной меры направлено исключительно на избавление от физической зависимости лица в условиях недостатка мер восстановительного социально-психологического воздействия, чем и является социальная реабилитация. Однако глубина зависимости от наркотиков, проявляющейся в постоянной тяге к ним, психическая и физиологическая деградация личности, потеря социальных связей [23] презюмируют необходимость назначения как лечения, так и реабилитации в совокупности единой меры обеспечения безопасности личности от угроз общества и вместе с тем общества от угроз конкретной личности, преследуя цели исправления и ресоциализации совершившего преступление лица.

Кроме того, в ст. 82^1 УК РФ установлен двухгодичный срок подтвержденной ремиссии после окончания лечения и реабилитации, истечение которого свидетельствует о полном избавлении от наркозависимости, позволяющем освободить осужденного от отбывания наказания либо его оставшейся части.

Однако в случае условного осуждения срок ремиссии после лечения от наркомании в учет не берется (а тем более срок реабилитации), что не в полной мере согласуется с содержанием условного осуждения в части контроля за поведением лица, а в отношении испытывающего психологические проблемы, связанные с тягой к наркотикам, либо тайно употребляющего наркотики человека, может быть снята или погашена судимость без учета реального состояния «исправленности».

Подводя итог, можно констатировать, что модернизация уголовной политики Российской Федерации [24] требует изменения подходов к пенализации отдельных видов преступлений, в числе которых деяния, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров.

Поставленные в документах стратегического планирования государственной антинаркотической политики и развития уголовно-исполнительной системы цели и задачи, среди которых исправление осужденных, совершенствование мер, направленных на побуждение наркопотребителей к прохождению лечения наркозависимости и последующей реабилитации, повышение доступности ресоциализации и социальной реабилитации для наркопотребителей, включая лиц, освободившихся из мест лишения свободы, и лиц без определенного места жительства, должны находить реальное отражение в нормах уголовного законодательства.

Вместе с тем проблема исправления осужденных за преступления в сфере оборота наркотиков обусловлена не только последствиями наркопотребления, но и отдельными недостатками в регламентации уголовно-правовых механизмов привлечения к уголовной ответственности за совершение указанных деяний.

Специфика последствий преступлений в сфере оборота наркотиков обуславливает необходимость исправления не только «юридического», выраженного в недопущении совершения новых общественно опасных деяний, но и иных качеств субъекта преступления, необходимых для восстановления социальных связей, осознания наркотизации личности как негативного социального явления, принятия общепринятых ценностей и интересов.

В связи с этим представляется возможным предложить: а) расширить практику назначения альтернативных лишению свободы мер уголовной ответственности за преступления в сфере оборота наркотиков небольшой или средней тяжести, а также за совершение тяжкого преступления данного вида впервые (с учетом личности виновного лица) посредством включения в санкции отдельных статей, запрещающих деяния данного вида, (прежде всего в ч. 1 и 2 ст. 228 УК РФ) принудительных работ, а также разработок соответствующих рекомендаций на уровне постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации; б) закрепить в перечне обязанностей, возлагаемых на условно осужденных за наркопреступления, указание не только на лечение от наркозависимости, но и прохождение медицинской и (или) социальной реабилитации, а исчисление испытательного срока условного осуждения поставить в зависимость от качества прохождения данных мер и наличия объективно подтвержденной медицинским заключением ремиссии.

Литература

1. *Путило Н. В., Антонова Н. В., Волкова Н. С. и др.* Правовая политика государства в сфере общественного здоровья: научно-практическое пособие / отв. ред. Н. В. Путило. М.: Проспект, 2022. 224 с.

2. *Пудовочкин Ю. Е., Бабаев М. М.* Уголовная политика и уголовное право сильного государства // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. № 2. С. 131–144.

3. *Никуленко А. В.* Незаконный оборот наркотических средств: перспективы противодействия // КриминалистЪ. 2021. № 2 (35). С. 30–36.

4. *Егорова Т. И.* Законодательные возможности уяснения аналогии в содержании незаконного оборота наркотиков // Журнал российского права. 2017. № 7 (247). С. 125–133.

5. *Шалагин А. Е.* Особенности квалификации и предупреждения контрабанды наркотиков // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2014. № 3 (17). С. 39–44.

6. *Воронин М. Ю., Артюшенко А. Б.* Понятие и правовые основы контролируемой поставки наркотиков // Вестник экономической безопасности. 2009. № 1. С. 63–66.

7. *Гринько С. Д.* Проблемы профилактики незаконного оборота наркотиков // Право и государство: теория и практика. 2020. № 4 (184). С. 97–99.

8. *Тюкалова Н. М., Кулаков Н. А.* Проблемы административного надзора за лицами, осужденными за совершение преступлений в области оборота наркотиков // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2021. № 3 (46). С. 185–192.

9. *Измайлов В. В.* Виктимологические последствия рекламы и пропаганды наркотиков // Актуальные проблемы российского права. 2012. № 1. С. 248–255.

10. *Цирина М. А.* Распространение пронаркотической информации в Интернете: меры противодействия // Журнал российского права. 2012. № 4 (184). С. 44–50.

11. *Шмаров И. В.* Предупреждение преступлений среди освобожденных от наказания (Проблема социальной адаптации). М.: Юрид. лит., 1974. 136 с.

12. *Селиверстов В. И.* Перспективы развития уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации // Международный пенитенциарный журнал. 2015. № 1. С. 11–21.

13. *Детков М. Г.* Длительное лишение свободы: понятие, содержание, эффективность // Пенитенциарная наука. 2008. № 2. С. 28–32.

14. *Познышев С. В.* Основы пенитенциарной науки. М.: Юрид. изд-во Наркомюста, 1923. 342 с.

15. *Уткин В. А.* Проблемы правового регулирования труда осужденных в исправительных учреждениях Российской Федерации // Уголовная юстиция. 2015. № 2 (6). С. 81–88.

16. *Рагимов И. М.* О нравственности наказания // Сборник материалов Международной научно-практической. конференции «Уголовный закон и нравственность» (Москва, 29 сентября 2021 г.) / отв. ред. Т. Я. Хабриева. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИД Юриспруденция, 2022. С. 35–41.

17. *Винокуров В. Н.* Структура общественной опасности и основание признания деяния малозначительным // Журнал российского права. 2024. Т. 28. № 1. С. 120–131.

18. *Голик Ю. В.* Случайный преступник: монография. Томск: Томский университет, 1984. 166 с.

19. *Пионтковский А. А.* Об условном осуждении, или системе испытания: уголовно-политическое исследование // *Пионтковский А. А.* Избранные труды. Т. 1. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. 372 с.

20. *Фойницкий И. Я.* Учение о наказании в связи с тюрьмоведением. М.: Добросвет, 2000. 462 с.

21. *Антонян Ю. М., Эминов В. Е.* Личность преступника: криминолого-психологическое исследование. М.: Норма, 2022. 368 с.

22. *Кауфман М. А.* Пробелы в уголовном праве и способы их преодоления: дис. ... д-ра юрид. наук. 12.00.08. М., 2009. 502 с.

23. *Звонова А. В.* Уголовно-правовые средства противодействия наркопреступности в местах лишения свободы: дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.08. Владимир, 2017. 234 с.

24. *Нудель С. Л.* Модернизация уголовной политики: проблемы правового регулирования // Журнал российского права. 2023. Т. 27. № 1. С. 5–22.

References

1. *Putilo N. V., Antonova N. V., Volkova N. S. and others.* Pravovaja politika gosudarstva v sfere obshhestvennogo zdorov'ja: nauchno-prakticheskoe posobie [Legal Policy of the State in the Field of Public Health: Scientific and Practical Guide]. Ed. N. V. Putilo. Moscow, Prospekt Publ., 2022. 224 p. (In Russian)

2. *Pudovochkin Yu. E., Babaev M. M.* Ugolovnaya politika i ugolovnoe pravo silnogo gosudarstva [Criminal Policy and Criminal Law in a Strong State] // In *Aktual'nye problemy rossijskogo prava [The Actual Problems of Russian Law Journal],* 2023, no. 18 (2), pp. 131–144. (In Russian, abstract in English)

3. *Nikulenko A. V.* Nezakonnyj oborot narkoticheskih sredstv: perspektivy protivodejstvija [Illicit drug trafficking: prospects for counteraction] // In *Kriminalist [Criminalist Journal],* 2021, no. 2 (35), pp. 30–36. (In Russian, abstract in English)

4. *Egorova T. I.* Zakonodatel'nye vozmozhnosti uyasneniya analogii v soderzhanii nezakonnogo oborota narkotikov [Legislative Ability to Understand Analogies in the Content of Illicit Drug Trafficking] // In *Zhurnal rossijskogo prava [Journal of Russian Law],* 2017, no. 7 (247), pp. 125–133. (In Russian, abstract in English)

5. *Shalagin A. E.* Osobennosti kvalifikacii i preduprezhdenija kontrabandy narkotikov [Features of qualification and the prevention of smuggling of drugs] // In *Vestnik Kazanskogo juridicheskogo instituta MVD Rossii [Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia],* 2014, no. 3 (17), pp. 39–44. (In Russian, abstract in English)

6. *Voronin M. Yu., Artjushenko A. B.* Ponjatie i pravovye osnovy kontroliruemoj postavki narkotikov [The concept and legal basis of controlled drug supply] // In *Vestnik jekonomicheskoj bezopasnosti [Bulletin of economic security*], 2009, no. 1, pp. 63–66. (In Russian, abstract in English).

7. *Grin'ko S. D.* Problemy profilaktiki nezakonnogo oborota narkotikov [Problems of drug trafficking prevention] // In *Pravo i gosudarstvo: teorija i praktika [Law and State: The Theory and Practice],* 2020, no. 4 (184), pp. 97–99. (In Russian, abstract in English)

8. *Tyukalova N. M., Kulakov N. A.* Problemy administrativnogo nadzora za licami, osuzhdennymi za sovershenie prestuplenij v oblasti oborota narkotikov [Problems of administrative supervision of drug trafficking offenders] // In *Vestnik VGU. Serija: Pravo [Proceedings of Voronezh State University. Series: Law],* 2021, no. 3 (46), pp. 185–192. (In Russian, abstract in English)

9. *Izmailov V. V.* Viktimologicheskie posledstvija reklamy i propagandy narkotikov [Drug's Advertisement and Propaganda Victimological Consequences] // In *Aktual'nye problemy rossijskogo prava [The Actual Problems of Russian Law Journal],* 2012, no. 1, pp. 248–255. (In Russian, abstract in English)

10. *Tsirina M. A.* Rasprostranenie pronarkoticheskoj informacii v Internete: mery protivodejstvija [Distribution of Pro-narcotic Information in the Internet: Counteraction Measures] // In *Zhurnal rossijskogo prava [Journal of Russian Law],* 2012, no. 4 (184), pp. 44–50. (In Russian, abstract in English)

11. *Shmarov I. V.* Preduprezhdenie prestuplenij sredi osvobozhdennyh ot nakazanija: (Problema social'noj adaptacii) [Prevention of Crimes Among those Released from Punishment: (The problem of social adaptation)]. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1974. 136 p. (In Russian)

12. *Seliverstov V. I.* Perspektivy razvitija ugolovno-ispolnitel'nogo zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii [Prospects of development of the criminal and executive legislation of the Russian Federation] // In *Mezhdunarodnyj penitenciarnyj zhurnal [International Penitentiary Journal],* 2015, no. 1, pp. 11–21. (In Russian, abstract in English)

13. *Detkov M. G.* Dlitel'noe lishenie svobody: ponjatie, soderzhanie, jeffektivnost' [Long-term Imprisonment: Concept, Content, Effectiveness]. Penitenciarnaja nauka [Penitentiary Science], 2008, no. 2, pp. 28–32. (In Russian)

14. *Poznyshev S. V.* Osnovy penitenciarnoy nauki [Fundamentals of Penitentiary Science]. Moscow, Yurid. izd-vo Narkomyusta Publ., 1923. 342 p. (In Russian)

15. *Utkin V. A.* Problemy pravovogo regulirovanija truda osuzhdennyh v ispravitel'nyh uchrezhdenijah Rossijskoj Federacii [On Legal Regulation of the Labour of Convicts in Correctional Institutions of the Russian Federation] // In *Ugolovnaja justicija [Russian Journal of Criminal Law],* 2015, no. 2 (6), pp. 81–88. (In Russian, abstract in English)

16. *Rahimov I. M.* O nravstvennosti nakazanija [On the morality of punishment]. In *Sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj. konferencii «Ugolovnyi zakon i nravstvennost'» (Moscow, 29.09.2021). [Collection of materials of the International Scientific and Practical Conference «Criminal Law and Morality» (Moscow, 09.29.2021)].* Ed. T. Ya. Khabrieva. M.: The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation: Jurisprudence Publ., 2022, pp. 35–41/ (In Russian)

17. *Vinokurov V. N.* Struktura obshhestvennoj opasnosti i osnovanie priznanija dejanija maloznachitel'nym [The Structure of Public Danger and the Basis for Recognizing the Act as Insignificant] // In *Zhurnal rossijskogo prava [Journal of Russian Law],* 2024, vol. 28, no. 1, pp. 120–131. (In Russian, abstract in English)

18. *Golik Yu. V.* Sluchajnyj prestupnik: monografiya [A Random Offender: Monograph]. Tomsk, Tomskii un-t Publ., 1984. 166 p. (In Russian)

19. *Piontkovskij A. A.* Ob uslovnom osuzhdenii, ili sisteme ispytanija: ugolovno-politicheskoe issledovanie [On probation, or the probation system: a criminal and political study]. In *Piontkovskij A. A.* Selected Works vol. 1. Kazan, Kazanskii un-t Publ., 2004. 372 p. (In Russian)

20. *Foynickiy I. Ya.* Uchenie o nakazanii v svyazi s tyur'movedeniem. [The Doctrine of Punishment in Connection with Prison Studies]. Dobrosvet Publ., 2000. 462 p. (In Russian)

21. *Antonyan Yu. M., Eminov V. E.* Lichnost' prestupnika: kriminologo-psihologicheskoe issledovanie [Criminal Personality: criminological and psychological research]. Moscow, Norma Publ., 2022. 368 p. (In Russian)

22. *Kaufman M. A.* Probely v ugolovnom prave i sposoby ih preodolenija [Gaps in Criminal Law and Ways to Overcome them]. Dis. ... d-ra yurid. nauk. 12.00.08. Moscow, 2009. 502 p. (In Russian)

23. *Zvonova A. V.* Ugolovno-pravovye sredstva protivodejstvija narkoprestupnosti v mestah lishenija svobody [Criminal and Legal Means of Countering Drug-Related Crimes in Detention Facilities]. Dis. ... kand. yurid. nauk. 12.00.08. Vladimir, 2017. 234 p. (In Russian)

24. *Nudel S. L.* Modernizacija ugolovnoj politiki: problemy pravovogo regulirovanija [Modernization of Criminal Policy: Problems of Legal Regulation] // In *Zhurnal rossijskogo prava [Journal of Russian Law],* 2023, vol. 27, no. 1, pp. 5–22. (In Russian, abstract in English)

САМОСТОЯТЕЛЬНОЕ ФОРМИРОВАНИЕ ЗАЩИТНИКОМ ЛИЧНЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ХОДЕ ДОСУДЕБНОГО УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Васильев Александр Геннадьевич

Цель: *разработка и обоснование предложений по совершенствованию уголовно-процессуального регулирования деятельности защитника по самостоятельному формированию личных доказательств в ходе досудебного уголовного процесса.*

Методология: *диалектический анализ, синтез, дедукция и индукция.*

Выводы. *1. Поскольку об абсолютной самостоятельности или свободе собирания защитником личных доказательств в ходе досудебного уголовного процесса говорить нельзя, постольку только меры по совершенствованию порядка включения результатов такого рода деятельности защитника в уголовно-процессуальный следственный механизм формирования доказательств могут быть признаны приемлемыми. 2. Если рассматривать личное доказательство через призму понятия «средство доказывания», то можно выделить в его структуре в качестве самостоятельной единицы «лицо» – человека, способного предоставить сведения о фактических обстоятельствах дела. 3. Целью формирования защитником личного доказательства вполне достаточно считать представление защитником следователю лица, способного дать показания, имеющие отношение к предмету доказывания. 4. Все производные – письменные личные доказательства, собранные защитником самостоятельно способами, предусмотренными действующим законодательством, не могут претендовать на статус средства доказывания и выступают только основанием для удовлетворения ходатайства защитника о допросе осведомленного лица и для других следственных, процессуальных действий. 5. Усиление гарантий удовлетворения ходатайства защитника о допросе выявленного им лица, способного удостоверить значимые для дела факты, должно составлять предмет совершенствования позитивного уголовно-процессуального права.*

Научная и практическая значимость. *Научная значимость исследования состоит в способствовании развитию представлений о понятии личного уголовно-процессуального доказательства, отвечающих традициям направления отечественной теории уголовно-процессуальных доказательств. Предложения автора статьи о внесении изменений в УПК РФ могут быть использованы в законотворчестве. Выводы относительно оптимальной модели поведения адвоката-защитника для реализации имеющейся у него возможности включить в процесс доказывания лицо, способное дать показания в пользу его доверителя, могут быть использованы в адвокатской практике.*

Ключевые слова: *личные доказательства, средства доказывания, формирование доказательства, защитник, ходатайство, показания, протокол, документ, опрос лица, заключение специалиста.*

Несмотря на доминанту следственного начала в уголовно-процессуальной форме досудебного производства, элементы состязательности в ней присутствуют. По крайней мере отечественная доктрина признает это и трактует процессуальную форму досудебного уголовного производства как смешанную [1, с. 186–190].

О мере состязательности в уголовно-процессуальной организации можно судить по тому, насколько сторона защиты (в лице защитника) способна самостоятельно собирать доказательства, в том числе личные доказательства. В данной статье мы обсудим пределы свободы защитника в формировании личных доказательств до суда

DOI 10.31085/2310-8681-2025-3-288-188-195

и возможности их раздвинуть так, чтобы, не разрушая форму, вместить в нее новые содержательные моменты, связанные с деятельностью защитника по самостоятельному формированию личных доказательств в досудебных стадиях уголовного процесса.

Теоретической основой для построений такого рода конструкций может быть учение об «адвокатском расследовании» [2, с. 12–38; 3, с. 315–319], а также развиваемые в его русле концепции об асимметрии требований к проверке (оценке) доказательств защиты [4, с. 2–5], допустимости односторонности (субъективности) при доказывании своих утверждений – в пределах адвокатской этики [5, с. 65–68]. В свете таких воззрений адвоката-защитника можно трактовать как самостоятельного субъекта доказывания, который вправе самостоятельно формировать в интересах своего подзащитного личные доказательства и представлять их органу, ведущему уголовное судопроизводство.

Однако такого рода концепции так или иначе сталкиваются со следственной реальностью, которая состоит в том, что сформированные защитником личные доказательства и представляемые следователю или суду в задокументированном виде, как правило, отклоняются органом, в производстве которого находится уголовное дело [6, с. 12–13].

Суды отказываются признавать доказательствами сведения, полученные защитником в результате опроса лиц, изложенные адвокатом или самими опрошенными в письменном виде. Стандартная формулировка, переходящая из одного судебного решения в другое, отражает эту позицию судебной власти: «Сведения, полученные защитником в результате опроса, могут стать доказательствами по уголовному делу только тогда, когда опрошенное защитником лицо подтвердит эти сведения на допросе, проведенном в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона» *(приговор Октябрьского районного суда г. Ростова-на-Дону № 1-13/2021 1-756/2019 1-93/2020 от 2 марта 2021 г. по делу № 1-13/2021, апелляционное постановление Краснодарского краевого суда № 22-4099/2021 от 2 июля 2021 г. по делу № 1-47/2021, апелляционное постановление Приморского краевого суда № 22-848/2020 от 5 марта 2020 г. по делу № 1-25/20)*.

Как разъяснил Конституционный Суд Российской Федерации, закрепленное в ст. 86 УПК РФ право подозреваемого (обвиняемого), их защитников собирать и представлять доказательства является одним из важных проявлений права данных участников процесса на защиту от уголовного преследования, а также формой реализации конституционного принципа состязательности и равноправия сторон *(определение Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2004 г. № 467-О «По жалобе гражданина Пятничука Петра Ефимовича на нарушение его конституционных прав положениями статей 46, 86 и 161 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2005. № 3)*. Но при этом Конституционный Суд Российской Федерации разъяснил, что собранные защитником письменные документы и предметы не являются уголовно-процессуальными доказательствами, пока они не проверены и не оценены органом, ведущим уголовное дело *(определение Конституционного Суда РФ от 4 апреля 2006 г. № 100-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бугрова Александра Анатольевича на нарушение его конституционных прав пунктом 2 части третьей статьи 86 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2006. № 4)* и не приобщены решением следователя к уголовному делу в качестве доказательств *(определение Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2004 г. № 467-О «По жалобе гражданина Пятничука Петра Ефимовича на нарушение его конституционных прав положениями статей 46, 86 и 161 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2005. № 3)*. Собранные защитником сведения могут рассматриваться как основание для производства других следственных действий *(определение Конституционного Суда РФ от 4 апреля 2006 г. № 100-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бугрова Александра Анатольевича на нарушение его конституционных прав пунктом 2 части третьей статьи 86 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2006. № 4)*.

Поэтому надо признать правоту выводов о том, что защитник не способен самостоятельно собрать доказательства; сформировать «средство доказывания» [7, с. 12]; но ограничен тем, что собирает «источники доказательств», «информацию», из которых уже орган предварительного расследования может сформировать доказательство – средство доказывания фактических обстоятельств по делу [8, с. 60–65].

Можно видеть в таком подходе следственную традицию, обвинительный уклон, но такова реальность. Главное препятствие, которое не дает формироваться личному доказательству из сведений, полученных защитником от человека, –

это следственная форма собирания (формирования) личных доказательств и отсутствие таковой у материалов, представляемых защитником как производные личные доказательства. Протокол допроса является способом вхождения личного доказательство в уголовное дело, а вместе с тем и своего рода пропуском для включения личного доказательств в систему доказательств, представляемых следственно-прокурорской властью суду. Именно через протокол судья в стадии назначения судебного заседания знакомится с показаниями допрошенного лица и предварительно оценивает их. Поскольку защитник лишен возможности представить суду личное доказательство вне материалов уголовного дела, постольку в формировании личных доказательств он полностью зависит от органа предварительного расследования.

Полагаем, нужно искать иные пути оптимизации правового регулирования самостоятельного формирования личных доказательств защитником, как это предлагают некоторые авторы [9, с. 18–23], в том числе изыскивая в отечественной уголовно-процессуальной теории ресурсы для этого.

Понятие личного доказательства определялось отечественной уголовно-процессуальной доктриной на фоне смены законодательства, но с неизменной привязкой к сохранявшей свою силу следственной модели формирования личных доказательств следователем – для суда.

На примере личного доказательства вполне проявляется сложность определения понятия уголовно-процессуального доказательства, которое вместило бы в себя все аспекты этого многогранного явления. Одной из таких попыток можно считать определение личного доказательства в свете понятия «средство доказывания».

«Средство доказывания», объединяющее в себе как сведение (информацию, фактические данные), источник (показания, протокол, документ) и «носителя» сведений – человека, который способен посредством речи довести по субъекта доказывания сведения, сообщить ему информацию о доказываемых фактах.

Так, И. Я. Фойницкий указывал, что средства доказывания по своей природе делятся на две группы: одни из них состоят из представляемых суду личных заявлений всякого рода, а именно: показания подсудимого, показания свидетелей, мнение сведующих людей и дознание через окольных людей; другие даются предметами внешнего мира – вещественные доказательства [10]. Важной особенностью существовавшего в годы действия Устава Уголовного Судопроизводства 1864 г. подхода был судебный признак личного доказательства: оно трактовалось как средство доказывания в суде. В дальнейшем судебный атрибут в трактовке уголовно-процессуального доказательства (личного) отпал.

В советское время также разделявший подход к трактовке доказательства через понятие «средство доказывания» Ф. Н. Фаткуллин писал, что личными доказательствами являются фактические данные (сведения), которые получаются субъектом доказывания (следователем) непосредственно от человека через письменную или устную речь. По мнению этого ученого, к личным доказательствам относят все сообщения о фактах, исходящие от людей: показания, документы, заключения экспертов и протоколы следственных действий. Общее для них состоит в том, что все эти источники содержат сведения о фактических обстоятельствах, которые отражены в сознании человека [11, с. 134]. Отметим, что принципиальный сдвиг в понимании личного доказательства состоял в том, что исчезла его привязка к суду, нацеленность на формирование внутреннего убеждения судьи. Личное доказательство, как, впрочем, и вещественное, допускается сформированным уже в стадии предварительного расследования.

Так, автор концепции формирования уголовно-процессуальных доказательств С. А. Шейфер [12, с. 32–33] исходил из того, что уголовно-процессуальное доказательство формируется следователем в ходе досудебного производства по уголовному делу. Из этого вытекает, что завершающим этапом формирования личного доказательства выступает составление следователем протокола допроса, иного личного следственного действия.

Заметим, что понятие формирования доказательств защитником, помимо конструктивного (позитивного) смысла, имеет еще и разрушительный (негативный) смысл – по отношению к *обвинительным* личным доказательствам (хотя следственная доктрина избегает такой трактовки доказательств, формируемых следователем, который позиционируется как орган объективного, полного, всестороннего предварительного расследования). Он состоит в том, что защитник вправе всеми незапрещенными способами противодействовать (прямо или косвенно) собиранию следователем доказательств, изобличающих его подзащитного в совершении преступления [9, с. 18–23].

Позиция о том, что полный цикл формирования уголовно-процессуальных доказательств обязательно должен включать судебный фазис или бесспорное признание его противной стороной [13, с. 75–79], имеет гораздо меньшее признание

в научном сообществе. Тем не менее разделяем ее и полагаем возможным исходить из того, что формирование личного доказательства может, а в идеале – должно продолжиться в судебных стадиях.

В современной науке уголовно-процессуального права можно встретить определение личного доказательства через понятие «средство доказывания», включающее триединство составляющих: информация – показания – человек [14, с. 141]. Современные авторы, как и ученые в прежние времена, к личным доказательствам относят показания участников уголовного судопроизводства, заключение эксперта, заключение специалиста, протоколы следственных и судебных действий, иные документы [14, с. 141]. Но следственная доминанта сказывается в том, что даже те авторы, которые рассуждают о судебном доказывании (аргументировании), исходят из следственной подосновы личного доказательства, то есть трактуют его как то, что было сформировано следователем в стадии предварительного расследования [15, с. 104–109].

Главное достоинство личного доказательства состоит в возможности обратиться к первоисточнику, то есть к человеку, который осведомлен об имеющих доказательственное значение обстоятельствах и может воспроизвести их в своих показаниях. Разумеется, человек смертен и подвержен заболеваниям, исключающим возможность непосредственного получения от него информации. Однако в отличие от вещественных доказательств, сохранивших следы преступления, которые раскодируются субъектом доказывания с участием эксперта, специалиста, личные доказательства, средства доказывания – в лице человека сами сообщают информацию.

Личное доказательство имеет и слабые, и сильные стороны, обусловленные его человеческой природой. Но их незаменимость, а иногда решающее значение для исхода процесса и разрешения дела по существу не вызывает сомнений. Поэтому решение проблемы самостоятельного формирования защитником личного доказательства состоит в том, чтобы представить органу, ведущему процесс, не задокументированное им производное личное доказательство, а человека, который непосредственно может дать показания.

В свете концепции личного доказательства как средства доказывания фактов в суде можно истолковать положения закона о доказательствах следующим образом. Во-первых, личное доказательство – это сведения (ч. 1 ст. 74 УПК РФ). Во-вторых, исходя из п. 1–3[1] ч. 2 ст. 74 УПК РФ источниками личных доказательств являются «показания» лиц: подозреваемого, обвиняемого (а); потерпевшего, свидетеля (б); эксперта (в); специалиста (г). Кроме того, источниками личных доказательств признаются заключения эксперта (п. 3 ч. 2 ст. 74 УПК РФ), заключение специалиста (п. 3[1] ч. 2 ст. 74 УПК РФ); протоколы следственных действий (п. 5 ч. 2 ст. 74 УПК РФ) (протоколы не всех следственных действий, а только протоколы допросов, других личных, смешанных следственных действий, в которых отражены показания участвовавших в их производстве лиц, с соблюдением условия, предусмотренного ч. 5 ст. 164 УПК РФ), а также иные документы (п. 6 ч. 2 ст. 74 УПК РФ). И наконец, третьим, прямо не указанным законом, но им презюмируемым, вытекающим из его смысла, является сам человек.

Если сводить проблематику формирования защитником личного доказательства к акту представления органу, ведущему уголовное дело, самого человека, способного удостоверить факты по делу, то вопрос о способах и средствах фиксации самим защитником устных сообщений этого лица приобретает вторичное значение.

Исходя из буквального смысла ст. 86 УПК РФ защитник вправе собирать доказательства (личные) способами, указанными в ч. 3 указанной статьи. Основным способом если не собирания, то участия в формировании личного доказательства защитником является опрос лица с его согласия (п. 2 ч. 3 ст. 86 УПК РФ, п. 2 ч. 3 ст. 6 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»). Кроме него, способами получения защитником производных личных доказательств могут быть признаны: 1) получение «предметов» (под которыми можно понимать и «электронные носители информации») (а), «документов» (б), в которых зафиксированы сообщения лиц о фактах, «иных сведений» (в) – от лиц (п. 1 ч. 2 ст. 86 УПК РФ); 2) истребования справок, характеристик, иных документов (п. 3 ч. 2 ст. 86 УПК РФ). Эти действия адвоката-защитника предусмотрены ст. 6, 6[1] ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» *(Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (ред. от 22 апреля 2024 г.) // СЗ РФ. 2002. № 23. Ст. 2102)*. По смыслу п. 13 «Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве» *(Стандарт осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве (принят VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 г.) // [Электронный ресурс]: Информационно-правовой портал «Гарант». URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71562890/ (дата обраще-*

ния: 28.01.2025)) защитник такими действиями осуществляет собирание и представление необходимых для защиты доказательств.

Однако собрать защитник может в лучшем случае только производное – задокументированное личное доказательство. Так, в ходе опроса защитник получает от лица сведения, которые в содержательном плане могут претендовать на элемент средства доказывания. Но им не хватает уголовно-процессуальной формы, необходимой для формирования доказательства,– «протокола», отвечающего требованиям ст. 164 УПК РФ. Адвокат-защитник не уполномочен придать опрашиваемому им лицу процессуальный статус участника, способного давать показания. Задокументированные результаты адвокатского опроса являются не готовым, то есть сформированным личным доказательством – средством доказывания, а основанием для собирания следователем такового [9, с. 18–23].

Обсуждаемые в науке средства обеспечения – придания большей юридической силы задокументированным результатам опроса адвокатом лица с его согласия через нотариальное удостоверение, фиксации хода и результатов опроса техническими средствами, равно как и привлечение к опросу частного детектива [16, с. 161–164; 17, с. 126–130], на наш взгляд, несостоятельны. Согласно ст. 102 и 103 Основ законодательства о нотариате *(Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11 февраля 1993 г. № 4462-1) (ред. от 28 декабря 2024 г.) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 10. Ст. 357)* нотариус вправе по просьбе заинтересованных лиц произвести осмотр письменных доказательств. Как следует из п. 1 «Методических рекомендаций по обеспечению доказательств нотариусами» *(Методические рекомендации по обеспечению доказательств нотариусами (утв. решением Правления ФНП, протокол от 26 июня 2023 г. № 10/23) // [Электронный ресурс]: URL: https://legalacts.ru/doc/metodicheskie-rekomendatsii-po-obespecheniiu-dokazatelstv-notariusami-utv-resheniem-pravlenija/ (дата обращения: 29.01.2025))*, обеспеченные нотариусом доказательства могут использоваться в уголовном процессе. В «Методических рекомендациях по обеспечению доказательств нотариусами» указывается, что предоставление участниками процесса перечисленных в ч. 2 ст. 86 УПК РФ доказательств, обеспеченных нотариусом, допускается в рамках требований п. 2 и 3 ст. 86 УПК РФ.

Однако это не отменяет, на наш взгляд, необходимости допроса лица, опрошенного адвокатом-защитником. Придерживаемся позиции, что и нотариальное удостоверение подлинности подписи опрошенного адвокатом лица не превращает данный документ в личное – производное доказательство и не отменяет необходимости допроса этого лица следователем [18, с. 32–34]. Можно говорить только о том, что нотариальное удостоверение документа, содержащего данные опроса адвокатом лица, обеспечивает удовлетворение следователем ходатайства защитника о приобщении к уголовному делу этого документа и допрос этого лица.

Способом собирания производных личных доказательств можно считать адвокатский запрос, регулируемый п. 1 ч. 3 ст. 6, ст. 6^1 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 3 ч. 3 ст. 86 УПК РФ. Не вдаваясь в обсуждение вопросов об ограничениях в предоставлении адвокату-защитнику запрашиваемых документов через адвокатский запрос для оказания подзащитному квалифицированной юридической помощи [19, с. 10–16], подтвердим неизменность вывода о том, что в случае получения защитником запрашиваемых документов, в которых содержатся сведения о событии преступления, сообщаемые лицом, возникает неотложная необходимость в допросе этого лица.

Таким образом, установление лица – это и есть тот реальный вклад, который может внести защитник в формирование такого средства доказывания, как личное доказательство теми способами, что предусмотрены в ч. 3 ст. 86 УПК РФ. Все остальные компоненты данного средства доказывания формируются следователем в ходе досудебной части уголовного судопроизводства.

Особое место в арсенале способов формирования личных доказательств защитником занимает получение на договорной основе заключения специалиста, что прямо не предусмотрено ст. 86 УПК РФ. Хотя использование защитником такого способа формирования средства доказывания предусмотрено ст. 58, п. 3^1 ч. 2 ст. 74, ч. 3 ст. 80 УПК РФ, а также п. 4 ч. 3 ст. 6 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

Заключение специалиста как разновидность личного доказательства, самостоятельно получаемого защитником и потенциально способного быть развитым им в виде новых, хотя и производных личных доказательств – показаний специалиста и заключения судебной экспертизы, надо выделить среди прочих продуктов доказательственной деятельности защитника в досудебных стадиях уголовного процесса.

Большое значение этому способу формирования защитником личных доказательств придают нормы, содержащиеся в ч. 2^1 ст. 58, а также в ч. 2 и 2^2 ст. 159 УПК РФ: не может быть отказано в приобщении к материалам уголовного дела заключений специалистов, если обстоятельства, об установлении которых они ходатайствуют, имеют значение для данного уголовного дела и подтверждаются этими доказательствами.

Конституционный Суд Российской Федерации подтвердил невозможность отказа суда в удовлетворении ходатайства защитника о допросе специалиста в порядке ч. 4 ст. 271 УПК РФ *(определение Конституционного Суда Российской Федерации от 6 октября 2015 г. № 2443-О «По жалобе граждан Динзе Дмитрия Владимировича и Сенцова Олега Геннадьевича на нарушение их конституционных прав положениями пункта 3 части второй статьи 38, части третьей статьи 53 и статьи 161 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // [Электронный ресурс]: Информационно-правовой портал «Гарант» URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71145924/ (дата обращения: 29.01.2025))*. Аналогичная позиция сформулирована Пленумом Верховного Суда Российской Федерации *(п. 17 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2017 г. № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)» // [Электронный ресурс]: URL: Информационно-правовой портал «Гарант» https://www.garant.ru/hotlaw/federal/1156072/ (дата обращения: 29.01.2025))*. Однако на стадии предварительного расследования безусловной обязанности у следователя признать доказательством заключение специалиста, полученного адвокатом-защитником, нет, что подтвердил и Конституционный Суд Российской Федерации *(определение Конституционного Суда Российской Федерации от 26 октября 2021 г. «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сведенцева Сергея Александровича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 80 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // [Электронный ресурс]: URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-26102021-n-2177-o/ (дата обращения: 29.01.2025))*. Тем не менее считаем, что они образуют наилучшую гарантию для формирования личных доказательств из материалов, представляемых защитником, в досудебной части уголовного процесса. В этом направлении, на наш взгляд, и следует совершенствовать уголовно-процессуальный механизм регулирования деятельности защитника по формированию всех разновидностей личных доказательств.

В заключение сделаем следующие выводы. В досудебных стадиях уголовного процесса защитник не может сформировать личное доказательство как средство доказывания. Он всегда находится в положении просителя перед органом предварительного расследования по вопросу о переводе результатов его деятельности по формированию личного доказательства в уголовно-процессуальное доказательство фактов по делу.

Результаты деятельности защитника по собиранию личного доказательства могут стать началом процесса формирования личных доказательств по уголовному делу. Но только если следователь примет решение об их приобщении к материалам уголовного дела, а также совершит следственные, процессуальные действия, направленные на непосредственное получение сведений от лица, ими обладающего. Главный результат усилий защитника по формированию личного доказательства во всей полноте его первоначальной и производных составляющих – это установление лица, которое может дать показания [9, с. 18–23]. Разумеется, к этому результату может быть добавлен опыт предварительной коммуникации адвоката с этим лицом, который может быть им использован при участии в допросах и других следственных действиях.

Поскольку главной целью усилий защитника по формированию личных уголовно-процессуальных доказательств является введение в процесс лица, способного дать показания о фактах, постольку в законе надо создать дополнительные гарантии достижения этой не только частно, но и публично значимой цели. Ключевое значение здесь имеет уголовно-процессуальный механизм заявления и разрешения ходатайств. Усовершенствование этого механизма видится нами в том, чтобы включить в ст. 159 УПК РФ норму, аналогичную той, что содержится в ч. 4 ст. 271 УПК РФ. Это стало бы развитием положений, которые содержатся в ч. 2^1, 2^2 указанной статьи. Если лицо явилось вместе с защитником к следователю, то следователь не вправе отказать в удовлетворении ходатайства защитника о приобщении к делу документа, зафиксировавшего ход и результаты опроса адвокатом лица с его согласия, и о допросе этого лица с участием адвоката-защитника. В этой связи предлагаем дополнить ст. 159 УПК РФ ч. 2^3 следующего содержания: «2^3. Следователь не вправе отказать в удовлетворении ходатайства защитника о допросе явившегося по его инициативе в орган предварительного расследования лица в качестве свидетеля или специалиста».

Литература

1. *Джамиев М. Р.* Правовая форма и содержание досудебного производства по уголовному делу: образ желаемого будущего // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 5. С. 186–190.
2. *Киселев П. П.* Адвокатское расследование: монография. М.: Юрлитинформ, 2019. 269 с.
3. *Бабаев И. Ф.* Адвокатское расследование в уголовном процессе России // Вопросы российской юстиции. 2023. № 26. С. 315–319.
4. *Балакшин В.* «Асимметрия» правил оценки допустимости доказательств // Законность. 2007. № 3. С. 2–5.
5. *Копейкина И. В.* Собирание доказательств адвокатом в уголовном судопроизводстве // Научный журнал. 2021. № 3 (58). С. 65–68.
6. *Колоколов Н. А.* Параллельное адвокатское расследование: цена его результатов в реальной жизни // Адвокатская практика. 2005. № 4. С. 12–13.
7. *Быков В., Громов Н.* Право защитника собирать доказательства // Законность. 2003. № 10. С. 11–12.
8. *Афанасьева А. А.* Особенности реализации прав стороны защиты в собирании доказательств по уголовным делам // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2023. № 3 (61). С. 60–65.
9. *Афанасьева А. А.* Проблемы формирования личного доказательства в смешанном уголовном процессе // Российский судья. 2023. № 7. С. 18–23.
10. *Фойницкий И. Я.* Курс уголовного судопроизводства: в двух томах. Том I. СПб.: Сенатская типография, 1910. 572 с.
11. *Фаткуллин Ф. Н.* Общие проблемы процессуального доказывания. Казань: Изд-во Казанского университета, 1973. 176 с.
12. *Шейфер С. А.* Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования: монография. М.: Норма, Инфра-М, 2014. 240 с.
13. *Абдуллаев Я. Д., Миллер В. Ю.* Две концепции формирования доказательств в уголовном процессе // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 1 (53). С. 75–79.
14. *Брянская Е. В.* Аргументирующая сила доказательств при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции: монография. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2015. 193 с.
15. *Машовец А., Конева С.* Допросы в судебном следствии по уголовному делу // Уголовное право. 2013. № 2. С. 104–109.
16. *Мамедов Р. Я.* Опрос лиц с их согласия защитником как способ собирания доказательств в уголовном процессе // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 2. С. 161–164.
17. *Балалаева М. В., Шараева Я. А.* Частный детектив в уголовном процессе: миф или реальность? // Юрист-Правовед. 2021. № 1 (96). С. 126–130.
18. *Белкин А. Р.* Нотариальное обеспечение доказательств в уголовном процессе: спорные моменты // Уголовное судопроизводство. 2024. № 1. С. 32–34.
19. *Александров А. С.* Допустимость получения субъектом доказывания сведений через адвокатский запрос // Проблемы правоохранительной деятельности на современном этапе: сборник трудов II Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции (Кострома, 27–28 апреля 2023 г.) / сост. Н. В. Ганжа, А. С. Евстегнеев и др.; отв. ред. Г. Г. Бриль. Кострома, 2023. С. 10–16.

References

1. *Dzhamiev M. R.* Pravovaya forma i soderzhanie dosudebnogo proizvodstva po ugolovnomu delu: obraz zhelaemogo budushchego [Legal form and content of pre-trial proceedings in a criminal case: the image of the desired future]. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve [Gaps in Russian legislation],* 2016, no. 5, pp. 186–190.
2. *Kiselev P. P.* Advokatskoe rassledovanie: monografiya [Advocate investigation]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2019. 269 p.
3. *Babaev I. F.* Advokatskoe rassledovanie v ugolovnom protsesse Rossii [Advocate investigation in criminal proceedings in Russia]. *Voprosy rossiiskoi yustitsii [Questions of Russian justice],* 2023, no. 26, pp. 315–319.
4. *Balakshin V.* «Asimmetriya» pravil otsenki dopustimosti dokazatel'stv [«Asymmetry» of the rules for assessing the admissibility of evidence]. *Zakonnost' [Legality],* 2007, no. 3, pp. 2–5.

5. *Kopeikina I. V.* Sobiranie dokazatel'stv advokatom v ugolovnom sudoproizvodstve [Collection of evidence by a lawyer in criminal proceedings]. *Nauchnyi zhurnal [Scientific journal],* 2021, no. 3 (58), pp. 65–68.

6. *Kolokolov N. A.* Parallel'noe advokatskoe rassledovanie: tsena ego rezul'tatov v real'noi zhizni [Parallel attorney investigation: the price of its results in real life]. *Advokatskaya praktika [Advocate practice],* 2005, no. 4, pp. 12–13.

7. *Bykov V., Gromov N.* Pravo zashchitnika sobirat' dokazatel'stva [The right of the defense attorney to collect evidence]. *Zakonnost' [Legality],* 2003, no. 10, pp. 11–12.

8. *Afanas'eva A. A.* Osobennosti realizatsii prav storony zashchity v sobiranii dokazatel'stv po ugolovnym delam [Features of the implementation of the rights of the defense in collecting evidence in criminal cases]. *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii [Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia],* 2023, no. 3 (61), pp. 60–65.

9. *Afanas'eva A. A.* Problemy formirovaniya lichnogo dokazatel'stva v smeshannom ugolovnom protsesse [Problems of forming personal evidence in mixed criminal proceedings]. *Rossiiskii sud'ya [Russian judge],* 2023, no. 7, pp. 18–23.

10. *Foinitskii I. Ya.* Kurs ugolovnogo sudoproizvodstva: v dvukh tomakh [Course of Criminal Procedure: in two volumes]. Vol. I. Saint Petersburg, Senate Printing House, 1910. 572 p.

11. *Fatkullin F. N.* Obshchie problemy protsessual'nogo dokazyvaniya [General Problems of Procedural Evidence]. Kazan', Kazanskogo universiteta Publ., 1973. 176 p.

12. *Sheifer S. A.* Dokazatel'stva i dokazyvanie po ugolovnym delam: problemy teorii i pravovogo regulirovaniya: monografiya [Evidence and proof in criminal cases: problems of theory and legal regulation]. Moscow, Norma Publ., Infra-M Publ., 2014. 240 p.

13. *Abdullaev Ya. D., Miller V. Yu.* Dve kontseptsii formirovaniya dokazatel'stv v ugolovnom protsesse [Two concepts of evidence formation in criminal proceedings]. *Yuridicheskaya nauka i praktika. Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii [Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia],* 2021, no. 1 (53), pp. 75–79.

14. *Bryanskaya E. V.* Argumentiruyushchaya sila dokazatel'stv pri rassmotrenii ugolovnykh del v sude pervoi instantsii: monografiya [Argumentative force of evidence in the consideration of criminal cases in the court of first instance]. Irkutsk, IGU Publ., 2015. 193 p.

15. *Mashovets A., Koneva S.* Doprosy v sudebnom sledstvii po ugolovnomu delu [Interrogations during judicial investigation of a criminal case]. *Ugolovnoe pravo [Criminal law],* 2013, no. 2, pp. 104–109.

16. *Mamedov R. Ya.* Opros lits s ikh soglasiya zashchitnikom kak sposob sobiraniya dokazatel'stv v ugolovnom protsesse [Interrogation of persons with their consent by the defense attorney as a way of collecting evidence in criminal proceedings]. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve [Gaps in Russian legislation],* 2016, no. 2, pp. 161–164.

17. *Balalaeva M. V., Sharaeva Ya. A.* Chastnyi detektiv v ugolovnom protsesse: mif ili real'nost'? [Private detective in criminal proceedings: myth or reality?]. *Yurist-Pravoved [Lawyer-legal expert],* 2021, no. 1 (96), pp. 126–130.

18. *Belkin A. R.* Notarial'noe obespechenie dokazatel'stv v ugolovnom protsesse: spornye momenty [Notarial Securing of Evidence in Criminal Proceedings: Controversial Points]. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo [Criminal Procedure],* 2024, no. 1, pp. 32–34.

19. *Aleksandrov A. S.* Dopustimost' polucheniya sub''ektom dokazyvaniya svedenii cherez advokatskii zapros [Admissibility of a Subject of Proof Obtaining Information Through a Lawyer's Request]. In *Problemy pravookhranitel'noi deyatel'nosti na sovremennom etape: sbornik trudov II Vserossiiskoi (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchno-prakticheskoi konferentsii (Kostroma, 27–28 aprelya 2023 g.) [Problems of Law Enforcement Activity at the Current Stage: Collection of Papers of the II All-Russian (with International Participation) Scientific and Practical Conference (Kostroma, April 27–28, 2023)].* Compiled *by N. V.* Ganzha, A. S. Evstegneev at al. Ed. G. G. Bril'. Kostroma, 2023, pp. 10–16.

СОЦИАЛЬНО-ДЕСТРУКТИВНАЯ ИНФОРМАЦИЯ, РАСПРОСТРАНЯЕМАЯ ПОСРЕДСТВОМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И СЕТИ «ИНТЕРНЕТ»: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Трушина Ирина Олеговна

Цель: *провести криминологической анализ информации социально-деструктивного характера, распространяемой с помощью информационно-телекоммуникационных технологий и сети «Интернет». Определить основные признаки социально-деструктивной информации, цели и способы ее распространения. Выявить проблемы при регулировании распространения такой информации посредством информационно-телекоммуникационных технологий и сети «Интернет», предложить пути их решения.*

Методология: *научная статья написана на основе принципов диалектического познания, формально-юридического метода, а также методов анализа и синтеза.*

Выводы. *Автор дал характеристику основным признакам социально-деструктивной информации, распространяемой посредством информационно-телекоммуникационных технологий и сети «Интернет». В ходе исследования было выяснено, что требуется правовое закрепление определения социально-деструктивной информации с целью регулирования ее распространения.*

Научная и практическая значимость. *Сформированные признаки и определение социально-деструктивной информации могут лечь в основу законодательства в области регулирования ее распространения посредством информационно-телекоммуникационных технологий и сети «Интернет». Полученная информация может поспособствовать совершенствованию мер, направленных на противодействие распространению социально-деструктивной информации в открытых источниках, а также противодействию экстремистской, террористической и иной противоправной деятельности на территории Российской Федерации.*

Ключевые слова: *социально-деструктивная информация, информационно-телекоммуникационные технологии, сеть «Интернет», криминологический анализ.*

В настоящее время информационно-телекоммуникационные технологии активно проникают в жизнь каждого человека, становясь основным источником информации. Так, согласно статистике, пользователями сети Интернет являются 85% населения *(см.: Число пользователей Интернета в России достигло 124 млн // ТАСС. URL: https://tass.ru/obschestvo/12698757 (дата обращения: 20.03.2025))*, что доказывает большую популярность информационно-телекоммуникационных технологий и постепенное «вытеснение» традиционных средств массовой информации. Основной особенностью сети «Интернет» как источника информации является то, что практически каждый пользователь информационно-телекоммуникационных сетей имеет фактическую возможность генерировать собственный контент. При этом критерием истинности информации становится ее распространенность или популярность среди пользователей. Указанные обстоятельства способствуют развитию феномена «постправды», заключающегося в том, что объективность сведений имеет менее существенное значение в процессе формирования общественного мнения по сравнению с их способностью оказать воздействие на эмоциональное состояние и субъективные убеждения человека.

DOI 10.31085/2310-8681-2025-3-288-196-203

При этом в информационном пространстве, которое предполагает большую свободу действий и меньший контроль, далеко не вся транслируемая информация безопасна для здорового развития общества. Как мощный инструмент для формирования общественного мнения и мировоззренческих установок человека, информационно-телекоммуникационные технологии и сеть «Интернет» становятся главным способом распространения деструктивных идей, в том числе экстремистской направленности, а также их навязывания неограниченному кругу пользователей. В связи с этим все чаще пользователи сети «Интернет» подвергаются оскорблениям, различным манипуляциям, так как высокая степень безнаказанности, связанная с анонимностью в информационном пространстве, способствует использованию информационно-телекоммуникационных технологий в качестве средства для запугивания, эмоционального и психологического воздействия, шантажа.

Опросы, проведенные Региональным центром информационных технологий, показывают, что 75% россиян сталкивались с деструктивным контентом в сети «Интернет» *(см.: Деструктивный контент в Сети решили вывести из «серой» зоны [Электронный ресурс] // URL: https://iz.ru/1433275/20220-11-29/destruktivnyi-kontent-v-seti-reshili-vyvesti-iz-seroi-zony (дата обращения: 20.03.2025))*. Особое опасение вызывает то, что в Российской Федерации, согласно статистике Лиги безопасного Интернета, активными подписчиками групп и сообществ в сети «Интернет», содержащих деструктивный контент, являются 10,5 млн детей и подростков *(см.: Более 10 млн детей в России подписаны на деструктивные группы и сообщества в интернете [Электронный ресурс]: URL: https://tass.ru/obschestvo/15758099 (дата обращения: 20.03.2025))*.

Несмотря на то, что предпринимаемые Министерством внутренних дел России, Генеральной прокуратурой Российской Федерации, Роскомнадзором ограничительные меры способствуют активной положительной динамике по снижению числа подписчиков указанных информационных ресурсов, ситуация в данной сфере общественных отношений по-прежнему остается достаточно сложной. Как отметил Президент Российской Федерации В. В. Путин *(см. подп. 4, 5 п. 8 Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года, утв. Указом Президента РФ от 17 мая 2023 г. № 358),* «нетрадиционные ценности, насаждаемые недружественными государствами, изменение представлений о семейных ценностях, распространение в интернете деструктивной информации, которая способствует росту психических заболеваний и разрушает сложившиеся нормы нравственности». Выявление проблемных аспектов и разработка предложений по устранению обозначенной проблематики обладает высокой актуальностью и большой значимостью в современных условиях, при которых информация является не только особой ценностью, но и средством для влияния на граждан и формирования культурно-нравственных ценностей среди несовершеннолетних и молодежи.

В настоящее время не выработан единый подход как к наименованию социально-деструктивной информации, так и к содержанию указанной категории, поскольку каждое государство мира, а также международные и межгосударственные организации формируют собственный понятийный аппарат и его видение в зависимости от конкретных социально-экономических условий, уровня развития информационных технологий и иных факторов.

Различные подходы можно встретить и в научной литературе. При характеристике информации, распространяемой с помощью информационно-телекоммуникационных сетей, как синонимичные используются такие понятия, как «деструктивная», «токсичная», «противоправная», «вредоносная» и пр. Полагаем, что важное значение имеет не определение, используемое при характеристике определенного вида информации, а смысл и содержание, которое вкладывается в данную категорию. Так, И. Ю. Сундиев и А. А. Смирнов определили «токсичный контент» как «различные виды негативной информации, оказывающей деструктивное психологическое воздействие на личность, социальные группы и общество в целом» [1, с. 37]. Под «токсичной» понимается такая информация, которая имеет свойство отравлять индивидуальное и общественное сознание, что причиняет вред здоровому развитию общества.

В законодательстве Российской Федерации и документах Роскомнадзора понятие *«деструктивный контент»* не используется. На практике деструктивный контент связывают с понятиями деструктивного поведения и деструктивных действий и включают в него виды информации, предусмотренные ч. 1 ст. 15^3 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и ст. 5 Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию». Так, в соответствии с законодательством, *к со-*

циально деструктивной относится информация, содержащая призывы к массовым беспорядкам, к осуществлению экстремистской деятельности, информация, распространяемая иностранной или международной неправительственной организацией, деятельность которой в Российской Федерации признана нежелательной, и т.д. По-нашему мнению, *деструктивный контент* – это более широкое понятие, включающее в себя не только виды информации, распространение которой запрещено на территории Российской Федерации, но и ту информацию, которая не запрещена для распространения, но является вредной, негативно влияющей на мировоззрение человека, его жизненные установки и взгляды. Предполагаем, что к понятию «социально деструктивная информация» можно отнести *информацию,* которая направлена на разжигание религиозной и социальной вражды, и/или содержащая призывы к насилию, суициду, порнографические материалы, пропагандирующая нетрадиционные социальные отношения, а также противоречащие устоявшимся социальным, моральным и нравственным устоям и ценностям общества.

В связи с тем, что контент в сети «Интернет» формируется децентрализовано, а точнее, путем опубликования пользователями, он в основном насыщен информацией, которая имеет субъективный и часто токсичный, вредоносный характер. Представителями Казанского федерального университета было проведено исследование наличия в средствах массовой информации (конкретно – телевидении) демонстрации фактов насилия. К сожалению, 65% сюжетов в новостях НТВ имеют сцены насильственного характера, 44% – в передачах Первого канала, 24% – на канале ОРТ *(см.: Число пользователей Интернета в России достигло 124 млн // ТАСС. URL: https://tass.ru/obschestvo/12698757 (дата обращения: 20.03.2025))*.

В связи с чем можно смело отметить, что сегодня средства массовой информации, в том числе сеть «Интернет», полны информации деструктивного характера, используются как преступное средство, формирующее преступную идеологию зрителей и пользователей. В одном из своих исследований С. В. Иванцов указывает, что «разъяснительная работа, проводимая в информационно-телекоммуникационных сетях, обуславливает расширение социальной базы преступности, то есть происходит диффузное проникновение элементов преступности в нормальный социальный организм» [2, с. 258].

Описанные факты тесно связаны с феноменом *сетевизации общества*, состоящим в предоставлении пользователям информационно-телекоммуникационных сетей возможности коммуницировать, не прибегая к помощи традиционных каналов связи [3, с. 133]. Процесс сетевизации приводит к тому, что в сети Интернет образуются сетевые сообщества, которые объединяют единомышленников, формируя *«идеологические сети»*. Безусловным преимуществом таких сетевых сообществ является возможность объединить людей, которые разделяют одинаковые взгляды и интересы, но имеют разное местонахождение. Помимо положительных сторон, формирование таких «идеологических сетей» неизбежно влечет риски распространения социально деструктивной информации. Причина этого кроется в самой их форме. Так, зачастую сетевые сообщества образуются в форме организации, подразумевающей наличие определенной структуры, иерархии, распределении ролей, что позволяет лицу, стоящему во главе такой организации, активно пропагандировать и внушать свои идеи многочисленному количеству «последователей». Например, так обычно устроены экстремистские и террористические организации, в частности организация «Маньяки. Культ убийц» (М.К.У.) [4, с. 371], в отношении которой Генеральной прокуратурой РФ направлен иск в суд, и на сегодняшний день она признана Верховным Судом РФ террористической. Призывы к совершению террористических актов и убийств эта организация распространяла через мессенджеры «Telegram» и «Signal» *(см.: Краснов направил в Верховный Суд РФ иск о признании МКУ террористической организацией [Электронный ресурс]: URL: https://tass.ru/proisshestviya/16487385 (дата обращения: 20.03.2025))*.

Иной формой организации сетевых сообществ, распространяющих деструктивную информацию, являются движения, которые предполагают отсутствие четкой иерархии и некого «идейного вдохновителя», являющегося администратором сообщества или канала в социальных сетях и мессенджерах. Чаще всего движения обладают децентрализованным характером и объединяют людей, разделяющих деструктивные и вредоносные взгляды. Например, по такому принципу образованы сообщества, чаты, каналы сторонников субкультуры футбольных хулиганов (Hooligans, «А.С.А.В.»), скулшутинга («Колумбайн») и подобные делинквентные группы несовершеннолетних.

Для исследования распространения вредоносного и деструктивного контента в сети «Интернет» нами предлагается выделить четыре этапа. Каждый из этих этапов способствует вербовке, то есть

вовлечению в деструктивные группы граждан, совершающих в дальнейшем наиболее тяжкие преступления. Как правило, вербовка осуществляется мощным психологическим давлением, в том числе и с применением методов «социальной инженерии». Так, на *первом этапе* привлекается внимание пользователей сети «Интернет» к деструктивному контенту путем знакомства с ним, увеличением числа подписчиков. На *втором этапе* осуществляется формирование интереса: пользователи начинают взаимодействовать с распространяемой информацией, например с помощью отметок («лайков»), рассылок («репостов»), комментариев под «постами». На *третьем этапе* культивируется желание, что приводит к тому, что пользователь подписывается на информационные ресурсы («паблики»), каналы, чаты, содержащие деструктивный контент, скачивается медиаконтент (например, те или иные видеозаписи, фотоизображения и т.д.). При этом пользователи получают определенные «опознавательные» знаки, например прозвища. На *четвертом*, заключительном этапе пользователей мотивируют к воплощению деструктивных идей в жизнь. Например, распространяются «инструкции к действию», конкретно побуждающие к совершению противоправных деяний. Чаще всего такие действия связаны с вовлечением граждан в преступные формирования для совершения преступлений экстремистской направленности, целью которых является подрыв государственного суверенитета и стабильности на территории Российской Федерации.

Следует отметить, что зачастую участниками деструктивных сообществ являются лица, у которых до конца не сформирована общая картина мира, имеется неустоявшееся мировоззрение и жизненные установки. При этом из мониторинга социальных сетей и мессенджеров следует, что нередко участниками различных видов деструктивных сообществ, например террористических, экстремистских, суицидальных, сообществ скулшутинга, являются одни и те же лица. Объясняется это тем, что большинство деструктивных сообществ объединяет *единая идея человеконенавистничества*, которая со временем может изменять формы своего проявления – например исламистские идеи могут переходить к идеям расстрелов в школах. Одновременно может культивироваться *ненависть к самому себе* (например, идеи селфхарминга).

Как уже было сказано, информационно-телекоммуникационные технологии и сеть «Интернет» активно используются для распространения информации экстремистской и террористической направленности. Так, одни участники преступных организаций используют ресурсы «Интернета» для поиска разнообразных сведений о методах осуществления преступлений экстремистского характера, другие – с целью финансирования сайтов через рекламу, трафики захождения на сайт либо содействия в планировании, организации, подготовке и совершении экстремистских действий [5, с. 161].

Иностранными агентами недружественных стран, чья деятельность на территории Российской Федерации ограничена Федеральным законом от 14 июля 2022 г. № 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием», осуществляется распространение деструктивной информации посредством глобальной сети «Интернет». Отметим, что информация, распространяемая как самими иностранными агентами, так и сведения о них, без указания на соответствующий статус данных лиц, запрещена *(см.: Закон Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» // СПС «КонсультантПлюс»),* так как она по своей сути является преступной.

Распространение социально деструктивной информации обладает признаком общественной опасности, поскольку такого рода контент влечет нарушение общественной безопасности и стабильности в обществе, моральных и нравственных устоев общества, а нередко приводит к человеческим жертвам. В связи с этим за распространением информации данного вида неизбежно должна следовать негативная реакция государства, выражающаяся в юридической ответственности. Отметим, что система преступлений и иных правонарушений, связанных с распространением социально деструктивной информации, активно подвергается реформированию в соответствии с изменениями в социальной жизни. Введение новых составов преступлений и административных правонарушений нередко является реакцией государства на резонансные события. Так, следует согласиться с позицией Е. В. Горбачевой, отмечающей, что усиленная направленность законодательной мысли в сферу защиты самой информации, персональных данных, форм и методов распространения информации, эксплуатации сетей связи причиняет ущерб анализу контента [6, с. 95].

Отметим такое явление, как «трешстриминг», под которым понимаются онлайн-трансляции, во время которых ведущий выполняет задания участников за деньги. При этом задания нередко носят не просто аморальный, но и опасный для

жизни и здоровья характер (одним из самых резонансных примеров является причинение телесных повреждений, повлекших смерть потерпевшей, блоггером Reeflay во время подобного стрима). Дополнительную общественную опасность этому явлению придает то, что оно крайне популярно среди несовершеннолетних.

В августе 2024 г. был принят Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 217-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях», который дополнил ряд статей КоАП РФ новыми положениями об административной ответственности за указанный вид антисоциального поведения – в частности, соответствующей ч. 12 была дополнена ст. 13.15 КоАП РФ. Законодателем до сих пор не предусмотрена ответственность лиц за поддержку подобных стримов – посредством сообщений определенного содержания, материальной поддержки («донатерства»), участия в распределении заданий стримером и совершение прочих действий, позволяющих распространять запрещенный контент в информационно-телекоммуникационном пространстве.

Другими понятиями, требующими юридической оценки, являются «сталкеринг», при котором осуществляется преследование жертвы, угрозы и иные действия, направленные на то, чтобы сделать жизнь жертвы невозможной; «буллинг», то есть унижение и издевательство над человеком, в том числе в социальных сетях и мессенджерах; «киберпранкинг», приобретающий популярность на видеохостингах и в социальных сетях и носящий оскорбительный или уничижительный характер.

В настоящее время данные действия, совершенные в информационном пространстве, остаются безнаказанными до тех пор, пока они не приведут к совершению преступлений в реальной жизни (например, причинения вреда здоровью различной степени тяжести, доведение до самоубийства, убийство и т.д.). Сами же действия, сопряженные с распространением такой социально деструктивной информации, нередко остаются вне поля зрения законодателя. Действующее законодательство предусматривает административную и уголовную ответственность за совершение действий, связанных с унижением человеческого достоинства отдельных лиц или целых групп, в том числе в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

В развитии правонарушений подобного рода важную роль играет целевая аудитория (как показывает практика, в большинстве случаев – это несовершеннолетние), которая спонсирует подобных стримеров и благодаря поддержанию интереса к онлайн-трансляциям противоправных действий выводит подобные стримы в топы хостингов, как результат – увеличение их популярности.

В наиболее общем виде противодействие распространению социально деструктивной информации в Российской Федерации представлено в следующих *формах деятельности уполномоченных государственных органов*:

1. мониторинг сети «Интернет» для выявления деструктивного контента;

2. привлечение виновных в распространении социально деструктивной информации лиц к административной, уголовной и гражданско-правовой ответственности;

3. ограничение доступа к информационным ресурсам, на которых распространяется деструктивный контент;

4. проведение широкой просветительской работы среди граждан для профилактики распространения ими социально деструктивной информации.

Отдельным способом противодействия распространению деструктивного контента в сети «Интернет» является расширение ответственности владельцев социальных сетей и администраторов за самостоятельный контроль публикуемого пользователями контента. Некоторые из инициатив, связанные с противодействием распространению экстремистской идеологии в сети «Интернет», вошли в так называемый «пакет Яровой».

Мониторинг социальных сетей показывает, что в настоящее время по-прежнему в социальных сетях и мессенджерах распространяется значительный объем деструктивной информации [7, с. 213], функционирует большое количество деструктивных сообществ, которые оказывают пагубное воздействие на нравственное здоровье общества, а в некоторых случаях создают угрозу для национальной безопасности и суверенитета Российской Федерации, для жизни и здоровья граждан. Сложившая ситуация позволяет сделать вывод о необходимости усиленного контроля этой области федеральными органами исполнительной власти.

Примечательным видится опыт Китайской Народной Республики, где формирование данного направления деятельности началось несколько раньше, чем на территории Российской Федерации. В июне 2017 г. в Китае был принят закон о кибербезопасности, регламентирующий создание, обслуживание и использование информационных сетей, а также контроль и надзор за данной

деятельностью [8]. Настоящим законом государственным органам были предоставлены широкие полномочия по предотвращению распространения социально деструктивной информации, а также созданы специализированные полицейские подразделения, в компетенцию которых входит мониторинг сайтов и социальных сетей в Интернете. Кроме того, в Китае осуществляется достаточно жесткий контроль за публикуемой в сети «Интернет» информацией: государственные органы фильтруют контент и ограничивают доступ к информации, противоречащей национальному законодательству.

Еще одной особенностью противодействия распространению деструктивной информации в сети «Интернет» в Китае является невозможность использования популярных в других государствах социальных сетей, мессенджеров, поисковиков (например, Twitter, YouTube, Google, Yahoo и т.д.). Ранее подключиться к ним было возможно с помощью VPN-сервисов, но с 2018 г. они были запрещены для предоставления физическим лицам. Также для пользователей был введен запрет на использование луковых маршрутизаторов (Tor- и иных одноранговых сетей), позволяющих оставаться им анонимными при использовании сервисов в сети «Интернет».

Несмотря на большое количество ограничений и достаточно жесткий контроль за контентом в сети «Интернет», более 90% граждан одобряют политику государства, а 63,5% опрошенных отметили существенное уменьшение количества нежелательного контента после проведенных реформ *(см.: China closes more than 13,000 websites in past three years [Электронный ресурс] // Reuters. 24.12.2017. URL: https://www.reuters.com/article/us-china-internet/china-closes-more-than-13000-websites-in-past-three-years-dUSKBN1EI05M?feedType=RSS&feedName=technologyNews (дата обращения: 20.03.2025))*. Полагаем, что внедрение элементов опыта Китая в мониторинге сети «Интернет» и пресечении распространения вредоносной информации позволило бы существенно снизить количество правонарушений в этой сфере общественных отношений. Речь идет не об установлении тотального контроля, а об его ужесточении, а также более планомерной деятельности правоохранительных органов. В подобных случаях инструментом противодействия выступает блокировка противоправного контента [9, с. 119], что, по нашему мнению, не является эффективным механизмом – любую блокировку можно обойти, используя специальные информационные технологии (VPN-сервисы, браузеры, применение одноранговых сетей и доступного в Интернете программного обеспечения, например программ по типу DC++).

В настоящее время в Российской Федерации закреплена обширная система преступлений и правонарушений, связанных с распространением социально деструктивной информации. По-нашему мнению, внутри системы общественно опасных деяний и правонарушений, связанных с распространением деструктивной информации в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе сети «Интернет», можно выделить определенные группы в зависимости от вида этой информации: например, деяния, связанные с пропагандой нетрадиционных сексуальных отношений и предпочтений; деяния, связанные с распространением информации, направленной на вовлечение в употребление наркотических средств, психотропных веществ, алкогольных напитков; деяния, связанные с вовлечением граждан в экстремистские и террористические формирования с целью совершения противоправных действий, и т.д. Несмотря на закрепление в КоАП РФ и УК РФ обширного перечня правонарушений и преступлений, данная сфера общественных отношений нуждается в продолжении реформирования. Так, в современных условиях появляются новые виды информации, причиняющей вред нравственному развитию общества, ответственность за распространение которых не предусмотрена. Речь идет о таких явлениях, как киберпранкинг, сталкинг, буллинг.

Подводя итоги вышесказанному, можно сделать следующие выводы. Современный этап развития общества характеризуется активным развитием *сетевизации*, выражающейся, в частности, в использовании информационных ресурсов в качестве основного источника информации, а также главенствующего средства для коммуникации и самовыражения.

Контент в сети «Интернет» формируется децентрализовано, пользователями социальных сетей и мессенджеров, например, «ВКонтакте», «Telegram», «WhatsApp», иных запрещенных сетей, которыми, несмотря на их запрещенный характер, продолжают пользоваться путем публикации постов, фотографий и прочей информации. В указанных социальных сетях и мессенджерах формируются определенные идеологические течения, которые нередко основываются на пропаганде асоциальных идей, наносящих деструктивное воздействие на мировоззрение здорового населения страны.

Информационные телекоммуникационные сети имеют такую специфическую возможность, как легализация и нормализация неприемлемой информации, что приводит к активному распространению деструктивных идей, внедрение их как части общественного сознания, что активно используется злоумышленниками в целях вовлечения граждан, в том числе граждан стран СНГ, находящихся на территории Российской Федерации, в совершение противоправных деяний.

Литература

1. *Сундиев И. Ю., Смирнов А. А.* «Токсичный» контент в сети Интернет и его влияние на радикализацию молодежи // Научный портал МВД России. 2020. № 4 (52).

2. *Иванцов С. В.* Средства массового информационного ресурса и противодействие преступности // В сборнике: современные проблемы уголовной политики. V Международная научно-практическая конференция. 2014. С. 256–263.

3. *Никишин В. Д.* Вредоносная информация в интернет-медиа: «Окно Овертона» и взаимосвязь деструктивных сетевых течений // Lex Russica. 2022. № 11 (192).

4. *Вихляев А. А., Трушина И. О.* Актуальные вопросы профилактики и противодействия вовлечению несовершеннолетних в деятельность националистической молодежной группировки «М.К.У.» («Маньяки: культ убийства») // В сборнике: Социально-психологические проблемы просоциального поведения современного поколения детей и молодежи. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Севастополь, 2022. С. 370–374.

5. *Иванцов С. В.* Актуальные вопросы уголовной политики в сфере предупреждения экстремистской деятельности // В сборнике: Современные проблемы уголовной политики. Материалы VI Международной научно-практической конференции. В 2-х томах. 2015. С. 156–161.

6. *Горбачева Е. В.* Административно-правовое обеспечение информационной безопасности несовершеннолетних: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2011.

7. *Токолов А. В., Трушина И. О.* Актуальные проблемы противодействия преступлениям, связанным с распространением экстремистских материалов и вовлечением в социально опасную деятельность в информационно-телекоммуникационной сети Интернет // Криминологический журнал. 2024. № 2. С. 211–215.

8. *Федоров А. П.* Об опыте Китая по противодействию манипуляционным технологиям в социальных сетях Интернета // Вестник МГОУ. 2018. № 2.

9. *Трушина И. О.* Актуальные вопросы предупреждения преступлений экстремистского характера в Интернете // В сборнике: Актуальные вопросы предупреждения преступлений в сфере информационно-телекоммуникационных технологий: криминологический и виктимологический аспекты. Всероссийская научно-практическая конференция: сборник научных трудов. М., 2022. С. 117–120.

References

1. *Sundiev I. Yu., Smirnov A. A.* «Toxic» kontent v seti internet i ego vliianie na radikalizatsiiu molodezhi [“Toxic” content on the Internet and its influence on youth radicalization] // in *Nauchnyi portal MVD Rossii [Scientific Portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia]*, 2020. № 4 (52).

2. *Ivantcov S. V.* Sredstva massovogo informatsionnogo resursa i protivodeistvie prestupnosti [Mass Media Resources and Crime Prevention] // In *Sovremennye problemy ugolovnoi politiki [Modern Problems of Criminal Policy]*. International Scientific-Practical Conference, 2014. P. 256–263.

3. *Nikishin V. D.* Vredonoosnaia informatsiia v internet-media: «Okno Overtona» i vzaimosviaz’ destruktivnykh setevykh techenii [Harmful Information in Online Media: The “Overton Window” and Interrelation with Destructive Network Trends] // Lex Russica, 2022, Issue 11 (192).

4. *Vikhlaev A. A., Trushina I. O.* Aktual’nye voprosy profilaktiki i protivodeistviia vlozheniiu nesovershennoletnih v deiatel’nost’ natsionalisticheskoi molodezhnoi gruppirovki «M.K.U.» («Maniaki: kul’t ubiistva») [Current Issues of Preventing Minors from Joining Nationalistic Youth Group MKU (“Manics: Murder Cult”)] // In *Sotsialno-psikhologicheskie problemy prosotsial’nogo povedeniia sovremennogo pokoleniia detei i molodezhi [Socio-Psychological Problems of Prosocial Behavior of Contemporary Generation of Children and Youth]*. Collection of materials of All-Russian scientific-practical conference with international participation. Sevastopol, 2022. P. 370–374.

5. *Ivantcov S. V.* Aktual'nye voprosy ugolovnoi politiki v sfere preduprezhdeniia ekstremistskoi deiatel'nosti [Topical Issues of Criminal Policy for Preventing Extremist Activity] // In *Sovremennye problemy ugolovnoi politiki [Current Problems of Criminal Policy]*. Proceedings of the VI International Scientific-Practical Conference. Volume 2, 2015. P. 156–161.

6. *Gorbacheva E. V.* Administrativno-pravovoe obespečenie informacionnoi bezopasnosti nesovershennoletnih [Administrative and Legal Support of Information Security for Minors]. PhD thesis in Law, Rostov-on-Don, 2011. (In Russian)

7. *Tokolov A. V., Trushina I. O.* Aktual'nye problemy protivodeistviia prestupleniiam, sviazannym s rasprostraneniem ekstremistskikh materialov i vlozheniem v sotsial'no opasnuu deiatel'nost' v informatsionno-telekommunikatsionnoi seti Internet [Actual Problems of Counteracting Crimes Related to Distribution of Extremist Materials and Engagement into Socially Dangerous Activities via the Internet] // In *Kriminologicheskii zhurnal [Criminology Journal]*, 2024, Issue 2. P. 211–215.

8. *Fedorov A. P.* Ob opite Kitaiia po protivodeistviu manipuliativnym tekhnologiiam v sotsial'nykh setiakh Interneta [On China's Experience in Countering Manipulative Technologies in Social Networks] // In *Vestnik MGOU [Bulletin of Moscow State Regional University]*, 2018, Issue 2.

9. *Trushina I. O.* Aktual'nye voprosy preduprezhdeniia prestuplenii ekstremistskogo kharaktera v Internete [Current Issues of Preventing Extremist Offenses in the Internet] // In *Aktual'nye voprosy preduprezhdeniia prestuplenii v sfere informatsionno-telekommunikatsionnykh tekhnologii: kriminologicheskii i viktimolohicheskii aspekty [Actual Issues of Crime Prevention in the Field of Information and Telecommunication Technologies]*. All-Russian Scientific-Practical Conference: Collection of Scientific Papers. Moscow, 2022. P. 117–120.

ТИПОЛОГИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ И ОСОБЕННОСТИ ЕЕ ТРАНСФОРМАЦИИ

Шевырталов Егор Павлович

Цель: *1) внести корректировки в представленное нами ранее определение «криминалистическая информация»; 2) установить место криминалистической информации в классификации правоохранительной информации, установить взаимоотношение таких категорий как «оперативная информация», «следственная информация» и «криминалистическая информация»; 3) обозначить виды криминалистической информации и выявить особенности механизма трансформации (перехода) из одного вида в другой; 4) рассмотреть понятие «информационное поле» и предусмотреть возможности совершенствования процедуры декодирования релевантной информации, полученной из источника криминалистической информации.*

Методология: *всеобщий диалектический метод, анализ, синтез, индукция, дедукция, абстрагирование и моделирование, а также методы классификации.*

Выводы. *1) Криминалистическая информация – это изменения криминалистически значимых объектов вследствие их взаимодействия в процессе преступного деяния, изучение которых способствует снижению уровня информационной неопределенности в мышлении лица, осуществляющего расследование. 2) Правоохранительная информация включает в себя несколько видов информации, одними из которых являются: оперативная, криминалистическая и следственная. Необходимо отметить, что если оперативная информация и криминалистическая информация находятся в отношении пересечения, то криминалистическая и следственная – в отношении подчинения. 3) Криминалистическая информация может быть представлена в трех видах: ориентирующая, доказательственная и справочная. Переход (трансформация) от одного вида к другому осуществляется в строгой последовательности и при помощи ряда процедур, в том числе установленных уголовно-процессуальными нормами. 4) Информационные поля следует рассматривать не только как носители однородной по физической природе информации, но и как носители разного вида криминалистической информации, что позволяет эффективнее декодировать релевантную информацию.*

Научная и практическая значимость. *Результаты, изложенные в данной работе, способствуют углублению теоретических знаний об особенностях информационных процессов, происходящих при криминалистическом познании преступных деяний, что, в свою очередь, положительно сказывается на эффективности расследования.*

Ключевые слова: *криминалистическое познание, правоохранительная информация, криминалистическая информация, трансформация криминалистической информации, информационное поле источника криминалистической информации.*

Введение

Разработанное Р. С. Белкиным определение криминалистики звучит следующим образом: «Криминалистика – наука о механизме преступления, возникновения информации о преступлении и его участниках, собирания, исследования, оценки и использования доказательств и основанных на познании этих закономерностей специальных средствах и методах судебного исследования и предотвращения преступлений» [1, с. 65]. Оно адекватно отражает основную идею науки о расследовании преступлений, а именно – работу с информацией, связанной с преступным деянием.

DOI 10.31085/2310-8681-2025-3-288-204-216

Практическая работа сотрудников правоохранительных органов связана с познанием уже случившегося события либо с прогнозированием дальнейшего поведения участников уголовного судопроизводства с целью установления истины по уголовному делу и предотвращения иных преступлений. В связи с этим вызывают большой научный интерес вопросы, связанные с информационными процессами, что имеет важное значение для повышения эффективности расследования преступлений. Кроме того, эта деятельность невозможна без теоретического осмысления такой категории, как «информация», и ее частных проявлений: криминалистической информации и ее видов, информационной трансформации, информационного поля.

Основная часть. Понятие «криминалистическая информация»

Укажем на то, что криминалистическая и криминалистически значимая информация, а также уголовно-релевантная информация [2, с. 268] признаются нами равнозначными категориями. Вследствие того, что использование «незначимой» информации в расследовании бессмысленно, термин «криминалистически значимая информация» является фразеологически перегруженным [3], а «уголовно-релевантная информация» [4] является синонимом к термину «криминалистическая информация», поэтому для удобства изложения мы будем использовать термин «криминалистическая информация».

В предыдущих работах нами уже рассматривались отдельные вопросы понятийно-категориального аппарата вышеуказанных терминов [5, с. 272], поэтому детальнее остановимся на еще не рассмотренных ранее. Однако авторское определение криминалистической информации, по-нашему мнению, в силу нескольких причин нуждается в доработке. Назовем эти причины.

Во-первых, отсутствие указания на сущность объектов, вследствие взаимодействия которых происходят изменения. Касательно первого замечания можем пояснить следующее, объекты, в ходе взаимодействия которых образуются изменения, должны иметь криминалистическое значение, а точнее содержать необходимые для расследования сведения. Считаем, что в определении необходимо уточнить свойство этих объектов – криминалистически значимые.

Во-вторых, отсутствие акцента на значимости информации в познавательной деятельности субъекта расследования и ее влиянии на его мышление. По поводу этого замечания необходимо добавить, что расследование преступлений является познавательной деятельностью, в которой мышление имеет первостепенное значение. Криминалистическое мышление как частное проявление родового понятия «мышление» представляется информационной системой, состоящей из нескольких элементов [6, с. 18–19]. Криминалистическая информация в этой системе выступает катализатором появления доказательств по уголовному делу.

В-третьих, необходимо уточнить вид неопределенности, которая снижается при получении криминалистической информации. Безусловно, речь идет об информационной неопределенности, снижение которой позитивно сказывается на следствии. В криминалистике Л. Я. Драпкин выделял ее виды: семантическая, синтаксическая и прагматическая (стратегическая) неопределенность. Кратко рассмотрим каждую из них.

Профессор Л. Я. Драпкин писал: «Семантическая неопределенность обусловлена сложной структурой процесса познания и самого объекта поиска, вероятностным характером предварительных выводов, полным или частичным незнанием предмета исследования или его составных элементов, неоднозначностью сведений, а также недостатками в отображающих способностях субъекта» [7, с. 9]. Семантическая неопределенность является важнейшим препятствием по сбору доказательств и установлению всех обстоятельств случившегося. Кроме того, в вышеуказанной цитате заслуженный деятель науки еще раз подчеркивает важность познавательных свойств самого субъекта расследования.

Синтаксическая неопределенность напрямую связана с ситуациями тактического риска, когда ни один из возможных вариантов действий не гарантирует благоприятного выхода из этой ситуации. Снижение уровня синтаксической неопределенности влечет за собой выбор наиболее оптимальной и эффективной модели поведения в той или иной следственной ситуации. Однако даже минимальный уровень данной неопределенности не гарантирует желаемого результата в силу великого множества факторов, сопутствующих деятельности по расследованию преступлений. Субъект должен учитывать эти обстоятельства и всегда предусматривать альтернативные (дополнительные) решения [8, с. 8]. Опять же лицо, осуществляющее расследование, играет ключевую роль.

Прагматическая неопределенность сопутствует конфликтной следственной ситуации, которая характеризуется двумя признаками, с одной стороны, это соперничество, вызванное различием

интересов сторон уголовного процесса, и с другой стороны, это неясность планов, намерений и тактических позиций иных участников. Удовлетворение данной неопределенности позволяет следователю психологически и интеллектуально «доминировать» над противоборствующей стороной, а также управлять расследованием, конечно же исключительно для достижения целей уголовного судопроизводства.

Считаем, что криминалистическая информация в той или иной степени снижает уровень всех видов информационной неопределенности и в зависимости от следственной ситуации помогает преодолевать барьеры, стоящие перед субъектом расследования.

Таким образом, нами была уточнена дефиниция «криминалистическая информация», под которой понимаются *изменения криминалистически значимых объектов вследствие их взаимодействия в процессе преступного деяния, изучение которых способствует снижению уровня информационной неопределенности в мышлении лица, осуществляющего расследование.*

Виды криминалистической информации

Перейдем к месту криминалистической информации в классификации различных видов информации. Отдельные авторы выделяют группу правоохранительной информации, в которую входят следующие виды информации: оперативная, следственная и криминалистическая [9, с. 123]. С данной классификацией мы не согласны. Если объединение данных видов информации по родовому признаку не вызывает сомнений в силу их использования правоохранительными органами для защиты прав и свобод граждан, то внутреннее содержание возможно подвергнуть критике.

Безусловно, оперативная информация является самостоятельным видом информации в рамках правоохранительной информации, что обусловлено правовым статусом субъектов оперативно-разыскной деятельности и особенностью ее получения как гласными, так и негласными методами, а также спецификой решаемых задач. В то же время возникает вопрос, почему А. В. Богданов и А. В. Тихонов в вышеуказанной работе разделяют криминалистическую и следственную информацию?

К сожалению, авторы очень узко рассматривают роль криминалистики в расследовании преступлений, останавливаясь только на технико-криминалистическом обеспечении и функционировании криминалистических учетах. Тот факт, что вся процедура доказывания строится на положениях, выработанных криминалистической тактикой и методикой (безусловно, с учетом требований уголовно-процессуального доказательства), по неизвестной причине авторами игнорируется.

В целом странно, что рассмотрение определения криминалистической информации ограничиваться источниками – следы преступления, к тому же в узком понимание «следа». Если использовать данный подход, то тогда в широком смысле, когда источник рассматривается как сложная информационная система, включающая множество подсистем иерархической природы и требующая системного анализа [10, с. 4], что позволит выделять из каждого объекта различную по своему характеру информацию.

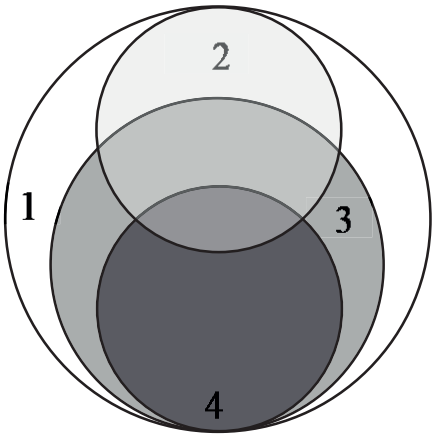
Да, авторы кратко останавливаются на субъектах криминалистической информации и отмечают, что наряду с экспертами-криминалистами криминалистическую информацию могут получать иные сотрудники ОВД, поэтому понятие криминалистической информации шире, чем понятие следственной информации.

Мы согласны, что задачи, решаемые при помощи следственной и криминалистической информации, схожи. Но значение криминалистической информации в решении задач, установленных ст. 73 УПК РФ, по-нашему мнению, выше. В силу того что «криминалистическая» употребляется нами в широком контексте, мы считаем, что следственная информация, а она же и доказательственная, уже является переработанной криминалистической информацией, облеченной в необходимую процессуальную форму.

Анализируя приведенное авторами определение следственной информации и учитывая все вышесказанное, можно сделать вывод о том, что следственная информация является частью криминалистической. Таким образом, выделим два вида правоохранительной информации: оперативная и криминалистическая. Существование отдельно следственной (именно в ее доказательственном смысле) информации можно признать, однако только как подвид криминалистической информации. Соотношение видов правоохранительной информации можно проиллюстрировать кругами Эйлера (рис. 1).

Правоохранительная информация, находящаяся на схеме в месте пересечения оперативной и криминалистической информации, образуется в процессе применения Инструкции о порядке представления результатов оперативно-разыскной деятельности органу дознания, следователю или

в суд *(приказ МВД России, Министерства обороны РФ, ФСБ России, Федеральной службы охраны РФ, Федеральной таможенной службы, Службы внешней разведки РФ, Федеральной службы исполнения наказаний, Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков, Следственного комитета РФ от 27 сентября 2013 г. № 776/703/509/507/1 820/42/535/398/68 «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-разыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд» // Информационно-правовое обеспечение «ГАРАНТ» [Электронный ресурс]: https://base.garant.ru/70531824/ (дата обращения: 04.07.2025))*. Подробнее об особенностях перехода (трансформации) информации из одного вида в другой поговорим в следующем разделе.



1 – правоохранительная информация
2 – оперативная информация
3 – криминалистическая информация
4 – следственная информация

Рис. 1. *Виды правоохранительной информации*

Наиболее полно раскрыть сущность криминалистической информации нам поможет уяснение видов изучаемой категории. В рамках деятельности по раскрытию и расследованию преступлений большое значение имеет криминалистическая информация, которая может быть представлена в нескольких видах.

Первый – это ориентирующая информация, содержащая в том числе данные о конкретном преступлении, второй – это доказательственная (следственная) информация. Иначе можно представить, что ориентирующая информация составляет частную систему доказательств, а доказательственная (следственная) – общую систему доказательств [11, с. 51–52]. Следственная информация используется субъектом расследования в качестве законного подтверждения того или иного факта, а ориентирующая нет, она лишь дает основание для принятия оперативно-значимого или процессуального решения, которое уже в последующем может стать доказательством. Основное отличие первого от второго вида заключается в том, что доказательственная информация облечена в необходимую уголовно-процессуальную форму. Однако это еще не дает нам основания относить информацию к доказательственной.

Так, например, протокол осмотра места происшествия является доказательством (в уголовно-процессуальном смысле), но в криминалистическом смысле его можно признать таковым, если субъект расследования будет использовать информацию, зафиксированную в протоколе, для доказывания. Поэтому доказательственная информация должна быть оценена с точки зрения относимости, допустимости, достоверности и достаточности *(ст. 88 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 28 декабря 2024 г.) // Доступ из Справочно-правовой системы «КонсультантПлюс»: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 04.07.2025))*.

Но также выделим и третий вид криминалистической информации – это справочная, которая представляет собой совокупность знаний и положений, связанных с криминалистической наукой. Ценность справочно-криминалистической информации заключается в том, что она повышает уровень осведомленности представителей правоохранительных органов по вопросам криминалистического обеспечения, что, в свою очередь, позитивно сказывается на эффективности расследования преступлений. Такая информация содержится в теоретической, научной и иной литературе, различных базах данных, сети «Интернет» и иных информационно-справочных источниках.

Классификацию криминалистической информации можно представить в виде следующей блок-схемы (рис. 2).

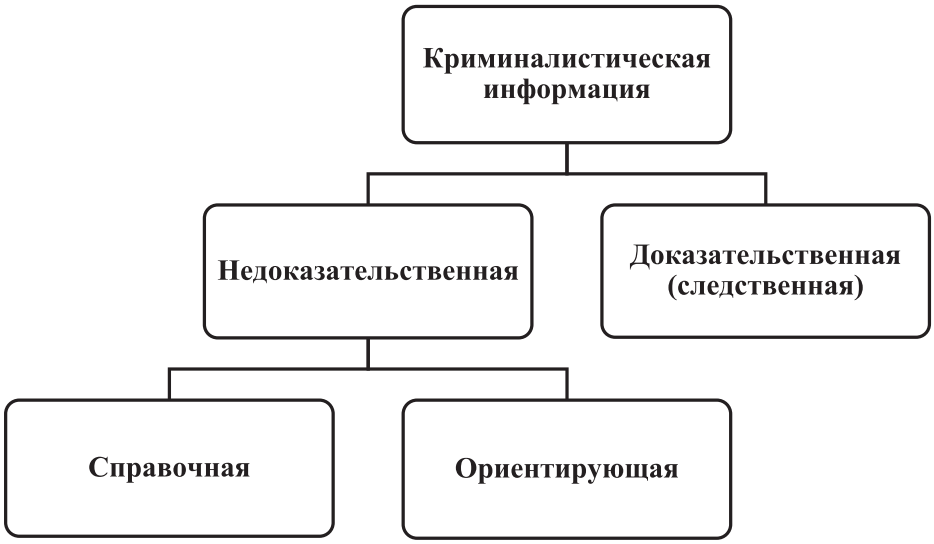


Рис. 2. *Виды криминалистической информации*

Прав был известный криминалист Л. А. Соя-Серко, когда говорил, что при работе следователь оперирует двумя потоками информации: первый поступает при изучении обстановки и обстоятельств расследуемого преступления (ориентирующая и доказательственная информация), а второй представляет собой знания, которые приобретаются в процессе обучения и практической работы (справочная информация) [12, с. 32].

В продолжение вышеуказанных идей приведем теорию следственных версий, разработанную Л. Я. Драпкиным. В совместной работе с Е. А. Бородиной он утверждал, что, кроме фактической базы следственной версии (ориентирующая и доказательственная информация), содержащейся в материалах уголовного дела, есть и теоретическая база (справочная информация), которая чаще всего аккумулируется в криминалистических характеристиках преступления и дополняет уже добытую следствием информацию [13, с. 140–141]. Так мы видим, что теоретические положения, связанные с криминалистической информацией, находят свое отражение в таких разделах науки криминалистики, как тактика и методика.

Трансформация криминалистической информации

Информация в уголовно-правовом смысле полезна только тогда, когда с ее помощью удается раскрывать и расследовать преступления, особый научно-практический интерес вызывает трансформация (преобразование) криминалистической информации, то есть процесс перехода от одного вида к другому. Понимание этих закономерностей позволит эффективнее использовать и осуществлять преобразование криминалистической информации для достижения целей уголовного судопроизводства.

Начнем рассмотрение этого процесса со справочной криминалистической информации, которая имеет косвенное отношение к ориентирующей и доказательственной информации, так как формирует теоретическое представление об изучаемом явлении. Благодаря данной информации субъект расследования способен эффективно анализировать ориентирующую информацию, добытую в ходе производства процессуальных и непроцессуальных действий, относить ее к значимой или нет.

Когда следователь/дознаватель осознает, что справочная информация является или может являться значимой, в этот момент и происходит качественный ее переход в ориентирующую. Это возможно на основе соотношения знаний субъекта, ведущего расследование, с уже полученными предварительными сведениями на предмет соответствия последних криминалистической теории, изложенной в информационно-справочных источниках.

При расследовании чаще всего приходится работать с большим объемом ориентирующей информации, анализировать и вычленять все то, что не может трансформироваться и выступать в качестве доказательства по уголовному делу. Ориентирующая информация по своей сути не может быть использована в качестве подтверждения или опровержения тех или иных фактов, однако доказательственное значение она может приобрести в случае ее прохождения через три этапа.

Первое – восприятие (перцепция) информационного сигнала (информационный сигнал в криминалистике – это изменение, имеющее свое содержание (информацию) и форму выражения (информационный код). Первостепенную роль на этом этапе играет функция понимания, которая осуществляет перевод следов преступления (в широком смысле) в идеальные (психические) категории (смыслы, значения, образы, эмоции) [14, с. 273]. Таким образом, на данном этапе ориентирующая информация попадает в распоряжение субъекта расследования и лишь создает предпосылки к доказыванию или опровержению чего-либо. Второе – закрепление при помощи уголовно-процессуальных процедур. В практическом смысле это значит, что закрепление ориентирующей информации осуществляется путем производства следственных и иных процессуальных действий. Третье – это оценка закрепленной информации в контексте уже имеющихся материалов уголовного дела.

Иными словами, перечисленные нами этапы трансформации из ориентирующей информации в доказательственную (следственную) представляют собой не что иное, как процесс уголовно-процессуального доказывания. Каждый из этих этапов иллюстрирует собой различный доктринальный подход к пониманию доказательств: кибернетический (информационный), прагматический (англосаксонский) и формально-логический соответственно. В связи с вышесказанным, мы согласны с позицией С. Б. Россинского, утверждающего, что оптимальным и максимально раскрывающим сущность доказательств является неосинтетический подход [15, с. 201].

Современные достижения научно-технического прогресса предоставляют новые возможности для правоохранительных органов в борьбе с преступностью. Разработанное по заказу Министерства внутренних дел Российской Федерации специальное программное обеспечение «Паутина» (далее – СПО «Паутина») по контролю за дорожным движением позволяет не только фиксировать нарушения ПДД, но и предупреждать, выявлять и пресекать преступления. На примере работы данного инновационного продукта мы можем наблюдать, как при розыске похищенного (угнанного) транспортного средства происходит трансформация криминалистической информации.

СПО «Паутина» представляет собой программу, объединяющую и анализирующую данные с любых камер, независимо от производителя, места установки и функционала (камеры парковки, магистральные, фиксации скорости). Фото- и видеоматериалы СПО «Паутина» получает не только от крупных государственных аппаратно-программных комплексов, таких как «Безопасный город», но и отдельных видеокамер, устанавливаемых частными лицами. По данным ГИАЦ МВД России, на июнь 2024 г. в целях обеспечения правопорядка и безопасности на улицах и в других общественных местах правоохранительного сегмента АПК «Безопасный город» установлено 645 545 камер видеонаблюдения. Всего на территории России установлено 26 312 стационарных комплексов автоматической фиксации нарушений ПДД. Сейчас мы можем наблюдать, что количество мобильных и передвижных комплексов автоматической фиксации нарушений ПДД невелико и составляет 3813 единиц. Постепенное развитие систем фото- и видеофиксации, а также увеличение их числа станет отличной информационно-ресурсной базой для работы СПО «Паутина».

Система выделяет из транспортного потока те автомобили, собственники которых либо сами эти автомобили находятся в розыске. Помимо этого, комплекс получает сведения о транспортных средствах с подложными государственными регистрационными знаками, либо собственники, которых объявлены умершими. Идентификация транспортных средств может осуществляться не только путем определения государственных регистрационных знаков, но и марки, модели, цвета кузова автомобиля.

Вся информация с дорожных камер фотовидеофиксации аккумулируется на единой платформе – Центре автоматизированной фиксации административных правонарушений в области дорожного движения (далее – ЦАФАП). Возможности СПО «Паутина» не ограничиваются регистрацией административных правонарушений. Данная технология является классическим примером Big Data (от англ. *big data* – большие данные), поэтому программный анализ и структурирование полученных сведений в автоматическом режиме позволяют выявлять «двойников» (двойник – автомобиль, идентификационные признаки которого полностью совпадают с законно купленным и поставленным на учет ТС), наличие слежки за конкретным автомобилем, а также водителей с опасным вождением.

Одной из основных функций данной системы является розыск транспортных средств. По запросу сотрудников МВД СПО «Паутина» предоставляет данные о времени и месте проезда, а также направлении движения авто. Сведения сопровождаются изображением с камеры фотовидеофик-

сации, на которых можно рассмотреть не только автомобиль, но и лиц, находящихся в транспортном средстве *(Тотальная слежка, штрафы и розыск нарушителей: как устроена «Паутина» // [Электронный ресурс]. URL: https://clck.ru/3BHzdy (дата обращения: 26.01.2025))*. В тех случаях, когда объект попадает в зоны фиксации нескольких камер, СПО «Паутина» создает маршрут с картой передвижений разыскиваемого автомобиля. Трудно переоценить ценность такой ориентирующей информации для установления местонахождения имущества, оказавшегося в руках преступника.

После получения этой информации субъекту расследования необходимо проанализировать ее и принять меры по розыску автотранспортного средства. Безусловно, доказательственное значение она получит после прохождения трех этапов (восприятие, закрепление, оценка).

Еще одним примером того, как современные информационные технологии помогают в трансформации криминалистической информации, является разработанное коллективом CrimLib в рамках проекта NSP-SigVer приложение, способное выдвинуть обоснованное предположение о поддельности или подложности подписи. Целью данного проекта является создание системы искусственного интеллекта для офлайн-верификации подписи, а также уточнение положений криминалистического почерковедения. Полученные результаты были лаконично встроены в работу приложения SigVer для смартфонов. Для проверки пользователю приложения необходимо при помощи телефона отсканировать несколько образцов подписи, а нейросеть обработает полученные изображения, удалит лишние детали и фон. Искусственный интеллект способен быстро анализировать предоставленные образцы подписи и рассчитывать вероятность того, одним ли человеком оставлены подписи или нет. Стоит отметить, что данная нейросеть не подменяет собой эксперта-почерковеда, так как выполняет лишь вспомогательную функцию, окончательное решение принять может только человек [16].

Таким образом, на примере работы с большими данными и использования искусственного интеллекта в расследовании мы видим, как применение информационных технологий в разы повышает результативность поиска необходимой ориентирующей информации и дальнейшего ее использования в доказывании (трансформация в доказательственную (следственную) информацию).

Стоит отметить, что без грамотного анализа на основе справочно-криминалистической информации невозможно представить трансформацию ориентирующей информации в доказательственную и ее дальнейшее использование в ходе расследования. Поэтому развитые аналитические способности субъекта расследования и знание того, где искать информацию, являются ключом к установлению всех обстоятельств преступления.

Доказательственная информация, в свою очередь, также способна на качественные переходы в справочную информацию. Эту трансформацию возможно произвести двумя путями.

Первый – анализ материалов уголовных дел и на их основе подготовка практических рекомендаций и криминалистических характеристик с целью повышения эффективности расследования преступлений. Одним из перспективных направлений совершенствования этой деятельности является внедрение информационных технологий.

Примером этого можно назвать компьютерную программу «ФОРВЕР Следователь» *(Толстолуцкий В. Ю., Рыбочкин А. В. Программа формирования следственных версий (ФОРВЕР Следователь). Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2013660539. Дата регистрации: 08.11.2013)*. Как пишет один из создателей данной программы: «Программа «ФОРВЕР-Следователь» представляет собой средство расчета условных вероятностей поисковых признаков преступника на основании сведений, установленных в результате осмотра трупа и места преступления. Тем самым компьютерная программа предназначена для практического использования понятия «криминалистическая характеристика преступлений» (далее – КХП) в раскрытии убийств» [17, с. 213]. Эта программа имеет большое практическое значение в силу того, что разработана на основе анализа большого количества уголовных дел по факту убийства и выявления корреляционных связей между отдельными элемента КХП [18].

Таким образом, данная программа для ЭВМ представляет собой полноструктурный цикл трансформации криминалистической информации. Во-первых, при создании программы доказательственная информация (материалы уголовного дела) переходит в справочную информацию (база данных). Во-вторых, при работе с программой на основе справочной информации субъект получает ориентирующую информацию. Наконец, в-третьих, ориентирующая информация приобретает доказательственное значение в случае ее прохождения через три озвученных нами ранее этапа. Считаем целесообразным создание подобных программ для повышения информационного обеспечения расследования различных категорий

преступлений. Однако на современном этапе развития криминалистики количество таких проектов ничтожно.

Второй – осуществление криминалистической регистрации уполномоченными лицами результатов оперативно-служебной деятельности для последующего использования в форме справочной информации. Данная деятельность регламентирована приказом № 89дсп / 19дсп / 73дсп / 1дсп / 113дсп / 108дсп / 75дсп / 324дсп / 133дсп / 63дсп / 14 / 95дсп от 12 февраля 2014 г. «Об утверждении наставления по ведению и использованию централизованных оперативно-справочных, криминалистических и разыскных учетов, формируемых на базе органов внутренних дел Российской Федерации» (для служебного пользования). Кратко отметим, что в силу появления новых тенденций учение о криминалистической регистрации нуждается в совершенствовании [19].

Процесс трансформации криминалистической информации можно представить в следующем виде (рис. 3).

Рис. 3. *Трансформация видов криминалистической информации*

Изучение данного вопроса навело нас на мысль о том, что трансформация информации напрямую зависит от тезауруса субъекта расследования. Применение данной терминологии можно редко встретить в криминалистических исследованиях, однако заимствование некоторых понятий из теории познания позволяет расширить горизонты науки о расследовании преступлений.

Под тезаурусом понимаются исходные знания субъекта познания, определяющие его способность к познанию. Д. В. Бахтеев к тезаурусу относил как профессиональный опыт субъекта расследования и специальные знания, приобретенные в процессе обучения, так и общие фоновые знания, полученные, например, при чтении художественной литературы [21, с. 24]. Кроме того, без использования тезауруса невозможно преодолевать проблемные следственные ситуации [22, с. 84]. Можно с уверенностью сказать, что чем полнее и содержательнее тезаурус субъекта расследования, тем эффективнее происходит переход криминалистической информации от одного вида к другому, бесспорно, в современном мире не обойтись и без информационных технологий.

Совокупность всей полученной в ходе расследования информации образует информаци-

онный массив. Задача следователя/дознавателя правильно дифференцировать всю информацию и придать ей необходимый законный вид с целью ее последующего использования в доказывании, иными словами, провести переход от вероятностного к достоверному знанию.

В своей работе Д. В. Бахтеев приводит практические примеры, демонстрирующие отдельные варианты трансформации криминалистической информации. Так, в одном из примеров освещался случай, когда следователь, соотнеся справочную информацию, полученную из художественной литературы, со следственной ситуацией и обстановкой, смог добыть ориентирующую информацию, которую уже впоследствии использовал для установления личности преступника и доказывания его вины [21, с. 25–26].

Для правильной оценки информации целесообразно представлять весь информационный массив в виде матрицы [21, с. 26–26].

Выходит, что ключевую роль в криминалистическом познании занимает субъект, от тезауруса и навыков по работе с информацией которого зависит успех расследования. Дальнейшие исследования в этой области возможны при помощи когнитивного подхода [23], что позволит лучше понимать не только информацию, связанную с расследованием преступлений, но и роль мышления субъекта при работе с криминалистической информацией.

Виды криминалистической информации и информационное поле источника криминалистической информации

Изучение трудов профессора В. Я. Колдина натолкнуло нас на мысль, что учение о криминалистическом анализе может быть усовершенствовано путем использования представленных нами видов криминалистической информации для декодирования источников криминалистической информации. Заслуженный деятель науки РФ утверждал, что задачей криминалистического анализа является обнаружение источников и декодирование релевантной информации [10, с. 13]. Как раз на решение последней задачи и направлено наше предложение.

Так как информационное поле выступает методологической основой для криминалистического анализа, считаем целесообразным привести данное понятии. Информационное поле – выделенный в составе источника поток однородной по физической природе информации об обстоятельстве, подлежащем установлению в соответствии с задачами криминалистического исследования и доказывания [11, с. 51]. Подобное мнение о сущности информационного поля разделяет и В. А. Юматов [20, с. 185]. Иными словами, выделение информационного поля (информационной структуры) объекта (источника информации) является гносеологическим инструментом раскрытия содержания (декодирования) в целях перехода с информационного уровня на логический уровень доказывания.

Любой источник криминалистической информации может быть разделен на три базовых информационных поля: идентификационное, следообразования и ситуационное. На примере автомобиля как источника криминалистической информации рассмотрим его базовые информационные поля. На первом он может фигурировать в процессе идентификации, то есть быть идентифицируемым или идентифицирующим объектом. На втором отдельные элементы или в целом автомобиль могут выступать следообразующим объектом или следовоспринимающим объектом и, соответственно, сигнализировать о том или ином механизме следообразования. Анализ третьего информационного поля позволит адекватно выстроить модель расследуемого деяния.

Мы считаем, что информационное поле любого уровня и любого источника информации содержит несколько видов криминалистической информации. Рассмотрение вышеуказанных информационных полей через призму видов криминалистической информации способствует наиболее качественному и эффективному использованию полученных сведений. Снова на примере автомобиля, который, впрочем, как и любой источник криминалистической информации, содержит в себе информацию различного вида, продемонстрируем этот механизм.

При анализе второго базового информационного поля автомобиля могут быть обнаружены следы пальцев рук человека на рулевом колесе, данный факт содержит в себе одновременно три вида криминалистической информации. Во-первых, ориентирующей – следы пальцев рук дают основание предположить о контакте определенного лица с конкретным автомобилем. Во-вторых, доказательственной – при должном уголовно-процессуальном закреплении и использовании в доказывании эта информация может подтвердить причастность лица к тому или иному событию. В-третьих, справочной – занесение отпечатков пальцев в базу данных (криминалистическая регистрация) с целью их последующего использования. Соответственно, трансформация

криминалистической информации будет проходить по правилам, изложенным нами ранее.

В противном случае, если рассматривать какой-либо объект криминалистического анализа, в том числе и автомобиль, и не учитывать, что он содержит несколько информационных полей, каждое из которых хранит в себе несколько видов криминалистической информации, то можно проигнорировать большое количество информации, необходимой для установления обстоятельств события. Поэтому структуру источника возможно смоделировать в виде цилиндра, в основании которого лежит треугольник. Этот цилиндр имеет три уровня (информационных поля), на углах каждого представлены по одному из трех видов криминалистической информации (рис. 4).

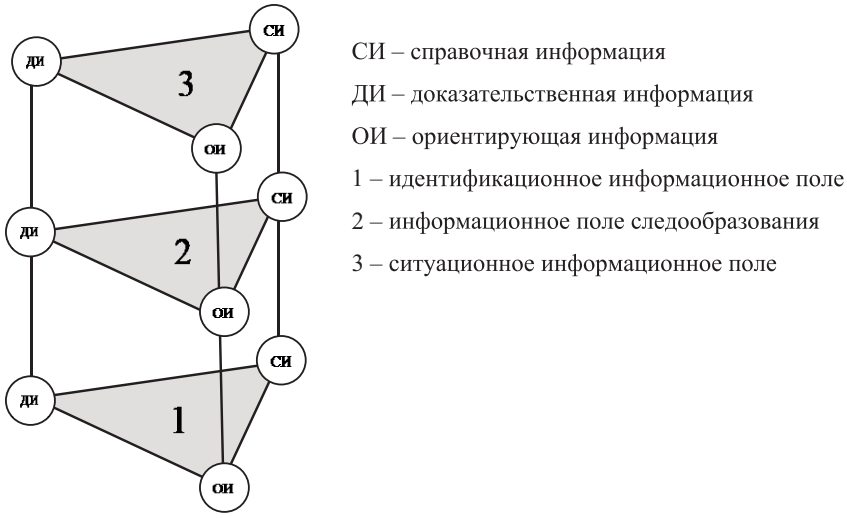


Рис. 4. *Структура источника криминалистической информации*

Такое понимание позволит рассматривать информационные поля не только как носители однородной по физической природе информации, но и как носители разного вида криминалистической информации. В. Я. Колдин отмечал: «Чем более сложной является информационная структура источника, тем большее значение имеет выделение и раздельное исследование соответствующих информационных полей» [10, с. 10]. В силу этого при расследовании опрометчиво пренебрегать всем информационным потенциалом, хранящимся в источниках криминалистической информации.

Выводы

Таким образом, проведенное нами исследование позволило прийти к следующим выводом:

Криминалистическая информация – это изменения криминалистически значимых объектов вследствие их взаимодействия в процессе преступного деяния, изучение которых способствует снижению уровня информационной неопределенности в мышлении лица, осуществляющего расследование.

Правоохранительная информация включает в себя несколько видов информации, одними из которых являются: оперативная, криминалистическая и следственная. Необходимо отметить, что если оперативная и криминалистическая информация находятся в отношении пересечения, то криминалистическая и следственная – в отношении подчинения.

Криминалистическая информация может быть представлена в трех видах: ориентирующая, доказательственная и справочная. Переход (трансформация) от одного вида к другому осуществляется в строгой последовательности и при помощи ряда процедур, в том числе установленных уголовно-процессуальными нормами.

Информационные поля следует рассматривать не только как носители однородной по физической природе информации, но и как носители разного вида криминалистической информации, что, в свою очередь, позволяет эффективнее декодировать релевантную информацию.

Однако представленные в данной работе выводы являются лишь смелой попыткой внести понимание в изучение сущности информационных процессов, сопровождающих деятельность по расследованию преступлений. Исследования в этой области знания должны продолжаться с целью развития теоретического фундамента науки криминалистики и повышения эффективности работы правоохранительных органов.

Литература

1. *Белкин Р. С.* Курс криминалистики. Учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по юридическим специальностям. М.: Юнити, 2001. 323 с.

2. *Бурмистрова Н. С.* Особенности применения криминалистического профайлинга в период сбора релевантной информации в ходе расследования преступления // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 6. С. 265–272.

3. *Якименко Г. Ю.* Криминалистический аспект информации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 9. С. 161–165.

4. *Ханмирзаев И. Ш.* Проверка достоверности уголовно-релевантной информации на стадиях возбуждения и предварительного расследования в уголовном процессе // Евразийский юридический журнал. 2016. № 4 (95). С. 255–258.

5. *Шевырталов Е. П.* Информационное обеспечение как обязательное условие повышения раскрываемости краж и угонов транспортных средств // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 3 (103). С. 266–276.

6. *Бахтеев Д. В.* Концептуальные основы теории криминалистического мышления и использования систем искусственного интеллекта в расследовании преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук. 12.00.12. Екатеринбург, 2022. 504 с.

7. *Драпкин Л. Я.* Основы теории следственных ситуаций. Свердловск: Издательство Уральского университета, 1987. 163 с.

8. *Шуклин А. Е.* Особенности принятия информационных и тактических решений в сложных следственных ситуациях: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.09. Екатеринбург, 2012. 26 с.

9. *Богданов А. В.* Проблемы разграничения оперативной, следственной и криминалистической информаций // Вестник Московского университета МВД России. 2009. № 7. С. 122–125.

10. *Колдин В. Я.* Анализ информационных полей как метод декодирования криминалистической информации // Вестник криминалистики. 2012. № 4 (44). С. 9–18.

11. *Колдин В. Я.* Учение об информационных полях как методология криминалистического анализа // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2011. № 1. С. 39–52.

12. *Соя-Серко Л. А.* Программирование и творчество в деятельности следователя // Проблемы предварительного следствия в уголовном судопроизводстве. Сборник научных трудов. М., 1980. С. 32–47.

13. *Драпкин Л. Я., Бородина Е. А.* Информационно-поисковая функция криминалистической характеристики преступления // Проблемы развития криминалистики в условиях научно-технического прогресса. Межвузовский сборник научных трудов. Свердловск, 1982. С. 139–142.

14. *Григорьев А. Н.* Информация и информационное взаимодействие в расследовании преступлений: теоретические аспекты. Калининград: Калининградский юридический институт МВД России, 2006. 276 с.

15. *Россинский С. Б.* Доказательства в уголовном процессе: взгляд ученого 10 лет спустя // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2023. Т. 18. № 3. С. 184–207.

16. *Бахтеев Д. В., Цветкова А. Д.* Интерфейс в интеллектуальной системе поддержки принятия решения как фактор принятия решения на примере проекта по верификации подписей // Технологии XXI века в юриспруденции. Материалы Пятой международной научно-практической конференции. Екатеринбург, 19 мая 2023 г. Екатеринбург, 2023. С. 43–50.

17. *Толстолуцкий В. Ю.* Компьютерная программа «ФОРВЕР-СЛЕДОВАТЕЛЬ» повышает эффективность обучения на криминалистическом полигоне // Вестник Нижегородского университета. 2013. № 3–2. С. 211–215.

18. *Толстолуцкий В. Ю., Фесик П. Ю.* Криминалистические значимые признаки, позволяющие определить пол преступника, при раскрытии убийств с помощью программы «ФОРВЕР» // Черные дыры в Российском законодательстве. 2009. № 4. С. 129–132.

19. *Гаврилин Ю. В., Салеева Ю. Е.* Развитие учения о криминалистической регистрации в условиях цифровой трансформации преступности // Труды Академии управления МВД России. 2023. № 2 (66). С. 99–105.

20. *Юматов В. А.* Материальные источники криминалистической информации // Вестник Нижегородского университета. 2015. № 4. С. 180–188.

21. *Бахтеев Д. В.* Переход от вероятностных знаний к достоверным и достаточным в процессе раскрытия и расследования преступлений: вопросы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.12. Екатеринбург, 2015. 199 с.

22. *Драпкин Л. Я.* Ситуационный подход в криминалистической теории и практике расследования преступлений // Российский юридический журнал. 2017. № 2 (113). С. 78–86.

23. *Хорошева А. Е.* О перспективах развития когнитивного подхода и информационных технологий для криминалистической деятельности // Проблемы правовой и технической защиты информации. 2023. № 11. С. 115–119.

References

1. *Belkin R. S.* Kurs kriminalistiki. Uchebnoe posobie dlya studentov vuzov, obuchayushchikhsya po yuridicheskim spetsial'nostyam [Course of criminalistics: A textbook for university students studying law]. Moscow, Yuniti Publ., 2001. 323 p. (In Russian)

2. *Burmistrova N. S.* Osobennosti primeneniya kriminalisticheskogo profailinga v period sbora relevantnoi informatsii v khode rassledovaniya prestupleniya [Features of the use of forensic profiling during the collection of relevant information during the investigation of a crime] // In *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve [Gaps in russian legislation],* 2018, no. 6, pp. 265–272. (In Russian, abstract in English)

3. *Yakimenko G. Yu.* Kriminalisticheskii aspekt informatsii [The criminalistic aspect of information] // In *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki [Humanities, socio-economic and social sciences],* 2018, no. 9, pp. 161–165. (In Russian, abstract in English)

4. *Khanmirzaev I. Sh.* Proverka dostovernosti ugolovno-relevantnoi informatsii na stadiyakh vozbuzhdeniya i predvaritel'nogo rassledovaniya v ugolovnom protsesse [Verification of the reliability of criminally relevant information at the stages of initiation and preliminary investigation in criminal proceedings] // In *Evraziiskii yuridicheskii zhurnal [Eurasian Law Journal],* 2016, no. 4 (95), pp. 255–258. (In Russian, abstract in English)

5. *Shevyrtalov E. P.* Informatsionnoe obespechenie kak obyazatel'noe uslovie povysheniya raskryvaemosti krazh i ugonov transportnykh sredstv [Information support as a prerequisite for increasing the detection rate of theft and theft of vehicles] // In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii [Bulletin of St. Petersburg university of the Ministry of Internal Affairs of Russia],* 2024, no. 3 (103), pp. 266–276. (In Russian, abstract in English)

6. *Bakhteev D. V.* Kontseptual'nye osnovy teorii kriminalisticheskogo myshleniya i ispol'zovaniya sistem iskusstvennogo intellekta v rassledovanii prestuplenii [Conceptual foundations of the theory of criminalistic thinking and the use of artificial intelligence systems in crime investigation]. Dis. ... d-ra yurid. nauk. 12.00.12. Ekaterinburg, 2022. 504 p. (In Russian)

7. *Drapkin L. Ya.* Osnovy teorii sledstvennykh situatsii [Fundamentals of the theory of investigative situations]. Sverdlovsk, Ural'skogo universiteta Publ., 1987. 163 p. (In Russian)

8. *Shuklin A. E.* Osobennosti prinyatiya informatsionnykh i takticheskikh reshenii v slozhnykh sledstvennykh situatsiyakh [Features of information and tactical decision-making in complex investigative situations]. Avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. 12.00.09. Ekaterinburg, 2012. 26 p. (In Russian)

9. *Bogdanov A. V.* Problemy razgranicheniya operativnoi, sledstvennoi i kriminalisticheskoi informatsii [Problems of differentiation of operational, investigative and criminalistic information] // In *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii [Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia],* 2009, no. 7, pp. 122–125. (In Russian)

10. *Koldin V. Ya.* Analiz informatsionnykh polei kak metod dekodirovaniya kriminalisticheskoi informatsii [Analysis of information fields as a method of decoding criminalistic information] // In *Vestnik kriminalistiki [Bulletin of Criminalistics],* 2012, no. 4 (44), pp. 9–18. (In Russian)

11. *Koldin V. Ya.* Uchenie ob informatsionnykh polyakh kak metodologiya kriminalisticheskogo analiza [The doctrine of information fields as a methodology of criminalistic analysis] // In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo [Moscow University bulletin. Series 11. Law],* 2011, no. 1, pp. 39–52. (In Russian)

12. *Soya-Serko L. A.* Programmirovanie i tvorchestvo v deyatel'nosti sledovatelya [Programming and creativity in the investigator's activity] // In *Problemy predvaritel'nogo sledstviya v ugolovnom sudoproizvodstve. Sbornik nauchnykh trudov [Problems of preliminary investigation in criminal proceedings. Collection of scientific papers],* Moscow, 1980, pp. 32–47. (In Russian)

13. *Drapkin L. Ya., Borodina E. A.* Informatsionno-poiskovaya funktsiya kriminalisticheskoi kharakteristiki prestupleniya [Information retrieval function of criminalistic characteristics of crime] // In *Problemy razvitiya kriminalistiki v usloviyakh nauchno-tekhnicheskogo progressa. Mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov [Problems*

of development of forensic science in the conditions of scientific and technical progress. Interuniversity collection of scientific papers], Sverdlovsk, 1982, pp. 139–142. (In Russian)

14. *Grigor'ev A. N.* Informatsiya i informatsionnoe vzaimodeistvie v rassledovanii prestuplenii: teoreticheskie aspekty [Information and information interaction in the investigation of crimes: theoretical aspects]. Kaliningrad, Kaliningradskii yuridicheskii institut MVD Rossii Publ., 2006. 276 p. (In Russian)

15. *Rossinskii S. B.* Dokazatel'stva v ugolovnom protsesse: vzglyad uchenogo 10 let spustya [Evidence in criminal proceedings: a scientist's view 10 years later] // In *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiiskoi akademii nauk [Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences],* 2023, vol. 18, no. 3, pp. 184–207. (In Russian)

16. *Bakhteev D. V., Tsvetkova A. D.* Interfeis v intellektual'noi sisteme podderzhki prinyatiya resheniya kak faktor prinyatiya resheniya na primere proekta po verifikatsii podpisei [Interface in an intelligent decision support system as a decision-making factor using the example of a signature verification project] // In *Tekhnologii XXI veka v yurisprudentsii. Materialy Pyatoi mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Ekaterinburg, 19 maya 2023 g. [Technologies of the XI century in jurisprudence. Proceedings of the Fifth international scientific and practical conference. Yekaterinburg, May 19, 2023],* Ekaterinburg, 2023, pp. 43–50. (In Russian)

17. *Tolstolutskii V. Yu.* Komp'yuternaya programma «FORVER-SLEDOVATEL'» povyshaet effektivnost' obucheniya na kriminalisticheskom poligone [The computer program "FORVER-INVESTIGATOR" increases the effectiveness of training at the forensic training ground] // *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta [Bulletin of the Nizhny Novgorod University],* 2013, no. 3–2, pp. 211–215. (In Russian)

18. *Tolstolutskii V. Yu., Fesik P. Yu.* Kriminalisticheskie znachimye priznaki, pozvolyayushchie opredelit' pol prestupnika, pri raskrytii ubiistv s pomoshch'yu programmy «FORVER» [Criminalistically significant signs that allow determining the sex of a criminal when solving murders using the «FORVER» program] // In *Chernye dyry v Rossiiskom zakonodatel'stve [Black holes in the Russian legislation],* 2009, no. 4, pp. 129–132. (In Russian)

19. *Gavrilin Yu. V., Saleeva Yu. E.* Razvitie ucheniya o kriminalisticheskoi registratsii v usloviyakh tsifrovoi transformatsii prestupnosti [Development of the doctrine of forensic registration in the context of the digital transformation of crime] // In *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii [Proceedings of the management academy of the ministry of interior of Russia],* 2023, no. 2 (66), pp. 99–105. (In Russian, abstract in English)

20. *Yumatov V. A.* Material'nye istochniki kriminalisticheskoi informatsii [Material sources of criminalistic information] // In *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta [Bulletin of the Nizhny Novgorod University],* 2015, no. 4, pp. 180–188. (In Russian)

21. *Bakhteev D. V.* Perekhod ot veroyatnostnykh znanii k dostovernym i dostatochnym v protsesse raskrytiya i rassledovaniya prestuplenii: voprosy teorii i praktiki [The transition from probabilistic knowledge to reliable and sufficient knowledge in the process of solving and investigating crimes: issues of theory and practice]. Dis. ... kand. yurid. nauk. 12.00.12. Ekaterinburg, 2015. 199 p. (In Russian)

22. *Drapkin L. Ya.* Situatsionnyi podkhod v kriminalisticheskoi teorii i praktike rassledovaniya prestuplenii [Situational approach in the criminalistic theory and practice of crime investigation] // In *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal [Russian juridical journal],* 2017, no. 2 (113), pp. 78–86. (In Russian, abstract in English)

23. *Khorosheva A. E.* O perspektivakh razvitiya kognitivnogo podkhoda i informatsionnykh tekhnologii dlya kriminalisticheskoi deyatel'nosti [On the prospects for the development of a cognitive approach and information technology for forensic activities] // In *Problemy pravovoi i tekhnicheskoi zashchity informatsii [Problems of legal and technical protection of information],* 2023, no. 11, pp. 115–119. (In Russian, abstract in English)

КОНФЕРЕНЦИИ

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ПЯТЫХ ДОЛГОВСКИХ ЧТЕНИЯХ

Кибальник Алексей Григорьевич

Цель: *произвести анализ материалов V Долговских чтений, прошедших в марте 2025 г. в Университете прокуратуры Российской Федерации.*

Методология: *анализ научной деятельности, выявление значимого вклада в развитие отечественной юридической науки.*

Выводы. *Научные чтения, посвященные памяти Азалии Ивановны Долговой, стали настоящим явлением в отечественной криминологической и уголовно-правовой доктрине. Каждый раз они привлекают особое внимание со стороны представителей криминологической и уголовно-правовой научной общественности. V Долговские чтения, прошедшие в год 80-летнего юбилея Победы в Великой Отечественной войне, были посвящены исторической памяти об этом Событии и его значимости для современной геополитической ситуации.*

Научная и практическая значимость *статьи заключается в представлении наиболее значимых материалов чтений, посвященных борьбе с преступлениями против мира и безопасности человечества и исторической памяти о Великой Победе.*

Ключевые слова: *Долговские чтения, Университет прокуратуры Российской Федерации, Великая Отечественная война, историческая память, преступления против мира и безопасности человечества.*

Прежде всего, хочу сказать, что ежегодно проводимые в Университете прокуратуры Российской Федерации научные чтения, посвященные памяти Азалии Ивановны Долговой, стали настоящим явлением в отечественной юридической доктрине. Каждый раз они (чтения) привлекают особое внимание представителей криминологической и уголовно-правовой научной общественности как в России, так и за рубежом. Тематика чтений всегда отличается остротой, полемичностью и доктринальной и практической значимостью.

Не стали исключением «юбилейные» Пятые Долговские чтения, прошедшие 21–25 марта текущего года. В преддверии Великой Победы в Великой Отечественной войне их тематика неразрывно связана с исторической памятью об этом Событии и его связью с современной геополитической ситуацией.

Тональность всей конференции была «задана» пленарным докладом белорусского коллеги *И. А. Мороза* об актах геноцида народа Беларуси со стороны Вермахта и немецких генералах, избежавших суда. Основная идея автора заключается в том, что не только в «работе» айнзатцгрупп полиции безопасности и СД, но и в деятельности Вооруженных Сил нацистской Германии имеется «такая позорная страница, как непосредственное участие Вермахта в “окончательном решении еврейского вопроса”». Эта деятельность «была частью политики Германии, и ее армия не могла не участвовать в ней, являясь основным источником власти и военной силы на оккупированной территории» [1].

Далее со всей долей субъективизма позволю себе остановиться на наиболее впечатливших меня материалах как «маститых», так и «начинающих» авторов.

Первая группа материалов посвящена восприятию 80-летнего юбилея Великой Победы как исторического события всемирного значения. В нем содержатся статьи о посягательствах на историческую память и фальсификации исторических фактов, которые расцениваются как угроза не только международной, но и национальной безопасности Российской Федерации.

Обращу внимание на статью профессора *Е. В. Кунц*, посвященную уголовно-правовой за-

DOI 10.31085/2310-8681-2025-3-288-217-221

щите от посягательств на историческую память и фальсификацию исторических фактов. По ее мнению, «остросоциальной является проблема важности достоверной информации в формировании представлений о связи прошлого, настоящего и будущего». В настоящее время имеет место «массовое отрицательное воздействие иностранных структур на отечественную историческую память», а фальсификация исторических фактов становится «когнитивным оружием, нацеленным на вмешательство в процесс принятия политических решений». В итоге уголовно-правовая защита от фальсификации истории определено в качестве «важнейшей задачи государственной политики охраны историко-культурного наследия» [2].

Не может оставить равнодушным статья профессора *С. Ф. Милюкова* об опыте «сравнительного криминологического анализа» специальной военной операции и Великой Отечественной войны. Автор подчеркивает, что после коллапса СССР «науки уголовного права, криминологии, уголовного процесса, оперативно-розыскной деятельности и уголовно-исполнительного права почти начисто оказались демобилизованными». Обосновывая необходимость создания подотрасли «военно-полевой криминологии», он подчеркивает, что «даже начавшиеся 24 февраля 2022 г. широкомасштабные боевые действия не сразу побудили законодателя к реконструкции ответственности за воинские преступления». Лишь спустя несколько месяцев, «когда стало совершенно ясно, что СВО ... превратится в многолетнюю изнурительную войну с объединенным Западом», указанная реконструкция «была проведена поспешно и с многочисленными содержательными и юридико-техническими изъянами» [3].

Лично я не всегда разделяю точку зрения уважаемого Сергея Федоровича Милюкова (в частности, о применении внесудебных мер уголовной репрессии), но отказать ему в настойчивости и последовательности своих взглядов просто невозможно.

Вторая группа материалов содержит статьи о понятии, детерминантах, современном состоянии и предупреждении преступлений и преступности против мира и безопасности человечества.

Интерес представляет статья профессора *Е. В. Безручко* о понимании геноцида как наиболее тяжкого преступления против мира и безопасности человечества. По его словам, «западные политики и мировое сообщество в целом на уровне ООН не признают геноцид советского народа во время Великой Отечественной войны». Автор с сожалением резюмирует: в год празднования 80-й годовщины Великой Победы «фактически продолжается геноцид уже российского и украинского народов идеологами фашизма и неонацизма» [4].

Надо выделить статью профессора *Л. В. Готчиной* о перспективном профилактическом направлении в образовательной среде в целях обеспечения национальной безопасности. По ее словам, «одной из преобладающих мотиваций современной военной преступности явилась национальная ненависть ко всему российскому как следствие посягательств на историческую память и фальсификации исторических фактов» [5].

Несомненная «острота» понимания современной геополитической ситуации присуща статье профессора *В. В. Мельника,* подчеркивающего, что в условиях проведения специальной военной операции разработка темы понимания самой сути гибридной войны «приобретает особую актуальность». Это необходимо «для более глубокого осмысления вынужденного характера СВО, ее гуманных целей, связанных не только с обеспечением национальной безопасности Российской Федерации, но и с защитой русскоязычного мирного населения Донбасса и других освобождаемых территорий от геноцида и других преступлений против мира и безопасности человечества», совершенных киевским политическим режимом». В итоге автор расценивает развязываемые «коллективным Западом» гибридные войны против России и других стран в качестве «преступлений против мира, человечества и человечности» [6].

Среди перспективных направлений научных исследований отмечу статью доцента *М. И. Галюковой*, в которой поднят вопрос о безопасности человечества как объекте биогенетических преступлений. Говоря о возможности создания генетического оружия, автор понимает его как потенциальный предмет незаконного оборота оружия массового поражения (ст. 355 УК РФ), а также в качестве потенциального средства (на мой взгляд, точнее – орудия) совершения актов геноцида (ст. 357 УК РФ) [7].

В третьем разделе собраны материалы об историческом и современном понимании военных преступлений и военной преступности. По понятным причинам они (материалы) так или иначе связаны с правовыми результатами и современным значением Нюрнбергского, Токийского, Хабаровского и других послевоенных трибуналов над нацистскими преступниками.

Здесь особо отмечу статью профессора *Х. Д. Аликперова* о политико-правовых итогах Нюрнбергского процесса и их современном значении. Азербайджанский коллега видит историческую ценность Нюрнбергского трибунала в том,

что «его итоги оказали огромное влияние на ход мировой истории, очертили базовые контуры новой архитектуры послевоенного мироустройства и миропорядка на Земле, заложили основы международного уголовного правосудия и т.д., а сам Трибунал стал символом победы добра над злом». Тем не менее, по его мнению, в Приговоре Нюрнбергского трибунала имелись «некоторые изъяны», на которые было указано, в частности, в особом мнении члена Трибунала от СССР генерал-майора И. Т. Никитченко [8].

Большой интерес представляет статья доцента *Р. В. Закомолдина* об экстремистских проявлениях в армейской среде как угрозе военной и национальной безопасности «в новых условиях» (автор имеет в виду условия, связанные с проведением СВО). Автор выделяет пять видов «армейского» экстремизма: 1)«казарменный экстремизм» на почве межнациональной ненависти и вражды; 2) распространение экстремистской идеологии лицами, поступающими на военную службу; 3) распространение в армии криминальной субкультуры; 4) нарушение требований безопасности военной службе и правил охраны объектов военной инфраструктуры; 5) дискредитация и «фейкинг» Вооруженных Сил РФ [9].

Материалы четвертого блока материалов посвящены проблемам борьбы с геноцидом и реабилитацией нацизма в Российской Федерации и Республике Беларусь.

В этом разделе выделю статью профессора *М. С. Георгадзе* и *Е. Г. Андриянченко* о совершенствовании мероприятий по информационному противодействию международным информационным кампаниям, направленным на фальсификацию истории Великой Отечественной войны и реабилитацию нацизма на территории Союзного государства. Авторы указывают, что в настоящее время фальсификация истории Второй мировой войны и героизация пособников нацистов активно осуществляется такими «фабриками мысли», как польский «Институт национальной памяти, латвийский «Музей оккупации», литовский «Центр геноцида и сопротивления», чешский «Институт по изучению тоталитарных режимов». Целью их деятельности «является формирование у населения этих государств образа СССР как «страны агрессора» и, как следствие этого – негативного отношения к Российской Федерации и ее гражданам». В итоге предложен ряд мероприятий, направленных на нейтрализацию такой деятельности [10].

Несомненный интерес вызывает статья профессора *В. В. Меркурьева* о стратегии реализации уголовной ответственности за геноцид русского народа. Автор обосновывает необходимость создания судебного процесса (по аналогии с Нюрнбергским трибуналом), который бы подвел юридический «итог денацификации Украины и реализации уголовной ответственности лиц, совершивших преступления против мира и безопасности человечества, террористической направленности на территориях, подвергшихся агрессии со стороны украинского режима» [11].

Также отмечу статью белорусского коллеги *О. В. Русецкого* о «ценностно-историческом просвещении» несовершеннолетних, рассматриваемом как мера предупреждения криминального поведения, связанного с геноцидом. Для нашей страны будет полезен опыт Республики Беларусь, где законодательно определен термин «деструктивное информационное воздействие» (ст. 8 Концепции информационной безопасности 18 марта 2019 г.). Более того, деструктивное информационное воздействие, в первую очередь на молодых белорусских граждан страны и государственные институты, выделено в качестве наиболее «актуальных угроз в информационной сфере» (Концепция национальной безопасности Республики Беларусь от 25 апреля 2024 г.) [12].

В пятом разделе собраны материалы о терроризме как «новом фашиствующем варварстве и посягательстве на человечность».

Особую научную «привлекательность» имеет статья профессора *Н. Г. Иванова* про «рефлексии на тему зла в контексте терроризма». Научной общественности хорошо известна характерная для уважаемого Никиты Георгиевича особая глубинная и экспрессивная «подача материала». Неудивительно, что им сделан вывод о «функциональности зла (терроризма), без которого нельзя было познать добро, и которое является индикатором для позитивных решений» [13].

Шестая группа материалов посвящена противодействию современным проявлениям неонацизма и неофашизма. Особую значимость имеют представленные авторами материалы, в которых специальная военная операция рассмотрена в качестве инструмента обеспечения мира и безопасности человечества.

В интересной статье профессора *М. Г. Жилкина* проведены исторические параллели денацификации от Второй Мировой войны к современному конфликту на Украине. Автор акцентирует внимание на обоснованность сравнения украинских ультраправых движений с нацистским режимом, а также на роль пропаганды и исторической памяти в этих процессах. Нельзя не признать, что «некоторые украинские ультраправые группировки рассматривают население Донбасса и пророс-

сийски настроенных граждан как врагов, подлежащих подавлению или изгнанию. В том числе и на территориях, которые принято называть исконно русскими, разрушения инфраструктуры, блокирования поставок продовольствия и другие действия, которые в российском дискурсе сравниваются с тактикой нацистов» [14].

Также выделю статью профессора *Л. Б. Смирнова* о денацификации Украины в контексте криминологии современного неонацизма. Автор подчеркивает, что к 2014 г. «идеология украинского национализма окончательно трансформировалась в нацистскую и стала государственной. Националисты, захватившие власть, с самого начала объявили своими врагами русских, проживающих в Украине, а также пророссийские и левые политические силы. Русские и русскоязычные граждане стали объектами дискриминации и подвергались уничижению». Денацификация как одна из целей специальной военной операции «должна включать выявление и наказание неонацистских преступников, включая политических и военных лидеров Украины» [15].

Интерес представляет статья профессора *Т. В. Кирилловой* о потенциале патриотического воспитания молодежи в предупреждении преступности против мира и безопасности человечества. Автор актуализирует проблему организации патриотического воспитания молодежи в контексте предупреждения преступлений против мира и безопасности человечества, рассматривает правовые основы предупреждения таких преступлений, а также возможные последствия для глобальной стабильности, экономики и социального благополучия. В итоге ей определен «потенциал патриотического воспитания молодежи, направленного на формирование моральных и нравственных ценностей, развитие чувства ответственности и гражданской сознательности» [16].

В заключение не могу не поддержать формулировки Рекомендаций по итогам конференции: «Российская Федерация, последовательно реализуя свою историческую миссию по защите принципов международного мира и безопасности, продолжает противодействие преступным посягательствам, угрожающим ее суверенитету, территориальной целостности и безопасности. На фоне продолжающейся специальной военной операции, направленной на нейтрализацию угроз, порожденных националистическим режимом Украины, проявляются вызовы, требующие искоренения радикальных идеологий, а также пресечения дальнейшего распространения преступлений против мира и безопасности человечества».

Литература

1. *Мороз И. А.* Пленарный доклад. Преступный Вермахт: акты геноцида белорусского народа и немецкие генералы, избежавшие суда // Борьба с посягательствами против мира и безопасности человечества, исторической памяти о Победе в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов (Долговские чтения): сборник материалов V Всероссийской научно-практической конференции / науч. ред. В. В. Меркурьев. М.: Университет прокуратуры Российской Федерации; Российская криминологическая ассоциация им. А. И. Долговой. М., 2025. С. 25–34.

2. *Кунц Е. В.* Уголовно-правовая защита от посягательств на историческую память и фальсификацию исторических фактов // Там же. С. 60–64.

3. *Милюков С. Ф.* Специальная военная операция и Великая Отечественная война: опыт сравнительного криминологического анализа // Там же. С. 89–95.

4. *Безручко Е. В.* Геноцид как преступление против мира и безопасности человечества // Там же. С. 162–165.

5. *Готчина Л. В.* О перспективном профилактическом направлении в образовательной среде в целях обеспечения национальной безопасности // Там же. С. 187–190.

6. *Мельник В. В.* Развязываемые «коллективным западом» гибридные войны против России и других стран, стремящихся к построению справедливого многополярного мира, как преступления против мира, человечества и человечности // Там же. С. 228–241.

7. *Галюкова М. И.* Безопасность человечества как объект биогенетических преступлений // Там же. С. 176–181.

8. *Аликперов Х. Д.* Политико-правовые итоги Нюрнбергского процесса и их современное значение // Там же. С. 312–318.

9. *Закомолдин Р. В.* Экстремистские проявления в армейской среде как угроза военной и национальной безопасности в новых условиях // Там же. С. 405–410.

10. *Георгадзе М. С., Андриянченко Е. Г.* Об актуальности совершенствования мероприятий по информационному противодействию международным информационным кампаниям, направленным

на фальсификацию истории Великой Отечественной войны и реабилитацию нацизма на территории союзного государства // Там же. С. 446–452.

11. *Меркурьев В. В.* Стратегия реализации уголовной ответственности за геноцид русского народа // Там же. С. 467–476.

12. *Русецкий О. В.* Ценностно-историческое просвещение несовершеннолетних как мера предупреждения связанного с геноцидом криминального поведения // Там же. С. 490–502.

13. *Иванов Н. Г.* Рефлексии на тему зла в контексте терроризма // Там же. С. 538–544.

14. *Жилкин М. Г.* Исторические параллели денацификации: от второй мировой войны к современному конфликту на Украине // Там же. С. 656–633.

15. *Смирнов Л. Б.* Денацификация Украины в контексте криминологии неонацизма // Там же. С. 733–738.

16. *Кириллова Т. В.* Потенциал патриотического воспитания молодежи в предупреждении преступности против мира и безопасности человечества// Там же. С. 677–683.

References

1. *Moroz I. A.* Plenary Report. Criminal Wehrmacht: acts of genocide against the Belarusian people and German generals who escaped trial // The fight against attacks against the peace and security of mankind, the historical memory of the Victory in the Great Patriotic War of 1941–1945 (Dolgova's Readings): collection of materials of the V All-Russian scientific and practical conference / scientific. ed. V. V. Merkuryev. Moscow: University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation; Russian Criminological Association named after A. I. Dolgova. Moscow, 2025. Pp. 25–34. (in Russ.).

2. *Kuntz E. V.* Criminal-legal protection against attacks on historical memory and falsification of historical facts // Ibid. Pp. 60–64. (in Russ.).

3. *Milyukov S. F.* Special Military Operation and the Great Patriotic War: An Experiment in Comparative Criminological Analysis // Ibid. Pp. 89–95. (in Russ.).

4. *Bezruchko E. V.* Genocide as a Crime against Peace and Security of Humanity // Ibid. Pp. 162–165. (in Russ.).

5. *Gotchina L. V.* On a Promising Preventive Direction in the Educational Environment to Ensure National Security // Ibid. Pp. 187–190. (in Russ.).

6. *Melnik V. V.* Hybrid Wars Unleashed by the "Collective West" against Russia and Other Countries Striving to Build a Just Multipolar World as Crimes against Peace, Humanity, and Humanity // Ibid. Pp. 228–241. (in Russ.).

7. *Galyukova M. I.* Human Security as an Object of Biogenetic Crimes // Ibid. Pp. 176–181. (in Russ.).

8. *Alikperov Kh. D.* Political and legal results of the Nuremberg trials and their modern significance // Ibid. Pp. 312–318. (in Russ.).

9. *Zakomoldin R. V.* Extremist manifestations in the army environment as a threat to military and national security in the new conditions // Ibid. Pp. 405–410. (in Russ.).

10. *Georgadze M. S., Andriyanchenko E. G.* On the relevance of improving measures to counteract international information campaigns aimed at falsifying the history of the Great Patriotic War and rehabilitating Nazism on the territory of the union state // Ibid. Pp. 446–452. (in Russ.).

11. *Merkuryev V. V.* Strategy for the implementation of criminal liability for the genocide of the Russian people // Ibid. Pp. 467–476. (in Russ.).

12. *Rusetsky O. V.* Value and Historical Education of Minors as a Measure to Prevent Genocide-Related Criminal Behavior // Ibid. Pp. 490–502. (in Russ.).

13. *Ivanov N. G.* Reflections on the Theme of Evil in the Context of Terrorism // Ibid. Pp. 538–544. (in Russ.).

14. *Zhilkin M. G.* Historical Parallels of Denazification: From World War II to the Modern Conflict in Ukraine // Ibid. Pp. 656–633. (in Russ.).

15. *Smirnov L. B.* Denazification of Ukraine in the Context of the Criminology of Neo-Nazism // Ibid. Pp. 733–738. (in Russ.).

16. *Kirillova T. V.* The Potential of Patriotic Education of Young People in Preventing Crime against Peace and Security of Humanity // Ibid. Pp. 677–683. (in Russ.).

РЕЦЕНЗИИ

ТРАНСФОРМАЦИЯ ВОЕННО-УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ТРЕБУЕТ ТРАНСФОРМАЦИИ ПОДГОТОВКИ ЮРИСТОВ ПО УГОЛОВНО-ПРАВОВЫМ НАУКАМ

Закомолдин Руслан Валериевич

Цель: *рецензирование издания «Абдулханнянов И. А., Бражин Ю. Ю., Дубов Е. И. Уголовное законодательство Российской Федерации в условиях проведения специальной военной операции: практикум. – М.: Изд-во Проспект, 2025.– 133 с.», подготовленного членами Союза криминалистов и криминологов на базе Нижегородской академии МВД России и Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского.*

Методология: *включает анализ военно-уголовного законодательства, системный подход к оценке соответствующей терминологии, контент-анализ существующих научных публикаций по уголовно-правовому обеспечению специальной военной операции.*

Выводы. *Специальная военная операция неизбежно затронула уголовно-правовую сферу, став отправной точкой и новой вехой в реформировании уголовного и военно-уголовного законодательства в целях обеспечения адекватного уголовно-правового регулирования и уголовно-правового воздействия в трансформирующихся условиях. В этой связи образовательный процесс по подготовке правоведов должен адекватно отражать объективную действительность и учитывать происходящие процессы в ходе обучения по дисциплинам уголовно-правового цикла.*

Научная и практическая значимость. *Научная значимость заключается в осмыслении происходящих процессов и их нормативно-правового регулирования, понимании тенденций и закономерностей, уяснении государственной (в том числе уголовной) политики. Практическая значимость заключается в обеспечении предупреждения и исключения пробелов и огрех в законотворческой и законодательной деятельности и в правоприменительной практике, совершенствовании подготовки высококвалифицированных юристов, систематизации обучающего материала, получении обучающимися необходимых знаний и овладении соответствующими правоприменительными навыками, в том числе по квалификации преступлений, совершаемых в особых условиях проведения специальной военной операции.*

Ключевые слова: *юридическое образование, уголовно-правовые науки, уголовное право, военно-уголовное законодательство, специальная военная операция.*

Происходящие геополитические события в значительной степени отражаются не только на современном мироустройстве и миропорядке, внешней и внутренней политике российского государства, но и на законотворческом процессе и на процессе подготовки высококвалифицированных юридических кадров, поскольку такие особые режимы и связанные с ними нетипичные явления и процессы во всех сферах жизнедеятельности общества и функционирования государства требуют адекватного и всестороннего нормативно-правового регулирования в целях обеспечения их эффективности в решении намеченных целей и поставленных задач.

Проводимая Россией специальная военная операция[1] выявила массу проблем и пробелов

[1] Обращение Президента РФ В. В. Путина от 24 февраля 2022 г. // http://kremlin.ru/events/president/news/67843 (дата обращения: 02.06.2025).

DOI 10.31085/2310-8681-2025-3-288-222-226

действующего законодательства. При этом многие институты государства и гражданского общества оказались просто не готовы к надлежащему функционированию в условиях особого режима ведения боевых действий.

В таких условиях неизбежно произошла своего рода мобилизация и милитаризация государственного управления всеми сферами жизнедеятельности общества и функционирования самого государства. Сегодня оборона затрагивает практически все сферы: политику, экономику, культуру и пр., а военная безопасность и военная оборона становятся ключевыми элементами национальной безопасности, фактически отождествляясь с ней [1; 5; 15].

Особого внимания в связи с этим требует нормативно-правовое обеспечение специальной военной операции как особого режима и весьма нетипичной ситуации. Времена, когда в период венных действий попирались все нормы, правила и законы, канули в Лету. Сегодня «безопасность государства, его способность адекватно ответить на возникающие военные угрозы в огромной степени определяется наличием эффективной законодательной базы» [14, с. 28]. Качество нормативно-правового регулирования тесно взаимосвязано и взаимообусловлено качеством принимаемых решений и реализуемых мер, направленных на обеспечение военной безопасности и обороноспособности страны, а также боеспособности и боеготовности ее армии [8].

Специальная военная операция затронула и уголовно-правовую сферу. Она стала своего рода отправной точкой и новой вехой в реформировании уголовного и военно-уголовного законодательства в целях обеспечения адекватного уголовно-правового регулирования и уголовно-правового воздействия [6; 11]. Неизбежно произошла мобилизация и милитаризация и уголовного законодательства [10].

Как показывает практика, в таких обстоятельствах не всегда возможно принятие законодателем качественных и эффективных решений: многие решения принимаются поспешно или с неизбежным отставанием, без должной проработки и научного обоснования. Поэтому отдельные предлагаемые и принимаемые акты имеют весьма противоречивый характер, а их содержание не соответствует требованию системности. В целом они являются ситуативными, временными, отнюдь не универсальными и рассчитанными на долгосрочную перспективу. Ярким примером тому стал Федеральный закон от 24 июня 2023 г. № 270-ФЗ «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции» [4].

Происходящие процессы требуют научного осмысления в целях понимания их тенденций и закономерностей, уяснения государственной (в том числе уголовной) политики, предупреждения и исключения пробелов и погрешностей в законотворческой и законодательной деятельности, в правоприменительной практике.

Представляется, что научно-педагогическому сообществу следует проявлять большую активность, что позволит обеспечить надлежащее качество правовых актов, включая их конституциональность, системность, универсальность, соответствие требованиям юридической техники. Таких работ пока немного, но они есть, и, думается, со временем их станет значительно больше [3; 7; 12].

Авторы представленного пособия решили внести свою лепту и систематизировали обучающий материал по уголовно-правовому профилю с учетом проводимой специальной военной операции.

Очевидно, что законодатель идет по пути формирования основ военно-уголовного законодательства в качестве подотрасли российского уголовного законодательства, постепенно преодолевая правовую неопределенность и бессистемность в регулировании соответствующей сферы посредством общих и специальных норм. Более того, сегодня в России формируется законодательство военного времени, до сих пор отсутствовавшее, но необходимость которого возникала периодически и ранее и остро возникла теперь в связи с проведением специальной военной операции.

Помимо прочего предстоит еще разобраться в терминологии, используемой для обозначения такого законодательства, а также в его сущностном содержании. В частности, идет ли речь о законодательстве военного времени или же о законодательстве о военных конфликтах [13].

Очевидно, что сегодня ведется активная работа по совершенствованию военно-уголовного законодательства, по его оформлению в качестве специального, комплексного, межотраслевого института с учетом новых и изменяющихся условий [2].

Таким образом, специальная военная операция способствует выработке и становлению соответствующего законодательства, которое и в дальнейшем будет применяться в подобного рода обстоятельствах.

Несмотря на принятие Пленумом Верховного Суда РФ беспрецедентно подробных разъяснений по данному направлению судебной практи-

ки[1], остается масса проблем и вопросов толкования, оценки и применения соответствующих норм уголовно-правового и связанного с ним иного отраслевого законодательства [9].

Сказанное свидетельствует о том, что образовательный процесс по подготовке правоведов должен адекватно отражать объективную действительность и учитывать происходящие процессы. Поэтому идея авторов представленного пособия заслуживает одобрения и поддержки.

Пособие структурировано в соответствии со структурой УК РФ, что облегчает освоение обучающимися соответствующего материала.

Формально и содержательно подготовленное пособие представляет собой практикум, что также является его преимуществом, поскольку способствует не только получению обучающимися необходимых знаний, но также и овладению ими соответствующими правоприменительными навыками, в том числе по квалификации преступлений, совершаемых в особых условиях проведения специальной военной операции.

В качестве замечания следует отметить, что авторы недостаточно внимания уделили вопросам общей части уголовного законодательства. Так, например, следовало отдельный раздел посвятить не только освобождению от уголовной ответственности и наказания, но и привлечению к уголовной ответственности и назначению наказания в условиях специальной военной операции. В частности, уделить внимание вопросам специального субъекта уголовной ответственности и уголовного наказания, специальных воинских видов уголовного наказания (ст. 48, 51, ч. 3 ст. 54, ст. 55 УК РФ), назначения наказания в период мобилизации или военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий (п. «л» ч. 1 ст. 63 УК РФ).

Вместе с тем полагаем, что это не следует рассматривать в качестве упущения. Действующее уголовное законодательство постоянно изменяется и дополняется в новых трансформирующихся условиях, поэтому данное пособие в дальнейшем потребует постоянной актуализации и переиздания в целях использования в преподавании учебных курсов и дисциплин уголовно-правовой направленности.

Литература

1. *Боброва О. Г.* Современные международно-правовые аспекты обеспечения военной безопасности Российской Федерации // Вестник военного права. 2023. № 2. С. 7–14.

2. *Винокуров А. Ю.* О необходимости дальнейшего совершенствования военно-уголовного законодательства Российской Федерации в условиях проведения специальной военной операции // Вестник военного права. 2023. № 1. С. 12–16.

3. Война и уголовный закон / В. И. Боев, М. А. Кочебей, А. П. Новиков. М.: Норма, 2009. 208 с.

4. *Дуюнов В. К., Закомолдин Р. В.* Почему «приказал долго жить» Федеральный закон от 24.06.2023 № 270-ФЗ [Why did Federal Law No. 270-FZ of 24 June 2023 expire?] // Вестник военного права. 2024. № 3. С. 51–57.

5. *Зарудницкий В. Б.* Тенденции изменения системы обеспечения военной безопасности государства в условиях новой геополитической карты мира // Военная мысль. 2024. № 2. С. 11–12.

6. *Кириченко Н. С., Александрова Н. Г.* Обзор некоторых изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации, обусловленных проведением специальной военной операции // Военное право. 2022. № 6 (76). С. 183–187.

7. Конституционализация военного права в современной России: вопросы теории и практики: монография / под общ. ред. С. В. Тарадонова, Д. И. Самодурова; Военный ун-т им. князя Александра Невского. М., 2024. 370 с.

8. *Корякин В. М.* Правовое обеспечение специальной военной операции и его место в общей системе всестороннего обеспечения боевых действий // Военное право. 2024. № 4 (86). С. 68–79.

9. *Корякин В. М.* Уголовно-правовое обеспечение специальной военной операции с позиции военно-правовой науки // Военное право. 2025. № 1(89). С. 171–180.

10. Милитаризация и мобилизация Уголовного кодекса Российской Федерации (2022–2024 гг.): монография / Агапов П. В., Данилов П. С., Дулькина Л. В., Дуюнов В. К., Закомолдин Р. В., Меркурьев В. В., Робак В. А., Сенокосова Е. К.; под общ. ред. Р. В. Закомолдина. Самара, 2024. 260 с.

[1] См.: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 мая 2023 г. № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы» // Российская газета. 2023. 2 июня.

11. *Мозговой О. А.* Уголовно-правовая охрана и регулирование отношений, обеспечивающих проведение специальной военной операции: опыт, проблемы и направления совершенствования // Военное право. 2022. № 6 (76). С. 188–193.

12. Специальная военная операция и уголовное право России: учеб.-библиогр. пособ. / И. А. Абдулханнянов и др. Казань, 2024. 144 с.

13. *Тарадонов С. В.* Законодательство военного времени или законодательство о военных конфликтах: соотношение понятий, проблемы терминологии // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2024. № 9 (326). С. 118–124.

14. *Тарадонов С. В.* Законодательство военного времени как комплексное нормативное правовое образование // Военное право. 2022. № 5 (75). С. 23–34.

15. *Шнякина Т. С., Сливков А. С.* Оборона страны как важнейшее направление обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития Российской Федерации // Военное право. 2022. № 1 (71). С. 42–50.

References

1. *Bobrova O. G.* Sovremenny'e mezhdunarodno-pravovy'e aspekty' obespecheniya voennoj bezopasnosti Rossijskoj Federacii [Modern International Legal Aspects of Ensuring the Military Security of the Russian Federation] // Vestnik voennogo prava. 2023. № 2. S. 7–14. (In Russian, abstract in English)

2. *Vinokurov A. Yu.* O neobxodimosti dal'nejshego sovershenstvovaniya voenno-ugolovnogo zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii v usloviyax provedeniya special'noj voennoj operacii [On the need to further improve the military criminal legislation of the Russian Federation in the context of a special military operation] // Vestnik voennogo prava. 2023. № 1. S. 12–16. (In Russian, abstract in English)

3. Vojna i ugolovny'j zakon [War and criminal law] / V. I. Boev, M. A. Kochebej, A. P. Novikov. M.: Norma, 2009. 208 s. (In Russian, abstract in English)

4. *Duyunov V. K., Zakomoldin R. V.* Pochemu «prikazal dolgo zhit'» Federalnyj zakon ot 24.06.2023 № 270-FZ [Why did Federal Law No. 270-FZ of 24 June 2023 expire?] // Vestnik voennogo prava. 2024. № 3. S. 51–57. (In Russian, abstract in English)

5. *Zarudniczkij V. B.* Tendencii izmeneniya sistemy` obespecheniya voennoj bezopasnosti gosudarstva v usloviyax novoj geopoliticheskoj karty' mira [rends in the Changing Military Security System in the New Geopolitical Map of the World] // Voennaya my'sl'. 2024. № 2. S. 11–12. (In Russian, abstract in English)

6. *Kirichenko N. S., Aleksandrova N. G.* Obzor nekotory'x izmenenij v Ugolovny'j kodeks Rossijskoj Federacii, obuslovlenny'x provedeniem special'noj voennoj operacii [verview of some changes to the Criminal Code of the Russian Federation due to the special military operation] // Voennoe pravo. 2022. № 6 (76). S. 183–187. (In Russian, abstract in English)

7. Konstitucionalizaciya voennogo prava v sovremennoj Rossii: voprosy' teorii i praktiki [The Constitutionalization of Military Law in Modern Russia: Theoretical and Practical Issues]: monografiya / pod obshh. red. S. V. Taradonova, D. I. Samodurova; Voenny'j un-t im. knyaza Aleksandra Nevskogo. M., 2024. 370 s. (In Russian, abstract in English)

8. *Koryakin V. M.* Pravovoe obespechenie special'noj voennoj operacii i ego mesto v obshhej sisteme vsestoronnego obespecheniya boevy'x dejstvij [Legal support for a special military operation and its place in the overall system of comprehensive support for combat operations] // Voennoe pravo. 2024. № 4 (86). S. 68–79. (In Russian, abstract in English)

9. *Koryakin V. M.* Ugolovno-pravovoe obespechenie special'noj voennoj operacii s pozicii voenno-pravovoj nauki [Criminal Law Support for a Special Military Operation from the Perspective of Military Law] // Voennoe pravo. 2025. № 1(89). S. 171–180. (In Russian, abstract in English)

10. Militarizaciya i mobilizaciya Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii (2022–2024 gg.) [Militarization and mobilization of the Criminal Code of the Russian Federation (2022–2024)]: monografiya / Agapov P. V., Danilov P. S., Dul'kina L. V., Duyunov V. K., Zakomoldin R. V., Merkur'ev V. V., Robak V. A., Senokosova E. K.; pod obshh. red. R. V. Zakomoldina. Samara, 2024. 260 s. (In Russian, abstract in English)

11. *Mozgovoj O. A.* Ugolovno-pravovaya oxrana i regulirovanie otnoshenij, obespechivayushhix provedenie special'noj voennoj operacii: opy't, problemy' i napravleniya sovershenstvovaniya [Criminal Law Protection

and Regulation of Relations Ensuring the Conduct of a Special Military Operation: Experience, Problems, and Directions for Improvement] // Voennoe pravo. 2022. № 6 (76). S. 188–193.

12. Special'naya voennaya operaciya i ugolovnoe pravo Rossii [Special Military Operation and Russian criminal law]: ucheb. – bibliogr. posob. / I. A. Abdulxannyanov i dr. Kazan', 2024. 144 s. (In Russian, abstract in English)

13. *Taradonov S. V.* Zakonodatel'stvo voennogo vremeni ili zakonodatel'stvo o voenny'x konfliktax: sootnoshenie ponyatij, problemy' terminologii [Wartime legislation or legislation on military conflicts: the relationship between concepts and terminology issues] // Pravo v Vooruzhenny`x Silax – Voenno-pravovoe obozrenie. 2024. № 9 (326). S. 118–124. (In Russian, abstract in English)

14. *Taradonov S. V.* Zakonodatel'stvo voennogo vremeni kak kompleksnoe normativnoe pravovoe obrazovanie [Wartime Legislation as a Comprehensive Normative Legal Entity] // Voennoe pravo. 2022. № 5 (75). S. 23–34. (In Russian, abstract in English)

15. *Shnyakina T. S., Slivkov A. S.* Oborona strany' kak vazhnejshee napravlenie obespecheniya nacional'noj bezopasnosti i ustojchivogo razvitiya Rossijskoj Federacii [National Defense as a Key Component of National Security and Sustainable Development in the Russian Federation] // Voennoe pravo. 2022. № 1 (71). S. 42–50. (In Russian, abstract in English)

ПИСАТЕЛЬ-ПУБЛИЦИСТ КРИМИНАЛИСТ-КРИМИНОЛОГ

ЗАКОННОСТЬ ОТ «ВОЛЮНТАРИСТА» И «ЗВЕЗДЫ ЧЕРНОГО РЫНКА»

Звягинцев Александр Григорьевич

Цель: *рассмотреть персоналии валютных спекулянтов, деятельность которых заставила руководство СССР ужесточить уголовное законодательство; дать оценку соответствующим историческим событиям.*

Методология: *историко-правовой, дедукция, индукция, анализ.*

Выводы. *Автор очерка повествует о событиях времен СССР, когда на всю страну прогремело «дело валютчиков», или «дело Рокотова–Файбишенко–Яковлева».*

Научная и практическая значимость. *В работе представлены размышления автора об исторических событиях и деятельности советских органов государственной власти, которая позволила остановить аферы «звезд черного рынка».*

Ключевые слова: *СССР, Н. С. Хрущев, уголовное законодательство, валютные спекуляции, черный рынок.*

В ноябре 1960 г. Первый секретарь ЦК КПСС Никита Хрущев прибыл с визитом в Западный Берлин. Тогда было две Германии – восточная ГДР и западная ФРГ, а Берлин был как бы прифронтовым городом между ними. В городе, разделенном на две части, естественно, процветали нелегальная торговля и черный рынок. Неугомонный и шумный Хрущев не преминул открыть немецким политикам на это глаза, сразу полез с советами и замечаниями, как это он всегда и всюду делал. Дескать, спекулируют у вас прямо средь бела дня. В клоаку превратили Западный Берлин!

Немецкие товарищи, не выдержав этого бурного потока упреков, ответили: *«А разве в Москве нет черного рынка? Есть, да еще какой!»*

Хрущев от неожиданности даже растерялся, а потом взбеленился: *«Какой черный рынок в Москве? Да о чем вы говорите?!»* Ему вежливо сообщили: *«У вас потрясающий черный рынок. Такого черного рынка мы нигде не видели. Поинтересуйтесь...»*

Для взбалмошного Хрущева это прозвучало как личное оскорбление. Это что же выходит – он не знает, что происходит у него в стране? В столице страны, которая строит коммунизм, обещанный уже через двадцать лет!

Хрущева душило раздражение, он приказал срочно разобраться с этим вопросом и безотлагательно доложить ему лично. Он всем покажет, как позорить великую идею коммунизма!

И 19 мая 1961 г. центральные газеты Советского Союза поместили на первых полосах сообщение: *«Комитетом Государственной Безопасности арестованы и привлечены к уголовной ответственности за нарушение правил о валютных операциях и спекуляцию в крупных размерах Рокотов Ян Тимофеевич, Файбишенко Владислав Петрович и другие...»*

Когда все газеты вдруг хором написали о какой-то банде фарцовщиков, это произвело совершенно ошеломляющее впечатление на советских граждан.

Особенно поражали воображение граждан приведенные факты: *«При обыске у них изъято золотых монет общим весом 12 килограммов, большое количество иностранной валюты, советских денег и других ценностей... Как установлено следствием,*

DOI 10.31085/2310-8681-2025-3-288-227-234

преступники скупили и перепродали иностранной валюты и золотых монет в общей сложности более чем на 20 миллионов рублей».

Журналист, в те годы корреспондент «Московской правды», Борис Пиляцкин вспоминает: *«Это было как взрыв водородной бомбы. Советский человек мог родиться, пойти в школу, получить высшее образование и даже умереть, никогда не увидев ни одной иностранной купюры, а тем более доллара. За пять тысяч рублей можно было купить роскошную "Волгу", лучшую советскую машину... А тут – миллионы! Десятки миллионов! Как? Откуда?»*

Перенесемся в Москву конца пятидесятых годов. Плешка – так называли знающие люди отрезок улицы Горького от Пушкинской площади до гостиницы «Националь». Здесь, в самом центре столицы, в основном и обитали иностранные гости. Здесь, рядом с Кремлем, проворачивали свои дела и делали деньги валютчики и фарцовщики. Были и другие места, но это было *«центровое»*.

Каждый день, в любую погоду валютчики, в основном молодые люди без комплексов, выходили на Плешку – охотиться на интуристов, вернее, на их валюту. Иностранцев их опытные глаза вылавливали из толпы сразу. Тут же предлагали интуристам сразу несколько услуг. Первая – обменять доллары не по курсу. В конце пятидесятых доллар официально стоил 4 рубля, а после реформы 1961 г. доллар стал стоить и того меньше – 90 копеек. Это для советских граждан. Для иностранцев существовал льготный курс: десять рублей за доллар. Валютчики же давали за него туристам двадцать, а то и тридцать рублей.

По советским законам они тем самым присваивали деньги, которые должны были попасть в государственный бюджет. Это каралось законом о нарушении правил валютных операций – ст. 88 Уголовного кодекса РСФСР. Причем запрещены были не только манипуляции с валютой. Просто иметь ее на руках уже было криминалом.

Так что дело валютное было весьма опасным. Но и весьма выгодным. Да, валютчики покупали доллары по завышенной цене. Однако потом-то эти доллары продавались по другой цене, куда более высокой, людям, которые могли выезжать за границу.

Советский человек, выезжавший за рубеж, мог с собой взять, не задекларировав, всего 30 долларов США. Поэтому за границей экономили как могли. Брали с собой копченую колбасу и консервы, и многие питались там только ими. Лишь бы сэкономить и что-нибудь на доллары купить и привезти своим родным и друзьям. В основном у фарцовщиков приобретали валюту артисты, спортсмены и специалисты, которые выезжали за границу работать, например строить Асуанскую плотину в Египте. А приобрести валюту можно было только у валютчиков, больше ее в стране нигде не продавали и не меняли.

Иностранцы продавали валюту охотно – в Москве за все можно было платить только рублями. Владимир Долинский, заслуженный артист России, рассказывал: *«Бывали забавные случаи... Я как-то просто проходил мимо ресторана "Минск". У входа стоит человек и втолковывает швейцару: "Я кочу кушат!.. У мне ест денги!" А швейцар от него отмахивается: "Ты себе куда-нибудь засунь эти деньги! Рубли есть? Нет? Надо рубли иметь! Рубли!" Я к интуристу подошел и, конечно, помог человеку. Дал ему за 100 долларов рублей 200, чтобы он мог покушать. А продал эти баксы потом за 500...»*

Вот таков был примерно механизм этого бизнеса. К временам хрущевской атаки на него он превратился в разветвленную систему со своими понятиями, правилами и иерархией. И со связями в самых разных кругах советского общества.

На Плешке, в гостиницах и универмагах к иностранцам подходили *«бегунки»*, или, по-другому, *«рысаки»*. Они представляли первую ступеньку жестко выстроенной иерархической лестницы. Это низшее сословие, которое скупало у иностранцев валюту. Над ними стояли *«шефы»*, которым *«рысаки»* эту валюту сдавали. И, наконец, *«купцы»* – глубоко законспирированные деятели, организовавшие и крутившие процесс. *«Купцы»* в контакт с иностранцами старались вообще не вступать, чтобы не светиться. Лишь в исключительных случаях. Их знали лишь немногие, да и то по кличкам. Среди московских *«купцов»* выделялись трое – Ян Косой, Дим Димыч, он же Антиквар, и Владик.

Косой – это и был 33-летний Ян Рокотов. Именно благодаря ему процесс над валютчиками стал известен на весь мир как «Дело Рокотова». Хотя родного его отца звали Александр Орликов. Его жена умерла, когда Яну было всего три месяца. Поэтому его воспитывали тетки. Мужем одной из них был Тимофей Рокотов, главный редактор журнала «Интернациональная литература». Он и усыновил маленького Яна.

Прозвище Косой Ян получил в школе. Соседка по парте случайно ткнула ему в глаз карандашом. Он не ослеп, но немножко косил.

Образование Ян имел то ли среднее, то ли семилетнее, хотя в зрелые годы всех уверял, что учился на юридическом факультете МГУ. Именно ему удалось создать целую сеть теневого валютного промысла и стать во главе ее. Он был в этом

смысле, можно сказать, новатором, Фордом фарцового бизнеса.

Вторая крупная фигура этого мира – тридцатилетний Дмитрий Яковлев, Дим Димыч. Уроженец Прибалтики, там он и проворачивал основную часть сделок. В свое время окончил МГУ, владел тремя иностранными языками. Деньги вкладывал в золото и предметы искусства. Он был совершенно помешан на антиквариате, поэтому и получил кличку Антиквар.

Самым молодым в высшей касте валютчиков и фарцовщиков являлся 24-летний Владислав Файбишенко – Владик. Карьеру на черном рынке он начал в 1957-м, во время проводившегося в Москве Всемирного фестиваля молодежи и студентов, когда советские люди впервые получили возможность свободно общаться с иностранцами, увидели, как они одеваются и развлекаются, какую музыку слушают. Фирменные джинсы, батники, клубные пиджаки, диски и так далее, и так далее. Все это стало остромодным желанным и одновременно дефицитом, который люди искали и за который готовы были платить большие деньги. Сразу появились люди, способные эту *«фирму»* доставать. Владик был тем самым человеком, который оказался у руля организации и регулировал потоки.

Режиссер Георгий Гаврилов, родственник Файбишенко, помнит о Владике немного: *«Все, что я знаю об этом человеке, я знаю от моей мамы – они дружили с Владиком. Красивый, общительный, очень веселый, он жил совершенно не по-советски. Нигде не работал, просыпался в 12 часов, пил кофе, вызывал такси и объезжал своих ребят. Потом рестораны... Для мамы это все было похоже на жизнь человека с Луны или с Марса.*

Однажды она ждала Владика около его дома по какому-то делу. Ждала долго, он все не являлся. Тогда она написала ему записочку и сунула ее в почтовый ящик. Дверца ящика была хлипкая, и из него буквально вывалился сверток из газеты. Мама поднимает его и видит под развернувшейся газетой... деньги. Пачки денег! Она, советский человек, столько денег в своей жизни не видела никогда и просто страшно перепугалась. Тут же завернула деньги обратно, затолкала в почтовый ящик и убежала оттуда в полном ужасе».

Доходы Владика со временем стали весьма серьезными, но ему трудно было сравниться с Рокотовым, который на тот момент уже являлся дельцом международного масштаба. Он познакомился с представителем Совета директоров немецкого частного банка «Отто и компаньоны». Познакомились они в ресторане гостиницы «Националь». Рокотов в то время целенаправленно искал партнера для совместного бизнеса по схеме, которую давно вынашивал и тщательно продумал.

Внеся на родине в немецкий банк марки, приезжавшие в СССР иностранцы получали от Рокотова советские деньги по выгодному курсу. И, наоборот, выезжавшие за границу советские люди сдавали Рокотову рубли и получали за границей в банке соответствующую сумму в валюте по курсу, который он устанавливал с партнером. Элементарно, но весьма эффективно. Через полгода в обороте у Рокотова крутились уже сотни тысяч рублей. Для Владика Файбишенко, представлявшего примерный размер этого оборота, Рокотов был кумиром, примером для подражания.

Это и впрямь был лидер мира валютчиков, безусловный авторитет и организатор. Рокотова очень многому научили на зоне. К моменту знакомства с Файбишенко за плечами у него было восемь лет лагерей. Посадили, когда ему только исполнилось семнадцать лет. По печально известной 58-й статье «Антисоветская агитация». В чем именно обвиняли Рокотова, неизвестно до сих пор. Может, просто анекдот рассказал, а его сдали.

На лесоповале Рокотов, хилый и щуплый, в первые дни не выполнял норму – физически не мог. Бригада из-за него недополучала пайку, за это могли избить. Он поначалу жил там в вечном страхе. Лагерь, конечно же, отразился на его психике. Но потихоньку он приспособился, говорили, что на зоне он нашел влиятельных покровителей и уже не ворочал бревна. На волю он, во всяком случае, вышел в новеньком костюме.

Судя по всему, в лагере он установил контакты со старыми валютчиками, которые еще в двадцатые годы при НЭПе подвизались на этой ниве. Сообразительный и внимательный Рокотов многое потом у них перенял.

«Бегунки», *«рысаки»*, *«шефы»*, которым они валюту привозят, и, наконец, *«купцы»*, торгующие валютой, – вся эта структура была придумана еще во времена НЭПа. Так что Рокотов в общем ничего сам не выдумывал, но он сумел поставить дело и развернуть на широкую ногу.

Особенно часто на Плешке просили продать джинсы, а потом продавали их в три-четыре раза дороже. Кроме валюты и джинсов скупали золотые монеты. Основной канал по их доставке был проложен через арабских офицеров, учившихся в московских военных академиях. Два раза в год им предоставлялся отпуск. Курсанты по дешевке покупали в Швейцарии большие партии царских червонцев и английских отчеканенных фунтов стерлингов и нелегально доставляли их в Союз.

Вот с арабскими офицерами Рокотов контактировал лично – прибыль стоила того.

Валютчики-фарцовщики на Плешке чувствовали себя весьма вольготно. Почему-то их никогда не ловили. Хотя, казалось бы, места известные, бежать особенно некуда – улица не такая длинная. Ну, казалось бы, бери и хватай. Но... Не хватали до поры до времени, и тому были свои причины.

Черный валютный рынок в Москве долгие годы находился под присмотром в первую очередь МВД и ОБХСС. У руководства ОБХСС, разумеется, была информация на всех валютных *«воротил»*: и на Яковлева, и на Рокотова, и на Файбишенко. Мало того, некоторые сотрудники были знакомы с ними лично, вместе проводили время, бывали в ресторанах... Ну и, разумеется, в случае нужды помогали друг другу.

Утверждали, что Рокотов *«подкармливал»* двух начальников, которые курировали непосредственно *«Плешку»*: ежемесячно выплачивал сумму в размере их должностного оклада. Файбышенко с Рокотовым устраивали им выезд в Юрмалу – отдохнуть и встряхнуться от забот.

«Взаимопониманию» пришел конец в январе 1960-го, когда на высшем уровне было принято решение о реорганизации структуры для борьбы с незаконными валютными операциями. Из ведения МВД подобные дела были переданы в Комитет государственной безопасности. Наступили новые времена.

Валюту и золото Рокотов никогда не держал при себе. Часть денег постоянно *«крутилась»* в деле. Другую часть капитала он хранил на съемных квартирах. Одна из них находилась в знаменитом доме на улице Горького, где жили балерина Плисецкая, пианист Гилельс, художник Дейнека, Лемешев, Козловский... В этом-то доме Рокотов снял квартиру и устроил в ней хранилище своих капиталов. Денег было так много, что он просто пачками складывал их в туалете: самое безопасное место в случае пожара. Кроме того, Рокотов прятал купюры в книгах – закладывал сторублевками любимые страницы.

Видимо, из «Золотого теленка» Рокотов почерпнул еще один способ хранить сокровища – в чемодане. У него тоже был чемодан с деньгами и хитроумными иностранными замками. Он сей чемодан то друзьям отдавал, то родственникам, а то просто сдавал в камеру хранения и еженедельно перемещал его с одного вокзала на другой.

Дим Димыч Яковлев тоже был предельно скрытным и аккуратным. Понимая, что его телефон могут прослушивать, он нанял некую пожилую женщину Раису, инвалида второй группы. От нее требовалось одно – отвечать на звонки. Сидя у себя дома, она собирала для Яковлева информацию от посредников.

Ни о чем не догадываясь, каждое утро она сообщала Яковлеву расписание его встреч на день. Когда сотрудники КГБ вышли на Раису, обработать ее не стоило никакого труда. Она-то помогла установить значительный круг сообщников Яковлева.

К концу осени 1960 г. у КГБ уже было полное представление об основных участниках столичного теневого валютного бизнеса. Однако ввиду того что они имели обширные связи в дипломатических и номенклатурных кругах, был приказ брать их только с поличным, то есть наверняка.

Первым взяли Владика Файбишенко. Арестовали во время сделки. При нем оказались 148 золотых английских фунтов и большая сумма в рублях. В ходе обыска у него было изъято иностранной валюты на сумму около пятисот тысяч рублей по спекулятивным ценам. Файбишенко, кроме того, занимался скупкой и перепродажей любых вещей иностранного производства – джинсы, пластинки, жвачка, на все был устойчивый спрос.

Зачем, спрашивается, нужны такие деньги в СССР в то время? Ну, у Файбишенко были модные *«прикиды»*, рестораны, такси, поездки на юг и прочая *«красивая жизнь»*... Это все. Больше их тратить было не на что. Он не мог даже квартиру купить, потому что квартиры не продавались. Когда система завертелась, деньги уже просто сами шли ему в руки. Неужели отказываться?

Яковлев практически всю прибыль тратил на антиквариат, но ведь и антиквариат весь не скупишь.

А вот о целях Рокотова можно только догадываться. Он никогда об этом не говорил. Возможно, как Остап Бендер, собирался реализовать накопленные средства и уйти с ними за границу с помощью заграничных партнеров по бизнесу. Возможно, но не успел.

Вторым за решетку попал Дим Димыч. Его перевербованная связная Раиса сообщила, что Яковлеву пришла посылка. В посылке нашли десяток дамских золотых часов, запрятанных в пару резиновых сапог. Яковлев сразу же во всем сознался и подробно рассказал о каналах контрабанды.

В это же время была раскрыта группа посредников – московских, тбилисских и бакинских валютчиков.

Однако Рокотов все еще оставался на свободе.

С одной стороны, у него был нюх на опасность. Чувствуя, что за ним следят, он решил проверить, подслушивают ли его телефоны. Разговаривая с приятелем, он сказал, что хочет передать

ему очень ценные вещи в чемоданчике. Рокотов встретился со своим знакомым ночью. Передал чемоданчик. Вскоре под каким-то предлогом приятель был задержан. В чемодане лежали... мочалка и кусок банного мыла. А с другой стороны, ему могли помогать старые клиенты из органов.

Но в первых числах декабря 1960 г. разработка дела валютчиков резко начала набирать обороты. Вернувшись из Западного Берлина, где он претерпел публичное унижение, Хрущев дал команду полностью разделаться со спекулянтами, причем в кратчайшие сроки и максимально сурово.

Никита Сергеевич вел страну в светлое будущее – в коммунизм. Хрущев готовился к XXII съезду КПСС, где должны были принять новую программу партии – программу строительства коммунизма. В программе было записано, что главное – это создание нового человека. А тут валютчик Рокотов, фарцовщик Файбишенко...

Органы госбезопасности прибегли к почти открытой слежке за Рокотовым. Прежняя бригада наружки, работавшая по нему, была полностью обновлена, теперь Рокотова *«пасли»* молодые женщины, на которых он был падок. Позже он признается, что это и стало причиной его провала. Из-за женщин он потерял бдительность.

Восьмого декабря 1960 г. Рокотов был задержан на Ленинградском вокзале, где в камере хранения лежал его чемодан с деньгами. О том, когда именно Рокотов придет за чемоданом, оперативникам сообщила именно его близкая знакомая, по совместительству агент спецслужб. Эта женщина была настолько искусной актрисой, что он до последнего не видел в ней человека, который работает по нему на КГБ.

Рокотова взяли в камере хранения: он получал свой саквояж с хитроумными американскими замками. Когда ему заломили руки стоящие за ним *«люди из очереди»*, Рокотов закричал, что чемодан не его. Но было уже поздно.

При обыске у Рокотова изъято 1049 золотых монет, 16 402 американских доллара, английские фунты стерлингов. На фотографии имущества, изъятого у Рокотова, видно большое количество валюты, монет царской чеканки, золотых часов.

По дороге с вокзала машина, в которой сидел задержанный Рокотов, сделала крюк – его провезли мимо Петровки, 38. То есть ему наглядно продемонстрировали, что он может не надеяться на своего клиента, коим являлся начальник валютного отдела. И только потом привезли на Лубянку.

И там он поплыл и раскололся сразу. Он действительно рассчитывал на людей из ОБХСС, с которыми был много лет связан...

Дело в том, что Рокотов и Яковлев были профессиональными осведомителями. Одной рукой они фарцевали, а второй стучали на своих мелких подчиненных, сдавали их милиции. Возможно, в другой ситуации покровители смогли бы припомнить их заслуги в качестве тайных агентов, однако теперь рассчитывать на это не приходилось: в дело валютчиков-фарцовщиков вмешалась большая политика в лице самого Первого секретаря ЦК.

Зал Мосгорсуда, где судили Рокотова и Файбишенко, был набит битком. Как рассказывал журналист Борис Пиляцкин, никакого особого *«гнева народа»*, как писали газеты, в публике не наблюдалось. Больше было удивления – какие деньги люди делали! Вскоре Рокотов и Файбишенко предстали перед Мосгорсудом.

Как вспоминал Пиляцкин, Рокотов выглядел совершенно спокойным, волнения никак не проявлял. Файбишенко тоже вроде бы не нервничал. От трех до восьми – это не так страшно. Какие его годы...

Заседания вел Леонид Громов, председатель Мосгорсуда. Это показывало значимость процесса. Суд назначил Рокотову и Файбишенко максимальное наказание – по 8 лет лишения свободы. Руководство КГБ не просто доложило об успешном завершении операции по валютчикам, но и организовало для руководителей партии и правительства выставку изъятых у валютчиков ценностей. 31 декабря на выставку прибыл Хрущев и другие члены ЦК. Увиденное сильно впечатлило Первого секретаря. И он поинтересовался у Председателя КГБ Шелепина, какое преступники получат наказание. Услышав ответ, он взорвался. Хрущева понесло, он уже не мог сдерживать себя: *«От трех до восьми лет? Как? Всего? Как это может быть?!. Они опозорили нашу страну, наш народ перед всем миром! Партия этого не потерпит!»*

Тогда и произошла чудовищная вещь, которой никогда не было ни до, ни после того. Такого не было даже во времена Сталина, в период разгула *«ежовщины»*. Да, тогда могли ни за что посадить, казнить, но только на основе уже действующего закона, того в чем обвиняли конкретного нарушителя именно в тот момент. Даже тогда не было случаев, чтобы кому-то припаяли статью, которую придумали уже после того, как этого человека арестовали.

Двадцать пятого марта 1961 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР срок наказания за незаконные валютные операции был увеличен до 15 лет. Поскольку его приняли уже после аре-

ста Рокотова, Яковлева и Файбишенко, эту меру к ним применить было нельзя: закон, как известно, обратной силы не имеет. Такова общепринятая юридическая практика во всем мире. Принцип гуманности юстиции в мире во все времена строился на том, что закон, усиливающий уголовную ответственность, не применяется к тем деяниям, которые были совершены до его принятия.

Но летом Рокотов и Файбишенко вновь предстали перед судом. В уголовном деле, кроме них, было девять подсудимых помельче. Дело Яковлева было вынесено в отдельное производство. Судя по всему, вывел его из общего дела Комитет госбезопасности. Его могли склонить к сотрудничеству. Учитывая знания и обширные связи Яковлева, в том числе с иностранцами, руководство КГБ намеревалось заполучить в его лице ценного агента, который к тому же до этого был информатором ОБХСС. Пятнадцатого июня Московский городской суд приговорил Рокотова и Файбишенко к максимальному сроку – 15 годам лишения свободы. К ним применили положения недавнего Указа об усилении наказания за валютные преступления.

Кто сказал, что закон обратной силы не имеет?! Если партия в лице Первого секретаря сказала «Надо!», советская юстиция возразить не посмела. Рокотов и Файбишенко были совершенно подавлены неожиданными и огромными сроками.

Но Хрущев не унимался. 17 июня, то есть буквально через день, на Президиуме ЦК он неожиданно гневно сказал: *«Я вчера читал в газете рубрику “Из зала суда” о суде над валютчиками... И что же выходит? Что им дали всего-навсего по 15 лет? Это как? Что наши люди скажут? Почему не расстреляли?»*.

Сразу стало ясно, зачем на заседание были специально вызваны Генеральный прокурор СССР Роман Руденко и Председатель Верховного суда Александр Горкин. Руденко по возможности спокойно объяснил: *«Расстреливать, Никита Сергеевич, мы не можем, потому что у нас закон этого не предполагает»*. Но Хрущев только распалялся еще больше: *«Человек, этот самый Рокотов, совсем разложился. Таким одно место – в гробу... У крестьян есть поговорка: “Худая трава с поля вон”. Так что законодательство надо пересмотреть»*. Звучало это как беспрекословное указание, которое нужно выполнять.

Руденко попытался объяснить: *«Если закон не установил смертной казни, мы не можем ее применять. За историю Советской власти никогда не было таких случаев»*.

Ответ Хрущева точно зафиксирован в стенограмме:

«Да пошли вы к чертовой матери! Нужно расстреливать таких типов, чтобы не поощрять других к подобным деяниям! Вы вообще чью линию проводите? Линию мою, нашей партии или какую-то еще?»

Напомним, что Роман Руденко был фигурой, известной во всем мире. Один из главных обвинителей на Нюрнбергском процессе над главными нацистскими преступниками. И тут его, как мальчишку, отчитывают перед другими на заседании ЦК. Отчитывают несправедливо – за то, что соблюден закон.

Руденко хмуро возразил: *«Я провожу линию, направленную на соблюдение социалистической законности»*.

«Вы свободны!» – буркнул Хрущев.

Эту фразу можно было понимать как угодно.

В данном случае я почти дословно цитирую черновые записи заседаний Политбюро ЦК КПСС, о которых мне ранее рассказывали члены семьи Руденко.

А было это так. Вечером, после ужина, Роман Андреевич попросил свою старшую дочь Галину зайти к нему в кабинет и подробно поведал ей об этой ситуации, вполне предвидя свою отставку, рассказывала мне Галина. И попросил, чтобы она поделилась этой информацией с Сергеем, его младшим сыном, и рассказала своим детям, когда они вырастут, что происходило на самом деле. Потому что его теперь могут обвинить в чем угодно.

Вскоре, выступая на городском митинге в Алма-Ате, Хрущев снова высказался о деле Рокотова: «*Вы читали, какую банду изловили в Москве? И за все про все ее главарям дали по пятнадцать лет! Да за такие приговоры самих судей судить надо!»* В кулуарах и на закрытых совещаниях он высказывался еще жестче: *«Таких судей самих надо расстреливать!»*

Седьмого июля Председателя Московского городского суда Леонида Громова, судившего Рокотова и Файбишенко, отстранили от занимаемой должности. Но перед этим предлагали провести суд уже в третий раз и исполнить *«расстрельный наказ»* Первого секретаря. Громов отказался.

Исход нового процесса был ясен всем, ведь 1 июля 1961 г. появился еще один указ Президиума Верховного Совета СССР, который теперь предусматривал за валютные операции смертную казнь – расстрел.

Увольнение Громов воспринял тяжело. Он верил, что самое страшное в истории страны – репрессии – уже позади и не повторятся. Смертная казнь в СССР была отменена в 1947 г. В январе 1950 г. ее восстановили, но только для шпионов, изменников и диверсантов. А в 1959 г. Хрущев

с трибуны ООН призвал отменить смертную казнь навсегда – по всем статьям и во всем мире. Прошло два года, и он уже требует исключительную меру, наплевав на закон.

Руденко ждал решения своей участи два месяца. Его конфликт с Хрущевым получил неожиданное разрешение на очередной сессии Верховного Совета СССР. Хрущев попросил Руденко подняться и сказал: *«Вот, я ставлю вам в пример нашего Генерального прокурора, который не побоялся высказать свое мнение, смело отстаивал свою точку зрения. Вот, берите с него пример»*.

Искренне говорил Хрущев или лукавил? Кто знает. Зато точно известно, что на тот момент Рокотова, Файбишенко и Яковлева уже не было в живых.

Третий процесс по их делу состоялся 18–19 июля 1961 г. Менее трех недель прошло с момента подписания указа, которым вводилась смертная казнь за деяния такого рода. Но за это время успели внести протест на предыдущий приговор, отменить его и снова направить дело в суд. Рекордная поспешность, сразу виден стиль Хрущева: хочу – и все тут!

Верховный Суд РСФСР приговорил Рокотова и Файбишенко к смертной казни с конфискацией всех изъятых ценностей и имущества. На сей раз приговор выносил председатель Верховного Суда РСФСР Анатолий Рубичев. Он сделал то, что от него требовали сверху. Советская Фемида не устояла и окончательно отдалась *«волюнтаристу»*.

На этом процессе приговоренные, к которым к этому времени присоединили и Антиквара – Яковлева, вели себя по-разному.

Молодой, легкомысленный, избалованный *«сладкой жизнью»* Вадим Файбишенко от защиты вообще отказался. Когда ему предлагали адвоката, сказал ему: *«Не надо. Зачем? Мне вы не поможете уже, а вам потом придется отвечать за это»*. Он уже понял и не ждал ни жалости, ни справедливости.

Понимал это и Рокотов. Но у него оставалась последняя надежда на *«царя-батюшку»*. Он пишет лично Хрущеву. *«Я приговорен к расстрелу... Во многом я заблуждался. Сейчас я переродился и совершенно другой человек. Ведь я не убийца, не шпион, не бандит. Очень прошу помиловать меня»*.

Написал Хрущеву и родной отец Рокотова, старый большевик Александр Орликов. Он писал, что *«40 лет работал на стройках и заводах оборонного значения»,* потерял обе ноги, *«за свою работу награжден орденом и медалями»*. И умолял Хрущева предотвратить расстрел. Оба письма остались без ответа.

А родители Файбишенко слали письма на имя председателя КГБ Шелепина. Отчаявшаяся мать писала: *«Дорогой товарищ Шелепин, помогите мне, умоляю вас своим измученным материнским сердцем, не расстреливайте его, не отнимайте жизни у 24-летнего юноши, дайте ему стать настоящим человеком»*.

И Шелепин действительно направил Хрущеву прошение о помиловании. Только просил он не о Файбишенко, а о Яковлеве. Во-первых, сообщал глава КГБ, тот раскаялся. Во-вторых, сообщил множество ценных сведений. Кроме того, Яковлев тяжело болен: страдал туберкулезом легких. Это не подействовало.

Двадцать пятого июля всем троим в помиловании было отказано. На следующий день их казнили.

Дело Рокотова–Файбишенко вызвало шквал протеста по всему миру: политики и общественные деятели громко осуждали беззаконие советских властей. Власти попытались даже разрядить обстановку. Родным стали поступать звонки от неизвестных людей, которые сообщали, что кто-то слышал, что они живы, что они где-то на зоне, что в последний момент расстрел заменили на пожизненное... Потом появились люди, которые видели осужденных живыми и здоровыми, говорили, что *«все будет нормально, подождите. Подождите, может, еще и выпустят...»*

Несмотря на громкий показательный процесс над валютчиками, на шумную кампанию в прессе, черный рынок в Москве никуда, разумеется, не делся. И просуществовал до самой кончины Советской власти.

Актер Владимир Долинский рассказывал: *«Вся страна крутилась, понимаете? Каждый доставал, что и как мог. Ансамбль “Березка”, Большой театр, Государственный цирк, спортсмены – все, кто мог, привозили оттуда вещи, диски, технику и торговали. Складывались целые проверенные цепочки. Я жил так, как жили очень многие люди: покупал-продавал валюту, одежду. Боялся ли? Ведь после дела Рокотова 88-я статья стала страшной – расстрельной. Да нет. Я ведь поверху плавал, в глубины бизнеса не нырял. За что расстреливать? И вообще, ну, что я такого делаю? Не ворую-граблю. Ну, потом я уже артист, я уже “Кабачок «13 стульев»”, пан Пепичек. Ну, кто меня посадит?.. Ну, пожурят, в крайнем случае. Молодой был...»*

Долинского и *«пожурили»*: в 1973 г. он получил 5 лет за 2700 незаконно нажитых рублей. На фоне крупных дельцов это вообще был смех.

В общем, Долинскому повезло, время было уже другое – шли 1970-е гг. А вот Оксане Собино-

вой и Светлане Пинскер из Ленинграда, Татьяне Внучкиной из Москвы и Юлии Грабовецкой из Киева, увы, нет. В середине 1960-х гг. их приговорили к *«вышке»*, хотя расстреливали почти всегда только мужчин. Вот только до сих пор не ясно: приговоры этим *«валютчицам»* были приведены в исполнение или нет? Сведения об этом отсутствуют, и среди помилованных они не значатся...

Недавно, практически спустя шестьдесят лет после расстрела 1961 г., в Нью-Йорке появились в продаже джинсы Рокотофф. Линии моделей подразделяются по цифрам. Классическая модель носит номер 88 – в память о той самой 88-й статье, по которой были расстреляны Рокотов, Файбышенко и Яковлев. Статья эта в ужесточенной хрущевской интерпретации была отменена лишь в 1994 г.

Кем они были – Рокотов и компания? Простыми мошенниками или продвинутыми бизнесменами? В чем смысл их невеселой истории с таким трагическим концом? Над этим многие и сейчас ломают голову.

Кто-то считает, что сегодня они были бы где-то наверху. Может, даже стали бы миллиардерами или министрами, а может, просто успешными руководителями госкомпаний. Кто-то видит в них предателей, а кто-то – героев, протестовавших против *«совка»*, против всевозможных запретов, против *«железного занавеса»*.

Ясно одно: жили они не в свое время! В наши дни обмен валюты – повседневная обыденность. И то, что раньше называлось спекуляцией и за что многие мотали срок, а некоторых, как мы видим, даже расстреливали, теперь – бизнес. Просто бизнес...

ЮБИЛЕИ

К ЮБИЛЕЮ УЧЕНОГО, УЧИТЕЛЯ, ДРУГА И ЧЕЛОВЕКА ВИКТОРА НИКОЛАЕВИЧА ГРИГОРЬЕВА

Зайцев Олег Александрович,
Максимов Олег Александрович,
Сарсенбаев Талгат Есеналиевич

Цель: *Представить обзор профессиональной, научной и педагогической деятельности известного российского ученого в области уголовного процесса и криминалистики Виктора Николаевича Григорьева.*

Методология: *диалектика, анализ, синтез, дедукция.*

Выводы. *Профессор В. Н. Григорьев является выдающимся ученым и педагогом, вносит существенный вклад в развитие доктрин уголовно-процессуальной науки и криминалистики, принимает самое активное участие в подготовке как юридических, так и научно-педагогических кадров и ученых в этих областях. В. Н. Григорьев написал и опубликовал значительное количество научных, учебных и учебно-методических работ, под его чутким руководством разрабатываются новые научные направления, функционирует научная школа.*

Научная и практическая значимость. *В статье анализируются выдающиеся научные и педагогические достижения профессора В. Н. Григорьева, показывается их значение для дальнейшего развития уголовно-правовых наук, воспроизводства юридических кадров высшей квалификации.*

Ключевые слова: *Виктор Николаевич Григорьев, криминалистика, уголовный процесс, публикации, концепция, теория, первоначальные следственные действия, задержание подозреваемого, расследование в чрезвычайных ситуациях, назначение уголовного процесса, рассказы об ученых.*

> «Юбилеев не праздную, не люблю дежурные приветствия, помпезность. Другое дело – подводить итоги своей работы во всевозможных формах...с тем, чтобы обычный факт в моей биографии послужил поводом для творческой встречи, обмена мнениями и просто для общения давно знакомых или вовсе незнакомых специалистов».
>
> *Григорьев В. Н. [1, с. 183]*

В 2025 г. юридическая общественность отмечает 70-летний юбилей блистательного ученого, выдающегося организатора науки, талантливого педагога, верного друга и душевного человека, доктора юридических наук, профессора, полковника милиции в отставке Григорьева Виктора Николаевича.

Полагаем, что любознательному читателю будут интересны некоторые факты из биографии нашего юбиляра, так как о них не так уж и много сказано в средствах массовой информации и на страницах специальной литературы.

Виктор Николаевич родился 2 сентября 1955 г. в небольшом селе Ермоловка Вешкаймского р-на Ульяновской области, которое находится в северо-западной части области примерно в 130 километрах от г. Ульяновска на левом берегу реки Шарловки.

После окончания школы в 1972 г. поступил на юридический факультет Куйбышевского государственного университета, где выделялся среди студентов не только прилежной учебой, но и тягой к проведению научных исследований. На это обстоятельство безусловное влияние оказали его блистательные и авторитетнейшие учителя – профессора Зинаида Валентиновна Макарова и Семен Абрамович Шейфер. В результате научные увлечения Виктора Николаевича вылились в его первые публикации по уголовно-процессуальной

DOI 10.31085/2310-8681-2025-3-288-235-248

проблематике, связанные с задержанием подозреваемого [см.: 2, 3].

Кроме того, молодой студент проявил себя и в совершенно ином качестве: был полномочным представителем народа в органах государственной власти. С 1975 по 1977 г. являлся депутатом Октябрьского районного Совета депутатов трудящихся г. Куйбышева.

По завершении обучения Виктор Николаевич в 1977 г. поступил на работу в один из старейших ведущих классических университетов нашей страны – легендарный Ленинградский государственный университет им. А.А. Жданова на юридический факультет в качестве стажера-исследователя, откуда вскоре был призван в ряды Вооруженных Сил СССР. Проходил он службу с 1978 по 1979 г. на должностях рядового и сержантского состава в военной прокуратуре Московского округа ПВО, где в полной мере смог проявить свои полученные университетские знания.

С 1980 г. начал свою педагогическую деятельность в должности ассистента кафедры уголовного права и процесса Куйбышевского государственного университета. В том же году поступил в аспирантуру Ленинградского государственного университета имени А.А. Жданова, после успешного завершения которой в 1983 г. под руководством выдающегося отечественного ученого, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, профессора Николая Сергеевича Алексеева защитил кандидатскую диссертацию на тему «Непосредственное обнаружение признаков преступления органом дознания, следователем, прокурором, судом». Важные новаторские идеи, высказанные в этой работе, послужили основой для проведения дальнейших научных исследований талантливого молодого ученого. Кроме научного багажа, в его гардероб на долгие годы вошли шикарные берет и плащ, являвшиеся символом ленинградской молодежной моды того времени.

Вернувшись в уже родной для него город на берегу реки Волги, Виктор Николаевич, несмотря на свой еще довольно юный возраст (1983–1984 гг.), стал трудиться в должности старшего преподавателя и заместителя декана юридического факультета по учебно-воспитательной работе Куйбышевского государственного университета.

Организаторский талант и высокие профессиональные навыки были отмечены Октябрьским РК КПСС города Куйбышева, по решению которого В.Н. Григорьев в 1984 г. был направлен на службу в органы внутренних дел в Ташкентскую высшую школу МВД СССР. Там он проработал до 1991 г. на кафедре уголовного права и процесса, где прошел путь от преподавателя до доцента. А с 1988 по 1991 г. по совместительству являлся ученым секретарем Ташкентской высшей школы МВД СССР. В 1989 г. Виктору Николаевичу присвоено ученое звание доцента.

Нельзя не отметить и уникальный трудовой коллектив кафедры, которой возглавлял ученый и практик Владимир Михайлович Быков, а одним из коллег был Игорь Анатольевич Зинченко. Коллеги проводили много времени в задушевных беседах с нашим юбиляром, включая прогулки вдоль речки Кара-Су в Ташкенте. К сожалению, в дальнейшем их судьба разбросала по различным уголкам нашей необъятной Родины.

В нелегкие годы, связанные с развалом Советского Союза и разгулом преступности, пригодился управленческий и организаторский опыт В.Н. Григорьева: в период с 1988 по 1990 г. он сначала в составе сводного батальона Ташкентской высшей школы МВД СССР оказался в гуще событий на Северном Кавказе, а впоследствии в Средней Азии, где не прекращались массовые беспорядки и вооруженные столкновения. В составе следственных групп Прокуратуры Союза ССР, а затем Прокуратуры Российской Федерации и МВД России расследовал массовые беспорядки и вооруженные конфликты в различных городах и областях бывшего СССР (в Карабахе, Кировабаде (Гянджа), Фергане, Душанбе, Оше, Узгене, Ташкенте, Ташкентской области и др.).

С его участием непосредственно в «горячих точках» разрабатывались основы современной тактики взаимодействия следователей с вооруженными спецподразделениями, в том числе при проведении операций по захвату преступников и освобождению заложников. Лично руководил штабом следственной бригады по расследованию массовых беспорядков в Ошской области. При этом мало кто знал, что Виктор Николаевич был доцентом, а не следователем. Среди коллег уже чаще звучало больше с тревогой, чем с юмором: «Где Григорьев, там массовые беспорядки».

Не удивительно, что, поступив на учебу в докторантуру Академии МВД СССР (МВД РФ), Виктор Николаевич прибыл в Москву 18 августа 1991 г. в день введения в столице страны чрезвычайного положения. Вот такие бывают случайные совпадения и повороты судьбы. Полученные научные результаты легли в основу докторской диссертации «Расследование преступлений в чрезвычайных условиях (правовое обеспечение, организация, методика)», которая успешно была защищена в 1993 г. при научном консультировании легендарного отечественного криминалиста, За-

служенного деятеля науки РСФСР, доктора юридических наук, профессора Рафаила Самуиловича Белкина. Также по данной теме был опубликован ряд монографий и пособий [см.: 4, 5, 6, 7], нашедших живой отклик у самого широкого круга читателей.

Дальнейший трудовой путь В. Н. Григорьева был связан с Москвой, где он с 1993 г. возглавлял Учебно-научный комплекс криминалистики и уголовного процесса Московского института МВД России, вел работу по созданию учебной, учебно-методической и научной базы для подготовки специалистов по борьбе с организованной преступностью. С 1996 г. работал в Юридическом институте МВД России; сначала на должности профессора, ученого секретаря, а с 2000 г. Первым заместителем начальника института. Ученое звание «профессор» присвоено в 1998 г. В 2002 г. в связи с реорганизацией учебных заведений МВД переведен на службу в Московский университет МВД России на должность ученого секретаря университета.

С 2010 г. Виктор Николаевич Григорьев – пенсионер МВД России по выслуге лет. И сегодня к нему обращаются как к ученому, организатору, да и просто мудрому человеку.

Очень трудно в рамках отведенного объема настоящей статьи осветить многогранную научную деятельность профессора, его концептуальные идеи, сформулированные как в диссертациях, так и в опубликованных им монографиях, получивших свое развитие в его дальнейших исследованиях. Ведь в фокусе внимания В. Н. Григорьева находится самый широкий спектр правовых проблем. Но в этом нам помог сам Виктор Николаевич, который в одной из своих недавних работ [1] в качестве основных научных результатов творческой деятельности выделил три ключевых направления: (а) теорию первоначальных следственных действий при получении сведений о преступлении [8], (б) теорию динамической системы последовательно предпринимаемых действий при задержании подозреваемого [9] и (в) концепцию (теорию) расследования преступлений в чрезвычайных условиях [10].

За годы работы в этих направлениях были созданы целые научные школы. Разрешение в результате первоначальных исследований конкретных проблем, выработка методик воздействия на действительность позволили в дальнейшем выйти на совершенствование правоохранительной деятельности на более высоком, общем уровне.

Так, теоретическая концепция расследования преступлений в чрезвычайных условиях легла в основу выводов о необходимости новых подходов к любым особым правовым режимам [11, 12 и др.]; специфике расследования преступлений в зоне СВО [13, 14, 15 и др.], вооруженного конфликта [16 и др.] и военных преступлений [17 и др.]; тактике производства следственных действий [см.: 18 и др.], методике расследования массовых беспорядков [см.: 19 и др.]. Разработанная Виктором Николаевичем концепция не только вошла в качестве необходимой и востребованной части в курсы криминалистики [20, 21 и др.], но и получила признание и свое дальнейшее формирование в трудах ученых-исследователей [22 и др.], стала основой разработки иных разделов криминалистики, активно разрабатываемых в последние годы. Основные положения этой теоретической концепции также нашли свое отражение в структурной перестройке следственных подразделений, сначала в СССР, а затем и в Российской Федерации.

Развитие теории динамической системы последовательно предпринимаемых действий при задержании подозреваемого привело к новым выводам о формах и способах уголовного преследования [23, 24, 25 и др.], государственного принуждения [26, 27 и др.], правовом статусе участника процесса [28, 29 и др.], понятии фактического задержания подозреваемого [30 и др.] и во многих других направлениях.

Дальнейшая проработка теории первоначальных следственных действий при получении сведений о преступлении позволила получить новое научное знание по проблемам самого существования стадии возбуждения уголовного дела [31, 32 и др.], уголовно-процессуального доказывания [33, 34, 35 и др.], доказательств [36, 37 и др.], роли состязательности в доказывании [38, 39 и др.], презумпции невиновности [40 и др.] и иным не менее актуальным вопросам.

Кроме того, нельзя обойти вниманием исследования Виктора Николаевича об оперативно-разыскной деятельности [41, 42 и др.], о международном сотрудничестве в борьбе с преступностью [43,44,45 и др.], о злоупотреблении правом в уголовном процессе [46, 47 и др.], о цифровизации уголовного процесса [48, 49 и др.], о методологии научных исследований и юридического образования [50, 51 и др.] и множество иных научных направлений [52, 53, 54 и др.].

Огромную часть творческого наследия юбиляра составляют его учебные труды. Количество учебных пособий, учебников, комментариев к законодательству и их переизданий не позволит нам сослаться даже на малую их часть. Так, результаты многолетних исследований уголовно-процессуального права отражены Виктором Николаевичем в учебнике «Уголовный процесс» (написанном

в соавторстве с А. В. Победкиным и В. Н. Яшиным), который многократно переиздавался, так как получил большой резонанс в юридическом сообществе. Поэтому хочется лишь отметить, что учебная продукция была востребована как с начала его научно-педагогической деятельности [см.: 55, 56 и др.], так и на сегодняшний день составляют основу российского юридического правоприменения и образования [57, 58, 59 и др.].

Отдельное место в научном творчестве В. Н. Григорьева занимает одна из самых сложных проблем – назначение российского уголовного судопроизводства. И эта проблема разрешается, как принято это делать юбиляром, системно, тщательно, всесторонне. Уголовное судопроизводство и его регулирование обоснованно представляются юбиляру механизмом, для оптимального функционировании которого критически важным является установление необходимой уголовно-процессуальной формы и следование ей в практической деятельности [60 и др.]. В поиске изначального смысла уголовно-процессуальных категорий он обращается как к существующей практике и ее проблемам [61 и др.], так и к генезису современного уголовного судопроизводства [62 и др.]; отмечает нехватку фундаментальных научных исследований для согласованного формирования отраслевых юридических наук [63 и др.]; ставит новые задачи в уголовно-процессуальных исследованиях [64 и др.].

Сделанные выводы определяют для него и его последователей безусловный приоритет уголовно-процессуальной формы над административным регламентом при расследовании уголовного дела [65 и др.], значимость доказательной [66, 67 и др.], правозащитной [68 и др.] уголовно-процессуальной деятельности в сравнении с уголовным преследованием и «рассуд» [69 и др.], то есть ограничение обвинительной власти с целью обеспечения защиты прав и свобод человека [70 и др.] в качестве назначения современного уголовного судопроизводства.

Труды профессора В. Н. Григорьева широко известны юридической общественности, активно используются в научно-исследовательской и учебной работе. Индекс Хирша по elibrary.ru на сегодняшний день составляет 43.

Виктор Николаевич является автором более 400 научных, учебных и учебно-методических работ по уголовному процессу и криминалистике, прокурорскому надзору, организации правоохранительной деятельности, организации расследования преступлений, административной деятельности правоохранительных органов, в том числе 23 монографий, 24 учебников, 29 учебных пособий.

Современные ученые-исследователи высоко оценивают научные достижения профессора. Так, отмечается, что «...несомненной заслугой выдающегося процессуалиста современности Григорьева Виктора Николаевича перед отечественной юриспруденцией являются не только разноаспектные научные исследования в области досудебного производства, но и создание мощной научной школы ученых, представляющих образовательные организации различной ведомственной принадлежности, разные профессиональные сообщества, но объединенные идеей совершенствования российского уголовного процесса и именем профессора Григорьева» [71, с. 121].

С 1996 по 2006 г. профессор трудился в составе экспертного совета ВАК по праву, в том числе в качестве заместителя председателя, где внес заметный вклад в повышение качества диссертационных исследований и совершенствование работы диссертационных советов по юридическим наукам. Ему, конечно, есть что сказать про периодичность смены порядка аттестации научно-педагогических кадров; перипетии при закрытии и открытии диссертационных советов; про современный вариант охоты на ведьм в отношении научных руководителей и оппонентов по диссертациям, про то, как перепутали ученых с методистами.

Будучи руководителем диссертационных советов в Юридическом институте МВД России, Московском университете МВД России, Московском гуманитарном университете, всегда находил время для работы с соискателями ученых степеней, делился с ними своим богатейшим опытом по представлению результатов диссертационного исследования. Под его непосредственным руководством подготовлены и успешно защищены представителями России и ряда других стран 44 диссертации, 12 из которых – на соискание ученой степени доктора наук.

Виктор Николаевич является членом редколлегий таких авторитетных периодических журналов, входящих в перечень ВАК, как «Международное уголовное право и международная юстиция»; «Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива»; «Вестник Уфимского юридического института МВД России» и др. Эксперт Экспертно-консультативного совета при Комитете Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству.

Особые заслуги в разработке приоритетных направлений юридической науки и большая общественная работа В. Н. Григорьева отмечены многочисленными государственными и общественными наградами. В частности, он награжден

нагрудным знаком «Почетный сотрудник МВД» (2001), нагрудным знаком «За отличную службу в МВД» (1989), медалью МВД России «За безупречную службу» (1993), Почетной грамотой, Благодарностью МВД России (2000, 2006, 2007, 2008), Благодарностью ФСИН России (2020).

Виктора Николаевича его коллеги и друзья ценят как человека, которому присущи лучшие качества ученого и педагога: научная добросовестность, высокая требовательность, постоянное стремление постичь суть проблемы, разобраться в каждой мелочи и получить желаемый результат. Его профессиональная деятельность вдохновила не одно поколение юристов и послужила стимулом в поиске получения нового научного знания.

Одно из увлечений профессора – это его воспоминания и рассказы об отечественных ученых. Уже сейчас значительную часть творческих результатов Виктора Николаевича составляют публикации о коллегах, с которыми Виктора Николаевича свели судьба либо общие научные интересы. Героями его произведений стали профессоры Н. С. Алексеев [72], Р. С. Белкин [73, 74], Б. Б. Булатов [75], Л. Д. Кокорев [76], В. Н. Махов [77], М. С. Строгович [78, 79], С. А. Шейфер [80, 81, 82] и др.

Мы ждем от Виктора Николаевича более масштабного исполнения его мечты: собираемся прочитать его увлекательнейшие рассказы об ученых, а также про «холодильный» день, чертоги в НПО «Виктор Маркет», истории из Мустиничей и Пальгино и многое другое, о чем бы он хотел поведать в определенной им самим форме: «Чтобы было кратко, светло и прозрачно. И характерно. И поучительно. Умно и мудро. Чтобы красивые предстали во всей красоте» [1, с. 189]. То есть так, как может это сделать только сам Виктор Николаевич – УЧЕНЫЙ, УЧИТЕЛЬ, ДРУГ, ЧЕЛОВЕК.

От всего сердца поздравляем уважаемого Виктора Николаевича Григорьева и его близких с знаменательным юбилеем! Желаем крепкого здоровья, благополучия, успехов в научной, педагогической и общественной жизни! И пусть мечты обязательно сбываются!

Литература

1. *Григорьев В. Н.* В чем назначение российского уголовного судопроизводства (некоторые заметки в связи с подведением творческих итогов) // Частноправовые и публично-правовые проблемы современной юриспруденции. Ульяновск, 2021. С. 181–192.

2. *Григорьев В. Н., Шейфер С. А.* Доказательственное значение протокола задержания подозреваемого // Роль аппаратов уголовного розыска и следствия в борьбе с преступностью. Омск, 1976. С. 34–41.

3. *Григорьев В. Н., Шейфер С. А.* К совершенствованию процессуальной формы задержания // Проблемы эффективности правового регулирования. Куйбышев, 1978. С. 165–168.

4. *Григорьев В. Н.* Первоначальные действия следственной группы в условиях особого положения. Ташкент, 1989. 137 с.

5. *Григорьев В. Н.* Расследование массовых беспорядков в условиях чрезвычайного положения. М., 1992. 56 с.

6. *Григорьев В. Н.* Организация и методика расследования преступлений в чрезвычайных условиях. М., 1994. 24 с.

7. *Григорьев В. Н.* Особенности расследования массовых беспорядков. М., 1995. 98 с.

8. *Григорьев В. Н.* Обнаружение признаков преступления органами внутренних дел. Ташкент, 1986. 86 с.

9. *Григорьев В. Н.* Задержание подозреваемого. М., 1999. 542 с.

10. *Григорьев В. Н.* Расследование преступлений в чрезвычайных условиях (правовое обеспечение, организация, методика): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1993. 565 с.

11. *Григорьев В. Н.* Особые правовые режимы: вопросы соответствия Конституции // Вестник Томского государственного университета. Право. 2015. № 4(18). С. 22–29.

12. *Григорьев В. Н.* О концептуальных подходах к совершенствованию чрезвычайного законодательства и практики его применения // Публичное и частное право. 2012. № 3(15). С. 57–63.

13. *Григорьев В. Н.* О концепции государственной комиссии по расследованию военных преступлений и преступлений против человечности, совершённых в период специальной военной операции 2022–2024 гг. // Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной и антикоррупционной деятельности. Краснодар, 2024. С. 148–151.

14. *Григорьев В. Н.* Чем помочь Луганскому краю в привлечении к ответу западных неонацистов и русофобов // Особенности противодействия гибридным угрозам в отношении Российской Федерации. Луганск, 2024. С. 48–50.

15. *Григорьев В. Н.* О расследовании преступлений, совершенных в период специальной военной операции // Современные проблемы уголовного процесса: пути решения (приуроченная к 160-летию Устава уголовного судопроизводства). Уфа, 2024. С. 77–80.

16. *Антонов А. Н., Григорьев В. Н.* К вопросу о частной методике расследования преступлений, совершенных в зоне международного вооруженного конфликта // Пробелы в российском законодательстве. 2008. № 1. С. 329–332.

17. *Григорьев В. Н., Антонов А. Н.* К вопросу об обстоятельствах, подлежащих доказыванию при расследовании военных преступлений // Вестник Московского университета МВД России. 2008. № 8. С. 103–109.

18. *Григорьев В. Н.* Об «усеченной» методике осмотра места происшествия при расследовании преступлений в чрезвычайных условиях // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2021. № 1(91). С. 100–112.

19. *Григорьев В. Н.* Массовые беспорядки: универсальные технологии доказывания // Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности на современном этапе. Новороссийск, 2012. С. 13–18.

20. Криминалистика. М., 2017. 799 с.

21. Криминалистика. Т. II. М., 2014. 559 с.

22. *Григорьев В. Н.* О концепции как форме представления результатов диссертационных исследований (на примере докторской диссертации О. А. Зайцева) // Охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве. М., 2011. С. 125–134.

23. *Григорьев В. Н.* О постановлении прокурора об уголовном преследовании // Государственная служба и кадры. 2024. № 3. С. 152–155.

24. *Григорьев В. Н., Терехов А. Ю.* Возбуждение уголовного дела и привлечение в качестве обвиняемого // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 1(95). С. 61–70.

25. *Григорьев В. Н., Голубов И. И., Селютин А. В.* Актуальные вопросы возбуждения уголовных дел частного обвинения // Мировой судья. 2006. № 3. С. 2–4.

26. *Григорьев В. Н.* О правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации при наложении ареста на имущество // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 405. С. 162–167.

27. *Григорьев В. Н.* О методе правового регулирования при отмене ареста, наложенного на ценные бумаги, при производстве по уголовному делу // Европейский журнал социальных наук. 2013. № 2(30). С. 508–511.

28. *Григорьев В. Н., Зайцев О. А.* Новый инструмент правового регулирования статуса участников уголовного производства // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 413. С. 205–209.

29. *Григорьев В. Н.* Обретение лицом уголовно-процессуального статуса подозреваемого: в чем проблемы? // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 4. С. 41–46.

30. *Григорьев В. Н.* О фактическом задержании подозреваемого // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2020. № 3(89). С. 77–81.

31. *Григорьев В. Н., Новиков А. В., Прохорова Е. А., Слабкая Д. Н.* Актуальные проблемы возбуждения уголовного дела. М., 2016. 107 с.

32. *Григорьев В. Н., Прохорова Е. А.* Возбуждение уголовного дела: старые проблемы, современные материалы, разные варианты решений // Вопросы правоведения. 2015. № 5(33). С. 83–142.

33. *Григорьев В. Н., Панфилов П. О., Терехов М. Ю.* Отказ от свободной оценки доказательств на примере «амнистии капитала»: очередной удар по публичности уголовного процесса России // Вестник Томского государственного университета. Право. 2022. № 44. С. 58–70.

34. *Григорьев В. Н.* О тревожных тенденциях в доказывании фактических обстоятельств вмененного деяния // Научные труды. Российская академия юридических наук. Вып. 20. М., 2020. С. 302–305.

35. *Григорьев В. Н., Дикарев В. Г.* Об установлении истины по уголовному делу // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2016. № 1(37). С. 32–36.

36. *Григорьев В. Н.* Заметки о нормативном регулировании заключения специалиста по уголовному делу // Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Вып. 4. М., 2019. С. 10–16.

37. *Григорьев В. Н., Победкин А. В.* Понятие показаний в уголовном судопроизводстве: дискуссия обостряется // Вопросы правоведения. 2010. № 2(6). С. 193–220.

38. *Григорьев В. Н.* О состязательности // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. 2020. Т. 1. № 1(2). С. 145–150.

39. *Григорьев В. Н.* Все ли ладно с состязательностью в уголовном судопроизводстве России? // Современные проблемы уголовного процесса: пути решения. Уфа, 2020. С. 38–42.

40. *Григорьев В. Н., Зинченко И. А., Победкин А. В.* О современных воззрениях на презумпцию невиновности // Вопросы правоведения. 2012. № 3(15). С. 126–143.

41. *Григорьев В. Н.* Некоторые суждения о результатах оперативно-розыскной деятельности // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 2. С. 48–52.

42. *Григорьев В. Н.* Вариант нормативной модели наделения следователя оперативными полномочиями // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 7. С. 45–47.

43. *Григорьев В. Н., Тарасов М. Ю.* Новые аспекты деятельности прокуратуры Российской Федерации в сфере международного розыска в условиях недружественных шагов в отношении России // Вопросы российского и международного права. 2023. Т. 13. № 1-2-1. С. 349–359.

44. *Григорьев В. Н., Зайцев О. А., Тарасов М. Ю.* О новой концепции в исследовании международного розыска // Вестник Томского государственного университета. Право. 2021. № 39. С. 15–25.

45. *Григорьев В. Н.* О некоторых вопросах при экстрадиции // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2018. № 2. С. 122–129.

46. *Григорьев В. Н.* О проблемах злоупотребления правом при применении ч. 1 ст. 110 УПК РФ // Правовые проблемы укрепления Российской государственности. Томск, 2018. С. 29–38.

47. *Андреева О. И., Григорьев В. Н., Зайцев О. А., Трубникова Т. В.* Злоупотребление правом, его предупреждение и пресечение в уголовном процессе России: некоторые итоги исследования // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 6. С. 914–924.

48. Цифровизация судопроизводства: научно-практический (постатейный) комментарий правовых актов. М., 2020. 320 с.

49. *Григорьев В. Н.* О регулировании цифровых отношений в сфере уголовно-процессуальной деятельности органов судебной и исполнительной власти // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2019. № 3(85). С. 87–92.

50. *Григорьев В. Н.* Из опыта представления результатов диссертационного исследования в Академии управления МВД России // Диссертационное исследование: технологии подготовки. М., 2023. С. 142–153.

51. *Дикарев В. Г., Григорьев В. Н.* Современные формы организации обучения в системе дополнительного образования в рамках повышения квалификации сотрудников правоохранительных органов // NB: Российское полицейское право. 2013. № 3. С. 75–89.

52. *Григорьев В. Н., Тарасов М. Ю.* О пресечении распространения наркотических средств и психотропных веществ на территории Союзного государства // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2024. № 1(69). С. 89–94.

53. *Григорьев В. Н., Сумин А. А.* Введение в уголовный процесс Турции. М., 2018. 192 с.

54. *Григорьев В. Н., Победкин А. В.* К 20-летию Закона о прокуратуре // Законность. 2016. № 6(980). С. 22–23.

55. Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования. М., 1997. 398 с.

56. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. М., 2002. 864 с.

57. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. М., 2023. 1280 с.

58. Уголовный процесс. Краткий курс. М., 2025 352 с.

59. Уголовно-процессуальное право. М., 2025. 799 с.

60. *Григорьев В. Н.* Фемида в поисках удобной формы (о некоторых современных тенденциях в развитии уголовно-процессуальной формы // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 12(61). С. 116–122.

61. *Григорьев В. Н.* Начало уголовного производства: система сдержек и противовесов // Союз криминалистов и криминологов. 2013. № 2. С. 17–21.

62. *Григорьев В. Н.* Устав уголовного судопроизводства 1864 г. как источник изначального смысла современных уголовно-процессуальных категорий // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 7(44). С. 1409–1414.

63. *Григорьев В. Н.* Юридическая наука в России: нужны фундаментальные научные исследования (некоторые заметки отраслевика) // Роль и значение юридической науки в развитии общества. М., 2016. С. 25–30.

64. *Григорьев В. Н.* Результаты смены парадигмы в исследованиях уголовного процесса // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2017. № 2(42). С. 38–46.

65. *Григорьев В. Н.* Уголовно-процессуальная форма или административный регламент: современные тренды // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2018. Т. 9. № 1. С. 42–51.

66. *Григорьев В. Н.* О некоторых замечаниях к нормативным формулировкам назначения уголовного судопроизводства // Правовое государство: теория и практика. 2021. № 1(63). С. 127–133.

67. *Григорьев В. Н.* Нормативные формулировки назначения уголовного судопроизводства и его реальное содержание // Вестник экономической безопасности. 2021. № 2. С. 122–125.

68. *Григорьев В. Н.* Современные аспекты уголовного производства как средства защиты прав граждан // Актуальные проблемы правовой защиты публичных и частных интересов в Российской Федерации и Азербайджанской Республике. М., 2014. С. 14–18.

69. *Григорьев В. Н.* Суд не на осуд, а на рассуд // Проблемы применения уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Симферополь, 2018. С. 197–199.

70. *Григорьев В. Н., Зайцев О. А., Максимов О. А.* Ходатайства и жалобы как «градообразующий» элемент сущности уголовного процесса // Правовое государство: теория и практика. 2023. № 1(71). С. 10–16.

71. *Химичева О. В., Шаров Д. В., Терехов А. Ю.* К юбилею выдающегося ученого. Профессор В. Н. Григорьев: концепция задержания подозреваемого // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2020. № 4 (54). С. 116–122.

72. *Григорьев В. Н.* Профессор Н. С. Алексеев об истине и цели доказывания по уголовным делам // Обвинение и защита по уголовным делам: исторический опыт и современность. СПб., 2015. С. 43–49.

73. *Григорьев В. Н.* О роли профессора Р. С. Белкина в современном становлении и развитии концепции расследования преступлений в чрезвычайных условиях // Современное развитие криминалистики и судебной экспертизы как реализация идей Р. С. Белкина. М., 2018. С. 243–248.

74. *Григорьев В. Н.* Что нам нужно в демократической России (об отношении Р. С. Белкина к новым вызовам современности) // Криминалистика и новые вызовы современности (58-е криминалистические чтения). М., 2018. С. 82–86.

75. *Григорьев В. Н. Б. Б.* Булатов у истоков исследования правовой природы и нормативно-правового регулирования задержания осужденного // Правовые и гуманитарные проблемы уголовно-процессуального принуждения. Омск, 2024. С. 49–54.

76. *Григорьев В. Н., Победкин А. В.* Проблемы теории и практики уголовного процесса: история и современность / под ред. В. А. Панюшкина. Воронеж: изд-во Воронеж. Гос. Ун-та, 2006. 744 с. // Государство и право. 2009. № 2. С. 120–122.

77. *Григорьев В. Н.* Высокий статус специалиста (про Вадима Николаевича Махова и тенденции развития уголовно-процессуального законодательства) // Тенденции развития уголовного и уголовно-процессуального законодательства. М., 2016. С. 11–18.

78. *Григорьев В. Н. М. С.* Строгович против «усеченной» методики осмотра места происшествия? // Уголовно-правовые, уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты противодействия современной преступности. Ставрополь, 2020. С. 64–68.

79. *Григорьев В. Н.* Был ли профессор М. С. Строгович против «усеченной» методики осмотра места происшествия в боевой обстановке? // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2020. № 6. С. 58–62.

80. *Григорьев В. Н.* «Сущность и способы собирания доказательств в уголовном процессе»: блеск и векторы востребованности творческого наследия профессора С. А. Шейфера // Юридический вестник Самарского университета. 2017. Т. 3. № 4. С. 13–24.

81. *Григорьев В. Н.* О нормах и институтах, допускающих разрешение дела не на основе установления истины (золотые зерна творческого достояния профессора С. А. Шейфера) // Вестник Самарского государственного университета. 2014. № 11–1(122). С. 23–28.

82. *Григорьев В. Н.* О познавательной сущности следственных действий и роли профессора С. А. Шейфера в ее выявлении и исследовании // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России. Вып. 5. Самара, 2010. С. 214–217.

References

1. *Grigor'yev V. N.* V chem naznacheniye rossiyskogo ugolovnogo sudoproizvodstva (nekotoryye zametki v svyazi s podvedeniyem tvorcheskikh itogov) [What is the purpose of Russian criminal proceedings (some notes in connection with summing up the creative results)]. In *Chastnopravovyye i publichno-pravovyye problemy sovremennoy yurisprudentsii [Private and public law problems of modern jurisprudence]*, Ul'yanovsk, 2021, Pp. 181–192. (In Russian)

2. *Grigor'yev V. N., Sheyfer S. A.* Dokazatel'stvennoye znacheniye protokola zaderzhaniya podozrevayemogo [Evidentiary value of the protocol of detention of a suspect]. In *Rol' apparatov ugolovnogo rozyska i sledstviya v bor'be s prestupnost'yu [The role of criminal investigation and investigation departments in the fight against crime]*, Omsk, 1976, pp. 34–41. (In Russian)

3. *Grigor'yev V. N., Sheyfer S. A.* K sovershenstvovaniyu protsessual'noy formy zaderzhaniya [Towards improving the procedural form of detention]. In *Problemy effektivnosti pravovogo regulirovaniya [Problems of the effectiveness of legal regulation]*. Kuybyshev, 1978, pp. 165–168. (In Russian)

4. *Grigor'yev V. N.* Pervonachal'nyye deystviya sledstvennoy gruppy v usloviyakh osobogo polozheniya [Initial actions of the investigation team in a special situation]. Tashkent, 1989. 137 p. (In Russian)

5. *Grigor'yev V. N.* Rassledovaniye massovykh besporyadkov v usloviyakh chrezvychaynogo polozheniya [Investigation of mass riots in a state of emergency]. M., 1992. 56 p. (In Russian)

6. *Grigor'yev V. N.* Organizatsiya i metodika rassledovaniya prestupleniy v chrezvychaynykh usloviyakh [Organization and methodology of investigation of crimes in emergency situations]. M., 1994. 24 p. (In Russian)

7. *Grigor'yev V. N.* Osobennosti rassledovaniya massovykh besporyadkov [Features of investigation of mass riots]. M., 1995. 98 p. (In Russian)

8. *Grigor'yev V. N.* Obnaruzheniye priznakov prestupleniya organami vnutrennikh del [Detection of signs of a crime by internal affairs bodies]. Tashkent, 1986. 86 p. (In Russian)

9. *Grigor'yev V. N.* Zaderzhaniye podozrevayemogo [Detention of a suspect]. M., 1999. 542 p. (In Russian)

10. *Grigor'yev V. N.* Rassledovaniye prestupleniy v chrezvychaynykh usloviyakh (pravovoye obespecheniye, organizatsiya, metodika) [Investigation of crimes in emergency situations (legal support, organization, methodology)]. Dis. ...d-ra yurid. nauk. 12.00.09. M., 1993. 565 p. (In Russian)

11. *Grigor'yev V. N.* Osobyye pravovyye rezhimy: voprosy sootvetstviya Konstitutsii [Special legal regimes: issues of compliance with the Constitution]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo. [Bulletin of Tomsk State University. Law.]*, 2015, no. 4(18), pp. 22–29. (In Russian)

12. *Grigor'yev V. N.* O kontseptual'nykh podkhodakh k sovershenstvovaniyu chrezvychaynogo zakonodatel'stva i praktiki yego primeneniya [On conceptual approaches to improving emergency legislation and the practice of its application]. *Publichnoye i chastnoye pravo [Public and private law],* 2012, no. 3(15), pp. 57–63. (In Russian)

13. *Grigor'yev V. N.* O kontseptsii gosudarstvennoy komissii po rassledovaniyu voyennykh prestupleniy i prestupleniy protiv chelovechnosti, sovershonnykh v period spetsial'noy voyennoy operatsii 2022–2024 gg. [On the concept of the state commission for the investigation of war crimes and crimes against humanity committed during the special military operation of 2022–2024]. In *Aktual'nyye problemy sudebnoy, pravookhranitel'noy, pravozashchitnoy, ugolovno-protsessual'noy i antikorruptsionnoy deyatel'nosti. [Actual problems of judicial, law enforcement, human rights, criminal procedure and anti-corruption activities]*. Krasnodar, 2024, pp. 148–151. (In Russian)

14. *Grigor'yev V. N.* Chem pomoch' Luganskomu krayu v privlechenii k otvetu zapadnykh neonatsistov i rusofobov [How to help the Luhansk region in bringing Western neo-Nazis and Russophobes to justice]. In *Osobennosti protivodeystviya gibridnym ugrozam v otnoshenii Rossiyskoy Federatsii [Features of counteracting hybrid threats against the Russian Federation]*. Lugansk, 2024, pp. 48–50. (In Russian)

15. *Grigor'yev V. N.* O rassledovanii prestupleniy, sovershennykh v period spetsial'noy voyennoy operatsii [On the investigation of crimes committed during a special military operation]. In *Sovremennyye problemy ugolovnogo protsessa: puti resheniya (priurochennaya k 160-letiyu Ustava ugolovnogo sudoproizvodstva) [Modern problems of criminal procedure: solutions (dedicated to the 160th anniversary of the Charter of Criminal Procedure)]*. Ufa, 2024, pp. 77–80. (In Russian)

16. *Antonov A. N., Grigor'yev V. N.* K voprosu o chastnoy metodike rassledovaniya prestupleniy, sovershennykh v zone mezhdunarodnogo vooruzhennogo konflikta [On the issue of a private methodology for investigating crimes committed in the zone of an international armed conflict]. *Probely v rossiyskom zakonodatel'stve [Gaps in Russian legislation]*. 2008, no. 1, pp. 329–332. (In Russian)

17. *Grigor'yev V. N., Antonov A. N.* K voprosu ob obstoyatel'stvakh, podlezhashchikh dokazyvaniyu pri rassledovanii voyennykh prestupleniy [On the Issue of Circumstances Subject to Proof in Investigation of War Crimes]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. [Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia]*. 2008, no. 8, pp. 103–109. (In Russian)

18. *Grigor'yev V. N.* Ob «usechennoy» metodike osmotra mesta proisshestviya pri rassledovanii prestupleniy v chrezvychaynykh usloviyakh [On the "Abbreviated" Methodology of Inspection of the Scene of a Crime in Investigation of Crimes in Emergency Conditions]. *Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii [Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia]*. 2021, № 1(91), pp. 100–112. (In Russian)

19. *Grigor'yev V. N.* Massovyye besporyadki: universal'nyye tekhnologii dokazyvaniya [Mass Riots: Universal Technologies of Proof]. In *Aktual'nyye problemy prava i pravoprimenitel'noy deyatel'nosti na sovremennom etape [Actual Problems of Law and Law Enforcement Activity at the Present Stage]*. Novorossiysk, 2012, pp. 13–18. (In Russian)

20. Kriminalistika. [Forensic Science]. M., 2017. 799 p. (In Russian)

21. Kriminalistika. T. II. [Forensic Science. Volume II]. M., 2014. 559 p. (In Russian)

22. *Grigor'yev V. N.* O kontseptsii kak forme predstavleniya rezul'tatov dissertatsionnykh issledovaniy (na primere doktorskoy *dissertatsii O. A.* Zaytseva) [On the concept as a form of presenting the results of dissertation research (on the example of the doctoral dissertation *of O. A.* Zaitsev)]. In *Okhrana prav i svobod cheloveka i grazhdanina v ugolovnom sudoproizvodstve [Protection of human and civil rights and freedoms in criminal proceedings]*. M., 2011, pp. 125–134. (In Russian)

23. *Grigor'yev V. N.* O postanovlenii prokurora ob ugolovnom presledovanii [On the prosecutor's decision on criminal prosecution]. *Gosudarstvennaya sluzhba i kadry [Civil Service and Personnel]*. 2024, no. 3, pp. 152–155. (In Russian)

24. *Grigor'yev V. N., Terekhov A. Yu.* Vozbuzhdeniye ugolovnogo dela i privlecheniye v kachestve obvinyayemogo [Initiation of a criminal case and bringing in as an accused]. *Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii [Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia]*. 2022, no.1(95), pp. 61–70. (In Russian)

25. *Grigor'yev V. N., Golubov I. I., Selyutin A. V.* Aktual'nyye voprosy vozbuzhdeniya ugolovnykh del chastnogo obvineniya [. Current issues of initiating criminal cases of private prosecution]. *Mirovoy sud'ya [Justice of the Peace]*. 2006, no. 3, pp. 2–4. (In Russian)

26. *Grigor'yev V. N.* O pravovykh pozitsiyakh Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii pri nalozhenii aresta na imushchestvo [On the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation when seizing property]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Tomsk State University]*. 2016, no. 405, pp. 162–167. (In Russian)

27. *Grigor'yev, V. N.* O metode pravovogo regulirovaniya pri otmene aresta, nalozhennogo na tsennyye bumagi, pri proizvodstve po ugolovnomu delu [On the method of legal regulation when lifting the seizure imposed on securities during criminal proceedings]. *Yevropeyskiy zhurnal sotsial'nykh nauk [European Journal of Social Sciences]*. 2013, no. 2(30), pp. 508–511. (In Russian)

28. *Grigor'yev V. N., Zaytsev O. A.* Novyy instrument pravovogo regulirovaniya statusa uchastnikov ugolovnogo proizvodstva [New instrument of legal regulation of the status of participants in criminal proceedings]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Tomsk State University]*. 2016, no. 413, pp. 205–209. (In Russian)

29. *Grigor'yev V. N.* Obreteniye litsom ugolovno-protsessual'nogo statusa podozrevayemogo: v chem problemy? [Acquisition of the criminal procedural status of a suspect by a person: what are the problems?]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii [Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia]*. 2016, no. 4, pp. 41–46. (In Russian)

30. *Grigor'yev V. N.* O fakticheskom zaderzhanii podozrevayemogo [On the actual detention of a suspect]. *Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii [Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia]*. 2020, no. 3(89), pp. 77–81. (In Russian)

31. *Grigor'yev V. N., Novikov A. V., Prokhorova E. A., Slabkaya D. N.* Aktual'nyye problemy vozbuzhdeniya ugolovnogo dela [Actual problems of initiating a criminal case]. M., 2016. 107 p. (In Russian)

32. *Grigor'yev V. N., Prokhorova E. A.* Vozbuzhdeniye ugolovnogo dela: staryye problemy, sovremennyye materialy, raznyye varianty resheniy [Initiating a criminal case: old problems, modern materials, different options for solutions]. *Voprosy pravovedeniya [Questions of Jurisprudence]*. 2015, no. 5(33), pp. 83–142. (In Russian)

33. *Grigor'yev V. N., Panfilov P. O., Terekhov M. Yu.* Otkaz ot svobodnoy otsenki dokazatel'stv na primere «amnistii kapitala»: ocherednoy udar po publichnosti ugolovnogo protsessa Rossii [Refusal of free assessment of evidence on the example of "capital amnesty": another blow to the publicity of criminal proceedings in Russia]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo [Bulletin of Tomsk State University. Law]*. 2022, no. 44, pp. 58–70. (In Russian)

34. *Grigor'yev V. N.* O trevozhnykh tendentsiyakh v dokazyvanii fakticheskikh obstoyatel'stv vmenennogo deyaniya [On alarming trends in proving the factual circumstances of the imputed act]. In *Nauchnyye trudy. Rossiyskaya akademiya yuridicheskikh nauk. Vypusk 20 [Scientific works. Russian Academy of Law Sciences. Volume Issue 20]*. M., 2020, pp. 302–305. (In Russian)

35. *Grigor'yev V. N., Dikarev V. G.* Ob ustanovlenii istiny po ugolovnomu delu [On establishing the truth in a criminal case]. *Vestnik Vserossiyskogo instituta povysheniya kvalifikatsii sotrudnikov Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii [Bulletin of the All-Russian Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation]*. 2016, no. 1(37), pp. 32–36. (In Russian)

36. *Grigor'yev V. N.* Zametki o normativnom regulirovanii zaklyucheniya spetsialista po ugolovnomu delu [Notes on the regulatory framework for the expert opinion on a criminal case]. In *Nauchnyye trudy FKU NII FSIN Rossii. Vyp. 4. [Scientific works of the Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Volume Issue 4]*. M., 2019, pp. 10–16. (In Russian)

37. *Grigor'yev V. N., Pobedkin A. V.* Ponyatiye pokazaniy v ugolovnom sudoproizvodstve: diskussiya obostryayetsya [The concept of testimony in criminal proceedings: the discussion is intensifying]. *Voprosy pravovedeniya [Issues of Jurisprudence]*. 2010, no. 2(6), pp. 193–220. (In Russian)

38. *Grigor'yev V. N.* O sostyazatel'nosti [On adversarial nature]. *Sovremennoye ugolovno-protsessual'noye pravo – uroki istorii i problemy dal'neyshego reformirovaniya [Modern criminal procedural law – lessons of history and problems of further reform]*. 2020, T. 1, no. 1(2), pp. 145–150. (In Russian)

39. *Grigor'yev V. N.* Vse li ladno s sostyazatel'nost'yu v ugolovnom sudoproizvodstve Rossii? [Is everything okay with adversarial nature in criminal proceedings in Russia?]. In *Sovremennyye problemy ugolovnogo protsessa: puti resheniya [Modern problems of criminal procedure: solutions]*. Ufa, 2020, pp. 38–42. (In Russian)

40. *Grigor'yev V. N., Zinchenko I. A., Pobedkin A. V.* O sovremennykh vozzreniyakh na prezumptsiyu nevinovnosti [On modern views on the presumption of innocence]. *Voprosy pravovedeniya [Questions of jurisprudence]*. 2012, no. 3(15), pp. 126–143. (In Russian)

41. *Grigor'yev V. N.* Nekotoryye suzhdeniya o rezul'tatakh operativno-rozysknoy deyatel'nosti [Some opinions on the results of operational-search activities]. *Sudebnaya vlast' i ugolovnyy protsess [Judicial power and criminal procedure]*. 2018, no. 2, pp. 48–52. (In Russian)

42. *Grigor'yev V. N.* Variant normativnoy modeli nadeleniya sledovatelya operativnymi polnomochiyami [A variant of the normative model for vesting an investigator with operational powers]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii [Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia]*. 2013, no. 7, pp. 45–47. (In Russian)

43. *Grigor'yev V. N., Tarasov M. Yu.* Novyye aspekty deyatel'nosti prokuratury Rossiyskoy Federatsii v sfere mezhdunarodnogo rozyska v usloviyakh nedruzhestvennykh shagov v otnoshenii Rossii [New aspects of the activities of the Prosecutor's Office of the Russian Federation in the field of international search in the context of unfriendly steps towards Russia]. *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava [Issues of Russian and International Law]*. 2023, T. 13. no. 1-2-1, pp. 349–359. (In Russian)

44. *Grigor'yev V. N., Zaytsev O. A., Tarasov M. Yu.* O novoy kontseptsii v issledovanii mezhdunarodnogo rozyska [On a new concept in the study of international search]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo [Bulletin of Tomsk State University. Law]*. 2021, no. 39, pp. 15–25. (In Russian)

45. *Grigor'yev V. N.* O nekotorykh voprosakh pri ekstraditsii [On Some Issues of Extradition]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo [Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky]*. 2018, no. 2, pp. 122–129. (In Russian)

46. *Grigor'yev V. N.* O problemakh zloupotrebleniya pravom pri primenenii ch. 1 st. 110 UPK RF [On the Problems of Abuse of Law in the Application of Part 1 of Article 110 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation]. In *Pravovyye problemy ukrepleniya Rossiyskoy gosudarstvennosti [Legal Problems of Strengthening Russian Statehood]*. Tomsk, 2018, pp. 29–38. (In Russian)

47. *Andreyeva O. I., Grigor'yev V. N., Zaytsev O. A., Trubnikova T. V.* Zloupotrebleniye pravom, yego preduprezhdeniye i presecheniye v ugolovnom protsesse Rossii: nekotoryye itogi issledovaniya [Abuse of Law,

Its Prevention and Suppression in Criminal Procedure in Russia: Some Results of the Research]. *Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal [All-Russian Criminological Journal]*. 2018, T. 12, no. 6, pp. 914–924. (In Russian)

48. Tsifrovizatsiya sudoproizvodstva: nauchno-prakticheskiy (postateynyy) kommentariy pravovykh aktov [Digitalization of legal proceedings: scientific and practical (article-by-article) commentary on legal acts]. M., 2020. 320 p. (In Russian)

49. *Grigor'yev V. N.* O regulirovanii tsifrovykh otnosheniy v sfere ugolovno-protsessual'noy deyatel'nosti organov sudebnoy i ispolnitel'noy vlasti [On the regulation of digital relations in the sphere of criminal procedural activities of judicial and executive authorities]. *Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii [Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia]*. 2019, no. 3(85), pp. 87–92. (In Russian)

50. *Grigor'yev V. N.* Iz opyta predstavleniya rezul'tatov dissertatsionnogo issledovaniya v Akademii upravleniya MVD Rossii [From the experience of presenting the results of dissertation research at the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. In *Dissertatsionnoye issledovaniye: tekhnologii podgotovki [Dissertation research: preparation technologies]*. M., 2023, pp. 142–153. (In Russian)

51. *Dikarev V. G., Grigor'yev V. N.* Sovremennyye formy organizatsii obucheniya v sisteme dopolnitel'nogo obrazovaniya v ramkakh povysheniya kvalifikatsii sotrudnikov pravookhranitel'nykh organov [Modern forms of training organization in the system of additional education as part of advanced training of law enforcement officers]. *NB: Rossiyskoye politseyskoye pravo [NB: Russian police law]*. 2013, no. 3, pp. 75–89. (In Russian)

52. *Grigor'yev V. N., Tarasov M. Yu.* O presechenii rasprostraneniya narkoticheskikh sredstv i psikhotropnykh veshchestv na territorii Soyuznogo gosudarstva [On the suppression of the distribution of narcotic drugs and psychotropic substances on the territory of the Union State]. *Vestnik Vserossiyskogo instituta povysheniya kvalifikatsii sotrudnikov Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii [Bulletin of the All-Russian Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation]*. 2024, no. 1(69), pp. 89–94. (In Russian)

53. *Grigor'yev V. N., Sumin A. A.* Vvedeniye v ugolovnyy protsess Turtsii [Introduction to the criminal procedure in Turkey]. M., 2018. 192 p. (In Russian)

54. *Grigor'yev V. N., Pobedkin A. V.* K 20-letiyu Zakona o prokurature [On the 20th anniversary of the Law on the Prosecutor's Office]. *Zakonnost' [Legality]*. 2016, no. 6(980), pp. 22–23. (In Russian)

55. Kriminalisticheskoye obespecheniye deyatel'nosti kriminal'noy militsii i organov predvaritel'nogo rassledovaniya [Forensic support for the activities of the criminal police and preliminary investigation bodies]. M., 1997. 398 p. (In Russian)

56. Kommentariy k Ugolovno-protsessual'nomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii [Commentary to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation]. M., 2002. 864 p. (In Russian)

57. Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii [Criminal Procedure Code of the Russian Federation]. M., 2023. 1280 p. (In Russian)

58. Ugolovnyy protsess. Kratkiy kurs [Criminal Procedure. Brief Course]. M., 2025. 352 p. (In Russian)

59. Ugolovno-protsessual'noye pravo [Criminal Procedure Law]. M., 2025. 799 p. (In Russian)

60. *Grigor'yev V. N.* Femida v poiskakh udobnoy formy (o nekotorykh sovremennykh tendentsiyakh v razvitii ugolovno-protsessual'noy formy [Themis in Search of a Convenient Form (on Some Modern Trends in the Development of the Criminal Procedure Form]. *Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava [Actual problems of Russian law]*. 2015, no. 12(61), pp. 116–122. (In Russian)

61. *Grigor'yev V. N.* Nachalo ugolovnogo proizvodstva: sistema sderzhek i protivovesov [The beginning of criminal proceedings: the system of checks and balances]. *Soyuz kriminalistov i kriminologov [Union of criminalists and criminologists]*. 2013, no. 2, pp. 17–21. (In Russian)

62. *Grigor'yev V. N.* Ustav ugolovnogo sudoproizvodstva 1864 g. kak istochnik iznachal'nogo smysla sovremennykh ugolovno-protsessual'nykh kategoriy [The Charter of Criminal Procedure of 1864 as the source of the original meaning of modern criminal procedural categories]. *Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava [Actual problems of Russian law]*. 2014, no. 7(44), Pp. 1409–1414. (In Russian)

63. *Grigor'yev V. N.* Yuridicheskaya nauka v Rossii: nuzhny fundamental'nyye nauchnyye issledovaniya (nekotoryye zametki otraslevika) [Legal science in Russia: fundamental scientific research is needed (some notes from an industry specialist)]. In *Rol' i znacheniye yuridicheskoy nauki v razvitii obshchestva [The role and importance of legal science in the development of society]*. M., 2016, pp. 25–30. (In Russian)

64. *Grigor'yev V. N.* Rezul'taty smeny paradigmy v issledovaniyakh ugolovnogo protsessa [Results of the paradigm shift in criminal process research]. *Vestnik Vserossiyskogo instituta povysheniya kvalifikatsii sotrudnikov*

Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii [Bulletin of the All-Russian Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation]. 2017, no. 2(42), Pp. 38–46. (In Russian)

65. *Grigor'yev V. N.* Ugolovno-protsessual'naya forma ili administrativnyy reglament: sovremennyye trendy [Criminal-procedural form or administrative regulations: modern trends]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo [Bulletin of St. Petersburg University. Law]*. 2018, T. 9, no. 1, pp. 42–51. (In Russian)

66. *Grigor'yev V. N.* O nekotorykh zamechaniyakh k normativnym formulirovkam naznacheniya ugolovnogo sudoproizvodstva [On some comments on the normative formulations of the purpose of criminal proceedings]. *Pravovoye gosudarstvo: teoriya i praktika [The rule of law: theory and practice]*. 2021, no. 1(63), pp. 127–133. (In Russian)

67. *Grigor'yev V. N.* Normativnyye formulirovki naznacheniya ugolovnogo sudoproizvodstva i yego real'noye soderzhaniye [Normative formulations of the purpose of criminal proceedings and its real content]. *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti [Bulletin of Economic Security]*. 2021, no. 2, pp. 122–125. (In Russian)

68. *Grigor'yev V. N.* Sovremennyye aspekty ugolovnogo proizvodstva kak sredstva zashchity prav grazhdan [Modern aspects of criminal proceedings as a means of protecting the rights of citizens]. In *Aktual'nyye problemy pravovoy zashchity publichnykh i chastnykh interesov v Rossiyskoy Federatsii i Azerbaydzhanskoy Respublike [Actual problems of legal protection of public and private interests in the Russian Federation and the Republic of Azerbaijan]*. M., 2014, pp. 14–18. (In Russian)

69. *Grigor'yev V. N.* Sud ne na osud, a na rassud [The court is not for condemnation, but for judgment]. In *Problemy primeneniya ugolovnogo i ugolovno-protsessual'nogo zakonodatel'stva [Problems of application of criminal and criminal procedure legislation]*. Simferopol', 2018, pp. 197–199. (In Russian)

70. *Grigor'yev V. N., Zaytsev O. A., Maksimov O. A.* Khodataystva i zhaloby kak «gradoobrazuyushchiy» element sushchnosti ugolovnogo protsessa [Petitions and complaints as a "city-forming" element of the essence of criminal proceedings]. *Pravovoye gosudarstvo: teoriya i praktika [Legal state: theory and practice]*. 2023, no. 1(71), pp. 10–16. (In Russian)

71. *Khimicheva O. V., Sharov D. V., Terekhov A. Yu.* K yubileyu vydayushchegosya uchenogo. *Professor V. N.* Grigor'yev: kontseptsiya zaderzhaniya podozrevayemogo [On the anniversary of an outstanding scientist. *Professor V. N.* Grigoriev: The concept of detaining a suspect]. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika [Legal Science and Law Enforcement Practice]*. 2020, no. 4 (54), pp. 116–122. (In Russian)

72. *Grigor'yev V. N. Professor N. S.* Alekseyev ob istine i tseli dokazyvaniya po ugolovnym delam [Alekseev on the truth and purpose of proof in criminal cases]. In *Obvineniye i zashchita po ugolovnym delam: istoricheskiy opyt i sovremennost' [Prosecution and defense in criminal cases: historical experience and modernity]*. SPb., 2015, pp. 43–49. (In Russian)

73. *Grigor'yev V. N.* O roli *professora R. S.* Belkina v sovremennom stanovlenii i razvitii kontseptsii rassledovaniya prestupleniy v chrezvychaynykh usloviyakh [On the role of *Professor R. S.* Belkin in the modern formation and development of the concept of investigating crimes in emergency situations]. In *Sovremennoye razvitiye kriminalistiki i sudebnoy ekspertizy kak realizatsiya idey R. S. Belkina [Modern development of forensic science and forensic examination as the implementation of the ideas of R. S. Belkin]*. M., 2018, pp. 243–248. (In Russian)

74. *Grigor'yev V. N.* Chto nam nuzhno v demokraticheskoy Rossii (ob *otnoshenii R. S.* Belkina k novym vyzovam sovremennosti) [What do we need in a democratic Russia (*on R. S.* Belkin's attitude to new challenges of our time)]. In *Kriminalistika i novyye vyzovy sovremennosti (58-ye kriminalisticheskiye chteniya) [Forensic science and new challenges of our time (58th forensic readings)]*. M., 2018, pp. 82–86. (In Russian)

75. *Grigor'yev V. N. B. B.* Bulatov u istokov issledovaniya pravovoy prirody i normativno-pravovogo regulirovaniya zaderzhaniya osuzhdennogo [B. B. Bulatov at the origins of the study of the legal nature and legal regulation of the detention of a convicted person]. In *Pravovyye i gumanitarnyye problemy ugolovno-protsessual'nogo prinuzhdeniya [Legal and humanitarian problems of criminal procedural coercion]*. Omsk, 2024, pp. 49–54. (In Russian)

76. *Grigor'yev V. N., Pobedkin A. V.* Problemy teorii i praktiki ugolovnogo protsessa: istoriya i sovremennost' / pod red. V. A. Panyushkina. Voronezh: izd-vo Voronezh. Gos. Un-ta, 2006. 744 p. [Problems of the theory and practice of criminal procedure: history and modernity / edited *by V. A.* Panyushkin. Voronezh: Voronezh Publishing House. State University, 2006. 744 p.]. *Gosudarstvo i pravo [State and Law]*. 2009, no. 2, pp. 120–122. (In Russian)

77. *Grigor'yev V. N.* Vysokiy status spetsialista (pro Vadima Nikolayevicha Makhova i tendentsii razvitiya ugolovno-protsessual'nogo zakonodatel'stva) [High status of a specialist (about Vadim Nikolaevich Makhov

and trends in the development of criminal procedural legislation)]. In *Tendentsii razvitiya ugolovnogo i ugolovno-protsessual'nogo zakonodatel'stva [Trends in the development of criminal and criminal procedural legislation]*. M., 2016, pp. 11–18. (In Russian)

78. *Grigor'yev V. N. M. S.* Strogovich protiv «usechennoy» metodiki osmotra mesta proisshestviya? [Strogovich against the "truncated" methodology of examining the scene of a crime?]. In *Ugolovno-pravovyye, ugolovno-protsessual'nyye i kriminalisticheskiye aspekty protivodeystviya sovremennoy prestupnosti [Criminal-legal, criminal-procedural and forensic aspects of combating modern crime]*. Stavropol', 2020, pp. 64–68. (In Russian)

79. *Grigor'yev V. N.* Byl li *professor M. S.* Strogovich protiv «usechennoy» metodiki osmotra mesta proisshestviya v boyevoy obstanovke? [Was *Professor M. S.* Strogovich against the "truncated" methodology of examining the scene of a crime in a combat situation?]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo [Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky]*. 2020, no. 6, pp. 58–62. (In Russian)

80. *Grigor'yev V. N.* «Sushchnost' i sposoby sobiraniya dokazatel'stv v ugolovnom protsesse»: blesk i vektory vostrebovannosti tvorcheskogo naslediya *professora S. A.* Sheyfera ["The Essence and Methods of Collecting Evidence in Criminal Proceedings": The Brilliance and Vectors of Demand for the Creative Heritage of *Professor S. A.* Sheifer]. *Yuridicheskiy vestnik Samarskogo universiteta [Legal Bulletin of Samara University]*. 2017, T. 3, no. 4, pp. 13–24. (In Russian)

81. *Grigor'yev V. N.* O normakh i institutakh, dopuskayushchikh razresheniye dela ne na osnove ustanovleniya istiny (zolotyye zerna tvorcheskogo dostoyaniya *professora S. A.* Sheyfera) [On the Norms and Institutions Allowing for a Case to Be Resolved Other Than Establishing the Truth (Golden Grains of the Creative Heritage of *Professor S. A.* Sheifer)]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Samara State University]*. 2014, no. 11–1(122), pp. 23–28. (In Russian)

82. *Grigor'yev V. N.* O poznavatel'noy sushchnosti sledstvennykh deystviy i roli *professora S. A.* Sheyfera v yeye vyyavlenii i issledovanii [On the Cognitive Essence of Investigative Actions and the Role of *Professor S. A.* Sheifer Shafer in its identification and study]. *Aktual'nyye problemy sovremennogo ugolovnogo protsessa Rossii. Vyp. 5 [Actual problems of modern criminal procedure in Russia Volume Issue 5]*. Samara, 2010, pp. 214–217. (In Russian)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Акимов Петр Андреевич – адъюнкт 1-го года обучения факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, petrakimov2@gmail.com

Бессонова Антонина Олеговна – адвокат Московской коллегия адвокатов «Семенова и Партнеры», law_consulting@mail.ru

Бирюков Иван Игоревич – аспирант, младший научный сотрудник центра уголовного и уголовно-процессуального законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, bii32@icloud.com

Бодров Николай Филиппович – кандидат юридических наук, доцент кафедры судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), bodrovnf@gmail.com

Васильев Александр Геннадьевич – Оренбургский городской филиал Башкирской республиканской коллегии адвокатов, o.g.korm@gmail.com

Гилинский Яков Ильич – доктор юридических наук, профессор, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, yakov.gilinsky@gmail.com

Глоба Валерия Витальевна – преподаватель кафедры криминалистики и правовой информатики Кубанского государственного университета, globa97@internet.ru

Демидова-Петрова Елизавета Викторовна – доктор юридических наук, доцент, заслуженный юрист Республики Татарстан, член-корреспондент Академии наук Республики Татарстан, директор Казанского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, demidova.liza@gmail.com

Жилкин Максим Геннадьевич – доктор юридических наук, доцент, главный редактор журнала «Союз криминалистов и криминологов», профессор кафедры уголовного права и криминологии Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя, zmax71@mail.ru

Зайцев Олег Александрович – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, вице-президент Международного союза криминалистов и криминологов, главный научный сотрудник центра уголовного и уголовно-процессуального законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, crim@izak.ru

Закомолдин Руслан Валериевич – научный сотрудник НИИ Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, rus.zackomldin@yandex.ru

Звягинцев Александр Григорьевич – заместитель директора Института государства и права РАН, государственный советник юстиции 1 класса, заслуженный юрист Российской Федерации, Вице-президент Союза криминалистов и криминологов, 1825za@mail.ru

Игнатов Александр Николаевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминологии Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, aleksandrignatov@mail.ru

Ильяшенко Алексей Николаевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса Кубанского государственного университета, ailyashenko@mail.ru

Казак Бронислав Брониславович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой оперативно-розыскной деятельности юридического факультета Академии ФСИН России, kafoppd@rambler.ru

Кибальник Алексей Григорьевич – профессор Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России; профессор Северо-Кавказского социального института, доктор юридических наук, профессор, 13kln@mail.ru

Клоченко Лариса Николаевна – кандидат филологических наук, кандидат юридических наук, доцент кафедры публичного права и уголовно-правовых дисциплин АНО ВО «Российский новый университет», larisa-dmstu@yandex.ru

Ковальчук Алексей Васильевич – кандидат юридических наук, доцент, докторант научно-педагогического факультета Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь, kovalchusha@mail.ru

Костенко Роман Валерьевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса Кубанского государственного университета, rom-kostenko@yandex.ru

Кот Екатерина Александровна – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры административно-правовых дисциплин и информационного обеспечения ОВД Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России, katerina.kot.89@bk.ru

Кучина Ярослава Олеговна – кандидат юридических наук, доцент, LL.M., Ph.D., доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Дальневосточного филиала Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, yakuchina@gmail.com

Лавриненко Александра Александровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры общеправовых дисциплин Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России, sasha-lavrinenko@mail.ru

Лебедева Антонина Константиновна – кандидат юридических наук, доцент кафедры судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), tonya109@yandex.ru

Максимов Олег Александрович – заведующий кафедрой уголовного процесса Ульяновского государственного университета, доктор юридических наук, доцент, o_maksimov@mail.ru

Мишин Андрей Викторович – доктор юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Казанского (Приволжского) федерального университета, av-mishel@mail.ru

Пушкина Анна Викторовна – кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора процессуального права Института государства и права Российской академии наук, ann-pushkina@yandex.ru

Россинская Елена Рафаиловна – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, академик Российской академии естественных наук, заведующий кафедрой судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), elena@rossinskaya.ru; elena.rossinskaya@gmail.com

Руденко Александр Викторович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминалистики и правовой информатики Кубанского государственного университета, rudenkoalex@mail.ru

Сарсенбаев Талгат Есеналиевич – директор Школы права и государственного управления Университета NARXOZ (г. Алматы), Почетный профессор Международного союза криминалистов и криминологов, доктор юридических наук, профессор, talgat.sarsenbayev@gmail.com

Севостьянова Анастасия Витальевна – кандидат юридических наук, anvise@mail.ru

Тангиев Бахаудин Батырович – кандидат юридических наук, кандидат технических наук, профессор, заслуженный деятель науки и техники РАЕ, почетный эколог, академик МАНЭБ, эксперт ЮНЕСКО в области экокриминологии, информационных криминолого-криминалистических технологий и мультимодальных систем обеспечения экобезопасности. Санкт-Петербургский международный криминологический клуб, tangievb@yandex.ru

Трушина Ирина Олеговна – адъюнкт Факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, trushinairisha17@gmail.com

Урда Маргарита Николаевна – доктор юридических наук, и.о. заведующего кафедры уголовного права Юго-Западного государственного университета, urda.ru@rambler.ru

Харабет Константин Васильевич – кандидат юридических наук, доцент, полковник юстиции запаса, исполнительный директор Фонда содействия научным исследованиям в области правового обеспечения безопасности человека имени проф. А. А. Тер-Акопова (Москва), harabet@ mail.ru

Чистяков Константин Владимирович – кандидат юридических наук, доцент, Заведующий аспирантурой Международного юридического института, ch1styakov@mail.ru

Шевырталов Егор Павлович – адъюнкт адъюнктуры Уральского юридического института МВД России, shevyrtalove@yandex.ru

Шувалов Александр Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент, заместитель начальника кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, shuvalov81@mail.ru

Шутова Юлия Александровна – кандидат юридических наук, преподаватель кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета МВД России, yulya.shiganvoa.96@mail.ru

INFORMATIONEN ÜBER DIE AUTOREN

Akimov Petr Andreevich – Anhang des 1. Ausbildungsjahres fakultät für die Ausbildung von wissenschaftlichen und pädagogischen und wissenschaftlichen Fachkräften von der Moskauer Universität des russischen Innenministeriums benannt nach W. I. Kikotja, petrakimov2@gmail.com

Bessonova Antonina Olegovna – Rechtsanwältin der Moskauer Anwaltskammer „Semenova und Partner", law_consulting@mail.ru

Biryukov Ivan Igorevich – Postgraduierte, Forschungsassistent des Zentrums für Kriminalbeamte und strafprozessrecht Institut für Gesetzgebung und vergleichende Rechtswissenschaft bei der Regierung der Russischen Föderation, bii32@icloud.com

Bodrov Nikolay Filippoivich – Kandidat der Rechtswissenschaften, Außerordentlicher Professor der Abteilung für forensische Gutachten der O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL), bodrovnf@gmail.co

Demidova-Petrova Elizaveta Viktorovna – Doktorin der Rechtswissenschaften, außerordentliche Professorin, Verdiente Juristin der Republik Tatarstan, Korrespondierendes Mitglied der Akademie der Wissenschaften der Republik Tatarstan, Direktorin des Kasaner Rechtsinstituts (Zweigstelle) der Universität der Staatsanwaltschaft der Russischen Föderation, demidova.liza@gmail.com

Gilinsky Yakov Ilyich – Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, St. Petersburger Rechtsinstitut (Zweigstelle) der Universität der Staatsanwaltschaft der Russischen Föderation, yakov.gilinsky@gmail.com

Globa Valeria Vitalievna – Dozentin der Abteilung für Kriminalistik und Rechtsinformatik an der Kubanischen Staatlichen Universität, globa97@internet.ru

Ignatow Alexander Nikolajewitsch – Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor der Abteilung für Kriminologie, V. Ya. Kikotya Moskauer Universität des Innenministeriums der Russischen Föderation, aleksandrignatov@mail.ru

Ilyashenko Alexey Nikolaevich – Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor der Abteilung für Strafprozessrecht Kuban State University, ailyashenko@mail.ru

Kazak Bronisław Bronisławowicz – Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Leiter des Lehrstuhls für operativ-suchende Tätigkeiten der juristischen Fakultät der Akademie des Bundesdienstes für Justizvollzug Russlands, kafoppd@rambler.ru

Kharabet Konstantin Vasilievich – Kandidat der Rechtswissenschaften, außerordentlicher Professor, Oberst der Justizreserve, Exekutivdirektor der Prof. A. A. Ter-Akopov-Stiftung zur Förderung der wissenschaftlichen Forschung im Bereich der rechtlichen Gewährleistung der menschlichen Sicherheit (Moskau), harabet@mail.ru

Kibalnik Alexei Grigorievich – Professor der Stavropol-Filiale der Krasnodar-Universität des Innenministeriums der Russischen Föderation; Professor des Nordkaukasischen Sozialinstituts, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, 13kln@mail.ru

Klochenko Larisa Nikolaevna – Kandidatin der philologischen Wissenschaften, Kandidatin der Rechtswissenschaften, Assoziierte Professorin, Abteilung für öffentliches Recht und strafrechtliche Disziplinen Autonome Non-Profit-Organisation der höheren Bildung Russische neue Universität, larisa-dmstu@yandex.ru

Kostenko Roman Valerievich – Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor der Abteilung für Strafprozessrecht Kuban State University, rom-kostenko@yandex.ru

Kot Ekaterina Alexandrovna – Kandidatin in Rechtswissenschaften, leitende Lehrerin der Abteilung für administrative und rechtliche Disziplinen und Informationsunterstützung der ATS der Kaliningrader Filiale der St. Petersburger Universität des russischen Innenministeriums, katerina.kot.89@bk.ru

Kovalchuk Alexey Vasilievich – Kandidat der Rechtswissenschaften, Dozent, Doktorand der wissenschaftlich-pädagogischen Fakultät der Akademie des Innenministeriums der Republik Belarus, kovalchusha@mail.ru

Kuchina Yaroslava Olegovna – Kandidatin der Rechtswissenschaften, außerordentliche Professorin, LL.M., Ph.D., außerordentliche Professorin der Abteilung für Strafrecht am Fernöstlichen Zweig der Russischen Staatlichen Universität für Justiz, benannt nach V. M. Lebedev, yakuchina@gmail.com

Lavrinenko Alexandra Alexandrovna – Kandidatin in Rechtswissenschaften, Dozentin der Abteilung für allgemeine Rechtsdisziplinen der Kaliningrader Filiale der St. Petersburger Universität des russischen Innenministeriums, sasha-lavrinenko@mail.ru

Lebedeva Antonina Konstantinovna – Kandidatin der Rechtswissenschaften, Außerordentlicher Professor der Abteilung für forensische Gutachten der O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL), tonya109@yandex.ru

Maximov Oleg Aleksandrovich – Leiter der Abteilung für Strafprozessrecht der Staatlichen Universität Uljanowsk, Doktor der Rechtswissenschaften, Außerordentlicher Professor, o_maksimov@mail.ru

Mishin Andrey Viktorovich – Doktor der Rechtswissenschaften, Dozent der Abteilung für Strafverfahren und Kriminalistik der Föderalen Universität Kasan (Wolga-Region), av-mishel@mail.ru

Pushkina Anna Viktorovna – Kandidatin der Rechtswissenschaften, außerordentliche Professorin, leitende Forscherin im Bereich Verfahrensrecht des Instituts für Staat und Recht der Russischen Akademie der Wissenschaften, ann-pushkina@yandex.ru

Rossinskaya Elena Rafailovna – Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation, ehrenamtlicher Mitarbeiter der höheren beruflichen Bildung der Russischen Föderation, Akademiker der Russischen Akademie der Naturwissenschaften, Leiter der Abteilung für forensische Untersuchungen der Moskauer Staatlichen Juristischen Universität namens O. E. Kutafin (MGYUA), elena@rossinskaya.ru; elena.rossinskaya@gmail.com

Rudenko Alexandr Viktorovich – Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Leiter der Abteilung für Kriminalistik und Rechtsinformatik an der Kubanischen Staatlichen Universität, rudenkoalex@mail.ru

Sarsenbayev Talgat Yesenalievich – Direktor der Fakultät für Recht und öffentliche Verwaltung der NARXOZ-Universität (Almaty), Honorarprofessor der Internationalen Union der Kriminologen, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, talgat.sarsenbayev@gmail.com

Schutowa Julia Alexandrowna – Kandidatin der Rechtswissenschaften, Dozentin an der Abteilung für Strafrecht St. Petersburger Universität des Innenministeriums der Russischen Föderation, yulya.shiganvoa.96@mail.ru

Sevostjanowa Anastasija Witaljewna – Kandidatin der Rechtswissenschaften, anvise@mail.ru

Shevyrtalov Egor Pavlovich – Aspirant der militärischen Aspirantur des Uraler Juristischen Instituts des Innenministeriums der Russischen Föderation, shevyrtalove@yandex.ru

Shuvalov Alexandr Anatolyevich – Kandidat der Geschichtswissenschaften, Dozent, stellvertretender Leiter der Abteilung für Staats- und Zivilrecht der Moskauer Regionalabteilung der Moskauer Kikot‘ Universität des russischen Innenministeriums, shuvalov81@mail.ru

Tangiev Bahaudin Batyrovich – Kandidat der Rechtswissenschaften, Kandidat der technischenWissenschaften, Professor, VerdienterWissenschaftler und Techniker der Russischen Akademie der Wissenschaften, VerdienterÖkologe, Akademiker der Russischen Akademie der Wissenschaften, UNESCO-Experte auf dem Gebiet der Öko-Kriminologie, der kriminologischen und forensischenInformationstechnologien und der multimodalenÖko-Sicherheitssysteme. InternationalerKriminologischer Club St. Petersburg, tangievb@yandex.ru

Trushina Irina Olegowna – außerordentliche Fakultät für Ausbildung wissenschaftlich-pädagogische und wissenschaftliche Mitarbeiter von der Moskauer Universität des russischen Innenministeriums benannt nach V. Ya. Kikotja, trushinairisha17@gmail.com

Tschistjakow Konstantin Wladimirowitsch – Kandidat der Rechtswissenschaften, außerordentlicher Professor, Leiter des Postgraduiertenstudiums Institut für Internationales Recht, ch1styakov@mail.ru

Urda Margarita Nicolaevna – Doktor der Rechtswissenschaften (Dr. iur.), Kommissarische Leiterin des Lehrstuhls für Strafrecht, Südwestliche Staatliche Universität, urda.ru@rambler.ru

Vasiliev Alexander Gennadievich – Orenburger Zweigstelle der Baschkirischen Republikanischen Anwaltskammer, o.g.korm@gmail.com

Zaitsev Oleg Aleksandrovich – Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation, Verdienter Mitarbeiter der Hochschulbildung der Russischen Föderation, Vizepräsident der Internationalen Union der Kriminologen, Leitender Forscher des Zentrums für Straf- und Strafprozessrecht des Instituts für Gesetzgebung und Rechtsvergleichung der Regierung der Russischen Föderation, crim@izak.ru

Zakomoldin Ruslan Valerievich – Wissenschaftlicher Mitarbeiter des Forschungsinstituts der Universität der Staatsanwaltschaft der Russischen Föderation, Kandidat der Rechtswissenschaften, außerordentlicher

Professor, ehrenamtlicher Mitarbeiter der höheren Berufsbildung der Russischen Föderation, rus.zackomldin@yandex.ru

Zhilkin Maxim Gennadjewitsch – Doktor der Rechtswissenschaften, außerordentlicher Professor, Chefredakteur der Zeitschrift „Union der Kriminalisten und Kriminologen“, Professor der Abteilung für Strafrecht und Kriminologie von der Moskauer Universität des russischen Innenministeriums benannt nach V. Ya. Kikotya, zmax71@mail.ru

Zvyagintsev Alexander Grigorievich – stellvertretender Direktor des Instituts für Staat und Recht der Russischen Akademie der Wissenschaften, Staatsberater der Justiz der 1. Klasse, verdienter Rechtsanwalt der Russischen Föderation, Vizepräsident des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen, 1825za@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Akimov Petr Andreevich – post graduate student of the 1st year of study at the Faculty of Training scientific, pedagogical and scientific personnel of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikotya, petrakimov2@gmail.com

Bessonova Antonina Olegovna – Lawyer of the Moscow Bar Association "Semenova and Partners", law_consulting@mail.ru

Biryukov Ivan Igorevich – Postgraduate student, Junior researcher of the Center for Criminal and Criminal Procedure Legislation Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, bii32@icloud.com

Bodrov Nikolay Filippoivich – Ph.D. (Law), associate professor of Forensic Expertise's department at Kutafin Moscow State Law University (MSAL), bodrovnf@gmail.com

Chistyakov Konstantin Vladimirovich – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Head of Postgraduate Studies International Law Institute, ch1styakov@mail.ru

Demidova-Petrova Elizaveta Viktorovna – Doctor of Law (Higher Doctorate), Associate Professor, Honored Lawyer Corresponding Member of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Director of the Kazan Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, demidova.liza@gmail.com

Gilinsky Yakov Ilyich – Doctor of Legal Sciences, Professor, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, yakov.gilinsky@gmail.com

Globa Valeria Vitalievna – Lecturer at the Department of Criminology and Legal Informatics Kuban State University, globa97@internet.ru

Ignatov Aleksandr Nikolayevich – Doctor of Law, Professor, Professor of Criminology at the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', aleksandrignatov@mail.ru

Ilyashenko Alexey Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure Kuban State University, ailyashenko@mail.ru

Kazak Bronislav Bronislavovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Operational Investigation Activities of the Faculty of Law of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, kafoppd@rambler.ru

Kharabet Konstantin Vasilievich – Candidate of Law, Associate Professor, Colonel of Justice of the Reserve, Executive Director of the Prof. A. A. Ter-Akopov Foundation for Assistance to Scientific Research in the Field of Legal Ensuring of Human Security (Moscow), harabet@ mail.ru

Kibalnik Alexey Grigorievich – Professor at the Stavropol branch of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia; Professor at the North Caucasus Social Institute, Doctor of Law, Professor, 13kln@mail.ru

Klochenko Larisa Nikolaevna – Candidate of Legal Sciences, Candidate of Philological Sciences, Associate Profefessor of the Chair public law and criminal law disciplines, Autonomous non-profit organization of higher education Russian new university, larisa-dmstu@yandex.ru

Kostenko Roman Valerievich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure Kuban State University, rom-kostenko@yandex.ru

Kot Ekaterina Alexandrovna – Candidate of Legal Sciences, Senior Lecturer at the Department of Administrative and Legal Disciplines and Information Support of the Department of Internal Affairs Kaliningrad Branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, katerina.kot.89@bk.ru

Kovalchuk Alexey Vasilievich – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Doctoral Student of the Scientific and Pedagogical Faculty of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, kovalchusha@mail.ru

Kuchina Yaroslava Olegovna – Candidate of Law, Associate Professor, LL.M., Ph.D., Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines of the Far Eastern Branch of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, yakuchina@gmail.com

Lavrinenko Alexandra Alexandrovna – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of General Legal Disciplines Kaliningrad Branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, sasha-lavrinenko@mail.ru

Lebedeva Antonina Konstantinovna – Ph.D. (Law), associate professor of Forensic Expertise's department at Kutafin Moscow State Law University (MSAL), tonya109@yandex.ru

Maximov Oleg Aleksandrovich – Head of the Department of Criminal Procedure of the Ulyanovsk State University, Doctor of Law, Associate Professor, o_maksimov@mail.ru

Mishin Andrey Viktorovich – Doctor of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure and Forensic Science of the Kazan (Volga Region) Federal University, av-mishel@mail.ru

Pushkina Anna Viktorovna – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Senior Researcher of the Procedural Law Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, ann-pushkina@yandex.ru

Rossinskaya Elena Rafailovna – Dr. Sci. (Law), Professor; Honored Scientific Associate of Russia; Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation; Academician of the Russian Academy of Natural Sciences; Head of the Forensic Expertise Dept. at Kutafin Moscow State Law University (MSAL), elena@rossinskaya.ru; elena.rossinskaya@gmail.com

Rudenko Alexandr Viktorovich – Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Department of Criminology and Legal Informatics at the Kuban State University, rudenkoalex@mail.ru

Sarsenbayev Talgat Yesenalievich – Director of the School of Law and Public Administration of NARXOZ University (Almaty), Honorary Professor of the International Union of Criminologists and Criminologists, Doctor of Law, Professor, talgat.sarsenbayev@gmail.com

Sevostyanova Anastasia Vitalievna – Candidate of Law, anvise@mail.ru

Shevyrtalov Egor Pavlovich – adjunct of the postgraduate program of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, shevyrtalove@yandex.ru

Shutova Julia Alexandrovna – Candidate of Law, Lecturer at the Department of Criminal Law St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, yulya.shiganvoa.96@mail.ru

Shuvalov Alexandr Anatolyevich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor Deputy Head of the Department of State and Civil Law Disciplines of the Moscow Regional Branch of the Moscow Kikot University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, shuvalov81@mail.ru

Tangiev Bahaudin Batyrovich – PhD in Law, PhD in Technical Sciences, Professor, Honored Scientist and Technician of the Russian Academy of Sciences, Honorary Ecologist, Academician of the International Academy of Sciences of Ecology, UNESCO expert in the field of eco-criminology, information criminological and forensic technologies and multimodal systems for ensuring eco-security. St. Petersburg International Criminology Club, tangievb@yandex.ru

Trushina Irina Olegovna – associate Professor at the Faculty of Scientific, Pedagogical and Scientific Personnel Training Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named V. Ya. Kikot, trushinairisha17@gmail.com

Urda Margarita Nicolaevna – Doctor of Juridical Sciences, Acting Head of the Criminal Law Department, Southwest State University, urda.ru@rambler.ru

Vasiliev Alexander Gennadievich – Orenburg city branch of the Bashkir Republican Bar Association, o.g.korm@gmail.com

Zaitsev Oleg Aleksandrovich – Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Vice-President of the International Union of Criminologists and Criminologists, Chief Researcher of the Center for Criminal and Criminal Procedure Legislation of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, crim@izak.ru

Zakomoldin Ruslan Valerievich – Research Fellow at the Research Institute of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, rus.zackomldin@yandex.ru

Zhilkin Maxim Gennadyevich – Doctor of Law, Associate Professor, Editor-in-Chief of the journal "Union of Criminalists and Criminologists", Professor of the Department of Criminal Law and Criminology Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named V. Ya. Kikot, zmax71@mail.ru

Zvyagintsev Alexander Grigorievich – Deputy Director of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, State Adviser of Justice of the 1st class, Honoured Lawyer of the Russian Federation, Vice-President of the Union of Criminalists and Criminologists,1825za@mail.ru

ZUSAMMENFASSUNG UND STICHWÖRTER

Rationales und Irrationales im Strafrecht

Zhilkin Maxim Gennadievith

Ziel *der Studie ist es, das Zusammenwirken rationaler und irrationaler Elemente im Strafrecht zu identifizieren und zu analysieren, insbesondere deren Erscheinungsformen in der Deliktsqualifikation, der Strafzumessung und in der sozial-philosophischen Deutung rechtlicher Praktiken.*

Methodologie: *Grundlage bildet ein interdisziplinärer Ansatz, der Methoden der strafrechtlichen Analyse, rechtsvergleichende Verfahren sowie Elemente der Soziologie und Rechtsphilosophie verbindet.*

Schlussfolgerungen. *Das Strafrecht vereint rationale Dimensionen – Normen, Qualifikationskonstruktionen, prozessuale Mechanismen – und irrationale Dimensionen wie die Symbolik der Strafe, den moralisch-wertbezogenen Gehalt des Urteils und die Sakralisierung des Rechtsakts. In Grenzfällen (Serienmorde, Terrorakte, Verbrechen gegen die Menschlichkeit) tritt das Irrationale in den Vordergrund und verwandelt das Recht von einem regulativen Instrument in ein kulturelles Phänomen.*

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. *Die Arbeit trägt zur Weiterentwicklung der Strafrechtstheorie bei, indem sie deren Verbindung mit Soziologie und Rechtsphilosophie aufzeigt. Der praktische Nutzen liegt in der Präzisierung des Verständnisses der Strafzwecke in der gegenwärtigen Kriminalpolitik: vom instrumentellen zum symbolischen Verständnis, was für die Rechtsanwendung bei der Auslegung extremer Formen kriminellen Verhaltens und für die Gestaltung der Strafrechtspolitik von Bedeutung ist.*

Stichwörter: *Strafe, Rationalität, Irrationalität, lebenslange Freiheitsstrafe, symbolische Funktion des Rechts, Rechtssoziologie, Rechtsphilosophie.*

Noch einmal zur Kriminologie. Randnotizen

Gilinsky Yakov Ilyich

Ziel: *Reflektieren Sie die wichtigsten Punkte der kriminologischen Debatte zwischen den „Klassikern" und den „Postmodernisten". Teilen Sie persönliche Beobachtungen mit.*

Methodologie: *logische Methode, formal-rechtliche Methode, rechtsvergleichende Methode.*

Schlussfolgerungen. *Es gibt unbestrittene Merkmale (Charakteristiken, Eigenschaften) der Postmoderne, die einen bedingungslosen Einfluss auf Kriminalität, ihr Verständnis, ihr Ausmaß, ihre Dynamik und ihre Gegenmaßnahmen haben. Die postmoderne Kriminologie vertritt Bestimmungen, die für die klassische Kriminologie ungewöhnlich sind, zum Beispiel: Es gibt keine Handlungen, die ihrem Inhalt nach kriminell sind. Kein kriminologisches Konzept ist die „ultimative Wahrheit". Dies macht immer mehr Neuentwicklungen sowohl im Bereich der Theorie als auch im Hinblick auf praktische Empfehlungen für Regierungsbehörden und Strafverfolgungsbehörden wichtiger.*

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. *In einem kleinen Materialband werden die wesentlichen Bestimmungen der postmodernen Kriminologie vorgestellt und im Wesentlichen die Hauptrichtungen der aktuellen Forschung formuliert.*

Stichwörter: *Postmoderne Kriminologie, „Krieg gegen das Verbrechen", Bestrafung, Kriminalisierung; wissenschaftliche Diskussion.*

Baltische nationalistische Formationen und ihre Verherrlichung als Verfälschung der Geschichte des *Shuvalov Alexandr Anatolyevich*

Ziel: *den Prozess der Bildung baltischer nationalistischer Organisationen und militärischer Einheiten sowie die anschließende Verherrlichung von Nazi-Kollaborateuren in den baltischen Staaten zu analysieren. Dieses Thema ist besonders relevant im Zusammenhang mit der militärischen Sonderoperation zur Entmilitarisierung und Entnazifizierung der Ukraine, wo ähnliche Prozesse stattgefunden haben.*

Methodologie: *allgemeine wissenschaftliche Methoden, vergleichend-historische und historisch-juristische Methoden der Erforschung historisch-politischer Prozesse in den baltischen Ländern.*

Schlussfolgerungen. *Die Heroisierung der Nazi-Kollaborateure war die Grundlage der russophoben Politik und der Verfälschung der Geschichte des Großen Vaterländischen Krieges.*

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. *Die Untersuchung der Entstehungsgeschichte der baltischen nationalistischen Formationen und ihrer Verherrlichung ermöglicht es, die Art der direkten und indirekten Bedrohung der nationalen Interessen der Russischen Föderation zu bestimmen.*

Stichwörter: *Großer Vaterländischer Krieg, Russophobie, Verfälschung, UdSSR, Russische Föderation, Litauen, Estland, Lettland.*

Der Einfluss der Versöhnung auf die Strafverfolgung: Statistiken, Praxis und Perspektiven

Klochenko Larisa Nikolaevna

Ziel: *Analyse der Gründe für die Ineffektivität eines so bedeutenden strafrechtlichen Instruments wie der Befreiung von der strafrechtlichen Verantwortung durch Versöhnung mit dem Opfer (Artikel 76 des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation) anhand statistischer Daten der Justizbehörde des Obersten Gerichtshofs. Der Autor stellt sich außerdem die Aufgabe, Möglichkeiten zur Erweiterung des Versöhnungspotenzials mit dem Opfer zu finden. Auch die Problematik der Bewährung im Rahmen dieses Instruments muss berücksichtigt werden.*

Methodologie: *umfasst Analyse, Synthese, Deduktion, formale Rechtsmethode und Systemmethode.*

Schlussfolgerungen. *Es ist notwendig, die Frage der gesetzlichen Verankerung eines Mechanismus zu prüfen, der Erstverurteilte für geringfügige oder mittelschwere Straftaten dazu motiviert, den Schaden der Opfer zu kompensieren und sich mit ihnen zu versöhnen. Dieser Mechanismus kann umgesetzt werden, indem eine besondere (bevorzugte) Grundlage für die Bewährung geschaffen und der nicht verbüßte Teil der Strafe im Falle einer Versöhnung mit dem Opfer ersetzt wird (neben dem Vorhandensein verbindlicher allgemeiner Bedingungen für die Bewährung), beispielsweise durch den Ausschluss der Verpflichtung zur Verbüßung einer bestimmten Strafe für Personen, die zum ersten Mal wegen geringfügiger oder mittelschwerer Straftaten verurteilt wurden und sich mit den Opfern versöhnt haben.*

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. *Die wissenschaftliche Bedeutung liegt darin, dass der Autor die Fragen der Ausweitung der Anwendung der Institution der Versöhnung mit dem Opfer, die rechtlichen Folgen der Versöhnung nach der Verurteilung sowie Vorschläge für Gesetzesinitiativen untersucht hat, die zu ihrer effektiveren Nutzung beitragen. Die Arbeit ist theoretischer Natur.*

Stichwörter: *Strafbarkeit, Verbrechen, Befreiung von der Strafbarkeit, Bewährung, Versöhnung mit dem Opfer, Schadenersatz, Schadensersatz, Beendigung von Strafverfahren, Strafvollzugsmediation.*

Philosophische und strafrechtliche Überlegungen über die Idee der Verhältnismäßigkeit der Neuzeit

Kovalchuk Alexey Vasilievich

Ziel: *anhand der Untersuchung der Entwicklung der Idee der Verhältnismäßigkeit als philosophisches und strafrechtliches Phänomen in der Neuzeit und im Zeitalter der Aufklärung (XVI.–XIX. Jahrhundert) die Gesetzmäßigkeiten ihrer Umwandlung zu ermitteln sowie ihren Einfluss auf die Entstehung der Humanisierung des Strafrechts, die Differenzierung der strafrechtlichen Verantwortung, die Gerechtigkeit und den Schutz der Bürger vor Willkür zu bewerten.*

Methodologie: *dialektische Methode, historische, rechtliche und philosophische Analyse, vergleichende Rechtsanalyse, Systematisierungsmethode.*

Schlussfolgerungen. *Die Entwicklung des wissenschaftlichen Denkens über die Verhältnismäßigkeit als philosophisches und strafrechtliches Phänomen in der Neuzeit war durch eine Reihe von Regelmäßigkeiten gekennzeichnet: eine allmähliche Veränderung in der Wahrnehmung dieses Gedankens durch die Denker von einem praktischen Instrument der Rechtsetzung und Rechtsdurchsetzung zu einem philosophisch-ethisch-rechtlichen Ideal; Synthese von Verteilungsgerechtigkeit und Berücksichtigung der individuellen Umstände des Falles; Bewertung der Verhältnismäßigkeit als Idee der Begrenzung der staatlichen Macht; dialektischer Prozess der „Beseitigung" des Verbrechens durch die Strafe. Die festgestellten Gesetzmäßigkeiten haben die weitere Verbesserung der Humanisierung des Strafrechts maßgeblich beeinflusst.*

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. *Die formulierten Schlussfolgerungen tragen zur Entwicklung der strafrechtlichen Theorie bei, indem sie die Ansichten über die Idee der Verhältnismäßigkeit im Kontext ihrer historischen Entwicklung systematisieren. Die praktische Bedeutung liegt in der Möglichkeit, die Erkenntnisse zur Verbesserung der modernen Strafgesetzgebung anzuwenden: Rechtfertigung der Differenzierung der strafrechtlichen Verantwortlichkeit, Humanisierung des Strafrechts, Gewährleistung eines Gleichgewichts zwischen seiner Strenge und dem Schutz der individuellen Rechte. Die Ideen der Neuzeitler sind für die weitere Erforschung der aufgeworfenen Problematik von Bedeutung.*

Stichwörter: *Gleichgewicht, Neuzeit, Talionsprinzip, Verhältnismäßigkeit, Aufklärung, Rationalismus, Gerechtigkeit, Strafe, Strafrecht, strafrechtliche Verhältnismäßigkeit, Empirismus.*

Die Zusammensetzung von Straftaten im digitalen Umfeld nach dem Strafrecht der Volksrepublik China

Kuchina Yaroslava Olegovna

Ziel: *das Rechtssystem Chinas erfährt vor dem Hintergrund der sich intensivierenden multilateralen Zusammenarbeit zwischen China und Russland ein wachsendes wissenschaftliches Interesse. Die strafrechtliche Regulierung digitaler Beziehungen bildet dabei keine Ausnahme, insbesondere angesichts Chinas Führungsrolle bei Digitalisierungsraten und dem Ausmaß der digitalen Transformation. Ziel dieses Artikels ist die Untersuchung von Straftatbeständen in der digitalen Umwelt nach chinesischem Strafrecht.*

Methodologie: *allgemeine wissenschaftliche Methoden: dialektische Methode, Analyse und Synthese, Vergleich, Abstraktion und Konkretisierung, Verallgemeinerung, Formalisierung, Analogie usw.; spezielle Methoden: formal-juristisch, Methode zur Interpretation von Rechtsnormen, rechtsvergleichend, historisch-juristisch, logisch-juristisch usw.*

Schlussfolgerungen. *Zu den wichtigsten Ergebnissen gehören: Das Strafgesetzbuch der VR China enthält acht Tatbestände, die als Straftaten in der digitalen Umwelt klassifiziert werden können, wobei sich die meisten in §1 von Kapitel 6 befinden (drei davon wurden 1997 eingeführt); Der chinesische Gesetzgeber führte durch Strafrechtsänderungen 2009 und 2015 neue Tatbestände ein; Viele als Digitalstraftaten klassifizierte Tatbestände weisen keine ausdrückliche gesetzliche Formulierung auf, was die Rechtsprechung auf Leitentscheidungen des Obersten Volksgerichts zur Qualifizierung verweist.*

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. *Die Studie verwendet eine rechtsvergleichende Methodik und konzentriert sich auf die Analyse der chinesischen Strafgesetzgebung, insbesondere des Strafgesetzbuches der VR China, der Leitlinien des Obersten Volksgerichts Chinas sowie wissenschaftlicher Meinungen zu diesen Straftatbeständen.*

Der Artikel bietet eine systematische Untersuchung der Struktur von Normen und Bestimmungen zu Straftaten in der digitalen Umwelt, stellt deren Hierarchie und Wechselbeziehungen dar und analysiert die Rolle der Rechtsprechung bei der Regulierung digitaler Rechtsbeziehungen sowie deren Beitrag zu einer einheitlichen Rechtsanwendung im ganzen Land. Die Bedeutung der Forschung liegt darin, dass sie eine Grundlage für weitere Studien zum chinesischen Strafrecht oder zu bestimmten Straftatbeständen nach dem Strafgesetzbuch der VR China bietet.

Stichwörter: *Chinesisches Strafrecht, Computerkriminalität, Straftaten in der digitalen Umwelt, Digitaltechnologien, Cyberkriminalität, China.*

Strafrechtliche Instrumente der Migrationskontrolle: Theorie und Praxis interdisziplinärer Verknüpfungen

Urda Margarita Nicolaevna

Ziel: *Die systembildende Rolle des Konzepts der „Migrationskontrolle“ als konzeptionelle Grundlage für die Bestimmung der Rechtsnatur strafrechtlicher Instrumente der Migrationskontrolle (Artikel 322–322³ StGB RF) zu begründen, durch Analyse ihrer funktionalen Wechselwirkung mit verwaltungsrechtlichen Mechanismen und Elementen der Migrationssteuerung. Anhand der jüngsten Änderungen im Strafgesetzbuch (November 2024) zur Verschärfung der Verantwortlichkeit für Verstöße gegen das Migrationsregime sollen systemische sektorübergreifende Probleme identifiziert werden, die einer effektiven Bekämpfung illegaler Migration entgegenstehen.*

Methodologie: *dialektische Methode, Analyse, Synthese, Deduktion, formellrechtliche Methode, systemische Methode, interdisziplinäre Rechtsforschungsmethode.*

Schlussfolgerungen. *Als Bestandteile des migrationssicherheitsrechtlichen Instrumentariums ergänzen die strafrechtlichen Migrationskontrollnormen (Artikel 322–322³ StGB RF) zwar das verwaltungsrechtliche Maßnahmenpaket, doch führen das fehlende einheitliche Begriffsverständnis und normative Widersprüche zu Rechtsanwendungsproblemen bei der sektorenübergreifenden Maßnahmenkoordination. Deren mangelnde Effektivität resultiert aus ungelösten gesetzgeberischen Systemdefiziten: begriffliche Inkonsistenzen, Sanktionsdisproportionalitäten und unklare Deliktstrennungskriterien zwischen Straf- und Ordnungswidrigkeitenrecht.*

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. *Im theoretisch-rechtlichen Aspekt entwickelt die Arbeit die Doktrin der Migrationskontrolle als ein komplexes, bereichsübergreifendes Institut, das Straf-, Verwaltungs- und Migrationsrecht vereint. Sie konzeptualisiert Migrationssicherheit durch die Perspektive straf- und verwaltungsrechtlicher Mechanismen, was zur Bildung eines einheitlichen wissenschaftlichen Ansatzes zur Bekämpfung illegaler Migration beiträgt. Zudem präzisiert sie die rechtliche Natur von Migrationsdelikten (Artikel 322–322³ des russischen Strafgesetzbuches). Der*

praktische Wert der Arbeit liegt in den vorgeschlagenen Maßnahmen zur Verbesserung der Migrationskontrolle: die Entwicklung eines einheitlichen Konzepts, die Beseitigung von Rechtskollisionen zwischen verschiedenen Rechtsgebieten, die Einführung spezieller strafrechtlicher Maßnahmen (wie die Ausweisung ausländischer Staatsangehöriger als eine Form der strafrechtlichen Reaktion) und weiteren Optimierungen.

Stichwörter: *migrationskontrolle, Migrationsregime, illegale Migration, Migrationssicherheit, Migrationsverletzungen, branchenübergreifende Verbindungen, Ausweisung, Ausländer, Verschärfung der Haftung, strafrechtliche Gegenwirkung.*

Diskriminierung als strafrechtliches Phänomen: Begriff und Ursprünge

Tschistjakow Konstantin Wladimirowitsch

Ziel: *ist eine umfassende Analyse der Diskriminierung als strafrechtliches Phänomen, die Betrachtung ihrer konzeptionellen Grundlagen und historischen Ursprünge im Kontext der Entwicklung der Strafbarkeit. Ziel der Studie ist es, zentrale Aspekte des Diskriminierungsverständnisses im Strafrecht und die Entwicklung von Ansätzen zur Haftung für diskriminierende Handlungen zu identifizieren.*

Methodologie: *historische und juristische Methode, rechtsvergleichende Methode, formale juristische Methode, systematische Methode.*

Schlussfolgerungen. *Betrachten Sie das Konzept der Diskriminierung als strafrechtliches Phänomen und seine Entwicklung von einfachen Formen der Ungleichheit in alten Gesellschaften zu einer komplexen Rechtskategorie im modernen Strafrecht.*

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung *der Studie liegt in der Entwicklung theoretischer Erken ntnisse über die Entwicklung des Diskriminierungsbegriffs im strafrechtlichen Aspekt und deren Systematisierung auf der Grundlage der Analyse historischer Erfahrungen.*

Stichwörter: *Diskriminierung, strafrechtliche Verantwortlichkeit, Schutz, Kind, Recht, Gesellschaft, Isolation, Persönlichkeit, Opposition, Gleichheit, Bestrafung.*

Häusliche Gewalt in der Russischen Föderation: Aktueller Stand und Präventionsmaßnahmen

Schutowa Julia Alexandrowna

Ziel: *Die Struktur und den aktuellen Stand der kriminellen häuslichen Gewalt zu identifizieren und ein umfassendes Präventionssystem vorzuschlagen. Die Autorin identifiziert die negativen Auswirkungen der häuslichen Gewalt auf die Institution der Familie und auf die staatliche Politik im Bereich der Erhaltung der traditionellen Familienwerte.*

Methodologie: *Analysemethode (bei der Untersuchung des aktuellen Stands der kriminellen Gewalt in der Familie), deskriptiv-analytische Methode (bei der Beschaffung zuverlässiger Informationen über den aktuellen Stand der kriminellen Gewalt in der Familie), systematische Methode (bei der Formulierung der Struktur der kriminellen Gewalt in der Familie und der Maßnahmen zu ihrer Verhinderung), Erhebungsmethode (bei der Befragung von Mitarbeitern des staatlichen Krisenzentrums für Frauen in St. Petersburg und der regionalen öffentlichen Organisation „Polina. Krisenzentrum für Frauen“).*

Schlussfolgerungen. *Die Familie ist die wichtigste gesellschaftliche Institution in der Russischen Föderation. In dieser Hinsicht ist die staatliche Politik darauf ausgerichtet, die Familie als Grundeinheit der Gesellschaft zu schützen und die traditionellen Familienwerte zu bewahren. Häusliche Gewalt ist ein zerstörerisches Phänomen, das der sozialen und rechtlichen Realität der Russischen Föderation innewohnt und die Autorität der Institution Familie untergräbt. Etwa 40 Prozent der schweren und besonders schweren Straftaten werden in der häuslichen Sphäre begangen. Die Prävention von häuslicher Gewalt in Russland beginnt, einen umfassenden Charakter anzunehmen. Neben den strafrechtlichen Maßnahmen zur Beeinflussung der Täter von häuslichen Gewalttaten werden inzwischen auch Maßnahmen zur psychologischen Korrektur der Akteure, Opfer und Zeugen von Gewalt aktiv angewandt.*

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. *Die Autorin stellt die Struktur der häuslichen Gewalt dar, in deren Zusammenhang strafrechtliche Maßnahmen zur Bekämpfung des betreffenden Phänomens vorgestellt werden. Darüber hinaus wird der Schluss gezogen, dass eine umfassende Prävention häuslicher Gewalt notwendig ist. Die Verwirklichung dieser Richtung ist durch die Synthese von strafrechtlichen und psychologischen Maßnahmen zur Beeinflussung der Gewaltsubjekte – Akteure, Opfer und Zeugen – möglich. Der Artikel stellt moderne russische Programme zur Verhaltenskorrektur bei Gewalttätern vor. Der Autor stellt auch Maßnahmen zur Rehabilitation von Opfern und Zeugen häuslicher Gewalt vor, die auf staatlicher und regionaler Ebene sowie im Rahmen der Arbeit von gemeinnützigen Organisationen durchgeführt werden.*

Stichwörter: *häusliche Gewalt, psychische Gewalt, innerfamiliäre Kriminalität, Familieneinrichtung, Struktur der häuslichen Gewalt, Gewalttäter, Gewaltopfer, Gewaltzeugen, Krisenzentren, Programme zur Verhaltenskorrektur, Rehabilitation von Gewaltopfern, Hilfe für Minderjährige.*

Soziales Online-Umfeld: Moderne Bedrohungen für die kriminologische Sicherheit Minderjähriger

Demidova-Petrova Elizaveta Viktorovna

Ziel: *Formulierung der wichtigsten modernen Bedrohungen für die kriminologische Sicherheit Minderjähriger, die im Zusammenhang mit ihrer Teilnahme am sozialen Online-Raum entstehen, um ein spezialisiertes Monitoring durchzuführen und anschließend eine Strategie zur Bekämpfung destruktiver Informationen und psychologischer Einflüsse zu entwickeln.*

Methodologie: *dialektische Methode, Analyse, Synthese, Deduktion, Systemmethode, Methode der interdisziplinären Rechtsforschung.*

Schlussfolgerungen: Das soziale Online-Umfeld, in dem sich moderne Minderjährige befinden, ist ursächlich für die Entstehung einer Reihe von Bedrohungen, die unter anderem mit den Besonderheiten der Übermittlung und Wahrnehmung strafrechtlich relevanter Informationen verbunden sind.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. *Minderjähriger an der Begehung illegaler Handlungen sowie die kriminelle Beeinflussung des Bewusstseins Minderjähriger mit dem Ziel, traditionelle spirituelle und moralische Werte zu nivellieren, Verfälschung historischer Tatsachen und Diskreditierung der nationalen Geschichte, Verzerrung des axiologischen Systems der jüngeren Generation. Moderne technologische Instrumente ermöglichen eine kriminologische Überwachung sozialer Netzwerke und Informationen, die eine Gefahr für die Gesundheit und Entwicklung Minderjähriger darstellen, auf einer qualitativ anderen Ebene*

Stichwörter: *Minderjährige, soziales Umfeld, Online-Faktor, kriminologische Sicherheit, Prävention von Jugendkriminalität.*

Gesamtsoziales Niveau der Kriminalitätsbekämpfung

Ignatow Alexander Nikolajewitsch

Ziel: *Auf der Grundlage einer kritischen Analyse der in der kriminologischen Doktrin vorhandenen Ansätze zur Zweckmäßigkeit der Zuweisung einer sozialen Ebene der Verbrechensbekämpfung, den Inhalt dieser Aktivitäten zu bestimmen.*

Methodologie: *dialektische Methode, Systemansatz, Aktivitätsansatz, Analyse, Synthese, Induktion, Abzug, Abstraktionsmethode, formal-rechtliche Methode.*

Schlussfolgerungen. *Die in der Theorie der Kriminologie üblichen Ansätze zum Verständnis der sozialen Bekämpfung von Kriminalität als Gesamtheit von Maßnahmen zur Erreichung des Wohlstands werfen eine natürliche Frage auf, ob es sinnvoll ist, die soziale Ebene der Bekämpfung von Kriminalität und den Inhalt entsprechender Aktivitäten zu isolieren. Es ist begründet, dass die Hauptaufgabe der Bekämpfung von Kriminalität auf sozialer Ebene nicht nur darin besteht, die kriminellen Auswirkungen bestehender Determinationsfaktoren zu beseitigen und zu minimieren, sondern sie auch zu verhindern und die Bildung und Entstehung neuer Faktoren zu verhindern. Die Bekämpfung von Kriminalität auf sozialer Ebene ist eine Tätigkeit, deren Kern darin besteht, die Entwicklung der Gesellschaft kriminologisch zu sichern, die vor allem auf der Ebene der strategischen Planung realisiert wird. Auf der Grundlage der von Kriminologen zur Verfügung gestellten Informationen implementieren die Themen der öffentlichen Verwaltung in ihren konkreten Entscheidungen Maßnahmen zur sozialen Bekämpfung der Kriminalität. Die kriminologische Sicherung der Tätigkeit von Subjekten der öffentlichen Verwaltung sollte auch die wissenschaftliche Sicherung der Rechtsvorschriften umfassen, was die Notwendigkeit der Einführung des Instituts für kriminologische Untersuchung der Rechtsakte und ihrer Projekte sowie der kriminologischen Überwachung der Wirksamkeit der rechtlichen Regulierung bestimmt.*

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. *Die Definition von Wesen und Inhalt von Aktivitäten zur Bekämpfung von Kriminalität auf sozialer Ebene ermöglicht die Entwicklung und Umsetzung von Maßnahmen zur Minimierung von Verbrechen auf das bestmögliche, sozial akzeptable Niveau im ganzen Land und in Bezug auf die gesamte Gesellschaft. Die systematisch umgesetzte kriminologische Versorgung der öffentlichen Verwaltung auf der Ebene der strategischen Planung und der Rechtsvorschriften wird die praktischen Herausforderungen der Bekämpfung von Kriminalität auf sozialer Ebene lösen.*

Stichwörter: *kriminelles Verhalten, Kriminalität, Verbrechensbekämpfung, gesellschaftliches Niveau, kriminologische Politik, kriminologische Versorgung, strategische Planung, kriminologische Expertise, Rechtsetzung, Rechtsanalyse.*

Ökovictimologie (oikosviktimologos): ein konstituierendes Modul des ökokriminologischen transdisziplinär-multimodalen Konzepts (besonderes ökokriminovictimologisches Pilotprojekt). Teil 4

Tangiev Bahaudin Batyrovich

Ziel: *1) die konzeptionellen Grundlagen des ökozentrischen (biogenozentrischen) Paradigmas der Übergangszeit zu untermauern, was die Schaffung neuer wissenschaftlicher Richtungen erforderlich macht: „Ökoviktimologie“; „Ökoviktimologie“ und „Ökoviktimalistik“, wissenschaftlicher und konzeptioneller Apparat und Rolle in der transdisziplinär-multimodalen ökokriminologisch-kriminologischen-kriminalistischen Architektur des Ökosicherheitssystems und ihre Bedeutung im einheitlichen, multifunktionalen staatlichen Ökomonitoring zur Gewinnung überprüfbarer, repräsentativer Daten (Indikatoren, Parameter, Indikatoren) der öko-kriminogenen, öko-kriminellen Viktimisierung der Gesellschaft, der öko-kriminologischen irreversiblen Prozesse und der Faktoren, die zur außergewöhnlichen Öko-Kriminalisierung der Gesellschaft unter den Bedingungen der Interaktion mit der Umwelt, die von einem unkontrollierbaren Wachstum der anthropogen-technogenen Gefahr überhäuft ist, beitragen;*

2) die Wechselbeziehung und die Unterschiede zwischen Subjekt und Objekt der betrachteten Disziplinen im Rahmen der ökokriminologischen und viktimologischen Analyse aufzuzeigen. Gleichzeitig werden die Typologie, die nur Ökoviktimern innewohnt, und die Unterschiede zwischen dem irreversiblen Einfluss ökokriminologischer latenter Faktoren und dem von Ökokriminalität verursachten Einfluss auf Ökosysteme (Biota) sowie die ökokriminologische Korrelation bei der Entstehung von Ökoviktimern und Öko-Opfern hervorgehoben;

3) Wissenschaftler des Jugendverbandes der Union der Kriminologen und Kriminologen, andere Vereinigungen in den Orbit der vielversprechenden, durch ihren Erkenntnisgegenstand einzigartigen transdisziplinär-multimodalen Forschung in dem Bereich einzubeziehen, von dem in der Tat die weitere nachhaltige Existenz des „Homo sapiens“ als vernünftiges Wesen abhängt, das in der Lage ist, nicht zum Öko-Opfer zu werden und nicht nur das Recht eines jeden auf eine günstige Umwelt wirklich zu gewährleisten, sondern auch ein wissenschaftlich fundiertes (akzeptables) Gleichgewicht zwischen der Wirksamkeit des Ökosicherheitssystems und der exorbitanten Nachfrage zu finden.

Methodologie: *dialektische Methode, Analyse, Synthese, Deduktion, formaljuristische Methode, systematische Methode und die transdisziplinär-multimodale integrierte Methode der Ökokriminologie des Autors, die zum ersten Mal in Russland getestet wurde.*

Schlussfolgerungen. *Basierend auf den bisher erzielten Forschungsergebnissen, die der Autor bei der Entwicklung innovativer Technologien und Systeme zur Bekämpfung der transnationalen Öko-Kriminalität erzielt hat: bei der Schaffung von automatisierten Systemen zur ökokriminologischen Überwachung (ASECM); automatisierten Systemen zur umweltrechtlichen Überwachung (ASEPM); informationskriminalistischen und forensischen Technologien zur Erkennung, Verwaltung, Bewertung und Vorhersage von ökokriminogenen Situationen sowie kriminologischen (ökokriminologischen) Geoinformationssystemen und GIS-Technologien.*

Als Ergebnis wird das multimodale Konzept des Autors entwickelt und in Form eines Pilotprojekts (zur weiteren Erprobung) vorgeschlagen, das die Schaffung neuer miteinander verbundener, voneinander abhängiger modularer Disziplinen mit einer konsequenten Umwandlung in wissenschaftliche Bereiche begründet: „Ökokriminoviktimologie“; „Ökoviktimologie“; „Ökoviktimismus“. Analysiert wird die Problematik der Korrelation von ökokriminellen und ökokriminogenen Komponenten in der Ökokritikalisierung der Gesellschaft, die ausnahmslos alle Bevölkerungsgruppen, soziale Institutionen und Ökosysteme betrifft. Die Systematisierung des Profilthesaurus, des wissenschaftlichen und begrifflichen Apparats, der Typologie und der Klassifizierung wird unter Berücksichtigung der Hauptunterschiede der Ökoviktimisierung von allen bekannten Verbrechensarten und der viktimologischen Lehren über diese Opfer konkretisiert.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. *Die erzielten Ergebnisse ermöglichen: 1. Personal auf Expertenniveau auszubilden, das den modernen ökorisikoorientierten Anforderungen der Strafverfolgungspraxis gerecht wird; 2. Transdisziplinär-multimodale Forschung zu betreiben, die durch den Grad der ungelösten systemischen Probleme in diesem Bereich der wissenschaftlichen Forschung bestimmt wird; 3. Die Ökoviktimologie zwingt uns (die Gesellschaft) dazu, interdependente Gesetzmäßigkeiten der ökoviktimologischen und ökosozialen Philosophie der tiefen Prozesse der Ursachen, Bedingungen, bestimmbaren Phänomene der Entstehung von Öko-Opfern (Öko-Opfer) zu erkennen und differenziert bedingte. 4. Die Relevanz objektiver ökokriminologischer Analysen (Verifizierung) zu gewährleisten, risikoorientierte ökokriminologische Prozesse zu steuern und die Einhaltung von Parametern (synchronisierte modulare Indikatoren und andere Indikatoren) des Ökosicherheitssystems bei der Lokalisierung (Minimierung) von ökokriminologischen Merkmalen und der Entwicklung akzeptabler Durchsetzungsmechanismen der ökokriminologischen Prävention und Prophylaxe unter Verwendung von informationskriminologischen und forensischen Technologien und Modulatoren zu prognostizieren. Auf diese Weise wird die Notwendigkeit der Gewinnung repräsentativer ökokriminologischer und ökokriminoviktimologischer Analysedaten zusammen mit*

anderen ökokriminologisch-kriminologischen Indikatoren in der Struktur eines einheitlichen Ökomonitorings auf dem gesamten Territorium Russlands festgestellt.

Stichwörter: *Ökoviktimologie, Ökokriminoviktimologie, Ökoviktimalistik, ökoviktimologisches Monitoring, ökokriminelle und ökokrimenogene Viktimisierung der Gesellschaft, Ökoviktima, Ökovictim, Öko-Opfer, Öko-Victim, Öko-Deviantologie, Öko-Kriminologie, Umweltkriminalität, multifunktionales multimodales System zur Gewährleistung der ökologischen Sicherheit.*

Alexander Puschkin. Die Petersburger Zeit (1817–1820)

Kharabet Konstantin Vasilievich

Ziel: *Aktualisierung des Wissens im interdisziplinären Bereich der „Literaturrechtwissenschaft" im Hinblick auf die Vertiefung (Klärung) des Wissens über juristische Ereignisse in der Biographie von A. S. Puschkin, Erforschung seines Kontakt- und Interessenkreises in der Zeit nach dem Lyzeum (1817–1820), Verfolgung der Entstehung seiner politischen und juristischen Weltanschauung. Besonderes Augenmerk wird auf die Bedeutung der Ode „Freiheit" als programmatisches Werk dieser Zeit gelegt.*

Methodologie: *eine Reihe von Methoden der wissenschaftlichen Erkenntnis, darunter historische und rechtliche, beschreibende, biografische, kulturelle und historische. Der Artikel verwendet auch allgemeine wissenschaftliche und spezifische wissenschaftliche Methoden.*

Schlussfolgerungen. *Für Puschkin ist der „Triumph des Rechts" der Zeitpunkt, an dem die Gesetzlosigkeit ausschließlich mit rechtlichen Mitteln bekämpft wird. Freiheit wird nicht als Privatangelegenheit eines Einzelnen verstanden, sondern als öffentliche Angelegenheit, an der alle gleichermaßen interessiert sind und die von der staatlichen Struktur und den Gesetzen abhängt.*

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. *Der Autor plädiert für die Weiterentwicklung der interdisziplinären Richtung – der juristischen Literaturkritik. Er ist der Ansicht, dass das Studium der Kreativität anhand der Biografie und bedeutender „juristischer" Ereignisse im Leben und Werk des Dichters neben dem Kontakt mit der großen russischen Kultur es uns ermöglicht, unser Wissen auf dem Gebiet der Geschichte der russischen Kriminologie und Deviantologie, des russischen Rechts im Allgemeinen sowie der Geschichte der russischen Literatur zu erweitern.*

Stichwörter: *juristische Literaturkritik, A. S. Puschkin, Ode „Freiheit", „Dorf", Freiheit, Recht und Gerechtigkeit.*

Gesetzliche Regelung der Strafverfolgung zur Bekämpfung der böswilligen Vermeidung der Verbüßung alternativer Strafen, die nicht mit der Freiheitsentziehung zusammenhängen

Kazak Bronisław Bronisławowicz

Ziel: *Bestimmung der Bedingungen und Richtungen der Strafverfolgungstätigkeit im Bereich der Bekämpfung der Vermeidung von Verbüßung alternativer Strafen.*

Methodologie: *Dialektik, strukturelle und funktionelle Analyse, Inhaltsanalyse, vergleichsweise rechtliche Methode.*

Schlussfolgerungen. *Die Ergebnisse der c – Studie zeigen, dass die Anwendung der Einflussnahme auf Verurteilte, die sich böswillig der Verbüßung alternativer Strafen entziehen, die Ersetzung der Strafe durch eine strengere Bestrafung durch Freiheitsstrafe problematisch und unpraktisch wird. Um die Grundsätze des Straf- und Strafvollzugsrechts für soziale Gerechtigkeit zu verwirklichen und die Hauptaufgabe der Strafvollzugsgesetzgebung zu erfüllen: wiederholte Straftaten zu verhindern, halten wir es für sinnvoll, Änderungen an der Gesetzgebung vorzunehmen. Die Umsetzung der vom Autor vorgeschlagenen organisatorischen und rechtlichen Maßnahmen zur Beeinflussung böswilliger Übertreter des Verbüßungsregimes alternativer Strafen wird zur Verhütung wiederholter Verbrechen beitragen.*

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. *Die Untersuchung der theoretischen Fragen der organisatorischen und rechtlichen Sicherstellung der Bekämpfung der Verbüßung alternativer Strafen entspricht dem langfristigen Programm für grundlegende wissenschaftliche Forschung in der Russischen Föderation (2021 bis 2030), das von der Regierung vom 31. Dezember 2020 Nr. 3684-r „Über die Genehmigung des Programms für grundlegende wissenschaftliche Forschung in der Russischen Föderation für den langfristigen Zeitraum (2021 bis 2030) genehmigt wurde", Absatz 5.3.3 „Entwicklung alternativer Systeme zur sozialen Reaktion, die darauf abzielen, kriminelles Verhalten in der Gesellschaft zu verhindern und zu unterbinden", Abschnitt 5.3 „Kriminologie und Strafvollzugssystem" ist ein machbarer Beitrag zur Umsetzung. Die vom Autor erstellten methodischen Empfehlungen tragen zur Verbesserung der Wirksamkeit von Institutionen bei, die alternative Strafen durchführen.*

Stichwörter: *Strafverfolgung, alternative Strafen, Prävention von wiederkehrender Kriminalität.*

Der Einfluss der Besonderheiten des medizinischen Fachgebiets auf die Entstehung typischer Ermittlungsausgangssituationen in Fällen iatrogener Straftaten

Lavrinenko Alexandra Alexandrovna, Kot Ekaterina Alexandrovna

Ziel: *in den letzten Jahren ist die Zahl der iatrogenen Straftaten nicht zurückgegangen, während medizinisches Personal nur selten für die Schädigung der Gesundheit eines Patienten haftbar gemacht wird. Die meisten Fälle kommen nicht über das Stadium der Vorermittlung hinaus, und infolgedessen werden nur 6–12% der Meldungen über mögliche iatrogene Straftaten vor Gericht gebracht. Dies ist größtenteils auf die Schwierigkeiten der Vertreter der Ermittlungsbehörden zurückzuführen, die Umstände iatrogener Straftaten zu erkennen, was in erster Linie auf ihre mangelnden Fachkenntnisse auf dem Gebiet der Medizin zurückzuführen ist. Es ist zu betonen, dass eines der wirksamsten Instrumente bei der Ermittlung von iatrogenen Straftaten der situative Ansatz ist. Er ermöglicht es, in allen Phasen der Ermittlung Informationen über ähnliche typische Ermittlungssituationen bei der Analyse der bestehenden Ermittlungssituationen zu nutzen und die mit der Informationsunsicherheit und dem Widerstand gegen die Ermittlung verbundenen Schwierigkeiten erfolgreich zu überwinden. In diesem Zusammenhang ist es unserer Meinung nach wichtig, sich ein Bild vom Einfluss der Spezifität des medizinischen Bereichs auf die Struktur typischer Ermittlungssituationen zu machen. Dieser Umstand gab den Zweck unserer Untersuchung vor. Der Beitrag befasst sich mit typischen Ermittlungssituationen in Fällen iatrogener Straftaten, deren Strukturierung unter dem Einfluss von zwei Informationskomponenten erfolgt, nämlich den in den medizinischen Unterlagen enthaltenen Informationen und den vom Opfer der Straftat gemachten Angaben.*

Methodologie: *die Untersuchung stützte sich auf eine Reihe allgemeiner wissenschaftlicher theoretischer und empirischer Erkenntnismethoden, wobei die Analyse sowie dialektische und induktive Erkenntnismethoden die wichtigste Rolle spielten. Gleichzeitig wurden die Modellierung und der situative Ansatz als spezielle forensische Methoden eingesetzt, um das Ziel der Untersuchung zu erreichen.*

Schlussfolgerungen. *Die Wirksamkeit der Ermittlungen bei iatrogenen Straftaten hängt weitgehend von der Qualität und Effizienz der Maßnahmen des Ermittlers bei der Erstellung von Ermittlungsversionen, der Entwicklung von Ermittlungstaktiken sowie der Planung und Durchführung von Verfahrenshandlungen ab. Der situative Ansatz für diese Tätigkeit ist aufgrund seiner Universalität in allen Phasen der Ermittlung von iatrogenen Straftaten anwendbar. Der Beitrag formuliert Schlussfolgerungen von großer praktischer Bedeutung für die Tätigkeit der Ermittlungsbehörden, um die wichtigsten Quellen kriminaltechnisch wichtiger Informationen zu ermitteln, die in der Anfangsphase der Ermittlungen bei iatrogenen Straftaten erforderlich sind. Dies ist darauf zurückzuführen, dass diese Informationen eine weitere Analyse der anfänglichen Ermittlungssituationen in Korrelation mit wissenschaftlich fundierten standardmäßigen Ermittlungssituationen in Fällen von iatrogenen Straftaten ermöglichen.*

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. *Die Wirksamkeit der Ermittlungen bei iatrogenen Straftaten hängt weitgehend von der Qualität und Effizienz der Maßnahmen des Ermittlers bei der Erstellung von Ermittlungsversionen, der Entwicklung von Ermittlungstaktiken sowie der Planung und Durchführung von Verfahrenshandlungen ab. Der situative Ansatz für diese Tätigkeit ist aufgrund seiner Universalität in allen Phasen der Ermittlung von iatrogenen Straftaten anwendbar. Der Beitrag formuliert Schlussfolgerungen von großer praktischer Bedeutung für die Tätigkeit der Ermittlungsbehörden, um die wichtigsten Quellen kriminaltechnisch wichtiger Informationen zu ermitteln, die in der Anfangsphase der Ermittlungen bei iatrogenen Straftaten erforderlich sind. Dies ist darauf zurückzuführen, dass diese Informationen eine weitere Analyse der anfänglichen Ermittlungssituationen in Korrelation mit wissenschaftlich fundierten standardmäßigen Ermittlungsausgangssituationen in Fällen von iatrogenen Straftaten ermöglichen.*

Stichwörter: *iatrogene Kriminalität, typische Ermittlungsausgangssituation, kriminaltechnisch bedeutsame Informationen, Spuren einer Straftat, Gesundheitsschädigung.*

Anwendung des kriminalistischen Modells zur Gewährleistung der Sicherheit der Teilnehmer an Strafverfahren

Mishin Andrey Viktorovich

Ziel: *auf der Grundlage wissenschaftlicher Ansätze zur Anwendung des kriminalistischen Modells in der Ermittlungspraxis das Wesen und die Bedeutung eines solchen Modells in Bezug auf die Untersuchung von Straftaten aufzuzeigen, bei denen die nachträgliche rechtswidrige Beeinflussung gegen die Teilnehmer des Ermittlungsverfahrens vorgenommen wird; praktische Empfehlungen für seine Verwendung durch den Ermittler zu formulieren.*

Methodologie: *dialektische Methode, formaljuristische Methoden, einschließlich Analyse, Synthese, Systemansatz.*

Schlussfolgerungen. *Bei der Ermittlung der Verbrechen, die mit dem nachträglichen rechtswidrigen Eingriff auf die Teilnehmer des Strafverfahrens verbunden sind, gibt die Anwendung des kriminalistischen Modells der Überwindung*

dieses Eingriffs die Möglichkeit, die taktischen Probleme optimal zu lösen, die auch mit der Wahl und Technologie der Anwendung der Sicherheitsmaßnahmen in Bezug auf die geschützten Teilnehmer des Verfahrens verbunden sind.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. *Der Prozess des nachträglichen rechtswidrigen Eingriffs sowie die Tätigkeit zu seiner Neutralisierung dienen als Grundlage für die Beschreibung der systembildenden Elemente des Inhalts des kriminalistischen Modells der Überwindung des nachträglichen rechtswidrigen Eingriffs, die die wesentlichen Eigenschaften der genannten Überwindung widerspiegeln. Die Gesamtheit dieser Elemente soll dazu dienen, wissenschaftlich begründete kriminalistische Empfehlungen zu verbessern, die darauf abzielen, die Wirksamkeit der taktischen Aufgaben zur Gewährleistung der Sicherheit der Teilnehmer an Strafverfahren zu erhöhen.*

Stichwörter: *Kriminalistik, Technologie, Modell, Modellierung, Gewährleistung der Sicherheit, Strafverfahren, Ermittler, geschützte Person, rechtswidrige Beeinflussung, taktische Aufgaben.*

Situationspsychologische Modellierung in der Vernehmungstaktik des Beschuldigten (Verdächtigen)

Rudenko Alexandr Viktorovich, Globa Valeria Vitalievna

Ziel: *die Taktik der Vernehmung des Beschuldigten (Verdächtigen) ist ein vielseitiger Prozess, um die Ziele dieser Ermittlungsmaßnahme zu erreichen. Die Komplexität wird durch Faktoren wie die defensive Dominanz im Verhalten der verhörten Person und die Gestaltung der Vernehmungssituation sowie die Entwicklung der IT-Technologien verursacht. Der Beitrag begründet den Zusammenhang zwischen einer Ermittlungssituation und der Interaktion zwischen dem Ermittler (Fragesteller) und dem Beschuldigten (Verdächtigen) während der Vernehmung unter Berücksichtigung der psychologischen Modellierung.*

Methodologie: *dialektische Methode, Analyse, Synthese, Systemmethode.*

Schlussfolgerungen. *Die situativ-psychologische Modellierung während der Vernehmung ermöglicht es dem Ermittler, sich in eine Position zu begeben, in der er über die Situation hinaus agieren kann, um die taktische Wirkung zu individualisieren und eine effektive Aussage zu erhalten. Diese Modellierung ermöglicht es dem Ermittler, die Variabilität des Verhaltens des Beschuldigten (Verdächtigen) zu verstehen, der häufig daran interessiert ist, wahrheitsgemäße Informationen über die begangene Straftat zu verbergen. Außerdem kann diese Modellierung in Zukunft mit Hilfe technischer Mittel verwendet werden.*

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. *Die psychologische Modellierung in der Vernehmungssituation ist für die theoretischen Bestimmungen der kriminalistischen Taktik von Bedeutung, da sie es dem Ermittler in der praktischen Tätigkeit ermöglicht, das Ziel der Vernehmung des Beschuldigten (Verdächtigen) - eine vollständige und wahrheitsgemäße Aussage zum untersuchten Fall zu erhalten - effektiv zu erreichen. Mit der Entwicklung der digitalen Technologien kann die Methode der Modellierung sowohl vom Vernehmer direkt (Ergebnis der Denktätigkeit) als auch in Zukunft mit Hilfe technischer Hilfsmittel angewendet werden. Bisher zeigen die auf der Grundlage neuronaler Netze (Programme der künstlichen Intelligenz) erstellten Programme eine hohe Effizienz, der Einsatz solcher Programme bei der Vernehmung des Beschuldigten (Verdächtigen) ist aufgrund ihres geringen Forschungsstandes und gesetzlicher Einschränkungen nicht möglich. Wir sind der Meinung, dass der Einsatz der letzten Stufe der Modellierung die Schaffung und das Training von eng fokussierten spezialisierten Modellen der künstlichen Intelligenz erfordert.*

Stichwörter: *Vernehmungstaktik, Ermittlungssituation, Vernehmungspsychologie, Beschuldigter (Verdächtiger), taktische Wirkung, Modellierung, Vernehmung, rechtliches Kriterium, situationspsychologisches Kriterium, künstliche Intelligenz.*

Die Entwicklung der forensischen Expertise unter den Bedingungen der informationstechnischen und digitalen Transformation der Gesellschaft

Rossinskaya Elena Rafailovna

Ziel: *Die Studie zielt darauf ab, die wichtigsten Trends der forensischen Forschung im Kontext der Herausforderungen der Digitalisierung und neuer Technologien zu identifizieren, am Beispiel der neuesten Trends und Veränderungen, die in diesem Bereich in den 20er Jahren des 21. Jahrhunderts aufgetreten sind. Das Ziel ist es, die Muster der Entwicklung von forensischen Expertentätigkeiten unter den Bedingungen der digitalen Transformation der modernen Kriminalität zu untersuchen und in die Forschung von neuronalen Netztechnologien und anderen Algorithmen künstlicher Intelligenz zu integrieren. Die Analyse basiert auf der Untersuchung wissenschaftlicher Veröffentlichungen zur Entwicklung der forensischen Expertise sowie auf der Bewertung der Auswirkungen digitaler Technologien auf die Methoden der Expertenforschung und die Kompetenzen von forensischen Experten.*

Methodologie: *allgemeine wissenschaftliche Methoden: dialektische Methode, Analyse und Synthese, Vergleich, Abstraktion und Konkretisierung, Verallgemeinerung, Formalisierung, Analogie usw.; spezielle Methoden: formal-juristisch, Methode zur Interpretation von Rechtsnormen, rechtsvergleichend, historisch-juristisch, logisch-juristisch usw.*

Schlussfolgerungen: *Der Autor betont, dass mit der Zunahme der digitalen Information und der Zunahme der Computerkriminalität neue Forschungsobjekte entstanden sind – digitale Spuren, was die Bildung einer neuen privaten Theorie der Digitalisierung der forensischen Expertentätigkeit mit dem Thema, Objekten, Aufgaben, Platz in der allgemeinen forensischen Theorie, der forensischen Untersuchung digitaler Spuren und der Informations- und Computerunterstützung der forensischen Expertentätigkeit zur Folge hat.*

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung *des Artikels besteht darin, dass er eine neue Perspektive auf die Entwicklung der forensischen Expertise unter den Bedingungen der digitalen Transformation der Gesellschaft bietet.*

Stichwörter: *forensische Expertise, forensische Expertise, Digitalisierung, digitale Spuren, neuronales Netzwerk, maschinelles Lernalgorithmus, Modellrisiko, Datacet, Kompetenzen, Anti-Korruptions-Expertise.*

Die Transformation von Strafverfahren unter dem Einfluss von Risiken und Herausforderungen generativer künstlicher Intelligenz

Bodrov Nikolay Filippoivich, Lebedeva Antonina Konstantinovna

Ziel: *es besteht darin, die Auswirkungen der Entwicklung generativer Inhalte, die durch künstliche Intelligenz erzeugt werden, auf das Problem der Beweisfälschung in russischen Strafverfahren zu untersuchen, die mit der Verwendung und Verbreitung von Diphen verbundenen Verfahrensrisiken zu identifizieren und Vorschläge zur Verbesserung der Strafprozessordnung zu entwickeln, um die Zuverlässigkeit und Zulässigkeit von Beweisen in digitaler Form sicherzustellen.*

Methodologie: *Analyse- und Synthesemethoden, Systemmethode, Methode der interdisziplinären Rechtsforschung.*

Schlussfolgerungen. *Die Studie ergab, dass eine unzureichende Regelung der Bewertung von Beweismitteln in digitaler Form eine erhebliche Bedrohung für die Objektivität der Ermittlung der Umstände in strafrechtlichen Fällen darstellt. Verfeinerung und Modernisierung erfordern strafprozessrechtliche Normen, die die Zulässigkeit von Beweisen regeln, da die digitale Bereitstellung von Beweisen in der gegenwärtigen Phase ein erhebliches Risiko für die Verfälschung von Ereignissen und Einzelfällen birgt.*

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. *Die Ergebnisse der Studie in dem Artikel tragen zur Verbesserung der Justiz- und Durchsetzungspraxis bei. Aufgrund der unmittelbaren Verbindung des betrachteten Problems mit den Fragen der Untersuchung von materiellen Beweisen können die in diesem Artikel beschriebenen praktischen Empfehlungen auch bei der Herstellung von forensischen Untersuchungen nützlich sein.*

Stichwörter: *Deepfake, Synthese, generative Inhalte, Fälschung, Beweis, Digitalisierung, forensische Untersuchung, Strafverfahren.*

Aktuelle Probleme der Entwicklung des zivilrechtlichen Klageinstituts im Strafverfahren

Zaitsev Oleg Alexandrovich, Sevostjanowa Anastasija Witaljewna

Ziel: *analyse der aktuellen Strafprozessgesetzgebung und Ermittlung der Bedeutung eines zivilrechtlichen Anspruchs auf Ersatz des durch eine Straftat verursachten Schadens, Ermittlung problematischer Fragen in der Strafverfolgungspraxis und Begründung von Vorschlägen zur Verbesserung der Verfahrensordnung für die Prüfung und Beilegung eines zivilrechtlichen Anspruchs in russischen Strafverfahren.*

Methodologie: *allgemeine wissenschaftliche Methoden: dialektische Methode, Analyse und Synthese, Vergleich, Abstraktion und Konkretisierung, Verallgemeinerung, Formalisierung, Analogie usw.; spezielle Methoden: formal-juristisch, Methode zur Interpretation von Rechtsnormen, rechtsvergleichend, historisch-juristisch, logisch-juristisch usw.*

Schlussfolgerungen. *Eine Zivilklage im Strafverfahren ist ein wirksamer Rechtsmechanismus zum Schutz der Rechte und berechtigten Interessen von Personen, die Opfer einer Straftat geworden sind. Die derzeitige gesetzliche Regelung dieser Institution ist von Fragmentierung und Unzulänglichkeit geprägt. Die Zentralisierung aller Normen, die den Prozess der Einreichung, Prüfung und Beilegung einer Zivilklage in einem Strafverfahren regeln, in einem separaten Kapitel der Strafprozessordnung der Russischen Föderation sowie die Möglichkeit der Anwendung der Gesetzesanalogie könnten zur Straffung und Vereinfachung der Strafverfolgungstätigkeiten beitragen. Um Ansprüche im Rahmen eines Strafverfahrens prüfen zu können, ist der Grundsatz der Unmittelbarkeit des Schadens zu beachten; Allerdings sollten Ausnahmen von diesem Grundsatz vorgesehen werden, um den Rechtsschutz der Bürger zu stärken, die von der Person abhängig sind, die infolge der Begehung einer Straftat gestorben ist. Um eine einheitliche Rechtsprechungspraxis zu gewährleisten, ist es notwendig, eine Methode zur Bestimmung der Höhe der*

Entschädigung für durch eine Straftat verursachte moralische Schäden zu entwickeln. Es ist notwendig, den Parteien eines Zivilverfahrens die Möglichkeit zu geben, eine Vergleichsvereinbarung zu schließen, die den Grundsätzen des Strafverfahrens nicht widerspricht und mit den allgemeinen Tendenzen seiner Entwicklung im Einklang steht. Die Befugnisse der Justizbehörden hinsichtlich der Beschlagnahme von Vermögenswerten zur Sicherung zivilrechtlicher Ansprüche bedürfen einer Erweiterung, d. h. einer Ermächtigung des Gerichts, die genannten Maßnahmen des Verfahrenszwangs von sich aus anzuwenden.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. *Dieser Artikel kann zur weiteren Untersuchung von Fragen im Zusammenhang mit der Einreichung, Prüfung und Beilegung einer Zivilklage in einem Strafverfahren herangezogen werden. Die praktische Bedeutung der im Artikel vorgestellten Vorschläge und Schlussfolgerungen wird durch die Aussichten ihrer Anwendung bei der Verbesserung der Strafprozessgesetzgebung sowie bei der Entwicklung von Empfehlungen für Strafverfolgungsbeamte bestimmt.*

Stichwörter: *Verbrechen, Opfer, unerlaubte Handlung, Anspruch, zivilrechtlicher Anspruch in einem Strafverfahren, Schaden, moralischer Schaden, Schadensersatz, Vergleichsvereinbarung, einstweilige Maßnahmen, Festnahme.*

Künstliche Intelligenz in der Beweisbewertung in Strafsachen: Von der inneren Überzeugung zur objektivierten algorithmischen Bewertung

Kostenko Roman Valerievich, Ilyashenko Alexey Nikolaevich

Ziel: *der Artikel untersucht die Transformation der Beweiswürdigung im Strafverfahren im Kontext der Einführung von Technologien der künstlichen Intelligenz. Die Autoren analysieren die Grenzen des traditionellen Modells der Beweiswürdigung, das auf innerer Überzeugung basiert. Basierend auf aktuellen Forschungen in der kognitiven Psychologie und den Neurowissenschaften wird die mehrschichtige Natur des Prozesses der Bildung innerer Überzeugung aufgezeigt. Die methodologische Grundlage der algorithmischen Beweiswürdigung, die auf tiefen neuronalen Netzen mit mehrschichtiger Architektur basiert, wird detailliert untersucht. Die Vorteile des algorithmischen Modells werden analysiert, einschließlich der Fähigkeit zur Verarbeitung großer Informationsmengen, der Konsistenz der angewandten Kriterien, der Transparenz und der Verifizierbarkeit der Ergebnisse. Die internationale Erfahrung mit der Anwendung von Systemen künstlicher Intelligenz bei der Beweiswürdigung wird erforscht.*

Methodologie: *die Forschungsmethodologie basiert auf der dialektischen Methode unter Verwendung allgemeinwissenschaftlicher Methoden (system-strukturell und formal-logisch, induktiv und deduktiv, Analyse und Synthese) und spezieller Methoden (formal-juristisch, rechtsvergleichend).*

Schlussfolgerungen. *Die Notwendigkeit des Übergangs von der Beweiswürdigung auf Grundlage innerer Überzeugung zu einer objektivierten algorithmischen Beweiswürdigung wird begründet, was eine fundamentale Transformation des Paradigmas der strafprozessualen Beweisführung selbst darstellt. Diese Transformation wird durch eine Verschiebung vom subjektiv-intuitiven zum objektiv-analytischen Ansatz in der strafrechtlichen Beweiswürdigung gekennzeichnet sein, wodurch die natürlichen kognitiven Grenzen menschlicher Erkenntnis überwunden werden können, während die Fähigkeit zur umfassenden Analyse vielschichtiger Beweisformationen erhalten bleibt. Dieser Übergang ist nur unter einem systematischen Ansatz möglich, der technologische, rechtliche und ethische Komponenten einschließt.*

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. *Die in diesem Artikel behandelten Bestimmungen können als theoretische Voraussetzungen für die weitere wissenschaftliche Entwicklung von Fragen bezüglich des Einsatzes künstlicher Intelligenz bei der Beweiswürdigung in Strafsachen dienen. Die vorgestellten Ergebnisse können in der normativen Tätigkeit bei der Umsetzung von Maßnahmen zur Verbesserung der Strafprozessgesetzgebung verwendet werden.*

Stichwörter: *künstliche Intelligenz, Beweiswürdigung, Strafverfahren, innere Überzeugung, algorithmische Bewertung, neuronale Netze, Bayessche Netze, Transformer-Modelle, Objektivierung der Beweisführung, Digitalisierung der Justiz.*

Zivilrechtliche Mittel zur Bekämpfung von Verletzungen des Wohnrechts der Bürger

Pushkina Anna Viktorovna

Ziel: *Identifizierung der häufigsten Formen der Verletzung des Wohnrechts der Bürger und Vorschlag von Möglichkeiten zur Bekämpfung dieser Verletzungen. Das Wohnrecht der Bürger kann sowohl aus objektiven Gründen (z. B. mangelhafte gesetzliche Regelungen) als auch durch rechtswidrige Handlungen Dritter verletzt werden. In diesem Artikel wird nur der zweite Fall betrachtet, da der Kampf gegen diese Art von Verstößen nicht nur private, sondern auch öffentliche Interessen berührt.*

Methodologie: *Methode der Verallgemeinerung und des Vergleichs, Analyse, Synthese, Deduktion, Induktion, dialektische, historisch-rechtliche, formal-logische und rechtsvergleichende Methoden.*

Schlussfolgerungen. *Die Begehung der meisten illegalen Handlungen, die das Wohnrecht der Bürger verletzen, zieht sowohl strafrechtliche als auch zivilrechtliche Konsequenzen nach sich. Sie werden im Artikel ausführlich untersucht. In einigen Fällen sieht das Gesetz jedoch nur eine strafrechtliche Verantwortlichkeit für Straftaten im Zusammenhang mit der Verletzung des Wohnrechts der Bürger vor (z. B. Mord an einem Mietempfänger). Würde das Gesetz in solchen Fällen eine zivilrechtliche Sanktion in Form der Übertragung des mit der Rente belasteten Vermögens auf die Erben des Rentenempfängers vorsehen, würde dies sowohl dem Schutz der Rechte der Opfer als auch der Verhinderung neuer Straftaten dieser Art dienen.*

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. *Nachdem es für Bürger in Russland möglich wurde, Wohnungen in Privatbesitz zu haben, häuften sich die Fälle von Wohnungsbetrug. Doch gerade in diesem Bereich ist Betrug besonders gefährlich, da Wohnraum neben seinem wirtschaftlichen Wert auch ein gesellschaftlich wichtiges Objekt ist. Ohne eine Unterkunft ist es dem Menschen nicht möglich, in Würde in der Gesellschaft zu existieren. Daher ist die Bekämpfung dieser Art von Betrug und der Schutz der Rechte der Bürger, die Opfer davon geworden sind, für den Staat eine besonders wichtige Aufgabe. Dieser Artikel identifiziert die häufigsten Fälle von Verletzungen des Wohnrechts der Bürger, analysiert ihre Ursachen und schlägt Möglichkeiten zur Verbesserung der Gesetzgebung vor, um Verletzungen des Wohnrechts der Bürger zu bekämpfen.*

Stichwörter: *Wohnraum, Recht auf Wohnraum, Eigentumsrecht, Veräußerung von Immobilien, illegale Handlung, Beschlagnahme von Wohnraum, „berufsmäßige Nachbarn“, Rentenvertrag, ungültiges Geschäft, Funktionen des Staatsanwalts.*

Theoretische und gesetzgebende Aspekte der strafrechtlichen Beurteilung von Schäden bei Wirtschaftskriminalität

Akimov Petr Andreevich

Ziel: *die theoretischen und rechtlichen Aspekte der strafrechtlichen Bewertung von Schäden als Merkmal von Wirtschaftsdelikten zu analysieren. Auf der Grundlage der Analyse mögliche Lösungsansätze für die identifizierten Problembereiche zu erarbeiten.*

Methodologie: *dialektische Methode, formaljuristische Methode, vergleichende Rechtswissenschaft.*

Schlussfolgerungen. *Die durchgeführten Untersuchungen lassen den Schluss zu, dass die strafrechtliche Bewertung des Schadens als eine der Folgen von Wirtschaftsdelikten bis heute ein dringendes Problem für die Strafrechtswissenschaft und die Strafverfolgungspraxis darstellt. Es wurde festgestellt, dass es in der Strafrechtswissenschaft keinen einheitlichen Ansatz für die Bewertung der qualitativen und quantitativen Kriterien des Schadens gibt. Die strafrechtlichen Bestimmungen zur Festlegung der Schadenskriterien, ihre Korrelation mit anderen Arten von strafrechtlichen und rechtlichen Folgen von Wirtschaftsdelikten sowie mit zivilrechtlichen Kategorien bedürfen zusätzlicher wissenschaftlicher Erkenntnisse und Anpassungen. Es wurde festgestellt, dass der Schaden die am wenigsten entwickelte Rechtskategorie ist, der in den Entschließungen des Plenums des Obersten Gerichts der Russischen Föderation trotz ihrer rechtlichen und wirtschaftlichen Bedeutung in der Zusammensetzung der Wirtschaftsstraftaten nur unzureichende Aufmerksamkeit geschenkt wird.*

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung *liegt darin, dass die Klärung der festgestellten umstrittenen und wenig erforschten Aspekte der strafrechtlichen Bewertung von Schäden für die Strafrechtswissenschaft und das ordnungsgemäße Funktionieren des Rechtsschutzes für die Wirtschaftstätigkeit von Bedeutung ist. Die Entwicklung einheitlicher, wissenschaftlich fundierter qualitativer und quantitativer Kriterien der Schadensbewertung wird zur Verbesserung der Strafverfolgungspraxis bei Wirtschaftsdelikten beitragen.*

Stichwörter: *Straftaten im Bereich der wirtschaftlichen Tätigkeit, strafrechtliche Folgen, Schaden, entgangener Gewinn, Gesetzeslücken.*

Gewährleistung des Rechts einer Person mit berechtigtem Interesse am Ausgang eines Strafverfahrens auf Erhebung „elektronischer Beweismittel“

Bessonova Antonina Olegovna

Ziel: *Der Zweck der Studie besteht darin, die Inkonsistenz der sogenannten „Theorie der elektronischen Beweismittel“ zu erklären, die die Unveränderlichkeit des Ermittlungsparadigmas, der Ermittlungsform der strafprozessualen Beweismittel sowie die Entwicklung einer alternativen Wissenschaft postuliert Projekt zur Beweisfreiheit der Parteien, einschließlich der Nutzung „elektronischer Beweismittel“.*

Methodologie: *Die wichtigsten Forschungsmethoden waren Dialektik und Logik. Darüber hinaus nutzte der Autor theoretische und methodische Entwicklungen im Bereich der nichtklassischen Rechts- und Prozessphilosophie, einschließlich der kognitiven Erkenntnistheorie.*

Schlussfolgerungen. *Die Konstruktion einer neuen Beweistheorie, die dem modernen Entwicklungsstand der digitalen Technologien gerecht wird, ist ohne die Erörterung und Lösung der Frage des Freiheitsgrades der Beteiligung an der Beweisführung der Parteien, des Freiheitsgrades einer Person, die zum Teilnehmer geworden ist, nicht möglich dabei, seine Interessen durch Beweismittel (elektronisch) zu wahren. Die Beibehaltung des Ermittlungsparadigmas bei gleichzeitiger Erhöhung der technischen Möglichkeiten des Staates zur Kontrolle des Verhaltens von Menschen führt zu einer zunehmenden Ungleichheit zwischen den Parteien im Strafverfahren und bei der Beweisführung. Nur durch die Umstellung des Ermittlungsmodells auf ein kontradiktorisches Modell können Anklage und Verteidigung bei der Sammlung elektronischer und anderer Beweise wirklich gleichgestellt werden.*

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. *Die wissenschaftliche Bedeutung des Artikels liegt in der Entwicklung einer neuen Theorie über strafprozessuale und gerichtliche Beweise in kontradiktorischen Strafverfahren. Die praktische Bedeutung der Studie liegt in Vorschlägen zur Änderung des strafprozessualen Beweisrechts.*

Stichwörter: *Beweise, Daten, Informationen, Bedeutung, Sinn, Zweck, Interpretation, Kontext, Beweis, Parteien, Sammeln von Beweisen.*

Korrektur von Drogenkriminellen: Lücken der strafrechtlichen Regulierung

Biryukov Ivan Igorevich

Ziel: *in dem Artikel werden die Ergebnisse einer Untersuchung der Besonderheiten der Ernennung und Ausführung von Strafen für Verbrechen im Bereich des unerlaubten Schutzes von Drogen, psychoaktiven Substanzen und ihren Vorläufern vorgestellt, deren Ziel es ist, Vorschläge und Empfehlungen zur Verbesserung der Bestimmungen des Strafrechts im Zusammenhang mit dem Erreichen des Ziels der strafrechtlichen Bestrafung in Form von Korrekturen von Verbrechern in Fällen ihrer Ernennung für diese Arten von sozial gefährlichen Handlungen zu erarbeiten. Um dieses Ziel zu erreichen, wird dem Zustand ihrer Penalisierung, dem Inhalt des Begriffs „Korrektur" in Bezug auf diese Arten von Verbrechern besondere Aufmerksamkeit geschenkt, sowie den Nachteilen des Ansatzes des Gesetzgebers, die Strafen für Drogenverbrechen zu verankern und einige ihrer Ernennungsmerkmale in der gegenwärtigen Phase zu regeln, wird besondere Aufmerksamkeit geschenkt.*

Methodologie: *die dialektische Methode der Erkenntnis sowie die Gesamtheit allgemeiner wissenschaftlicher (Analyse, Synthese, Induktion, Abzug, Analogie), privater wissenschaftlicher (statistischer) und speziell juristischer (formal-juristischer, Interpretationsmethode der Rechtsnormen, historischer und rechtlicher) Methoden.*

Schlussfolgerungen. *Die im Strafrecht verankerten Ansätze zur Strafverfolgung von Drogenkriminalität sind nicht vollständig mit den in den einschlägigen strategischen Planungsdokumenten festgelegten Prioritäten für die Entwicklung des Strafvollzugs und die Bekämpfung der Narkotisierung der Bevölkerung korreliert, einschließlich der Korrektur, der medizinischen Rehabilitation und der Resozialisierung von Verurteilten. Die Wirksamkeit der Korrekturmaßnahmen bezieht sich dabei vor allem auf die Beseitigung der Folgen des Drogenkonsums und das Bewusstsein der öffentlichen Gefahren und Gefahren von Drogen, wodurch es möglich ist, auf die Notwendigkeit zu achten, alternative Strafen gegen Drogenkriminelle zu verbreiten und die Praxis des Gerichts zu erweitern, Maßnahmen zur Behandlung von Drogenabhängigkeit sowie zur medizinischen und / oder sozialen Rehabilitation zu ernennen.*

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. *Die durchgeführte Studie hat es ermöglicht, Mängel bei der Regulierung der strafrechtlichen Folgen von „Drogenkriminalität" im Kontext einer angemessenen Priorität der Korrekturwirkung auf die Verurteilten aufzudecken. Die Ergebnisse und Schlussfolgerungen tragen zur Erweiterung der wissenschaftlichen Vorstellungen über den Inhalt und die Kriterien für die Penalisierung dieser Art von sozial gefährlichen Handlungen bei und können bei der Vorbereitung entsprechender Gesetzesänderungen verwendet werden.*

Stichwörter: *Kriminalrecht, Antidrogenpolitik des Staates, Drogenhandel, Drogenverbrecher, Strafe, Bestrafung, zweck der Bestrafung, Korrektur von Verurteilten, Zwangsarbeit, Bewährung.*

Selbständige Beweisaufnahme durch einen Verteidiger im vorgerichtlichen Strafverfahren

Vasiliev Alexander Gennadievich

Ziel: *Entwicklung und Begründung von Vorschlägen zur Verbesserung der strafprozessualen Regelung der Tätigkeit des Verteidigers bei der selbständigen Bildung persönlicher Beweise im Rahmen des vorgerichtlichen Strafverfahrens.*

Methodologie: *dialektische Analyse, Synthese, Deduktion und Induktion.*

Schlussfolgerungen. *1. Da von absoluter Unabhängigkeit oder Freiheit des Verteidigers bei der Erhebung persönlicher Beweise im vorgerichtlichen Strafverfahren nicht gesprochen werden kann, sind nur Maßnahmen zur Verbesserung des Verfahrens zur Einbeziehung der Ergebnisse dieser Art von Verteidigertätigkeit in das Strafverfahren erforderlich. Ermittlungsmechanismus zur Beweisaufnahme kann als akzeptabel angesehen werden. 2. Wenn wir persönliche Beweise durch das Prisma des Konzepts „Beweismittel" betrachten, können wir in seiner Struktur als unabhängige Einheit „Person" herausheben – eine Person, die in der Lage ist, Informationen über die tatsächlichen Umstände des Falls zu berichten. 3. Als Zweck der Personenbeweiserhebung durch den Verteidiger kann durchaus die Vorlage einer zum Beweisgegenstand aussagefähigen Person durch den Verteidiger gegenüber dem Ermittler angesehen werden. 4. Alle Derivate – schriftliche persönliche Beweise, die der Verteidiger unabhängig in den von der geltenden Gesetzgebung vorgesehenen Weisen gesammelt hat, können nicht den Status eines Beweismittels beanspruchen und dienen nur als Grundlage für die Erfüllung des Antrags des Verteidigers auf Befragung einer informierten Person und für sonstige Ermittlungs- und Verfahrenshandlungen. 5. Die Stärkung der Garantien für die Erfüllung des Antrags eines Verteidigers auf Vernehmung einer von ihm benannten Person, die in der Lage ist, für den Fall wesentliche Tatsachen zu überprüfen, sollte Gegenstand einer Verbesserung des positiven Strafprozessrechts sein.*

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. *Die wissenschaftliche Bedeutung der Studie besteht darin, die Entwicklung von Vorstellungen über das Konzept des persönlichen strafprozessualen Beweises zu fördern, die den Traditionen der Richtung der heimischen Theorie der strafprozessualen Beweisführung entsprechen. Der Vorschlag des Autors des Beitrags zur Änderung des Strafprozessbuches der Russischen Föderation kann in der Gesetzgebung verwendet werden. Die Schlussfolgerungen bezüglich des optimalen Verhaltens eines Anwalts, um die Möglichkeit zu nutzen, dass er eine Person, die zugunsten seines Mandanten aussagen kann, in den Beweisverfahren einbeziehen kann, können in der Anwaltspraxis verwendet werden.*

Stichwörter: *persönlicher Beweis, Beweismittel, Beweisbildung, Verteidiger, Antrag, Aussage, Protokoll, Dokument, Befragung einer Person, Sachverständigengutachten.*

Sozial destruktive Informationen, die durch Informations- und Telekommunikationstechnologien und das Internet verbreitet werden: Kriminologische Analyse

Trushina Irina Olegowna

Ziel: *eine kriminologische Analyse sozial destruktiver Informationen durchzuführen, die mit Hilfe von Informations- und Telekommunikationstechnologien und dem Internet-Netzwerk verbreitet werden. Identifizieren Sie die Hauptzeichen sozial destruktiver Informationen, Ziele und Möglichkeiten, sie zu verbreiten. Um einige Probleme bei der Regulierung der Verbreitung solcher Informationen durch Informations- und Telekommunikationstechnologien und das Internet zu identifizieren, schlagen Sie Lösungswege vor.*

Methodologie: *Der wissenschaftliche Artikel basiert auf den Prinzipien der dialektischen Kognition, Analysemethoden, Synthesemethoden, formal-juristischen Prinzipien.*

Schlussfolgerungen. *Der Autor hat versucht, die wichtigsten Merkmale sozial destruktiver Informationen zu charakterisieren, die durch Informations- und Telekommunikationstechnologien und das Internet-Netzwerk verbreitet werden. Die Studie ergab, dass die Definition sozial destruktiver Informationen rechtlich verankert werden muss, um ihre Verbreitung zu regulieren.*

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. *Die gebildeten Merkmale und die Definition sozial destruktiver Informationen können der Gesetzgebung im Bereich der Regulierung ihrer Verbreitung durch Informations- und Telekommunikationstechnologien und das Internet-Netzwerk zugrunde liegen. Die erhaltenen Informationen können zur Verbesserung der Maßnahmen beitragen, die der Verbreitung sozial destruktiver Informationen in öffentlichen Quellen entgegenwirken und extremistischen, terroristischen und anderen illegalen Aktivitäten auf dem Territorium der Russischen Föderation entgegenwirken sollen.*

Stichwörter: *sozial-destruktive Informationen, Informations- und Telekommunikationstechnologien, Internet-Netzwerk, kriminologische Analyse.*

Typologie der kriminalistischen Informationen und Besonderheiten ihrer Transformation

Shevyrtalov Egor Pavlovich

Ziel: *1) die von uns vorgestellte Definition von „kriminalistischen Informationen" anzupassen; 2) den Ort der kriminalistischen Informationen in der Klassifizierung von Strafverfolgungsinformationen festzulegen, die*

Beziehung von Kategorien wie „operative Informationen“, „Ermittlungsinformationen“ und „kriminalistische Informationen“ zu etablieren; 3) die Arten von kriminalistischen Informationen zu identifizieren und die Merkmale des Transformationsmechanismus (Übergang) von einer Art zur anderen zu bestimmen; 4) das Konzept des „Informationsfeldes“ zu untersuchen und Möglichkeiten zur Verbesserung des Verfahrens zur Entschlüsselung relevanter Informationen aus der kriminalistischen Informationsquelle in Betracht zu ziehen.

Methodologie: *allgemeine dialektische Methode, Analyse, Synthese, Induktion, Deduktion, Abstraktion und Modellierung, sowie Klassifizierungsmethoden.*

Schlussfolgerungen. *1) Kriminalistische Informationen sind die Veränderungen von strafrechtlich bedeutsamen Objekten aufgrund ihrer Interaktion im Verlauf einer Straftat, deren Untersuchung dazu beiträgt, den Grad der Informationsunsicherheit im Denken der ermittelnden Person zu verringern. 2) Zu den strafverfolgungsrelevanten Informationen gehören verschiedene Arten von Informationen, darunter operative, kriminalistische und ermittlungstechnische Informationen. Es ist zu beachten, dass sich operative und kriminalistische Informationen überschneiden, während kriminalistische und ermittlungstechnische Informationen in einem Verhältnis der Unterordnung stehen. 3) Kriminalistische Informationen können in drei Arten dargestellt werden: orientierend, beweiskräftig und verweisend. Der Übergang (Transformation) von einem Typ zum anderen erfolgt in einer strikten Abfolge und mit Hilfe einer Reihe von Verfahren, einschließlich derer, die durch strafprozessuale Normen festgelegt sind. 4) Informationsfelder sollten nicht nur als Träger von Informationen homogener physikalischer Natur betrachtet werden, sondern auch als Träger verschiedener Arten kriminalistischer Informationen, was wiederum eine effektivere Entschlüsselung relevanter Informationen ermöglicht.*

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. *Die in diesem Beitrag dargelegten Ergebnisse tragen zur Vertiefung des theoretischen Wissens über die Besonderheiten der Informationsprozesse bei, die bei der kriminalistischen Erkennung von Straftaten auftreten, was sich wiederum positiv auf die Effizienz der Ermittlungen auswirkt.*

Stichwörter: *kriminalistische Erkenntnis, Strafverfolgungsinformationen, kriminalistische Informationen, Transformation von kriminalistischen Informationen, Informationsfeld der Quelle für kriminalistische Informationen.*

Ein paar Worte zu den fünften Dolgov-Lesungen

Kibalnik Alexei Grigorievich

Ziel: *Analyse der Materialien der V. Dolgowskij-Lesungen, die im März 2025 an der Universität der Staatsanwaltschaft der Russischen Föderation stattfanden.*

Methodologie: *Analyse der wissenschaftlichen Tätigkeit, Ermittlung bedeutender Beiträge zur Entwicklung der heimischen Rechtswissenschaft.*

Schlussfolgerungen. *Die wissenschaftlichen Lesungen zum Gedenken an Azalia Ivanovna Dolgov wurden zu einem echten Phänomen in der heimischen Kriminologie und Strafrechtslehre. Jedes Mal ziehen sie besondere Aufmerksamkeit seitens der Vertreter der kriminologischen und strafrechtlichen Wissenschaftsgemeinschaft auf sich. Die V. Dolgow-Lesungen, die im Jahr des 80. Jahrestages des Sieges im Großen Vaterländischen Krieg stattfanden, waren der historischen Erinnerung an dieses Ereignis und seiner Bedeutung für die aktuelle geopolitische Lage gewidmet.*

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung *des Artikels besteht in der Darstellung der wichtigsten Materialien der Lesungen, die dem Kampf gegen Verbrechen gegen den Frieden und die Sicherheit der Menschheit sowie der historischen Erinnerung an den Großen Sieg gewidmet sind.*

Stichwörter: *Dolgow-Lesungen, Universität der Staatsanwaltschaft der Russischen Föderation, Großer Vaterländischer Krieg, historische Erinnerung, Verbrechen gegen den Frieden und die Sicherheit der Menschheit.*

Die Umgestaltung des Militärstrafrechts erfordert eine Umgestaltung der Ausbildung von Juristen im Bereich der Strafrechtswissenschaften

Zakomoldin Ruslan Valerievich

Ziel: *Rezension der Veröffentlichung „Abdulkhanyanov I. A., Brazhin Yu. Yu., Dubov E. I. Strafrecht der Russischen Föderation unter den Bedingungen einer speziellen Militäroperation: Praktikum. – M.: Verlag Prospekt, 2025. – 133 S.“, die von Mitgliedern der Vereinigung der Kriminalisten und Kriminologen auf der Grundlage der Akademie des Innenministeriums der Russischen Föderation in Nischni Nowgorod und der Nationalen Forschungsuniversität Nischni Nowgorod namens N. I. Lobachevsky erstellt wurde.*

Methodologie: *umfasst eine Analyse der militärstrafrechtlichen Gesetzgebung, einen systemischen Ansatz zur Bewertung der entsprechenden Terminologie, eine Inhaltsanalyse bestehender wissenschaftlicher Publikationen zur strafrechtlichen Absicherung einer speziellen Militäroperation.*

Schlussfolgerungen. *Die spezielle Militäroperation hatte unweigerlich Auswirkungen auf den strafrechtlichen Bereich und wurde zum Ausgangspunkt und zu einem neuen Meilenstein bei der Reform des Strafrechts und des Militärstrafrechts, um eine angemessene strafrechtliche Regulierung und strafrechtliche Auswirkungen unter sich wandelnden Bedingungen zu gewährleisten. In diesem Zusammenhang muss der Bildungsprozess zur Ausbildung von Juristen die objektive Realität angemessen widerspiegeln und die laufenden Prozesse im Rahmen der Ausbildung in strafrechtlichen Fächern berücksichtigen.*

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. *Die wissenschaftliche Bedeutung besteht darin, die ablaufenden Prozesse und ihre normativ-rechtliche Regulierung zu verstehen, Trends und Gesetzmäßigkeiten zu erkennen und die staatliche (einschließlich strafrechtliche) Politik zu verdeutlichen. Die praktische Bedeutung besteht in der Gewährleistung der Prävention und Beseitigung von Lücken und Mängeln in der Gesetzgebung und Rechtsetzung sowie in der Rechtspraxis, der Verbesserung der Ausbildung hochqualifizierter Juristen, Systematisierung des Lehrmaterials, dem Erwerb der erforderlichen Kenntnisse durch die Studierenden und dem Erlernen der entsprechenden Rechtsanwendungskompetenzen, einschließlich der Qualifizierung von Straftaten, die unter besonderen Bedingungen im Rahmen einer speziellen Militäroperation begangen werden.*

Stichwörter: *juristische Ausbildung, Strafrechtswissenschaften, Strafrecht, Militärstrafrecht, militärische Sonderoperation.*

Rechtmäßigkeit aus Sicht der „Freiwilligen“ und des Schwarzmarkts

Zvyagintsev Alexander Grigorievich

Ziel: *Berücksichtigung der Persönlichkeiten von Währungsspekulanten, deren Aktivitäten die Führung der UdSSR zwangen, das Strafrecht zu verschärfen; Bewertung der relevanten historischen Ereignisse.*

Methodologie: *historische und rechtliche Methode, Deduktion, Induktion, Analyse.*

Schlussfolgerungen. *Der Autor des Essays erzählt von den Ereignissen der Sowjetzeit, als der Fall Devisenhändler oder der Fall Rokotov–Faibishenko–Yakovlev im ganzen Land bekannt wurde.*

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. *Die Arbeit präsentiert die Reflexionen des Autors über historische Ereignisse und die Aktivitäten der sowjetischen Regierungsbehörden, die es ermöglichten, die Betrügereien der „Schwarzmarktstars“ zu stoppen.*

Stichwörter: *UdSSR, N. Chruschtschow, Strafgesetzgebung, Währungsspekulation, Schwarzmarkt.*

Zum Jahrestag des Wissenschaftlers, Lehrers, Freundes und Menschen Viktor Nikolaevich Grigoriev

Zaitsev Oleg Aleksandrovich, Maximov Oleg Aleksandrovich, Sarsenbayev Talgat Yesenalievich

Ziel: *Dieser Artikel gibt einen Überblick über die beruflichen, wissenschaftlichen und pädagogischen Aktivitäten des renommierten russischen Wissenschaftlers auf dem Gebiet der Strafprozessordnung und Forensik, Viktor Nikolajewitsch Grigorjew.*

Methodologie: *Dialektik, Analyse, Synthese, Deduktion.*

Schlussfolgerungen. *Professor W. N. Grigorjew ist ein herausragender Wissenschaftler und Dozent, der maßgeblich zur Entwicklung der Strafprozessordnung und Forensik beigetragen hat und eine wichtige Rolle in der Ausbildung von juristischem und wissenschaftlichem, pädagogischem und wissenschaftlichem Personal spielt. W. N. Grigorjew verfasste und veröffentlichte zahlreiche wissenschaftliche, pädagogische und pädagogisch-methodische Werke. Unter seiner einfühlsamen Leitung werden neue wissenschaftliche Richtungen entwickelt und eine wissenschaftliche Schule aufgebaut.*

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. *Dieser Artikel analysiert die herausragenden wissenschaftlichen und pädagogischen Leistungen von Professor W. N. Grigorjew und zeigt deren Bedeutung für die Weiterentwicklung der Strafrechtswissenschaften und die Ausbildung von hochqualifiziertem juristischem Personal auf.*

Stichwörter: *Viktor Nikolaevich Grigoriev, Forensik, Strafverfahren, Veröffentlichungen, Konzept, Theorie, erste Ermittlungsmaßnahmen, Festnahme eines Verdächtigen, Ermittlungen in Notsituationen, Zweck des Strafverfahrens, Geschichten über Wissenschaftler.*

ANNOTATIONS AND KEYWORDS

Rational and irrational in criminal law

Zhilkin Maxim Gennadyevich

Mission: *to identify and analyze the interplay of rational and irrational elements in criminal law, their manifestation in the qualification of crimes, sentencing, and in the socio-philosophical interpretation of legal practices.*

Methodology: *the study applies an interdisciplinary approach combining methods of criminal law analysis, comparative legal research, and elements of sociology and philosophy of law.*

Conclusions. *Criminal law encompasses rational aspects – norms, qualification constructs, procedural mechanisms – and irrational aspects, such as the symbolism of punishment, the moral and value content of judgment, and the sacralization of justice. In extreme cases (serial killings, terrorism, crimes against humanity), the irrational dimension comes to the fore, transforming law from a regulatory mechanism into a cultural phenomenon.*

Scientific and practical significance. *The study contributes to the development of criminal law theory by highlighting its connection with sociology and philosophy of law. Its practical value lies in clarifying the understanding of the functions of punishment in modern criminal policy: from instrumental to symbolic, which is essential for law enforcement in interpreting extreme forms of criminal behavior and shaping criminal policy.*

Keywords: *criminal law, punishment, rationality, irrationality, life imprisonment, symbolic function of law, sociology of law, philosophy of law.*

Once again on criminology. Notes in the margins

Gilinsky Yakov Ilyich

Mission: *Reflect the main points of the criminological debate between the "classics" and "postmodernists". Share personal observations.*

Methodology: *logical method, formal-legal method, comparative-legal method.*

Conclusions. *There are undoubted features (characteristics, properties) of postmodernism that have an unconditional impact on crime, its understanding, scale, dynamics, and counteraction measure. Postmodern criminology asserts provisions that are unusual for classical criminology, for example: there are no acts that are criminal by their very content. No criminological concept is the "ultimate truth". This makes more and more new developments more important, both in the field of theory and in terms of practical recommendations for government agencies and law enforcement agencies.*

Scientific and practical significance. *In a small volume of material, the significant provisions of postmodern criminology are presented, and in essence, the main directions of current research are formulated.*

Keywords: *postmodern criminology, "war on crime", punishment, criminalization; scientific discussion.*

Baltic nationalist formations and their glorification as a falsification of the history of the Great Patriotic War

Shuvalov Alexandr Anatolyevich

Mission: *to analyze the process of formation of Baltic nationalist organizations, military units and subsequent glorification of Nazi collaborators in the Baltic countries. This topic is of particular relevance in connection with the special military operation on demilitarization and denazification of Ukraine, where similar processes took place.*

Methodology: *general scientific methods, comparative historical and historical-legal methods of studying historical and political processes in the Baltic countries.*

Conclusions. *The glorification of Nazi collaborators formed the basis of Russophobic policies and the falsification of the history of the Great Patriotic War.*

Scientific and practical significance. *The study of the history of the creation of Baltic nationalist formations and their glorification allows us to determine the nature of direct and indirect threats to the national interests of the Russian Federation.*

Keywords: *Great Patriotic War, Russophobia, falsification, USSR, Russian Federation, Lithuania, Estonia, Latvia.*

The impact of reconciliation on criminal prosecution: statistics, practice and prospects

Klochenko Larisa Nikolaevna

Mission: *to analyze the reason for the ineffectiveness of such a significant criminal law institution as release from criminal liability due to reconciliation with the victim (Article 76 of the Criminal Code of the Russian Federation) based on the analysis of statistical data from the Judicial Department of the Supreme Court. The author sets the task of finding opportunities to expand the potential for reconciliation with the victim. It is also necessary to consider the problematic issues of parole within the framework of this institution.*

Methodology: *includes analysis, synthesis, deduction, formal legal method, and systems method.*

Conclusions. *it is necessary to consider the issue of establishing in the law a mechanism motivating those convicted for the first time for minor or moderate crimes to compensate for harm to victims and reconcile with them. This mechanism can be implemented by establishing a special (preferential) basis for parole and replacing the unserved portion of the sentence in the event of reconciliation with the victim (along with the presence of mandatory general conditions for parole), for example, in terms of excluding the requirement to serve a certain term of punishment for persons convicted for the first time for minor or moderate crimes who have reconciled with the victims.*

Scientific and practical significance. *The scientific significance lies in the fact that the author examined the issues of expanding the application of the institution of reconciliation with the victim, the legal consequences of reconciliation after sentencing, as well as proposals for legislative initiatives that contribute to its more effective use. The work is theoretical in nature.*

Keywords: *criminal liability, crime, release from criminal liability, parole, reconciliation with the victim, compensation for harm, compensation for damage, termination of criminal cases, penitentiary mediation.*

Philosophical and criminal-legal thought about the idea of proportionality in the Modern period

Kovalchuk Alexey Vasilievich

Mission: *based on the study of the evolution of the Idea of proportionality as a philosophical and criminal-legal phenomenon in the period of the New Age and the Age of Enlightenment (16th–19th centuries), identify the patterns of its transformation, as well as assess its influence on the formation of the humanization of criminal law, differentiation of criminal liability, justice and protection of citizens from arbitrariness.*

Methodology: *dialectical method, historical, legal and philosophical analysis, comparative legal analysis, systematization method.*

Conclusions. *The development of scientific thought on proportionality as a philosophical and criminal-legal phenomenon in the New Age was characterized by a number of regularities: a gradual change in the perception of this Idea by thinkers from a practical instrument of lawmaking and law enforcement to a philosophical-ethical-legal ideal; a synthesis of distributive justice and consideration of individual circumstances of the case; an assessment of proportionality as an Idea of limiting state power; a dialectical process of "removing" a crime through punishment. The identified regularities significantly influenced the further improvement of the humanization of criminal law.*

Scientific and practical significance. *The formulated conclusions contribute to the development of criminal law theory, systematizing views on the Idea of proportionality in the context of its historical evolution. The practical significance lies in the possibility of applying the obtained conclusions to improve modern criminal legislation: justification of the differentiation of criminal liability, humanization of the criminal law, ensuring a balance between its severity and protection of individual rights. The ideas of thinkers of the New Age are relevant for further research of the issues raised.*

Keywords: *balance, New Age, Talion's principle, proportionality, Enlightenment, rationalism, justice, criminal punishment, criminal law, criminal-legal proportionality, empiricism.*

Offenses in the digital environment under the criminal law of The People's Republic of China

Kuchina Yaroslava Olegovna

Mission: *The legal system of China is attracting growing scholarly attention amid the intensification of multilateral cooperation between China and Russia. Criminal law regulation of digital relations is no exception, especially considering China's leadership in digitalization growth rates and the extent of digital transformation. This article aims to examine offenses in the digital environment under Chinese criminal law.*

Methodology: *general scientific methods: dialectical method, analysis and synthesis, comparison, abstraction and concretization, generalization, formalization, analogy, etc.; special methods: formal-legal, method of interpretation of legal norms, comparative-legal, historical-legal, logical-legal, etc.*

Conclusions. *Key findings include: The Criminal Code of the PRC contains eight offenses that can be classified as digital environment crimes, primarily located in §1 of Chapter 6, with three introduced in 1997; The Chinese legislature added new offenses through criminal law amendments in 2009 and 2015; Many offenses classified as digital environment crimes lack explicit statutory language to that effect, requiring law enforcement to rely on guiding decisions of the Supreme People's Court for qualification.*

Scientific and practical significance. *The study employs comparative legal methodology, focusing on the analysis of Chinese criminal legislation, particularly the Criminal Code of the PRC, guiding interpretations of the Supreme People's Court of China, and scholarly opinions on these offenses.*

This article presents a systematic examination of the structure of norms and provisions concerning digital environment offenses, establishing their hierarchy and interrelation. It also analyzes the role of judicial practice in regulating digital legal relations and its contribution to uniform law enforcement across the country. The research is significant as it provides a foundation for further studies of Chinese criminal law or specific offenses under the Criminal Code of the PRC.

Keywords: *Chinese criminal law, computer crimes, digital environment offenses, digital technologies, cybercrimes, China.*

Criminal law instruments of migration control: theory and practice of interdisciplinary connections

Urda Margarita Nicolaevna

Mission: *to substantiate the system-forming role of the concept of "migration control" as a conceptual basis for determining the legal nature of criminal law tools of migration control (Articles 322–322³ of the Criminal Code of the Russian Federation) through analyzing their functional interaction with administrative mechanisms and elements involved in regulating migration relations. Based on recent amendments to the Criminal Code (November 2024) strengthening liability for violations of migration regulations, to identify systemic cross-sectoral problems hindering effective counteraction against illegal migration.*

Methodology: *dialectical method, analysis, synthesis, deduction, formal legal method, system method, method of intersectoral legal research.*

Conclusions: *The criminal-law provisions governing migration control (Articles 322–322³ CC RF), while constituting essential components of migration security architecture alongside administrative measures, suffer from doctrinal ambiguities and regulatory inconsistencies that generate jurisdictional uncertainties. Their suboptimal efficacy persists due to unresolved systemic deficiencies including normative terminological disparities, disproportionate sanctions, and inadequate demarcation between criminal and administrative offense thresholds.*

Scientific and practical significance. *In the theoretical and legal aspect, the work advances the doctrine of migration control as a comprehensive interdisciplinary institution that integrates criminal, administrative, and migration law. It conceptualizes migration security through the lens of criminal and administrative mechanisms, contributing to the formation of a unified scientific approach to countering illegal migration. Additionally, it clarifies the legal nature of migration-related crimes (Articles 322–322³ of the Russian Criminal Code). The practical significance of the work lies in proposing measures to improve migration control, including the development of a unified concept, the resolution of inter-branch legal conflicts, the introduction of special criminal-legal measures (such as the expulsion of foreign nationals as a form of criminal-legal response), and other enhancements.*

Keywords: *migration control, migration regime, illegal migration, migration security, migration violations, intersectoral relations, expulsion, foreign citizens, increased responsibility, criminal law enforcement.*

Discrimination as a criminal-legal phenomenon: concept and origins

Chistyakov Konstantin Vladimirovich

Mission: *is a comprehensive analysis of discrimination as a criminal-legal phenomenon, consideration of its conceptual foundations and historical origins in the context of the development of criminal liability. The study is aimed at identifying key aspects of understanding discrimination in criminal law and the evolution of approaches to liability for discriminatory actions.*

Methodology: *historical and legal method, comparative legal method, formal legal method, systems method.*

Conclusions. *to consider the concept of discrimination as a criminal-legal phenomenon and its evolution from simple forms of inequality in ancient societies to a complex legal category in modern criminal legislation.*

Scientific and practical significance *of the study lies in the development of theoretical knowledge about the evolution of the concept of discrimination in the criminal-legal aspect and their systematization based on the analysis of historical experience.*

Keywords: *discrimination, criminal liability, protection, child, law, society, isolation, personality, counteraction, equality, punishment.*

Criminal domestic violence in the Russian Federation: current status and preventive measures

Shutova Julia Alexandrovna

Mission: *to identify the structure and current state of criminal domestic violence and propose its comprehensive prevention system. The author identifies the negative impact of domestic violence on the institution of the family and on government policy in the field of preserving traditional family values.*

Methodology: *the method of analysis (when studying the current state of criminal domestic violence), descriptive and analytical (when obtaining reliable information about the current state of criminal domestic violence), systematic method (when formulating the structure of criminal domestic violence and measures to prevent it), survey method (when interviewing employees of the State Crisis Center for Women in St. PetersburgSt. Petersburg and the Regional Public Organization "Polina. Crisis Center for Women").*

Conclusions. *The family is the most important social institution in the Russian Federation. In this regard, the State's policy is aimed at protecting the family as the basic unit of society, as well as preserving traditional family values. Domestic violence is a destructive phenomenon inherent in the social and legal reality of the Russian Federation, undermining the authority of the institution of the family. About 40% of serious and especially serious crimes occur specifically in the family and household sphere. The prevention of domestic violence in Russia is beginning to take on a complex character. In addition to criminal legal measures to influence persons who have committed domestic violent crimes, psychological correction measures have begun to be actively applied to the actors, victims and witnesses of violence.*

Scientific and practical significance. *The author presents the structure of domestic violence, in connection with which criminal law measures to counteract the phenomenon in question are presented. In addition, it is concluded that comprehensive prevention of domestic violence is necessary. The implementation of this direction is possible with the synthesis of criminal law and psychological measures of influence on the subjects of violence – actors, victims and witnesses. The article presents modern Russian behavior correction programs applied to initiators of violence. The author also provides rehabilitation measures for victims and witnesses of domestic violence, implemented at the state, regional levels and within the framework of the work of non-profit organizations.*

Keywords: *domestic violence, mental violence, intra-family crime, family institution, structure of domestic violence, actor of violence, victim of violence, witness of violence, crisis centers, behavior correction programs, rehabilitation of victims of violence, assistance to minors.*

Online social environment: modern threats to the criminological safety of minors

Demidova-Petrova Elizaveta Viktorovna

Mission: *to formulate the main modern threats to the criminological security of minors arising in connection with the involvement of children and adolescents in the online social space, for the purpose of conducting specialized monitoring and subsequent development of a strategy to counter destructive information and psychological influence.*

Methodology: *dialectical method, analysis, synthesis, deduction, system method, method of interdisciplinary legal research.*

Conclusions. *The online social environment in which modern minors find themselves determines the emergence of a number of threats associated, among other things, with the specifics of the transmission and perception of criminogenically significant information. The most pressing threats include involvement in the commission of illegal acts, as well as criminal influence on the consciousness of minors in order to level traditional spiritual and moral values, falsify historical facts and discredit national history, distort the axiological system of the younger generation.*

Scientific and practical significance. *The identification and identification of the main threats to the criminological safety of minors in the online social environment is intended to contribute to the further development of the juvenile delinquency prevention system. Modern technological tools allow criminological monitoring of social networks and information that poses a threat to the health and development of minors at a qualitatively different level.*

Keywords: *minors, social environment, online-factor, criminological security, juvenile delinquency prevention.*

The general social level of crime prevention

Ignatov Aleksandr Nikolayevich

Mission: *based on a critical analysis of the approaches existing in criminological doctrine to the expediency of identifying a general social level of crime prevention, to determine the content of this activity.*

Methodology: *dialectical method, system approach, activity approach, analysis, synthesis, induction, deduction, abstraction method, formal legal method.*

Conclusions. *The approaches common in the theory of criminology to understanding the general social counteraction to crime as a set of measures to achieve universal well-being raise a legitimate question about the expediency of highlighting the general social level of crime prevention and the content of relevant activities. It is proved that the main task of countering crime at the general social level is not only to eliminate and minimize the criminogenic effects of existing crime-determining factors, but also to prevent them, as well as to prevent the formation and emergence of new ones. Crime prevention at the general social level is an activity, the essence of which is to criminologically ensure the development of society, implemented primarily at the level of strategic planning. On the basis of the information provided by criminologists, public administration entities implement measures of general social counteraction to crime in their specific decisions. Criminological support for the activities of public administration entities should also cover scientific support for law-making activities, which determines the need to introduce an institute for criminological expertise of regulatory legal acts and their projects, as well as criminological monitoring of the effectiveness of legal regulation.*

Scientific and practical significance. *Determining the essence and content of crime prevention activities at the general social level allows us to develop and implement measures aimed at minimizing crime manifestations to the optimal possible, socially acceptable level throughout the country and for the entire society. Criminological support of public administration implemented on a systematic basis at the level of strategic planning and law-making activities will allow solving practical problems of crime prevention at the general social level.*

Keywords: *criminal behavior, criminality, crime prevention, general social level, criminological policy, criminological support, strategic planning, criminological expertise, law-making, legal analytic*

Ecovictimology (oikosviktimologos): an integral module of the ecocriminological transdisciplinary-multimodal concept (private eco-crimino-victimological pilot project). Part 4

Tangiev Bahaudin Batyrovich

Mission: *1) to substantiate the conceptual foundations of the ecocentric (biogenocentric) paradigm of the transition period, necessitating the creation of new scientific directions: "ecovictimology"; "ecocriminovictimology" and "ecovictimalistics", scientific and conceptual apparatus, and role in transdisciplinary-multimodal ecocriminology-criminalistics architecture of the Ecosecurity System and its importance in the unified, multifunctional state ecomonitoring for obtaining verifiable, representative data (indicators, parameters, indicators) of eco-criminogenic, eco-criminal victimization of the society, eco-criminal irreversible processes and factors contributing to the exceptional eco-criminization of the society in the conditions of interaction with the environment abundant with uncontrollable growth of anthropogenic-technogenic danger;*

2) to reveal the interrelation and differences in the subject and object of the disciplines under consideration in the context of ecocriminology and ecocriticism analysis. At the same time, emphasizing the typology inherent only in ecowictim and the differences of eco-criminogenic irreversible influence of eco-criminological latent factors from eco-criminal produced by eco-crime impact on ecosystems (biota), as well as eco-criminological correlation in the origin of eco-victims and eco-victims;

3) to involve scientists of the youth branch of the Union of criminologists and criminologists, other associations in the orbit of promising, by its object of knowledge unique transdisciplinary-multimodal research in the field on which, in fact, depends the further sustainable existence of "Homo sapiens", as a reasonable being, capable of not becoming an eco-victim and not only to really ensure the right of everyone to a favorable environment, but also to find a scientifically-based (acceptable) balance between the effectiveness of the System of ecosafety and exorbitant demand.

Methodology: *dialectical method, analysis, synthesis, deduction, formal-legal method, system method, and the author's first tested in Russia transdisciplinary-multimodal integrated method of Ecocriminology.*

Conclusions. *On the basis of the previously achieved research results obtained by the author during the development of innovative technologies and systems to counter transnational eco-crime: in the creation of automated systems of eco-criminological monitoring (ASECM); automated systems of environmental-legal monitoring (ASEPM); information criminological and forensic technologies of identification, management, assessment and forecasting of eco-criminogenic situation and geoinformation criminological (eco-criminological) systems and GIS-technologies.*

As a result, the author's multimodal concept is developed and proposed in the format of a pilot project (for further probation), which justifies the creation of new interrelated, mutually conditioned modular disciplines with a consistent transformation into scientific areas: "Ecocriminovictimology"; "Ecovictimology"; "Ecovictimalism". The statement of the problem of correlation of ecocriminal and ecocriminogenic components in the ecocriticization

of society, affecting all segments of the population, social institutions and ecosystems without exception, is analyzed. The systematization of the profile thesaurus, scientific and conceptual apparatus, typologization and classification is substantiated, taking into account the main differences of ecovictim generation from all known types of crimes and victimological teachings about these victims.

Scientific and practical significance. *The obtained results allow: 1. To train personnel at the expert level, meeting modern ecorisk-oriented demands of law enforcement practice; 2. To conduct transdisciplinary-multimodal research determined by the degree of unresolved systemic problems in this area of scientific research; 3. Ecovictimology forces us (society) to cognize the interdependent regularities of ecovictimological and ecosocial philosophy of the underlying processes of causes, conditions, determinable phenomenon of the origin of eco-victims (eco-victims) and disclose differentiated conditioned ecocriminologist and ecocriminogenic constituent, threshold ecocriminologist factors, sustainable processes of universal social ecocriminology; 4. Provide relevance carrying objective ecocriminologist analytics (verification), managing risk-oriented ecocriminologist processes and forecasting parameters (synchronized modular indicators and others) System eco-safety in localization (minimization) ecocriminologist and ecocriminologist signs Thus, the necessity of obtaining representative ecocriminological and ecocriminovictimologic analytical data along with other ecocriminological and forensic indicators in the structure of unified eco-monitoring on the entire territory of Russia is determined.*

Keywords: *ecovictimology, ecocriminovictimology, ecovictimalistics, ecovictimological monitoring, ecocriminal and ecocrimenogenic victimization of society, ecovictima, eco-victim, eco-victim, eco-victim, ecodeviantology, ecocriminology, environmental criminology, multifunctional multimodal system in ensuring eco-security.*

Alexander Pushkin. The Petersburg period (1817–1820)

Kharabet Konstantin Vasilievich

Mission: *to update knowledge in the interdisciplinary field of "literary jurisprudence" in terms of deepening (clarifying) knowledge about legal events in the biography of A. S. Pushkin, to explore his circle of contacts and interests in the post-lyceum period of his life (181–1820), to trace the formation of his political and legal worldview. Particular attention is paid to the significance of the ode "Liberty" as a programmatic work of this period.*

Methodology: *a set of methods of scientific knowledge, including historical and legal, descriptive, biographical, cultural and historical. The article also uses general scientific and specific scientific methods.*

Conclusions. *For Pushkin, the "triumph of law" is when lawlessness is fought exclusively by legal means. Freedom is understood not as a private matter of an individual, but as a public matter in which everyone is equally interested and which depends on the state structure and laws.*

Scientific and practical significance *consists in the fact that the resolution of the identified controversial and little-studied aspects of the criminal-legal assessment of damage is important for the science of criminal law and the proper functioning of the mechanism of legal protection of economic activity. The development of unified scientifically grounded qualitative and quantitative criteria of damage assessment will contribute to the improvement of law enforcement practice in cases of economic crimes.*

Keywords: *legal literary criticism, A. S. Pushkin, ode "Liberty", "Village", freedom, law and justice.*

Legal regulation of law enforcement activities aimed at countering malicious evasion from serving alternative non-custodial sentences

Kazak Bronislav Bronislavovich

Mission: *to determine the conditions and directions of law enforcement activities in the field of countering evasion from serving alternative sentences.*

Methodology: *dialectics, structural and functional analysis, content analysis, comparative legal method.*

Conclusions. *The results of study c show that the use of measures of influence on convicts who maliciously evade serving alternative punishments, replacing punishment with a more severe punishment – imprisonment becomes problematic and impractical. In order to implement the principles of criminal and penal enforcement law of social justice and to fulfill the main task of penal enforcement legislation: the prevention of repeated crimes, we consider it advisable to amend the legislation. The implementation of the organizational and legal measures proposed by the author to influence the malicious violators of the regime of serving alternative punishments will contribute to the prevention of repeated crimes.*

Scientific and practical significance. *The study of theoretical issues of organizational and legal support for countering evasion from serving alternative sentences corresponds to the Program of Fundamental Scientific Research*

in the Russian Federation for the Long Term (2021–2030), approved by Government Decree No. 3684-r dated December 31, 2020 "On Approval of the Program of Fundamental Scientific Research in the Russian Federation for the Long Term (2021–2030)", paragraph 5.3.3 "Development of alternative social response systems aimed at preventing and suppressing criminal behavior in society", section 5.3 "Criminology and the penitentiary system" and is a feasible contribution to its implementation. The methodological recommendations prepared by the author contribute to improving the efficiency of institutions that carry out alternative punishments.

Keywords: *law enforcement, alternative punishments, prevention of recidivism.*

The influence of the specifics of the medical field on the formation of typical initial investigative situations in cases of iatrogenic crimes

Lavrinenko Alexandra Alexandrovna, Kot Ekaterina Alexandrovna

Mission: *over the past few years, the number of iatrogenic crimes has not decreased, while medical workers are rarely held liable for causing harm to a patient's health. The majority of cases do not pass the preliminary investigation stage, as a result of which only 6–12% of cases of reports of signs of a possible iatrogenic crime are brought to court. This is largely due to the difficulties that investigators have in perceiving the circumstances of iatrogenic crimes, which is primarily due to their lack of professional knowledge in the field of medicine. It should be emphasized that one of the most effective tools used in the investigation of iatrogenic crimes is the situational approach. It allows using information about similar typical investigative situations at all stages of the investigation when analyzing existing investigative situations and successfully overcoming the difficulties associated with information uncertainty and resistance to the investigation. In this regard, in our opinion, it is important to form an idea of the influence of the specifics of the medical field on the structure of typical investigative situations. This circumstance predetermined the purpose of our study. The article examines typical initial investigative situations in cases of iatrogenic crimes, the structuring of which occurs under the influence of two information components, namely, information contained in medical documentation and information provided by the victim of the crime.*

Methodology: *the study was based on a set of general scientific theoretical and empirical methods of cognition, among which the most important role was given to analysis, as well as dialectical and inductive methods of cognition. At the same time, to achieve the goal of the study, modeling and situational approach were used as private forensic methods.*

Conclusions. *The specific features of typical initial investigative situations in cases of iatrogenic crimes are determined by the influence of the specific sphere in which these crimes are committed. In this regard, such factors as the physical condition of the victim of criminal iatrogenesis, the availability of information about the place of provision and types of medical care are of particular importance when analyzing the initial investigative situation.*

Scientific and practical significance. *The effectiveness of the investigation of iatrogenic crimes largely depends on the quality and efficiency of the investigator's actions in putting forward investigative versions, developing investigation tactics, planning and conducting procedural actions. The situational approach to this activity, due to its universality, is applicable at all stages of the investigation of iatrogenic crimes. The article formulates conclusions that are of great practical importance for the activities of investigative bodies in determining the main sources of forensically important information that is necessary at the initial stage of the investigation of iatrogenic crimes. This is due to the fact that it is this information that allows for the further analysis of the initial investigative situations in correlation with scientifically substantiated typical initial investigative situations in cases of iatrogenic crimes.*

Keywords: *iatrogenic crime, typical initial investigative situation, forensically significant information, traces of a crime, causing harm to health.*

Application of the forensic model in ensuring the safety of participants in criminal proceedings

Mishin Andrey Viktorovich

Mission: *based on scientific approaches to the application of the criminalistic model in investigative practice, to reveal the essence and significance of such a model in relation to the investigation of crimes in which post-criminal unlawful effects are carried out against participants in pre-trial proceedings; to formulate practical recommendations for its use by the investigator.*

Methodology: *dialectical method, formal legal methods, including analysis, synthesis, and a systematic approach.*

Conclusions. *When investigating crimes related to post-criminal unlawful encroachment on participants in criminal proceedings, the use of a forensic model for overcoming such encroachment makes it possible to optimally*

solve tactical tasks related, inter alia, to the choice and technology of applying security measures against protected participants in the process.

Scientific and practical significance. *The process of postcriminal unlawful encroachment, as well as activities aimed at its neutralization, serves as the basis for describing the system-forming elements of the content of the criminalistic model of overcoming postcriminal unlawful encroachment, reflecting the essential properties of this overcoming. The combination of such elements should be used to improve scientifically based forensic recommendations aimed at improving the effectiveness of solving tactical tasks to ensure the safety of participants in criminal proceedings.*

Keywords: *criminalistics, technology, model, modeling, security, criminal proceedings, investigator, protected person, unlawful influence, tactical tasks.*

Situational and psychological modeling in the tactics of interrogation of the accused (suspect)

Rudenko Alexandr Viktorovich, Globa Valeria Vitalievna

Mission: *the tactics of interrogation of the accused (suspect) is a multidimensional process to achieve the goals of the specified investigative action. The complexity is due to factors such as the defensive dominance in the behavior of the interrogated and the configuration of the interrogation situation, the development of IT technologies. The article substantiates the connection between a private investigative situation and the interaction of the investigator (inquirer) with the accused (suspect) during interrogation, taking into account psychological modeling.*

Methodology: *dialectical method, analysis, synthesis, system method.*

Conclusions. *Situational and psychological modeling during interrogation allows the investigator to be in a position of supranational activity, where the individualization of tactical influence is carried out and effectiveness is achieved – obtaining truthful testimony. This simulation allows the investigator to understand the variability of the behavior of the accused (suspect), who is often interested in concealing truthful information about the committed criminal act. Moreover, this simulation may be used in the future with the help of technical means.*

Scientific and practical significance. *Psychological modeling in an interrogation situation is important for the theoretical provisions of forensic tactics, since it allows the investigator (inquirer) to effectively achieve the goal of interrogating the accused (suspect) in practice – to obtain complete and truthful testimony on the case under investigation. With the development of digital technologies, the modeling method can be applied both directly by the interrogator (the result of mental activity) and with the use of auxiliary technical means in the future. To date, programs created on the basis of neural networks (artificial intelligence programs) show high efficiency, the use of such programs during the interrogation of the accused (suspect) is not possible due to their lack of knowledge and legislative restrictions. We believe that the use of the last stage of modeling requires the creation and training of highly specialized models of artificial intelligence.*

Keywords: *interrogation tactics, investigative situation, psychology of interrogation, accused (suspect), tactical impact, modeling, interrogation, legal criterion, situational psychological criterion, artificial intelligence.*

Development of forensic expertology in the context of information technology and digital transformation of society

Rossinskaya Elena Rafailovna

Mission: *the study aims to identify the main trends in the development of forensic expertology in the context of challenges associated with digitalization and modern technologies, using the example of the latest trends and changes that occurred in this area in the twenties of the 21st century. The analysis is based on the study of scientific publications devoted to the development of forensic expertology, as well as on the assessment of the impact of digital technologies on the methods of expert research and the competence of forensic experts. A new private theory of forensic expertology is considered, which has methodological significance for all types of forensic examinations. At the same time, the risks arising from the use of artificial intelligence technologies in forensic examinations are high. Emphasizes the importance and urgency of creating a regulatory framework for the organization of non-governmental forensic activities.*

Methodology: *general scientific methods: dialectical method, analysis and synthesis, comparison, abstraction and concretization, generalization, formalization, analogy, etc.; special methods: formal-legal, method of interpretation of legal norms, comparative-legal, historical-legal, logical-legal, etc.*

Conclusions. *The author emphasizes that with the increase in the volume of digital information and the growth of computer crime, new objects of research have emerged – digital traces, which led to the formation of a new private theory of digitalization of forensic activity, the system of which includes the subject, objects, tasks, place*

in the general theory of forensic expertology, forensic examination of digital traces and information and computer support for forensic activity.

Scientific and practical significance *of the article lies in the fact that it offers a new perspective on the development of forensic expertology in the context of digital transformation of society.*

Keywords: *forensic expertology, forensic expert activity, digitalization, digital footprints, neural network, machine learning algorithm, model risk, dataset, expert competencies, anti-corruption expertise.*

Transformation of criminal proceedings under the influence of risks and challenges of generative artificial intelligence

Bodrov Nikolay Filippoivich, Lebedeva Antonina Konstantinovna

Mission: *is a comprehensive study of the impact of the development of generative content created using artificial intelligence technologies on the problem of falsification of evidence in Russia's criminal proceedings, identifying procedural risks associated with the use and dissemination of deepfakes, and developing proposals for improving criminal procedural regulation aimed at ensuring the reliability and admissibility of evidence provided in digital form.*

Methodology: *methods of analysis and synthesis, system method, method of interdisciplinary legal research.*

Conclusions. *The study found that insufficient regulation of the assessment of evidence provided in digital form poses a significant threat to the objectivity of establishing the circumstances in criminal cases. The criminal procedure rules governing the admissibility of evidence require refinement and modernization, as the provision of evidence in digital form in modern it creates a significant risk of falsification of both events and individual circumstances.*

Scientific and practical significance. *The results of the research outlined in the article contribute to the improvement of judicial and law enforcement practice. Due to the direct connection of the problem under consideration with the issues of physical evidence research, the practical recommendations outlined in this article may also be useful in the conduct of forensic examinations.*

Keywords: *deepfake, synthesis, generative content, falsification, proof, digitalization, forensic examination, criminal proceedings.*

Current issues in the development of the civil claim institute in criminal proceedings

Zaitsev Oleg Aleksandrovich, Sevostyanova Anastasia Vitalievna

Mission: *analysis of the current criminal procedure legislation and identification of the significance of a civil claim for compensation for damage caused by a criminal offense, identification of problematic issues in law enforcement practice and substantiation of proposals for improving the procedural order of consideration and resolution of a civil claim in Russian criminal proceedings.*

Methodology: *general scientific methods: dialectical method, analysis and synthesis, comparison, abstraction and concretization, generalization, formalization, analogy, etc.; special methods: formal-legal, method of interpretation of legal norms, comparative-legal, historical-legal, logical-legal, etc.*

Conclusions. *A civil claim in criminal proceedings is an effective legal mechanism aimed at protecting the rights and legitimate interests of persons affected by a crime. The current legal regulation of this institution is characterized by fragmentation and insufficiency. Centralization of all rules aimed at regulating the process of filing, considering and resolving a civil claim in a criminal case in a separate chapter of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, as well as allowing the possibility of applying the analogy of the law, could contribute to streamlining and simplifying law enforcement activities. To consider claims within the framework of a criminal case, it is necessary to comply with the principle of immediacy of harm, at the same time, exceptions should be provided for from this principle in order to enhance the legal protection of citizens who are dependent on a person who died as a result of the commission of a crime. In order to ensure uniformity of judicial practice, it is necessary to develop a methodology for determining the amount of compensation for moral damage caused by a crime. It is necessary to allow the possibility of civil claim areas to enter into a settlement agreement, which does not contradict the principles of criminal proceedings and is consistent with the general trends of its development. The powers of judicial bodies in terms of seizing property for the purpose of securing a civil claim require expansion, namely, permission for the court to apply the said measure of procedural coercion on its own initiative.*

Scientific and practical significance. *This article can be used for further research of issues related to the application, consideration and resolution of a civil claim in a criminal case. The practical significance of the proposals and conclusions presented in the article is determined by the prospects for their application in improving criminal procedure legislation, as well as in developing recommendations for law enforcement officers.*

Keywords: *crime, victim, tort, claim, civil claim in a criminal case, harm, moral harm, compensation for harm, settlement agreement, interim measures, arrest.*

Artificial Intelligence in Assessing Evidence in Criminal Cases: From Inner Conviction to Objectified Algorithmic Assessment

Kostenko Roman Valerievich, Ilyashenko Alexey Nikolaevich

Mission: *the article examines the transformation of evidence assessment in criminal proceedings in the context of artificial intelligence technology implementation. The authors analyze the limitations of the traditional model of evidence assessment based on inner conviction. Based on modern research in cognitive psychology and neuroscience, the multi-component nature of the inner conviction formation process is revealed. The methodological foundation of algorithmic evidence assessment, based on deep neural networks with multilayer architecture, is examined in detail. The advantages of the algorithmic model are analyzed, including the ability to process large volumes of information, consistency of applied criteria, transparency, and verifiability of results. International experience in applying artificial intelligence systems in evidence assessment is investigated.*

Methodology: *the research methodology is based on the dialectical method, using general scientific methods (system-structural and formal-logical, inductive and deductive, analysis and synthesis) and special methods (formal-legal, comparative-legal).*

Conclusions. *The necessity of transitioning from evidence assessment based on inner conviction to objectified algorithmic evidence assessment is substantiated, representing a fundamental transformation of the criminal procedural proof paradigm itself. This transformation will be characterized by a shift from a subjective-intuitive to an objective-analytical approach in criminal evidence assessment, which will overcome the natural cognitive limitations of human cognition while maintaining the ability to comprehensively analyze multi-aspect evidentiary information. This transition is possible only under a systematic approach that includes technological, legal, and ethical components.*

Scientific and practical significance. *The provisions considered in this article can serve as theoretical prerequisites for further scientific development of issues regarding the use of artificial intelligence in criminal evidence assessment. The presented results can be used in normative activity during the implementation of measures to improve criminal procedure legislation.*

Keywords: *artificial intelligence, evidence assessment, criminal procedure, inner conviction, algorithmic evaluation, neural networks, Bayesian networks, transformer models, objectification of proof, digitalization of justice.*

Civil law means of combating violations of citizens' housing rights

Pushkina Anna Viktorovna

Mission: *to identify the most common ways of violating citizens' housing rights and to suggest ways to combat them. Citizens' housing rights may be violated both for objective reasons (for example, imperfect legislative regulation) and as a result of illegal actions of third parties. This article considers only the second case, since the fight against such violations affects not only private but also public interests.*

Methodology: *the method of generalization and comparison, analysis, synthesis, deduction, induction, dialectical, historical-legal, formal-logical and comparative-legal methods.*

Conclusions. *The commission of most illegal actions that violate citizens' housing rights entails both criminal liability and civil-law consequences. They are examined in detail in the article. But in some cases, the law provides only criminal liability for crimes related to the violation of citizens' housing rights (for example, the murder of a recipient of annuity). If the law provided for a civil penalty in such situations in the form of transferring the property encumbered by the rent to the heirs of the recipient of the rent, this would serve both to protect the rights of the victims and to prevent new crimes of this kind.*

Scientific and practical significance. *After citizens in Russia were given the opportunity to own apartments in private ownership, cases of housing fraud became more frequent. But in this area, fraud is especially dangerous, since housing, in addition to economic value, is a socially important object. Without housing, a person is not able to exist with dignity in society. Therefore, the issue of counteracting this kind of fraud and protecting the rights of citizens who have become its victims is especially acute for the state. This article identifies the most common cases of violation of housing rights of citizens, analyzes their causes and suggests ways to improve legislation in order to combat violations of housing rights of citizens.*

Keywords: *residential premises, right to housing, right of ownership, alienation of real estate, illegal action, seizure of housing, "professional neighbors", annuity agreement, invalid transaction, functions of the prosecutor*

Theoretical and legislative aspects of criminal law damage assessment in economic crimes

Akimov Petr Andreevich

Mission: *to analyze the theoretical and legislative aspects of criminal damage assessment as a sign of economic crimes. Based on the analysis carried out, to form possible solutions to the identified problematic issues.*

Methodology: *dialectical method, formal legal method, comparative jurisprudence.*

Conclusions. *The conducted research allows us to conclude that today the criminal law assessment of damage, as one of the consequences of economic crimes, is an urgent problem for the science of criminal law and law enforcement practice. The absence of a unified approach to assessing qualitative and quantitative criteria of damage in the science of criminal law has been established. They require additional scientific understanding and correction of the provisions of the criminal law in terms of fixing the criteria of damage, its correlation with other types of criminal consequences of economic crimes, with civil categories. It has been established that damage is the least developed legal category, which is not given sufficient attention in the Decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, despite its legal and economic significance in the composition of economic crimes.*

Scientific and practical significance c*onsists in the fact that the resolution of the identified controversial and little-studied aspects of the criminal-legal assessment of damage is important for the science of criminal law and the proper functioning of the mechanism of legal protection of economic activity. The development of unified scientifically grounded qualitative and quantitative criteria of damage assessment will contribute to the improvement of law enforcement practice in cases of economic crimes.*

Keywords: *crimes in the sphere of economic activity, criminal and legal consequences, damage, lost profits, legislative gaps.*

Ensuring the right of a person with a legitimate interest in the outcome of a criminal case to collect "electronic evidence"

Bessonova Antonina Olegovna

Mission: *the purpose of the study is to explain the inconsistency of the so-called "theory of electronic evidence", which postulates the immutability of the investigative paradigm, the investigative form of criminal procedural proof, as well as the development of an alternative scientific project on the freedom of the parties in proving, including using "electronic evidence".*

Methodology: *the main methods of the study were dialectics and logic. In addition, the author used theoretical and methodological developments in the field of non-classical philosophy of law and process, including the cognitive theory of knowledge.*

Conclusions. *The construction of a new theory of evidence that meets the current level of development of digital technologies is impossible without discussing and resolving the issue of the degree of freedom of the parties to participate in proving, the degree of freedom of a person who has become a participant in the process in protecting his interests with evidence (electronic). Preservation of the investigative paradigm with an increase in the technical capabilities of the state to control the behavior of people leads to increased inequality of the parties in criminal proceedings and in proving. Only by changing the investigative model to an adversarial one can we really equalize the prosecution and the defense in collecting electronic and other evidence.*

Scientific and practical significance. *The scientific significance of the article lies in the development of a new theory of criminal procedural, judicial evidence in adversarial criminal proceedings. The practical significance of the study lies in proposals for changing the criminal procedural law of evidence.*

Keywords: *evidence, data, information, meaning, significance, purpose, interpretation, context, proof, parties, collection of evidence.*

Correction of drug offenders: gaps in criminal law regulation

Biryukov Ivan Igorevich

Mission: *the article presents the results of a research the specifics of the appointment and execution of punishments for crimes in the field of illegal defense of narcotic drugs, psychoactive substances and their precursors, the purpose of which is to develop proposals and recommendations aimed at improving the provisions of criminal legislation related to achieving the goal of criminal punishment in the form of correction of criminals in cases of its appointment for these types of socially dangerous acts. To achieve this goal, special attention is paid to the state of their penalization, the content of the concept of "correction" in relation to these types of criminals, as well as the shortcomings of the legislator's approach to fixing the types of punishment for drug crimes and regulating some of the features of their appointment at the present stage.*

Methodology: *the dialectical method and a set of general scientific (analysis, synthesis, induction, deduction, analogy), private scientific (statistical) and special legal (formal legal, method of interpretation of legal norms, historical and legal) methods.*

Conclusions. *The approaches to the penalization of drug crimes enshrined in the criminal law do not fully correlate with the priority directions of the development of the penal enforcement system and counteraction to drug addiction of the population, enshrined in the relevant strategic planning documents, including correction, medical rehabilitation and re-socialization of convicts. At the same time, the effectiveness of corrective action is primarily related to the elimination of the consequences of drug use and awareness of the public harmfulness and danger of drugs, which makes it possible to pay attention to the need to distribute alternative types of punishment to imprisonment against drug offenders, as well as to expand the practice of court prescribing measures aimed at both drug addiction treatment and medical and (or) social rehabilitation.*

Scientific and practical significance. *The conducted research made it possible to identify shortcomings in the regulation of the criminal legal consequences of the commission "drug crimes" in the context of a reasonable priority of corrective action on convicts. The obtained results and conclusions contribute to the expansion of scientific ideas about the content and criteria of penalization for this type of socially dangerous acts and can be used in the preparation of appropriate legislative changes.*

Keywords: *criminal law, anti-drug policy of the state, drug trafficking, drug offender, penalization, punishment, purpose of punishment, correction of convicts, forced labor, suspended sentence.*

Independent formation of personal evidence by the defense attorney during pre-trial criminal proceedings

Vasiliev Alexander Gennadievich

Mission: *development and substantiation of proposals for improving the criminal procedural regulation of the defense attorney's activities in independently forming personal evidence during pre-trial criminal proceedings.*

Methodology: *dialectical analysis, synthesis, deduction and induction.*

Conclusions. *1. Since it is impossible to talk about absolute independence or freedom of collecting personal evidence by the defense attorney during pre-trial criminal proceedings, only measures to improve the procedure for including the results of such defense attorney activities in the criminal procedural investigative mechanism for forming evidence can be considered acceptable. 2. If we consider personal evidence through the prism of the concept of "means of proof", then we can single out in its structure as an independent unit "person" – a person capable of providing information about the factual circumstances of the case. 3. It is quite sufficient to consider the purpose of forming personal evidence by the defense attorney to be the presentation by the defense attorney to the investigator of a person capable of giving testimony related to the subject of proof. 4. All derivatives – written personal evidence collected by the defense attorney independently in the ways stipulated by the current legislation, cannot claim the status of a means of proof and serve only as a basis for satisfying the defense attorney's motion to interrogate an informed person and for other investigative and procedural actions. 5. Strengthening the guarantees for satisfying the defense attorney's motion to interrogate a person identified by him who is capable of certifying facts significant for the case should be the subject of improving positive criminal procedural law.*

Scientific and practical significance. *The scientific significance of the research is to contribute to the development of ideas about the concept of personal criminal procedural evidence, which corresponds to the traditions of the national theory of criminal procedural evidence. The author's proposal to amend the Criminal Procedure Code of the Russian Federation can be used in lawmaking. The author's conclusions regarding the optimal model of behavior of a defense attorney to implement his opportunity to include in the process of proof a person capable of testifying in favor of his client can be used in advocacy practice.*

Keywords: *personal evidence, means of proof, formation of evidence, defense attorney, petition, testimony, protocol, document, questioning of a person, expert opinion.*

Socially destructive information disseminated through information and telecommunication technologies and the Internet: criminological analysis

Trushina Irina Olegovna

Mission: *to carry out a criminological analysis of socially destructive information disseminated through information and telecommunication technologies and the Internet. Identify the main signs of socially destructive information, goals and ways of its dissemination. To identify some problems in regulating the dissemination of such information through information and telecommunication technologies and the Internet, and to propose ways to solve them.*

Methodology: *the scientific article is based on the principles of dialectical cognition, methods of analysis, synthesis, and formal law.*

Conclusions. *the author has tried to characterize the main features of socially destructive information disseminated through information and telecommunication technologies and the Internet. In the course of the study, it was found out that it is necessary to legally consolidate the definition of socially destructive information in order to regulate its dissemination.*

Scientific and practical significance. *The formed signs and definition of socially destructive information can form the basis of legislation in the field of regulating its dissemination through information and telecommunication technologies and the Internet. The information received may contribute to improving measures aimed at countering the dissemination of socially destructive information in open sources, as well as countering extremist, terrorist and other illegal activities on the territory of the Russian Federation.*

Keywords: *socio-destructive information, information and telecommunication technologies, the Internet, criminological analysis.*

Typology of forensic information and features of its transformation

Shevyrtalov Egor Pavlovich

Mission: *1) to make adjustments to the definition of "forensic information" presented earlier; 2) to establish the place of forensic information in the classification of law enforcement information, to establish the relationship of such categories as "operational information", "investigative information" and "forensic information"; 3) identify the types of forensic information and identify the features of the mechanism of transformation (transition) from one type to another; 4) to consider the concept of "information field" and to provide possibilities for improving the procedure for decoding relevant information obtained from a source of forensic information.*

Methodology: *universal dialectical method, analysis, synthesis, induction, deduction, abstraction and modeling, as well as classification methods.*

Conclusions. *1) Criminalistic information is changes in criminalistically significant objects due to their interaction during a criminal act, the study of which helps to reduce the level of information uncertainty in the mindset of the person conducting the investigation. 2) Law enforcement information includes It includes several types of information, some of which are: operational, forensic and investigative. It should be noted that if operational and forensic information are in relation to intersection, then forensic and investigative information are in relation to subordination. 3) Forensic information can be presented in three types: orienting, evidentiary and reference. The transition (transformation) from one type to another is carried out in strict sequence and using a number of procedures, including those established by criminal procedure norms. 4) Information fields should be considered not only as a carrier of homogeneous physical information, but also as a carrier of various types of forensic information, which in turn makes it possible to decode relevant information more efficiently.*

Scientific and practical significance. *The results presented in this paper contribute to the deepening of theoretical knowledge about the features of information processes occurring in the criminalistic cognition of criminal acts, which in turn has a positive effect on the effectiveness of the investigation.*

Keywords: *criminalistic cognition, law enforcement information, criminalistic information, transformation of criminalistic information, information field of the source of criminalistic information.*

A few words about the Fifth Dolgov Readings

Kibalnik Alexey Grigorievich

Mission: *to analyze the materials of the 5th Dolgova's Readings held in March 2025 at the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation.*

Methodology: *analysis of scientific activity, identification of significant contribution to the development of domestic legal science.*

Conclusions. *Scientific readings dedicated to the memory of Azalia Ivanovna Dolgova have become a real phenomenon in the domestic criminological and criminal-law doctrine. Each time they attract special attention from representatives of the criminological and criminal-law scientific community. The 5th Dolgova's Readings, held in the year of the 80th anniversary of the Victory in the Great Patriotic War, were dedicated to the historical memory of this Event, and its significance for the contemporary geopolitical situation.*

Scientific and practical significance *of the article lies in the presentation of the most significant materials of the readings dedicated to the fight against crimes against the peace and security of mankind and the historical memory of the Great Victory.*

Keywords: *Dolgova's Readings, University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Great Patriotic War, historical memory, crimes against the peace and security of mankind.*

The transformation of military criminal law requires a transformation in the training of lawyers in criminal law sciences

Zakomoldin Ruslan Valerievich

Mission: *to review the publication "Abdulkhanyanov I. A., Brazhin Yu. Yu., Dubov E. I. Criminal Legislation of the Russian Federation in the Context of a Special Military Operation: A Practical Guide. – Moscow: Prospekt Publishing House, 2025. – 133 p.," prepared by members of the Union of Criminalists and Criminologists based at the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia and the National Research Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky.*

Methodology: *includes analysis of military criminal law, a systematic approach to assessing relevant terminology, and content analysis of existing scientific publications on the criminal law support of special military operations.*

Conclusions. *The special military operation inevitably affected the criminal law sphere, becoming a starting point and a new milestone in the reform of criminal and military criminal legislation in order to ensure adequate criminal law regulation and criminal law enforcement in changing conditions. In this regard, the educational process for training legal scholars should adequately reflect objective reality and take into account the processes taking place in the course of training in criminal law disciplines.*

Scientific and practical significance. *The scientific significance lies in understanding the processes taking place and their regulatory and legal regulation, understanding trends and patterns, and clarifying state (including criminal) policy. The practical significance lies in ensuring the prevention and elimination of gaps and flaws in lawmaking and legislative activities and in law enforcement practice, improving the training of highly qualified lawyers, systematizing training materials, ensuring that students acquire the necessary knowledge and master the relevant law enforcement skills, including the classification of crimes committed under the special conditions of a special military operation.*

Keywords: *legal education, criminal law sciences, criminal law, military criminal law, special military operation.*

Legality from a "voluntarist" and a "black market star"

Zvyagintsev Alexander Grigorievich

Mission: *to consider the personalities of currency speculators, whose activities forced the leadership of the USSR to tighten criminal legislation, to assess the relevant historical events.*

Methodology: *historical and legal, deduction, induction, analysis.*

Conclusions. *The author of the essay tells about the events of the Soviet era, when the Currency Traders case, or the Rokotov –Faibishenko– Yakovlev case broke nationwide.*

Scientific and practical significance. *The work presents the author's reflections on historical events and the activities of Soviet government authorities, which made it possible to stop scams of the "black market stars".*

Keywords: *USSR, N. Khrushchev, criminal legislation, currency speculation, black market.*

On the anniversary of the scientist, teacher, friend and person Viktor Nikolaevich Grigoriev

Zaitsev Oleg Aleksandrovich, Maximov Oleg Aleksandrovich, Sarsenbayev Talgat Yesenalievich

Mission: *the purpose of this article is to provide an overview of the professional, scientific and pedagogical activities of the famous Russian scientist in the field of criminal procedure and forensic science Viktor Nikolaevich Grigoriev.*

Methodology: *dialectics, analysis, synthesis, deduction.*

Conclusions. *Professor V. N. Grigoriev is an outstanding scientist and teacher who makes a significant contribution to the development of the doctrines of criminal procedure and forensic science and plays an important role in the training of both legal and scientific, pedagogical and scientific personnel. V. N. Grigoriev wrote and published a significant number of scientific, educational and educational-methodical works, and under his sensitive guidance new scientific directions are being developed, a scientific school functions.*

Scientific and practical significance. *This article analyzes the outstanding scientific and pedagogical achievements of Professor V. N. Grigoriev, shows their importance for the further development of criminal law sciences, the reproduction of legal personnel of the highest qualification.*

Keywords: *Viktor Nikolaevich Grigoriev, forensics, criminal procedure, publications, concept, theory, initial investigative actions, detention of a suspect, investigation in emergency situations, purpose of criminal procedure, stories about scientists.*

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ ДЛЯ АВТОРОВ ЖУРНАЛА «СОЮЗ КРИМИНАЛИСТОВ И КРИМИНОЛОГОВ»

I. Аннотация

Текст аннотации — **от 1500 до 3000 знаков.**

Обязательные разделы аннотации:

1. Цель.
2. Методология.
3. Выводы.
4. Научная и практическая значимость.
5. Ключевые слова.

Ключевые слова: *10–12 слов и словосочетаний (словосочетания — не более двух слов).*

Автор переводит аннотацию на английский и немецкий языки самостоятельно. Редакция оставляет за собой право попросить автора улучшить представленный перевод.

Перевод названий разделов аннотации

Английский язык	Немецкий язык
Abstract	Abstrakt
Mission	Ziel
Methodology	Methodologie
Conclusions	Schlussfolgerungen
Scientific and practical significance	Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung
Keywords	Stichwörter

Перевод на дополнительный язык также возможен по желанию автора и его силами и средствами.

II. Статья

Сведения об авторе, которые необходимо указывать:

ФИО автора, должность, место работы, ученую степень и звание, электронную почту (обязательно).

Объем статьи не менее 10 страниц: шрифт — Times New Roman, высота шрифта — 14 пунктов; межстрочный интервал — полуторный; абзацный отступ — 1,25 см; поля: верхнее — 2 см, нижнее — 2 см, левое — 2,5 см, правое — 1 см. Объем не менее 27 000 знаков с аннотацией. Максимальный объем статьи — не ограничен. ***Важно:*** в случае, если статья превышает 20 страниц, она должна быть разбита на разделы (название и количество разделов — на усмотрение автора).

III. Ссылки

Ссылки и список литературы — даются на русском и английском языках. Переводятся автором самостоятельно.

Название раздела: «Ссылки и библиография» (Referencies).

Ссылки и список литературы размещаются в конце в хронологическом порядке. На все источники из списка литературы должны быть ссылки в тексте. При этом в тексте в квадратных скобках указывается номер источника в списке литературы и страница источника.

Пример: [5, с. 425–426].

В списке литературы указываются только монографии и научные статьи (в том числе и опубликованные в электронных источниках). В списке литературы не указывать учебники и газетные публикации. Законы, ГОСТы, инструкции, учебники, газетные публикации можно указывать только в постраничных сносках (нумерация сквозная по документу). Оформление ссылок на русском языке осуществляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

При переводе на английский язык указывается как ее перевод, так и транслитерация, проведенная с помощью одной из принятых международных систем транслитерации (**www.translit.ru**, меню **Варианты**, пункт **BSI**). В переведенной ссылке лучше указывать английское название журнала (если оно есть) или его транслитерацию. Проверить наличие английского названия у журнала можно на ресурсе **www.elibrary.ru**

Пример оформления ссылки на русском и английском языках:

Качалов В.В. Уголовная ответственность юридических лиц: критический анализ аргументов против // LexRussica. 2016. № 12. С. 32–38.

Kachalov V.V. Ugolovnaya otvetstvennost' yuridicheskikh lits: kriticheskii analiz argumentov protiv [The criminal liability of legal entities: a critical analysis of the arguments against]. *Lex Russica,* 2016, no. 12, pp. 32–38. (In Russian, abstract in English)